

A detailed historical map of Saint-Petersburg, Russia, showing the city's layout along the Neva River and its various canals. The map includes labels for 'Isle', 'Grande', 'Mouka', 'La Fontanka R.', 'Neva R.', and 'La Petite Neva R.'. The city's grid and numerous buildings are visible.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

14

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2023

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

BULLETIN

№ 14

RESCUE ARCHAEOLOGY

ST. PETERSBURG

2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 14

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2023

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023

Рецензенты:

А. В. Поляков (ИИМК РАН)
И. Л. Тихонов (Институт истории СПбГУ)

Ответственный редактор: Н. Ф. Соловьева

Технический редактор, оформитель: С. Л. Соловьев
Корректор: А. О. Поликарпова

Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук:
(охранная археология). [№] 14 / науч. ред. Н. Ф. Соловьева, С. Л. Соловьев;
ИИМК РАН. – СПб.: Изд-во ООО «Невская Типография», 2023. – 280 с. : ил.

Bulletin of the Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences:
(rescue archaeology). [№] 14 / ed. by N.F. Solovyova, S.L. Solovyev;
IHMC RAS. – SPb.: Publishing House LLC «Nevsky Printing House», 2023. – 280 pp. : ill.

ISBN 978-5-6049788-9-4

Периодическое издание посвящено охранно-археологической деятельности ИИМК РАН по изучению культурного наследия России. Четырнадцатый номер бюллетеня представляет результаты археологических исследований объектов культурного наследия Санкт-Петербурга и его окрестностей, а также других регионов России, которые были осуществлены Центром спасательной археологии ИИМК РАН в сотрудничестве с другими научными, образовательными и государственными организациями в 2018–2023 гг.

Издание предназначено для историков, археологов, государственных служащих, частных предпринимателей и широкого круга читателей, заинтересованных в научной и достоверной информации об истории России и состоянии памятников ее культуры.

This periodical is dedicated to the rescuing and archaeological activities of the Institute for the History of Material Culture (IHMC) RAS in studies of the cultural heritage of Russia. The fourteenth issue of the Bulletin presents the results of archaeological investigations of the cultural heritage of St. Petersburg and its surroundings, as well as other regions of Russian Federation, carried out in 2018–2023 by the Center for Rescue Archaeology of IHMC RAS in collaboration with other scientific, educational and public organizations.

This publication is intended for historians, archaeologists, government employees, private entrepreneurs and a wide circle of readers interested in reliable scientific information on history of Russia and the state of the monuments of its culture.

ISBN 978-5-6049788-9-4

**УДК 902/904
ББК 63.4**

© ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 2023
© Центр спасательной археологии ИИМК РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Археологические исследования в Санкт-Петербурге и на Северо-Западе России

**Новые данные об утраченных кладбищах XVIII–XIX вв. на территории Петербурга
по результатам разведок 2020–2023 гг. 9**
М.И. Бажин, А.А. Гуцин, Е.Ю. Кононович, А.М. Смирнов

Исследования в Тихвине и Приозерске в 2022 г. 23
Ст.А. Васильев, Н.В. Григорьева, М.С. Павлова, С.А. Семенов

**Булыжное мощение в контексте развития дорожного строительства Петербурга
по материалам городских археологических работ ИИМК РАН 69**
М.Е. Глухов

**Новые исследования каменных лабиринтов и связанной с ними
народной традиции в Ленинградской области 77**
В.Г. Мизин

Доследование длинного кургана в группе Турово-6 под Лугой 81
Е.Р. Михайлова

**Новые материалы к археологической карте Ленинградской области
(по результатам исследований 2022 г.) 87**
С.А. Семенов, Ст.А. Васильев, Н.В. Григорьева, М.С. Павлова

**Селище Дивенский 2. Материалы к археологической карте
Ленинградской области 171**
И.С. Стасюк, С.А. Семенов, Ст.А. Васильев

Археологические исследования в регионах России

Археологические разведки в акватории морского порта Тамань в 2023 г. 177
В.В. Вахонеев, П.А. Горбунов, С.Л. Соловьев, В.М. Петровский

Археологические исследования античного города Акра в 2023 г. 187
В.В. Вахонеев, С.Л. Соловьев

Работы ИИМК РАН в Калининграде и Калининградской области 191
А.В. Субботин, Н.А. Боковенко, Р.В. Филиппенко

Археологические разведки в Юго-восточном пригороде Херсонеса в 2023 г. 209
М.А. Топоривская, В.В. Вахонеев

Междисциплинарные исследования

**Методика научного описания нумизматических находок,
зарегистрированных при наблюдении за земляными работами
экспедицией ИИМК РАН в Твери на ул. Чернышевского в 2019 г. 215**
К.В. Горлов, К.В. Хлуднев, М.И. Бажин

Комплектование и учет археологических коллекций в ИИМК РАН (2018–2023 гг.)	221
<i>К. В. Конончук, А. Ф. Покровская, Т. Б. Крылова, М. И. Бажин, А. Р. Лада, Т. В. Корнева, Д. С. Филимонова, Е. С. Бердник</i>	
Развитие методики научного описания и анализа палеолитических находок на примере коллекции стоянки Ирба 2	231
<i>Т. В. Корнева</i>	
Кожаные предметы из детинца Новогрудка по раскопкам Ф. Д. Гуревич в 1962 и 1985 гг.	235
<i>А. В. Курбатов</i>	
Коллекция кожи из раскопок на ул. Лабутина, д. 5, в Санкт-Петербурге в 2022 г.	251
<i>А. В. Курбатов</i>	
Неолитическая стоянка Валдайской археологической культуры Зехново I в Осташковском районе Тверской области. Возвращение в исследовательское пространство (актуализация) коллекции материалов раскопок середины 1970-х гг., хранящейся в ИИМК РАН	263
<i>В. Я. Шумкин, Т. Б. Крылова, Е. Ю. Медникова</i>	
Список сокращений	278
Список авторов	279

CONTENTS

Archaeological Investigations in St. Petersburg and in Northwestern Russia

New data on the lost cemeteries of the XVIII–XIX centuries on the territory of St. Petersburg according to the results of survey in 2020-2023 9

M.I. Bazhin, A.A. Gushchin, E. Yu. Kononovich, A.M. Smirnov

Research in Tikhvin and Priozersk in 2022 23

St.A. Vasiliev, N.V. Grigorieva, M.S. Pavlova, S.A. Semenov

Cobblestone paving in the context of the development of road construction in St. Petersburg based on the materials of urban archaeological works of the IHMC RAS 69

M.E. Glukhov

New studies of stone labyrinths and related folk traditions in the Leningrad Region 77

V.G. Mizin

Further investigation of the long mound in the Turovo-6 group near Luga 81

E.R. Mikhailova

New materials for the archaeological map of the Leningrad region (based on research results in 2022) 87

S.A. Semenov, St.A. Vasiliev, N.V. Grigorieva, M.S. Pavlova

The site of Divensky 2. Materials for the archaeological map of the Leningrad Region 171

I.S. Stasyuk, S.A. Semenov, St.A. Vasiliev

Archaeological Investigations in Russian Regions

Archaeological survey in the waters of the seaport of Taman in 2023 177

V.V. Vakhoneev, P.A. Gorbunov, S.L. Solovyev, V.M. Petrovsky

Archaeological research of the ancient city of Acra in 2023 187

V.V. Vakhoneev, S.L. Solovyev

Research of the IHMC RAS in Kaliningrad and the Kaliningrad region 191

A.V. Subbotin, N.A. Bokovenko, R.V. Filippenko

Archaeological survey in the Southeastern suburbs of Chersonesos in 2023 209

M.A. Toporivskaya, V.V. Vakhoneev

Interdisciplinary Studies

Methodology of scientific description of numismatic finds registered during the observation of earthworks by the expedition of the IHMC RAS in Tver on Chernyshevsky St. in 2019 215

K.V. Gorlov, K.V. Khudnev, M.I. Bazhin

Acquisition and accounting of archaeological collections in the IHMC RAS (2018–2023)	221
<i>K. V. Kononchuk, A. F. Pokrovskaya, T. B. Krylova, M. I. Bazhin, A. R. Lada, T. V. Korneva, D. S. Filimonova, E. S. Berdnik</i>	
Development of the methodology of scientific description and analysis of Paleolithic finds on the example of the collection of the Irba 2 site	231
<i>T. V. Korneva</i>	
Leather objects from the Novogrudok detinets excavated by F. D. Gurevich in 1962 and 1985	235
<i>A. V. Kurbatov</i>	
Collection of leather from excavations on Labutina str., 5 in St. Petersburg in 2022	251
<i>A. V. Kurbatov</i>	
Neolithic site Zechново I of the Valdai archaeological culture in the Ostashkovsky district of the Tver region. Return to the research space (updating) of the collection of excavation materials from the mid-1970s, stored in the IHMC of the RAS	263
<i>V. Ya. Shumkin, T. B. Krylova, E. Yu. Mednikova</i>	
List of Abbreviations	278
List of Authors	279

Археологические исследования в Санкт-Петербурге и на Северо-Западе России

Новые данные об утраченных кладбищах XVIII–XIX вв. на территории Петербурга по результатам разведок 2020–2023 гг.¹

М. И. Бажин², А. А. Гущин³, Е. Ю. Кононович⁴, А. М. Смирнов⁵

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023-9-22

Изучение историко-культурного наследия города неразрывно связано с историческими кладбищами, утраченными или вовсе неизвестными. Вопрос возникновения и функционирования ранних петербургских кладбищ занимает одно из ключевых мест в изучении истории города. Места и способы захоронения, особенности погребального обряда и методы организации похоронного дела отражают процесс формирования городской среды раннего Петербурга, иллюстрируют особенности строительства, заселения и роста нового города.

Согласно информации из Писцовых книг начала XVI в., картографическому материалу и археологическим данным на территории современного Петербурга в XV–XVII вв. существовала развитая сеть постоянных поселений, хотя система расселения в Приневье оставалась в это время весьма неплотной. В пределах нынешнего города, по письменным

источникам, известны несколько десятков деревень (Сорокин, 2008. С. 355). Очевидно, что при средневековых поселениях существовали и кладбища. Археологически подтверждено существование четырех кладбищ допетровского периода: на левом берегу Фонтанки, на Стрелке Васильевского острова, в устье Охты и в Павловске (Сорокин, 2008. С. 89). Весьма вероятно, что некоторые из кладбищ допетровской эпохи продолжали действовать и некоторое время после основания города, а первые городские кладбища, в свою очередь, могли возникнуть на традиционных местах захоронения местного населения. Однако на сегодняшний день такие случаи археологически не подтверждены.

Потребность в кладбищах естественным образом возникла с первых дней основания Санкт-Петербурга. Тем не менее первое десятилетие своего существования город обходился без регулярных узаконенных мест захоронений. Экстраординарные условия строительства нового города породили столь же необычные формы погребального обряда, ярко описанные иностранцами, посещавшими город в то время (Кобак, Приютко, 2009. С. 22). Места захоронений первого десятилетия жизни Петербурга были открыты благодаря археологическим изысканиям. В 2011 г. было изучено гражданское кладбище на Большой Посадской улице (Лапшин, 2019. С. 259–262), в 2012 г. были исследованы склепы у церкви Благовещения на Васильевском острове (Блохин, Поликарпова, 2013. С. 24), а в 2014 г. открыто кладбище «первых строителей Петербурга» на Петроградском острове (Лапшин, 2019. С. 262–265) (рис. 1).

И все же новый город не мог обходиться без регулярных кладбищ длительное время. Первое крупное приходское кладбище возникло в 1710 г. при новопостроенной часовне Святого Сампсония на Выборгской стороне. Вскоре вслед за Сампсониевским возникли еще и другие приходские

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0016 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологии».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: bazhinmaxim7@gmail.com.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: s85@list.ru.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: kononovichekaterina@gmail.com.

⁵ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: alexandr.m.smirnov@gmail.com.

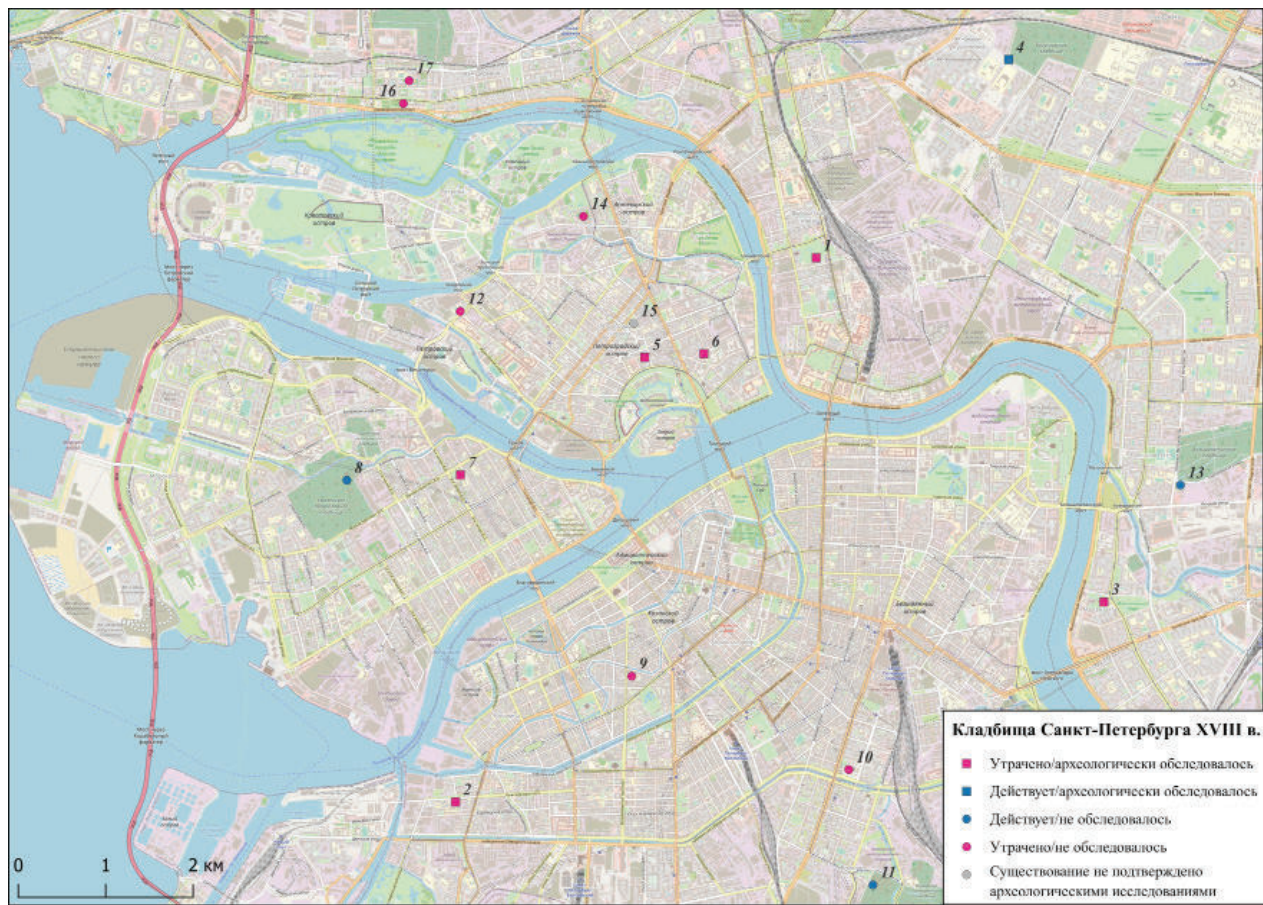

Рис. 1. Известные кладбища XVIII в. на карте центральной части Санкт-Петербурга: 1 – Сампсониевское; 2 – Калинкинское; 3 – Малоохтинское; 4 – Богословское; 5 – «кладбище строителей Петербурга»; 6 – кладбище на Большой Посадской ул.; 7 – Благовещенское на Васильевском острове; 8 – Смоленское кладбище; 9 – Вознесенское; 10 – Ямское (Предтеченское); 11 – Волковское; 12 – Колтовское; 13 – Большеохтинское; 14 – Карповское; 15 – Матфиевское; 16 – Благовещенское в Старой Деревне; 17 – Стародеревенское

кладбища: Ямское в 1719 г., Калинкинское в 1721 г. и Вознесенское в 1728 г. (Кобак, Приютко, 2009. С. 22) (рис. 1). Приходские кладбища возникали спонтанно как традиционный способ организации погребального пространства. Так, на Петербургском острове около 1732 г. назначалось место для нового кладбища при Матфиевской церкви в слободе Белозерского пехотного полка, связано это было с трудностями при перевозе усопших «от штурмов на р. Неве и в разлитии внешней воды жителям в перевозах усопших телес бывает немалая трудность». Однако уже весной следующего года место это признали «низким и водяным» и вновь было велено хоронить при церкви Преображения Господня в Колтовской слободе (Кобак, Приютко, 2009. С. 15). Археологические разведки по поиску остатков храмов на территории Матвеевского сада проведенные П.Е. Сорокиным показали, что вблизи церкви, освященной в начале XIX в., не хоронили, однако исследователь отметил, что кладбище стоит

искать на месте телефонной станции (Сорокин и др., 2009. С. 71). Археологические разведки, проведенные Отделом охранной археологии в рамках хозяйственных работ по прокладке сетей освещения в 2021 г. в границах Матвеевского сада и вблизи телефонной станции, также не подтвердили существования на данном месте кладбища, во всяком случае, обширного и действующего продолжительное время.

Правительство Петербурга неоднократно предпринимало попытки регулирования мест и практик захоронения в городе. Так, по итогам работы Комиссии о Санкт-Петербургском строении в 1738 г. Святейший синод выпустил указ, узаконивший пять приходских кладбищ (Дело, 1740). Тем не менее уже вскоре были изданы указы, запрещающие хоронить на большинстве существовавших кладбищ. Вознесенское и Калининское кладбища были закрыты в 1746 г., Ямское – десятью

годами позже. Таким образом, большинство приходских кладбищ к середине XVIII в. прекратило свое существование.

Хотя в письменных источниках информации о кладбищах второй четверти XVIII в. существенно больше, чем о самых ранних петербургских захоронениях, ряд вопросов, связанных с ними, может быть разрешен лишь археологическими методами. Зачастую не известны или не были известны конкретные местоположения и реальные границы этих кладбищ. В подтверждении нуждается и датировка, так как реальный период функционирования кладбищ мог быть длительнее, чем обозначенные в документах рамки.

Сампсониевское кладбище

В 2018–2019 гг. сотрудниками ИИМК РАН были проведены раскопки части Сампсониевского кладбища в Нейшлотском переулке. Общая площадь памятника, исследованная раскопками, составила 1750,89 кв. м. В границах раскопа открыто 595 погребений XVIII в. (Филиппенко, 2021. Л. 2–3). В марте 2023 г. была проведена дополнительная археологическая разведка вблизи дома по адресу Нейшлотский пер., д. 3, построенного на месте исследованного участка Сампсониевского кладбища. С целью уточнения границ памятника было заложено два шурфа (рис. 2).

Шурф 1 располагается в 13 м к востоку от границы исследованного участка Сампсониевского православного кладбища (ОКН «Участок культурного слоя XVIII–XIX вв. с сохранившимися историческими захоронениями») на внутриворотовой территории, около юго-западного угла сквера с детской площадкой, расположенной между домами № 3 и 5 по Нейшлотскому пер. В данном шурфе погребения не обнаружены.

Шурф 2 был заложен в 5 м восточнее границы исследованного участка Сампсониевского православного кладбища на действующем автомобильном проезде, ведущем от Нейшлотского пер. на территорию автосервиса (Нейшлотский пер., д. 5а). Шурф имел размеры 2 × 1 м и был ориентирован по оси проезда СС3–ЮЮВ. На отметке 3,94 м БС в материковом слое светло-коричневой супеси с ожелезнением были обнаружены контуры погребения, уходящие в юго-западную стенку, ориентированные по оси запад–восток. Других погребений в шурфе 2 не обнаружено. Остальная площадь шурфа к северо-востоку от могилы представляет собой стерильную материковую поверхность. По результатам данной разведки была установлена реальная восточная граница Сампсониевского православного кладбища, а территория ОКН расширена до пустого шурфа 1 (рис. 2).

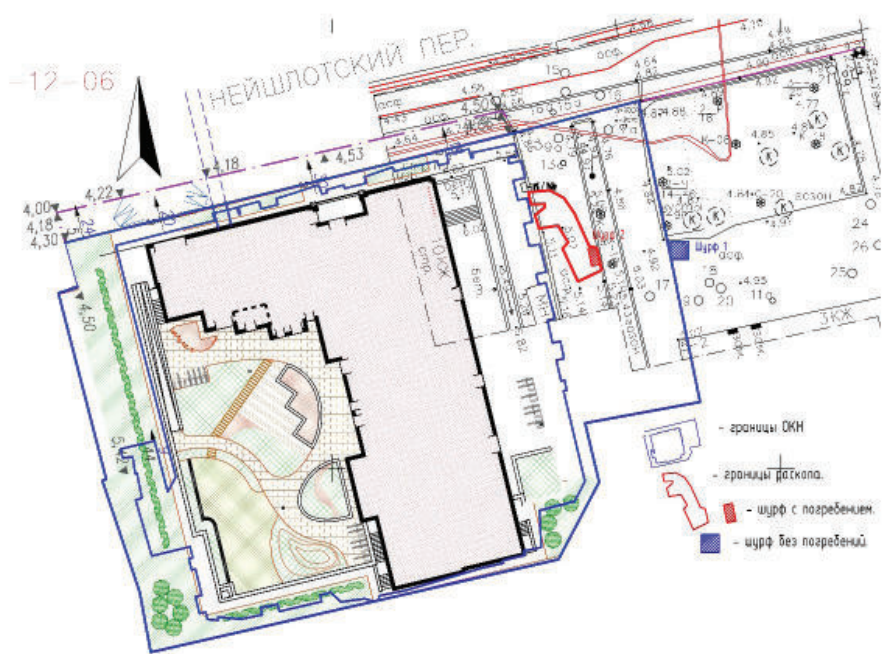

Рис. 2. Нейшлотский пер., д. 3, 2023. Топографический план ОКН «Участок культурного слоя XVIII–XIX вв. с сохранившимися историческими захоронениями»

В июле 2023 г. были проведены раскопки под прокладку коммуникаций от границы исследованного участка Сампсониевского православного кладбища до шурфа 2, в котором было обнаружено погребение. В результате работ было обнаружено 10 погребений в крайне плохой сохранности (рис. 3). Семь погребений, попадающие в трассу траншеи коммуникаций, были полностью исследованы. Три погребения были обнаружены в прирезках, частично уходили в стенки раскопа и в границы будущей траншеи не попадали, в связи с чем были законсервированы. Погребения были выполнены по обряду ингумации, преимущественно в деревянных гробах. В погребении 4 был обнаружен нательный

крест медного сплава, в погребении 5 – фрагменты нательного креста медного сплава. Согласно антропологической экспертизе все останки принадлежали взрослым индивидам. Из-за плохой сохранности костей пол и возраст определить затруднительно.

Богословское кладбище

В 2023 г. при проведении разведывательных работ на пр. Непокоренных были уточнены границы Богословского кладбища. Исходя из результатов историко-архивных изысканий, территория современного Богословского кладбища несколько раз расширялась. На начальном этапе, в 1841 г., земельный участок для нового кладбища был

Рис. 3. Нейшлотский пер., д. 3, 2023. План раскопа 2023 г. на территории Сампсониевского кладбища. План выявленных захоронений

приобретен у вдовы Марии Мейер (План, 1880). Указанный земельный участок, согласно документации, хранящейся в ЦГИА, представлял собой трапецию, ориентированную длинной стороной по оси ЗСЗ–ВЮВ, примыкающий западной стороной к створу старой Муринской дороги. Площадь участка составила 24000 квадратных саженей. Геометрическая конфигурация участка, площадь, а также точные длины сторон, указанные в архивных документах, позволяют осуществить точную привязку к современной топографической основе за счет совмещения с немецкой аэрофотосъемкой, на которой контур изначальных границ кладбища читается в виде зрелого леса (рис. 4). На основании указанного совмещения был сделан вывод о высокой вероятности выявления захоронений к югу от современных границ Богословского кладбища – в районе пересечения Бестужевской и Богословской ул., где были заложены разведывательные археологические шурфы. Выявленные при закладке археологических шурфов 1 и 3 захоронения (рис. 5; 6) относятся к участку Богословского кладбища, утраченному в результате изменения ландшафта, примыкающего к кладбищу со стороны Бестужевской ул. (рис. 7).

Рис. 4. Непокоренных пр., д. 17, 2023. Наложение трассы обследования на аэрофотоснимок 1942 г.

Малоохтинское кладбище

С 2020 г. на территории Малой Охты ведутся работы по изучению Малоохтинского православного кладбища, считавшегося полностью утраченным в результате строительства жилого комплекса в начале 2000-х гг. Согласно картографическим материалам периода XIX в., удалось определить примерные исторические границы некрополя. Работы 2020 г. выявили участок юго-восточного окончания кладбища (Глухов и др., 2020. С. 28), работы 2021 г., выполненные вдоль Перевозного переулка в районе юго-восточной части кладбища, подтвердили сохранность погребений под дорожным и тротуарным полотном на глубине около 5,00 м БС, частично уничтоженных подземными коммуникациями. Работы 2022 г., проведенные на территории Малоохтинского парка, также подтвердили хорошую степень сохранности захоронений на значительной территории центральной и западной части в границах исторического кладбища (рис. 8). Дневная поверхность парка спланирована, характер техногенный. Согласно топографическим планам 60–80-х гг. XX в., дневная поверхность была поднята к моменту исследований более чем на 1 м. С целью выявления границ Малоохтинского православного кладбища было заложено три археологических шурфа у предполагаемых северных исторических границ исследуемого кладбища и один шурф за пределами для уточнения отсутствия или наличия сохранившегося культурного слоя в окрестностях утраченного исторического кладбища.

Шурф 1 был размещен на углу северо-восточной исторической границы утраченного кладбища. Под слоем техногенных напластований мощностью более 1 м залегала погребенная почва. Данный слой можно отнести к периоду функционирования Малоохтинского православного кладбища, в нем прослежены могильные ямы. По верху слоя была расчищена могильная конструкция, включающая металлический надмогильный крест, остатки клумбы, в составе находок посуда стеклянная, глиняная, деревянные резные детали. Данные изделия, несомненно, относятся к оформлению могилы и остаткам тризны. Исходя из типологического анализа креста, захоронение было совершено в XIX в. Дальнейшие работы были остановлены с целью недопущения вскрытия захоронений.

Шурф 2 был расположен в северо-западной части участка обследования, у оконечности утраченного кладбища. Данный участок кладбища ближе всего подходил к существующей здесь в XVIII–XIX вв. каменной (ранее деревянной) церкви Св. Марии Магдалины, из чего можно

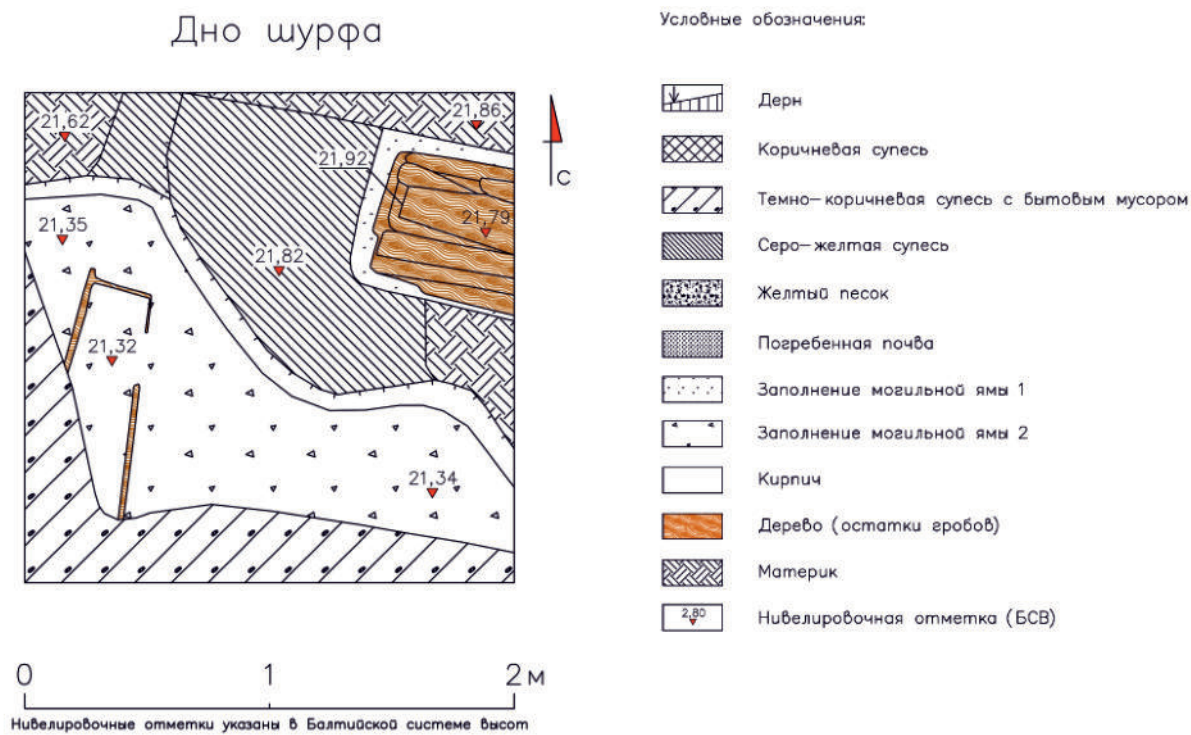

Рис. 5. Непокоренных пр., д. 17, 2023. Шурф 3. План на уровне выявления крышки гроба

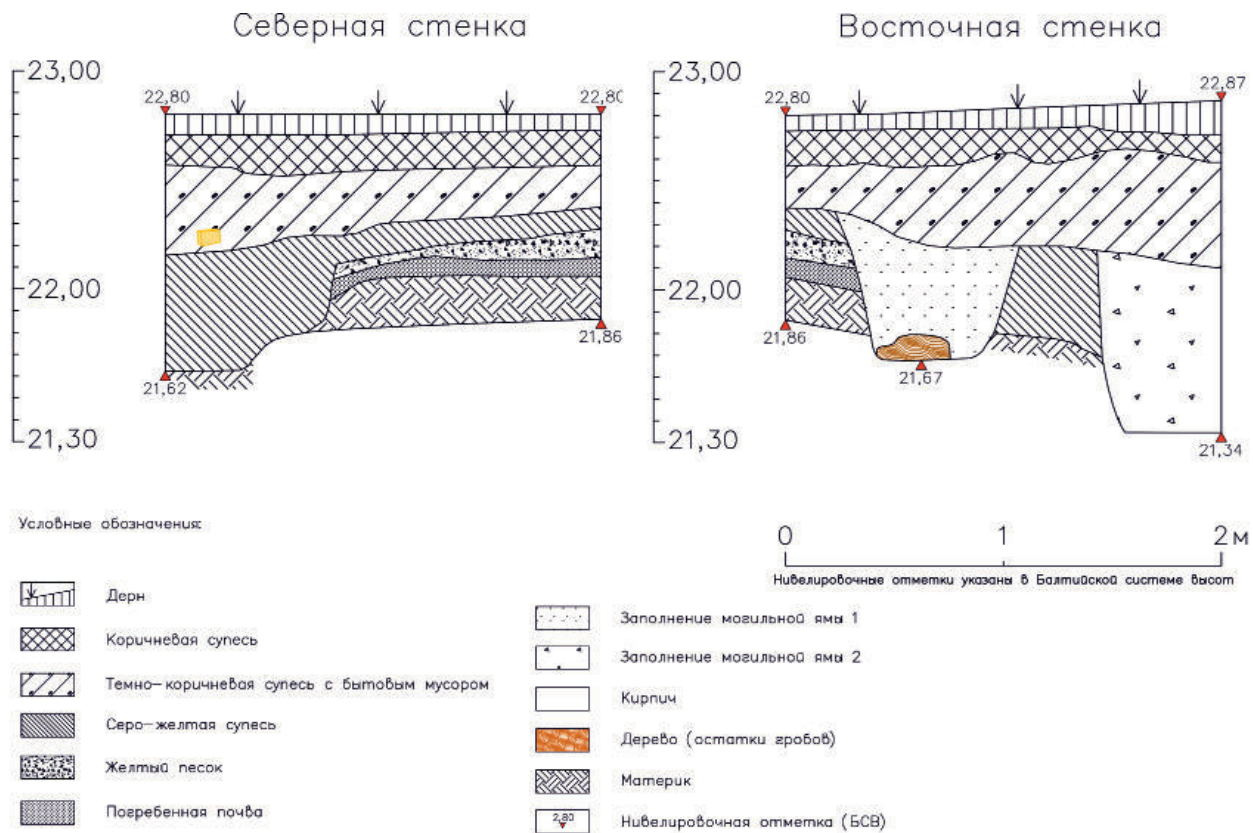

Рис. 6. Непокоренных пр., д. 17, 2023. Шурф 3. Стратиграфия северной и восточной стенок шурфа

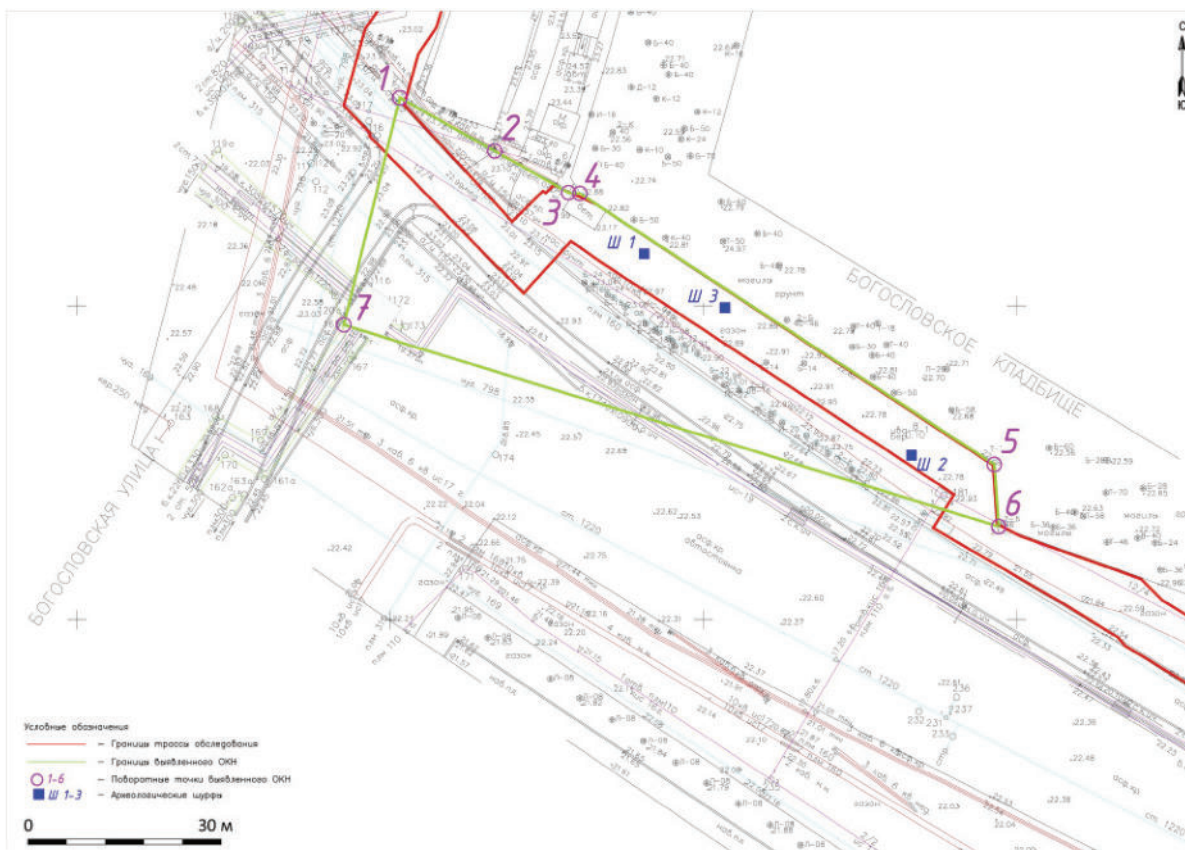

Рис. 7. Непокоренных пр., д. 17, 2023. Топографический план с указанием трассы обследования, мест заложения археологических шурфов и границ выявленного ОКН

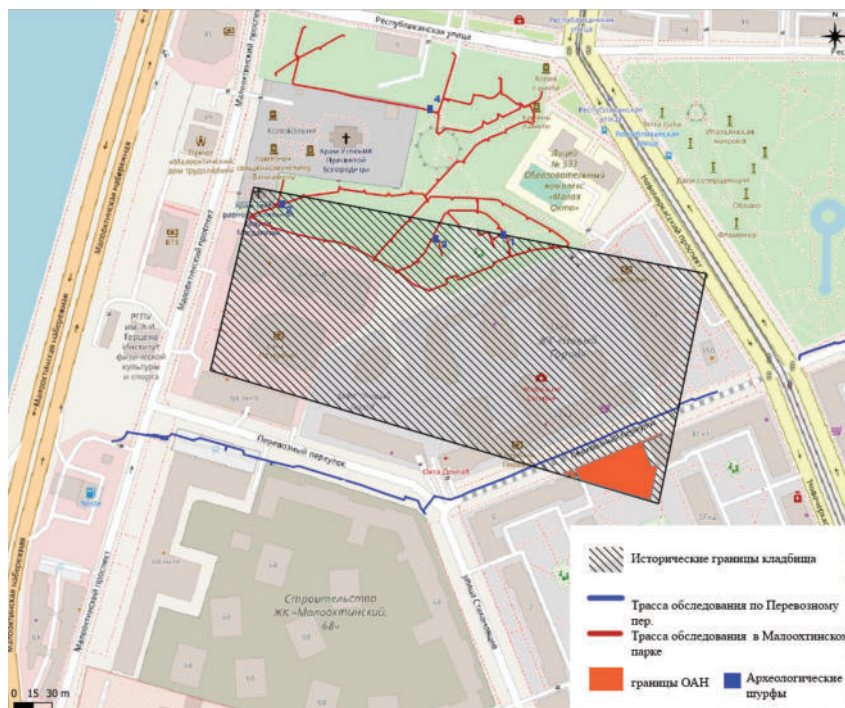

Рис. 8. Малоохтинский парк, 2022. План исторических границ Малоохтинского кладбища на современной картографической подоснове (OSM) с показанием археологических шурфов

сделать вывод, что западная и северо-западная части кладбища наиболее ранние. Высотная отметка дневной поверхности 6,52 м БС. С уровня погребенной почвы, на отметках 4,93–4,95 м БС, было зафиксировано пятно могильной ямы, остатки погребенной почвы и сплошной перекоп практически по всей площади шурфа. В перекопе, состоящем из мешаной коричневой гумусированной супеси и светло-желтой материковой супеси, были заметны множественные пятна ям, перекрывающие одна другую, плохо уловимые в столь неоднородном слое. Всего было зафиксировано пять ярусов погребений на площади 4 кв. м (рис. 9–11).

Погребение 1. Северная часть шурфа. Ориентировка ямы: с запада на юго-восток. Яма впущена с погребенной почвы. Часть вскрытого гроба уходит в северный борт раскопа. Размеры вскрытой части ямы 1,40 × 0,40 м. Глубина ямы около 0,45 м. Размеры верха вскрытой части гроба составили 0,87 × 0,26 м. Гроб сделан из еловых (сосновых?) досок. Сохранность удовлетворительная.

Погребение 2. Восточная часть шурфа. Ориентировка ямы: с запада на юго-восток. Пятно ямы не прослеживалось. Крышка гроба расчищена на отметке 4,58 м БС. Часть погребения уходила

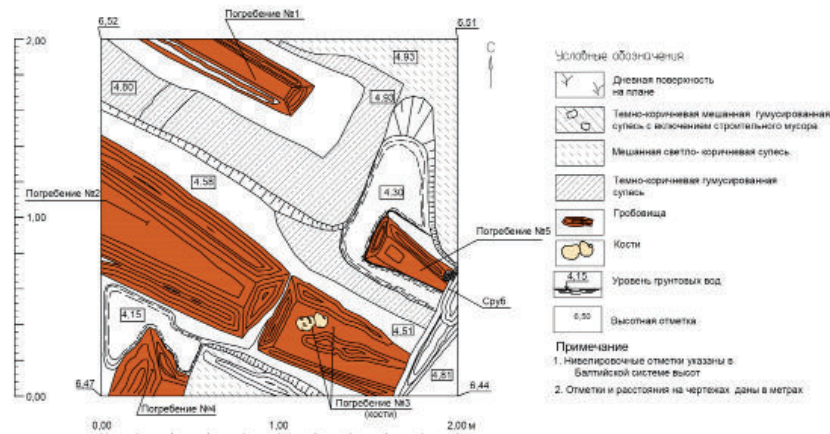

Рис. 9. Малоохтинский парк, 2022. Шурф 2. План на уровне выявления захоронений

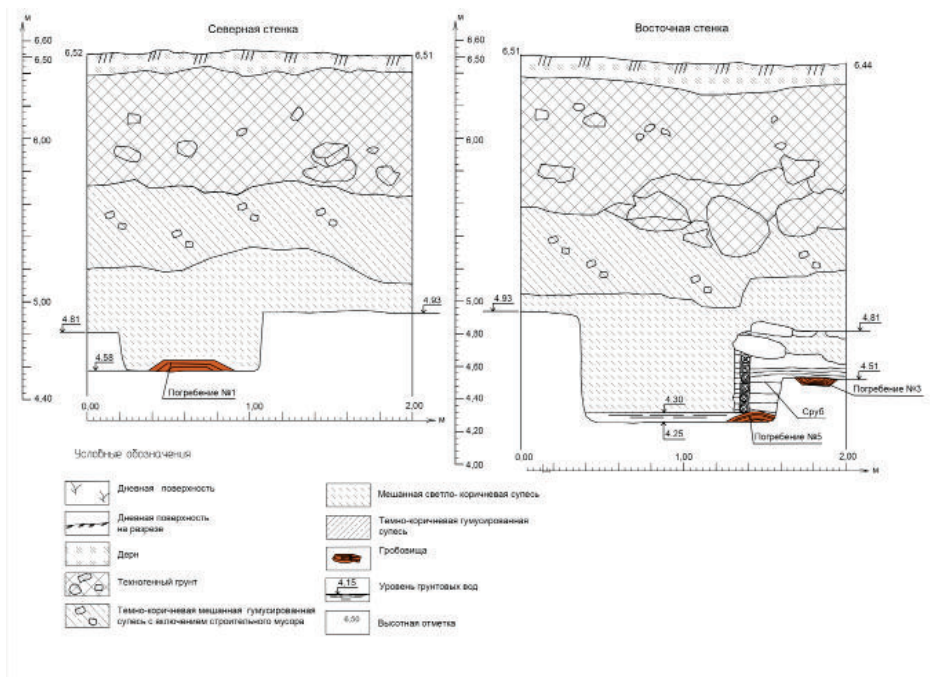

Рис. 10. Малоохтинский парк, 2022. Шурф 2. Стратиграфия северной и восточной стенок шурфа

Рис. 11. Малоохтинский парк, 2022. Шурф 2. Фиксация на уровне выявления захоронений. Вид с юга

в западный борт шурфа. Размеры и контуры ямы неопределимы. Пятно ямы прослеживается с того же горизонта, что и погребение 1, однако яма нарушена последующими перекопами, захоронение покоится несколько ниже погребения 1. Размеры вскрытой части гроба $1,3 \times 0,6$ м. Гроб сделан из еловых (сосновых?) досок. Сохранность удовлетворительная.

Погребение 3. Восточная часть шурфа. Ориентировка ямы: с запада на юго-восток. Пятно ямы не прослеживалось. Крышка гроба расчищена на отметке 4,51 м БС. Погребение уходило в юго-восточный угол шурфа и частично уничтожено коллекторным срубом. Из-за разрушенной верхней части крышки гроба (по-видимому, в период строительства коллектора) на поверхности был расчищен череп. Погребенный ориентирован головой на запад. Размеры вскрытой части гроба $0,8 \times 0,4$ м. Гроб составной, из еловых (сосновых?) досок. Сохранность удовлетворительная.

Погребение 4. Восточная часть шурфа. Ориентировка: запад–восток, пятно ямы не прослеживалось. Крышка гроба расчищена на отметке 4,30 м БС. Размеры вскрытой части гроба $0,51 \times 0,30$ м. Гроб сложносоставной, из более плотной древесины, в отличие от погребений 1–3. Погребение уходило под деревянный коллекторный сруб, впущенный с уровня техногенных напластований.

Погребение 5. Вскрыто в юго-западном углу шурфа. Ориентировка: предположительно север–юг, размеры и параметры гроба неопределимы, впускная яма не прослеживается, гроб перекрыт погребенной почвой, слабо выраженной и читающейся лишь в юго-восточной части шурфа на отметках 4,35–4,30 м БС. Крышка гроба вскрыта на отметке 4,18 м БС.

В заполнении могильных ям и в пространстве между могилами были найдены незначительные фрагменты глиняной поливной посуды, фрагмент мраморной плиты и железного кольца. Все изделия датируются XIX в. В слое коричневой гумусированной супеси с включением кирпичного боя встречено большее количество находок (57 ед.), представленных изделиями из глины, фаянса, фарфора, стекла – бытовая непарадная посуда, по-видимому, использовавшаяся в качестве емкостей для тризны. Находка двух донец штофов зеленого стекла характерна для культурного слоя кладбищ XVIII–XIX вв. Поливная керамика представлена горшками и мисками, встречено два фрагмента цветочных горшков. Одна из фаянсовых тарелок, судя по росписи, сделана на заводе братьев Чекановых в 1860-е гг. Такие тарелки были распространены среди населения Петербурга и встречаются в культурных напластованиях и техногенных перекопах в исторической части города. Из этого же слоя происходят два ружейных кремня.

Таким образом, в шурфе 2 было вскрыто как минимум пять ярусов погребений, судя по перекопу по всей площади погребенной почвы, можно судить о чрезвычайной переполненности территории кладбища, о чем свидетельствуют и письменные источники. Сохранность гробов удовлетворительная, несмотря на интенсивную строительную деятельность последних лет в исторических границах кладбища. Можно с уверенностью заключить, что захоронения сохранились на всей исследуемой площади.

Калинкинское кладбище

В июне 2023 г. в рамках археологической разведки было выявлено полностью утраченное Калинкинское (Екатерингофское) кладбище первой половины XVIII в. (рис. 1). Согласно письменным источникам, кладбище в Калинкиной деревне возникло при церкви Св. Великомученицы Екатерины, освященной в 1721 г. В 1738 г. Калинкинское кладбище упомянуто в распоряжении Святейшего синода «О местах, где надлежит быть погребениям» (Дело, 1740). Распоряжение было выпущено по итогам работы Комиссии о Санкт-Петербургском строении, в задачи которой, кроме прочего, входило и определение мест, разрешенных для обустройства городских кладбищ. Кладбище «на Адмиралтейской стороне позади Калинкиной» стало одним из пяти мест, утвержденных Синодом как разрешенные для совершения захоронений.

Завершилась история Калинкинского кладбища в 1746 г., когда императрица Елизавета Петровна издала указ «Об уничтожении кладбищ Калинкинского

и Вознесенского и о заведении оных в Ямской Московской слободе, на Охте и на Выборгской стороне» (ПСЗРИ. С. 542). Поводом для закрытия кладбищ стал тот факт, что они расположены при Екатерингофской дороге и проезжавшая мимо императрица «во время высочайшего шествия в Екатерингоф оные кладбища усмотреть изволила» (Кобак, Приютко, 2009. С. 31). Согласно указу, кладбища должны были быть засыпаны землей, а новые захоронения на них проводить не следовало.

Несмотря на наличие письменных источников, конкретное местоположение и границы Калининского кладбища до археологических работ известны не были. На ранних планах и картах Петербурга оно отсутствует. В ходе разведки в квартале, ограниченном Рижским пр., Старопетергофским пр., ул. Курляндской и Степана Разина, были заложены четыре шурфа. В шурфах у восточной и южной границ квартала (дворовые территории домов по адресам: Старопетергофский пр., д. 15 и Курляндская ул., д. 43) признаки кладбища отсутствуют (рис. 12). Участок Калининского кладбища выявлен в двух шурфах во дворе дома по адресу: Рижский пр., д. 62 (рис. 13).

Шурф 1 расположен в северо-восточном углу двора на газоне у детской площадки. Шурф 2 был заложен после выявления захоронений в шурфе 1 с целью установить границы кладбища в противоположном юго-западному углу того же двора, на газоне между спортивной площадкой и дворовым проездом (рис. 13). Стратиграфия обоих шурфов схожа: под слоями современного благоустройства и строительного мусора мощностью 0,90 м залегает темная серо-бурая супесь, содержащая существенное количество предметов из керамики, фаянса и стекла. Находки могут быть широко датированы второй половиной XVIII – первой половиной XIX в. Предметы, по которым можно более точно датировать культурный слой, отсутствуют. На поверхности этого слоя следы впуска могильных ям не читаются. Ниже залегает собственно кладбищенский слой, представленный мешанной пестрой светло-желтой супесью (рис. 14).

В шурфе 1 на поверхности мешанной светло-желтой супеси читались контуры, по крайней мере, трех могильных ям. Ни одно из захоронений не попало в пределы шурфа полностью. С целью получить дополнительную информацию

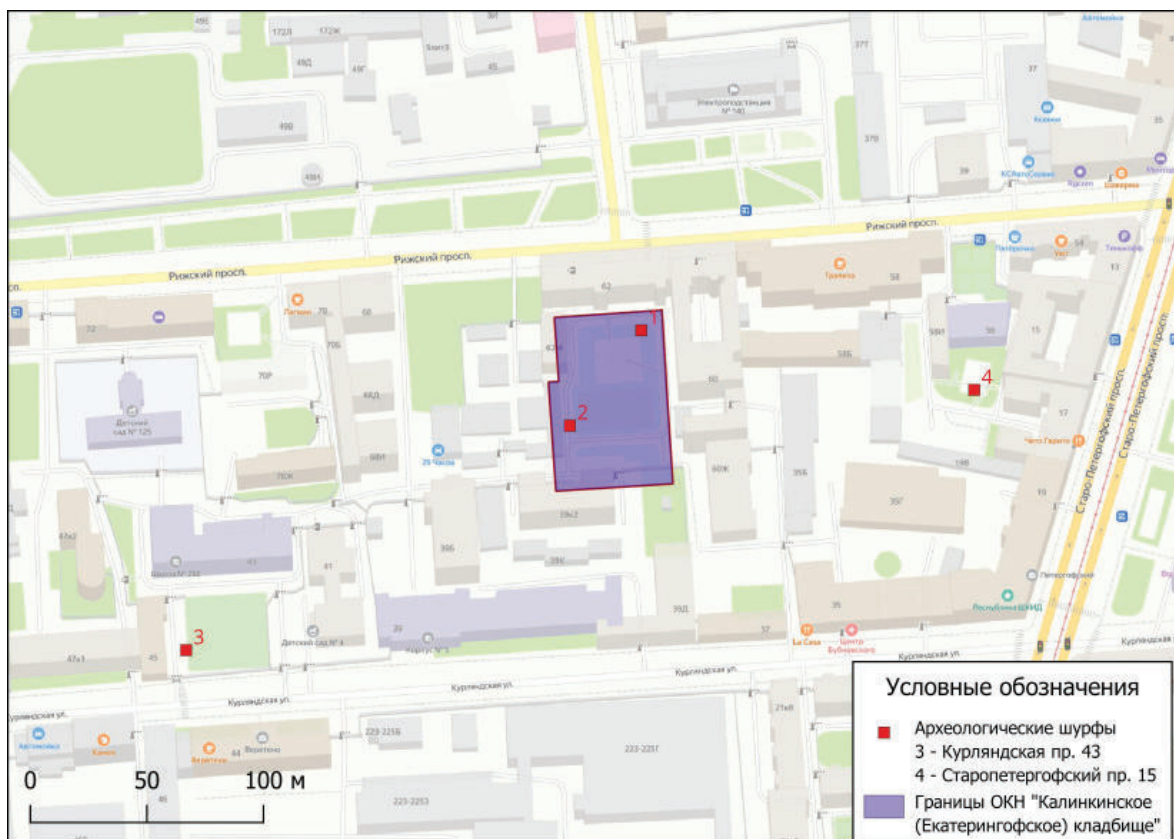

Рис. 12. Границы ОКН «Калинкинское (Екатерингофское) кладбище» на карте района пересечения Рижского и Старопетергофского пр.

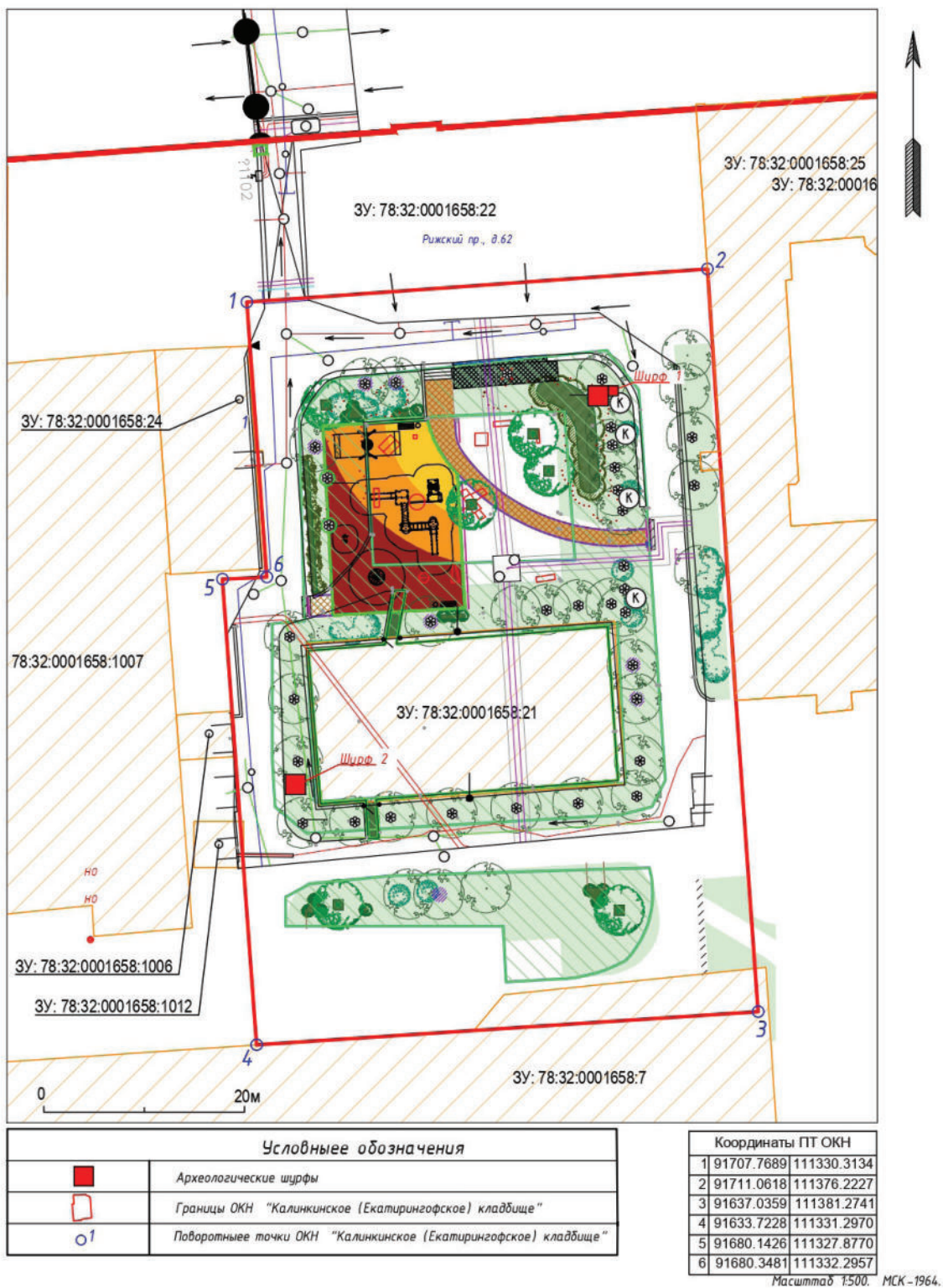

Рис. 13. Ситуационный план территории, занимаемой ОКН «Калинкинское (Екатерингофское) кладбище»

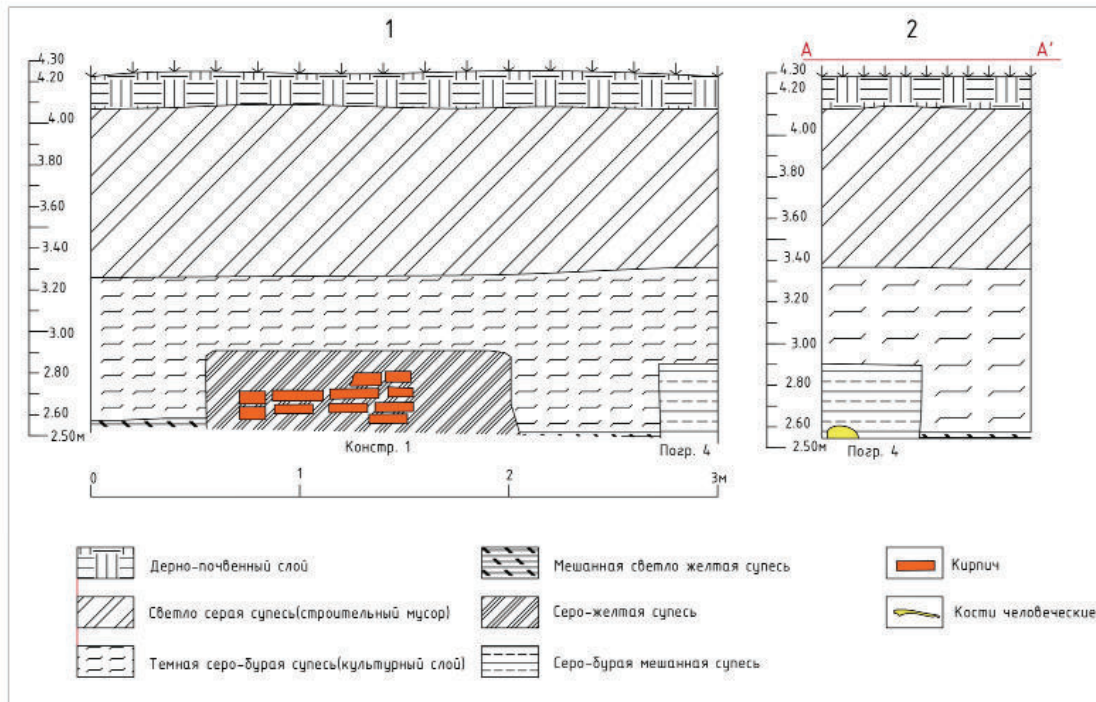

Рис. 14. ОКН «Калинкинское (Екатерингофское) кладбище». Шурф 1. Стратиграфия: 1 – северная стенка; 2 – разрез по линии А-А'

о выявленных комплексах, в первую очередь об их датировке, с восточной стороны шурфа 1 была сделана прирезка размерами 1 × 1 м, таким образом, чтобы могильная яма погребения 1 целиком оказалась в шурфе (рис. 15).

Погребение 1. Размеры могильной ямы 1,70 × 0,80 м, глубина залегания погребенного от уровня выявления захоронения 0,20 м. Костяк ориентирован головой на запад с незначительным смещением к югу и имеет плохую сохранность: остались лишь нижняя челюсть, левая плечевая и локтевая кости и несколько фаланг (рис. 15; 16). Единственной находкой в заполнении могильной ямы является половинка кирпича, попавшая в захоронение, очевидно, случайно и относящаяся к конструкции, которая описана ниже.

Погребения 2 и 3. Захоронения открыты частично и поэтому не вскрывались. Контур могильной ямы погребения 2 читался плохо, однако четко прослеживался тлен от стенок гроба (рис. 17). Ширина гроба 0,50 м, длина его обнаруженной части 0,61 м. Как и погребение 1, захоронение ориентировано по оси запад–восток, с небольшим отклонением к югу. У погребения 3 прослежены контуры могильной ямы, уходящей в южную и восточную стенки шурфа. Размеры раскрытой части 1,40 × 0,54 м.

Конструкция 1

В северной стенке шурфа 1 прослежена кирпичная кладка. Линия кладки совпадает с ориентировкой погребений (запад–восток, с небольшим отклонением к югу). Конструкция открыта на длину 1 м. Кладка сложена на глиняном растворе и имеет четыре ряда кирпича. Точно измерить размер кирпичей не представлялось возможным. Однако следует отметить, что кирпичи несколько тоньше стандартных изделий второй половины XIX в., что характерно для изделий XVIII в. После зачистки дна могильной ямы погребения 1 в нем был прослежен ровик, в который впущена конструкция, что указывает на более раннее происхождение конструкции 1.

Погребение 4

Еще одно захоронение зафиксировано в восточной стенке прирезки. Как и у остальных погребений, пятно могильной ямы не прослеживалось на поверхности культурного слоя. Захоронение открыто не полностью в слое темной серо-бурой супеси, обнаружен фрагмент черепа (рис. 18). Погребение 4, скорее всего, ориентировано по оси запад–восток и находится на одной линии с погребением 1.

В шурфе 2 на поверхности мешанной пестрой светло-желтой супеси прослежены три захоронения,

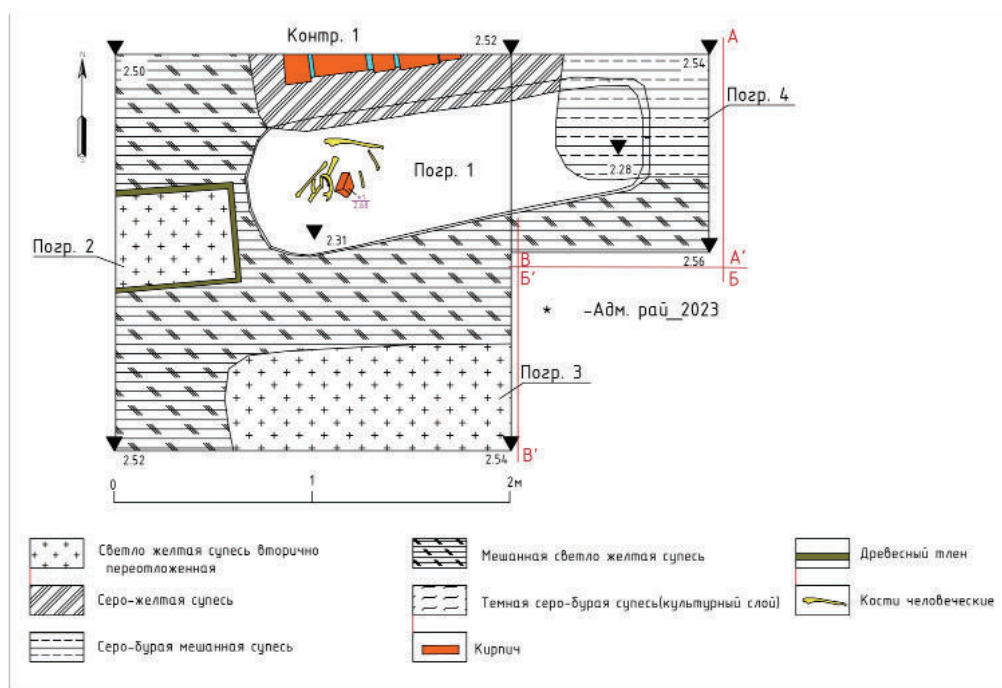

Рис. 15. ОКН «Калинкинское (Екатерингофское) кладбище». Шурф 1. План захоронений

Рис. 16. ОКН «Калинкинское (Екатерингофское) кладбище». Шурф 1. Погребение 1. Вид с востока

Рис. 17. ОКН «Калинкинское (Екатерингофское) кладбище». Шурф 1. Погребение 2. Вид с востока

получившие номера 5–7. Все могильные ямы ориентированы по оси запад–восток и уходят в стенки шурфа. Все три захоронения в шурфе 2 были нарушены более поздней траншеей, пролегающей по линии юго-запад–северо-восток. После разбора заполнения траншеи было установлено, что ее дно не достигло уровня залегания костяков.

Датировать открытое кладбище можно по двум фактам: во-первых, захоронения перекрыты культурным слоем с находками второй половины XVIII –

первой половины XIX в.; во-вторых, формат и качество выделки кирпичей, составляющих конструкцию 1, характерны для изделий XVIII в. Эти факты не исключают возможность присутствия более ранних или единичных более поздних захоронений, однако позволяют определить основной период функционирования кладбища в рамках первой половины XVIII в. Кладбище, исходя из его местоположения и хронологической позиции, можно уверенно связать с Калинкинским кладбищем, известным по письменным источникам. Судя по

Рис. 18. ОКН «Калинкинское (Екатерингофское) кладбище». Впуск могильной ямы погребения 4. Восточная стенка (фрагмент)

полученной информации, сохранность захоронений хорошая, ни в одном из шурфов костяки не были потревожены позднейшими строительными работами и прокладкой коммуникаций. Высотные отметки поверхности материка в шурфах на Старопетергофском пр. и Курляндской ул. составляют 1,50 и 1,20 м БС соответственно. На этом уровне в обоих шурфах начинали проступать грунтовые воды. В тоже время в шурфе 1, где были выявлены захоронения, поверхность материка находится на уровне 2,5 м БС, а грунтовые воды не были отмечены даже в контрольном прокопе. Исходя из этого, можно предполагать, что участок под кладбище был выбран именно с учетом относительно высокого рельефа местности.

Таким образом, в последние годы на территории Петербурга регулярно проводятся археологические работы, в ходе которых выявляются участки исторических кладбищ, ранее считавшихся полностью утраченными. Получение достоверных сведений о местоположении и границах кладбищ XVIII–XIX вв., постановка их на государственную охрану как памятников археологии способствует сохранению исторического наследия города. Уничтоженные и заброшенные кладбища исчезли как структура городской среды, но захоронения зачастую остаются под толщами техногенных грунтов. Целе направленное и систематическое их изучение, в первую очередь археологическое, позволит выявить границы исторических захоронений и не допустить их уничтожения.

Источники и литература

- Блохин Е.К., Поликарпова А.О., 2013. Предварительное археологическое исследование кладбища при церкви Благовещения на Васильевском острове // Бюллетень ИИМК РАН. Вып. 3.
- Глухов М.Е., Кононович Е.Ю., Роплекар К.С., 2020. Выявление и определение границ сохранившегося участка утраченного исторического Малоохтинского кладбища // Бюллетень ИИМК РАН. Вып. 10.
- Дело комиссии о Санкт-Петербургском строении о местах погребения жителей Санкт-Петербурга. Перечисление всех кладбищ в Петербурге в 1740 г. с указанием их местоположения. 1740 г. // РГИА. Ф. 601. Оп. 1. Д. 33.
- Кобак А.В., Приютко Ю.М., 2009. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.
- Лапшин В.А., 2019. Первые строители Петербурга // Земля наша велика и обильна: сборник статей, посвященный 90-летию А.Н. Кирпичникова. СПб.
- План Богословского кладбища на 2-й версте Муриной дороги в Полюстровском уч. 1880 г. // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 101. Д. 636. Л. 17.
- Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 12.
- Сорокин П.Е., 2008. Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные по археологии ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 2.
- Сорокин П.Е., Берташ А.В., Андреева О.В., Бельский С.В., Михайлова Е.Р., Семенов С.А., Соболев В.Ю. 2009. Историко-археологическое изучение утраченных храмов Петербурга // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 3.
- Филиппенко Р.В., 2021. Отчет о результатах археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Участок исторического культурного слоя г. Санкт-Петербурга XVIII–XIX вв. с сохранившимися историческими захоронениями» в зоне строительства дома в г. Санкт-Петербург, Нейшлотский пер., д. 3, лит. А. в 2018 г. // Архив ЦСА ИИМК РАН.

Исследования в Тихвине и Приозерске в 2022 г.¹

Ст. А. Васильев², Н. В. Григорьева³, М. С. Павлова⁴, С. А. Семенов⁵

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023-23-68

Работы в Тихвине и Приозерске в 2022 г. проведены экспедицией ИИМК РАН в рамках выполнения государственного контракта по инвентаризации объектов археологического наследия Ленинградской области. Цель работ – подготовка или обновление учетной документации, карт обследования. В задачи экспедиции входило: локализация памятников на местности, определение их технического состояния, актуализация сведений, съемка или уточнение топографических планов, установление границ объектов с указанием координат поворотных (характерных) точек. Всего в Тихвине и Приозерске исследовано четыре ОАН, включенных Решением № 271 от 10.07.1978 Исполнительного комитета Ленинградского областного совета народных депутатов

¹ Работа выполнена Ст. А. Васильевым и С. А. Семеновым в рамках темы государственного задания «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию» (№ FMZF-2022-0016), Н. В. Григорьевой и М. С. Павловой в рамках темы «Северная Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (№ FMZF-2022-0015).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: stasilein@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии. E-mail: mak-kon4@yandex.ru.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии. E-mail: marler@inbox.ru.

⁵ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: s.s.a.g@mail.ru.

⁶ Здесь и далее первое название ОАН сформулировано по схеме, принятой в «Археологической карте Ленинградской области» В. А. Лапшина 1990 и 1995 гг., в скобках дано название памятников в соответствии с Решением Леноблсполкома № 271 от 10.07.1978 «Об утверждении списка памятников археологии Ленинградской области».

в «Список памятников археологии Ленинградской области» (Решение, 1978).

ТИХВИН

Тихвин 1–2. Культурный слой древнего Тихвина («Культурный слой древнего Тихвина и предшествующих ему поселений»)⁶
История древнего Тихвина XI – середины XVIII в.

В эпоху раннего Средневековья в рассматриваемом регионе начала формироваться Приладожская курганная культура. Она возникла в середине IX в. и просуществовала до начала XIII в. Поселения и могильники, относящиеся к этой культуре, выявлены по берегам р. Оять, Паша, Капша, Сясь, Тихвинка. В XIII в. в юго-восточном Приладожье появляются первые погосты (Тихвинский край, 2019а. С. 13, 14).

Самые ранние сведения о Тихвинском Пречистинском погосте – поселении, на месте которого вырос сначала посад, а позже город, – относятся к 1383 г. и связаны со сказанием о явлении в его окрестностях чудотворной иконы Богородицы (Катышевский, Шуньгина, 2013. С. 280; Мильчик, 2017. С. 13). По летописному преданию, икона проделала долгий путь, прежде чем окончательно обосноваться на левом берегу р. Тихвинки (Мордвинов, 1925. С. 3; Колесникова, Гарклавс, 2004. С. 10, 12). В 1383 г. к востоку от устья Вязитского ручья строится первая деревянная церковь Успения Богородицы, что дает основание исследователям предполагать, что в это время здесь находился достаточно людный населенный пункт. Второе датированное известие относится к 1390 г. и содержит сведения о пожаре в Успенской церкви и постройке в том же году нового храма, который тоже сгорел в 1395 г., но был восстановлен на прежнем месте (Сербина, 1951. С. 21). В 1495–1496 гг. писец Ю. К. Сабуров в Новгородской писцовой книге упоминает «погост Тихвинский, а в нем церковь деревянная» (Шуньгина, 2013а. С. 122; Катышевский, Шуньгина, 2013. С. 280). После очередного пожара в 1500 г. по распоряжению великого князя Василия Ивановича в 1510 г. начато

сооружение каменного храма «для поставления в ней иконы». Строительство завершилось в 1515 г. (Сербина, 1951. С. 21; Мильчик, 2017. С. 13). К этому времени вокруг Успенской церкви уже были построены дома церковнослужителей, посадских людей и торговые помещения. Таким образом, на данном этапе территория современного монастыря выполняла функции монастыря и посада одновременно (Шуныгина, 2013а. С. 122; Катышевский, Шуныгина, 2013. С. 280; Сербина, 1951. С. 21).

По реконструкции И. П. Мордвинова рядом с Успенской церковью находилась д. Волково; точнее («на месте нынешней слободки» и «повыше на горе» «там, где, теперь стоит монастырский скотный двор») деревни «Онтоновское Борисков след» и «Онтоновский след на Шевцове Горе», принадлежавшие Новгородскому Радоговицкому монастырю. Рядом располагалась д. Селино. На месте Спасского собора находилась д. Киселево, на месте Знаменской церкви – Романова Гора, за рекою у современного моста – Нижние Иссады, в устье Введенского ручья – Гореево, а за ручьем – Наволок Котелевской. Выше по реке, на горе, у Тихвинского шлюза – Верхние Иссады, еще выше – Обжина Гора (Фищовица) (Мордвинов, 1925. С. 10–11).

В 1560 г. по указу Ивана IV начинается строительство двух монастырей-крепостей – Успенского мужского и Введенского женского⁷. Первый монастырь был заложен на месте Пречистенского погоста, а второй – на правом берегу р. Тихвинки при впадении в нее Березовского ручья (позднее стал называться Введенским) (Шуныгина, 2013а. С. 122; Катышевский, Шуныгина, 2013. С. 280; Мильчик, 2017. С. 17).

Одновременно с организацией Успенской обители, окружавший храм посад, д. Верхние Иссады и все левобережные деревни перенесли на две версты южнее, на возвышенность, где располагалась д. Киселево, и пожаловали во владение монастырю. Отделение посада от монастыря и перемещение его на новое место не было вызвано соображениями строительного порядка, а диктовалось политикой государственной власти, которая нашла отражение в Судебнике 1550 г. Статья 91 запрещала торговым людям жить в монастырях (Мордвинов, 1925. С. 11; Катышевский, Шуныгина, 2013. С. 280; Сербина, 1951. С. 22, 23).

⁷ Первый монастырь получил название «Большого» Тихвинского монастыря, а второй, Введенский, – «Малого» (Сербина, 1951. С. 22).

В то же время д. Гореево частично была переведена за Введенский ручей и получила название Новинки, а частично выведена в новый выселок, названный Заболотьем. За Введенский ручей перенесли и д. Нижние Иссады. На рубеже XVI–XVII вв. в результате соединения двух деревень образовалась д. Стретилово. На землях перемещенных поселений стали строить Введенский монастырь (Мордвинов, 1925. С. 11; Краснов, 1971. С. 12; Катышевская, 2018. Л. 6–7).

В центре посада, сначала называвшегося Слободка, а затем Рядок, в 1560 г. закладываются две деревянные церкви: Преображения и Св. Никиты Епископа. По переписи 1564 г. вокруг них значилось 52 двора и 37 лавок, а население составляло 96 человек. Следующая перепись, проходившая в 1583 г., показала рост численности населения посада. Учтено 145 дворов, 50 лавок и некоторое количество амбаров. Второй приход посада возник на его юго-западной окраине, на высоком берегу р. Тихвинки (на Романовой Горе). Между 1583 и 1590 гг. здесь построили церкви Флора и Лавра, и Знаменскую (Сербина, 1951. С. 23; Мильчик, 2017. С. 18, 19, 24). У стен Введенского монастыря также образовалась небольшая слободка. Посад на левом берегу р. Тихвинки получил название «Большого Тихвинского посада», а аналогичное поселение на правом берегу – «Малого Тихвинского посада» (Сербина, 1951. С. 23).

Возведение Успенского монастыря-крепости было поручено Федору Сыркову, который провел серьезные планировочные и земляные работы на обустраиваемой территории (Варакин, Пятницкая, 2017. С. 12). С момента своего основания в 1560 г. монастырь осваивал территории, прилегавшие с внешней стороны к деревянным стенам монастырской ограды, как хозяйственную примонастырскую зону. Там находились огороды, пашни, сенокосы, луга, а также различные подсобные постройки: конный и скотный дворы, водяные мельницы, амбары, кузницы, сараи для хранения кирпича. Самые обширные группы хозяйственных построек размещались к востоку от основного комплекса, за восточными пряслами монастырской ограды. С севера их ограничивала р. Тихвинка, а с юга – Большая Московская дорога. Планировка этих комплексов была достаточно свободной и подчинялась рельефу местности в большей степени, нежели геометрически правильные оборонительные сооружения ограды монастыря-крепости (Варакин, Пятницкая, 2017. С. 212–213).

Строительство Введенского монастыря началось в 1567 г. также под руководством Федора Сыркова.

Обитель оставалась полностью деревянной вплоть до начала XVII в. Лишь в 1606 г. приступили к возведению каменного трехглавого Введенского собора с двумя приделами. В 1645 г. начато строительство трапезной Рождественской церкви, а в 1650 г. была построена трехшатровая каменная звонница. Расположение указанных зданий и в какой-то степени архитектура повторяют аналогичные в Большом монастыре (Мильчик, 2017. С. 44).

Развитие Большого монастыря и Тихвинского посада было прервано в годы Смутного времени. С 1611 по 1613 гг. длилось вооруженное противостояние шведских войск и тихвинцев, укрывшихся за стенами Успенской обители. Дотла были сожжены Введенский монастырь и Тихвинский посад. (Сербина, 1951. С. 29–43; Краснов, 1971. С. 13–20). Только после заключения Столбовского мира в 1617 г. начались восстановительные работы. К 1620 г. на посаде уже числилось 23 новых двора и 44 дворовых места, принадлежащих людям, живущим в монастыре, 64 дворовых места были пустыми. Из 50 лавок, существовавших на посаде до шведского разорения, не сохранилось ни одной. Перепись 1647 г. зафиксировала рост населения посада и его восстановление. В то время в нем уже было 330 дворов и 436 человек; 37 дворов принадлежали монастырским людям, в 117 дворах проживали монастырские работники различных специальностей, 100 дворов принадлежало торговому и ремесленному люду, еще 76 дворов – бобылям (Тихвинский край, 2019а. С. 32).

В конце XVII в. население посада пополнилось за счет перевода на эти земли шульжан – монастырских крестьян Пашской волости, «государевых вольных людей» из Вольского погоста Новгородского уезда и крестьян из окрестных деревень (Тихвинский край, 2019а. С. 33). В XVII в. Тихвин еще сохранял свою старую планировку. Сеть улиц была связана с рельефом местности. На посаде было 14 улиц и два переулочка, четыре церкви, торговые ряды, таможня и «важня» (городские весы).

О том, как выглядел Тихвинский посад, можно судить по сохранившимся планам 1678 и 1679 гг. Первый составлен новгородским дворянином Иваном Зелениным и подьячим Петром Евстафьевым. Второй – его копия с коррективами, исполненная, по видимости, иконописцем Иваном Андреевичем Квасниковым. План предназначался для решения спора о монастырских покосах между Успенским и Введенским монастырями. В ходе работы над документом были собраны сведения о количестве дворов в слободах. Готовый план представлял собой скорее рисунок без инструментальной съемки

и масштаба, выполненный в иконописных традициях, чем чертеж. На план были нанесены Большой Успенский мужской монастырь, Введенский женский монастырь, посад, деревни, прилегающие к Тихвину, дороги и пр. (Мильчик, 2017. С. 48; Тихвинский край, 2019а. С. 33).

Географическое положение Тихвина способствовало его превращению во второй четверти XVII в. в крупный центр торговли и ремесла. Переписи фиксируют большое разнообразие профессий среди жителей. Ведущую роль играло кузнечное ремесло. Мастера жили отдельными слободами, но периодические пожары неизбежно случались. Активную роль в экономике играла зарубежная торговля, способствовавшая росту благосостояния населения (Сербина, 1951. С. 79, 81; Краснов, 1971. С. 33; Шаскольский и др., 1984. С. 27–33).

В первой четверти XVIII в. экономическое развитие посада замедлилось, и Тихвин значительно обезлюдел. Это было следствием близости поселения к территориям, на которых проходили военные действия. Петр I выбрал из Тихвина все трудоспособное население и перевел его на строительство Шлиссельбурга, Петербурга, Кронштадта и в места заготовок материалов, необходимых для армии. Оставшееся в городе население обложили денежными и натуральными налогами и повинностями. По указу 1711 г. часть тихвинских мастеровых была переселена в Петербург «на вечное житье». Перепись 1709–1711 гг. зафиксировала уменьшение численности населения посада на две трети. К середине XVIII в. Тихвинский посад вновь стал производственным центром по выделке высококачественных железных изделий. В 1756 г. в поселении было 66 дворов, в которых проживали кузнецы. Их численность достигала 160 человек (Тихвинский край, 2019а. С. 43).

На протяжении всей своей истории с момента основания в 1560 г. Тихвинский посад пытался выйти из-под юрисдикции Успенского монастыря и получить статус города. Однако случилось это только через несколько лет после указа Екатерины II 1764 г. о конфискации монастырских земель (Краснов, 1971. С. 37). После тотального пожара 6 мая 1770 г., в котором сгорел весь Тихвинский посад и близлежащие деревни, за исключением нескольких улиц Введенской слободы и д. Стретилово, было принято решение о восстановлении поселения и об изменении его статуса. 21 марта 1773 г. Тихвин получил права города. По высочайшему повелению был составлен проект регулярной застройки Тихвина. Автор проекта А.В. Квасов сохранил ландшафтно-градостроительную структуру без

больших изменений. Строительство происходило под наблюдением В. Поливанова, прапорщика архитектуры, присланного в Тихвин из Твери. К городу была присоединена Введенская слободка и приписаны пригородные деревни: Заболотье, Пещерка и Паголда (Тихвинский край, 2019а. С. 46).

*Археологическое изучение г. Тихвина
Территория Успенского монастыря и округи*

Начало археологических исследований в Тихвине связано с реставрацией ансамбля Большого Успенского монастыря. В 1975, 1977 и 1978 гг. первые работы провела сотрудник Архитектурно-реставрационной мастерской № 2 (АРМ-2) Ленинградского филиала проектного института «Спецпроектреставрация» Н.К. Стеценко (рис. 1). Необходимость исследований была вызвана реставрацией Казенных, Архимандричьих келий и Покровской церкви (Лапшин, 1995. С. 60; Катышевский, 2011. Л. 38–39).

В 1981 г. раскопки на территории монастыря проводили А.М. Спиридонов и В.А. Булкин (рис. 1). Заложены два шурфа к западу от западного фасада Успенского собора: Г-образная расчистка-шурф к северо-западу от апсиды Покровской церкви, шурф к северу от Трапезной палаты и расчистка к юго-западу от Крестовоздвиженской церкви. В шурфе 2 напротив Успенского монастыря, в одной из двух западин, заглубленных в материк, были обнаружены фрагменты керамики с линейным орнаментом, относящиеся к XI–XIII вв. По мнению исследователей, ими выявлен участок древней дороги (Шуньгина, 2022. С. 381, 382, 398). В 1982–1991 гг. археологические работы продолжила сотрудник АРМ-2 НИИ «Спецпроектреставрация» А.А. Никонова (Шуньгина, 2022. С. 381–382) (рис. 1).

В результате раскопок 1975–1991 гг. собрана представительная коллекция индивидуальных находок и массового материала (хранится в фондах ТИМАХМ), получены новые данные о методике строительства в XVI–XIX вв., о технологии дренажных систем, о постройках и иных конструкциях архитектурного ансамбля, ныне утраченных (Никонова, 1988. С. 40–42). Исследования А.А. Никоновой позволили реконструировать горизонт территории обители на период конца XIV в. (освоение этого участка), конца XVI в. (учреждение монастыря), конца XVII в. (период интенсивного строительства после разорения монастыря и посада войском Якоба Деллагарди). Отдельно стоит отметить единичные находки лепной керамики и фрагменты венчиков гончарной посуды XII–XIII вв., обнаруженные в непотревоженных слоях (Катышевский, 2011. Л. 38–39; Шуньгина, 2021. Л. 14–15).

В 1991 г. наблюдения в Успенском монастыре проводил С.М. Чернов. Три шурфа размерами около 4 × 4 м и глубиной до 2,4 м располагались у северного фасада корпуса северных братских келий. В результате археологических работ выявлены горизонты, связанные со строительной историей здания северных келий: возведение в конце в 80–90-х гг. XVII в., перестройка в 1872 г. и ремонт 1950-х гг. Зафиксирован слой пожара предположительно 1613 г., подстилаемый материковым песком. С.М. Чернов, опираясь на материалы раскопок А.А. Никоновой, допускал, что песок может являться строительной подсыпкой, древнейшая из которых относится к 1560-м гг. (Чернов, 1989а. Л. 25).

В 2005 г. сотрудником ИИМК РАН Н.А. Боковенко проведены археологические работы по трассе водопроводной траншеи, проложенной вдоль восточной и частично северной стен монастыря. В ходе исследований зафиксированы элементы северо-восточной башни обители (Шуньгина, 2022. С. 381–382) (рис. 1). В 2006 г. С.В. Александровым (ИИМК РАН) осуществлен археологический надзор за земляными работами по установке наружного освещения на территории Тихвинского Богородичного монастыря и точечные раскопки в местах установки новых фонарных опор. Трасса внешнего периметра наружного освещения, вдоль южной и частично западной монастырских стен, проходила по современному отсыпанному грунту, по берегу искусственного пруда Таборы, сооруженного в 1950-х гг. Подсыпка берега водоема проводилась неоднократно, последний раз его приподнимали в конце 1980-х гг. при чистке пруда и сооружении грунтовой дороги. Наблюдения за земляными работами подтвердили вывод об отсутствии в данном месте культурно-исторических слоев на глубине 1,15 м от современной поверхности. В шурфе 1 размерами 1,2 × 1,3 м рядом с привратной часовой «Крылечко» обнаружена каменная кладка неизвестного ранее древнего монументального сооружения, относящегося к комплексу построек XVII в. Успенского монастыря. Каменная выкладка не разбиралась. Фонарная опора смещена к югу. Наблюдения за строительством трассы второго периметра наружного освещения внутри монастыря вокруг келий и палат «регулярной» части комплекса показали, что заглубление в землю на 0,7 м от современной поверхности местами и лишь частично нарушает верхние слои, относящиеся к XIX в. Археологические шурфы в местах установки строительных опор предоставили материал, аналогичный полученному в ходе предыдущих раскопок (Александров, 2007. Л. 10, 17, 18).

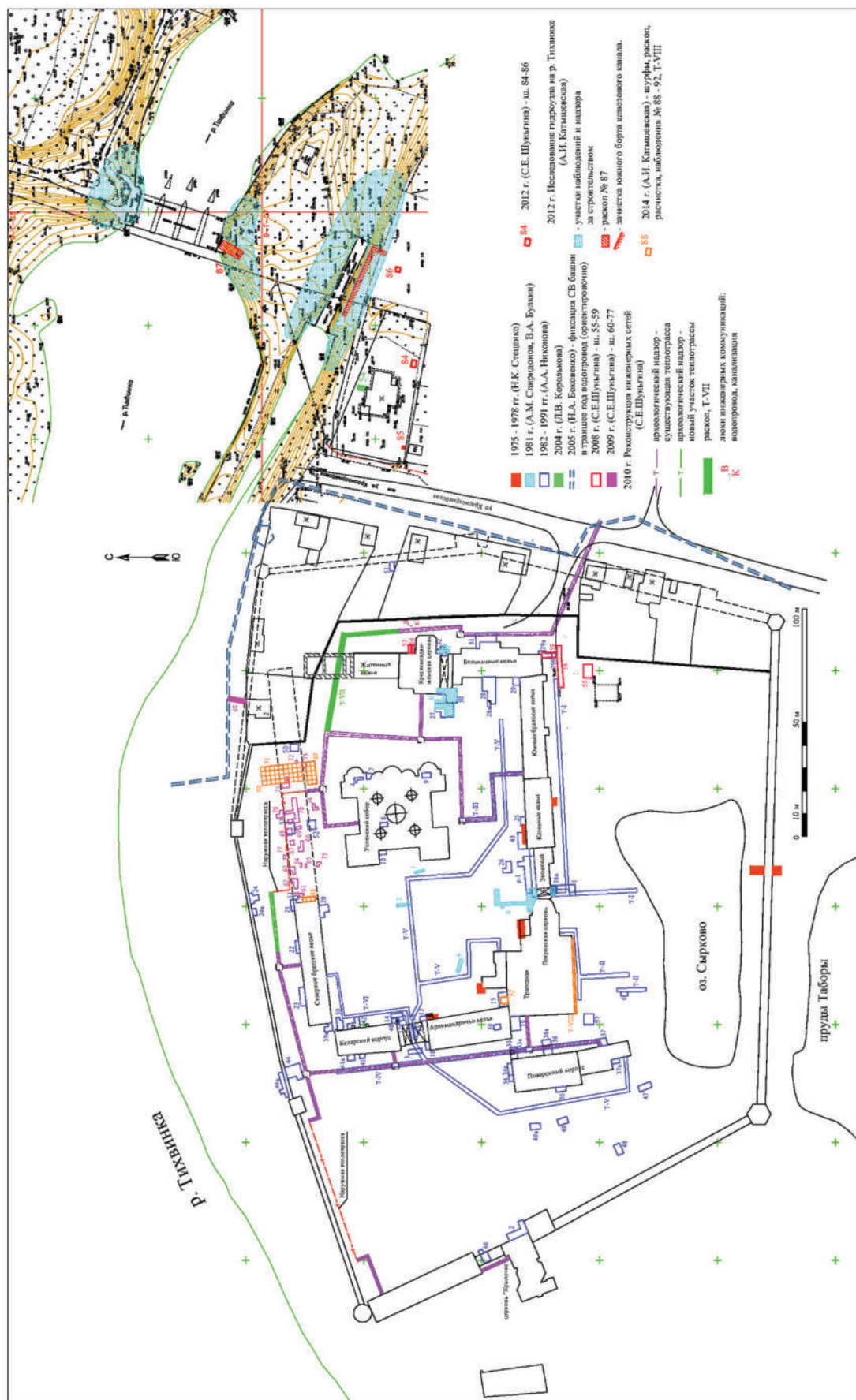

Рис. 1. «Тихвин 1–2. Культурный слой древнего Тихвина». Сводный план археологических исследований 1975–2014 гг. в границах Тихвинского Богородичного Успенского мужского монастыря и связанных с ним территорий. Масштаб 1:1000 (Шурыгина, 2022)

В 2008–2010 гг. археологические исследования на территории Успенского монастыря проводила сотрудница ОАО «СПб научно-исследовательский и проектный институт по реставрации памятников истории и культуры «НИИ Спецпроектреставрация» С.Е. Шуньгина (рис. 1). В 2008 г. в траншее к востоку от Крестовоздвиженской церкви зафиксированы остатки деревянных построек второй четверти XVII – середины XVII в., слой пожара 1611–1613 гг. и более ранние отложения. Раскоп к югу от Южного келейного корпуса дал новые сведения о ранее известной монастырской системе осушения угодий. Датировка сооружений установлена в пределах середины XIX в. На материке обнаружены следы частокла, маркирующего освоение участка до середины XVI в. При разборке непо потревоженного предматерикового слоя найден расколовшийся фрагмент венчика лепного сосуда, имеющий аналогии среди раннекруговой керамики Пскова и Рюрика города (не позднее начала XI в.) или лепной керамики из курганов Южного Приладожья (X–XII вв.) (Шуньгина, 2011. С. 76–77). В ходе работ 2009 г. исследован фрагмент северной каменной стены (остатки нижних рядов кирпичной кладки на валунном фундаменте и гранитном цоколе) конца XVIII в. в северо-восточной части Успенского монастыря и фундаменты Северных братских келий (Катышевский, 2011. Л. 41; Шуньгина, 2013б. С. 65–68; Катышевский, Шуньгина, 2013. С. 285). В 2010 г. в связи с производством земляных работ по реконструкции инженерных сетей выполнялись комплексные археологические исследования на участке к северу от сохранившейся части Житенных келий. В рамках осуществления проекта была заложена траншея площадью 122,5 кв. м, длиной 67 м и шириной 2,0–1,5 м. На западном участке траншеи исследован фрагмент монастырского кладбища: 65 погребений, расположенные в три яруса, которые полностью уничтожили напластования более раннего периода. К северу от Житенных келий (к востоку от некрополя) расчищен фрагмент валунного фундамента западной стены несохранившейся части здания и остатки деревянных свай, устроенных для уплотнения грунта на дне фундаментного рва восточной стены. На всей площади этого участка сохранились довольно мощные следы пожара, предварительно датируемые концом XVII в. Ниже зафиксированы непо потревоженные напластования культурного слоя домонастырского поселения XV–XVI вв. Важными для определения времени первичного освоения территории до основания летописного Пречистенского погоста являются находки в двух ямах (не исключено, что по своему назначению они могли быть землянками) и нижних слоях траншеи фрагментов керамики аналогичной материалам раннесредневековых

поселений и могильников XI–XII вв. (Катышевский, Шуньгина, 2013. С. 287, 290).

В 2014 г. А.И. Катышевская проводила археологические раскопки на участке реконструкции и воссоздания Северных братских келий Успенского монастыря (рис. 1). В ходе работ раскрыт участок кладбища, исследованного С.Е. Шуньгиной в 2010 г., фундаменты келий. Изучение прифундаментных траншей с южной стороны от Трапезной палаты и шурфа с северной подтвердили предыдущие наблюдения о плохой сохранности или об отсутствии ранних отложений рядом с фундаментом здания, о сложной стратиграфии из-за реставрационных работ 1975–2008 гг. (Катышевская, 2018. Л. 16–17).

Территория посада

В отличие от Успенского монастыря археологические разведки и раскопки на территории Тихвинского посада до конца 1980-х гг. не проводились. Исключением являются визуальные наблюдения И.П. Крупейченко (сотрудник ТИМАХМ) и А.А. Никоновой (сотрудник АРМ-2), которые никак не фиксировались (рис. 2). По сообщению И.П. Крупейченко в середине 1960-х гг. при прокладке инженерных сетей к вновь построенному Дому культуры на площади Свободы были обнаружены захоронения. Траншея подходила со стороны Спасо-Преображенского собора. Мощность культурного слоя достигала 2,0–2,5 м. Одно из захоронений зафиксировано в 35–45 м к юго-востоку от юго-западного угла собора. Костяк лежал в долбленном гробу, заглубленном в материк, на ногах – полуистлевшие лапти. Еще 2–3 могильные ямы примерно на том же уровне прослежены поблизости. Уровень, с которого спущены погребения, определить не удалось из-за перемешанности слоя. Скорее всего, к югу от Спасо-Преображенского собора находилось кладбище, которое по отсутствию инвентаря и способу захоронения можно отнести к XVI–XVII вв. В 1980-х гг. в котлованах строящихся зданий в районе ул. Коммунаров, Пионерской, Связи А.А. Никонова фиксировала наличие слоя XVII–XVIII вв. В районе ул. Вокзальной отложений ранее XX в. не обнаружено (Чернов, 1990б; 1992. Л. 12, 13).

С 1989 по 1991 гг. Тихвинским археологическим отрядом под руководством С.М. Чернова по заданию Инспекции по охране памятников истории проводились археологические исследования и наблюдения за земляными работами на территории Тихвина. Их целью являлось выяснение степени сохранности и мощности археологически ценного культурного слоя, определение перспективных

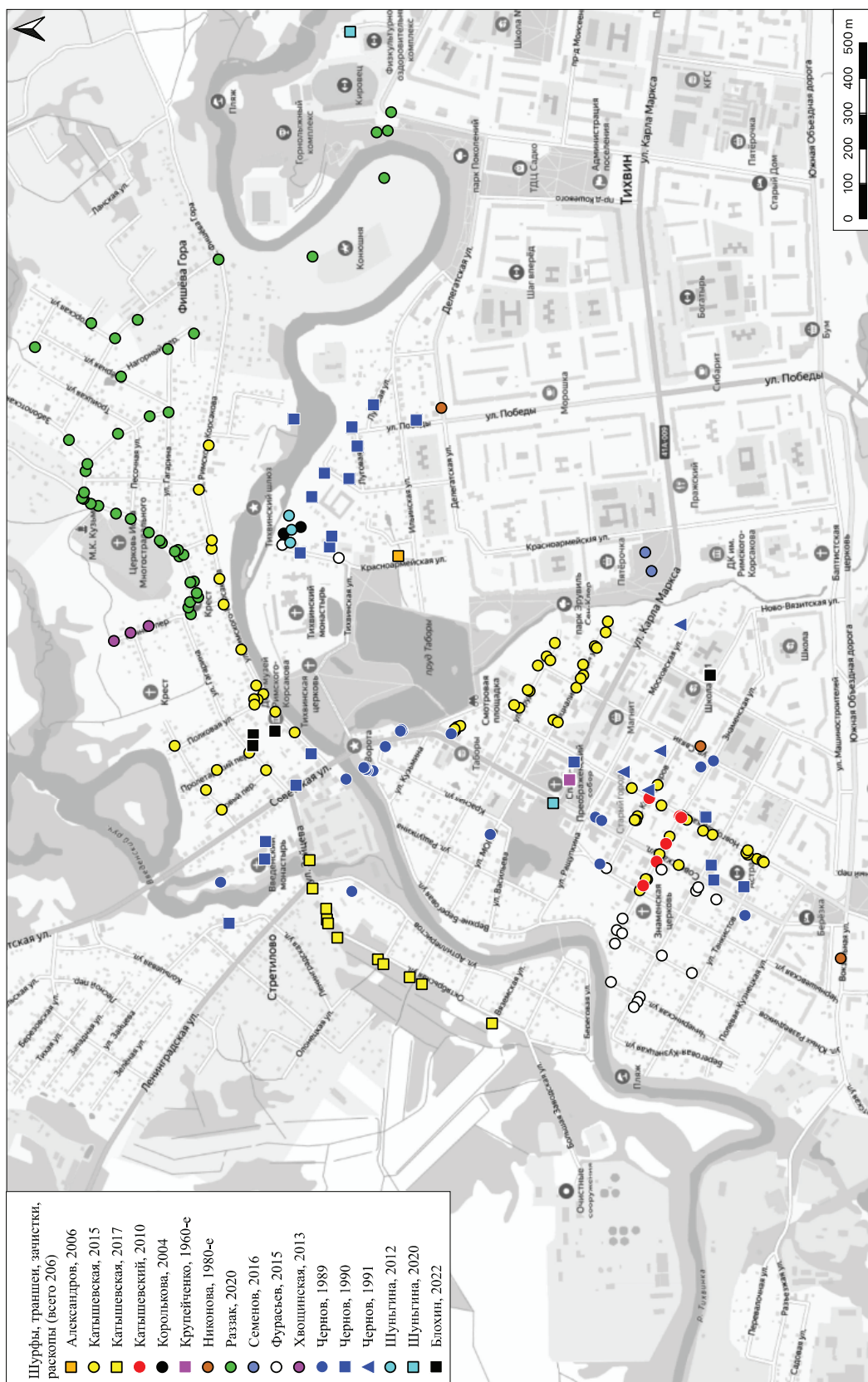

Рис. 2. «Тихвин 1–2. Культурный слой древнего Тихвина». Расположение шурфов, траншей, зачинок, раскопов в г. Тихвине на карте Яндекс. Масштаб 1 : 10000

участков при одновременном обеспечении оперативного археологического надзора за различными земляными работами, паспортизация и картографирование археологических памятников для предварительного обоснования зон охраны. Проведены археологические раскопки, наблюдения и сбор подъемного материала по улицам: МОПРа, Советская, Чернышевская, Красная, Знаменская, Московская, Орловская, Танкистов, Пролетарской Диктатуры, Артиллерийская, Связи, Верхнебереговая, Красноармейская, Первомайская, Луговая, Победы, Ильинская, Зайцева, Римского-Корсакова; на территории Введенского монастыря; в деревнях Фишева Гора, Заболотье, Стретилово (рис. 2). Составлен ситуационный план расположения курганной группы на восточной оконечности ул. Луговой в 130–140 м к югу от берега р. Тихвинки, в которой сохранились остатки 3–4 насыпей высотой 0,2–0,9 м, диаметром 3–8 м (рис. 3).

На основе полученных материалов С. М. Чернов сформулировал следующие выводы:

1) в районе, ограниченном на юге ул. Знаменской, на востоке ул. Новгородкой, Орловской и площадью Свободы, на западе ул. Верхне-Береговой, на севере ул. Труда расположены преимущественно мощ-

ные культурные отложения (в среднем 1,0–2,5 м), в значительной мере сохранившиеся до настоящего времени. Начало непрерывного заселения в округе Спасского собора и близ Знаменской церкви началось не позднее XVI в. Не исключено также, что в пределах данного района находятся селища, жители которых в конце XIV в. возводили первую деревянную церковь Успения, а также в XII–XIII вв. обслуживали пристань старого русла Тихвина;

2) районы в границах кварталов к западу и востоку от ул. Связи до ул. Орловской на северо-востоке и до берега р. Тихвинки по ул. Советской от ул. Труда на севере были заселены позднее. На указанных участках успел образоваться тонкий культурный слой (менее 1 м), который местами был почти уничтожен строительными работами XIX–XX вв. Тем не менее этот район интересен наличием остатков каменной и деревянной набережной XIX – первой половины XX в. Представляют ценность участки, связанные с каменным зодчеством XIX – начала XX в.;

3) левый берег р. Тихвинки от Успенского монастыря до восточной оконечности ул. Луговой и на юг до ул. Ильинской занят культурными напластованиями XVI–XIX вв.;

4) территория к северу и северо-востоку от Введенского монастыря представляет интерес и нуждается в археологических изысканиях;

5) на участке в районе от дома № 6 по ул. Римского-Корсакова до дома № 74 по ул. Советской зафиксировано наличие культурных отложений не позднее рубежа XVII–XVIII – первой половины XVIII вв. С этого времени жизнедеятельность в этом районе продолжается непрерывно, однако спорадически она могла возникать и ранее;

6) необходимо более глубокое археологическое изучение древнейших очагов заселения Тихвинского посада, в частности в районе Плахи, для выяснения вопросов его истории в XVI в. (Чернов, 1989а; 1990а; 1992).

В 1992 г. по результатам осуществленного цикла археологических изысканий С. М. Чернов разработал проект зон охраны памятников истории и культуры. Исследователь предложил выделить 22 памятника археологии в Тихвине и на прилегающих территориях с двумя типами зон, отличающихся режимом охраны (типом проводимых работ) (Чернов, 1992). Зоны охраны культурного слоя:

1) зона «Г» – зона археологических исследований предусматривает проведение археологических исследований на стадии предпроектных изысканий;

2) зона «Д» – зона археологических наблюдений предусматривает проведение археологических наблюдений за земляными работами в процессе их производства.

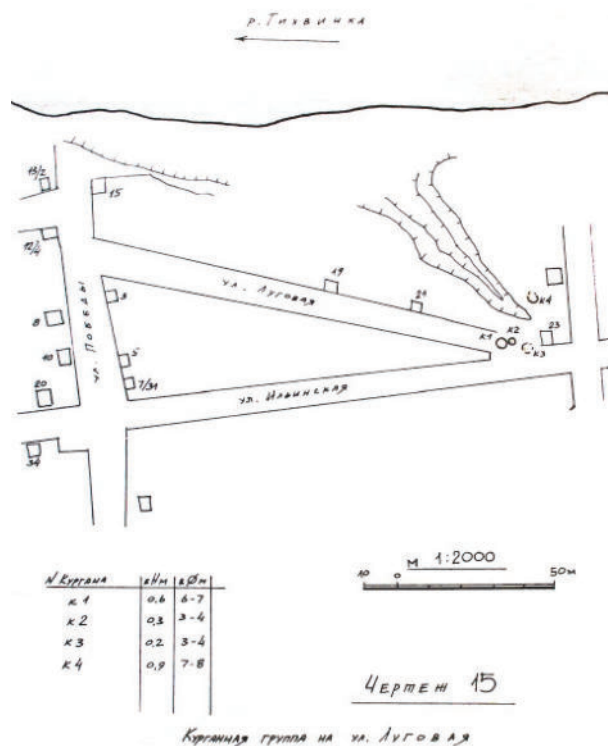

Рис. 3. «Тихвин 1–2. Культурный слой древнего Тихвина». План курганной группы на ул. Луговая. Составитель С. М. Чернов, 1990 (Чернов, 1992)

Памятники археологии:

1) культурный слой Большого Успенского монастыря, Пречистенского Тихвинского погоста и д. Волково XV–XVII вв., в том числе оборонительные деревянные стены, рубленные тарасами (1646–1649 гг.);

2) башня Никольские ворота (1687–1689 гг.);

3) Гостиные кельи и мастерские (1693–1696 гг.);

4) Житенные кельи (1697–1699 гг.);

5) оборонительные стены и башни конца XVIII – начала XIX в.;

6) монастырская гостиница (1799–1801 гг.);

7) амбары (1801 г.);

8) культурный слой деревень Онтоновское, Борисков След, Онтоновский След, Селино, конного двора Успенского монастыря XVI–XIX вв. и Тихвина XVIII–XIX вв.;

9) курганная группа XI–XIII вв. по адресу ул. Луговая, д. 37;

10) культурный слой деревень Киселево, Романова Гора и Тихвинского посада XV–XIX вв., в том числе остатки каменных зданий XVIII–XIX вв. по адресам: ул. МОПРа, д. 12–14, ул. Советская, д. 24 и 42, ул. Коммунаров, д. 19;

11) культурный слой деревень Нижние Исады, Гореево, посад Введенского монастыря XV–XVIII вв.;

12) воинские захоронение (1613 г.);

13) воинские захоронения XVII в.;

14) культурный слой части д. Нижние Исады и Введенского монастыря XV–XIX вв., в том числе колокольня (1655 г.), стены и башня рубежа XVIII–XIX вв.;

15) культурный слой деревень Наволок Котелевский, Стретилово и др. XV–XIX вв.;

16) культурный слой д. Верхние Исады и скотного двора Успенского монастыря XV–XIX вв.;

17) жальничный могильник XV–XVIII вв.;

18) культурный слой д. Фишева Гора XV–XIX вв.;

19) культурный слой д. Заболотье XV–XIX вв.;

20) культурный слой скита царицы Дарьи XVI–XVII вв.;

21) культурный слой Николо-Беседного монастыря с остатками каменных зданий и стен XVI–XIX вв.;

22) культурный слой Николо-Боровинской Мавриной пустыни с остатками каменных зданий XVI–XIX вв.

Проект не был реализован и, по-видимому, не учитывался при дальнейших разработках охранных зон ввиду отсутствия упоминаний и ссылок на него.

В 2003–2004 гг. этноархеологическая экспедиция РЭМ под руководством Л.В. Корольковой проводила работу по поиску новых средневековых поселений в юго-восточном Приладожье. В Тихвине проведено обследование территории в районе с усадебной застройкой между Успенским монастырем и зданием бывших монастырских конюшен. В шурфе площадью

8 кв. м на участке по ул. Красноармейской, д. 1(3) исследован культурный слой мощностью 0,6–0,7 м. Собранный в шурфе и на огородах керамический материал датирован XVI–XVIII вв. (Королькова, 2004) (рис. 1; 2).

В 2006 г. сотрудник ИИМК РАН С.В. Александров выполнял натурные обследования в 5-м микрорайоне Тихвина, на территории, ограниченной ул. Делегатской, Красноармейской, Ильинской, отводимой под строительство жилого квартала (рис. 2). Обследование бульдозерных отвалов почвенного грунта показало наличие незначительного количества артефактов конца XIX – начала XX в. На участке, отведенной под застройку севернее ул. Ильинской, в северной части сохранился фундамент южного флигеля бывшего здания гостиничного двора. Начало постройки гостиничного двора – конец XVIII в. Сделана глубокая зачистка дренажной канавы на участке к северу от ул. Ильинской, в 5 м к югу от фундамента южного флигеля гостиничного корпуса. Ширина зачистки 1,5 м, глубина 1,75 м. На глубине 1 м под насыпным грунтом зафиксирован перекрытый дерновый слой. Найденные в зачистке фрагменты из гумусированного слоя мощностью 0,20–0,25 м являются перемещенными артефактами из культурного слоя Тихвинского посада XVIII в. вниз по склону естественного понижения рельефа. По результатам работ рекомендовано пересмотреть границы отведенной территории на участке к северу от ул. Ильинской с учетом создания необходимой зоны охраны вокруг фундаментов бывшего гостиничного комплекса (Александров, 2007. Л. 3, 7–10).

В 2010 г. Ю.В. Катышевский провел археологические исследования и надзор на участке строительства газопровода среднего давления от перекрестка ул. Знаменской и ул. Чернышевского до перекрестка ул. Знаменской с ул. Новгородской, далее по ул. Новгородской до пересечения ее с ул. Коммунаров (рис. 2). Заложено пять шурфов общей площадью 26,5 кв. м. Мощность культурных напластований составила 0,6–0,9 м. Формирование антропогенных отложений на исследованных участках посада относится к периоду с конца XVI по XX в. Находок, свидетельствующих о существовании более раннего поселения, не обнаружено (Катышевский, 2011. Л. 5, 90).

В результате исследований С.Е. Шуньгиной в 2012 г. на участке по ул. Красноармейской, д. 1 и 3 констатировано почти полное уничтожение культурных отложений, зафиксированных в 2004 г. Л.В. Корольковой. Перспективной для исследования осталась небольшая зона в 2–8 м к северу и северо-востоку от северного фасада дома, выходящего на реку. Выявлена высокая степень сохранности

остатков деревоземляных укреплений Тихвинского шлюза 1810–1811 гг. Контрольные исследования, проведенные в шурфе 86, позволили сделать важные выводы о методах строительства шлюза (Катышевская, 2017. Л. 16) (рис. 2).

Осенью 2012 г. А.И. Катышевской выполнялись археологические работы на участке воссоздания Тихвинского шлюза – памятника регионального значения (1811 г.) (рис. 1). В результате полевых исследований изучены культурные напластования, принадлежащие периоду создания искусственного острова и гидротехнических сооружений, находящихся вблизи Тихвинского Успенского Богородичного монастыря и прилегающей к нему территории (ул. Красноармейская) (Катышевская, 2013).

В 2013 г. сотрудниками Тихвинской археологической экспедиции ИИМК РАН под руководством Н.В. Хвоцинской проводились археологические исследования на земельном участке, предназначенном для прокладки газопровода низкого давления по адресу: ул. Гагарина, пер. Речной. Культурных отложений ранее XX в. не выявлено (Хвоцинская, 2013) (рис. 2).

В 2015 г. в рамках строительства коммуникаций для газоснабжения микрорайонов индивидуальной жилой застройки А.И. Катышевской и А.Г. Фурасьевым проведены самые крупные по площади охвата археологические исследования на территории Тихвинского посада со времени экспедиции С.М. Чернова 1989–1991 гг. По ул. Гагарина, Римского-Корсакова, Полковая, Орловская, Труда, Социалистическая, Советская, Новгородская, Коммунаров, Знаменская, Чичеринская, Юных Разведчиков, Чернышевская, Полевая-Кузнецкая, Пролетарской Диктатуры, по переулкам Советский, Новый, Пролетарский культурные напластования изучены 57 шурфами общей площадью 132 кв. м и выполнены наблюдения за 18 траншеями общей площадью 113 кв. м (Катышевская, 2017; Фурасьев, 2016; 2017. С. 28–29) (рис. 2).

По итогам работ А.Г. Фурасьева было установлено, что во многих из раскопанных шурфов культурные напластования средневекового времени по большей части уничтожены или сильно повреждены перекопами, постройками и коммуникациями XX в. (шурфы 2, 9, 12, 16). Хорошо сохранившийся выраженный культурный слой с находками предположительно XV (?) – XVII вв., перспективный для возможного дальнейшего археологического изучения зафиксирован только на участке расположения шурфа 8. Здесь изучены остатки материковых ям, являющиеся, вероятно,

следами углубленных хозяйственных сооружений сравнительно раннего времени (до XVII в.). Менее хорошей сохранности и небольшой мощности культурный слой залегает также на участках шурфов 3–7, 10, 11, 14, 15. Полностью отсутствуют культурные напластования на участке 1, крайне минимально они выражены в шурфах 13 и 17. Никаких значимых объектов, обладающих признаками объекта историко-культурного значения, ни на одном из исследованных участков не зафиксировано (Фурасьев, 2016. Л. 47).

По результатам своих полевых изысканий А.И. Катышевская отмечает, что мощность культурного слоя, отложившегося в XVIII в. и в более ранние эпохи, сравнительно мала. Она уменьшается по ул. Новгородской к югу и увеличивается к площади Свободы и кварталам, заключенным между современными ул. Социалистической, Труда, Вязитским ручьем, то есть к центру старого Тихвина. В шурфах, заложенных на ул. Социалистическая, Коммунаров и Труда, раскрыты комплексы ям XVII в. и подполий наземных сооружений, тщательно забутованных после их разборки, вероятно, в XVIII в. В силу малых площадей раскрытий определить напластования более раннего периода Тихвинского посада как самостоятельные структуры не представилось возможным; следы эпохи становления Тихвинского посада и предшествующих ему деревень или слобод получены лишь в виде отдельных и весьма редких фрагментов керамических сосудов; возможно, культурный слой XVI в. и более раннего времени (если таковой и существовал в виде остатков допосадского поселения) оказался уничтожен в ходе активной хозяйственной деятельности в период XVII–XVIII вв. Территория, расположенная на правом берегу р. Тихвинки (ул. Римского-Корсакова), оказалась застроена относительно поздно для Тихвина – не ранее конца XVIII в. (Катышевская, 2017. Л. 226, 228, 229).

В 2016 г. сотрудники Отдела охранной археологии ИИМК РАН под руководством С.А. Семенова провели археологические обследования на двух объектах (рис. 2). На участке землеотвода напротив Дворца культуры им Н. А. Римского-Корсакова в двух шурфах общей площадью 8 кв. м культурных напластований ранее XX в. не зафиксировано (Семенов, 2016а). При проведении археологической разведки на объекте «Здание автосервиса, расположенное на земельном участке по адресу: г. Тихвин, ул. Школьная, д. 1» выявлен и исследован участок тихвинского единовременного православного кладбища XVIII–XX вв. В настоящее время наземные признаки погребений (кресты,

могильные плиты) не сохранились. Разведочными работами в трех шурфах открыто 10 погребений, два из которых изучены (Семенов, 2016б; Блохин и др., 2017. С. 12, 13).

В 2017–2018 гг. под руководством А.И. Катышевской археологические работы впервые проводились по ул. Октябрьской, ранее частично входившей в границы исторической д. Стретилово (рис. 2). Заложено 10 шурфов, общей площадью 24 кв. м. В результате, в районе пересечения ул. Ленинградской и Октябрьской, в двух шурфах изучены напластования XVII–XX вв. Остальные шурфы либо не содержали отложений старше 100 лет, либо находки ограничивались единичными фрагментами керамики конца XIX – начала XX в. В этих шурфах напластования представляли собой отложения второй половины XX в. – периода использования территории совхозом «Весна». Напластования на участке насыпи моста конца 1950-х гг. разобраны с помощью техники: здесь выполнялись наблюдения. Культурный слой не выявлен (Катышевская, 2018).

В 2020 г. археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством М.А. Раззак проводились разведочные работы в границах землеотвода проектируемого объекта «Строительство инженерной инфраструктуры (дороги, водоснабжение, газоснабжение) территории для индивидуального жилищного строительства между деревнями Заболотье и Фишева Гора Тихвинского городского поселения Тихвинского муниципального района Ленинградской области». В ходе работ на участке между деревнями Заболотье и Фишева Гора, а также по берегам р. Тихвинки было зафиксировано, что основу культурного слоя составляет сильно перемешанный слой хозяйственных участков позднесредневекового посада и напластования позднего времени (рис. 2). Насыщенность вещевым материалом очень незначительная. Общая площадь обследования составила 136 кв. м. Коллекция археологических находок включает 20 фрагментов керамических сосудов конца XVIII – начала XX в. (Раззак, 2020).

В 2020 г. локальные исследования на территории Тихвинского посада проводила С.Е. Шуньгина (рис. 2). Один шурф размерами 3 × 1 м заложен в центральной части города на территории Летнего сада напротив Преображенского собора. Общая мощность антропогенных отложений составила около 0,88–1,43 м. Исследованные напластования показывают их последовательное накопление без каких-либо позднейших нарушений. Керамика позволяет сделать предположение об освоении этой территории в XVII в. Зафиксированная

тонкая прослойка углистого слоя с единичными находками XVI в., перекрывающая яму, возможно, является следами одного из пожаров XVII в., но для точной датировки до года данных недостаточно. Второй шурф размерами 2 × 1 м заложен в границах д. Пещерка с целью поиска следов кирпичного производства периода позднего Средневековья – Нового времени. Общая глубина шурфа составила 0,34–0,46 м. Артефактов и признаков культурного слоя, подлежащего сохранению, следов существования кирпичного производства ни в отложениях, ни в собранном материале не обнаружено (Шуньгина, 2021. Л. 81–90, 93, 94).

Решением № 271 от 10.07.1978 культурный слой Тихвина был поставлен на учет под названием «Культурный слой древнего Тихвина и предшествующих ему поселений» в границах улиц Пролетарской диктатуры, Связи, Коммунаров, Красноармейской, Делегатской, микрорайона № 1, Римского-Корсакова, Гагарина, Зайцева, Октябрьской (Решение, 1978. Пункт 266) (рис. 4).

Решением Леноблисполкома № 111 от 09.03.1987 внесены уточнения в зоны охраны памятников истории и культуры г. Тихвина. Участки исторического культурного слоя и их границы обозначены в пункте V Решения:

- 1) территория, отвечающая пятну застройки Тихвина в середине XVIII в. (план 1760 г.);
- 2) курганная группа на ул. Луговой;
- 3) участок Николо-Боровинского монастыря в границах владения завода пластмассовых изделий, в 1 км на юг от ж.-д. станции Тихвин по дороге на Будогощь;
- 4) участок Николо-Беседного монастыря в границах владения автопарка, по дороге на Пикалево, в 3,2 км к востоку от Вязитского ручья.

Степень изученности исторической части Тихвина и основные выводы по результатам археологических исследований

На момент полевого обследования 2022 г. в Тихвине, исключая Успенский монастырь, с 1989 по 2020 гг. раскопками исследовано порядка 156 шурфов общей площадью 425 кв. м и четыре раскопа площадью 300 кв. м, проведены наблюдения за земляными работами на площади 750 кв. м, осмотрены траншеи протяженностью 1200 м, выполнено 19 зачисток длиной около 85 м, обследовано около 20000 кв. м территории на предмет сбора подъемного материала (рис. 1; 2; 5–7). К сожалению, исследования преимущественно связаны с прокладками коммуникаций и у археологов отсутствовал выбор места раскопок; котлованы зданий, как правило, обследовались постфактум.

Рис. 4. «Тихвин 1–2. Культурный слой древнего Тихвина». Совмещение планов Тихвина 1766 и 1770 гг. с картой Яндекс. Масштаб 1:8000

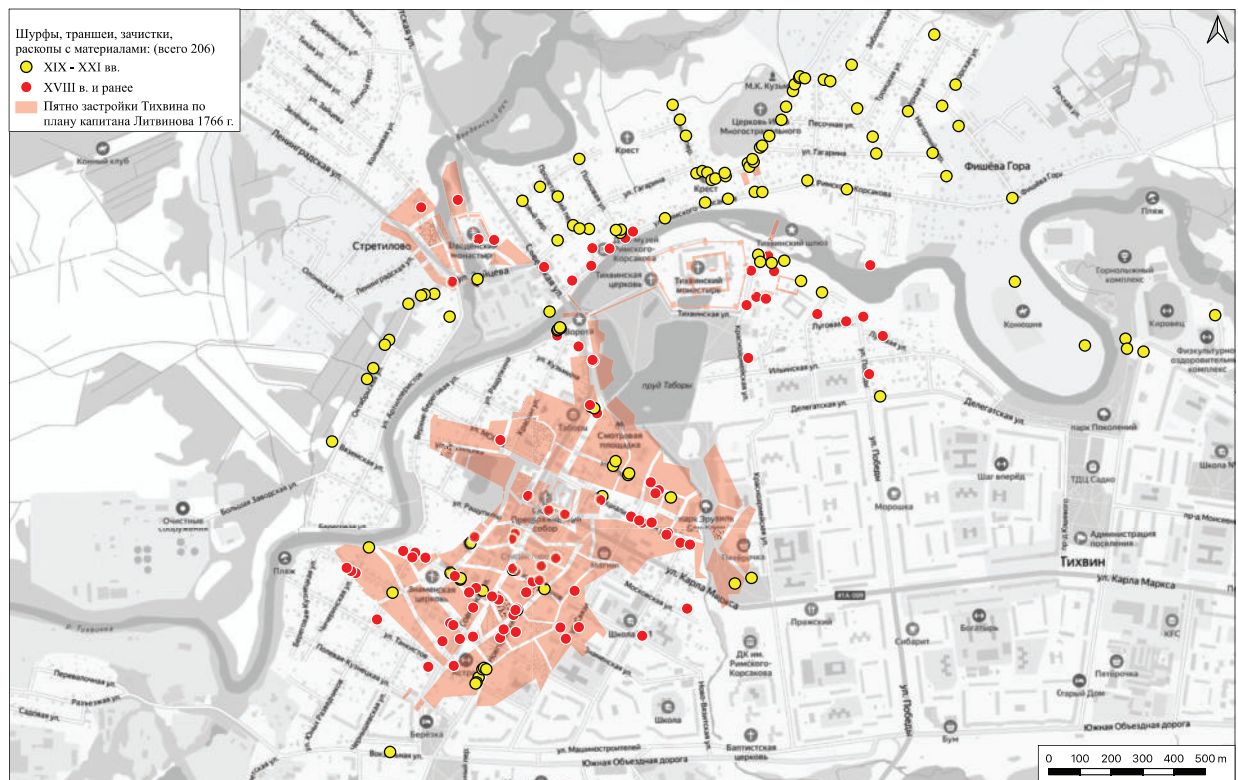

Рис. 5. «Тихвин 1–2. Культурный слой древнего Тихвина». Расположение шурфов, траншей, зачисток, раскопов с материалами до и после рубежа XVIII–XIX вв. в Тихвине на карте Яндекс. Масштаб 1:10000

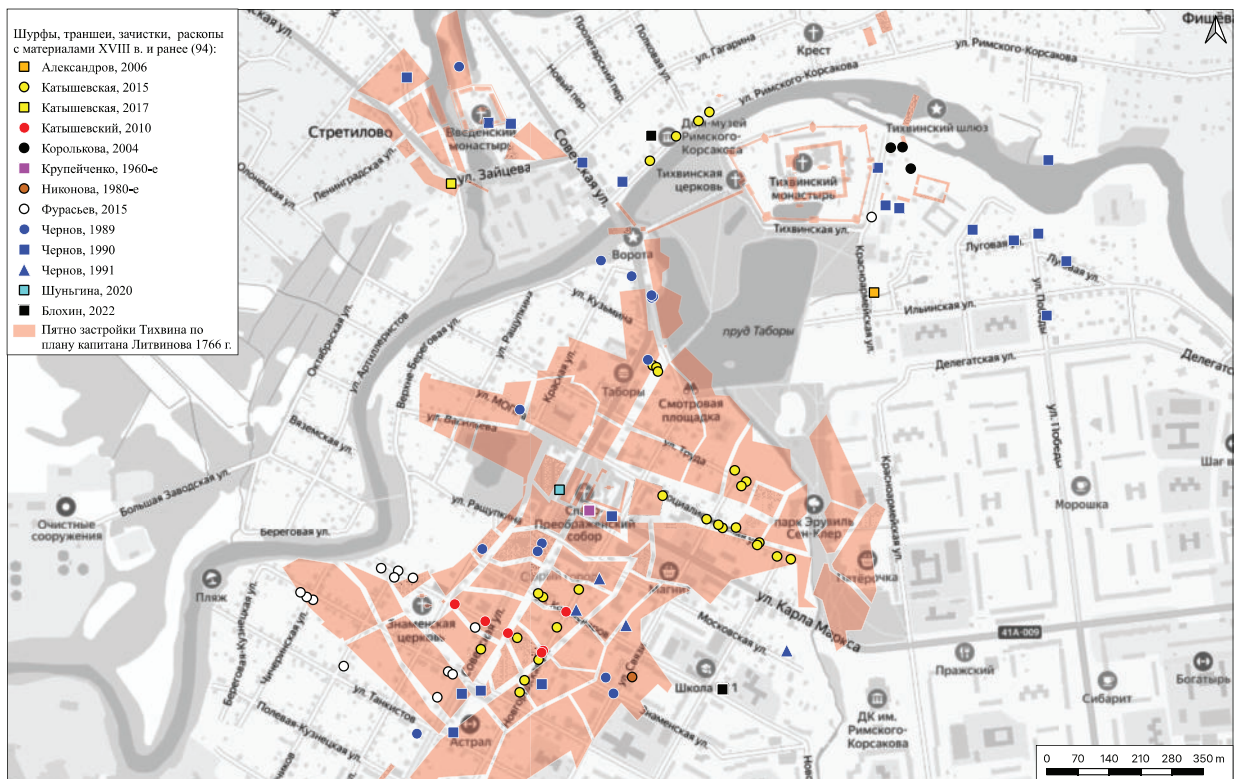

Рис. 6. «Тихвин 1–2. Культурный слой древнего Тихвина». Расположение шурфов, траншей, зачисток, раскопов с материалами XVIII в. и ранее в Тихвине на карте Яндекс. Масштаб 1:7000

Рис. 7. «Тихвин 1–2. Культурный слой древнего Тихвина». Границы археологического памятника на карте Яндекс. Масштаб 1:7000

Тем не менее полученные данные позволили оценить степень сохранности и мощность культурного слоя на разных участках, наметить границы и перспективы дальнейших изысканий.

Исследования, проведенные с 1975 по 2014 гг. на территории Большого Успенского монастыря общей площадью около 770 кв. м (Шуньгина, 2022. С. 382), позволяют с большой долей уверенности говорить о нахождении на территории обители древнейшего поселения (XI–XIII вв.), сменяемого Пречистенским погостом (XIV–XVI вв.). Ранние слои с находками зафиксированы локально к западу от Успенского собора, а также южнее Больничных келий и восточнее Житенных келий. Материалы XIV–XV вв. прослежены в северной части монастыря на месте восточного крыла Северных братских келий. Находки керамики указанного времени обнаружены практически повсеместно (Шуньгина, 2022. С. 395–399). На территории Тихвинского посада предметов и культурных напластований, свидетельствующих о наличии поселения ранее середины XVI в., не обнаружено (Катышевский, 2011. Л. 38, 39, 90; Катышевский, Шуньгина, 2013. С. 287, 290; Шуньгина, 2011. С. 76–77; Шуньгина, 2021. Л. 14–15). Несмотря на летописную традицию, повествующую о явлении на правом берегу Тихвинской иконы Божией Матери и закладки церкви в 1383 г., ранние для Тихвина антропогенные отложения XIV–XVI вв. здесь не зафиксированы (Катышевская, 2017. Л. 24, 26, 27, 31, 44).

Работы С.М. Чернова, Ю.В. Катышевского, А.И. Катышевской и А.Г. Фурасьева в первом приближении очертили ареал первоначального освоения Большого Тихвинского посада и его дальнейшего развития. По наблюдениям А.И. Катышевской до Смутного времени жилая застройка Тихвинского посада была распространена в границах территории размерами 0,5 × 0,5 км, площадью до 25 га, расположенной в контуре современных улиц Красной, Труда, Школьной и Коммунаров (Катышевская, 2017. Л. 229). С.М. Чернов в границы первоначального заселения, основываясь на письменных источниках, включал и участок ул. Знаменской рядом с церковью, однако работы А.Ю. Катышевского 2010 г. показали его освоение не ранее середины XVII в. (Катышевский, 2011. Л. 90; Чернов, 1990а. Л. 32). Низкая плотность населения, неравномерное покрытие территории усадебными комплексами, малые площади раскрытий пока не позволили зафиксировать следы посадской застройки. Наибольший интерес и перспективы обнаружения комплексов эпохи позднего Средневековья представляют участки, расположенные по адресу: ул. Советская,

д. 42, свободные от застройки в XVIII–XX вв. (Катышевская, 2017. Л. 229–230).

Во второй половине XVII – второй трети XVIII в. территория посада расширилась к северу, западу и югу от описанных выше границ. Культурный слой, отложившийся в этот период, простирается от ул. Кузьмина на севере до улиц Знаменской и Пролетарской Диктатуры на юге и от улиц Ращупкина и Юных Разведчиков на западе до Вязитского ручья на востоке. Ориентировочная площадь Тихвинского посада во второй половине XVII – второй трети XVIII в. достигала 70 га. На окраинах мощность культурного слоя, накапливавшегося на подзолистой почве в этот период, незначительна и редко достигает 0,15 м (Катышевская, 2017. Л. 229, 230).

В самом начальном состоянии находятся археологические исследования Введенского монастыря, Малого посада и предшествующих им деревень: Гореево, Нижние Исады, Наволок Котелевской; д. Верхние Исады, перенесенной на территорию Большого посада, пригородных слобод Стретилово, Фишева Гора, Пещерка. Первые разведки и сбор подъемного материала осуществил здесь в 1990 г. С.М. Чернов. На основе своих наблюдений исследователь предложил выделить как отдельные археологические памятники культурный слой Введенского монастыря, его посада и предшествующих деревень XI–XVII вв., культурный слой д. Пещерка XVII–XVIII вв., деревень Верхние Исады и Фишевой Горы. В 2008–2009 гг. Е.П. Варакин на основе сопоставления иконографии, редких фото городских видов и панорам определил границы пригородных слобод Фишева Гора, Стретилово, Пещерка (Варакин, 2012. С. 115–117, 119, 120). Исследования А.И. Катышевской 2015 г. вслед за работами С.М. Чернова на ул. Римского-Корсакова между мостом и домом-музеем композитора зафиксировали отложения XVIII в. и следы очага в более ранней яме, которая, к сожалению, оказалась без датировочного материала (Катышевская, 2017. Л. 37).

Во время исследований 2017–2018 гг. в шурфе на пересечении улиц Октябрьской, Ленинградской и Артиллеристов А.И. Катышевской изучены отложения XVII–XX вв., формировавшиеся в период появления малой пригородной слободки Тихвинского посада – д. Стретилово и дальнейшего ее развития вплоть до конца XX в. (Катышевская, 2018. Л. 55). К сожалению, работы М.А. Раззак и С.Е. Шуньгиной 2020 г. новых материалов по археологии деревень Фишева Гора и Пещерка не принесли, и эти объекты нуждаются в дальнейшем изучении, равно как и весь комплекс памятников на правом берегу р. Тихвинки.

Хронологические рамки ОКН «Тихвин 1–2. Культурный слой древнего Тихвина» («Культурный слой древнего Тихвина и предшествующих ему поселений»)

Нижняя граница памятника определяется XI в. по результатам исследований А. А. Никоновой и С. Е. Шунгиной на территории Успенского монастыря. В ходе археологических раскопок в непо потревоженных на нескольких участках предматериковых слоях найдена керамика аналогичная материалам раннесредневековых поселений и могильников XI–XII вв. Дополнительным основанием предложенной датировки является наличие курганов на ул. Луговой, зафиксированных в 1987 г. В. А. Назаренко и в 1990 г. С. М. Черновым; а также сведения архивных и библиографических источников о существовании сопок⁸. Верхняя граница памятника определяется в рамках пятна застройки Тихвина до тотального пожара 6 мая 1770 г., зафиксированного инструментальным планом капитана Литвинова 1766 г. (http://www.etomesto.ru/map-peterburg_tikhvin_1766/) и выведением населенного пункта из-под юрисдикции Успенского монастыря и получения статуса города 21 марта 1773 г. (рис. 4; 5; 6).

Территориальные границы ОКН «Тихвин 1–2. Культурный слой древнего Тихвина» («Культурный слой древнего Тихвина и предшествующих ему поселений»)

По результатам анализа архивных и библиографических материалов об изучении разнообразных археологических памятников на территории современного Тихвина территория ОКН «Тихвин 1–2. Культурный слой древнего Тихвина» («Культурный слой древнего Тихвина и предшествующих ему поселений») включает следующие объекты:

1) культурный слой поселения XI–XIII вв., фиксируемый на территории Успенского монастыря в составе ям различного происхождения, очагов, кострищ, жилищных впадин и сооружений, каменных выкладок, иных объектов, в том числе артефактов. Не исключено, что раскопки широкой площадью в будущем позволят проследить и локализовать синхронные напластования на участках, прилегающих к Спасо-Преображенскому собору и Знаменской на посаде. На данный момент материалы ранее конца XVI в. здесь не встречены;

2) культурный слой домонастырского поселения XIV – середины XVI в. – летописного Пречистенского погоста, культурный слой исторических деревень Волково, Онтоновское, Борисков След, Онтоновский След на Шевцове Горе, Селино, Киселево, Романова

Гора в составе ям различного происхождения, очагов, кострищ, жилищных впадин и сооружений, каменных выкладок, иных объектов, в том числе артефактов;

3) культурный слой монастыря второй половины XVI – середины XVIII в., в том числе слои, связанные с планировочными и дренажными работами перед разметкой построек, археологизированные каменные и деревянные объекты жилых и хозяйственных построек и дренажной системы обители, ямы различного происхождения, в том числе артефакты;

4) культурный слой хозяйственной примонастырской территории второй половины XVI – середины XVIII в.: огороды, пашни, сенокосы, археологизированные остатки каменных и деревянных подсобных построек (конный и скотные дворы, амбары, кузницы, сараи для хранения кирпича), ямы различного происхождения, очаги, кострища, в том числе артефакты;

5) культурный слой Большого Тихвинского посада второй половины XVI – середины XVIII в., включая ямы различного происхождения, очаги, кострища, жилищные впадины и сооружения, каменные выкладки, археологизированные остатки каменных и деревянных построек, в том числе артефакты.

Толщина культурных напластований на территории Успенского монастыря достигает 2,7 м, на примонастырской территории 0,3–0,8 м, на территории посада 1,5–2,5 м. Ранние слои маломощные в тех случаях, когда фиксируются непо потревоженными. Часто они нарушены в результате хозяйственной деятельности еще в древности, и освоение территории датируется по керамическому материалу. Особого внимания заслуживают материковые ямы, в которых сохраняются следы первичного освоения.

Для уточнения границ ОКН «Тихвин 1–2. Культурный слой древнего Тихвина» нами было заложено четыре шурфа размерами 1 × 1 м: шурфы 1–3 на ул. Римского-Корсакова у дома-музея композитора и в парке, шурф 4 на огороде дома 28 по ул. Школьной. Цель закладки шурфов 1–3 заключалась в получении дополнительного материала для принятия решения о включении этого участка в границы ОКН или все же рассматривать его как части изначально д. Нижние Иссады, а далее зоны освоения Введенского монастыря и Малого посада. После пожара 1770 г. эта территория входит в зону регулярной застройки, согласно плану А. Квасова, и вдоль набережной возводится ряд домов, в том числе дом семьи Н. А. Римского-Корсакова. Цель закладки шурфа 4 заключалась в проверке наличия древнего культурного слоя в квартале, ранее слабо охваченном археологическими работами (рис. 6; 7).

⁸ Из архивных материалов известно, что рядом с Тихвином на берегу р. Тихвинки располагались три насыпи: одна большая и две маленькие (Спицын. Л. 64).

Шурф 1 заложен в парке дома-музея в 92 м к северо-западу от асфальтовой дороги ул. Римского-Корсакова, в 25 м к юго-востоку от асфальтового покрытия ул. Гагарина, в 16 м к юго-юго-востоку от жилого дома № 10 по ул. Гагарина. Прослеженная стратиграфия (дерновый слой мощностью 0,15–0,20 м, коричневая супесь мощностью 0,35–0,40 м) и находки (железные гвозди, металлическая проволока, фрагменты поливной посуды, фарфора, изразцов и кирпичей) позволяют говорить, что формирование культурного слоя связано с освоением территории в качестве садово-паркового пространства в XIX–XX вв.

Шурф 2 заложен в парке дома-музея Римского-Корсакова в 4 м к юго-востоку от асфальтовой дороги ул. Гагарина, в 13 м к юго-востоку от жилого дома № 8 по ул. Гагарина, в 27 м к юго-западу от жилого дома № 10 по ул. Гагарина, 30 м к западу от шурфа 1. Шурф не доведен до материка, так как сразу после снятия дерна стало очевидно его неудачное расположение – большая мусорная яма, заполненная крупными валунами, полиэтиленом, битым кирпичом, шифером и пр. Небольшой зондаж глубиной 0,8 м в углу шурфа показал единообразное заполнение, представленное серой супесью. Среди находок фрагменты проволоки и кусок обуви. Появление ямы, скорее всего, связано с хозяйственной деятельностью на территории парка во второй половине XX – XXI в.

Шурф 3 заложен в 39 м к северо-западу от асфальтовой дороги ул. Римского-Корсакова, в 24 м на север от северного угла дома № 10 по ул. Римского-Корсакова, в 23 м к западу от северо-западного угла дома-музея Римского-Корсакова на территории, ныне принадлежащей музею. Ранее на участке также находился большой исторический деревянный дом. Шурф попал на границу пересечения двух мусорных ям, что стало ясно только на уровне материка, когда появилась «перемычка» между двумя объемами и были зачищены стенки. Сверху и до дна шел разновременный массовый материал, неоднократно перемешанный в ходе хозяйственной деятельности. Яма в западной части шурфа (яма 1) нарушила яму в восточной части шурфа (яма 2). Заполнение ямы 1 рыхлое, с большим количеством корней, представляет собой серую супесь с включениями материкового песка серо-коричневого цвета, золы и угольков. В южной части ямы прослеживается мощная угольная прослойка черного цвета. В заполнении видны вертикальные полосы серого цвета с фрагментами древесного тлена – возможно, это следы сгнивших бревен или досок. Заполнение ямы 2 плотное, слоистое с включением битого кирпича,

красной глины. Возможно, небольшой фрагмент непотревоженного культурного слоя мощностью 0,1 м, представленного темно-коричневой супесью, зафиксирован в южной и восточной стенках на материке. К сожалению, находок в нем не было. Предположительно он же в переотложенном виде прослеживается в южной и восточной стенках над прослойкой переотложенного материкового песка. Уровень, с которого впущена яма, определить сложно. Верхние 0,5 м заполнения шурфа представляют собой серую супесь со строительным мусором, которая, возможно, является результатом нивелировки поверхности. Яма 1, скорее всего, впущена с уровня современной дневной поверхности, так как пререзает слой серой супеси.

Массовый материал многочисленный и разнообразный: изделия из железа – гвозди, крепеж и неопределимые пластинчатые и массивные фрагменты; обломки пластмассовых изделий – виниловые пластинки, крышечка от стеклянного пузырька; алюминиевая пробка, резиновая подошва ботинка; большое количество стеклянных фрагментов от окон, бутылок, банок, стаканов, посуды, пузырьков; представительная серия фрагментов фаянсовой и фарфоровой посуды. Красноглиняная поливная керамика представлена в основном столовой посудой – мисками и плошками. Цвета поливы – различные оттенки коричневого. Находки белоглиняной поливной керамики с поливой желтого цвета с коричневыми и зелеными вкраплениями были единичными. Сероглиняная керамика представлена преимущественно фрагментами стенок и доньшек. Находки венчиков немногочисленны. Стоит также отметить наличие фрагментов изразцов с белой поливой, сельтерских бутылок из каменной массы, помадных банок. В целом находки из шурфа 3 датируются временем не ранее XVIII в.

Шурф 4 заложен на огороде дома № 28 по ул. Школьной, в 12 м к юго-востоку от дома № 28, в 11 м к северо-западу от асфальтовой дороги по ул. Коммунаров, в 32 м к юго-востоку от дороги по ул. Школьной. По результатам земляных работ прослежена следующая стратиграфия: дерновый слой отсутствует, черный гумус мощностью 0,20 м, коричневый гумус мощностью 0,25–0,30 м, материк – белый песок. Среди находок фрагменты оконного и бутылочного стекла, гвозди, фрагменты железных изделий, фрагменты фарфоровых и фаянсовых сосудов, фрагменты гончарной керамики и поливной керамики. Культурный слой небольшой мощности, по-видимому, сформировавшийся на окраине зоны, освоенной в XVIII в., многократно перемешан в ходе хозяйственной деятельности в более поздний период.

Согласно результатам археологических исследований на территории Успенского монастыря и Тихвина с 1975 по 2020 г., полевых работ 2022 г., изучения картографических и исторических материалов, границы ОКН «Тихвин 1–2. Культурный слой древнего Тихвина» («Культурный слой древнего Тихвина и предшествующих ему поселений») определены с учетом ландшафтно-топографической ситуации в виде двух участков в форме многоугольников неправильной формы (рис. 7). Площадь участка 1 275943 кв. м; площадь участка 2 887869 кв. м. Общая площадь ОКН 1163812 кв. м.

Участок 1 включает территорию Большого Успенского монастыря и территорию к востоку и юго-востоку от обители в границах улиц Ильинская, Делегатской, Красноармейской, Тихвинской и левого берега р. Тихвинки. Его западная граница проходит от ул. Делегатской на север до ул. Ильинской между участком, занятым жилым кварталом и детским садом «Улыбка», далее на запад по ул. Ильинской до ул. Красноармейской, затем на север до юго-восточной башни ограды монастыря, далее на запад вдоль южной стены до юго-западной башни, далее на северо-запад вдоль западной стены монастыря до берега р. Тихвинки. Основанием для этого послужили:

1) исторические планы, изображения и описания, которые фиксируют расположение монастыря и примонастырских построек (см. карты на сайте www.etomesto.ru; <https://www.prlib.ru/item/324246>; Тихвинский земский, 1916. С. 169; Мильчик, 2017. С. 42, 76, 77; Тихвинский край, 2019а. С. 16–17; 2019б. С. 56, 57, 62, 94);

2) исторические сведения об устройстве пруда в 1950-х гг. и его последующей чистке с перемещением выбранного грунта по берегам, организация парка (Александров, 2007. Л. 17);

3) археологические исследования С.В. Александрова 2006 г. на ул. Ильинской и наблюдения за земляными работами при устройстве внешнего освещения к югу и западу от стен монастыря (рис. 7);

4) проектные разработки зон охраны археологических объектов С.М. Чернова (1992).

Северная граница проходит вдоль берега р. Тихвинки до пересечения ул. Луговой и Ильинской. Основания:

1) исторические планы, изображения и описания, которые фиксируют расположение монастыря и примонастырских построек (см. карты на сайте www.etomesto.ru; <https://www.prlib.ru/item/324246>; Тихвинский земский, 1916. С. 169; Мильчик, 2017. С. 42, 76, 77; Тихвинский край, 2019а. С. 16–17; 2019б. С. 56, 57, 62, 94);

2) археологические исследования С.М. Чернова, Л.В. Корольковой А.Г. Фурасьева, наблюдения А.А. Никоновой (рис. 7);

3) проектные разработки зон охраны археологических объектов С.М. Чернова (1992).

Восточная граница проходит от ул. Луговой по ул. Ильинской на юг до ул. Делегатской. Основания:

1) исторические планы, изображения и описания, которые фиксируют расположение монастыря и примонастырских построек (см. карты на сайте www.etomesto.ru; <https://www.prlib.ru/item/324246>; Тихвинский земский, 1916. С. 169; Мильчик, 2017. С. 42, 76, 77; Тихвинский край, 2019а. С. 16, 17; 2019б. С. 56, 57, 62, 94);

2) археологические исследования С.М. Чернова, наблюдения А.А. Никоновой (рис. 7).

Южная граница проходит по ул. Делегатской. Основания:

1) исторические планы, изображения и описания, которые фиксируют расположение монастыря и примонастырских построек (см. карты на сайте www.etomesto.ru; <https://www.prlib.ru/item/324246>; Тихвинский земский, 1916. С. 169; Мильчик, 2017. С. 42, 76, 77; Тихвинский край, 2019а. С. 16, 17; 2019б. С. 56, 57, 62, 94);

2) археологические исследования С.М. Чернова, наблюдения А.А. Никоновой (рис. 7).

Участок 2 включает территорию Большого Тихвинского посада в границах левого берега р. Тихвинки, Вязитского ручья и ул. Полевой-Кузнецкой. Его западная граница проведена по краю береговой террасы западнее ул. Верхне-Береговой, ул. Ращупкина, ул. Чернышевской, по краю береговой террасы старого русла р. Тихвинки до начала ул. Знаменской, по краю береговой террасы р. Тихвинки до начала ул. Береговая-Кузнецкой. Основания:

1) совмещение современной карты и плана капитана Литвинова 1766 г., на котором пятно застройки доходит до берега р. Тихвинки (рис. 4);

2) информация в статье и на плане, напечатанных в «Тихвинском земском календаре-справочнике на 1917 г.», о том, что правый берег р. Тихвинки на начало XX в. так и остается незастроенным, хотя и был распланирован еще в конце XVIII в. (Тихвинский земский, 1916. С. 170) (рис. 4);

3) археологические исследования С.М. Чернова в 1989 г. и А.И. Катывшевой в 2017–2018 гг. не выявили культурных напластований ранее XIX в. на правом берегу р. Тихвинки (рис. 5);

4) археологические исследования С.М. Чернова в 1989 г. и А.Г. Фурасьева в 2015 г. на левом берегу р. Тихвинки (рис. 5–7);

5) в границу не включена территория ранее (до 1766 г.) занятая старым руслом реки.

Северная граница проведена по краю береговой террасы к северо-западу и северу от ул. Верхне-Береговой до устья Вязитского ручья. Основания:

1) археологические исследования С.М. Чернова в 1989 г. и А.И. Катышевской в 2015 г. (рис. 5–7);

2) археологические исследования 2022 г. Три шурфа было заложено на ул. Римского-Корсакова у дома-музея композитора и в парке (рис. 5–7).

Восточная граница проходит по западному берегу пруда Таборы и Вязитскому ручью до места примыкания к нему ул. Московской. Основания:

1) совмещение современной карты и плана капитана Литвинова 1766 г., на котором пятно застройки доходит до берега Вязитского ручья. Фрагмент на плане 1766 г. не принимается во внимание по нескольким причинам. Во-первых, в шурфах С.А. Семенова 2016 г. отсутствует культурный слой. Во-вторых, на планах 1678 и 1679 гг. за ручьем отсутствуют постройки кроме гумна. Жилую застройку, которая могла попасть на план 1766 г., можно допускать на рубеже XVII–XVIII – первой половине XVIII в. Опираясь на материалы исследований посада, мощность напластований, которые успели бы отложиться за столь короткий срок, не превышала бы 0,15–0,20 м. Любая многоэтажная застройка и даже самое незначительное благоустройство дворов и набережной неминуемо приводит к его утрате. За Вязитским ручьем присутствуют оба этих разрушающих фактора (рис. 5–7);

2) археологические исследования С.М. Чернова в 1989 и 1990 г., А.И. Катышевской в 2015 г., С.А. Семенова в 2016 г. (рис. 5–7).

Южная граница проведена от начала ул. Береговой-Кузнецкой до пересечения ул. Чернышевской и Полевой-Кузнецкой, по ул. Полевой-Кузнецкой, по прямой до Вязитского ручья в месте примыкания к нему ул. Московской. Основания:

1) совмещение современной карты и плана капитана Литвинова 1766 г. (рис. 4);

2) археологические исследования С.М. Чернова в 1989–1991 гг., А.Г. Фурасьева в 2015 г., А.И. Катышевской в 2015 г. маркируют границы селитебной зоны XVIII в. и зоны хозяйственного освоения: огороды, пахоту (рис. 5–7);

3) полевые исследования 2022 г. Шурф 4 заложен на огороде дома № 28 по ул. Школьной (рис. 5–7).

ПРИОЗЕРСК

Приозерск 1. Крепость Корела («Крепость Корела. Культурный слой и основание каменной башни»)

Памятник расположен в центре г. Приозерска, в 110 м к западу от Ленинградского шоссе. Представляет собой крепость с облицованными камнем земляными стенами и каменной башней. Изначально крепость располагалась на небольшом естественном острове в течении р. Узервы

(современная р. Вуокса), сейчас соединенном с западным берегом в результате обмеления реки и многочисленных подсыпок грунта. В современном виде крепость имеет в плане подквадратную форму с выступающими бастионами и теналью (рис. 8; 9). Крепость Корела вместе с Новой крепостью входит в состав комплекса оборонительных сооружений Приозерска, расположенных на соседних островах.

Краткая история крепости Корела XIV–XX вв.

Крепость «Корельский городок» была построена новгородцами в 1310 г. на небольшом островке в течении р. Узерва (современная р. Вуокса) в ответ на захват шведами Западной Карелии и строительство Выборгского замка (1293 г.). Летописи указывают, что строительству предшествовало существование небольшого острожка Кякисалми, который был полностью «разметен» перед возведением нового детинца (Раппопорт, 1961. С. 71; Кирпичников, 1984. С. 124–125; Сакса, 2011. С. 147–149, 153; 2014. С. 117; Краснолуцкий, 2017. С. 228–231).

«Корельский городок» стал центром и оплотом древнерусской культуры в регионе. С течением времени на соседнем острове и коренных берегах раскинулась посадская застройка. По краю природного острова для увеличения его площади и защиты от наводнений была возведена непотопляемая бревенчатая платформа и, возможно, укрепления из городней. На острове могло поместиться 100–110 изб насельников-городчан (Кирпичников, 1978. С. 60; 1984. С. 129–134). По расчетам А.Н. Кирпичникова в начале XIV в. площадь детинца составляла около 6000 кв. м.

В 1364 г. в западной части детинца при участии новгородского посадника Якова была построена каменная башня – костер. Долгое время она оставалась единственным каменным сооружением «Корельского городка» (Кирпичников, 1978; 1984. С. 132, рис. 58). Основание ее было обнаружено в ходе археологических исследований А.Н. Кирпичникова в 1972–1973 гг. (Кирпичников, 1973а; Кирпичников, 1974б; Кирпичников 1984. С. 129–134, рис. 57–59). Насколько долго башня посадника Якова использовалась в системе фортификации крепости доподлинно не известно, но раскрытая при раскопах прикладка к стенам является свидетельством ремонта и утолщения ее стен в процессе приспособления к огнестрельному бою. В наиболее ранних из дошедших до нас шведских письменных документах 80-х гг. XVI в. каменная башня в Кореле уже не упоминается. В процессе первого этапа реставрационно-восстановительных работ в крепости за башню посадника Якова была принята Круглая башня (Башня Ларса Торстенсона),

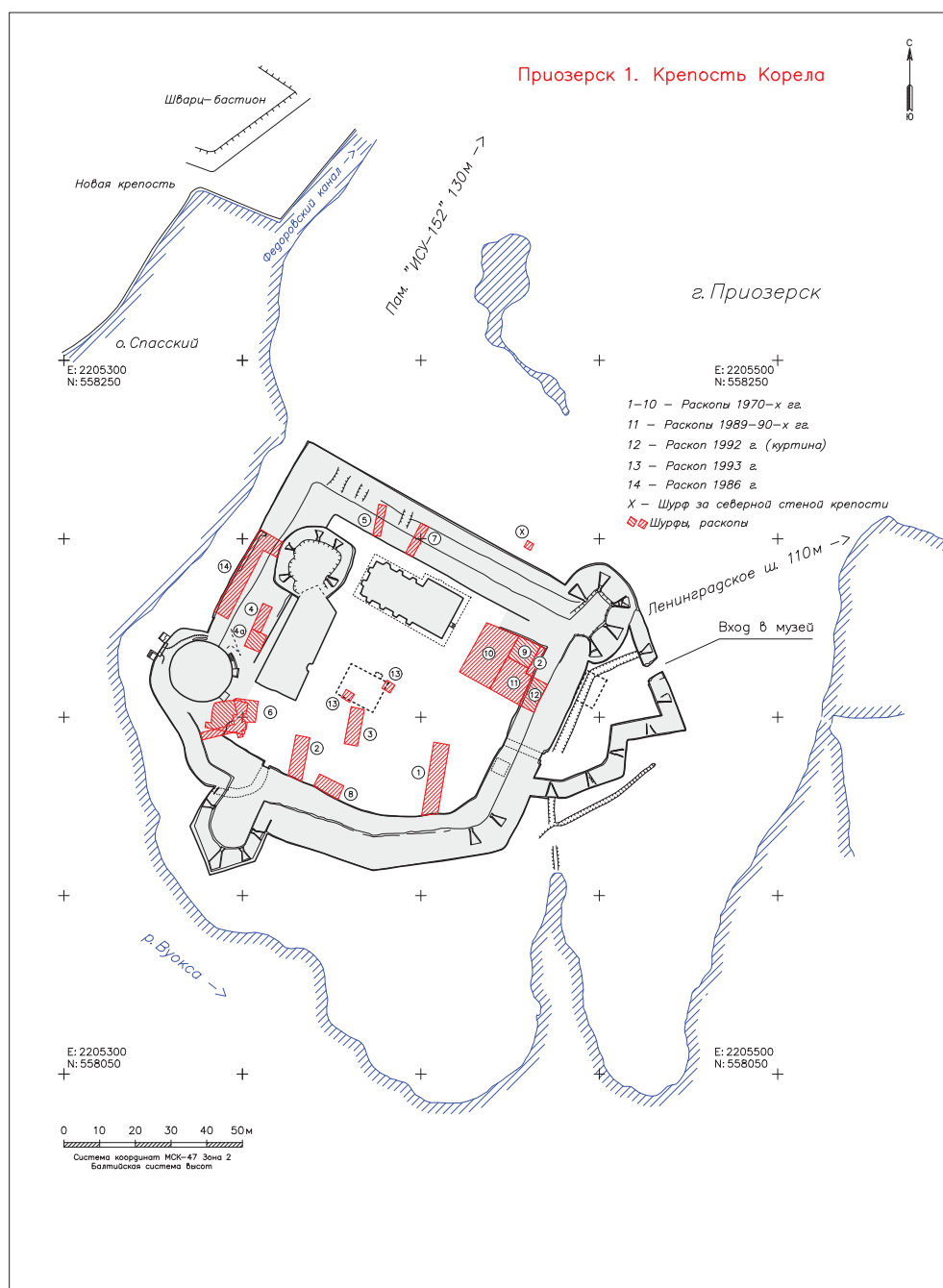

Рис. 8. «Приозерск 1. Крепость Корела». Схема расположения раскопов, траншей и шурфов. Масштаб 1:1000

построенная шведами в конце XVI в. (Косточкин, Драги, 1963), но после раскопок А.Н. Кирпичникова недоразумение разрешилось (Кирпичников, 1978; Хаустова, 2015. С. 94–95).

В Московский период крепость и город получили название Корела. В условиях активизации шведской агрессии конца XVI в., согласно разрядным книгам с 1577 по 1578 гг., в крепости находилось сразу несколько воевод, усилия которых были направлены

на повышение ее обороноспособности. Тогда же на соседнем Спасском острове, занятом посадской застройкой, появляется еще одно укрепление с деревоземляными стенами – Новая крепость.

В 1580 г. армия под предводительством Понтуса Делагарди захватила Корелу и на 15 лет город перешел под власть шведов. Тогда была начата перестройка крепостных сооружений, стены нарастили бревнами и землей, и начали

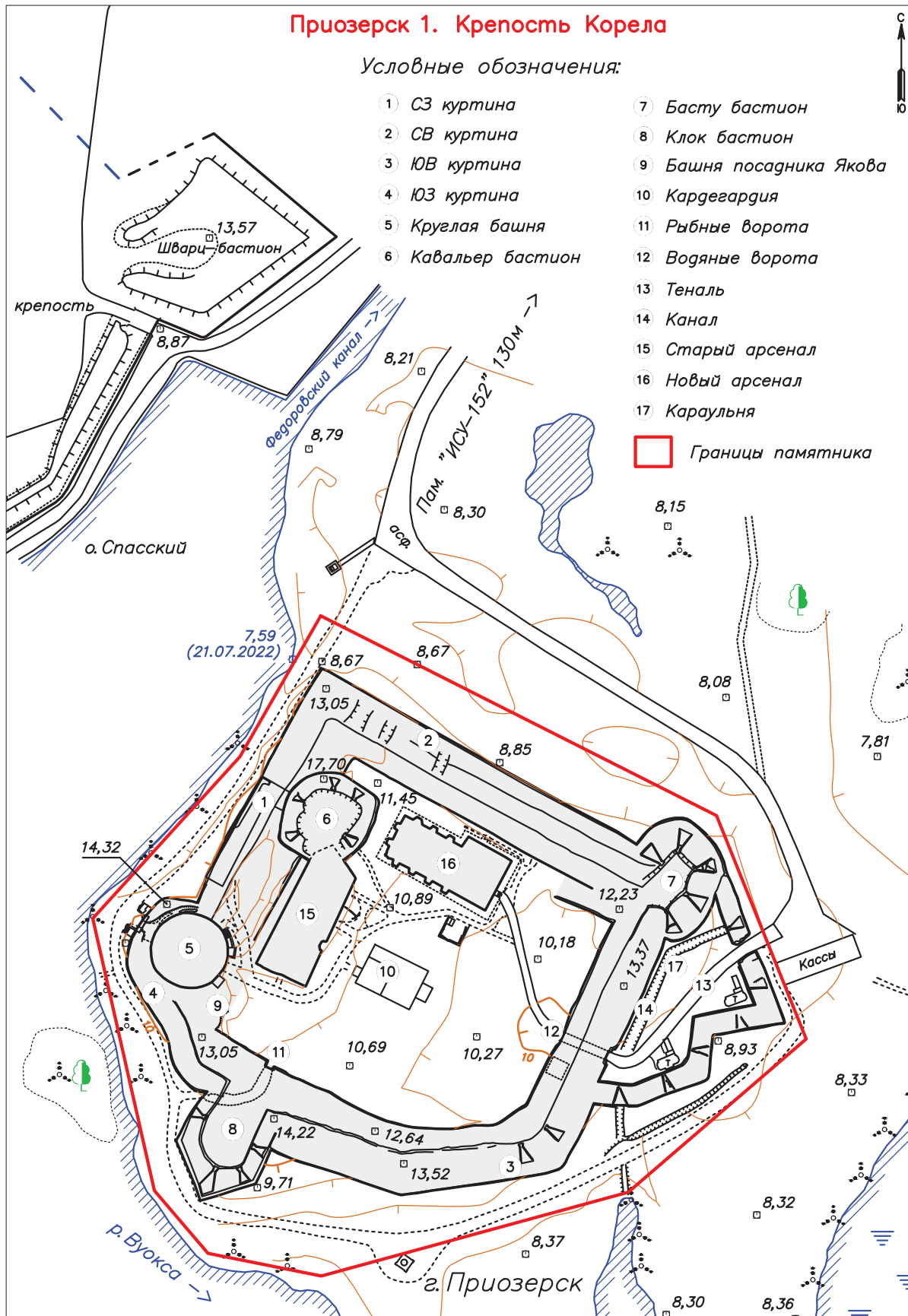

Рис. 9. «Приозерск 1. Крепость Корела». Топографический план с установленными границами памятника

лицевать камнем (Мильчик, 1984. С. 168). В 1581–1584 гг. военно-инженерные работы проводились под руководством мастера Якоба ван Стенделя (Schvindt, 1898. S. 29). По мнению А. Н. Кирпичникова, уже в 1585 г. в западной части крепости-острова была построена Круглая башня (Башня Ларса Торстенсона), которая до сих пор является крепостной доминантой (Кирпичников, 1984. С. 137, прим. 63). На верхнем бое башни располагались восемь пушечных бойниц, равномерно распределенных для ведения кругового обстрела. После того как с двух сторон к башне примкнула куртина, часть бойниц оказалась перекрыта, что говорит об изменении первоначального проектного решения фортификационного строительства (Мильчик, 1984. С. 170). Печуры нижнего боя переделали под воротный проезд. С середины XVIII в., когда крепость начали использовать в качестве политической тюрьмы, верхний бой башни разделили на отдельные камеры и соорудили три каменные печи (Хаустова, 2015. С. 93).

В начале XVII в. город вновь отошел шведам и получил новое название Кексгольм. Приспособление укреплений под современный огнестрельный бой было продолжено. Центр обороны сместился в Новую крепость (в шведских документах она называется «Город» – Stadt), а детинец называется «Замок» (Schloss). Замок и Спасский острова соединял деревянный мост.

В 1710 г. русские войска взяли город в ходе боевых действий Северной войны. На протяжении XVIII в. безостановочно ведется реконструкция крепости, в ходе которой производится модернизация и облицовка камнем бастионов, на их площадках появились амбразуры, к куртинам пристроены аппарели, появляется теналь с внутренним каналом. В Клок-бастионе был пробит и оформлен камнем проход, заканчивающийся Рыбными воротами. В 1727 г. была составлена «Опись Кексгольмской крепости» с описанием состояния фортификаций и всех ее построек (Мильчик, 1984. Приложение). В 1776 г. строится кирпичное здание Нового арсенала, а в 1750 г. каменная кардегардия, от которой сейчас в центре крепостного двора сохранился только фундамент. Тогда же к внешним воротам в Круглой башне пристроили портик, который затем укрепили контрфорсами (Хаустова, 2015. С. 93). Военное значение Кексгольмская крепость утратила лишь в начале XIX в. и с этого времени окончательно превратилась в политическую тюрьму.

В 1866 г. к особенностям фортификации Корелы-Кексгольма обратился военный инженер Ф. Ф. Ласковский. Чертежи крепости приведены

в его фундаментальном издании «Материалов для истории инженерного искусства в России» (Ласковский, 1866. С. 20).

В период Второй мировой войны все деревянные сооружения на территории крепости сгорели, а каменные постройки лишились кровель (Хаустова, 2015. С. 93). В 1958 г. приозерский краевед И. А. Кислицын поднял вопрос о возрождении и музеефикации крепостных сооружений. По его свидетельству, на территории Старой крепости пасся скот и находились огороды. По запросу общественности в конце 50-х гг. XX в. начались первые реставрационные работы (Дмитриев, Лихой, 2009. С. 523). К проектированию и проведению реставрационных работ на территории Корелы приступили Специальные научно-реставрационные производственные мастерские. В период с 1960 по 1972 гг. проводились работы по восстановлению Круглой башни и здания Нового арсенала. К началу 70-х гг. стало понятно, что продолжение работ невозможно без проведения всестороннего исследования памятника, включающего и археологические раскопки. С этого времени на территории детинца начали проводиться археологические исследования под руководством А. Н. Кирпичникова (1972–1973, 1975–1976 гг.), В. А. Назаренко (1975 г.), С. М. Чернова (1986 г.), А. И. Саксы (1989–1990, 1992–1993 гг.) (рис. 8).

В 1976 г. институтом «Спецпроектреставрация» были разработаны «Проектные предложения по ансамблю крепости Корела»; авторами проекта являлись архитекторы И. А. Хаустова и В. А. Дубницкий (Хаустова, 2015. С. 93). Авторы придерживались методики, направленной на сохранение основных объемов крепости с воссозданием отдельных элементов крепостного ансамбля. Проект ориентировался на фортификации конца XVIII в., так как их состояние наиболее полно отражено в исторических чертежах.

В начале января 1962 г., когда первый этап реставрации подходил к концу, в здании Нового арсенала на общественных началах был организован народный краеведческий музей. Первоначально фонды музея формировались из экспонатов, переданных местными жителями, краеведами и любителями истории. Официально создание музея было зарегистрировано 17 июня 1962 г. В декабре 1972 г. музей приобрел статус государственного учреждения культуры и стал называться Приозерским историко-краеведческим музеем (Дмитриев, Лихой, 2009. С. 523–524). Выставочные залы размещены в помещениях Круглой башни, Нового и Старого арсеналов.

Археологическое изучение крепости Корела

Впервые древнее прошлое Корелы-Кексгольма последней четверти XVI – XVII в., сохраненное в документах шведских архивов, было осмыслено и опубликовано финским археологом Т. Швиндтом в конце XIX в. (Schwindt, 1898; Кирпичников, 1979а. С. 74; Краснолуцкий, 2017. С. 317). Этот труд до сих пор остается фундаментальным для интеграции археологических данных в историческую канву истории крепости. Т. Швиндт провел небольшие раскопки в крепости в 1891 г., результаты которых остались неопубликованными. Известно лишь, что были найдены части оружия, бытовой утвари, черепки посуды, разного времени (Кирпичников, 1978. С. 53).

В 1972 г. первые работы начал Приозерский отряд Ленинградской археологической экспедиции, организованный ЛОИА АН СССР совместно с Областным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а также с Управлением культуры Леноблсполкома и историческим факультетом ЛГУ под руководством А. Н. Кирпичникова. Перед отрядом стояли задачи: обнаружить и исследовать древний культурный слой крепости, изучить его укрепления, уточнить топографию, попытаться отыскать первоначальное место города и его монументальные каменные постройки. В разных частях крепости было заложено восемь раскопов общей площадью 320 кв. м. Подробное описание хода и результатов работ, а также некоторые выводы опубликованы в отдельной работе (Васильев и др., 2023), поэтому здесь остановимся на них лишь кратко. В ходе раскопок А. Н. Кирпичникова впервые были открыты два уровня остатков деревянной застройки территории крепостного двора, разделенные слоем пожара. После проведения дендрохронологического анализа нижний горизонт застройки был отнесен к 1310–1360 гг., а верхний к 1360–1380-м гг. Исходя из полученных данных, углистый слой между ними, таким образом, оказалось возможно связать с масштабным пожаром, который произошел в 1360 г. и упоминается в письменных источниках (Кирпичников, 1984. С. 126, прим. 38). Помимо этого, в ходе раскопок были проведены наблюдения за сохранностью и характером культурного слоя, впервые отмечено отсутствие напластований XV–XVI вв., которые, как показали последующие исследования, были использованы для строительства куртин шведского периода (Чернов, 1989а. Л. 3; Сакса, 2011. С. 151). В северо-восточной части крепости в основании культурных напластований был открыт массивный настил из бревен, интерпретированный как специальная непотопляемая платформа, предназначенная для увеличения площади острова

и защиты от подтопления. В ходе работ было найдено большое количество разнообразных находок, характеризующих Корелу как крупный поликультурный центр. Представлены вещи, характерные для Северо-Западного региона в целом, христианские древности, изделия, связанные с новгородской художественной традицией, а также типично карельские. В коллекции керамики представлены фрагменты только гончарной посуды. На основании обработки керамической коллекции была составлена схема последовательных изменений формы горшков Корелы XIV в. (Кирпичников, 1973. Л. 8, 9, 30).

Важнейшим результатом раскопок 1972–1973 гг. явилось обнаружение в западной части крепости основания каменной башни новгородского посадника Якова, построенной в 1364 г. (Кирпичников, 1978). Руины стен башни находились на глубине 0,5–2,9 м от дневной поверхности. Полнота их сохранности позволила автору работ реконструировать изначальный вид сооружения. Валунный фундамент башни сохранился на высоту 1,5 м. Пол башни был земляным. Вход в нее располагался с восточной стороны (Кирпичников, 1973б. Л. 10–11; 1974. С. 1–3; 1984. С. 128–134). Вдоль стен башни фиксировалась прикладка из булыжника (диаметром 0,4–0,6 м), пролитого известковым раствором. Сохранившаяся высота прикладки 1,1 м, толщина около 1 м. А. Н. Кирпичников предполагал, что прикладка была сделана в XV в.

Археологические исследования Корелы продолжались в 1975–1976 гг. Приозерским отрядом ЛОИА АН СССР (Назаренко, 1976. С. 30–31; Кирпичников, 1976; Кирпичников, Назаренко, 1977; Васильев и др., 2023. С. 186). В 1985–1986 гг. в связи с реставрационными работами в северо-западной части крепости на куртине, в здании Старого арсенала и Кавальер-бастионе раскопки в крепости были возобновлены. Совместные архитектурно-археологические работы были организованы ЛОИА АН СССР, Инспекцией охраны памятников Управления культуры Леноблсполкома и Ленинградским филиалом института «Спецпроектреставрация» по программе, разработанной ЛФИ «Спецпроектреставрация» при участии главного архитектора проекта И. А. Хаустовой и археолога А. Н. Кирпичникова. В течение двух лет проводились исследования эскарповой стены северо-западной куртины с внутренней стороны, а также поперечной эскарповой стены, в средней части которой была обнаружена и исследована камера бойницы; отдельно проводилась разведочная шурфовка основания Кавальер-бастиона и фундамента здания Старого арсенала

(Кузьмин и др., 1988. С. 25–26; Чернов, 1989а. Л. 1; 1989б).

В ходе работ на участке между Кавальер-бастионом и Круглой башней была заложена траншея длиной около 26 м, глубиной до 5 м, а также шурф между зданием Кавальер-бастиона и бруствером куртины с целью изучения нижней части выявленной поперечной стенки. В результате куртина изучена на всю высоту насыпи. Для изучения напластований ниже уровня крепостного двора заложены дополнительные шурфы. По итогам работы насыпь куртины была разделена на семь слоев, включающих не только прослойки грунта, но и остатки деревянных конструкций. В основании куртины (слой VII) располагался слабогумусированный слой крупнозернистого речного песка с вкраплениями щебенки и древесного угля, содержащий небольшое количество керамики XIV–XV вв. Под слоем VII располагалась прослойка серо-голубой глины мощностью 0,10–0,12 м, ниже находились крупные камни, препятствующие дальнейшему углублению (Чернов, 1989а. Л. 5–7, 10). Из насыпи куртины происходит всего несколько индивидуальных находок: железный ножик, фрагмент точильного бруска, железные гвозди, фрагмент оконницы XIV–XVII вв., а также наконечник арбалетной стрелы XIII–XV вв., который находился под основанием фундаментной подкладки насыпи (Чернов, 1989а. Л. 14; 1989б. Рис. 7, 10, 25, 26, 49). Хронология переотложенного культурного слоя в теле куртины была уточнена по итогу обработки коллекции фрагментов венчиков керамических сосудов. В основу анализа положены результаты наблюдений А.Н. Кирпичникова над процентным соотношением содержания типов венчиков горшков в ранее датированных слоях Корелы с учетом доли фрагментов посуды из беложгущейся глины (Чернов, 1989а. С. 12–14).

В 1989 г. по инициативе А.Н. Кирпичникова археологические исследования в детинце продолжились силами экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством А.И. Саксы (Сакса, 1989). Детали этих исследований также рассмотрены в отдельной публикации (Васильев и др., 2023). В ходе работ в насыпи восточной куртины обнаружена каменная стена и пристроенная к ней постройка шведского времени (Сакса, 2010. С. 225). В основании культурного слоя расчищены остатки деревянной конструкции, время существования которой, по данным радиоуглеродного датирования, относится к концу XIII в. Эта находка позволила А.И. Саксе предположить, что древний разметенный острожек Какисалми, располагался на этом же острове. Не менее интересными являются выводы автора

работ о возможном существовании на острове могильника раннесредневекового времени (Сакса, 2010. С. 229).

А.И. Сакса проводил важные наблюдения относительно соотношения воды р. Вуокса и нижнего уровня деревянных конструкций, открытых в археологических раскопах. В ходе этих работ за пределами крепости, но поблизости от основания ее северной стены был заложены отдельные шурфы, в котором выявлено наличие культурного слоя и были найдены фрагменты керамической посуды (Васильев и др., 2023. С. 192). Согласно проведенным измерениям, нижний горизонт древних построек располагается лишь на 0,34 м выше современного уровня воды в реке, которая до середины XIX в. была значительно полноводнее. Таким образом, на момент строительства островной крепости уровень воды в реке был близок современному, а участок отличался сильной порожистостью, что отмечалось в летописных источниках и отражено на картах-реконструкциях (Сакса, 1990. Л. 5; 2010. С. 230; 2022. С. 229).

В изданной в 1995 г. В.А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Корела. Древнерусский город в южной части г. Приозерск занимал два острова на р. Вуокса, которые в настоящее время в связи с понижением уровня реки соединились с материком» (Лапшин, 1995. С. 159. № 1570).

Архив учетных и охранных документов памятника Приозерск-1. Крепость Корела

В административных и охранных документах фортификационные сооружения Старой и Новой крепостей Приозерска часто рассматривались комплексно. Постановлением Совета министров РСФСР № 389 от 22.05.1947 комплекс крепостных сооружений XV–XVII вв. г. Кексгольма (состоящий из Старой и Новой крепости) был включен в число памятников архитектуры республиканского значения, взятых на государственную охрану. Комплекс крепостных сооружений: «Крепость Корела, XIV–XVIII вв., Новая крепость, XVI–XVIII вв.» был поставлен на охрану как памятник государственного значения Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30 августа 1960 г.

20 декабря 1999 г. был составлен паспорт памятника архитектуры «Крепость Корела. Комплекс крепостных сооружений г. Приозерска» XIV–XVIII вв. (Паспорт, 1999). Комплекс объединяет два крупных ансамбля: Старую и Новую крепости. Тогда же были составлены три Учетные карточки на памятники архитектуры: Комплекс крепостных сооружений,

XIV–XVIII вв. (Учетная, 1999а); Комплекс крепостных сооружений. Старая крепость – Корела. XIV–XVIII вв. (Учетная, 1999б); Комплекс крепостных сооружений. Новая крепость. XVI–XVIII вв. (Учетная, 1999в). Также в архиве Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области удалось обнаружить заготовку паспорта памятника археологии «Крепость Корела» XIII–XVI вв.».

Приказом Комитета по культуре Ленинградской области № 01-03/14-07 от 30 января 2014 г. были установлены границы объекта культурного наследия федерального значения «Комплекс крепостных сооружений: крепость Корела, XIV–XVIII вв., Новая крепость, XVI–XVIII вв.» (Приказ, 2014). Согласно Приказу Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области № 01-03/21-250 от 24 декабря 2021 г. был установлен предмет охраны ОКН федерального значения «Комплекс крепостных сооружений», в состав ансамбля которого входят крепость «Корела» и Новая крепость (Приказ, 2021в). 12 апреля 2021 г. вышел приказ Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области № 01-03/21-56 о включении архитектурных сооружений крепости Корела в Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Ленинградской области. Находящиеся на территории памятники археологии (культурный слой и основание каменной башни) в список не попали (Приказ, 2021а). Приказом № 01-03/21-60 от 21.04.2021 Об установлении предмета охраны объекта культурного наследия федерального значения «Крепость Корела», XIV–XVIII вв., входящего в состав объекта культурного наследия федерального значения «Комплекс крепостных сооружений», XIV–XVIII вв., в список элементов предмета охраны был включен «Культурный слой и основание каменной башни» (Приказ, 2021г).

Хронологические рамки ОКН «Крепость Корела. Культурный слой и основание каменной башни»

В охранных документах хронологические рамки ОКН приведены в следующем виде: культурный слой XIV–XVIII вв. и основание каменной башни XIV в. Культурный слой крепостного двора полностью вмещает в себя основание каменной башни. Время строительства крепости имеет летописную дату 1310 г. Однако по результатам археологических раскопок А.И. Саксы известно, что под основанием Корельского городка залегает культурный слой с остатками острожка Какисалми конца XIII в. и могильника, располагавшегося на острове в эпоху раннего Средневековья. Поэтому нижняя хронологическая граница ОКН может определяться и более ранним временем.

Верхняя хронологическая граница носит еще более условный характер, так как искусственно разделяет период накопления культурного слоя конца шведского владения крепостью. Исходя из формулировки названия памятника, она должна определяться по крайней мере временем, когда крепость была упразднена как военный объект и стала политической тюрьмой, что, однако, не повлияло на накопление культурного слоя. Исходя из этого, верхнюю хронологическую границу памятника логично проводить в середине XX в.

Территориальные границы ОКН «Крепость Корела. Культурный слой и основание каменной башни»

Исходя из совокупности данных, границы памятника должны проходить вдоль края первоначального острова, полные очертания которого в настоящее время трудноопределимы. По результатам исследований А.И. Саксы уровень воды средневекового времени был близок современному, что позволяет с достаточной степенью уверенности провести границу памятника с западной и частично южной сторон по линии современного уреза воды. Как показали шурфовки А.И. Саксы, с северной стороны культурный слой распространяется за пределы крепостных стен, что показывает, что укрепления занимали не всю поверхность суши. Поэтому границы памятника с северной стороны проведены с учетом ландшафтно-топографической ситуации вдоль края понижения подсыпанной современной дневной поверхности. Для выявления перепада использовались цифровая модель местности, выполненная по данным аэрофотосъемки, а также данные топографической съемки территории.

В ходе работ по инвентаризации памятников в 2022 г. в первую очередь был произведен сбор архивно-библиографических данных. В ходе полевого этапа работы производился визуальный осмотр крепости Корела, составлено общее текстовое описание ландшафтной ситуации и технического состояния территории крепостного двора, произведена фотографическая фиксация как общих видов, так и его отдельных объектов, выполнены съемка топографического плана территории памятника и построена цифровая модель местности по данным выполненной аэрофотосъемки, определены границы с координатами поворотных точек. Ансамбль крепости в 2022 г. состоит из следующих объектов:

- 1) здание Нового арсенала с большим пороховым погребом (1769–1776 гг.);
- 2) здание Старого арсенала (1581–1591 гг.);
- 3) вал с валгангом и бруствером (XIV–XVI вв.);
- 4) Басту-бастин (XVI–XVIII вв.);
- 5) Круглая башня (XVI–XVIII вв.);

- 6) Кавальер-бастион с пороховым погребом (XVII–XVIII вв.);
- 7) Клок-бастион (XVI–XVIII вв.);
- 8) фундамент кордегардии (1780–1817 гг.);
- 9) куртина северо-восточная (XVI–XVIII вв.);
- 10) куртина северо-западная (XVI–XVIII вв.);
- 11) куртина юго-восточная (XVI–XVIII вв.);
- 12) куртина юго-западная (XVI–XVIII вв.);
- 13) теналь (XVI–XVIII вв.);
- 14) культурный слой (с конца XIII в.) и основание каменной башни (1360 г.).

Основание каменной башни, исследованное раскопками 1972–1973 гг., располагается в юго-западном углу крепостного двора. После раскопок руины были законсервированы в культурном слое крепости. Поверхность крепостного двора выровнена и задернована. Территория подвержена сильной антропогенной нагрузке, связанной с высокой посещаемостью музея туристами. Территория памятника в установленных границах имеет форму неправильного многоугольника, площадью 15943 кв. м (рис. 9).

Приозерск 2. Новая крепость («Новая крепость и культурный слой посада»)

ОКН «Приозерск 2. Новая крепость» («Новая крепость и культурный слой посада») находится в центральной части Приозерска. Новая крепость была основана во второй половине XVI в. на посадской территории и изначально располагалась на острове, северо-западнее детинца (рис. 10–13). В XIX в. уровень воды в реке снизился и крепость утратила свое островное положение.

Краткая история Новой крепости (XVI–XX вв.)

В конце XV в. городок Корела увеличился настолько, что посадская застройка перекинулась на соседний с детинцем остров Спасский. В условиях постоянной шведской угрозы требовалась увеличения и защищенная территория, так как маленький островной детинец не мог обеспечить защиту всему населению. Поэтому во второй половине XVI в. на Спасском острове начинается строительство еще одной крепости (Кирпичников, 1984. С. 140, 142). А.П. Дмитриев и А.И. Лихой пишут, что строительство происходило между 1573 и 1577 гг. (Дмитриев, Лихой, 2009. С. 84). В этот период были сооружены крепостные стены и пять выступов-платформ с деревянными башнями (размером по 20–24 м). В юго-западной части острова находился прорезавший остров канал, который мог служить как источником воды на случай осады, так и небольшой внутренней гаванью (Кирпичников, 1984. С. 140). В шведских донесениях 1580 г. в Кореле упоминаются две крепости

с башнями и блокадами, под которыми, по мнению А. Н. Кирпичникова, следует понимать башни, соединенные стенами из засыпанных земель дубовых срубов (Кирпичников, 1984. С. 141).

В 1580-х гг. участвующие в осаде Корелы офицеры шведской армии Понтуса Делагарди в письмах восхищались оборонной способностью крепости, которая была сдана только после артиллерийского обстрела калеными ядрами, из-за которого деревянные стены загорелись (Кирпичников, 1984. С. 141; Дмитриев, Лихой, 2009. С. 86–87). В период оккупации 1580–1597 гг. шведы начали перестраивать крепость по образцу западноевропейских бастионных укреплений. Техническим руководителем работ являлся мастер Якоб фон Штендель (Schvindt, 1898. С. 29). В расходных книгах и письмах шведских наместников за 1581–1597 гг. имеется достаточное количество сведений, касающихся производимых строительных работ в замке и Новой крепости (Schvindt, 1898; Краснолуцкий, 2017. С. 233–243). По свидетельству современников, в августе 1583 г. вокруг города существовала деревянная стена или бастион (Schvindt, 1898. С. 9). Осенью 1584 г. сообщается о том, что постройка крепости (башня) вокруг города завершена. Внешние стены нарастили при помощи земли и дерева (Schvindt, 1898. С. 11, 30; Краснолуцкий, 2017. С. 237), а в первой половине 1590-х гг. нижнюю их часть облицевали камнем (Мильчик, 1984. С. 168). В 1585 г. мастер Ларс Торстенссон просил короля прислать солдат для завершения строительства еще двух куртин, помимо уже построенной в том же году (Schvindt, 1898. С. 12).

В 90-х гг. XVI в. в Новой крепости появляются три рондели⁹ (аналогичные сооружения были построены и в детинце). Первая рондель в западной части крепости располагалась, видимо, неподалеку от верхних Водных ворот, напротив Мельничного острова. Еще две, упомянутые в расходной книге 1594 г., по своей локализации лучше всего соответствуют Черному бастиону и Сергиевскому, или Флаговому, на северо-западной стороне острова (Schvindt, 1898. С. 38). При этом в основе шведской перестройки находилась система фортификационных укреплений, которая была заложена еще в изначальный русский период строительства. В качестве подтверждения этой идеи А.Н. Кирпичников приводит перенятые шведами прежние названия крепостных бастионов (Кирпичников, 1984. С. 142, 144).

⁹ Рондель (rundell) – открытые сверху полукруглые выступы стен, функционально связанные с прилегающими пряслами.

В 1609 г., согласно Выборгскому договору, крепость Корела с уездом отошли Швеции. Шведы стали называть поселение Кексгольмом, Новую крепость – городом (Stadt), а остров, на котором она располагается, – Городским. С этого времени бывший Спасский, а ныне Городской остров становится градоформирующим ядром Кексгольма, сюда перемещается административно-политический центр лена (Дмитриев, Лихой, 2009. С. 113).

7 октября 1634 г. город полностью выгорел в сильнейшем пожаре, в котором катастрофически пострадали крепостные стены (Schvindt, 1898. С. 62; Дмитриев, Лихой, 2009. С. 117–118). Кексгольм был полностью разрушен. В начале 1635 г. в город прибыл генерал-квартирмейстер Улов Ханссон, отвечавший за фортификационное строительство Швеции. Под его руководством были восстановлены городские ворота. Он же составил новый план города с регулярной застройкой и наметил кровверк (Schvindt, 1898. С. 63). Началось восстановление, которое до 1637 г. шло не очень активно (Краснолуцкий, 2017. С. 257). К 1639 г. отремонтировали валы, а в 1644 г., судя по донесениям, крепость была уже вновь надежно защищена (Краснолуцкий, 2017. С. 260). В этот же период выход из крепости через Зерк-бастион, показанный на ранних картах, был перенесен на восточную сторону. При осаде города в 1656 г. русским войском Олонецкий воевода П.М. Пушкин писал, что город Корела «стоит на двое – устроены два города земляные, подошвы у тех у обоих городов каменные, а около... обеих городов обошла вода, пороги под городами и в реке большие» (Гадзяцкий, 1941. С. 252). К 1697 г. на Городском острове располагалось 30 дворов по трем улицам (Schvindt, 1898. С. 84–87).

В 1710 г. русские войска взяли Кексгольм в ходе боевых действий Северной войны. Вслед за этим последовало несколько этапов реконструкции и перестройки, направленных на усиление обороноспособности укреплений. В 1723 г. Петр I издал указ о ремонте Кексгольмской крепости, перед этим было составлено подробное описание оборонных узлов крепости с указанием необходимых работ и постройки новых строений (Мильчик, 1984. Приложение). С XVIII в. Новую крепость на Городском острове начали называть Главной крепостью (Краснолуцкий, 2017. С. 264). В середине XVIII в. напротив крепости за Федоровской протокой, по краю коренного берега соорудили редантный фронт с девятью редантами, траверсами и гласисом, прикрывающим вход в крепость. К северу от гласиса оставалась свободная от посадской застройки территория шириной около 300 м.

В 1809 г. граница России расширилась до побережья Ботнического залива и необходимость в военно-оборонительных сооружениях Приладожья отпала. В 1810 г., согласно Высочайшему указу, крепость в Кексгольме была упразднена как военный объект, но с условием сохранения крепостных укреплений. С 1835 г. она была передана из военного ведомства в гражданское с замечанием, что укрепления не должны подвергаться разорению и намеренным повреждениям. С этого времени поверхность насыпи гласиса стали использовать под сенокос (Краснолуцкий, 2017. С. 291–292).

В 1816–1829 гг. на территории Новой крепости сломали бывшие ветхие деревянные казармы и конюшни и капитально отремонтировали несколько каменных казарм и инженерный цейхгауз (Дмитриев, Лихой, 2009. С. 182). По свидетельствам современников, к 1861 г. часть крепостных рвов была преобразована в сады (Краснолуцкий, 2017. С. 292). К 1875 г. на территории Новой крепости еще были целы восемь каменных зданий: церковь, каменный провиантский магазин, четыре пороховых погреба, кузница и несколько каменных ворот (Краснолуцкий, 2017. С. 292).

Во второй половине XIX в. уровень воды в р. Вуоксе понизился, пересохли протоки, отделявшие крепости от коренного берега. Это негативно повлияло на сохранность крепостных сооружений, поскольку деревянные фундаменты, находившиеся до этого времени под водой, стали быстро гнить.

В 1887–1888 гг. на территории Новой крепости был открыт Кексгольмский приют для душевнобольных (психиатрическая больница). При благоустройстве территории приюта были срыты до уровня верха каменной облицовки четыре из пяти бастионов (сохранились валы только Пиппер-бастиона), землю разбрасывали вокруг для обустройства огородов при больнице (Дмитриев, Лихой, 2009. С. 285), перестроены здания трех казарм и построены новые корпуса (Краснолуцкий, 2017. С. 318). По данным Т. Швиндта, землей от насыпи северной куртины засыпали обмелевшую Федоровскую протоку (Краснолуцкий, 2017. С. 320).

В 1811 г. Александр I передает Карельский перешеек (Выборгскую губернию) Великому княжеству Финляндскому, входившему на правах автономии в Российскую империю, и расширяет его границы до р. Сестры. В 1917 г. была провозглашена независимость Финляндии, с этого времени Кексгольм официально стал называться Кякисалми. В 1918 г. на месте упраздненного приюта разместились подразделения финского элитного Егерского батальона

(Савоский егерский полк). Для этого были обновлены старые шведские казармы и постройки бывшей лечебницы, построены новые современные здания (Дмитриев, Лихой, 2009. С. 397).

После окончания финской войны и подписания Московского договора в 1940 г. территория Карельского перешейка отошла СССР. Городу вернули название Кексгольм, а на территории Новой крепости были дислоцированы военные части Советской армии. Во время Великой Отечественной войны с 21 августа 1941 г. до 24 сентября 1944 г. город был занят финскими войсками.

После Второй мировой войны территория бывшей Новой крепости была отведена под Приозерский военный санаторий Ленинградского военного округа, который был открыт в 1946 г. (Краснолуцкий, 2017. С. 326–327). В настоящее время на территории бывшей Новой крепости располагается Федеральное государственное казенное учреждение Министерства обороны РФ «Санаторно-курортный комплекс Западный», поэтому доступ на территорию острова ограничен.

История археологического изучения Спасского острова

Археологические исследования на территории Новой крепости проводились лишь один раз в 1972 г. в рамках работ отряда Ленинградской археологической экспедиции, организованной ЛОИА АН СССР совместно с Областным отделением ВООПИК, а также с Управлением культуры Ленobl-исполкома и Историческим факультетом ЛГУ, под руководством А.Н. Кирпичникова (Кирпичников, 1973а; 1973б). Для исследований выбрана площадка в южной части крепости, на которой было заложено несколько небольших раскопов (Кирпичников, 1972) (рис. 10; 11) Согласно планам XVII в., на этом месте первоначально располагалась церковь и проходил городской водяной канал (рис. 12: 5), позднее у юго-западной границы участка на канале обозначена мельница.

В раскопе 1 общей площадью около 380 кв. м были открыты фундаменты здания, возможно упомянутой церкви, размерами 58 × 30 м. Оно представляло собой прямоугольное помещение с шестью пристройками. Прямо под дерном были найдены сложенные насухо из булыги и кирпича цокольные стены, служившие опорой для деревянного сруба. К южной стене примыкал прямоугольный в плане массив кладки (размерами 4,0 × 5,5 м) подквадратной в плане формы – возможно, основание колокольни часовой башни (Кирпичников, 1972. Л. 12, 13). Раскоп 3 (16 кв. м) и раскоп 4

(16 кв. м) располагались в западной части реконструированного объема здания.

Раскоп 2 представлял собой три шурфа вдоль трассы водного канала, проходившего неподалеку от юго-западного угла церкви. Общая площадь шурфов составила около 237 кв. м. Береговая стена канала прослежена в длину 12 м, а трасса его угадывалась на протяжении 24 м по оси раскопа в направлении восток–запад. Лицевые стены канала были убраны массивными камнями длиной до 1,5 м и высотой до 0,7 м, связанными известковым раствором беловатого цвета. Ширина канала достигала 3 м. А.Н. Кирпичников предполагает, что облицовочная стена канала могла быть сооружена в XVI в., а функционировать он мог вплоть до середины XIX в. (Кирпичников, 1972. Л. 13).

Под фундаментом церкви были открыты остатки посадской застройки Спасского острова предшествующего времени. Она делилась на два строительных горизонта, верхний из которых находился на глубине 0,7–1,1 м (местами 1,5 м), а нижний – 1,55–1,8 м (иногда до 3 м) от дневной поверхности. Сохранность остатков построек была настолько хорошей, что удалось отобрать 11 спилов для проведения дендрохронологического анализа, по результатам которого верхний горизонт застройки был отнесен к 1513–1525 гг., а нижний к 1480–1500 гг. (Кирпичников, 1972. Л. 14; Черных, 1996. С. 103–104). Культурный слой шведского периода XVII в. так же, как и в детинце, уверенно не вычленялся, так как был впоследствии использован для насыпки куртин и бастионов. Археологическим свидетельством присутствия иностранцев в Кексгольме в XVII в. являются находки отдельных вещей, например обломки курительных трубок и монеты (Кирпичников, 1973а. Л. 16, прим. 1).

Максимальная высота стратиграфической колонки, прослеженная вдоль западной границы раскопа 1, достигает 4 м. В целом стратиграфию культурных напластований в этой части острова можно представить следующим образом: 1) тонкий слой дерна; 2) слой извести и строительного мусора, связанный, вероятно, с периодом разрушением здания церкви. В раскопах внутри здания на этом же уровне находится кирпичный пол постройки; 3) слой серого гумуса мощностью до 1,0–1,2 м с редкими линзами песка и золы и горизонтально расположенные в нем прослойки серой глины; 4) верхний горизонт застройки мощностью около 0,5 м, представляющий собой деревянные конструкции в слое черного гумуса; 5) горизонтально расположенная прослойка глины мощностью около 0,10 м; 6) нижний горизонт

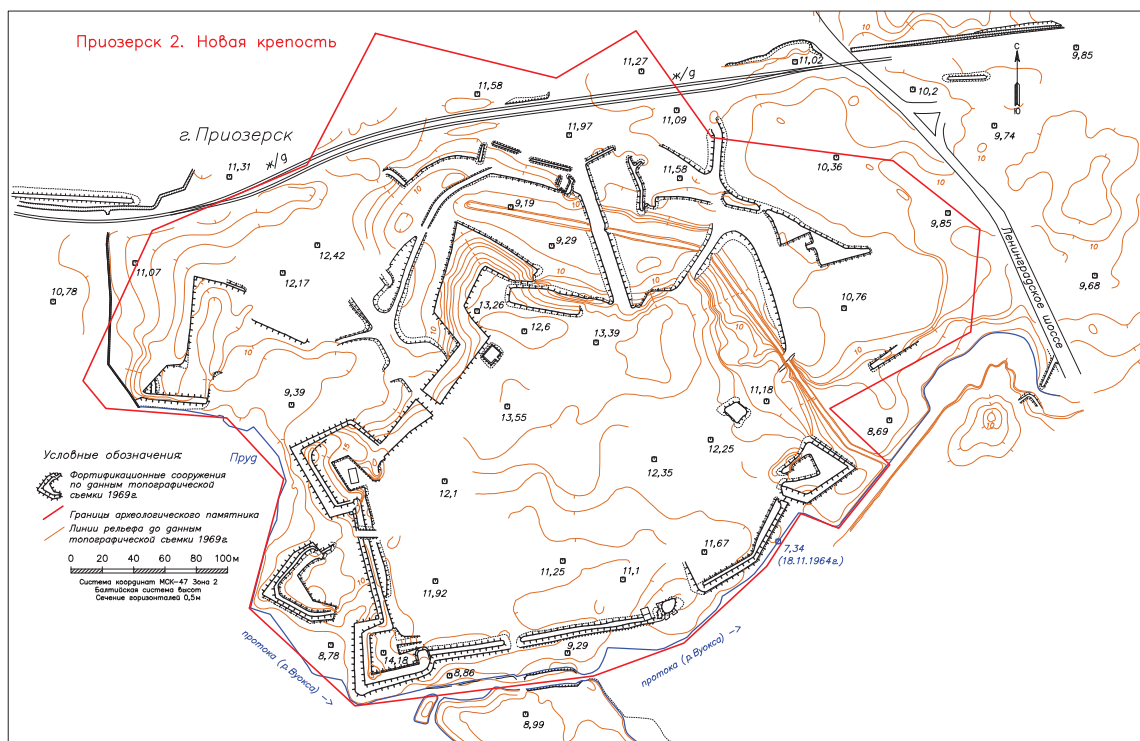

Рис. 10. «Приозерск 2. Новая крепость». Рельеф и контуры укреплений Новой крепости по данным топографического плана 1969 г. Масштаб 1:2000

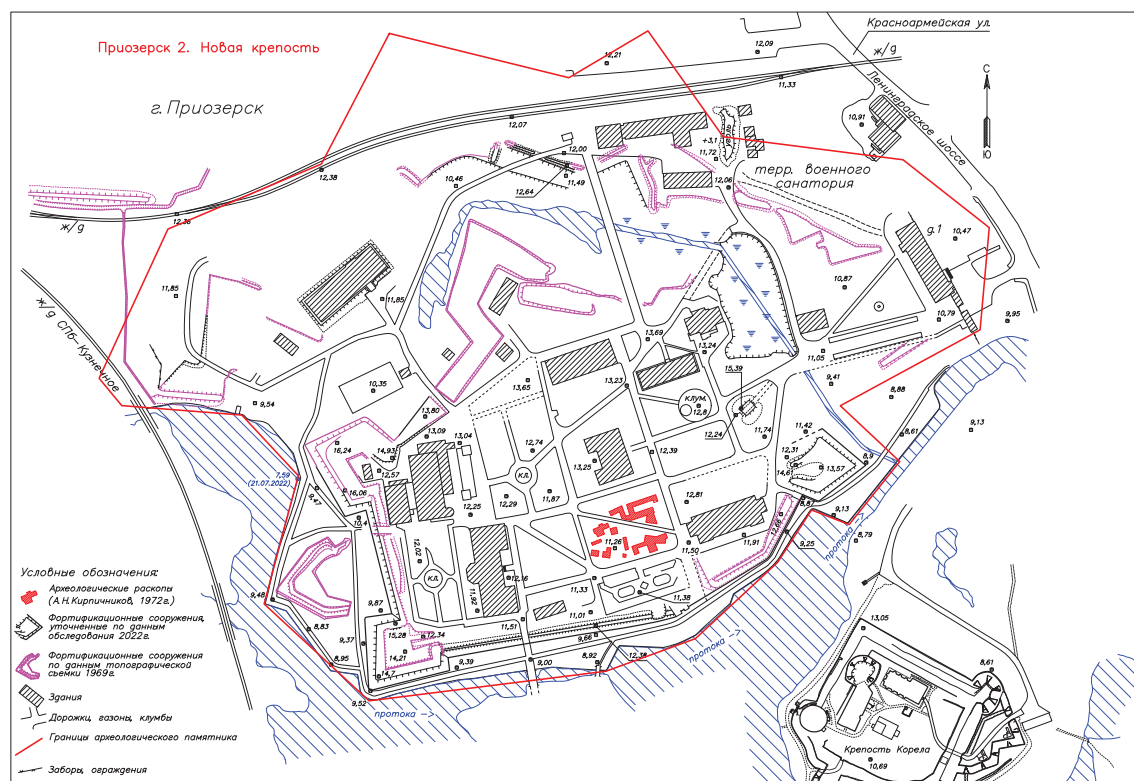

Рис. 11. «Приозерск 2. Новая крепость». План Новой крепости по данным топографической съемки 1969 г. и обследования 2022 г. Масштаб 1:2000

венчиком» и иногда тяготеющие к ним образцы с полулунным в профиле горлом, изготовлялись без нанесения украшений» (Кирпичников, 1973а. Л. 15–16). На основании обработанной коллекции была составлена схема последовательных изменений формы горшков Корелы XIV в. По выводам А. Н. Кирпичникова, представленная керамика устойчиво связана с формами посуды, бытовавшей в Кореле в предшествующее время (Кирпичников, 1973а. С. 7, 8).

Объекты фортификации на территории Новой крепости XVI–XVII вв.

На конец XVII – начало XVIII в. на плане Новой крепости помимо посадской застройки значатся следующие фортификационные сооружения.

Водяные ворота и городской водяной канал (рис. 12: 3–5). Сквозной канал через остров находился в его юго-западной части, мог служить источником воды на случай осады и небольшой внутренней гаванью (Кирпичников, 1984. С. 140). В местах пересечения каналом городских стен (в западной и южной куртине) в конце XVI в. были построены водяные ворота: в западной куртине Верхние, а в южной (со стороны замка) Нижние. Первоначально Нижние ворота располагались западнее Замковых ворот, но на планах крепости после 1679 г. они показаны уже с восточной от них стороны. Т. Швиндт предполагает, что перенос Нижних ворот связан с тем, что в указанный период русло канала было выпрямлено (Краснолуцкий, 2017. С. 374, 393–395). В настоящее время канал засыпан.

Круглые ворота (Ringporten, Замковые, Шлосские) (рис. 12: 1) располагаются в южной куртине, между Шварц- и Лехт-бастионами. Ворота были сооружены в конце XVI в., вели к мосту в замок. Круглые ворота обозначены на всех планах XVII в. и упоминаются в расходных книгах. В XVII в. внутри ворот был обустроен сводчатый каземат. После взятия Кексгольма император Петр I приказал обить створки ворот трофейными шведскими кирасами. Сейчас эти створки ворот находятся в музее в Круглой башне детинца (Краснолуцкий, 2017. С. 378–379).

Скотные ворота (Главные, Королевские, Царские, Карельские) (рис. 12: 2) располагаются в восточной части острова, в куртине между Шварц- и Фам-бастионами. Через ворота проходила дорога из крепости к мосту через Федоровскую протоку и Большой рavelин. В конце XVI в. ворота были деревянными, сохранившиеся до настоящего времени, каменные ворота построены в конце XVII в.

Судя по планам, в ходе перестройки крепости ворота переместили южнее первоначального местонахождения. Название ворота получили от располагавшегося неподалеку Скотного двора (Краснолуцкий, 2017. С. 381–387).

Шварц-бастион (на месте Черной башни / рондели) (рис. 12: 6) располагается в восточной части крепости. Возможно, что на этом месте находилась башня первоначальных укреплений Спасского острова под названием Черная (Кирпичников, 1984. С. 144). В конце XVI в. здесь появляется открытая рондель. Сооружение имеет округлую форму еще до середины XVIII в., а потом получает бастионные очертания.

Большой рavelин (рис. 12: 12) располагался на небольшом участке суши Федоровской протоки, между восточным краем Городского острова и коренным берегом. С островом и коренным берегом соединялся двумя мостами. От моста к коренному берегу начинался путь к выходу из крепости, прикрытый гласисом. Рavelин появляется на планах около 1680-х гг., его насыпь была срыта после обмеления р. Вуоксы.

Фам-бастион (рис. 12: 7) располагался в северо-восточной части крепости. По мнению А. Н. Кирпичникова, на его месте находилась башня московской крепости под названием Флажная (Кирпичников, 1984. С. 144). Геометрически правильные очертания сооружения имеет уже на самом раннем плане, а бастионные очертания – с середины XVII в. Насыпь бастиона была полностью срыта в XIX в.

Зерк-бастион (Серг-, Зерг-) (рис. 12: 8) располагается в центре северной линии укреплений Городского острова. Предположительно, на его месте в московское время могла находиться башня под названием Сергиевская (Кирпичников, 1984. С. 144). Через башню был проложен выход из крепости через Федоровскую протоку на коренной берег. Бастионные очертания сооружения имеет уже в середине XVII в. Насыпь бастиона срыта до уровня каменной подошвенной облицовки.

Пипер-бастион (рис. 12: 9) располагается в северо-западной части крепости в направлении о. Калиосаари и Мельничного острова. Существует предположение, что бастион назван по фамилии шведского офицера Пипаре, руководившего его строительством (Краснолуцкий, 2017. С. 392). Геометрически правильные очертания сооружения имеет уже на самом раннем плане, а бастионные очертания с середины XVII в. Единственный бастион крепости, куртины которого сохранились на полную высоту.

Вассер-равелин (рис. 12: 11) располагался на небольшом участке суши с западной стороны Городского острова, обращен в сторону о. Калиосаари. От крепости к равелину шел мост. Изображение равелина появляется на планах с начала XVIII в.

Лехт-бастион (рис. 12: 10). На месте Лехт-бастиона в московский период предположительно находилась башня, называемая Лиственная (Кирпичников, 1984. С. 144). В конце XVI в. здесь была построена рондель, которая именовалась Корельской. Бастионные очертания сооружения имеет уже на самых ранних планах. Верхняя часть насыпи бастиона была скрыта в XIX в.

Куртины (рис. 12: 13–17). Соединяющие башни и бастионы деревоземляные насыпи были возведены («нарощены деревом и землей») уже в 80-х гг. XVI в. Исходя из данных имеющихся Описей, к 1727 г. они по большей части были «весьма ветхи и худы» и нуждались в ремонте, который и был произведен в середине XVIII в. по указу Петра I (Мильчик, 1984. С. 172–177). На сегодняшний день полностью скрыты куртины между Шварц- и Фам-бастионами и частично между Фам- и Зерк-бастионами.

Прикрытый путь с гласисом (рис. 12: 18) располагается вдоль северной стороны Городского острова, вдоль края коренного берега за Федоровской протокой. Система укреплений представляет собой редантный фронт с девятью редантами, траверсами и гласисом. Внутренняя крутость гласиса облицована крупными валунами, а наружная отлогость представляла собой покатый склон земляной насыпи. Гласис прикрывал проход в крепость от предградья к мосту до Большого равелина. Территория севернее гласиса была свободна от посадской застройки. В основании гласиса находится конструкция кронверка, о намерении построить который, упоминается в документах о восстановлении крепости после пожара 1634 г. На сегодняшний день насыпи сnivelированы. На территории военного санатория сохранились несколько траверсов, располагавшихся по верху куртины. За железной дорогой в рельефе определяется основание центрального выступа гласиса с крупными гранитными валунами в основании.

Архив учетных и охранных документов памятника Приозерск 2. «Новая крепость и культурный слой посада»

Постановлением Совета министров РСФСР № 389 от 22.05.1947 комплекс крепостных сооружений XV–XVII вв. Кексгольма (состоящий из

Старой и Новой крепости) был включен в число памятников архитектуры республиканского значения, взятых на государственную охрану. Комплекс крепостных сооружений «Крепость Корела», XIV–XVIII вв., Новая крепость, XVI–XVIII вв.» был поставлен на охрану как памятник государственного значения Постановлением Совета министров РСФСР № 1327 от 30 августа 1960 г.

В 1973 г. в проекте ЛИСИ разработки охранных зон Приозерска в списке памятников археологии обозначена территория историко-архитектурного заповедника, включающая крепость Корела и Новую крепость, имеющих первостепенную археологическую ценность. Новая крепость находится на территории охранной зоны 1-й категории (строгого режима) охраняемого ландшафта и строгого регулирования застройки. Граница охранной зоны строгого режима Новой крепости обозначена от русла р. Вуоксы до бывшего русла Федоровского ручья (Отчет, 1975. Л. 1, 59, 62, 63; Проект, 1975. Л. 63). Зона археологической охраны (исследований), согласно проекту, совпадает с границами территории Новой крепости (Проект, 1975. Л. 64). Решением № 317 от 15.08.1977 Исполнительный комитет Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся постановил утвердить охранные зоны Приозерска, предложенные в Отчете о научно-исследовательской работе по разработке охранных территорий Приозерска (б. Кексгольма), выполненного в 1975 г. (Отчет, 1975; Проект, 1975). Согласно Решению, охранный зона охватывает Новую крепость на бывшем Спасском острове и крепость Корела. С юга граница проведена по р. Вуоксе, с востока по Приозерскому шоссе (Решение, 1977).

В 1978 г. Решением Леноблсполкома № 271 от 10.07.1978 в список памятников археологии Ленинградской области был внесен объект «Новая крепость и культурный слой посада» (Решение, 1978, п. 45). Памятник учтен в ЕГРОКН как достопримечательное место и памятник археологии федерального значения № 471741247570006 и является элементом ансамбля комплекса крепостных сооружений федерального значения «Крепость Корела» (ЕГРОКН 471610682940016).

В 1984 г. институт Гипрогор по заданию АПУ Леноблсполкома разрабатывал новый проект охранных зон Приозерска (Проект, 1984а; Проект, 1984б), согласно которому обе крепости определялись в охранный зону строгого режима и являлись памятниками археологии. На их территории запрещалось проведение строительных работ, а все мероприятия по благоустройству следовало

согласовывать с органами охраны памятников истории и культуры (Проект, 1984а. Л. 9, 20). Прилегающая к крепости площадь определена как зона ценного ландшафта.

В 1993 г. ЛеноблГИОП заказал проектирование зон охраны Приозерска Персональной творческой мастерской С. В. Тирских. В проекте учтен памятник «Крепость Новая и культурный слой посада на ее территории», взятый под охрану как памятники археологии местного значения Решением Леноблисполкома № 278 от 10.07.1978. Отношение к памятникам определялось следующим образом: сохранение, проведение необходимых реставрационных или консервационных работ, соблюдение режима застройки окружающей среды (Проект, 1995. Л. 146). В проекте граница исторической территории памятников совпадает с границей памятника археологии (крепость Новая) (Проект, 1995. Л. 199). На территории запрещены строительные работы, а все мероприятия по благоустройству должны согласовываться с органами охраны памятников истории и культуры. Все сооружения, входящие в комплекс памятника «Новая крепость» (остров Спасский), являются также памятниками архитектуры и градостроительства.

В изданной в 1995 г. В.А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Корела. Древнерусский город в южной части г. Приозерск занимал два острова на р. Вуокса, которые в настоящее время в связи с понижением уровня реки соединились с материком» (Лапшин, 1995. С. 159. № 1570). 20 декабря 1999 г. был составлен паспорт памятника архитектуры «Крепость Корела. Комплекс крепостных сооружений г. Приозерска» XIV–XVIII вв. (Паспорт, 1999). Комплекс объединяет два крупных ансамбля: Старую и Новую крепости. Тогда же были составлены три Учетные карточки на памятники архитектуры: Комплекс крепостных сооружений, XIV–XVIII вв. (Учетная, 1999а); Комплекс крепостных сооружений. Старая крепость – Корела. XIV–XVIII вв. (Учетная, 1999б); Комплекс крепостных сооружений. Новая крепость. XVI–XVIII вв. (Учетная, 1999в).

Приказом Комитета по культуре Ленинградской области № 01-03/14-07 от 30 января 2014 г. были установлены границы объекта культурного наследия федерального значения «Комплекс крепостных сооружений: Крепость Корела», XIV–XVIII вв., Новая крепость, XVI–XVIII вв.» (Приказ, 2014). Согласно Приказу Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области № 01-03/21-227 от 23 декабря 2021 г. был

установлен предмет охраны объекта культурного наследия федерального значения «Новая крепость», находящийся в составе объекта культурного наследия федерального значения «Комплекс крепостных сооружений» г. Приозерска (Приказ, 2021б). Согласно Приказу Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области № 01-03/21-250 от 24 декабря 2021 г. был установлен предмет охраны ОКН федерального значения «Комплекс крепостных сооружений», в состав ансамбля которого входит Новая крепость (Приказ, 2021в). ОКН «Новая крепость и культурный слой посада» имеет статус достопримечательного места.

Хронологические рамки ОКН «Приозерск 2. Новая крепость» («Новая крепость и культурный слой посада»)

В охранных документах хронологические рамки ОКН приведены в следующем виде: культурный слой XIV–XVII вв., крепость XVI–XVII вв. Строительству крепости на Спасском острове предшествовало существование посадской застройки, что известно по письменным источникам и результатам археологических раскопок. Согласно полученным дендрохронологическим данным, нижний горизонт обнаруженной деревянной застройки датируется концом XV – рубежом XV–XVI вв. Постройки первого периода располагались не на материке, а на культурном слое, дата формирования которого не противоречит установленной хронологической границе, однако требует дополнительного уточнения.

Верхняя хронологическая граница имеет более условный характер, так как искусственно разделяет период накопления культурного слоя конца шведского владения крепостью. Исходя из формулировки названия памятника, она должна определяться по крайней мере временем, когда крепость была упразднена как военный объект, что, однако, не повлияло на накопление культурного слоя. Крепостной комплекс недопустимо рассматривать без учета перестроек и ремонтов XVIII в., поскольку они проводились на основании фортификационных узлов предшествующего времени. Исходя из этого, верхнюю хронологическую границу памятника, функционирующего и в настоящее время, логично проводить в середине XX в.

Территориальные границы ОКН «Приозерск 2. Новая крепость» («Новая крепость и культурный слой посада»)

Исходя из совокупности данных, границы памятника должны проходить вдоль края Спасского острова, очертания которого с северной и восточной сторон в настоящее время трудноопределимы,

и включать в себя все фортификационные элементы. Выступающий восточный рavelин в настоящее время полностью срыт, поверхность снивелирована и благоустроена. С северной стороны от крепости, за ныне засыпанной Федоровской протокой располагался кронверк, а с XVIII в. гласис, обозначенный на историческом плане 1788 г. Федоровская протока, таким образом, выступала в роли наружного рва укрепления.

В настоящее время в крепости располагается Федеральное государственное казенное учреждение Министерства обороны РФ «Санаторно-курортный комплекс Западный», и доступ на территорию острова ограничен. По этой причине для получения цифровой модели рельефа местности использовалась топооснова 1969 г., для верификации которой использовался топографический план территории военного санатория 2000 г. (рис. 10), а также космоснимки Google 2003, 2017, 2018 и 2022 гг. (рис. 13). По данным топоплана 2000 г. перепад рельефа современной дневной поверхности на территории крепостного двора достигает 2,5 м: от 12,14 м БС

в западной его части до 13,48 м БС в северо-западной, на участке перед срытой насыпью Фамбастиона. Самая низкая часть располагается вдоль южной куртины, на протяжении которой уровень дневной поверхности колеблется от 11,01 м БС в районе Нижних водных ворот до 11,90 м БС перед Лехт-бастионом. В целом, эти же перепады отмечаются и по данным топоосъемки 1969 г. При натурном обследовании территории вдоль северной границы военного санатория за линией железной дороги было выявлено основание центрального выступа гласиса, располагавшегося напротив Зеркбастиона. С западной стороны остатки насыпи подрезаны частным огородом и дренажной траншеей. Таким образом, исходя из совокупности данных, после совмещения исторического плана 1788 г. и топоосновы 1969 г. граница памятника была проведена с учетом современной ландшафтной ситуации и мест расположения остатков фортификационных сооружений.

В ходе работ по инвентаризации памятников в 2022 г. в первую очередь был произведен сбор

Рис. 13. «Приозерск 2. Новая крепость». Границы археологического памятника на космоснимке Google от 06.06.2022. Масштаб 1:2000

архивно-библиографических данных. В ходе полевого этапа работы, поскольку попасть на территорию памятника не удалось, была произведена фотографическая фиксация исключительно его общих видов. В остальном использованы как можно более новые фотографии фортификационных объектов, полученные из различных открытых источников. По результатам работ 2022 г. установлено, что памятник расположен в центральной части Приозерска, в 110 м к западу от Ленинградского шоссе, на бывшем острове, который, в результате обмеления р. Вуоксы и антропогенной деятельности середины XIX в., утратил свое островное положение (рис. 10–13).

Археологическими объектами культурного наследия Новой крепости являются: 1) культурный слой мощностью 2–3 м, накопившийся на территории острова в предшествующий строительству крепости период; 2) основания срубов горизонтов средневековой деревянной застройки; 3) оборонительные сооружения, насыпи куртин и бастионов; 4) деревянные конструкции внутри куртин; 5) культурный слой, накопившийся на территории крепостного двора, так и снаружи стен в период существования крепости; 6) каменные фундаменты построек эпохи Нового времени; 7) археологические артефакты, содержащиеся в культурном слое.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении иллюстративным материалам, часть поверхности крепостного двора (на территории центрального парка) выровнена и задернована, проложены асфальтовые дорожки. В некоторых же местах по окраинам поверхность повреждена в ходе земляных работ (рис. 13). Территория подвержена сильной антропогенной нагрузке, связанной с высокой посещаемостью санатория отдыхающими.

Приозерск 3. Культурный слой средневекового города («Культурный слой древнего Кексгольма»)

Несмотря на многолетнюю и богатую событиями историю современного г. Приозерска основное внимание исследователей доставалось его ядру – крепости Корела (новгородскому Корельскому городку), построенной в начале XIV в., и появившейся в середине XVI в. Новой крепости. Укрепления расположились на двух небольших островах на р. Вуоксе (древняя р. Узерва). История застройки и формирования культурного слоя посада, раскинувшегося на коренных берегах реки с конца XV в., чаще всего оставалась за рамками интересов, хотя вопрос об охране культурного и археологического наследия города неоднократно поднимался профильными комитетами на протяжении второй половины XX в.

Краткая история посадской застройки Корелы-Кексгольма

Подробно с историей города можно ознакомиться в книгах историков-краеведов (Дмитриев, Лихой, 2009; Краснолуцкий, 2017). Название города неоднократно менялось: 1296 г. – конец XIV в. – Корельский городок; конец XIV в. – 1580, 1595–1611 гг. – Корела; 1295–1296, 1580–1595, 1609/1611–1917, 1940–1941, 1944–1948 гг. – Кексгольм; 1918–1940, 1941–1944 гг. – Кякисалми; с 1948 г. – Приозерск. Так как город являлся крупным административным и культурным центром Западной Карелии, смена названия всегда была связана с происходившими в регионе культурно-политическими процессами, отражавшимися в материальной культуре.

В начале XVII в. шведский Кексгольм продолжает развиваться на основе русского города Корела, пережившего свой наивысший расцвет в первой половине – середине XVI в. Вся жизнь новгородского Корельского городка изначально была сосредоточена на небольшом острове посреди порожистой речки. Как показали археологические исследования, не позднее последней четверти XV в. был заселен соседний с детинцем остров – Спасский (Кирпичников, 1973а; Кирпичников, 1973б). К концу XV в. поселение увеличилось настолько, что посадская застройка распространилась на коренные берега Вуоксы. Этот этап развития отражен в Писцовой книге 1500 г. (Переписная книга, 1852. С. 1–8). А.Н. Кирпичников считает, что количество жителей Корелы того времени приближалась к 1400 человек. По своей численности город превосходил такие крупные центры Водской пятины, как Копорье, Ладога и Орешек (Кирпичников, 1979б. С. 73). Согласно Переписной книге в Кореле на рубеже XV–XVI вв. фиксируются несколько концов (районов) посада: 1) город – детинец на центральном острове. Здесь находились дворы владыки и наместника, а также 28 осадных дворов-убежищ на случай военной опасности (Кирпичников, 1979б. С. 73); 2) посад на Спасском острове (до строительства Новой крепости), 98 дворов. Здесь проживали «лучшие» горожане и военные люди (Переписная книга, 1852; Кирпичников, 1979б. С. 71), а также находилась церковь Св. Спаса; 3) посад за Федоровской рекой, на левом коренном берегу Вуоксы, самая заселенная часть города в 100 дворов. Эта территория делилась на два конца – Георгиевский (Егорьевский) и Иломанский. Егорьевский получил свое название от расположенного в нем Георгиевского (Юрьева) монастыря. Из Иломанского конца начиналась дорога в самую северную часть Карельской земли – Иломанский погост, расположенный в бассейне оз. Сайма (Громов, Шаскольский, 1976. С. 12); 4) Ореховская

сторона или посад на правом берегу Вуоксы, 23 двора (Кирпичников, 1979б. С. 71). Отсюда уходила дорога в Орешек.

Дальнейшее развитие Корелы отражено в писцовой книге Вотской пятины 1568 г. (Краснолуцкий, 2017. С. 45–57). В Кореле тогда насчитывалось 435 дворов и 618 владельцев. Общее же количество могло достигать 2700–2800 человек (Кирпичников, 1979б. С. 75). С начала XVI в. город увеличился почти в два раза. На Федоровской стороне насчитывалось 245 дворов. Вместо концов к середине XVI в. сформировалась уличная система, привязанная к трем улицам: 1) Иломанской (Иломанец), длиной около 450 м, по предположению А. Лихого и А. Дмитриева проходила в северо-восточном направлении от начала современной ул. Красноармейской к ул. Калинина; 2) Егорьевской-Велецкой (Вельца, Великая), длиной около 300 м, проходила в районе современной ул. Советской; 3) Зимник, длиной около 300 м. По названию можно предположить, что этот путь функционировал только в холодное время года, и пересекал топкие места, где-то в районе современного вокзала (Дмитриев, Лихой, 2009. С. 81). В каждом районе располагалось от 68 до 93 дворов. На Ореховской стороне улиц не названо, но упоминаются 96 дворов. Таким образом, северная часть посада примерно в три раза превышала южную (Кирпичников, 1979б. С. 78, 80). На каждой улице находилась церковь. В районе Иломанской улицы располагался Никольский мужской монастырь, на Егорьевской-Велецкой – Георгиевский девичий монастырь, на Зимнике – Троицкий монастырь. В Описи также упоминается о наличии Ильинской церкви на Ореховской стороне (Кирпичников, 1979б. С. 78). Общая площадь поселения достигала 11,5–13,0 га с большой плотностью населения (по подсчетам А. Н. Кирпичникова, около 339 человек на гектар жилой территории). Помимо городской администрации, военных и духовенства, в городе проживали ремесленники, полностью обеспечивающие потребности жителей в изготовлении одежды, посуды, домостроительстве и питании (кожевенники, бочарники, кузнецы, горшечники, плотники, стекольники, мясники, хлебники, мельники, портные и сапожники) (Кирпичников, 1979б. С. 86). Сельское хозяйство и земледелие были мало развиты. Данные описных книг позволяют представить северный посад Корелы второй половины XVI в. в виде обжитой полосы застройки, протянувшейся примерно на 1 км вдоль берега Федоровской протоки. Ширина застроенного участка составляла 60–70 м. Средняя площадь двора по подсчетам А.Н. Кирпичникова составляла около 40 кв. саженей, в этом ряду изредка упоминаются богатые усадьбы площадью в 100

кв. саженей и дворы молодых людей площадью 15–30 кв. саженей. Постройки были небольшими по площади, шириной 3–7 саженей, длиной 6 саженей, на высоких подклетах, под горницами находились амбары и щербети. У многих дворовладельцев были и огороды. Однако достоверных данных об их расположении и площади недостаточно. А. Н. Кирпичников пишет, что огородом владел примерно каждый четвертый житель Корелы и большинство их располагалось на Иломанской улице (Кирпичников, 1979б. С. 82–83).

В 1609 г. в ходе сложения политических альянсов Смутного времени по условиям Выборгского договора 1609 г. Карельский перешеек отошел Швеции, а Корела, с этого времени город Кексгольм, стала административным центром Кексгольмского лена. На территории бывшего русского уезда появилось финское, шведское и немецкое население. В 1630-х гг. в городе открылась шведская школа (Дмитриев, Лихой, 2009. С. 115; Краснолуцкий, 2017. С. 80). «Городом» на шведских планах называется Новая крепость, остров, на котором она располагается, – Городским, а посад на северном берегу именуется «форштадт» или пригород/предградье. Здесь находились в основном дворы коренных жителей – православных карел. Форштадт в середине XVII в. располагался на месте Федоровского посада Корелы, вытянутой полосой застройки вдоль северного берега Федоровской протоки, напротив Новой крепости и восточного побережья оз. Вуокса.

Старейший из имеющихся в нашем распоряжении шведский план г. Кексгольма 30-х гг. XVII в., по выводам исследователей, отражает систему застройки, сложившуюся еще в предшествующий, русский период (Громов, Шаскольский, 1976. С. 42; Кирпичников, 1979б. С. 80–81, рис. 2). В качестве аргументов А.Н. Кирпичников привлекает данные описи г. Кексгольма 1618 г., в которой упоминаются дворы, сохранившиеся после ухода русского населения и занятые новыми жителями (Schvindt, 1898. С. 50; Кирпичников, 1979б. С. 82). На Федоровской стороне показана одна длинная, тянущаяся параллельно берегу улица с прилегающей двусторонней застройкой. Застройки на южном берегу Вуоксы нет, обозначены здесь лишь отдельные сараи (ladügården). Во второй половине XVII в. все больше православных карел покидали Карельский перешеек. На их местах обживаются финны-лютеране и материальная культура региона начинает приобретать другой облик (Дмитриев, Лихой, 2009. С. 125). В этот период происходит новый этап реконструкции крепостных сооружений, в ходе которого почти все гражданские жители

города переселились на территорию северного пригорода.

Северо-западную часть форштадта (бывшие Вельца и Зимник Федоровского посада) называли Siikanieni (Сииканиеми, русск. – Сиговый мыс). Согласно реестру, составленному в 1697 г. К. Беллингом, в пригороде располагалось 319 владений (Краснолуцкий, 2017. С. 92–94; Schvindt, 1898. S. 84–87, рис. 5) (рис. 14). Судя по описанию Т. Швиндта, жилая зона концентрировалась в северной части берегового мыса, тогда как напротив Новой крепости были сконцентрированы участки хозяйственного назначения с огородами, сараями и пастбищами (Краснолуцкий, 2017. С. 94; Schvindt, 1984. S. 16–17). На Сиговом мысу застройка располагалась вдоль трех длинных, ориентированных параллельно берегу улиц и четырех перпендикулярных. Оформленной набережной не было и участки подходили прямо к воде. В центральной части посада застройка огибала возвышающийся участок скалы под названием Tilikaanmäki (Тиликаанмяки – русск. – Горка Тиллика). Проекты застройки этого участка появились только на регулярных планах середины XVIII в.

История археологического изучения посада Кексгольма

Сообщения о первых раскопках на территории городского посада относятся к 1929 г., когда ректор местной гимназии Анти Комонен исследовал на пересечении бывшей Ратушской и Гаванской улиц (современный Гастелло и Калинина) каменные фундаменты больших старинных зданий: церкви, жилого здания (келья) и колокольни. Фундамент церкви сохранился частично; жилого здания (26 м в длину и 16 м в ширину) с проходом между двумя капитальными стенками сохранился намного лучше. Фундамент колокольни уходил на глубину около 2 м, и под ним фиксировались остатки деревянных субструкций (Шаскольский, 1967. С. 128–129). Сам А. Камонен и вслед за ним И. П. Шаскольский считали, что были исследованы остатки зданий Георгиевского (Юрьева) монастыря, располагавшегося в Егорьевском конце посада русской Корелы 1580 г. (Шаскольский, 1967. С. 130). При этом известно сообщение, что уже тогда на уровне фундаментов был обнаружен склеп с детским погребением и вещами XVIII в. (Кирпичников, 1974а. Л. 6).

В 1973 г. в этом же месте проводил археологические исследования Приозерский отряд Ленинградской археологической экспедиции под руководством А. Н. Кирпичникова совместно с Приозерским

горисполкомом, Управлением культуры Ленобл-исполкома, Ленинградским областным отделением Всероссийского общества охраны памятников и историческим факультетом ЛГУ при поддержке Приозерского музея и советских партийных организаций Приозерска (Кирпичников, 1974а; Кирпичников, 1974б) (рис. 15). Зона исследований находилась на ул. Калинина, в непосредственном соседстве со зданием построенной в 1973 г. школы (школа № 4 г. Приозерска). На площади 25 × 20 м на глубине 0,2–0,7 м открыта система ленточных фундаментов шириной от 0,6 до 1,7 м. Кладка фундамента сохранилась на высоту 0,6 м, состояла из 2–4 рядов валунов, верхний слой которых был частично пролит строительным раствором. Стены постройки были выложены из кирпича размерами 0,06–0,07 × 0,13 × 0,18–0,20 м. Расстояние между сохранившимися линиями фундамента составили 5 и 6,5 м. С восточной и западной сторон фундамент поврежден или полностью разрушен строительством домов XIX–XX вв. При раскопках были найдены два потревоженных склепа с человеческими костями в сопровождении находок XVIII–XIX вв. Эти находки дали основание автору раскопок интерпретировать исследованное здание не в качестве средневекового монастыря, а как остатки церкви Архангелогородского полка Кексгольмского гарнизона, которая обозначена на некоторых планах в этой части пригорода (Кирпичников, 1974а. Л. 5–6; Краснолуцкий, 2017. С. 140, 141, 145). В описи к отчету приведен список из восемь находок, обнаруженных при раскопках на ул. Калинина: обломок фарфорового блюда с росписью, железные нож и вилка с костяной рукояткой, медная пластина с надписью, железное ядро, монета 1748 г., медная пуговица и костяная заготовка. В описи также значатся 10 фрагментов керамической посуды: фрагмент венчика фаянсового сосуда со штампованным орнаментом и поливой; девять фрагментов венчиков горшков, один из которых белоглиняный (Кирпичников, 1974а. Л. 10. Опись находок). В каталоге «Корельские памятники V–XV вв.» С. И. Кочкуркина упоминает о находке в 1880 г. на частном участке овально-выпуклой фибулы типа С2 (Кочкуркина, 1981. С. 114, № 162; Uino, 1997. P. 269. KÄKI 9. Map. 16). Еще одна овальная ракообразная фибула типа Н (НПА) была найдена в 1989 г. при рытье коммуникационной траншеи по адресу ул. Чапаева д. 34 (Uino, 1997. P. 269. KÄKI 11. Map. 16).

В одном из проектов охранных зон Приозерска, упоминается о прокладке траншеи под коммуникации на ул. Советской, в которой был обнаружен культурный слой мощностью в 0,40–0,60 м (Проект, 1995. Л. 201). К сожалению, более конкретной

Рис. 14. «Приозерск 3. Культурный слой средневекового города». Карта Кексгольмского замка, форштадта Сижиканиemi и прилегающих местностей прихода Раяселя, 1697 (Национальный архив Финляндии, Хельсинки; Краснолуцкий, 2017. С. 92–93; Schwindt, 1898. Рис. 5)

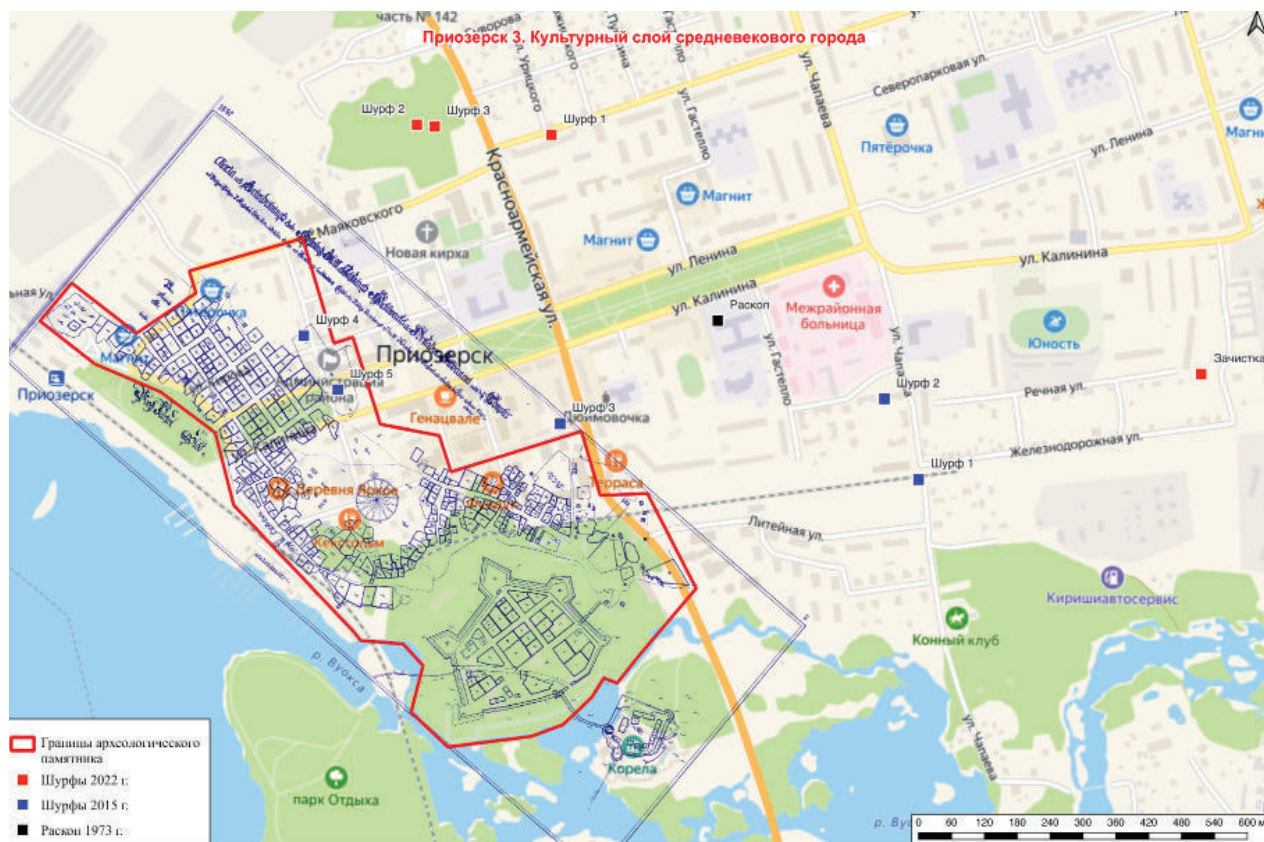

Рис. 15. «Приозерск 3. Культурный слой средневекового города». Совмещение современной застройки Приозерска (карта Яндекс) с планом г. Кексгольма 1697 г. с указанием расположения разведочных шурфов и границ археологического памятника. Масштаб 1:6000

информации в тексте не дается, обнаружить какие-либо сведения о том, проводился ли археологический надзор за упомянутыми работами, также не удалось. От сотрудника Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН А. И. Саксы, проводившего раскопки на территории крепости Корела, были получены сведения о том, что большие раскопки проводились в конце 1990-х гг. под строящийся дом на участке южнее гостиницы Корела (ул. Калинина, д. 11), руководителем которых являлся сотрудник Департамента по охране памятников Ленинградской области С. М. Чернов. Никаких сведений об этих работах в архивах обнаружить не удалось.

В 2015 г. комплексные разведочные работы на территории г. Приозерска выполнял Отдел охранной археологии ИИМК РАН по заказу администрации муниципального образования Приозерский муниципальный район Ленинградской области на объекте «Газоснабжение природным газом г. Приозерска. Распределительные сети. Газопроводы вводы», а также по заказу АО «Газпром газораспределение Ленинградская область» на объекте «Газопровод межпоселковый до г. Приозерск Приозерского района Ленинградской области» (Отчет, 2015а; Отчет, 2015б; Раздел, 2015а; Раздел, 2015б). В рамках разведочных работ было заложено шесть шурфов на северном берегу р. Вуоксы, и еще два шурфа на южном берегу (Раздел, 2015б) (рис. 15). В шурфах, заложенных на левом берегу р. Вуоксы, культурный слой и археологические находки не обнаружены (Раздел, 2015б. С. 30, 31). В трех шурфах на северном берегу Вуоксы, в восточной части города (шурфы 1, 2, 6), культурные отложения и находки старше XX в. не были выявлены (Отчет, 2015а. С. 29–30, 33, рис. 10–24, 75–78). Шурфы 3, 4 и 5 были заложены в западной части города. В шурфе 3, находящемся в условных границах ОАН во дворе жилого дома на ул. Советской, находились археологические материалы не старше второй половины XIX в. (Отчет, 2015а. С. 30–31, рис. 28–37; Раздел, 2015а. С. 37). В шурфе 4, заложенном севернее пересечения ул. Комсомольской с ул. Кирова, под слоем техногенного мусора располагалась прослойка погребенной почвы толщиной 0,3 м, ниже которой залегал слой серо-коричневой мешаной супеси мощностью 0,2 м. В погребенной почве находилось большое количество артефактов середины – второй половины XVIII в. (фрагменты сероглиняной и красноглиняной керамики), там же был найден кресальный кремь (Отчет, 2015а. С. 31–32, рис. 28–37). Шурф 5 располагался на пересечении ул. Комсомольской с ул. Ленина. Под дерновым слоем была выявлена пачка культурных отложений мощностью до 1 м, в верхней части

которой находился слой строительного мусора с многочисленными артефактами второй половины XIX–XX вв. Ниже залегал слой погребенной почвы, в толще которой расчищен край кладки валунного фундамента здания. С фундаментом соотносилась частично открытая кирпичная вымостка. В погребенной почве были найдены две монеты 1793 г. и 18(3)5(1) г. Ниже вымостки перекрытые слоем серо-коричневой слоистой песчаной подсыпки находились две массивные доски от настила, ориентированного длинной стороной параллельно современной ул. Ленина. Период существования постройки с вымосткой из дощатого настила был определен не позднее середины XVIII в. (Отчет, 2015а. С. 32–33, рис. 52–67). По результатам работ 2015 г. культурный слой, обнаруженный в шурфах 4 и 5, расположенный формально за границами ОАН «Культурный слой древнего Кексгольма» (Средневековье), был представлен в качестве отдельного выявленного ОКН «Культурный слой г. Кексгольм XVII–XVIII в.» (Раздел, 2015а. С. 50–51).

В археологической карте В. А. Лапшина памятник «Культурный слой древнего Кексгольма» под отдельным номером не учтен. Выходы культурного слоя конца XV – начала XVI вв., XVI–XVIII вв. на северном берегу р. Вуоксы упоминаются при описании археологического памятника «древнерусский город Корела» (№ 1570) (Лапшин, 1995. С. 159).

Архив учетных и охранных документов памятника («Культурный слой древнего Кексгольма»)

В 1973 г. разработка охранных зон Приозерска впервые была поручена Кафедре истории архитектуры Ленинградского инженерно-строительного института (ЛИСИ). Первый этап исследовательских изысканий был завершен в 1975 г. В отчете о проведенной работе приведено теоретическое обоснование разработки охранных зон, сформулированы понятия памятника археологии, зоны археологической охраны и режим их использования (Отчет, 1975. Л. 10–11, 18). В ходе работы была проанализирована многовековая история развития города в разные периоды его истории. На основании результатов проведенного архивно-библиографического исследования, сопоставления исторических планов с данными письменных источников и натурного обследования в зону строгого регулирования застройки была определена западная часть города, сохранившая историческую планировку с XVIII в., в границах улиц Красноармейской, Маяковского, Привокзальной и Береговой. Культурный слой древнего города в качестве

ОАН определен не был (Отчет, 1975. С. 59, 62). Решением № 317 от 15.08.1977 Исполнительный комитет Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся постановил утвердить охранные зоны г. Приозерска, предложенные в Отчете ЛИСИ (Отчет, 1975; Проект, 1975; Проект, 1978. Л. 33–34). Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 в список памятников археологии Ленинградской области был внесен ОАН «Культурный слой древнего Кексгольма» (Средневековье) (Решение, 1978. П. 14). Границы памятника проходили с севера по ул. Калинина, с востока по Красноармейскому шоссе, с юга по р. Вуоксе, а с запада ограничивались территорией парка отдыха, расположенного на о. Каллиосаари. В такой формулировке ОАН учтен в ЕГРОКН как достопримечательное место и памятник археологии федерального значения (№ 471741247560006). Очевидно, вскоре после этого было составлено обнаруженное в архиве Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области охранное обязательство по археологическому памятнику «Культурный слой древнего Кексгольма», находящегося в ведении УКХ Горисполкома Приозерска (в лице начальника Миронова В.П.) по адресу Ленинградская область, г. Приозерск, в границах: с запада – территория парка отдыха, с севера – ул. Калинина, с востока – Красноармейское шоссе, с юга – р. Вуокса.

В 1983 г. Архитектурно-планировочное бюро управления Леноблисполкома подало в Ленгипрогор задание на уточнение охранных зон Приозерска (Проект, 1987а. Л. 32–34). За основу был взят Проект, выполненный ЛИСИ в 1975 г. В новом проекте специально оговорено, что в условиях отсутствия данных археологических разведок на территории разных районов города основным для определения границ археологических памятников и разработки программ дальнейших археологических изысканий должен являться метод сопоставления исторических планов с современными, дополненный результатами натурных исследований (Проект, 1984а. Л. 19 об. 20). Согласно предложенному проекту охранных зон, город подразделялся на: 1) зону обязательных археологических исследований, ограниченную с запада улицами Береговой и Привокзальной; с севера – ул. Калинина; с востока – Красноармейским шоссе, а с юга – железной дорогой; 2) зону археологических наблюдений севернее Новой крепости и вдоль по набережной оз. Вуокса, а также на южном берегу реки от железной дороги до Ленинградского шоссе. Сюда попали районы города, в которых, по мнению авторов проекта, могли сохраниться археологические объекты XIV–XVI вв. и более позднего времени, определенные в ходе архивно-библиографического исследова-

ния методом сопоставления исторических планов (Проект, 1984а. Л. 19 об.). В финальном варианте проекта Гипрогора, законченного в 1987 г., памятники археологии Приозерска были отнесены в категорию памятников истории и культуры. В одном из двух разных томов одной и той же корректуры, хранящихся в Архиве Комитета по культуре Ленинградской области, южной границей распространения культурного слоя исторической части города является р. Вуокса, согласно второму варианту – железнодорожная магистраль вдоль северного берега засыпанной Федоровской протоки¹⁰ (ср. Проект, 1987а. Л. 12 и Проект, 1987б. Л. 10). Указывается условность границ памятников и, соответственно, зон охраны. Предполагалось ввести режим обязательного проведения охранных раскопок, которые должен был проводить ЛОИА АН СССР при согласовании с Инспекцией охраны памятников (Проект 1978. Л. 22 об.). В 1992 г. на откорректированный проект было получено негативное заключение (Проект, 1987а. Л. 2).

В 1993 г. ЛеноблГИОП заказал проектирование зон охраны Приозерска Персональной творческой мастерской С.В. Тирских. За основу проекта были взяты разработки ЛИСИ и Ленгипрогора, с обязательной их корректировкой под современные требования. Первоначальный вариант проекта подвергся критике (Мильчик, 1994) и в 1995 г. была проведена его корректура (Проект, 1995). В проекте площадь культурного слоя исторической западной части города определялась как зона обязательных археологических исследований, но только на участках, незастроенных современными домами. Памятник ограничивался улицами Береговой, Вокзальной, Ленина и Красноармейской; на остальной территории наличие и мощность культурного слоя предполагалось уточнять методом геологического бурения (Проект, 1993. Л. 2 об., Л. 3; Проект, 1995. Л. 201, 146). В зону обязательных археологических наблюдений (Проект, 1995. Л. 146), были включены районы наиболее активного строительства периода XVIII – начала XIX в., а также участки вдоль средневекового направления дороги на Орешек. Границы зон определялись в первую очередь по сопоставлению исторических планов с современной топографической основой; на основе отчетов о проведенных археологических работах; по данным письменных источников (Проект, 1995. Л. 200).

Хронологические рамки ОАН «Культурный слой древнего Кексгольма»

В учетных документах хронологические периоды ОАН «Культурный слой древнего Кексгольма»

¹⁰ Какой из двух документов является верным и окончательным, установить не удалось.

определены эпохой Средневековья. Под этим названием современный Приозерск существовал и развивался продолжительный период (с 1611 по 1917 г.), большая часть которого относится уже к эпохе Нового времени. В отечественной историографии верхней границей этого периода принято считать начало XVIII в., озаменованное петровскими преобразованиями, и переход к эпохе Нового времени. Таким образом, под заданные условия попадает столетний период шведского владения городом, начало которого озаменовано передачей территории Корельского перешейка шведской короне по условиям Выборгского договора, а окончание – с боевыми действиями Северной войны, когда эта территория была вновь присоединена к России (1710 г.).

Территориальные границы ОАН «Культурный слой древнего Кексгольма»

В ходе инвентаризации 2022 г. ОАН «Культурный слой древнего Кексгольма» (Средневековье) в условиях отсутствия археологических данных для определения границ был избран метод сопоставления исторических планов с современной топоосновой. Основным для эпохи Средневековья был принят план 1697 г., поскольку он соответствует и определенным хронологическим рамкам, и максимально широко иллюстрирует освоенную территорию (рис. 14). При этом границы средневекового г. Кексгольма вмещают и территорию Корелы XV–XVI в. После возвращения города России система его застройки изменилась. Исчезла длинная прибрежная улица, застройка отодвигается к северу от Новой крепости, чтобы территория перед ней оставалась свободной. С середины XVIII в. застройка города была регламентирована. Улицы получили четкую разбивку по сторонам света, которая совсем не совпадала с предшествующей планировкой. Укрупнение кварталов середины XX в. также изменило облик города, хотя центральные улицы сохранили свое магистральное направление. Для корректного сопоставления необходимо было определить общие точки, по которым с достаточной степенью вероятности можно было бы провести границы средневекового города. В качестве ориентира были выбраны характерные изгибы береговой линии р. Вуоксы, повторяющиеся на исторических планах. Однако, как выяснилось, современный ландшафт не отражает реалий ни эпохи Средневековья, ни начала XIX в. Береговая линия претерпела значительные изменения, связанные с понижением уровня воды, произошедшем в XIX в., и инженерными работами по строительству железной дороги.

В попытках реконструировать абрис исторической береговой линии на современной карте в первую

очередь была проведена работа по совмещению планов современного Приозерска и застройки города 1802 г. (после генеральной перепланировки XVIII в., но до падения уровня воды). На этом этапе выявилось совпадение створов центральных улиц города, сохранивших магистральное направление с запада на восток: современная ул. Кирова, ул. Ленина и ул. Калинина; с севера на юг: ул. Красноармейская и ул. Комсомольская. Западная граница современной застройки совпала с границами прибрежных кварталов плана 1802 г. В настоящее время границу древнего берега очерчивают улицы Привокзальная и Береговая. Таким образом, не смотря на изменения уровня воды, западная граница городской застройки не изменилась. Дальнейшее совмещение планов города 1802 и 1697 гг. по выявленной границе древнего берега проиллюстрировало допустимую степень схождения, с учетом возможной погрешности исторического плана и неизвестных нам сезонных колебаний уровня уреза воды. Отмасштабированный таким образом план 1697 г. был совмещен с современным планом Приозерска (рис. 15). На совмещенном плане были проведены границы города конца XVII в. и соответственно распространения культурного слоя.

Для определения наличия или отсутствия средневекового культурного слоя за пределами установленной по архивно-библиографическим данным границы, в северной части города были заложены три разведочных шурфа (рис. 15). Места для шурфовки выбирались с учетом методических указаний ОПИ ИА РАН о необходимости минимизировать нарушения целостности культурного слоя при проведении разведочных работ. Два шурфа располагались на незастроенной территории лесопарка примерно в 300 м к северо-северо-востоку от определенной линии границы памятника (шурфы 2, 3). Еще один шурф был заложен примерно в 500 м к западу от северо-восточного угла границы памятника, восточнее Красноармейской ул. Проведение работ по выявлению средневекового культурного слоя к востоку от проведенной границы до Красноармейской ул. было признано нецелесообразным, так как на всех ранних планах здесь показана незастроенная территория и выходы материковой гранитной скалы. К северу от проведенной границы начинается заболоченная низменность (Зимник). В качестве определяющих по восточной границе, вдоль берега р. Вуоксы были приняты результаты разведочных работ 2015 г. (шурфы 1 и 2). Также была проведена зачистка стенки водопроводной траншеи, расположенной на частном участке по адресу ул. Речная, д. 33. В основании разрезов стенок траншеи были выявлены пойменные торфянистые отложения,

указывающие, что эта территория могла подвергаться периодическим затоплениям и, вероятно, не была освоена как минимум до середины XIX в.

В ходе проведения работ 2022 г. в разведочных шурфах культурные напластования Кексгольма ранее XX в. выявлены не были, вследствие чего граница ОАН «Культурный слой древнего Кексгольма», определенная по архивно-библиографическим данным, с учетом данных разведочных шурфовок 2015 и 2022 гг., осталась без изменений (рис. 16). По результатам полевого обследования 2022 г. местоположение ОАН «Культурный слой древнего Кексгольма» локализовано по адресу: Ленинградская область, Приозерский район, г. Приозерск, на Городском (бывш. Спасском) острове, а также на участке, ограниченном побережьем р. Вуоксы, Привокзальной площадью, ул. Маяковской, ул. Комсомольской и ул. Красноармейской (рис. 1). Географические координаты центра памятника (на пересечении ул. Комсомольской и ул. Советской) – E 30,1131963; N 61,0338324 (WGS84). На памятнике был произведен визуальный осмотр, составлено общее текстовое описание ландшафтной ситуации и его технического состояния, произведена фотографическая фиксация общих видов, определены границы с координатами поворотных точек. Памят-

ник располагается на территории современной застройки и полностью перекрыт напластованиями Нового и Новейшего времени. Культурный слой подвергается постоянной антропогенной нагрузке и повреждениям в ходе проведения инженерных работ, прокладки коммуникационного оборудования, рытья котлованов и проч.

Источники и литература

- Александров С.В., 2007. Отчет об археологических работах, проведенных в Ленинградской области на территории Тихвинского района и западной части Бокситогорского района 2006 г. СПб. // Архив ИА РАН.
- Блохин Е.К., Семенов С.А., Соловьева Н.Ф., 2017. Разведка отряда Ленинградской областной экспедиции ИИМК РАН в 2016 г. // Бюллетень ИИМК РАН. Вып. 6.
- Варакин Е.П., 2012. Особенности исторических мест и архитектурно-градостроительных комплексов вдоль р. Тихвинки (в проекте генплана Тихвина 2009 г.) // Науки о земле и цивилизация. СПб. Том 2. Природа и общество.

Рис. 16. «Приозерск 3. Культурный слой средневекового города». Границы археологического памятника на космоснимке Яндекс. Масштаб 1:4000

- Варакин Е. П., Пятницкая Т. Н., 2017. Архитектурный ансамбль Успенского монастыря в Тихвине. СПб.
- Васильев Ст. А., Григорьева Н. В., Семенов С. А., 2023. Культурный слой крепости Корела в исследованиях А. Н. Кирпичникова и А. И. Саксы // АВ. Вып. 39.
- Гадзяцкий С. С., 1941. Карелия и Южное Приладожье в войне 1656–1658 гг. // Исторические записки. М. Т. 11.
- Громов В. И., Шаскольский И. П., 1976. Приозерск. Л.
- Дмитриев А. П., Лихой А. И., 2009. Приозерская земля: история и культура. Книга по краеведению. СПб.; Приозерск.
- Катышевская А. И., 2013. Отчет об археологических исследованиях и надзоре на участке строительства Тихвинского гидроузла в г. Тихвин Ленинградской области в 2012 г. ООО «Научно-производственные мастерские «Ника»». СПб.; Тихвин // Архив ИА РАН. Р-1. № 34766.
- Катышевская А. И., 2017. Отчет об археологических исследованиях на участке строительства газопроводов для газоснабжения микрорайонов индивидуальной жилой застройки в городе Тихвин Ленинградской области в 2015 г. Владимир; Тихвин. Т. 1–2 // Архив ИА РАН.
- Катышевская А. И., 2018. Отчет об археологических раскопках на участке строительства объектов инженерной инфраструктуры к кварталу индивидуальной жилой застройки деревни Стретилово Тихвинского городского поселения Тихвинского муниципального района Ленинградской области в 2018 г. Владимир // Архив ИА РАН.
- Катышевский Ю. В., 2011. Отчет об археологических исследованиях и надзоре на участке строительства газопровода к кварталу к жилой застройки в г. Тихвин Ленинградской области в 2010 г. СПб.; Тихвин // Архив ИА РАН.
- Катышевский Ю. В., Шуньгина С. Е., 2013. Археологические исследования на территории Большого Успенского монастыря в Тихвине в 2010 г. // АИППЗ. Вып. 58.
- Кирпичников А. Н., 1972. Отчет о раскопках в г. Приозерске Ленинградской области в 1972 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1972. Д. 183.
- Кирпичников А. Н., 1973а. Исследования древней Корелы и Ладужской крепости // АО 1972.
- Кирпичников А. Н., 1973б. Отчет о раскопках в г. Приозерске Ленинградской области в 1972 г. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. № хр. 79-368.
- Кирпичников А. Н., 1974а. Отчет о раскопках в городе Приозерске Ленинградской области в 1973 г. // НА ИИМК РАН. РО. Личный архив А. Н. Кирпичникова.
- Кирпичников А. Н., 1974б. Раскопки в Ладужской крепости. в г. Приозерске // АО 1973.
- Кирпичников А. Н., 1976. Материалы о раскопках в крепости Корела в 1975, 1976 гг. // НА ИИМК РАН. РО. Личный архив А. Н. Кирпичникова.
- Кирпичников А. Н., 1978. Башня посадника Якова в средневековой Кореле // Древняя Русь и славяне. М.
- Кирпичников А. Н., 1979а. Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л.
- Кирпичников А. Н. 1979б. Опыт комплексного использования писцовых книг и исторической топографии для характеристики средневекового русского города (по материалам Корелы XV–XVII вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб. Вып. 11.
- Кирпичников А. Н., 1984. Каменные крепости Новгородской земли. Л.
- Кирпичников А. Н., Назаренко В. А., 1977. Раскопки древней Корелы // АО 1976.
- Колесникова Л. А., Гарклавс А., 2004. Возвращение. Тихвинская икона Божьей Матери. СПб.
- Королькова Л. В., 2004. Отчет о работе этноархеологической экспедиции Российского этнографического музея в полевой сезон 2004 г. на территории г. Тихвина Ленинградской области // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. Оп. 8878. № 1476 (7278).
- Косточкин В. В., Драги А. А., 1963. Костер посадника Якова в Кореле // Памятники культуры. Исследование и реставрация. 4. М.; Л. Вып. 18.
- Кочкуркина С. И., 1981. Археологические памятники корелы V–XV вв. Л.

- Краснов Н. В., 1971. Тихвин. Л.
- Краснолуцкий А. Ю., 2017. Приозерск. СПб.
- Кузьмин С. Л., Лапшин В. А., Сакса А. И., Чернов С. М., 1988. Исследования Ленинградской областной экспедиции // АО 1986.
- Лапшин В. А., 1995. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 2. Восточные и северные районы.
- Ласковский Ф. Ф., 1866. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб.
- Мильчик М. И., 1984. Из строительной биографии древнерусской крепости Корелы // Архитектурное наследие и реставрация (реставрация памятников истории и культуры России). М.
- Мильчик М. И., 1994. Рецензия на работу «Приозерск. Проект зон охраны памятников истории и культуры». Персональная творческая мастерская С. В. Тирских. СПб. 21.06.1994 г. // Архив комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. № 283-17.
- Мильчик М. И., 2017. Тихвин: город позднего русского Средневековья. Очерк градостроительной истории. СПб.
- Мордвинов И. П., 1925. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. Исторический очерк. Тихвин.
- Назаренко В. А., 1976. Раскопки в Приозерске // АО 1975.
- Никонова А. А., 1988. Быт Успенского монастыря XVII–XIX вв. по данным археологических раскопок // Тихвинский сборник. Тихвин. Вып. 1. Археология Тихвинского края.
- Отчет, 1975. Охранные зоны г. Приозерска (из научного отчета по теме «Охранные территории г. Приозерск и Старая Ладога». Работа выполнена в 1974–1975 гг. при Кафедре истории архитектуры Ленинградского инженерно-строительного института по заданию Управления Культуры Леноблисполкома) // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. № хр. 283-3.
- Отчет, 2015а. Полный научно-технический отчет по теме: «Проведение научно-исследовательских археологических работ по написанию полного научно-технического отчета об археологических разведках на объекте «Газоснабжение природным газом г. Приозерска. Распределительные сети. Газопроводы вводы» по адресу Ленинградская область, г. Приозерск» // Архив ЦСА ИИМК РАН.
- Отчет, 2015б. Отчет по теме: «Подготовка исторической справки на земельный участок, отводимый под объект «Газоснабжение природным газом г. Приозерск. Распределительные сети. Газопроводы вводы» по адресу Ленинградская область, г. Приозерск» // Архив ЦСА ИИМК РАН.
- Паспорт, 1999. Паспорт памятника архитектуры «Крепость Корела. Комплекс крепостных сооружений г. Приозерска» от 20.12.1999. Составители: Исакова Е. В., Орлов В. П. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Переписная книга, 1852. Переписная Окладная книга по Новгороду Вотьской пятины Корельского городка с уездом 7008 (1500) г. Ч. 2 // Временник императорского московского общества истории и древностей российских. М. Кн. 12.
- Приказ, 2014. Приказ Комитета по культуре Ленинградской области № 01-03/14-07 Об установлении границы территории объекта культурного наследия федерального значения «Комплекс крепостных сооружений: Крепость Корела, XIV–XVIII вв., Новая крепость, XVI–XVIII в.» // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Приказ, 2021а. Приказ Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области № 01-03/21-56 от 12.04.2021 г. О включении в Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Ленинградской области, объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, расположенных на территории объекта культурного наследия федерального значения «Крепость Корела», входящего в состав объекта культурного наследия федерального значения «Комплекс крепостных сооружений», расположенного по адресу: Ленинградская область, г. Приозерск, ул. Леншоссе, д. 3 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Приказ, 2021б. Приказ Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области № 01-03/21-227 от 23 декабря 2021 г. Об установлении предмета охраны объекта культурного наследия федерального значения «Новая крепость», расположенного по адресу: Ленинградская

- область, г. Приозерск, ул. Леншоссе д. 16, в составе объекта культурного наследия федерального значения «Комплекс крепостных сооружений», расположенного по адресу: Ленинградская область, г. Приозерск, ул. Леншоссе, д. 3а // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Приказ, 2021в. Приказ Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области № 01-03/21-250 от 24 декабря 2021 г. Об установлении предмета охраны объекта культурного наследия федерального значения «Комплекс крепостных сооружений», расположенного по адресу: Ленинградская область, г. Приозерск, ул. Леншоссе., д. 3а // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Приказ, 2021г. Приказ Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области № 01-03/21-60 от 21.04.2021 г. Об установлении предмета охраны объекта культурного наследия федерального значения «Крепость «Корела», XIV–XVIII вв., по адресу: Ленинградская обл., г. Приозерск, ул. Леншоссе, д. 3, входящего в состав объекта культурного наследия федерального значения «Комплекс крепостных сооружений», XIV–XVIII вв. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Проект, 1975. Отчет о научно-исследовательской работе Разработка охранных территорий г. Приозерска. Т. 1, гл. 1–3. Ленинградский инженерно-строительный институт. Ленинград. 1975 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. № хр. 283-3.
- Проект, 1978. Приозерск. Проект охраняемых территорий памятников истории и культуры. Госстрой РСФСР. Ленгипрогор. Ленинград. 1978 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. № хр. 283-5.
- Проект, 1984а. Проект охраняемых территорий памятников истории и культуры г. Приозерска Ленинградской области. Госстрой РСФСР. Ленгипрогор. Ленинград. 1984 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. № 283-10.
- Проект, 1984б. Проект охраняемых территорий памятников истории и культуры г. Приозерска Ленинградской области. Альбом иллюстраций. Госстрой РСФСР. Ленгипрогор. Ленинград. 1984 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. № 283-11.
- Проект, 1987а. Проект охранных зон памятников истории и культуры г. Приозерска. Корректур. Ленгипрогор. Ленинград. 1987 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. № 283-9.
- Проект, 1987б. Проект охранных зон памятников истории и культуры г. Приозерска. Корректур. Ленгипрогор. Ленинград. 1987 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. № 283-13.
- Проект, 1993. Проект зон охраны памятников истории и культуры (корректур). Альбом иллюстраций. Персональная творческая архитектурная мастерская С.В. Тирских. Санкт-Петербург. 1993 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. № 283-17.
- Проект, 1995. Проект зон охраны памятников истории и культуры (корректур). Т. 1. Пояснительная записка. Персональная творческая архитектурная мастерская С.В. Тирских. Санкт-Петербург. 1995 г. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. № 283-16.
- Раздел, 2015а. Раздел по обеспечению сохранности объектов историко-культурного наследия на объекте «Газоснабжение природным газом г. Приозерска. Распределительные сети. Газопроводы вводы» по адресу Ленинградская область, г. Приозерск // Архив ЦСА ИИМК РАН.
- Раздел, 2015б. Раздел по обеспечению сохранности объектов культурного наследия на объекте «Газопровод межпоселковый до г. Приозерск Приозерского района Ленинградской области по адресу: г. Приозерск Приозерского района Ленинградской области» // Архив ЦСА ИИМК РАН.
- Раззак М. А., 2020. Полный научно-технический отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ по сохранению объекта культурного наследия в виде спасательных археологических работ (раскопки) на объекте археологического наследия «Культурный слой древнего Тихвина и предшествующих ему поселений», расположенного на объекте: «Строительство инженерной инфраструктуры (дороги, водоснабжение, газоснабжение) территории для индивидуального жилищного строительства между деревнями Заболотье и Фишева Гора Тихвинского городского поселения Тихвинского муниципального района Ленинградской области» // Архив ЦСА ИИМК РАН.

- Раппопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. № 105.
- Решение, 1977. Решение от 15.08.1977 № 317 Об утверждении охранных зон города Приозерска // Архив комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. Д. 289-9. Приозерск. Проект охранных зон памятников истории и культуры. Корректур. Ленгипрогор. 1987 г. Л. 31.
- Решение, 1978. Решение Исполнительного Комитета Ленинградского областного совета народных депутатов «Об утверждении списка памятников археологии Ленинградской области» № 271 от 10.07.1978 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Сакса А. И., 1989. Отчет о полевых работах Приозерского археологического отряда ЛОИА АН СССР в сезон 1989 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 140.
- Сакса А. И., 1990. Отчет о полевых работах Приозерского археологического отряда ЛОИА АН СССР в сезон 1990 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 68.
- Сакса А. И., 2010. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.
- Сакса А. И., 2011. Какисалми-Корела-Кексгольм – к истории старой крепости // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 57-го заседания (18–20 апреля 2011 г.). М.; Псков.
- Сакса А. И., 2014. От племенного «городка» карел к административному центру Новгородской земли (Какисалми-Корела в XIII–XIV вв.) // Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. СПб. Вып. 4. Материалы международной конференции «Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения».
- Сакса А. И., 2022. Какисалми – Корела (Корельский город). Этапы истории // АВ. № 36.
- Семенов С. А., 2016а. Полный научно-технический отчет о научно-исследовательских археологических работах в виде историко-культурного археологического обследования объекта с целью проведения государственной историко-культурной экспертизы земельного участка, отводимого под проектирование объекта, находящегося по адресу: Ленинградская область, Тихвинский муниципальный район, Тихвинское городское поселение, г. Тихвин, ул. Карла Маркса д. 27 (напротив Дворца культуры им Н. А. Римского-Корсакова) кадастровый номер 47:13:1202017:2552 // Архив ЦСА ИИМК РАН.
- Семенов С. А., 2016б. Полный научно-технический отчет о научно-исследовательских работах в виде историко-культурного археологического обследования объекта с целью проведения государственной историко-культурной экспертизы земельного участка, отводимого под проектирование объекта «Здание автосервиса, расположенное на земельном участке по адресу: г. Тихвин, ул. Школьная, д. 1» // Архив ЦСА ИИМК РАН.
- Сербина К. Н., 1951. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. М.; Л.
- Спицын А. А. Сопки, норمانы // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 5. Д. 376.
- Тихвинский земский, 1916. Тихвинский земский календарь-справочник на 1917 г. Петроград.
- Тихвинский край, 2019а. Тихвинский край. СПб. Т. 2.
- Тихвинский край, 2019б. Тихвинский край. СПб. Т. 3.
- Учетная, 1999а. Учетная карточка «Комплекс крепостных сооружений» к паспорту памятника архитектуры федерального значения «Крепость Корела. Комплекс крепостных сооружений г. Приозерска» XIV–XVIII вв. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Учетная, 1999б. Учетная карточка «Комплекс крепостных сооружений. Старая крепость – Корела» XIV–XVIII вв. к паспорту памятника архитектуры федерального значения «Крепость Корела. Комплекс крепостных сооружений г. Приозерска» XIV–XVIII вв. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Учетная, 1999в. Учетная карточка «Комплекс крепостных сооружений» к паспорту памятника архитектуры федерального значения «Крепость Корела. Комплекс крепостных сооружений г. Приозерска» XIV–XVIII вв. // Архив

- Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Фурасьев А.Г., 2016. Отчет об археологических раскопках на территории города Тихвин Ленинградской области в 2015 г. СПб. // ИА РАН.
- Фурасьев А.Г., 2017. Археологические исследования в г. Тихвине // АО 2015.
- Хаустова И.А., 2015. Крепость Корела // Вестник. Зодчий. 21 век. СПб. Вып. 2–1(55).
- Хвощинская Н.В., 2013. Отчет о выполнении научно-исследовательских археологических работ по адресу: Ленинградская область, г. Тихвин, пер. Речной // Архив ЦСА ИИМК РАН.
- Чернов С.М., 1989а. Отчет о разведочных археологических исследованиях 1989 г. в зоне проектируемого строительства газопровода для Химлеспромхоза в г. Тихвине. Ч. I. Т. 1. Л. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 14750.
- Чернов С.М., 1989а. Отчет об археологических исследованиях 1986 г. и наблюдениях за земляными работами 1985 г. в крепости Корела в городе Приозерске. Ленинград. 1989 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. Оп. 3991. № хр. 90-116а.
- Чернов С.М., 1989б. Отчет об археологических исследованиях 1986 г. и наблюдениях за земляными работами 1985 г. в крепости Корела в городе Приозерске. Ленинград. 1989. Альбом иллюстраций // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. Оп. 3392. № хр. 90-116б.
- Чернов С.М., 1990а. Отчет об археологических исследованиях и наблюдениях за земляными работами на территории тихвинского посада в 1989 г. Ч. III. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 15074.
- Чернов С.М., 1990б. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства жилого дома по ул. Связи, № 20а. Ч. II. Т. 1. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Чернов С.М., 1992. Отчет об археологических исследованиях в г. Тихвине в 1990 г. (обоснование зон охраны). СПб. Том 3. (Рукопись) // Архив комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Черных Н.Б., 1996. Дендрохронология и археология. М.
- Шаскольский И.П., 1967. Памятники русской архитектуры XIV–XVI вв. в городе Кореле // Культура и искусство Древней Руси. Л.
- Шаскольский И.П., Файнштейн Л.А., Самушенкова М.Л., 1984. Тихвин: Историко-краеведческий очерк. Л.
- Шуньгина С.Е., 2011. Охранные исследования на территории Успенского мужского монастыря (г. Тихвин) // АО 2008.
- Шуньгина С.Е., 2013а. Отражение этапов развития Тихвинского Большого Успенского монастыря в материалах археологических исследований 2010 г. // Stratum plus. Кишинев; СПб. № 5.
- Шуньгина С.Е., 2013б. Исследование северной стены Большого Успенского монастыря в г. Тихвине Ленинградской области // АО 2009.
- Шуньгина С.Е., 2021. Отчет об археологической разведке 2020 г., проведенной на территории Антониево-Дымского Свято-Троицкого монастыря (Ленинградская область, Бокситогорский район, д. Красный Броневик) и Тихвинского городского поселения (Ленинградская область, Тихвинский район). Том 1–2. СПб. // Архив ИА РАН.
- Шуньгина С.Е., 2022. Археологическое изучение Тихвинского Богородичного Успенского мужского монастыря: краткие итоги // Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И.И. Кузнецова. Материалы научной конференции. Москва, 16–17 ноября 2021 г. М. Вып. 2.
- Schvindt T., 1894. Käkisalmen kaupunki entisinä aikoina // Itä-Rajalta. Käkisalmen 600-juhlan muisto. Myydään Käkisalmen kansanopiston hyväksi. Käkisalmi.
- Schvindt T., 1898. Käkisalmen pesalinnan ja entisen linnoitetun rakennushistorian aineksia. Analecta archaeologica Fennica. Helsingissa. Vol. II, 2.
- Uino P., 1997 Ancient Karelia. Archaeological studies. Helsinki.

Булыжное мощение в контексте развития дорожного строительства Петербурга по материалам городских археологических работ ИИМК РАН¹

М. Е. Глухов²

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023-69-76

Большая часть территории исторического Санкт-Петербурга, занятая преимущественно дореволюционной застройкой, до повсеместного распространения асфальтобетонного и других усовершенствованных покрытий была покрыта булыжным мощением. Сохранившиеся участки уложенного в песок булыжника нередко обнажаются при локальных разрушениях асфальтированного покрытия улиц и, особенно часто, внутривидовых территорий.

В последние годы в петербургском обществе возрос интерес к проблеме сохранения булыжного мощения, выявляемого при проведении работ по благоустройству. Прецедентом стало открытие под слоем асфальта остатков булыжного мощения и брусчатки во дворе дома по адресу пр. Римского-Корсакова, д. 39 (рис. 1). Дискуссия, возникшая между градозащитниками, представителями муниципалитетов и строителями, в том числе в стенах петербургского КГИОП, освещалась в прессе (Петербургжцы нашли историческое мощение во дворе своего дома, 2020) и имела не только определенный резонанс, но и практические результаты. Так, выявленные остатки были фрагментарно музеефицированы в комплексе работ по благоустройству и гидроизоляции фундаментов образующей двор застройки. Суть музеефикации в указанном случае состояла в перекладке сохранившихся участков после устройства песчано-щебеночного основания. Результаты работ были восприняты неоднозначно, так как активисты настаивали на придании мощению охранного статуса,

не допускающего его разрушение и перекладку, в то время как органами охраны таких решений принято не было. Тем не менее сохранившиеся участки решено было восстановить (На Римского-Корсакова завершили укладку мощения, 2020). После данного прецедента аналогичное булыжное мощение выявлялось во дворах домов № 18 по Петрозаводской ул. (Во дворе на Петроградском острове нашли историческое мощение, 2021), № 46 по ул. Марата, № 16–18 по Дмитровскому пер. (Во дворе на Марата во время работ нашли дореволюционное мощение, 2021).

Массовое распространение булыжного мощения в XIX–XX вв. выявлялось постоянно в процессе археологических разведок при проведении государственных историко-культурных экспертиз земельных участков. Оно всегда зачищалось, фиксировалось фотографически, отражалось в чертежах, описывалось в тексте научно-технических отчетов, датировалось по археологическому материалу (при его наличии). После зачистки и фиксации мощение разбиралось с целью исследования залегающих ниже напластований.

Возросший общественный интерес к вопросу сохранения скрытого под слоями асфальта и других покрытий каменного мощения предопределил актуальность освещения данной темы по материалам городских археологических исследований. Рассмотрим эти материалы в контексте истории дорожных покрытий Санкт-Петербурга применительно к булыжному мощению.

Особенности использования булыжного мощения

Петербургские улицы начали мостить с первой четверти XVII в. Впервые правила и методика были изложены в сенатском указе от 18 июля 1718 г., в котором домовладельцам вменялось в обязанность «против своего двора посыпать песком и камнем, мостить гладко» (Бажанов, 1996. С. 3–4). Сперва предписывалось мостить улицу

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИИ ГАН по теме государственного задания «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций» (№ 0160-2019-0044).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: max.glukhov1990@yandex.ru.

шириной в сажень, а через год – в сажень и два аршина. Полностью главные улицы города были замощены к 1787 г. Следует особо отметить, что тротуары, пешеходные дорожки булыжниками не мостили. До 1817 г. повсеместно использовались деревянные мостки. Позже, в течение XIX – первой четверти XX в., тротуары стали покрывать лещадной плитой, гранитом, но оставались также деревянные и грунтовые покрытия (Бажанов, 1996. С. 5). Постановлением Городской думы в 1909 г. домовладельцам предписывалось мостить тротуары лещадной известняковой плитой и асфальтом. Применимость данной практики наглядно проиллюстрирована на многочисленных дореволюционных фотографиях улиц Санкт-Петербурга (рис. 2). Но, учитывая ценность обработанных плит, при археологических работах на этапе расчистки мощения они встречаются нечасто – зачастую их использовали вторично. Так, открытые при раскопках восточного пассажа Ново-Александровского рынка в 2019 г. в створе внутрирыночной улицы плиты сохранились лишь фрагментарно, в переотложенном и вторично использованном виде (рис. 3). Работы 2019 г. во дворе дома № 115 по пр. Римского-Корсакова,

Рис. 2. Вид на жилой дом № 5 по 5-й линии В.О., фотография, 1905 (URL: <https://pastvu.com/p/122247>)

Рис. 3. Наб. р. Фонтанки, д. 125. Фиксация булыжной мостовой внутрирыночной Александровской ул. Фотография ИИМК РАН, 2019

Рис. 1. Пр. Римского-Корсакова, д. 39. Расчистка выявленных остатков мощения. Фотография ИИМК РАН, 2020

в процессе которых было выявлено два уровня булыжного мощения, также обнаружили лишь частичную сохранность плитных дорожек только на нижнем уровне мощения (рис. 4). Таким образом, повсеместное распространение более гладких покрытий для движения пешеходов, устраиваемых в замощенных булыжником мостовых, характерно как для улиц города, так и для дворов.

В регламентирующих документах относительно устройства дорожного покрытия с начала XVIII в. особый акцент делался на ливневых стоках и прочих элементах уличного хозяйства (Бажанов, 1996. С. 3, 5). В XIX, а также в течение большей части первой половины XX в. трассы подземных коммуникаций перекрывались именно булыжным мощением. Это в первую очередь связано с необходимостью постоянного обслуживания, предполагающего разбор мостовых, разрытие траншей, прочистку, ремонт и последующее восстановление дорожного покрытия (Бажанов, 1996. С. 5).

Рис. 4. Пр. Римского-Корсакова, д. 115. Фиксация булыжной мостовой. Фотография ИИМК РАН, 2019

Так, на фотографии ул. Восстания, вымощенной деревянными торцами, ремонт коммуникаций осуществляется именно в створе булыжного проезда (рис. 5). Невский проспект, помимо торцовой мостовой и плитных тротуаров, также имел булыжную мостовую, в створе которой проходили подземные коммуникации (рис. 6). Аналогично мостились двory доходных домов. При археологических работах во дворе дома № 24 по Большой Подьяческой ул. участки булыжного мощения перекрывали деревянные канализационные короба и коллекторы (рис. 7; 8), а также асбестовый трубопровод в деревянном лотке (рис. 9; 10). К западу от остатков дорожки из лещадных плит, выявленных при указанных выше работах на ул. Римского-Корсакова (рис. 4), сохранившееся булыжное мощение также перекрывает траншею деревянного канализационного короба с крышкой из поперечно лежащих полубревен, имеющей следы прочистки и кустарной заделки обрезными досками (рис. 11).

Факторы, влияющие на сохранность булыжного мощения

Переходя к вопросу сохранности булыжного мощения следует обратить внимание на несколько

Рис. 5. Ремонт подземных коммуникаций на ул. Восстания. Фотография, 1934 (Бажанов, 1996. С. IX)

Рис. 6. Вид на башню городской думы с Невского проспекта. Фотография, 1902 (URL: <https://pastvu.com/p/523309>)

Рис. 7. Большая Подьяческая ул., д. 24. Фиксация разреза перекрываемого мощением заполнения деревянного коллектора. Фотография ИИМК РАН, 2019

Рис. 8. Большая Подьяческая ул., д. 24. Фиксация зачистки выбранного деревянного коллектора и остатка короба. Фотография ИИМК РАН, 2019

Рис. 11. Пр. Римского-Корсакова, д. 115. Северо-западный сектор. Фиксация зачистки крышки деревянного короба со следами ремонтных работ. Фотография ИИМК РАН, 2019

Рис. 9. Большая Подьяческая ул., д. 24. Фиксация зачистки булыжного мощения в археологическом шурфе. Фотография ИИМК РАН, 2018

объективных факторов, влиявших на его бытование. Конструктивно, при отсутствии высоких транспортных нагрузок, мощение в комплексе с его подсыпками является подходящим основанием для асфальтированного покрытия, играя роль своеобразного пакеляжа. Зачастую демонтаж мощения, исходя из технологии укладки асфальта середины XX в., не требовался. Это обуславливает его частое выявление при разрушении или снятии асфальта как внутривортовых территорий, так и улиц, не являющихся основными транспортными магистралями. Так, в 2019 г. при съеме асфальта в створе Пинского переулка с целью закладки археологического шурфа под слоем асфальта были выявлены остатки булыжного мощения, служившего ему основанием (рис. 12).

Рис. 10. Большая Подьяческая ул., д. 24. Фиксация южной стенки шурфа и уходящих в нее фундамента и асбестового трубопровода. Фотография ИИМК РАН, 2018

Рис. 12. Пинский пер. Фиксация южной стенки шурфа с остатками булыжного мощения под асфальтом. Фотография ИИМК РАН, 2019

Не менее важным аспектом, влияющим на повсеместную распространенность и, соответственно, сохранность в большом объеме булыжного мощения, является длительный процесс перехода на асфальтобетонные дорожные одежды в постреволюционную эпоху. Если обратиться к статистическим показателям по площади покрытий петербургских улиц, находящихся в ведении городского управления, то в 1882 г. их соотношение было таковым: на проезжей части 674010 кв. м булыжных мостовых, 9605 кв. м торцовых мостовых, 138646 кв. м шоссе, 1015 кв. м асфальтовых покрытий (общая площадь 823276 кв. м); тротуаров – 40290 кв. м плитных, 76385 кв. м гранитных, 7040 кв. м деревянных, 7002 кв. м грунтовых (общая площадь 130717 кв. м) (Бажанов, 1996. С. 5).

В первые послереволюционные годы в условиях материальных трудностей и дефицита рабочих рук (в годы Гражданской войны население Петрограда сократилось с 2 млн 300 тыс. человек до 700 тыс. человек) коммунальное хозяйство пришло в упадок (Бажанов, 1996. С. 7–8). В процессе реорганизаций ведающих коммунальным хозяйством органов власти, становления мощностей и пр., наведение новых покрытий по их соотношению отличалось от дореволюционной эпохи лишь незначительно. Петербургские торцовые мостовые, явившиеся подлинным прорывом в части комфорта как для пассажиров экипажей, так и для местных жителей в 1832 г., считались прогрессивным видом дорожного покрытия вплоть до середины 1930-х гг., когда их проектирование и совершенствование сократилось вследствие экономической нерентабельности (Бажанов, 1996. С. 36). В то же время в конце 1920-х гг. каменные дорожные одежды по заложенным срокам годности и неприхотливости превосходили современные им асфальтобетонные. Немалую роль сыграло начало разработки диабаз на Онежском озере, нормативный срок службы которого в дорожном покрытии составлял 21 год, против 3 лет, установленных для асфальтобетона (Бажанов, 1996. С. 20). Каменные покрытия, к которым относилось булыжное мощение, брусчатка и кляйнпфлястер, довольно долго по общей площади и объему работ по их восстановлению превосходили асфальтобетонные, в том числе и в виду высоких требований к механизации труда и сложному производственному циклу асфальтобетона.

В середине 1940-х гг., когда преимущества асфальтированного покрытия стали очевидны, несмотря на экономическую составляющую, булыжные мостовые проектировались уже как будущая основа для асфальтированных. Соответственно, на 1 января 1938 г. (итоги 2-й пятилетки) соотношение дорожных

покрытий в Ленинграде выглядело следующим образом: усовершенствованные покрытия составили 1491,4 тыс. кв. м асфальтобетонных покрытий, 791 кв. м диабазовых, 304 кв. м деревянных торцовых (общая площадь 2586,4 тыс. кв. м; усовершенствованные покрытия – белое шоссе и булыжная мостовая – 6255 тыс. кв. м) (Бажанов, 1996. С. 43).

К 1981 г. открытых покрытий из булыжного камня в Ленинграде осталось только 30 тыс. кв. м. Оно было почти полностью вытеснено асфальтобетоном и другими усовершенствованными покрытиями (Бажанов, 1996. С. 165). Основной причиной отказа от булыжного мощения, помимо плохой стойкости к нагрузкам, безусловно, была его непригодность для транспортного и пешеходного движения.

Достоверная статистика по покрытию асфальтом петербургских дворов требует дополнительных архивных изысканий. Но, опираясь на проведенные археологические работы, можно сделать вывод о преемственности практики укладки асфальта поверх булыжного мощения без его специального демонтажа. Между тем стоит учесть, что в первые годы после революции, пока не наладились поставки и производство дорожных материалов, булыжниками со дворов нередко мостили улицы города. Однако наибольшие разрушения скрытому под асфальтом мощению петербургских дворов приносила прокладка современных коммуникаций. При вскрытии больших площадей в створах трасс ливневой и бытовой канализаций, их колодцев, электрических кабелей и т.д., мощение, как правило, не обнаруживается. Так, при снятии асфальта в процессе упомянутых выше археологических работ в северо-западной части двора дома № 115 по пр. Римского-Корсакова хорошо сохранившееся булыжное мощение, подстилающее асфальт, перерезается трассой самотечной канализации и ее колодцев (рис. 13). Фотофиксация разбора центральной бровки раскопа, заложенного в указанном дворе, отображает разновременные уровни дневной поверхности и густую сеть подземных коммуникаций разных эпох и материалов, перерезающих друг друга (рис. 14–17). Булыжное мощение, залегающее под асфальтом, перерезается траншеями современных ливневой и бытовой канализаций, а также водопроводом (рис. 14). После зачистки уровня мощения 2 и выборки поздних траншей открылся канализационный трубопровод, впущенный уже с уровня мощения и перекрываемый им, который выходит из бетонного канализационного колодца, синхронного по высотным отметкам крышке с поверхности мощения (рис. 15). После этого были

Рис. 13. Пр. Римского-Корсакова, д. 115. Северо-западный сектор. Фиксация булыжной мостовой 1. Фотография ИИМК РАН, 2019

Рис. 14. Пр. Римского-Корсакова, д. 115. Разбор центральной бровки раскопа. Фиксация булыжной мостовой 1. Фотография ИИМК РАН, 2019

Рис. 15. Пр. Римского-Корсакова, д. 115. Разбор центральной бровки раскопа. Фиксация булыжной мостовой 2. Фотография ИИМК РАН, 2019

Рис. 16. Пр. Римского-Корсакова, д. 115. Разбор центральной бровки раскопа. Фиксация булыжной мостовой 2 после выборки траншеей поздних коммуникаций. Фотография ИИМК РАН, 2019

Рис. 17. Пр. Римского-Корсакова, д. 115. Разбор центральной бровки раскопа. Фиксация после снятия булыжной мостовой 2 и выборки траншеей коммуникаций. Фотография ИИМК РАН, 2019

выбраны более ранние деревянные коммуникации, представленные коробами и срубами коллекторов (рис. 17). Таким образом, полностью сохранившееся мощение на внутридворовой территории выявить практически невозможно, но при наличии актуальной и достоверной топографической основы с показанием существующих коммуникаций, можно спрогнозировать масштаб его утраты для последующих работ по восстановлению.

Немаловажным фактором сохранности булыжного мощения на внутридворовых территориях является сложная история застройки большинства петербургских земельных участков. В современном восприятии они представлены довольно консервативным ландшафтом. Но если обратиться к архивным материалам второй половины XIX – начала XX в., станет очевидна многоэтапность строительных периодов. Это характерно для любого городского земельного участка, особенно при его развитии на пути от индивидуального пользования до полноценного доходного дома с флигелями и дворовыми службами. Особенности хозяйства доходных домов предполагали часто многочисленные либо крупные по площади дворовые служебные постройки, часто занимающие большую часть внутридворовой территории. Пятна таких построек нередко читаются в ландшафте. Так, вышеуказанные археологические работы во дворе дома № 24 по ул. Большая Подъяческая выявили археологические остатки двух идентичных подпрямоугольных строений дворовых служб, вытянутых по оси север–юг, расположенных в обеих частях двора и обозначенных в архивных документах как «каменные навесы» (рис. 18). До начала работ пятно одной из построек читалось в виде обширной клумбы, но другая постройка перекрывалась асфальтом. Соответственно, в границах пятен указанных построек, относящихся к последним этапам застройки и разобранных в советскую эпоху, булыжного мощения не было (рис. 19). Примечательно, что на архивном плане,

Рис. 18. План участка, принадлежавшего тайному советнику барону А.И. Мирбаху от 1871 г. (Чертежи, 1840–1876)

Рис. 19. Большая Подьяческая ул., д. 24. Вид на раскоп 1 с юго-востока. Фотография ИИМК РАН, 2019

помимо самих построек, отображены также коммуникации, синхронные данному строительному периоду. Таким образом, обращаясь к большому и доступному корпусу архивных материалов с планами и архитектурными чертежами застройки земельных участков, можно выявить и локализовать наиболее поздние несохранившиеся дворовые постройки, в границах пятен которых мощение не существовало.

Таким образом, булыжное мощение было основным дорожным покрытием Петербурга на протяжении более двух веков. В первую очередь это было связано с простотой технологии его укладки и ремонта, а также низкой требовательностью к развитой механизации на всех этапах его бытования. Более комфортные и долговечные покрытия применялись сперва для пешеходов, а затем для транспорта. Удельный вес булыжного мощения превышал более совершенные покрытия до середины XX в., с дорог Петербурга его вытеснило только массовое производство асфальтобетонных смесей и развитие механизации уже в послевоенное время. При этом оно до сих пор служит основанием многих асфальтированных покрытий города. Несмотря на техногенные интервенции, оно в большом объеме, хотя и с утратами, сохраняется под слоями асфальта петербургских дворов и улиц, что подтверждается археологическими исследованиями. Объемы утрат и лакун часто можно прогнозировать, анализируя топографические планы и архивные материалы, отображающие поздние этапы дореволюционной застройки исторических районов города.

В заключение следует отметить, что с точки зрения определения объекта археологического наследия массово распространенное булыжное мощение, скрытое непосредственно под асфальтом и его подсыпками, как правило, не приобретает особого статуса при его выявлении. Усмотреть в рядовом для города дорожном покрытии какие-либо признаки объекта археологического наследия достаточно сложно. Особняком стоит частично реконструированный и музеефицированный участок булыжного мощения XVIII в. у здания Двенадцати коллегий. Однако это частный случай одного из самых ранних сохранившихся покрытий, относящихся к благоустройству и аутентичному ландшафту архитектурного памятника, являющегося объектом культурного наследия федерального значения. Городские археологические исследования могут представлять для заинтересованных в данном вопросе сторон определенный, в том числе и практический, интерес.

Источники и литература

Бажанов А.И., 1996. История дорожного строительства в Санкт-Петербурге – Ленинграде – СПб. СПб.

Во дворе на Марата во время работ нашли дореволюционное мощение // Фонтанка.ру. 2021. 2 авг. URL: <https://www.fontanka.ru/2021/08/02/70056830> (дата обращения: 29.11.2022).

Во дворе на Петроградском острове нашли историческое мощение // Фонтанка.ру. 2021. 13 июля. URL: <https://www.fontanka.ru/2021/07/13/70022339> (дата обращения: 29.11.2022).

На Римского-Корсакова завершили укладку мощения // Санкт-Петербургские Ведомости. 2020. 8 сент. URL: <https://spbvedomosti.ru/news/gorod/narimskogo-korsakova-zavershili-ukladku-moshcheniya> (дата обращения: 29.11.2022).

Петербуржцы нашли историческое мощение во дворе своего дома // Санкт-Петербургские Ведомости. 2020. 17 июл. URL: <https://spbvedomosti.ru/news/gorod/peterburzhtsy-nashlii-istoricheskoe-moshchenie-vo-dvore-svoego-doma> (дата обращения: 29.11.2022).

Чертежи дома на участке, принадлежавшем Ф.А. Гуткову, Штейнгеру, М.Н. Фалееву, А.И. Мирбаху, А.А. Дурдину по Садовой ул., 63 и Б. Подъяческой ул., 24. 1840–1876 // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9895.

Новые исследования каменных лабиринтов и связанной с ними народной традиции в Ленинградской области

В.Г. Мизин¹

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023-77-80

Общие сведения о каменных лабиринтах Ленинградской области

Каменные лабиринты, находящиеся на территории современной Ленинградской области (в российской акватории Финского залива, до 1940 г. принадлежавшей Финляндии), до начала XXI в. оставались одними из наименее изученных памятников такого рода. В финское время местные лабиринты имели особые названия. Например, на островах архипелага Питкяпаа (Выборгский район) лабиринты называли «иерусалимами», отдельные лабиринты на о. Южный Виргин – «париж», на Коркеасаари – «лиссабон». Хотя каменные лабиринты восточной части Финского залива и упоминались рядом исследователей середины XIX – начала XX в. (от К.Э. фон Бэра до А. Тальгрена), в годы СССР они не изучались и были полностью забыты.

В 2007–2021 гг. автором была проведена работа по сбору и оценке исторических сведений о каменных лабиринтах в Ленинградской области, а также по проверке, с фиксацией, их современного состояния (Мизин, 2022. С. 143–198). В ходе проведенных полевых работ было обследовано семь известных мест расположения каменных лабиринтов, в которых упоминалось 13 лабиринтов, из которых три лабиринта остались не найденными и, вероятно, были утрачены (острова Узорный [Хяро] и Долгий камень [Котисаари]). По состоянию на 2021 г. зафиксировано 10 каменных лабиринтов разной степени сохранности. В настоящий момент все зафиксированные лабиринты можно отнести к двум группам: береговые (семь лабиринтов) и внутренние, условно «материковые» (три лабиринта). На территории Ленинградской области встречаются все три типа схем лабиринтов, известные в Финляндии (спиральные, почкообразные биспиральные, классические «тroyборг»). По оценке сопутствующего культурного и природного

контекстов наиболее вероятным временем возведения сохранившихся береговых лабиринтов в рассматриваемом регионе можно назвать XVIII–XIX вв. Лабиринты на островах Питкяпаа имеют ряд сходных признаков (торговые связи жителей, общие схемы и названия, топонимика) с лабиринтами Эстонии. Каменные лабиринты в Ленинградской области можно назвать не только памятниками освоения территории в Средневековье и Новое время, но и памятниками истории науки, поскольку с одного из них, расположенного на о. Южный Виргин, в 1838 г. академиком К.Э. фон Бэром было начато научное изучение этих каменных сооружений в северной Европе.

К вопросу о реконструкции схемы каменного лабиринта на острове Туман (Коркеасаари)

Каменный лабиринт, расположенный на о. Туман (Коркеасаари), впервые упоминается в публикации Й.Р. Аспелина 1877 г. (Aspelin, 1877. P. 159; Uino, 1997. P. 339). Данный лабиринт упоминается под названием «лиссабон» в приходе Сакъярви. Современное обследование было проведено автором в 2018 г. (Мизин, 2019. С. 366–378). Источником материала для возведения лабиринта был расположенный вблизи каменный вал бывшей береговой линии. По состоянию на 2018 г. лабиринт сохранился лишь частично – в виде фрагментов семи дуг (рис. 1). Сохранившийся фрагмент лабиринта позволяет предположить, что он был одним из самых крупных сооружений подобного типа в восточной части Финского залива и превосходил размерами лабиринты на островах Южный Виргин и Отрадный. Отличительной особенностью структуры этого лабиринта является большая ширина дорожек, достигавшая 0,40–0,50 м. Разрушение лабиринта произошло, вероятнее всего, в начале XX в. при возведении навигационного знака, для фундамента которого были использованы камни «лиссабона». Название в честь столицы Португалии является вполне типичным для названий каменных лабиринтов в Северной Европе в честь разрушенных и прославившихся разрушениями

¹ Независимый исследователь. E-mail: vyacheslavmizinspb@gmail.com.

Рис. 1. Сохранившаяся часть каменного лабиринта на о. Туман. Фотография, 2018

городов (Троя, Вавилон, Ниневия, Иерусалим, Иерихон). Учитывая, что Лиссабон был разрушен землетрясением в 1775 г., можно уверенно сказать, что это название датируется не ранее этого года. Проведенная автором оценка всех имеющихся сведений показывает, что традиция возведения каменных лабиринтов в восточной части Финского залива существовала в XVIII–XIX вв. (Мизин, 2022. С. 179–197).

Лабиринт расположен вблизи места удобной высадки на остров, со стороны пролива, отделяющего остров от материка. Место высадки прикрыто от ветров со стороны моря, используется рыбаками и в настоящее время. Финский навигационный знак, находящийся рядом с разрушенным лабиринтом, вероятно, предназначался для обозначения якорной стоянки, расположенной на северо-запад от острова. Лабиринт был разрушен, скорее всего, при возведении этого знака: камни лабиринта стали строительным материалом для опор маяка. Разрушение лабиринта указывает на то, что в начале XX в. лабиринты уже воспринимались здесь просто как источники строительного материала. На данный момент лабиринт на о. Туман является самым восточным историческим каменным лабиринтом Балтийского моря. Сохранившаяся часть лабиринта, состоящая из фрагментов семи дугообразных каменных выкладок, а также оценка сопутствующего этим конструкциям контекста позволяют обосновать реконструкцию вероятного первоначального внешнего вида «лиссабона». Следует отметить, что реконструкции утраченных лабиринтов уже известны (Куратов, 1979. С. 21). Например, на Большом Соловецком острове был воссоздан лабиринт по сохранившейся схеме, на о. Аэгна в Эстонии ранее разрушенный лабиринт был полностью воссоздан по сохранившемуся фрагменту в 2010 г.

Первым шагом к реконструкции схемы лабиринта на Коркеасаари станет сравнение сохранившейся части лабиринта со схемами лабиринтов на соседних островах Узорный (Хяро), Крутояр (Эссаари) и Отрадный (Хаапалуото). Все эти лабиринты относятся к биспиральному типу (Куратов, 1970. С. 34–48), являющемуся одним из трех известных типов лабиринтов в Финляндии. Однако у лабиринта на о. Туман было семь дуг «стен», а у выше указанных лабиринтов восемь, восемь и пять, соответственно. Семь условных «стен» будут характерны для схемы лабиринта на о. Южный Виргин (Кингисепский район, Ленинградская область), зарисованной академиком К.Э. фон Бэром в 1838 г., и классической схемы лабиринта «тroyборг» на том же острове. Однако здесь есть два нюанса, зарисованная К.Э. фон Бэром схема нигде больше не известна и может являться ошибочной интерпретацией. Этот вывод был сделан автором в 2018 г. после посещения и осмотра этого лабиринта, структура которого неоднозначна и позволяет допустить вариативность трактовки схемы. Что касается классического лабиринта, то данная схема хотя и известна на побережье Балтийского моря, но восточнее о. Южный Виргин в Финском заливе не встречается. Сравнение сохранившейся части «лиссабона» на о. Коркеасаари со схемами каменных лабиринтов на островах Эстонии и Финляндии позволяет сопоставить его в качестве наиболее похожего варианта с одним из лабиринтов на о. Акси в Эстонии. Данный лабиринт, согласно местному фольклору, был возведен в 1914 г., его схема и описание приводятся в статье Дж. Крафта и У. Селиранда (Kraft, Selirand, 1990. P. 32–37). Этот лабиринт также имеет типичную биспиральную структуру, представляющую собой промежуточный вариант между схемами лабиринтов на островах Крутояр и Отрадный (рис. 2).

Исходя из проведенного визуального сравнения и оценки исторического контекста, можно сделать вывод о том, что каменный лабиринт «лиссабон» на о. Коркеасаари, скорее всего, будет соответствовать схеме лабиринта на о. Акси в Эстонии. В обоснование этого вывода можно

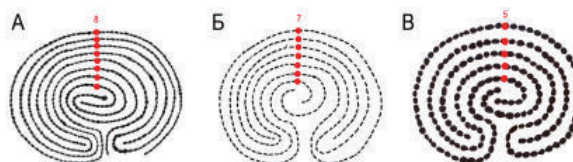

Рис. 2. Сравнение количества дуг в структуре биспиральных схем каменных лабиринтов на островах Крутояр (А), Акси (Б) и Отрадный (В)

привести следующие доводы: 1) каменный лабиринт на о. Акси в Эстонии выложен по биспиральной схеме, являющейся характерной для лабиринтов на островах современного Выборгского района Ленинградской области. Наличие здесь других схем лабиринтов не подтверждается источниками и находками; 2) прибрежное население бывших финских приходов Виролахти и Сакъярви имело тесные контакты с Эстонией (Anttila, 2003. Р. 72), что указывает на культурный обмен между прибрежным населением двух стран. В плане традиции каменных лабиринтов об этом говорят как идентичные названия – «иерусалимы», так и общие биспиральные схемы; 3) выдающаяся ширина дорожек лабиринта на о. Коркеасаари может являться особенностью именно схемы, аналогичной схеме лабиринта на о. Акси в Эстонии, тогда как для других схем с большим количеством дуг характерны более узкие дорожки (пример лабиринта на о. Крутояр).

Изображение лабиринтоподобной фигуры на стене амбара 1886 г. в д. Недоблицы

О наличии лабиринтоподобного изображения, выложенного на стене каменного деревянного амбара в д. Недоблицы (Кингисепский район, Ленинградская область), автору сообщил в 2011 г. краевед Виктор Морозов. Изображение было обследовано в 2019 г. и представляет собой спиральную структуру, выложенную небольшими камнями на стене амбара при его постройке (рис. 3). Рядом таким же образом выложен крест и год постройки амбара «1886». Следует отметить, что изображения крестов и дат на подобных сооружениях на Ижорской возвышенности можно встретить нередко, при этом спиралевидное изображение фиксируется впервые.

Рис. 3. Лабиринтоподобная фигура, выложенная на стене амбара 1886 г. в д. Недоблицы, Кингисепский район. Фотография, 2019

Интерес представляет центральная часть этого изображения, представляющая собой искаженную спираль. Изначально этот дефект изображения воспринимался как ошибка, возможно, тот, кто его выкладывал, воспроизводил фигуру по памяти и неточно. Однако впоследствии упоминания лабиринтов подобной схемы обнаружилось в Швеции и Финляндии, что указывало на неслучайность этого искажения (Мизин, 2022. С. 193–196). В публикации Р. Шелтона (Shelton, 2022. Р. 4–21), посвященной схемам балтийских лабиринтов, известных на 1844 г., есть изображение биспирального лабиринта с подобной центральной частью, что указывает на распространенность подобного дизайна у лабиринтов XIX в. (рис. 4).

Сравнение изображения из д. Недоблицы с аналогичными по структуре схемами лабиринтов позволяют сделать вывод о том, что данное изображение является сильно упрощенной схемой односпирального лабиринта, а его создание в 1886 г. указывает на то, что «лабиринтная» традиция в восточно-балтийском регионе существовала еще в конце XIX в. Само изображение, вероятно, носило обережный характер. На данный момент это единственное известное в Ленинградской области настенное изображение лабиринтоподобной фигуры. Ближайшим аналогом можно назвать изображение на стене эстонской мельницы 1748 г. с о. Вормси, сейчас находящееся в музее Рокка-аль-Маре в г. Таллин (Савард, 2005).

Рис. 4. Фрагмент схемы биспирального лабиринта (из статьи Р. Шелтона), центральная часть которого аналогична изображению из д. Недоблицы

С. 146). Находка лабиринтоподобного изображения в д. Недоблицы делает Ленинградскую область вторым после Архангельской области регионом северо-запада России (Куратов, 1970. С. 40), где известны изображения лабиринтов и спиралей на хозяйственных предметах и постройках.

Источники и литература

Куратов А. А., 1970. О каменных лабиринтах Северной Европы (опыт классификации) // СА. № 2.

Куратов А. А., 1979. Исследования на Белом море // АО 1978.

Мизин В. Г., 2019. Новые данные о каменных лабиринтах Ленинградской области // Рериховское наследие: труды конференции. СПб. Т. XVIII.

Мизин В. Г., 2022. Исторические каменные лабиринты севера России. СПб.

Савард Дж., 2005. Лабиринты. М.

Anttila R., 2003. Elamaa Suursaarella – tapahtumia sadan vuoden taka. Huittinen.

Aspelin J. R., 1887. Jatulintarhat Suomen rantamailla // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. II.

Kraft J., Selirand U., 1990. Stone Labyrinths in Estonia // Caerdroia. № 23.

Shelton R. M., 2022. Maßmann's Labyrinth Catalogue // Caerdroia. № 51.

Uino P., 1997. Ancient Karelia. Helsinki.

Доследование длинного кургана в группе Турово-6 под Лугой

Е. Р. Михайлова¹

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023-81-86

Комплекс раннесредневековых памятников в районе д. Турово и соседней с ней д. Нелаи расположен в нескольких километрах к востоку от Луги и представляет собой одно из самых крупных скоплений могильников культуры псковских длинных курганов (КПДК) в бассейне верхнего течения р. Луги. В настоящее время в районе д. Турово и Нелаи известно в общей сложности 20 погребальных памятников эпохи Средневековья (подавляющее большинство относятся к КПДК) и два селища.

Впервые археологические памятники близ д. Турово выявил Ю. М. Лесман в 1977 г. (курганные группы Турово-1, Турово-2) (Лесман, 1977. Л. 3; 1985). В 1986 г. Н. И. Платонова обследовала памятники, выявленные Ю. М. Лесманом, а также обнаружила еще три одиночных кургана (Турово-3, Турово-4, Турово-5) поблизости от уже известных курганных групп. В том же году в связи с находкой в окрестностях д. Турово биметаллического однолезвийного кинжала Н. И. Платонова раскопала круглую насыпь в могильнике Турово-2² (Платонова, 1986. Л. 6–10; Михайлова, Соболев, 2018).

В 1989 г. в ходе паспортизации памятников археологии на территории Лужского района окрестности д. Турово были обследованы Е. М. Колпаковым. Он обнаружил к востоку от ранее известных памятников еще ряд курганных групп и один одиночный курган, получивших обозначения Турово-6–11, а также одиночный курган к северо-востоку от соседней д. Нелаи (Нелаи-2), без сомнения, также относящийся к описываемому скоплению могильников. Результаты разведок Е. М. Колпакова³ обработал Л. Б. Вишняцкий,

составивший паспорта памятников археологии и учетные карточки к ним (рис. 1).

В 2000–2003 гг. во время разведочного обследования берегов р. Луги С. Л. Кузьмин выявил здесь еще одну группу из двух курганов и четыре одиночные удлиненные насыпи, а также два участка культурного слоя с древнерусской круговой керамикой и следы предполагаемого разрушенного курганно-жальничного могильника в д. Турово, на берегу озера. Сведения о вновь выявленных и повторно обследованных памятниках были поданы им в Департамент государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области, однако исследователь ввел для памятников туровского комплекса собственную новую систему индексации, что осложняет работу с его материалами.

В 2003 г. С. А. Семенов в ходе работ по инвентаризации памятников археологии на территории Лужского района вновь обследовал памятники в окрестностях д. Турово, присвоив выявленным С. Л. Кузьминым индексы Турово-12–16, продолжающие ранее принятую нумерацию (Лапшин, Семенов, 2012. С. 11–13).

В последние несколько лет памятники туровского комплекса обследовались двумя экспедициями, скоординировавшими свои действия. Экспедиция ИИМК РАН (Ст. А. Васильев, С. А. Семенов) выполняла работы по инвентаризации объектов археологического наследия, перечень исследованных ими объектов определялся техническим заданием; экспедиция СПбГУ (Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев, А. В. Бехтер) проводила разведку с целью уточнения сведений о точном расположении и топографии памятников КПДК в течении р. Луги.

Курганная группа Турово-6 расположена в 1,85 км к северу от северной окраины д. Турово Лужского района Ленинградской области, в 150 м к югу

¹ Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9. Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории. E-mail: e.mikhailova@spbu.ru.

² В отчете Н. И. Платоновой могильник обозначен как Турово-1.

³ Хранятся в архиве Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.

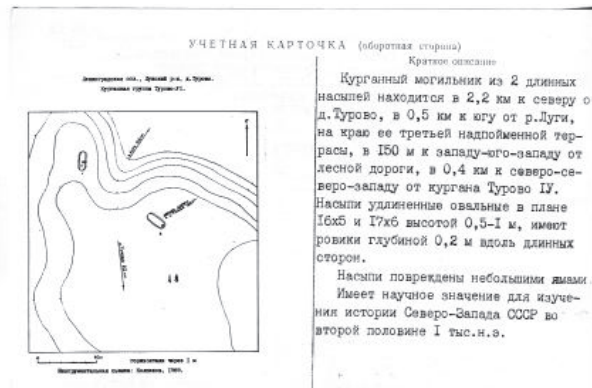

Рис. 1. Курганная группа Турово-6. Копия учетной карточки памятника археологии с планом памятника, снятым Е. М. Колпаковым в 1989 г.

от лесной дороги, ведущей вдоль берега р. Луги в сторону бывшего пионерлагеря и часовни Печерской иконы Божией Матери над почитаемым источником. Памятник расположен на локальном всхолмлении на левом коренном берегу р. Луги, в сосновом лесу. Курганная группа Турово-6 была выявлена Е. М. Колпаковым в 1989 г. и в то время состояла из двух удлиненных насыпей, ориентированных продольными осями, судя по его плану, почти с севера на юг (курган № 1) и с северо-запада на юго-восток (курган № 2). При обследовании памятника в октябре 2017 г. на месте юго-восточного из курганов (№ 2 по плану Е. М. Колпакова) был обнаружен оплывший прямоугольный раскоп с остатками взаимно перпендикулярных бровок (рис. 2). По устному сообщению С. Л. Кузьмина, этот курган был раскопан им в 2007 г. и не содержал погребений и находок; полевая документация была утрачена (Михайлова,

Рис. 2. Курганная группа Турово-6. Раскоп на месте кургана № 2. Вид с юго-запада

2018. С. 17–18). Сохранившийся курган (№ 1 по плану Е. М. Колпакова) представляет собой удлиненную насыпь, расположенную на плавно понижающейся западной оконечности озовой гряды и поросшую крупными деревьями. Курган ориентирован своей продольной осью по линии северо-запад–юго-восток, вдоль оси озовой гряды. Его размеры составляют $14,0 \times 8,5-9,0$ м, высота – до 1,4 м, по основанию кургана прослеживается кольцевой ровик (рис. 3).

В 2021 г. было решено разобрать сохранившиеся фрагменты бровок с осуществлением их графической и фотофиксации и отбором образцов погребенной почвы (Михайлова, 2022. Л. 13–17). Настоящее сообщение ставит своей целью введение полученных сведений в научный оборот.

К моменту начала работ в 2021 г. на местности прослеживался прямоугольный в плане раскоп размерами 12×16 м, покрывшийся мхом и окруженный старыми отвалами. На раскопе сохранились следы одной продольной и двух поперечных бровок; ось продольной бровки была ориентирована по линии северо-запад–юго-восток, в соответствии с ориентацией располагавшегося здесь кургана. Бровки в центральной части раскопа были разобраны в ходе раскопок; сохранились шесть фрагментов бровок, примыкавших к краям раскопа. Сохранившиеся фрагменты бровок были зачищены для проведения графической и фотофиксации. Нивелировка фиксируемых разрезов производилась от единого репера, установленного на территории могильника в ходе топографической съемки в 2017 г. Нивелировочные отметки в условной системе высот имели вид 99, №. На публикуемом плане раскопа (рис. 4) при указании нивелировочных отметок над разрезами целая часть отметок опущена, приводится только дробная часть.

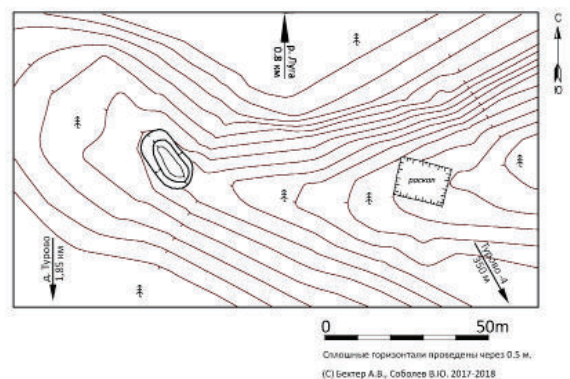

Рис. 3. Курганная группа Турово-6. Топографический план. Съемка 2017–2018 гг.

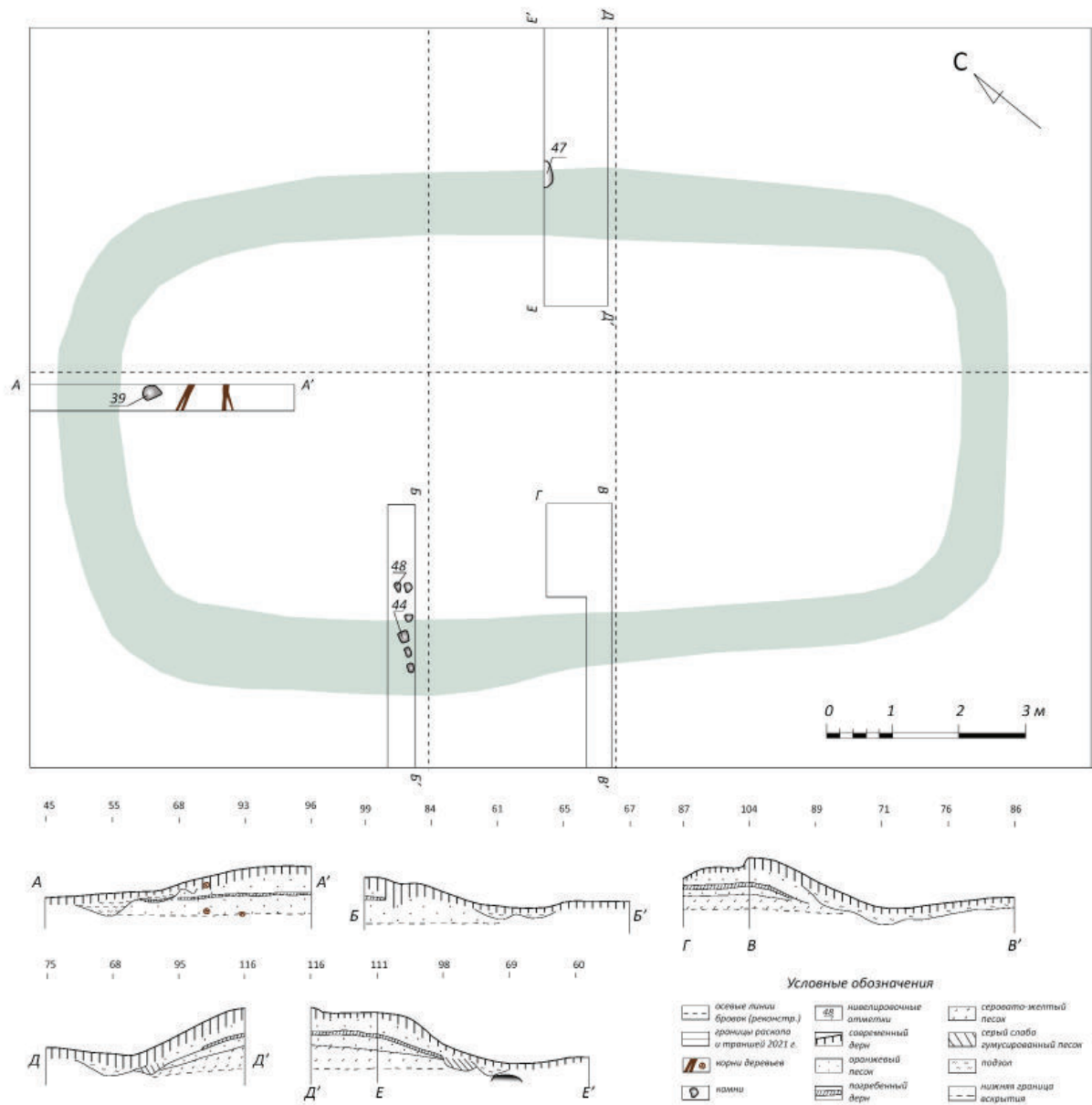

Рис. 4. Курганная группа Турово-6. Курган № 2. Реконструкция плана кургана и зачистка сохранившихся фрагментов бровок

В ходе работ были определены общие характеристики кургана № 2. Это была удлиненная в плане насыпь, ориентированная продольной осью по линии северо-запад–юго-восток. Размеры подкурганной площадки составляли 13,0–13,5 × 5,5–6,0 м, она имела в плане форму прямоугольника со скругленными углами. Курган был возведен в два этапа, о чем свидетельствуют двухчастная структура насыпи и следы двух окружавших насыпь ровиков, частично сливавшихся. В зачищенных фрагментах бровок была прослежена одна и та же стратиграфическая картина.

Разрез А–А' (северо-западный конец продольной бровки, фиксировался с юго-западной стороны). Под слоем современного дерна (мха) и оранжевого песка насыпи, на глубине ок. 0,40 м от наивысшей точки разреза (на уровне отметки 99,50 м) залегал слой погребенного дерна – серый гумусированный песок мощностью 0,04–0,05 м, прослеживавшийся на длину 2 м. С северо-западной стороны слой погребенного дерна был ограничен заполнением ровика – слабо гумусированным серым песком, сильно оподзоленным в верхней части. Ровик был мелким (0,20–0,28 м), с пологими стенками, шириной

0,60 м. Ниже описанного слоя погребенного дерна залегал слой аналогичного оранжевого песка; проследить в нем границу насыпи и материка оказалось невозможно. Северо-западнее описанного ровика (первоначального) прослеживалось заполнение второго рва (позднейшего) – мягкий белый подзолистый песок. Второй ров также имел в сечении выпуклое дно и пологие стенки; его глубина составляла 0,20–0,30 м, ширина 0,50 м. Позднейший ров был впущен с более низкого уровня, чем первоначальный, в соответствии с существующим естественным уклоном. Материк представлен оранжевым песком с отдельными гранитными булыжниками (рис. 5).

Разрез Б–Б' (юго-западный конец северной из поперечных бровок, фиксировался с северо-западной стороны). Под слоем современного дерна (мха) был прослежен край насыпи, сооруженной из оранжевого песка, максимальной высотой (в пределах фрагмента бровки) всего 0,15–0,16 м. Под насыпью залегал слой погребенного дерна – серый гумусированный песок мощностью 0,04–0,05 м, прослеживавшийся на длину 0,36–0,37 м. Слой погребенного дерна залегал на уровне отметки 99,70 м. С юго-западной стороны слой погребенного дерна был ограничен

Рис. 5. Курганная группа Турово-6. Курган № 2. Зачистка разреза А–А'. Вид с северо-запада

заполнением ровика – подзолистым песком. Ниже описанного слоя погребенного дерна залегал слой аналогичного оранжевого песка; проследить в нем границу насыпи и материка оказалось невозможно. Как и в предыдущем случае, в бровке прослеживалось заполнение двух ровиков, вырытых вплотную один к другому. Оба они имели в сечении вид мелкого сегмента, ширина каждого составляла 0,60 м, глубина 0,10–0,15 м. Материк представлен оранжевым песком с отдельными гранитными булыжниками.

Разрез В–В' (юго-западный конец южной из поперечных бровок, фиксировался с северо-западной стороны). Под слоем современного дерна (мха) был прослежен край насыпи, сооруженной из оранжевого песка, высотой 0,20–0,28 м (в пределах фрагмента бровки). Под насыпью на уровне отметки 99,80–99,88 м залегал слой погребенного дерна – серый гумусированный песок мощностью 0,05–0,07 м. Слой залегал в основном горизонтально, падая в юго-западном направлении (к краю насыпи). Ниже слоя погребенного дерна залегал аналогичный оранжевый песок мощностью 0,10–0,12 м, ниже плавно переходивший в серовато-желтый песок. Определить границу насыпи и материка оказалось невозможно. С юго-западной стороны насыпь была ограничена заполнением ровика – подзолистым песком. В отличие от предыдущих разрезов, где отчетливо прослеживались два примыкающих друг к другу ровика, в разрезе В–В' ровики полностью слились, образуя в сечении плавный волнообразный уступ. Ширина ступеней этого уступа составила 0,70–0,80 м, глубина 0,15–0,16 м (рис. 6).

Разрез Г–В был зачищен и зафиксирован перпендикулярно разрезу В–В'. Под слоем современного

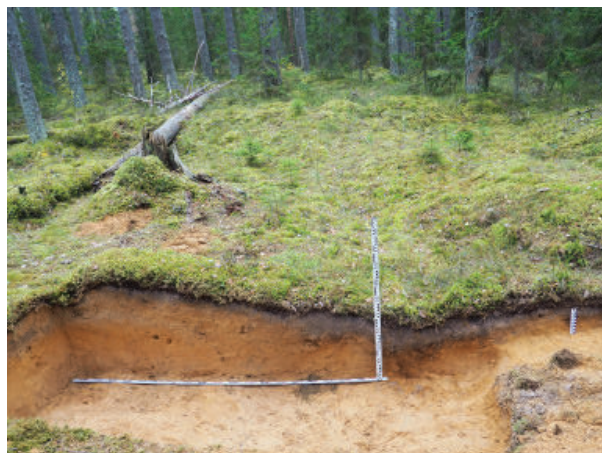

Рис. 6. Курганная группа Турово-6. Курган № 2. Зачистка разреза В–В'. Вид с северо-запада

дерна (мха) был прослежен оранжевый песок насыпи высотой до 0,28 м, под которым на уровне отметки 99,85–99,88 м горизонтально залегал слой погребенного дерна – серый гумусированный песок мощностью 0,05–0,07 м. Ниже слоя погребенного дерна залегал аналогичный оранжевый песок мощностью 0,10–0,12 м, ниже плавно переходивший в серовато-желтый песок. Определить границу насыпи и материка оказалось невозможно.

Разрез Д–Д' (северо-восточный конец южной из поперечных бровок, фиксировался с северо-западной стороны). Под слоем современного дерна (мха) был прослежен край насыпи, сооруженной из оранжевого песка мощностью до 0,20 м, плавно падавший к северо-востоку, в сторону ровика. Под насыпью на уровне отметок 100,00–99,80 м залегал слой погребенного дерна – серый гумусированный песок мощностью 0,03–0,05 м, также спускавшийся к северо-востоку. Ниже слоя погребенного дерна залегал аналогичный оранжевый песок мощностью 0,15–0,20 м, ниже плавно переходивший в серовато-желтый песок. Определить границу насыпи и материка оказалось невозможно. С северо-востока насыпь была ограничена двумя стратиграфически различными ровиками. Более ранний из них располагался ближе к насыпи, имел в сечении вид тупого угла и был заполнен серым гумусированным песком. Ширина ровика составляла 0,40–0,45 м, глубина 0,20 м. Позднейший ровик прорезал внешний край более раннего и имел в сечении форму мелкого сегмента, его заполнение – лесной подзол. Ширина этого ровика 0,80 м, глубина 0,20–0,24 м.

Разрез Д'–Е был зачищен и зафиксирован перпендикулярно разрезу Д–Д'. Под слоем современного дерна (мха) был прослежен оранжевый песок насыпи, нарушенный корнями росшего здесь дерева. Мощность слоя оранжевого песка составляла 0,20–0,30 м. Под ним на уровне отметок 99,83–100,00 м горизонтально залегал неровный слой погребенного дерна – серый гумусированный песок мощностью от 0,05 до 0,20 м. Ниже слоя погребенного дерна залегал аналогичный оранжевый песок мощностью 0,20–0,25 м, ниже плавно переходивший в серовато-желтый песок. Определить границу насыпи и материка оказалось невозможно (рис. 7).

Разрез Е–Е' был зачищен и зафиксирован параллельно разрезу Д–Д', в 1 м от него. Под слоем современного дерна (мха) был прослежен край насыпи, сооруженной из оранжевого песка мощностью до 0,30 м, плавно падавший к северо-востоку, в сторону ровика. Под насыпью на уровне отметок 100,00–99,70 м залегал слой погребенного дерна – серый гумусированный песок мощностью 0,03–

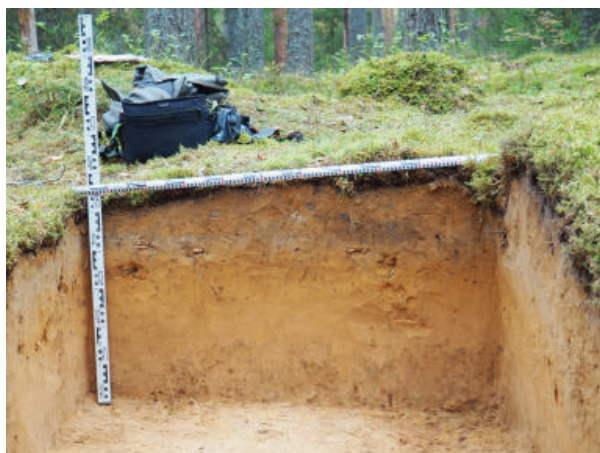

Рис. 7. Курганная группа Турово-6. Курган № 2. Зачистка разреза Д'–Е. Вид с северо-востока

0,05 м, также спускавшийся к северо-востоку. Ниже слоя погребенного дерна залегал аналогичный оранжевый песок мощностью до 0,20 м, ниже плавно переходивший в серовато-желтый песок. Определить границу насыпи и материка оказалось невозможно.

С северо-востока насыпь была ограничена двумя стратиграфически различными ровиками. Более ранний из них располагался ближе к насыпи, имел плоское дно и пологие стенки, заполнен серым гумусированным песком. Ширина ровика составляла 0,34–0,40 м, глубина до 0,20 м. Позднейший ровик прорезал внешний край более раннего и имел в сечении форму тупого угла, его заполнение – лесной подзол. Ширина этого ровика 0,60 м, глубина 0,20–0,30 м; внешний склон рва прошел по лежащему в материковом песке гранитному валуну.

Изученные разрезы краев насыпи продемонстрировали два этапа возведения кургана. В отличие от подавляющего большинства насыпей культуры псковских длинных курганов, под первоначальной насыпью описываемого здесь кургана не удалось проследить погребенной почвы – возможно, она была срезана при сооружении кургана. Проследить нижнюю границу насыпи, таким образом, не удалось. Показательно, что аналогичный плавный переход от оранжевого к серовато-желтому песку был отмечен и в контрольных зондажах на территории курганной группы, заложенных к востоку и к югу от описываемого кургана. По всей вероятности, основание первоначальной насыпи должно приблизительно соответствовать уровню, с которого был впущен первый из двух отмеченных ровиков. Поскольку из документированных разрезов стало ясно, что раскоп 2007 г. не был доведен

до материка, а остановлен в основном на уровне слоя погребенного дерна, разделяющего два этапа сооружения кургана, было принято решение бровки не разбирать, а засыпать обратно, так как курган нуждается в исследовании по всей площади.

Источники и литература

- Лапшин В. А., Семенов С. А., 2012. Мониторинг и охраняемые мероприятия, проведенные ИИМК РАН на территории Ленинградской области в 2005–2009 гг. // Археологические памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010). СПб.
- Лесман Ю. М., 1977. Отчет Лужского археологического отряда // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 6547.
- Лесман Ю. М., 1985. Памятники культуры длинных курганов в Лужско-Оредежском междуречье // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.
- Михайлова Е. Р., 2018. Отчет об археологических разведках в Ленинградской области (на территории Лужского, Сланцевского, Гатчинского и Волосовского районов) в 2017–2018 гг. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.
- Михайлова Е. Р., 2022. Отчет об археологической разведке на территории Лужского района Ленинградской области и Плюсского района Псковской области в 2021 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.
- Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю., 2019. К интерпретации так называемого Туровского меча // Археология и история Пскова и Псковской земли: Ежегодник семинара имени академика В. В. Седова. Материалы 64-го заседания (2018 г.). М.; Псков. Вып. 34.
- Платонова Н. И., 1986. Отчет Лужского отряда Ленинградской областной экспедиции о раскопках и разведках в Лужском и Волосовском районах Ленинградской области и в Батецком районе Новгородской области в 1986 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 69.

Новые материалы к археологической карте Ленинградской области (по результатам полевых работ 2022 г.)¹

С. А. Семенов², Ст. А. Васильев³, Н. В. Григорьева⁴, М. С. Павлова⁵

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023-87-170

В 2022 г. Центром спасательной археологии ИИМК РАН в рамках выполнения государственного контракта проводились работы по инвентаризации 56 федеральных объектов археологического наследия в Ломоносовском, Сланцевском, Гатчинском, Приозерском, Выборгском, Тихвинском, Лодейнопольском районах Ленинградской области (рис. 1–14), поставленных на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978. Задачей исследования являлись поиск и локализация памятников на местности, уточнение сведений и определение технического состояния объектов, фото-съемка, съемка топографических планов и определение границ памятников. Также, для территорий 13 памятников было выполнено воздушное лазерное сканирование: Городище 1, 3, 4, 7; Глухово; Тиверский городок; Войковицы; Большие Борницы 1; Вопша 1; Таровицы 1; Дивенский; Рабителицы 2; Карлуха 1. Цель работ – подготовка актуальной учетной документации для обследуемых археологических

памятников. В ходе основных работ дополнительно были осмотрены еще восемь памятников в Тихвинском районе, два в Ломоносовском и Волоновском; в Гатчинском районе выявлен новый объект – селище Дивенский 2 с древнерусской и позднесредневековой круговой керамикой XII–XVII вв. Результаты обследования семи археологических памятников на территории городов Выборг, Приозерск и Тихвин из-за большого объема материала приводятся в отдельной статье настоящего сборника (рис. 2: 1–3, 15–17, 43; 9: 43; 12: 15–17; 14: 1–3).

СЛАНЦЕВСКИЙ Р-Н (рис. 1; 2) Зажупанье 1–2. Курганно-жальничный могильник («Курганная группа, 8 насыпей»)⁶

Курганно-жальничный могильник расположен на северо-западной окраине д. Зажупанье, с восточной стороны от церкви Архангела Михаила (рис. 2: 24). В 1891 г. Л. К. Ивановский раскопал здесь 48 погребальных комплексов, из которых в 26 «кости истлели, вещей нет». В остальных курганах найдены погребения по обряду кремации и ингумации, а также инвентарь XII–XIV вв. (Спицын, 1896. С. 109). Памятник включен в «Список Старинных могильников, жальников, отдельных курганов, городищ и других памятников древностей Гдовского у. (к археологической карте 1899 г.)», составленный В. Н. Глазовым в 1899 г. (Глазов, 1899а. Л. 47 об., № 81). В качестве дополнительных сведений указано, что в состав могильника входят курганы и «грунтовые каменные могилы».

¹ Работа выполнена С. А. Семеновым, Ст. А. Васильевым по теме государственного задания «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию» (№ FMZF-2022-0016), Н. В. Григорьевой и М. С. Павловой по теме «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (№ FMZF-2022-0015).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: s.s.a.g@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: stasilein@mail.ru.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии, м. н. с. E-mail: mak-kon4@yandex.ru.

⁵ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии, м. н. с. E-mail: marler@inbox.ru.

⁶ Здесь и далее первое названия памятников дано в соответствии с «Археологической картой Ленинградской области», в скобках название памятников в соответствии с Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 «Об утверждении списка памятников археологии Ленинградской области». В случае невозможности идентифицировать памятник по «Археологической карте Ленинградской области», его название дается в кавычках в соответствии с Решением Леноблисполкома № 271 (Лапшин, 1990; 1995; Решение, 1978).

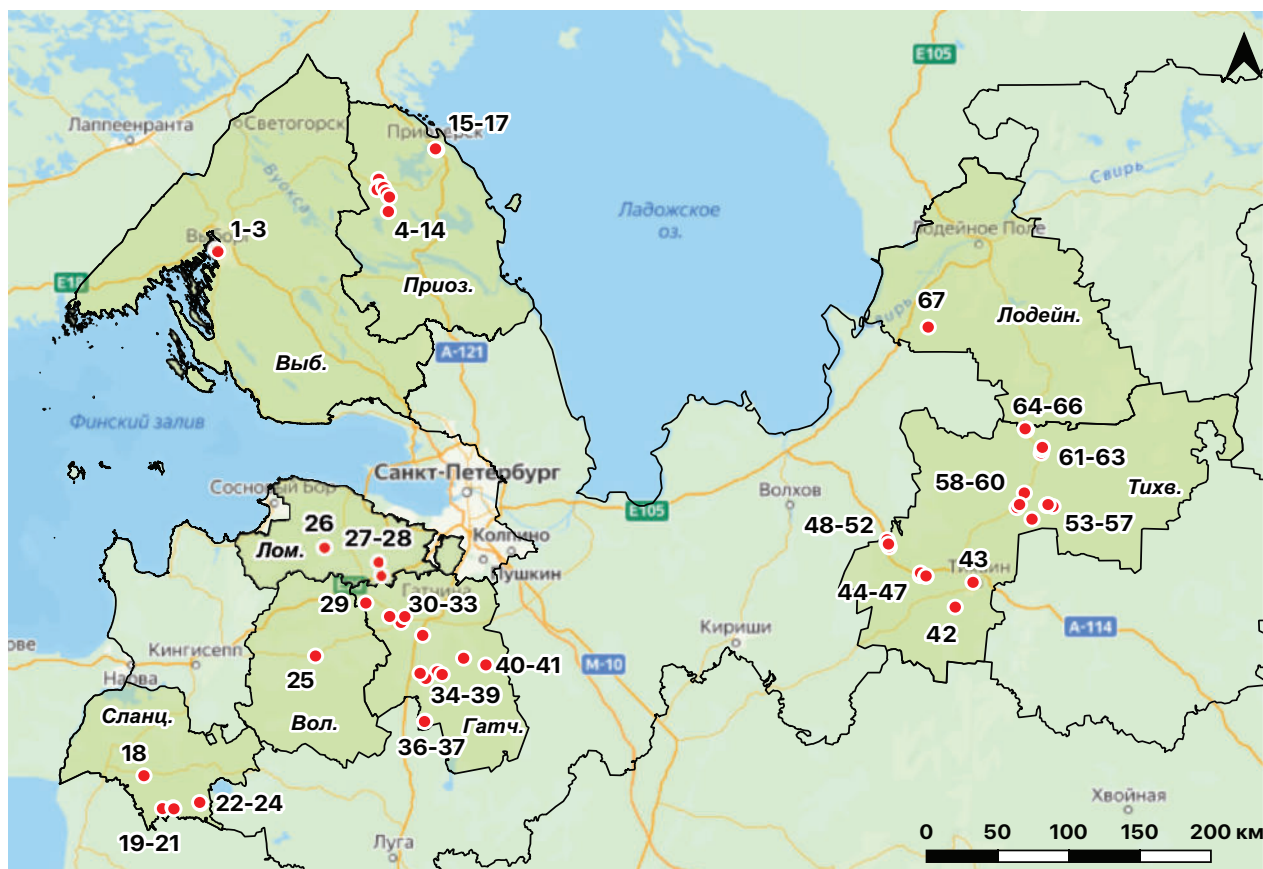

Рис. 1. Карта обследования археологических памятников в 2022 г.; Вол. – Волоsovский район; Wyb. – Выборгский район; Гатч. – Гатчинский район; Лодейн. – Лодейнополюсский район; Лом. – Ломоносовский район; Приоз. – Приозерский район; Сланц. – Сланцевский район; Тихв. – Тихвинский район;

- 1 – Выборг 1–2. Выборгский замок; 2 – Выборг 5. Рогатая крепость; 3 – Выборг 3. Культурный слой средневекового города; 4 – Мельниково 1. Стоянка; 5 – Мельниково 2. Стоянка; 6 – Мельниково 3. Стоянка; 7 – Мельниково 4. Стоянка; 8 – Мельниково 5. Стоянка; 9 – Мельниково 6. Стоянка; 10 – Мельниково 7. Стоянка; 11 – Мельниково 8. Стоянка; 12 – Васильево 1. Стоянка; 13 – Васильево 2. Стоянка; 14 – Тиверский городок. Городище; 15 – Приозерск 1. Крепость Корела; 16 – Приозерск 2. Новая крепость; 17 – Приозерск 3. Культурный слой средневекового города; 18 – Рыжиково. Курганный могильник; 19 – Ждовля. Курганный могильник; 20 – Засторонье 1. Курганно-жальничный могильник; 21 – Засторонье 2. Курганно-жальничный могильник; 22 – Фёдорово Поле. Курганный могильник; 23 – Зажупанье. Погост с каменными крестами; 24 – Зажупанье 1–2. Курганно-жальничный могильник; 25 – Рабитуцы 2. Курганный могильник; 26 – Стародворье. Железодельный центр; 27 – Глядино. Курганный могильник; 28 – Глухово. Курганно-жальничный могильник; 29 – Фьонатово. Курганно-жальничный могильник; 30 – Таровицы 1. Курганно-жальничный могильник; 31 – Войсковицы. Курганно-жальничный могильник; 32 – Большие Борницы 1. Курганно-жальничный могильник; 33 – Вопша 1. Курганно-жальничный могильник; 34 – Межно. Курганный могильник; 35 – Большево. Курганный могильник; 36 – Дивенский. Курганно-жальничный могильник; 37 – Дивенский 2. Селище; 38 – Белогорка. Курган; 39 – Новосиверская 2. Курганный могильник; 40 – Вырица. Грунтовый могильник; 41 – Введенское. Курганный могильник; 42 – Ново-Андреево 1. Курганный могильник; 43 – Тихвин 1–2. Культурный слой древнего города; 44 – Овино 4. Курганный могильник; 45 – Овино 6. Курган; 46 – Овино 7. Курганный могильник; 47 – Овино 8. Курганный могильник; 48 – Городище 1. Городище; 49 – Городище 3. Курганно-сопочный могильник; 50 – Городище 4. Курганный могильник; 51 – Городище 7. Курганный могильник; 52 – Курганный могильник; 53 – Малое Усадище. Курган; 54 – Наволок 1. Курган; 55 – Наволок 2. Курганный могильник; 56 – Новинка. Курганный могильник; 57 – Давыдовщина. Селище; 58 – Ганьково 1. Курганный могильник; 59 – Ганьково 2. Курганный могильник; 60 – Витуй. Курганный могильник; 61 – Олончино 1. Курганный могильник; 62 – Орехово 1, 3. Курганный могильник; 63 – Орехово 2. Курганный могильник; 64 – Бечугино 1. Курганный могильник; 65 – Бечугино 2. Курганный могильник; 66 – Бечугино 3. Курганный могильник; 67 – Карлуха 1. Курганный могильник

Рис. 2. Карта обследования археологических памятников в Сланцевском районе: 18 – Рыжиково. Курганный могильник; 19 – Ждovля. Курганный могильник; 20 – Засторонье 1. Курганно-жальничный могильник; 21 – Засторонье 2. Курганно-жальничный могильник; 22 – Федорово Поле. Курганный могильник; 23 – Зажупанье. Погост с каменными крестами; 24 – Зажупанье 1–2. Курганно-жальничный могильник

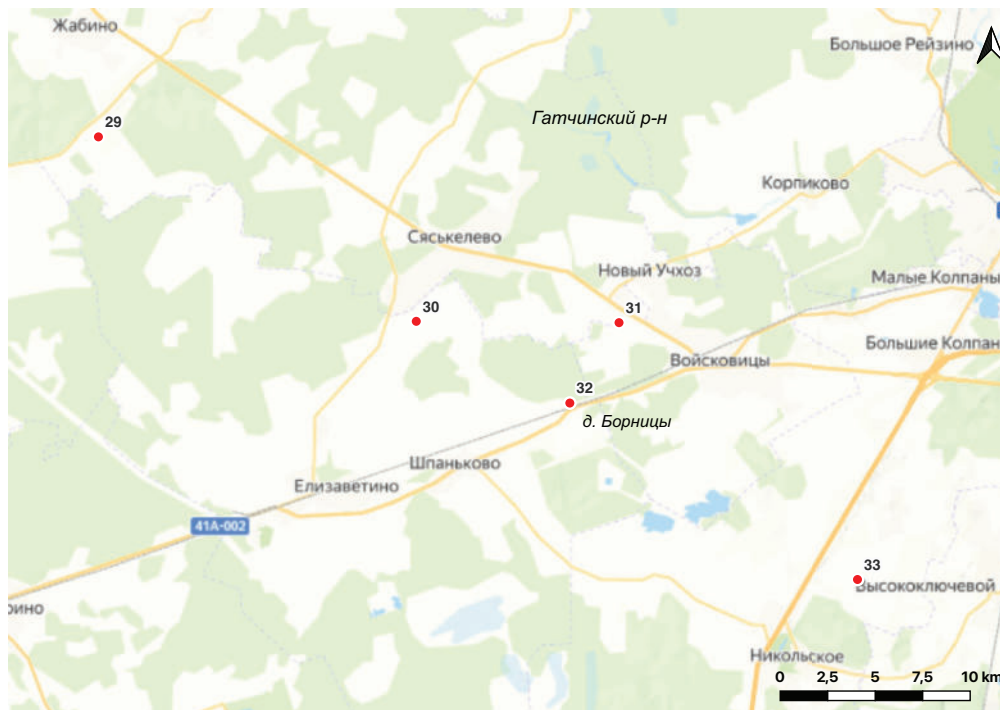

Рис. 3. Карта обследования археологических памятников в Гатчинском районе: 29 – Фьюнатово. Курганно-жальничный могильник; 30 – Таровицы 1. Курганно-жальничный могильник; 31 – Войсковицы. Курганно-жальничный могильник; 32 – Большие Борницы 1. Курганно-жальничный могильник; 33 – Вопша 1. Курганно-жальничный могильник

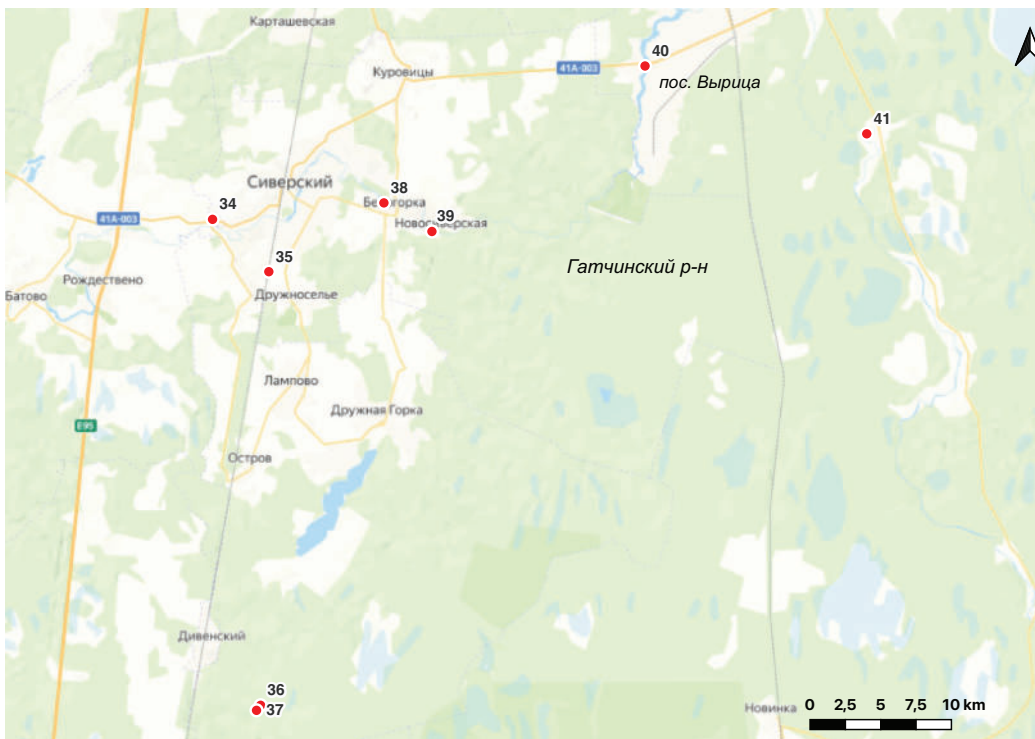

Рис. 4. Карта обследования археологических памятников в Гатчинском районе: 34 – Межно. Курганный могильник; 35 – Большево. Курганный могильник; 36 – Дивенский. Курганно-жальничный могильник; 37 – Дивенский 2. Селище; 38 – Белогорка. Курган; 39 – Новосивверская 2. Курганный могильник; 40 – Вырица. Грунтовый могильник; 41 – Введенское. Курганный могильник

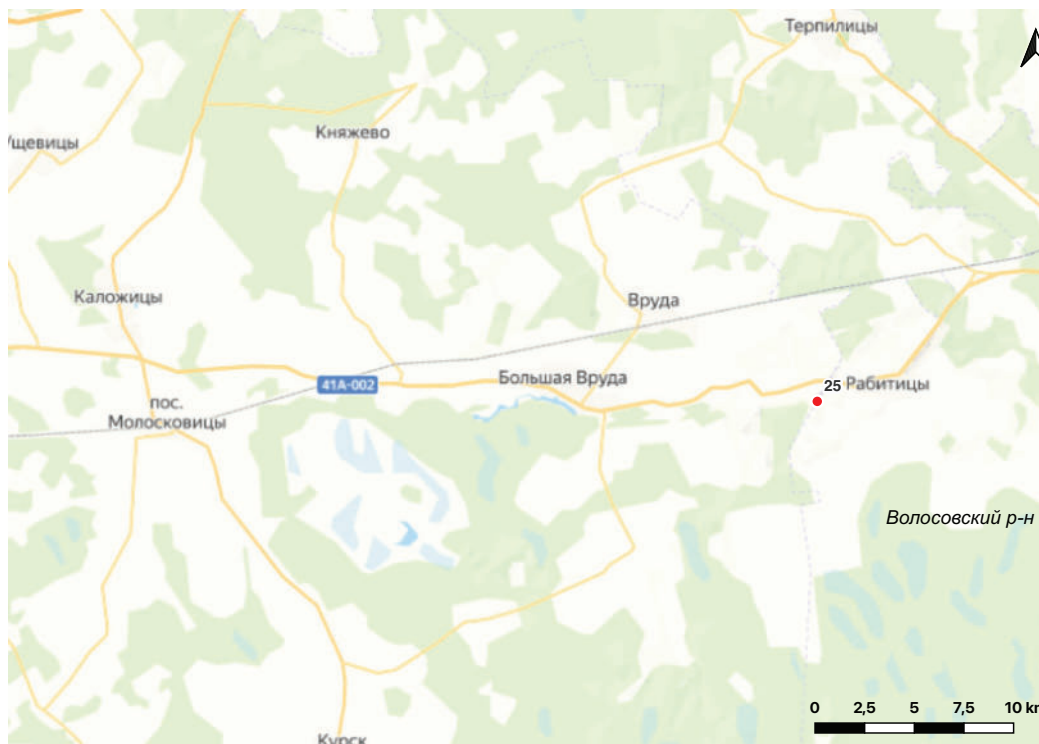

Рис. 5. Карта обследования археологических памятников в Волосовском районе:
25 – Рабителицы 2. Курганный могильник

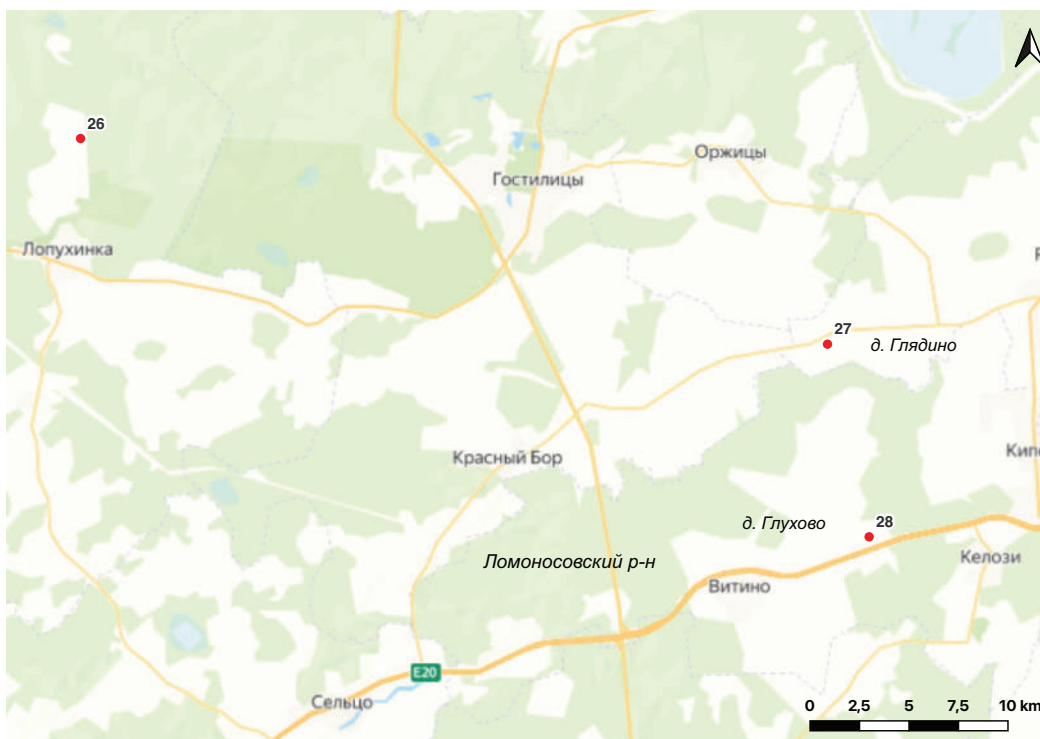

Рис. 6. Карта обследования археологических памятников в Ломоносовском районе: 26 – Стародворье. Железодельный центр; 27 – Глядино. Курганный могильник; 28 – Глухово. Курганно-жальничный могильник

Рис. 7. Карта обследования археологических памятников в Лодейнопольском районе: 67 – Карлуха 1. Курганный могильник

Рис. 8. Карта обследования археологических памятников в Тихвинском районе: 48 – Городище 1. Городище; 49 – Городище 3. Курганно-сопочный могильник; 50 – Городище 4. Курганный могильник; 51 – Городище 7. Курганный могильник; 52 – Курганный могильник

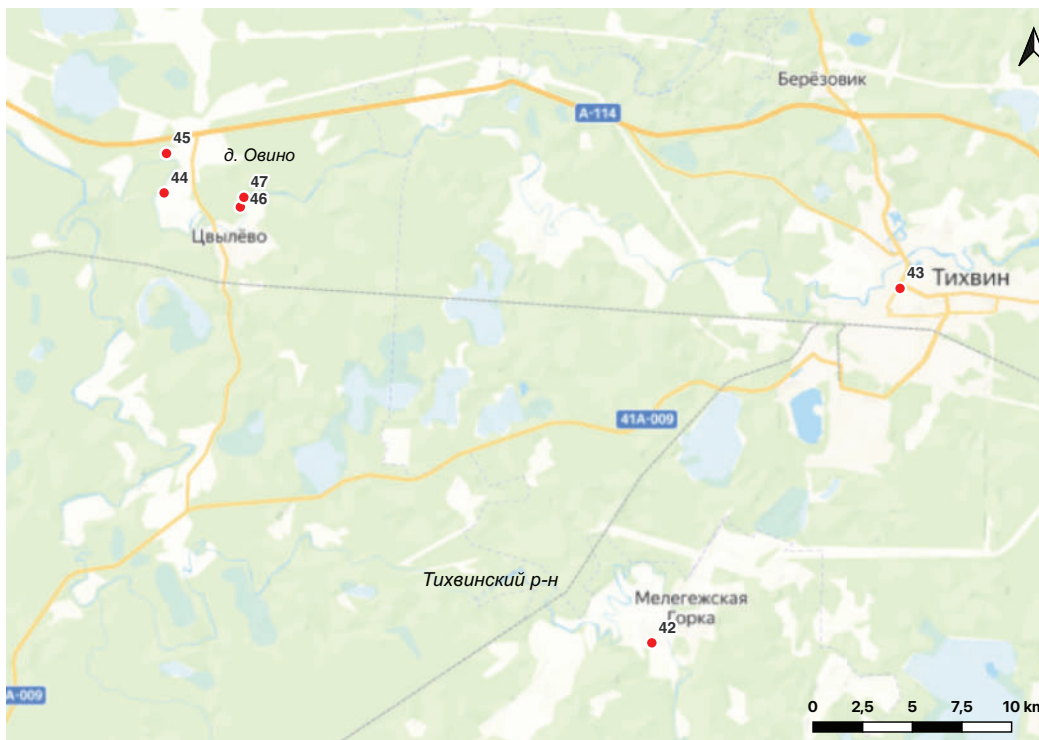

Рис. 9. Карта обследования археологических памятников в Тихвинском районе: 42 – Ново-Андреево 1. Курганный могильник; 43 – Тихвин 1–2. Культурный слой древнего города; 44 – Овино 4. Курганный могильник; 45 – Овино 6. Курган; 46 – Овино 7. Курганный могильник; 47 – Овино 8. Курганный могильник

Рис. 10. Карта обследования археологических памятников в Тихвинском районе: 61 – Олончино 1. Курганный могильник; 62 – Орехово 1, 3. Курганный могильник; 63 – Орехово 2. Курганный могильник; 64 – Бечугино 1. Курганный могильник; 65 – Бечугино 2. Курганный могильник; 66 – Бечугино 3. Курганный могильник

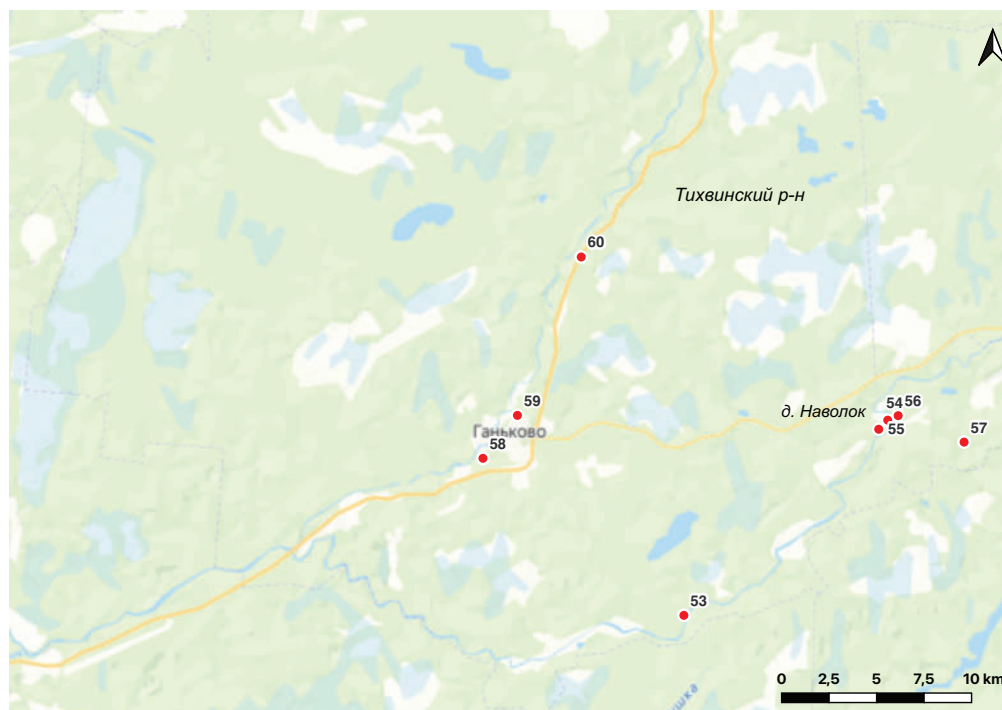

Рис. 11. Карта обследования археологических памятников в Тихвинском районе: 53 – Малое Усадище. Курган; 54 – Наволок 1. Курган; 55 – Наволок 2. Курганный могильник; 56 – Новинка. Курганный могильник; 57 – Давыдовщина. Селище; 58 – Ганьково 1. Курганный могильник; 59 – Ганьково 2. Курганный могильник; 60 – Витуй. Курганный могильник

Рис. 12. Карта обследования археологических памятников в Приозерском районе: 15 – Приозерск 1. Крепость Корела; 16 – Приозерск 2. Новая крепость; 17 – Приозерск 3. Культурный слой средневекового города

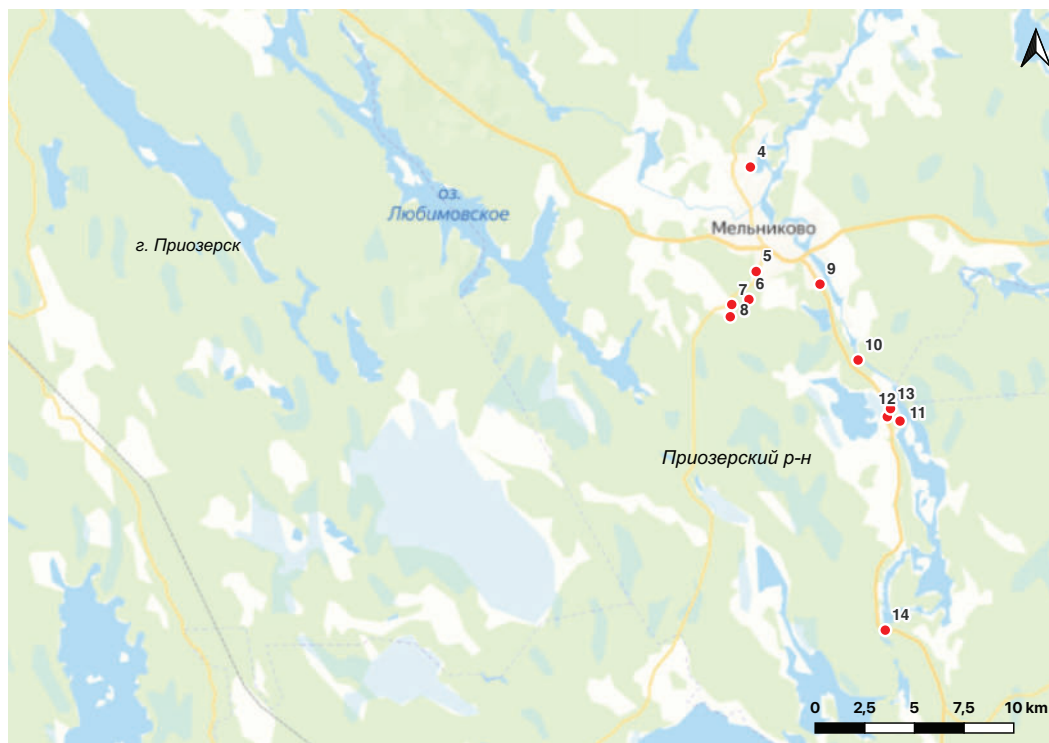

Рис. 13. Карта обследования археологических памятников в Приозерском районе: 4 – Мельниково 1. Стоянка; 5 – Мельниково 2. Стоянка; 6 – Мельниково 3. Стоянка; 7 – Мельниково 4. Стоянка; 8 – Мельниково 5. Стоянка; 9 – Мельниково 6. Стоянка; 10 – Мельниково 7. Стоянка; 11 – Мельниково 8. Стоянка; 12 – Васильево 1. Стоянка; 13 – Васильево 2. Стоянка; 14 – Тиверский городок. Городище

Рис. 14. Карта обследования археологических памятников в Выборгском районе: 1 – Выборг 1–2. Выборгский замок; 2 – Выборг 5. Рогатая крепость; 3 – Выборг 3. Культурный слой средневекового города

На Археологической карте Гдовского уезда могильник указан под № 81 (Глазов, 18996). В материалах, которые собирались под руководством Н. К. Рериха для составления археологической карты Санкт-Петербургской губернии есть описание, сделанное В. Н. Глазовым при посещении могильника: «Жальник близ деревни состоит из круглых, овальных и квадратных грунтовых могил, обложенных огромными валунами. Раскопан Л. К. Ивановским в 1891 г. (XIII–XIV в.)» (Рерих, 1902. Л. 90/112, № 150. Л. 10/23 об., № 81; Л. 90/112, № 150). При сборе материалов для составления археологической карты в «Сведениях по г. Гдову и Гдовскому уезду СПб губ. 1900 г.», составленных гдовским исправником, о данном месте было указано: «В 100 саж. на запад от д. Зажупаны, в конце оз. Долгого, возвышается гора, носящая название “Литовского кладбища”. Поверхность изрыта раскопками Глазова» (Сведения, 1900). В 1900–1908 гг. на «горе» построена каменная церковь Архангела Михаила, вокруг которой образовалось и кладбище, функционирующее до настоящего времени.

В 1978 г. памятник поставлен на государственную охрану под названием «Курганная группа, 8 насыпей» по адресу: «Сланцевский район, Заручьевский с/с, д. Зажупанье» (Решение, 1978. П. 258). В 1983 г. при обследовании территории

вокруг храма Н. И. Платоновой были зафиксированы пять курганов. Один курган диаметром 9 м и высотой 0,8 м с ровиком располагался в 40 м к востоку от церкви на скате холма (№ 1 по плану Н. И. Платоновой), далее к востоку за шоссе еще две насыпи диаметром 11 и 9 м, высотой 1,0 и 0,6 м, раскопанные колодцем (№ 2–3). К юго-западу от церкви на краю кладбища отмечены «еще две насыпи распылчатой формы с пологими скатами, почти вплотную примыкающие друг к другу» размерами 10 × 12 × 0,6 м и 14 × 0,8 м (№ 4–5). На кургане № 4 располагалась современная могила. На плане памятника курган № 5 помечен знаком вопроса, а южная половина насыпи показаны пунктиром, так как она не выделяется в рельефе. В тексте отчета отмечен неясный характер насыпей № 4–5. В восточной части верхней площадки могильной горы в 20 м к востоку от церкви среди современных могил был обнаружен каменный крест с расширяющимися концами. По мнению исследовательницы, использование его на могиле «явно вторичное». Группа курганов № 1–5 с каменным крестом, расположенные вокруг храма, были обозначены Н. И. Платоновой как «Зажупанье I». Справа от шоссе в д. Филево, за руслом высохшего ручья, в 65 м к северу от кургана № 2 зафиксирована еще одна раскопанная колодцем насыпь диаметром 14 м и высотой 1,4 м с ровиком

(№ 6). Курган получил название «Зажупанье II». Снят план памятников (Платонова, 1983. Д. 70. Л. 36–37). В «Археологической карте Ленинградской области» памятники у д. Зажупанье учтены в соответствии с названиями Н.И. Платоновой: «Зажупанье 1. Курганно-жальничный могильник» в составе пяти насыпей и каменного креста и «Зажупанье 2. Курган» (Лапшин, 1990. С. 57–58, № 403–404).

В 1990 г. в ходе паспортизации курганы у д. Зажупанье обследованы Е.М. Колпаковым. Три кургана к востоку от церкви по обе стороны от шоссе обозначены как «Курганный могильник Зажупанье I», одиночный курган за высохшим ручьем – как «Курган Зажупанье II». К двум курганам к западу от церкви добавлено еще одно неочевидное всхолмление с западной стороны от «насыпи» № 5 (по Н.И. Платоновой). Данная группа «насыпей» получила название «Курганный могильник Зажупанье III». Снят план памятников (Колпаков, 1990. С. 21–22). В 1996 г. обследование памятников в районе оз. Долгого проводил В.Ю. Соболев, отметивший к востоку от церкви один ближайший курган и каменный крест, а также две насыпи к западу от храма (Михайлова, 2015. С. 14). В 2015 г. Е.Р. Михайловой был осмотрен один курган к востоку (в тексте отчета ошибочно указано «к западу») от апсиды церкви и два кургана к западу (в тексте ошибочно указано «к востоку») от церковного крыльца. Экспедицией снят план. Курганные насыпи, располагавшиеся к востоку от автодороги обнаружить, не удалось. Каменный крест также обнаружен не был. По словам местных жителей, он долго стоял у церкви, но теперь «провалился» (Михайлова, 2015. С. 14–15).

В настоящее время от курганно-жальничного могильника сохранилось четыре кургана, расположенные в разных местах на удалении друг от друга (рис. 15). Курган № 1 расположен у кладбища в 30 м к юго-юго-востоку от апсиды храма на склоне края холма, заросшего соснами, с северо-западной стороны от автодороги 41К-163 (Менюши–Заручье–Каменец). Курган представляет собой округлую в плане, уплощенную насыпь размерами 8,1 × 6,6 м высотой 0,5 м. Северо-западную половину насыпи охватывает ровик, центр поврежден грабительской ямой размерами 1,5 × 1,5 × 0,2 м. Каменный крест, ранее находившийся между курганом и церковью не найден. Курганы № 2 и 3 расположены в 108 м к юго-востоку-востоку от апсиды храма, в 78 м к юго-востоку-востоку от кургана № 1, в 37 м к юго-востоку от шоссе 41К-163 (Менюши–Заручье–Каменец), с северо-восточной стороны частного участка (по адресу: д. Зажупанье, д. 1), на юго-

западном краю оврага высохшего ручья. Между курганами расстояние в 8,5 м, их разделяет небольшой, узкий овражек (карьер?). Забор частного участка проходит по юго-западному краю поля кургана № 2 и по юго-западной поле кургана № 3, отсекая его треть. Курган № 2 представляет собой уплощенную насыпь размерами 10,4 × 9,5 м и высотой 0,2 м. Центр поврежден грабительской ямой. Курган № 3 – крупная полусферическая насыпь размерами 11,3 × 10,7 м и высотой 1,5 м. Центр поврежден старой заплывшей ямой размерами 2,0 × 1,5 × 0,2 м. Курган № 4 расположен в 162,5 м к востоку от апсиды храма, в 52 м к юго-востоку от шоссе 41К-163 (Менюши–Заручье–Каменец), в 63,5 м к северо-востоку от курганов № 2 и 3, на северо-восточном краю оврага высохшего ручья, в смешанном лесу. Первоначально курган представлял собой крупную насыпь полусферической формы. В настоящее время вершина разрушена большой ямой размерами 3,0 × 2,0 × 1,1 м. Современные размеры кургана составляют 12,0 × 10,4 м при высоте 1,2 м.

Объекты, зафиксированные в 1983 и 1990 гг. с западной стороны от церкви (курганы № 4 и 5 по Н.И. Платоновой, «Зажупанье III» по Е.М. Колпакову), по нашему мнению, погребальными насыпями не являются. Тщательная топографическая съемка местности показала, что указанные «курганы» расположены в старом карьере и представляют собой останцы – участки дневной поверхности склона холма, образовавшиеся после выборки грунта вокруг них. Н.И. Платонова в 1983 г. также указывала на неясный характер этих насыпей. В настоящее время на них расположены современные могилы (рис. 16).

«Погост с каменными крестами»

Памятник под названием «Погост с каменными крестами XIV–XV вв.» по адресу «Сланцевский район, Заручьевский с/с, д. Зажупанье», поставленный на государственный учет в 1978 г. (Решение, 1978. П. 259), в историографии неизвестен (рис. 2: 23). В 1900–1908 гг. у северо-западной окраины д. Зажупанье, на «могильной горе», где располагался курганно-жальничный могильник XII–XIV вв. (см. Зажупанье 1–2. Курганно-жальничный могильник), построена каменная церковь Архангела Михаила, вокруг которой образовалось функционирующее до настоящего времени кладбище. В архивных источниках и литературе XIX – начала XX в., в том числе в материалах, собираемых к археологической карте С.-Петербургской губернии Г.Р. Шмидтом, В.Н. Глазовым и Н.К. Рерихом, каменные кресты у д. Зажупанье не упоминаются. В 1983 г. при обследовании территории вокруг храма Н.И. Платоновой в 20 м к востоку от церкви среди современных могил был обнаружен

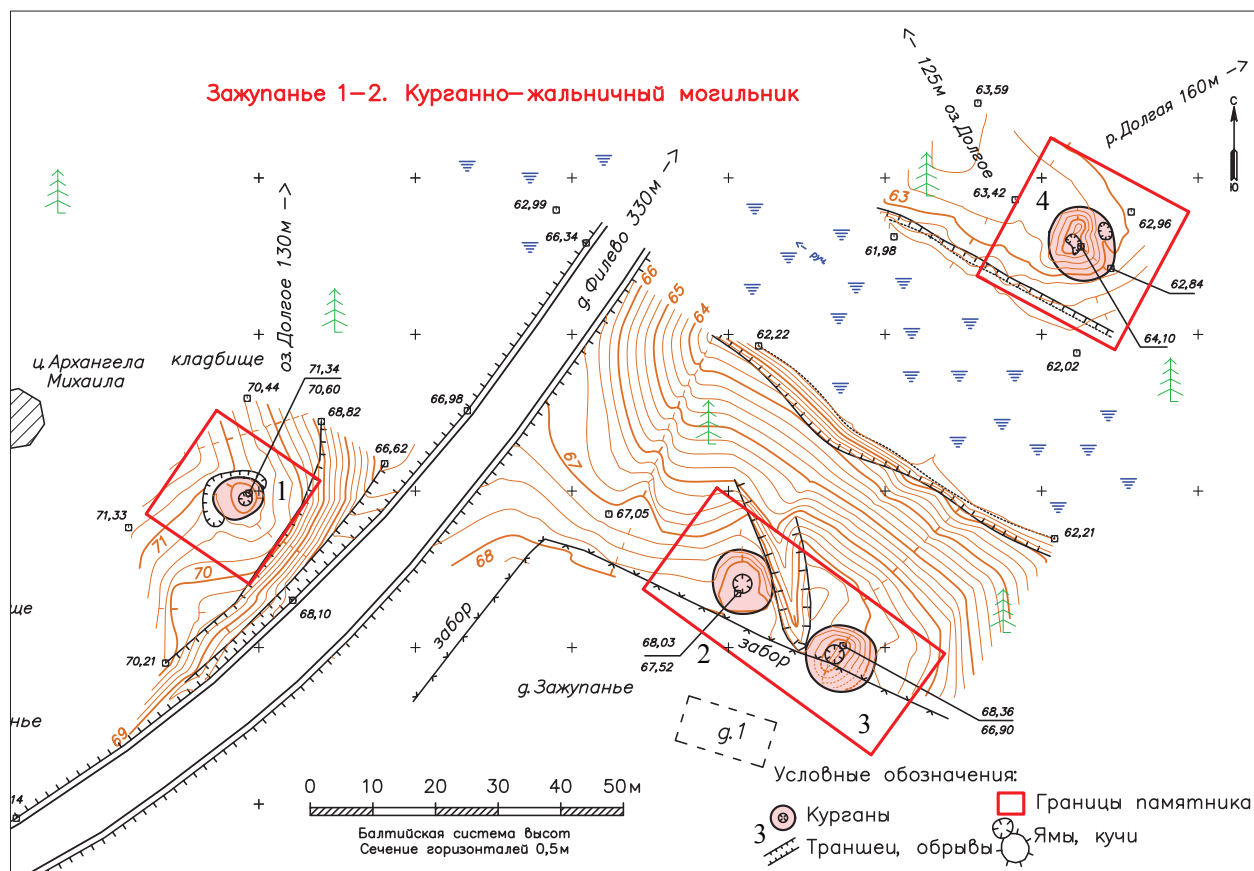

Рис. 15. Зажупанье 1–2. Курганно-жальничный могильник. Топографический план. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

каменный крест с расширяющимися концами. По мнению исследовательницы, использование его на могиле «явно вторичное» (Платонова, 1983. Д. 70. Л. 36–37). В 1990 г. при обследовании памятников у д. Зажупанье в целях паспортизации каменный крест у церкви уже не был обнаружен (Колпаков, 1990. С. 21). В.Ю. Соболевым в 1996 и Е.Р. Михайловой в 2015 г. крест также не найден (Михайлова, 2015. С. 14–15). В настоящее время территория вокруг храма Архангела Михаила занята действующим кладбищем, каменный крест, зафиксированный в 1983 г. Н.И. Платоновой, на месте отсутствует, от находившегося здесь средневекового курганно-жальничного могильника остались только четыре кургана (см. Зажупанье 1–2. Курганно-жальничный могильник).

В черновике Решения 1978 г. под тем же № 259 фигурирует «Погост с каменными крестами» в д. Чехлово, а не в д. Зажупанье (Решение, 1978. Копия, п. 259). Деревня Чехлово к настоящему времени вошла в состав д. Филево и расположена в 800 м к ССЗ от границ д. Зажупанье 1970–1980-х гг. и в 700 м к С от церкви Михаила Архангела. В конечный же вариант Решения 1978 г. при

перепечатывании закралась ошибка, так как запись о погосте размещалась между записями о памятниках в д. Зажупанье (№ 258 и 260). Исходя из имеющихся материалов следует полагать, что средневековый погост с каменными крестами в Зажупанье не сохранился или не существовал, так как единственный крест, обнаруженный здесь был во вторичном использовании и мог быть перемещен сюда с других мест. Вероятно, решение о постановке на учет памятника «Погост с каменными крестами» в д. Зажупанье принято ошибочно.

Федорово Поле. Курганный могильник («Курганная группа, 6 насыпей»)

Курганный могильник расположен к северо-востоку от д. Федорово Поле, к северо-западу от церкви Архангела Михаила в д. Зажупанье, на юго-восточной оконечности оз. Долгое (рис. 2: 22). В 1977 г. Е.А. Рябиным при обследовании побережья озера Долгого в Сланцевском районе были зафиксированы остатки двух средневековых могильников, которые, по мнению Е.А. Рябина, были раскопаны Л.К. Ивановским в конце XIX в. Один из них, расположенный «на южной оконечности озера Долгого примерно в 500 м к северо-востоку

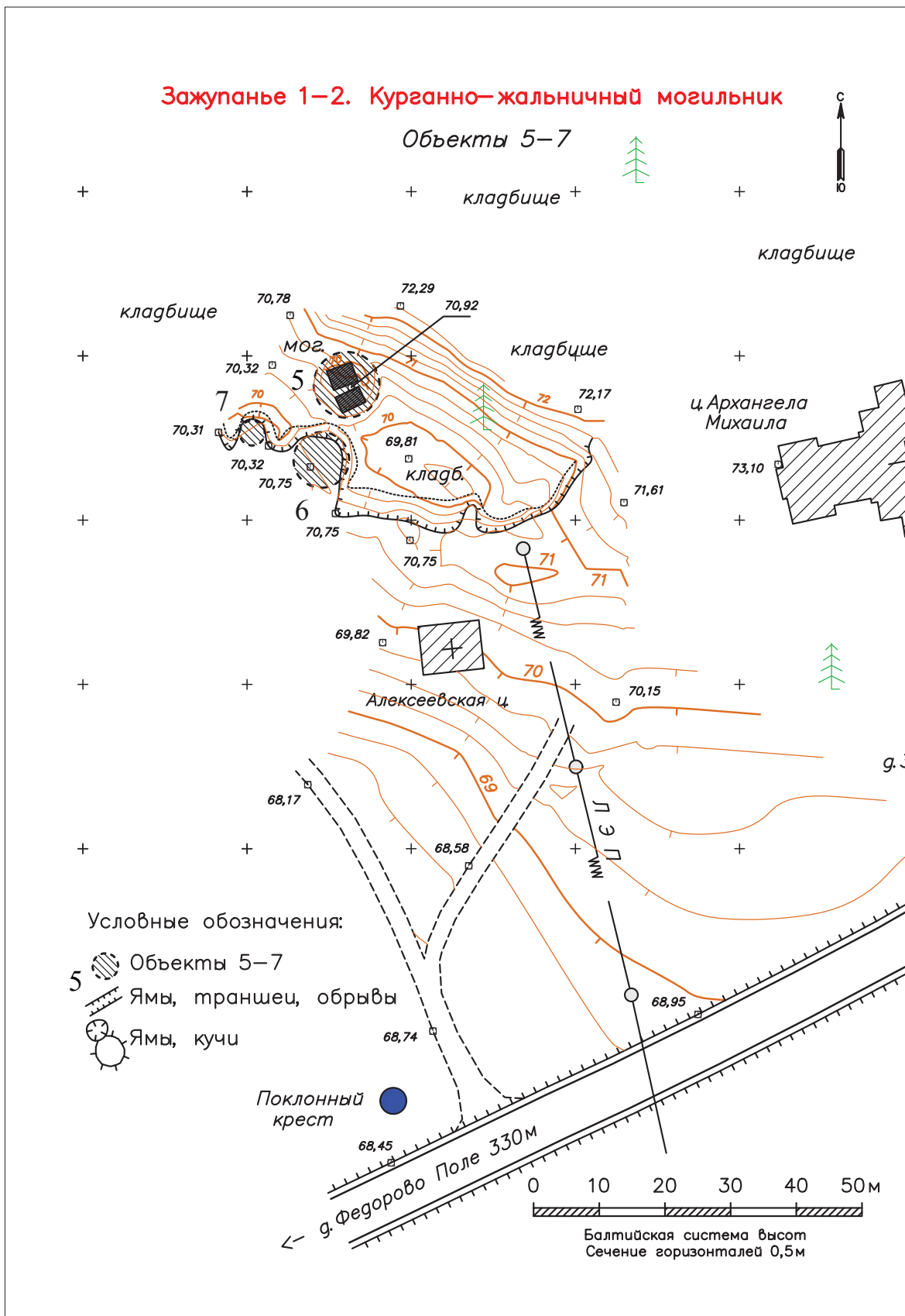

Рис. 16. Зажупанье 1–2. Курганно–жальничный могильник. Объекты 5–7. Топографический план. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

от Зажупанье»⁷, был обозначен как могильник у д. Зажупанье. На «первой береговой террасе озера, поросшей редкой березой, осиной и елью» зафиксировано шесть насыпей, из которых пять имели диаметр 6–10 м и высоту 1,10–2,00 м. Самый крупный курган достигал высоты 2,80 м и диаметра 13,5 м, а его основание окружено «канавообразным углублением» глубиной 0,50 м без прослеживаемых следов перемычек. Курганы, по наблюдению Е. А. Рябинина, насыпаны из песка, их вершины были повреждены кладоискательскими (а не колодцами Л. К. Ивановского. – *Прим. авт.*) шурфами глубиной 0,30–0,60 м, и только самый большой шурф глубиной 1,50 м (Рябинин, 1977. Л. 7–8). Следует полагать, что именно этот памятник был поставлен на государственную охрану под названием «Курганная группа, 6 насыпей» по адресу «Сланцевский район, Заручьевский с/с, д. Зажупанье» (Решение, 1978. П. 260).

В 1983 г. курганы обследованы Н. И. Платоновой. По всей видимости, исследовательница не знала о результатах разведки Е. А. Рябинина 1977 г., поэтому отметила, что могильник обследован впервые, и назвала его по названию ближайшей д. Федорово Поле, указав на расположение памятника «в 0,5 км к северу от восточной околицы д. Федорово Поле (от автобусной остановки), на высоком коренном берегу оз. Долгого, близ его восточной оконечности, в смешанном лесу с преобладанием сосны». Н. И. Платонова, в отличие от Е. А. Рябинина, отметила в могильнике семь насыпей и выделила в нем две части – южную и северную с расстоянием между ними около 55 м. Курганы описаны как круглые, крутобокие, полусферической формы, иногда приближающейся к конической, с кольцевыми ровиками, кроме кургана № 6, окруженного ровиком с перемычками. Размеры насыпей 9–15 × 0,35–1,8 м. Как и предыдущий исследователь, Н. И. Платонова отметила, что все курганы испорчены именно грабительскими раскопами (Платонова, 1983. Л. 38).

В 1990 г. в целях паспортизации памятник обследован отрядом СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова. Группа была разделена на два самостоятельных объекта на основе Акта о выявлении от 2 декабря 1988 г.: три отдельных кургана в северо-западной части могильника выделены в «Курганный могильник Федорово Поле I», четыре

кургана юго-восточной части – в «Курганный могильник Федорово Поле II». Расстояние между ними указано в 60 м. Курганы описаны как круглые с уплощенными вершинами, окруженные ровиками и поврежденные грабительскими ямами. Е. М. Колпаков полагал, что могильник открыт Н. И. Платоновой в 1983 г. (Акт, 1988; Колпаков, 1990. С. 22–23). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как единый могильник «Федорово Поле. Курганная группа», выявленный в 1983 г. Н. И. Платоновой. Однако, автор ошибочно записывает в состав могильника только шесть насыпей, как это было отмечено у Е. А. Рябинина в 1977 г. (Лапшин, 1990. С. 57. № 401). В 2015 г. памятник обследован Е. Р. Михайловой, уточнено его местоположение, сохранность и состав из семи насыпей, а также снят топографический план (Михайлова, 2017; Михайлова и др., 2018).

Работами 2022 г. установлено, что памятник состоит из двух частей: юго-восточной группы в составе четырех насыпей (№ 1–4) и северо-западной группы из трех насыпей (№ 5–7), разделенных расстоянием в 48 м. Четыре кургана юго-восточной группы расположены компактно на небольшом мысу, образованном берегом озера и оврагом. В ее составе находится самая большая насыпь диаметром 14 м и высотой до 2,2 м. Северо-западная группа из трех курганов, вытянутых в одну линию вдоль берега по оси северо-запад–юго-восток, расположена на 2–3 м ниже юго-восточной группы. Курганы № 1–6 представляют собой округлые в плане, крупные, крутобокие, полусферической формы насыпи высотой 0,9–2,2 м, диаметром 8–14 м. Курган № 7 несколько выбивается из ряда предыдущих, и представляет собой низкую, около 0,4 м высотой, уплощенную насыпь диаметром до 7 м. Все насыпи повреждены грабительскими ямами. У трех (№ 1–3) зафиксированы следы ровиков (рис. 17).

«Курганный могильник, 6 насыпей»

Памятник под названием «Курганный могильник, 6 насыпей» X–XII вв. по адресу «Сланцевский район, Новосельский сельсовет, ЮВ окраина д. Ждовля», поставленный на государственный учет в 1978 г. (Решение, 1978. П. 261), в археологической историографии неизвестен (рис. 2: 19). В объяснительной записке Г. Р. Шмидта 1886 г. к Археологической карте Гдовского района Петербургской губернии памятник не упоминается (Шмидт, 1886). На Археологической карте 1899 г. В. Н. Глазова памятник не отмечен, в пояснениях к карте не указан (Глазов, 1899а; 1899б). В материалах Н. К. Рериха к археологической карте (по сведениям, собранным В. Н. Глазовым в 1899–1900 гг.) курганы в д. Ждовля также не упоминаются (Рерих, 1902).

⁷ Е. А. Рябинин ошибся в местоположении могильника относительно д. Зажупанья, который находится к северо-западу от нее, а не к северо-востоку. От д. Федорово Поле 1980-х гг. памятник находится в 500 м к северо-северо-востоку.

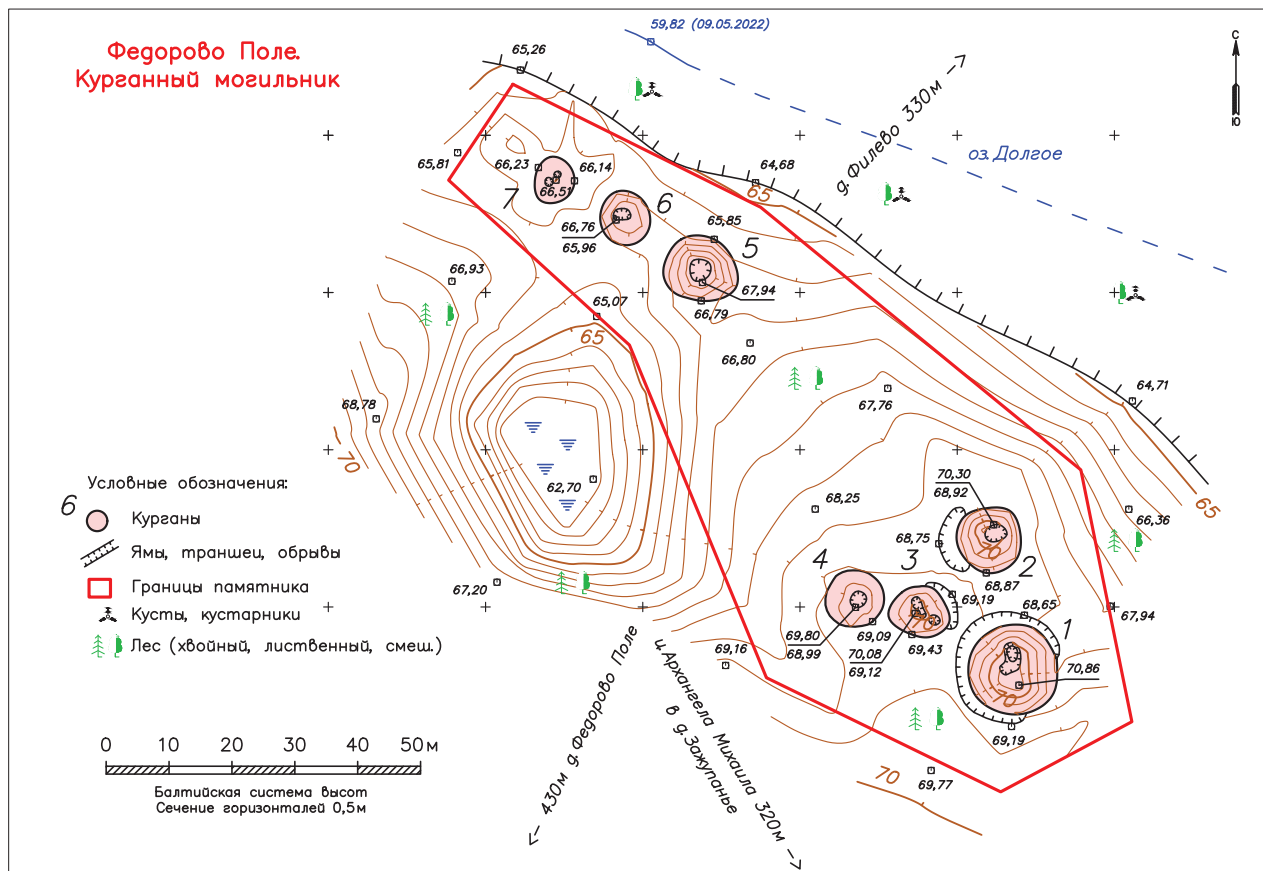

Рис. 17. Федорово Поле. Курганный могильник. Топографический план. Съёмка ЦСА ИИМК 2022 г.

Е. А. Рябинин, Н. В. Хвоцинская, Е. М. Колпаков, Н. И. Платонова, Е. Р. Михайлова, в разные годы проводившие разведочные работы в ближайших окрестностях д. Ждовли, ничего не упоминают об этом памятнике (Рябинин, 1977; Хвоцинская, 1983; Платонова, 1983; Колпаков, 1990; Михайлова, 2017; 2018). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник отсутствует (Лапшин, 1990).

В ходе полевого обследования 2022 г. «Курганный могильник, 6 насыпей» X–XII вв. не обнаружен. Поиск памятника осуществлялся по указанному в Решении 1978 г. адресу на юго-восточной окраине д. Ждовля. В настоящее время это открытый участок с отдельными кустарниками и деревцами. Рельеф поля относительно ровный. У самой автомобильной дороги напротив дома 12/6 через шоссе расположен задернованный и заросший деревьями кирпичный фундамент постройки. На поле в рельефе слабо прослеживаются 3–4 небольшие аморфные всхолмления неизвестного происхождения диаметром не более 3 м и высотой до 0,20 м. Являются ли они остатками курганов или следами хозяйственной деятельности, без раскопок выяснить не представляется возможным.

Засторонье 1. Курганно-жальничный могильник («Курганный могильник»)

Курганно-жальничный могильник расположен у северо-восточной окраины д. Засторонье, на заросшем соснами моренном всхолмлении высокого правого берега р. Руя (рис. 2: 20). Впервые один из памятников у д. Засторонье упоминается в объяснительной записке к археологической карте Гдовского уезда Петербургской губернии Г. Р. Шмидта. Он указывал, что Засторонская группа курганов состоит из 10 курганов I типа А (конические насыпи, высотой от 1,5 до 3 м с каменными конструкциями и ровиками), раскопки не производились (Шмидт, 1886. Л. 10 об., 12, № 6). В 1899 г. раскопки «курганной группы и небольшого жальника при д. Засторонье» произведены гдовским земским начальником В. Н. Глазовым (Глазов, 1899а. Л. 8–13; Л. 47, № 57; Спицын, 1903. С. 86–87). Согласно его описанию, жальник располагался на крутом обрывистом холме со стороны дороги и долины р. Руйки и пологом к усадьбам деревни. Состоял он из «10–12 невысоких курганов и до 30 грунтовых могил круглой и четырехугольной формы; курганы по середине группы, жальничные погребения по краям. На некоторых грунтовых

могилах сохранились каменные кресты» (Глазов, 1899а. Л. 10 об. – 13; Спицын, 1903. С. 87). В.Н. Глазовым были раскопаны три кургана и 10 «каменных грунтовых могил». Найденные в могилах артефакты были датированы XIII–XV вв., снят глазомерный план. Могильник также учтен Н.К. Рерихом в материалах для составления археологической карты Санкт-Петербургской губернии (Рерих, 1902. Л. 7 об. – 22 об., № 53; Л. 78–56, № 113). В конце 1920-х гг. археологические объекты у д. Засторонье были осмотрены сотрудниками ГАИМК, проводившими работы в рамках Северо-Западной экспедиции КИПС Академии наук (Соболев, 2010. С. 55).

В 1978 г. памятник под названием «Курганный могильник» по адресу: «Сланцевский район, Новосельский с/с, д. Засторонье, на мысу правого берега р. Руи» поставлен на государственный учет (Решение, 1978. П. 263). В 1983 г. могильник обследован Н.В. Хвоцинской в рамках работ по составлению археологической карты Ленинградской области, снят план. Согласно сведениям экспедиции, сохранилось только две нарушенные грабительскими ямами насыпи (диаметром 5–6 м, высотой до 0,4–0,5 м, сооружены из песка) и могила (диаметром около 4 м), обложенная валунами. Могильнику присвоено название «Засторонье-1» (Хвоцинская, 1983. С. 37–38). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Засторонье-1. Курганно-жальничный могильник» (Лапшин, 1990. С. 64. № 456).

В 1996 г. памятник был осмотрен В.Ю. Соболевым, переснят план, зафиксированы повреждения (Соболев, 2010. С. 55). Опрос местных жителей позволил установить, что в 1960-е гг. значительная площадь возвышенности была отведена под карьер, уничтоживший неисследованную часть памятника, где при выборке грунта нередко находили человеческие кости и украшения (Соболев, 2010. С. 56). В 1997 г. В.Ю. Соболевым исследована одна курганная насыпь, которая к тому времени была сильно повреждена грабительскими ямами и перекопами. На дне грабительской ямы были обнаружены лежавшие в беспорядке человеческие кости без погребального инвентаря (Соболев, 1998. С. 3–4; 2010. С. 56–58). В целом, исследователь датирует могильник XII–XIII вв.

В настоящее время могильник сильно пострадал от кладоискательских раскопок, вся территория изрыта многочисленными ямами, в том числе, вероятно, для добычи песка. Южная часть холма уничтожена карьером, у северо-восточного края находится валунный фундамент разрушенной постройки

размерами 5,5 × 5,0 м. Весной 2022 г. на могильнике был пожар от пала сухой травы. Местные жители знают о памятнике и называют его «Могилы». Визуально на территории холма выделяются две поврежденные ямами курганные насыпи № 1 и 2, зафиксированные еще на планах Н.В. Хвоцинской 1983 г. и В.Ю. Соболева 1996 г., место раскопанного в 1997 г. кургана № 3, жальник (?) № 4 с двумя крупными камнями по краям по оси запад–восток (головной и ножной камни?), а также следы отмеченного на плане 1983 г. жальника (№ 5) с остатками каменной оградки. На всхолмлении и вокруг него расположены отдельные камни, которые могут быть остатками оградок как раскопанных, так и сохранившихся жальничных погребений.

Курган № 1 – небольшая насыпь диаметром 4,3 м и высотой 0,6 м. Центр поврежден ямой 1,0 × 1,0 × 0,2 м. Курган № 2 – крупная насыпь полу-сферической формы размерами 7,4 × 6,3 м, высотой 1 м. Центр и северо-западная пола повреждены большой ямой размерами 2,0 × 1,5 × 0,5 м. Возможно, это раскопанный В. Н. Глазовым в 1899 г. курган № 1 или 2. Жальник № 4 – небольшая насыпь овальной формы, вытянутая по оси запад–восток, размерами 3,3 × 2,2 м и высотой 0,3 м, обозначенная с восточного и западного концов крупными камнями. Жальник № 5 – остатки жальничного погребения округлой формы с одним сохранившимся камнем от оградки (рис. 18).

Засторонье 2. Курганно-жальничный могильник («Курганный могильник»)

Курганно-жальничный могильник расположен к юго-востоку от д. Засторонье, к юго-востоку от моста через р. Руя, с северо-восточной (левой) стороны от грунтовой дороги Засторонье-Шавково (по дороге 41К-782 к дороге 41К-162), при ее пересечении со старой проселочной (в настоящее время полевой) дорогой в д. Хрель, на поросшем соснами и березами всхолмлении (рис. 2: 21). Впервые один из памятников у д. Засторонье упоминается в объяснительной записке к археологической карте Гдовского уезда Петербургской губернии Г.Р. Шмидта. Он указывал, что Засторонская группа курганов состоит из 10 курганов I типа А (конические насыпи, высотой от 1,5 до 3 м с каменными конструкциями и ровиками), раскопки не производились (Шмидт, 1886. Л. 10 об. – 12, № 6). В 1899 г. В.Н. Глазовым у д. Засторонье отмечаются курганная группа в 1,5 верстах (к юго-западу. – *Прим. авт.*) от деревни по дороге в мызу Преображенскую (д. Малафеевка) и небольшой жальник на северо-восточной окраине деревни (Глазов, 1899а. Л. 8–13) (см. Засторонье 1. Курганно-жальничный могильник). При этом он сообщает, что напротив данного небольшого жальника, наискосок через речку

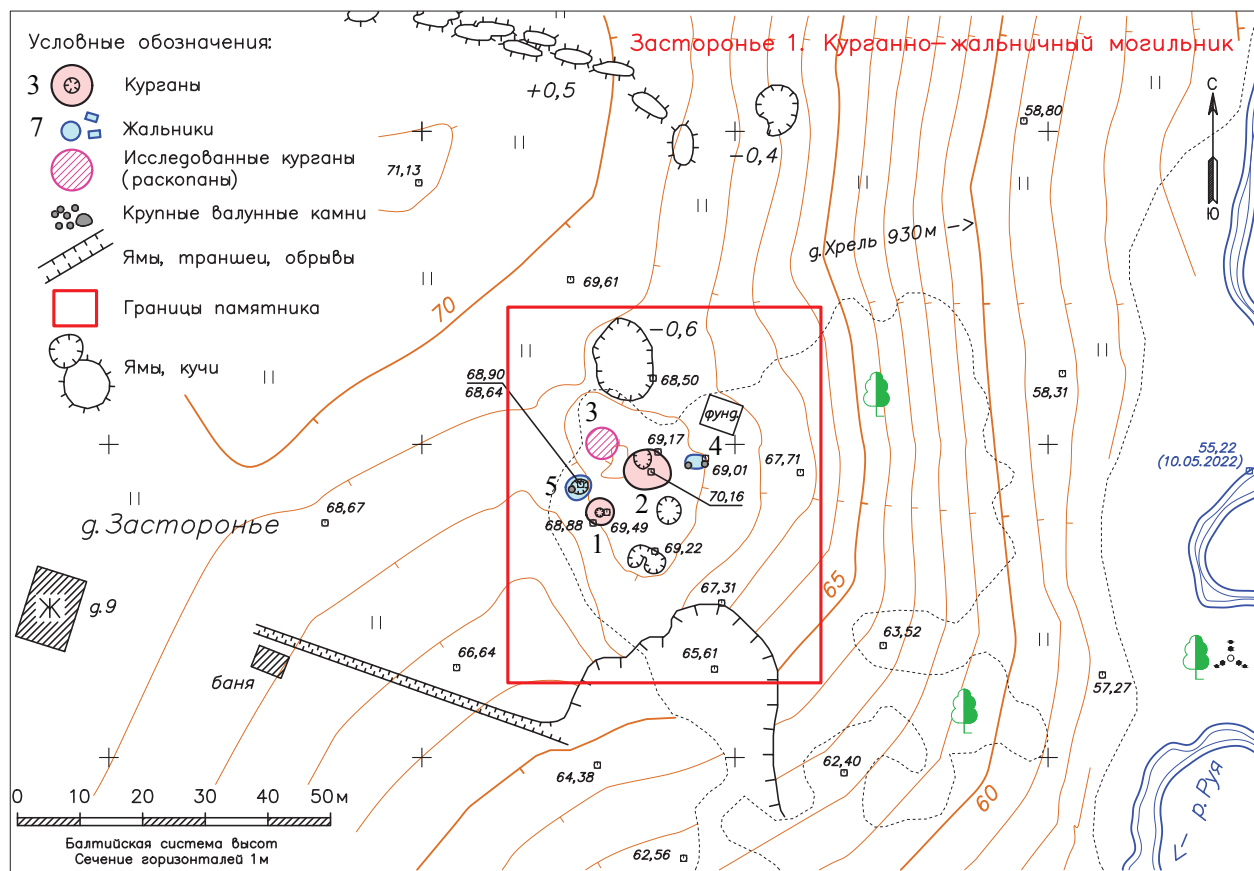

Рис. 18. Засторонье I. Курганно-жальничный могильник. Топографический план. Съёмка ЦСА ИИМК 2022 г.

при д. Захрелье, или Хрель, расположен раскопанный им в 1898 г. жальник (Глазов, 1899а. Л. 10 об.). Местоположение могильника описано следующим образом: «В версте от деревни [Хрель] наискосок от жальника при д. Засторонье (№ 1а) на правом берегу р. Руя у самой дороги расположен жальник, состоящий из курганов и каменных грунтовых могил круглой и овальной формы» (Рерих, 1902. Л. 9, № 63; Л. 78–56, № 112). В этом комплексе, состоящем из 27 курганов и 15 грунтовых могил в 1898 г. В.Н. Глазов раскопал, по одним данным, 12 курганов и шесть жальников (Спицын, 1903. С. 88–89, № XVI Хрель), по другим данным, 13 курганов и все жальники (Лапшин, 1990. С. 64. № 455). Представляется, что на учет поставлен именно этот памятник, обследованный В.Н. Глазовым в 1898 г., под названием «Курганный могильник» X–XII вв. по адресу «Сланцевский район, Новосельский с/с, д. Засторонье, на перекрестке дорог Хрель-Засторонье» (Решение, 1978. П. 262). Под названием «Захрелье» могильник учтен Н.К. Рерихом в материалах для составления археологической карты Санкт-Петербургской губернии (Рерих, 1902. Л. 9, № 63; Л. 78–56, № 112). В конце 1920-х гг. археологические объекты у д. Засторонье были осмотрены сотрудниками ГАИМК, проводивших ра-

боты в рамках Северо-Западной экспедиции КИПС Академии наук (Соболев, 2010. С. 55).

В 1983 г. памятник обследован Гдовским отрядом ЛОИА под руководством Н.В. Хвоцинской в рамках работ по составлению археологической карты Ленинградской области, снят план. Согласно сведениям экспедиции, сохранилось только 11 небольших, круглых в плане насыпей диаметром 2,5–4,0 м и высотой 0,4–0,5 м. Под дерном вокруг насыпей прослежены венцы из валунов. По мнению Н.В. Хвоцинской, часть погребальных комплексов, особенно в северо-восточной половине была скрыта траншеями и ямами «по-видимому, времен войны». Могильнику присвоено новое название «Засторонье-II», а про могильник «Захрелье» сообщалось, что он уничтожен распашкой (Хвоцинская, 1983. С. 38). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Засторонье-2. Курганно-жальничный могильник». Ссылка на раскопки 1899 г. ошибочна (Лапшин, 1990. С. 64. № 457).

В 1996 г. комплекс осмотрен В.Ю. Соболевым, переснят план, зафиксированы повреждения. По данным

исследователя, сохранилось 13 небольших округлых в плане насыпей, многие из которых повреждены разновременными ямами. Также было высказано предположение о наличии еще нескольких курганов в северо-восточной части памятника, полностью скрытых во время войны (Соболев, 1998. С. 4; 2010. С. 55). В 1997 г. В. Ю. Соболевым раскопано три насыпи с погребениями по обряду ингумации с инвентарем, датированным XII–XIV вв. (№ 2, 3, 12 по плану 1996 г.) (Соболев, 1998. С. 4–7; 2010. С. 58–64).

В настоящее время могильник сильно пострадал от кладочислительских раскопок, вся территория изрыта многочисленными ямами и траншеями, возможно, в том числе времени Великой Отечественной войны, разбросаны отвалы от раскопок конца XIX и конца XX в. Весной 2022 г. на могильнике был пожар от пала сухой травы. Сохранность могильника с момента последнего его обследования В.Ю. Соболевым в 1996–1997 гг. не изменилась. Визуально на территории холма фиксируются 9 или 10 поврежденных ямами курганных насыпей, места раскопанных в 1997 г.

трех курганов № 2, 3 и 12, а также массив из отвалов и ям на северо-восточном краю (№ 14 по плану 2022 г.). Дополнительно на юго-западном краю отмечены две земляные насыпи (№ 15 и 16) или отвалы неясного происхождения. На всхолмлении и вокруг него расположены отдельные камни, которые могут быть остатками оградок как раскопанных, так и сохранившихся жалничных погребений. Сохранившиеся курганы представляют собой небольшие округлые в плане насыпи размерами 4,0 × 6,4 м и высотой 0,4–1,0 м. Все повреждены ямами (рис. 19).

Рыжиково. Курганный могильник («Курганный могильник, 28 насыпей»)

Предполагаемое место расположения памятника «Курганный могильник, 28 насыпей» у д. Рыжиково определено по архивным сведениям и историческим картам по адресу: Новосельское сельское поселение, в 250 м к востоку от д. Рыжиково, на зарастающем поле (рис. 2: 18). Впервые памятник упоминается Г. Р. Шмидтом в 1886 г. в объяснительной записке к Археологической карте Гдовского района Петербургской губернии: «№ 17. Рыжиковская группа

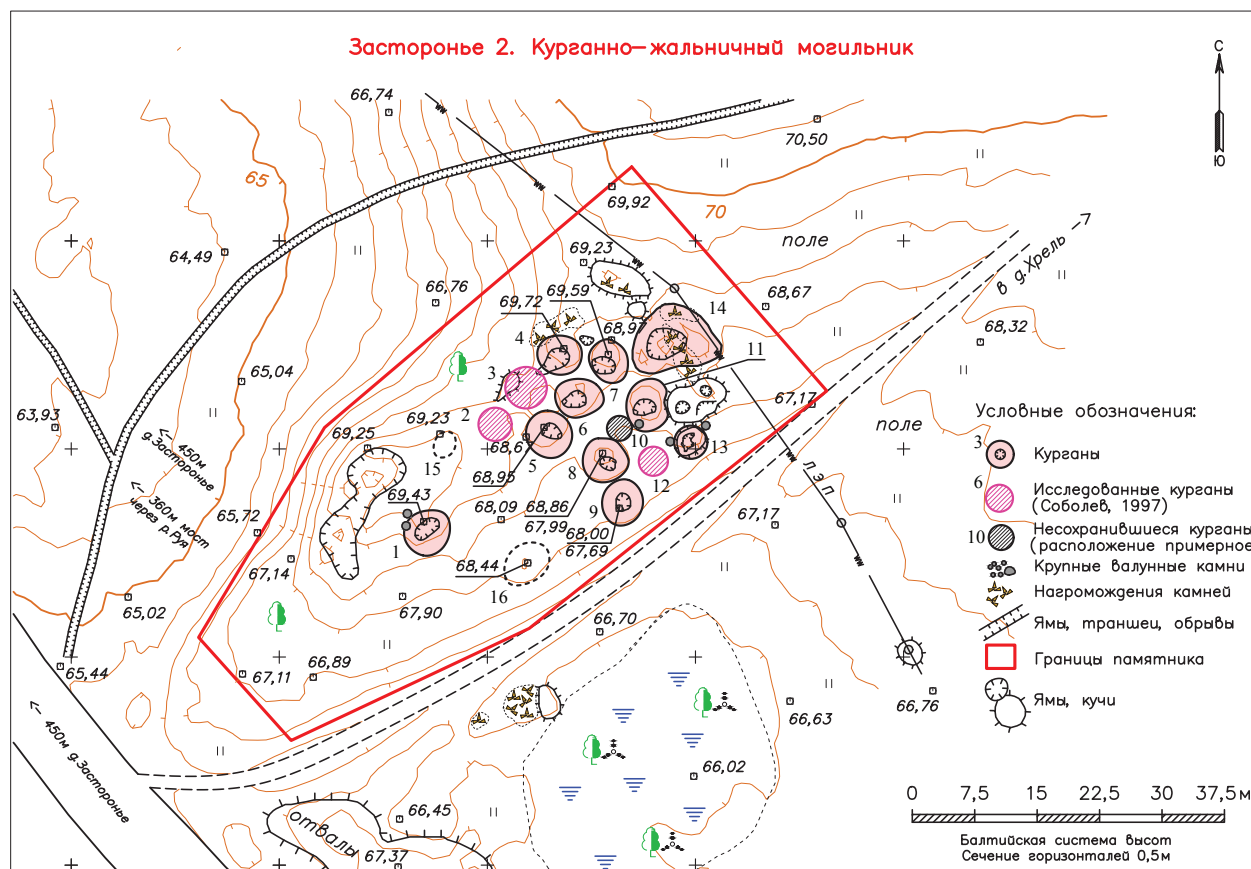

Рис. 19. Засторенье 2. Курганно-жалничный могильник. Топографический план. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

курганов. Состоит из 7 курганов I типа. Раскопки не проведены»⁸. На Археологической карте 1899 г. В.Н. Глазова памятник у д. Рыжиково отмечен под номером 43, а в Списке к карте – под названием «43. Дер. Рыжиково. Жальник» (Глазов, 1899а. Л. 46об; 1899б. Л. 1, № 43). Чуть более подробное описание памятника встречается у Н.К. Рериха в Материалах к археологической карте (по сведениям, собранным В.Н. Глазовым в 1899–1900 гг.): «38. Дер. Рыжиково (осмотр 1899 г.). Близ деревни, на берегу озера (Кушельского), по дороге к д. Пантелейкову есть небольшая курганная группа. Насыпи плоские, расплывчатые, обросшие большими березами; числом до 10; все раскопаны каким-то исследователем лет 10–12 тому назад по словам местн[ых] кр[естья]н. Высота их от 1 1/2 до 2 арш. при диаметре 2–3 саж. Сплошной кольцеобразной кам[енной] обкладки подошвы не заметно, хотя булыжники средней величины в насыпях видны». Подобные же курганы, по словам В.Н. Глазова, находятся у д. Пантелейково на берегу Кушельского озера (Рерих, 1902. Л. 5 об., № 38; Л. 90(68), № 132). Курганы высотой до 0,8 м на поле к востоку от д. Рыжиково отмечены на топографической карте РККА 1930-х гг. Они расположены на верхнем краю пологого берегового склона в 250 м к югу от оз. Кушелка (западная часть озера)⁹, с южной стороны полевой дороги из д. Рыжиково в д. Пантелейково, на высоком правом берегу ручья Крутяж, впадающего с юга в оз. Кушелка. В 1978 г. памятник поставлен на учет под названием «Курганный могильник, 28 насыпей» по адресу: «Сланцевский район, Новосельский с/с, д. Рыжиково» (Решение, 1978. П. 264).

В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Кушела 2. Курганная группа» на восточном берегу оз. Кушелка напротив д. Кушела. Здесь же дается ссылка на сведения Н.К. Рериха по материалам В.Н. Глазова о том, что «В 1899 г. “близ д. Рыжиково, у дороги в д. Пантелейково” отмечено 10 насыпей высотой 1,0–1,5 м, диаметром 4–6 м. Не сохранилась» (Лапшин, 1990. С. 62. № 436). Следует полагать, что соотнесение В.А. Лапшиным курганного могиль-

ника у д. Рыжиково с курганом могильником Кушела 2 является неверным, поскольку привязка могильника Кушела 2 к восточному берегу Кушельского озера (восточная часть озера. – *Прим. авт.*) напротив д. Кушела указывает скорее на курганный могильник у д. Пантелейково, в то время как д. Рыжиково находится на южном берегу западной части оз. Кушелка (по данным Яндекс карты, «Рыжиковского оз.»).

В 2022 г. поиск памятника осуществлялся с учетом его описания В.Н. Глазовым и точки обозначенных на топокарте РККА 1930-х гг. курганов к востоку от д. Рыжиково. Здесь, вдоль южного берега озера в припойменной зоне проходит старая дорога из д. Рыжиково в д. Пантелейково, сильно заросшая, но еще хорошо читающаяся на местности. В настоящее время обследованная территория представляет большое зарастающее лиственным мелколесьем и сосновым подростом поле размерами 500 × 300 м, вытянутое вдоль южного берега оз. Кушелка (западная часть озера) от д. Рыжиково в сторону д. Пантелейково. Рельеф поля относительно ровный, с уклоном в северном (в сторону озера) и западном (в сторону ручья) направлениях с высоты 70–75 м до 50 м у воды в озере. На всей поверхности поля прослеживаются неглубокие, но широкие, запыленные борозды в направлении юго-запад–северо-восток. Следов распаханых курганов не наблюдается, крупных камней нет. Наличие многочисленных запыленных борозд на поле и глубоких дренажных канав по контуру поля свидетельствует об интенсивных хозяйственных работах здесь в советское время, в результате которых и был полностью разрушен курганный могильник у д. Рыжиково.

*ГАТЧИНСКИЙ Р-Н (рис. 1, 3, 4)
Войковицы. Курганно-жальничный могильник
(«Курганная группа, 120 насыпей»)*

Курганно-жальничный могильник расположен к юго-западу от пос. Новый Учхоз, к юго-западу от шоссе А-120 Войковицы–Сяскелово, с северной стороны от воинской части, в двух рощах на поле (рис. 3: 31). Вероятно, памятник исследовался Л.К. Ивановским во второй половине XIX в. В 1875 г. около мызы Войковицы он раскопал в Гонголовой группе 10 курганов и в Рябболовской группе 30 курганов (Спицын, 1896. С. 58; 1912. Л. 14; Глазов, 1912. Л. 10–15; Колпаков, 1988. С. 3, 4; Медведева, Соболев, 2015. С. 176). В 1903 г. исследования могильника были проведены слушателями Санкт-Петербургского археологического института под руководством Л.Н. Целепи (О раскопках, 1903. Л. 6, 7). Описание могильника представлено следующим образом:

⁸ Все погребальные сооружения Г.Р. Шмидт разделил на три типа: I – курганы, II – огороженные пепелища, III – огороженные могилы.

⁹ Озеро Кушелка состоит из двух озер, расположенных по оси запад-восток и соединенных протокой. На исторических картах оба озера называются Кушелка. На современной карте Яндекс западное озеро названо Рыжиковское, восточное – Кушельское (<https://yandex.ru/maps/?ll=28.288170%2C59.011602&z=14.66>. Дата обращения 1 июля 2022 г.).

«По обе стороны дороги из мызы Войковицы в д. Бол. Борницы среди поля на расстояние от первой около версты находятся две группы курганов, поросших лесом, числом в обеих около 100. В центрах групп курганы более высокие, хорошей сохранности, конусообразные, некоторые из них обложены редко камнями, многие имеют сверху впадины, по окраинам расположены жальники круглые с небольшим возвышением и без такового, обозначенные камнями». За три весенних дня институтом были раскопаны девять курганов с захоронениями по обряду ингумации и кремации с погребальным инвентарем.

Весной 1912 г. показательные раскопки на могильнике для слушателей Санкт-Петербургского археологического института планировал провести В.Н. Глазов, однако в полном объеме этого сделать не получилось. Как он писал позднее, «намечая помянутую группу к исследованию, я полагал, что нахождение курганов на земле Удельного Ведомства гарантирует их целостность от хищников. На деле же, к сожалению, оказалось, что почти все, целые по наружному виду, насыпи были уже перерыты более 30 лет тому назад фельдшерами покойного д-ра Ивановского самым хищническим приемом. Из 17 насыпей, вскрытых мною, только два кургана оказались нетронутыми, остальные же все были рыты небольшими ямами с запада, то есть со стороны головы погребений. Костяки до тазовых костей были потревожены: головы их, руки и грудные кости лежали в беспорядке, часто даже в верхних слоях насыпи. Очевидно фельдшера, обобрав бусы, серьги, кольца, браслеты и другие украшения, наскоро засыпали насыпь и переходили к другой, не трогая остальной части костяка, где у бедер часто находились нетронутыми ножи. Поэтому полной картины раскопки курганов дать не пришлось, так как сдвинутые верхние части костяка были не на месте.» (Глазов, 1912. Л. 10–15; Медведева, Соболев, 2015. С. 176). Весной того же 1912 г. памятник исследовал А.А. Спицын по своему отдельному Открытому листу, раскопав три кургана, из которых один уже был раскопан ранее В.Н. Глазовым. А.А. Спицын также указывал, что большинство курганов были раскопаны фельдшерами Л.К. Ивановского более 30 лет назад (Спицын, 1912. Л. 14–14об).

В 1927 г. окрестности совхоза Войковицы осмотрены членами палеоэтнологической экспедиции ГАИМК Б.А. Коишевским и Л.С. Генераловой. Согласно их наблюдениям, курганный могильник располагался в небольшой роще, в 1/2 версты к югу от совхоза по дороге в д. Шпаньково, среди пашни и состоял из 162 курганных насыпей, обложенных по основанию валунами. Более крупные насы-

пи высотой от 1 до 2 м имели крутые склоны с уплощенными вершинами и углублениями в них; более мелкие насыпи имели высоту от 0,5 до 1,0 м и расплывчатые очертания. Большинство курганов к тому времени было раскопано, часть уничтожено распашкой (Коишевский, Генералова, 1927. Л. 3, 3 об.; 1931. Д. 69. Л. 7–9).

В 1975 г. исследования памятника предприняты В.А. Кольчатовым. По сведениям экспедиции, местное название могильника «шведские могилы», расположен он на участке, незначительно возвышающемся над окружающей местностью, где растут древние ели. Могильник делится на две группы – северную и южную. Северная группа состояла из 75 курганов, некоторые из них в юго-западной части достигали высоты до 2 м при диаметре 14–16 м. В северо-восточной окраине этой группы сконцентрированы насыпи высотой до 0,5 м и диаметром 2,5–4,0 м. Почти все крупные насыпи были испорчены грабительскими ямами. В южной группе к моменту обследования сохранилось полностью или частично 54 кургана. Около 40 насыпей было уничтожено в 1950-х гг. при строительстве завода. В.А. Кольчатовым раскопано на снос семь насыпей: пять близко расположенных в северной части группы, один из юго-западной части северной группы и один из южной группы. Курганы содержали погребения, совершенные по обряду ингумации XI–XIII вв. (Кольчатов, 1976. Л. 7–12). В 1978 г. под названием «Курганная группа, 120 насыпей» памятник был поставлен на государственный учет по адресу: Большеондровский с/с, в 500 м к ЮЗ от учхоза Войковицы (Решение, 1978. П. 142).

В 1988 г. при проведении паспортизации отрядом СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е.М. Колпакова могильник был разделен на два отдельных памятника. Северная группа получила название «Курганно-жальничный могильник Войковицы I», южная группа – «Курганная группа Войковицы II» (Колпаков, 1988. С. 3–6). Курганно-жальничный могильник Войковицы I, по данным 1988 г., состоял из 65 курганов и не менее чем 17 жальничных оградок, вымосток и рядов. Насыпи полусферические, 29 из них раскопаны ямами и траншеями. Жальники расположены между курганами в западной части группы и представлены, преимущественно, прямоугольными выкладками с разной ориентацией. В восточной части отмечены многочисленные камни «от разрушенной части могильника» (Колпаков, 1988. С. 3). Курганная группа Войковицы II, по данным 1988 г., состояла из 35 полусферических насыпей, из которых № 9 удлиненная (возможно сложенная из слившихся или

разрушенных курганов). Девять насыпей раскопаны колодцами (Колпаков, 1988. С. 5–6). По мнению Е.М. Колпакова, исходя из того, что В.Н. Глазов и А.А. Спицын указывали на раскопки курганов у д. Войсковицы «фельдшерами Ивановского», а у самого Ивановского сведений об этом нет, не исключено, что у Л.К. Ивановского этот памятник учитывался как Рябболовская полевая курганная группа, раскопанная им в 1875 г. (Спицын, 1896. С. 58; Колпаков, 1988. С. 4). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как единый «Войсковицы, учхоз. Курганно-жальничный могильник», состоящий из 129 насыпей высотой 0,5–2,0 м, диаметром 2,5–16,0 м, с каменными обкладками в основании (Лапшин, 1990. С. 71. № 518).

В настоящее время памятник состоит из двух групп – северной и южной, расположенных друг от друга на расстоянии 60 м. На памятнике зафиксировано общей численностью 140 насыпей диаметром 3–10 м, высотой 0,1–1,2 м. Северная группа включает 95 курганов, в том числе наиболее крупные и ранние, концентрирующиеся в юго-западной и центральной частях. Более мелкие насыпи занимают юго- и северо-восточную части рощи. На юго-востоке среди курганов находятся и совсем низкие расплывшиеся насыпи, курганы-жальники 3–4 м в диаметре, у некоторых из них прослеживаются крупные камни в головах и ногах с ориентировкой запад–восток. У западного края группы расположены жальничные погребения, состоящие из каменных оградок, выкладок и рядов, установить точную форму которых сейчас не представляется возможным. По периметру рощи также отмечены многочисленные отдельные камни, возможно, оставшиеся от разрушенных и раскопанных погребальных комплексов. Южная группа включает 44 насыпи, из которых четыре разрушены (№ 102, 104, 125, 137). Тринадцать курганов по южной границе попали между внешним и внутренним периметром ограждений воинской части. Жальничные погребения в этой группе не прослеживаются. Между двумя группами ровно посередине зафиксирован еще один курган № 96. Большинство насыпей повреждены ямами различного происхождения. По краям в разных местах могильник завален мусором (рис. 20).

Большие Борницы 1. Курганный могильник («Курганная группа, 120 насыпей»)

Курганный могильник расположен к северо-востоку от д. Большие Борницы, к северо-западу от шоссе 41А-002 (Гатчина–Волосово–Ополье), с северной стороны ж/д Мга–Гатчина–Веймарн–Ивангород, в смешанном лесу (рис. 3: 32). Первые исследования могильника у д. Большие Борницы

проведены в 1873 (1874?) и 1875 гг. Л.К. Ивановским. По его данным, курганы были насыпаны из супеси с речными камнями и осколками плиты, наверху имели углубления, по основанию обложены камнями, высотой доходили до 8–9 футов (ок. 2,74 м. – *Прим. авт.*). Из раскопанных 73 курганов в 27 «кости истлели, вещей нет», в остальных обнаружены погребения по обряду кремации и ингумации с вещами XII–XIII вв. По состоянию на 1873 (1874?) г. в могильнике насчитывалось более 200 насыпей (Ивановский, 1873. Л. 41–43; 1875. Л. 3–5; Спицын, 1896. С. 62, 63). В 1911 г. выпускником Николаевской военной академии капитаном В.К. Гершельманом здесь были осуществлены раскопки трех курганов – двух «высоких насыпей» и «небольшой насыпи». В больших курганах обнаружены костяки с погребальным инвентарем, в третьем – только череп (Шмелев, 2014. С. 353–355). В 1927 г. окрестности д. Большие Борницы осмотрены Б.А. Коишевским и Л.С. Генераловой. Согласно их наблюдениям, курганный могильник располагался в низине и только на севере поднимался по склону холма и шестью насыпями заходил в лес. В могильнике ими было насчитано 204 насыпи. В южной и восточной его частях располагались курганы высотой до 2 м с крутыми склонами и углублениями на вершинах, в северо-восточной части – расплывчатые насыпи высотой от 0,5 до 1 м. Все курганы отмечены как круглые в плане, обложенные по основанию валунами. На многих курганах зафиксированы следы раскопок ямами сверху. Часть могильника к западу, по их предположению, была распахана (Коишевский, Генералова, 1927. Л. 2 об. – 3; 1931. Д. 69. Л. 3–6).

В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 120 насыпей» поставлен на учет по адресу: Гатчинский район, Большеколпанский с/с, в 150 м к СЗ от д. Большие Борницы, вдоль ж/д (Решение, 1978. П. 143). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Большие Борницы. Курганный могильник» (Лапшин, 1990. С. 72, 73. № 532).

В 2003 г. в связи с проектируемой комплексной реконструкцией участка железной дороги Мга–Гатчина–Веймарн–Ивангород разведочным отрядом ИИМК РАН могильник был локализован на местности, осмотрен, снят план. В соответствии с проектом реконструкции железной дороги при прокладке второй линии путей возникла угроза разрушения курганов, примыкающие с севера к существующей железнодорожной линии, что и обусловило необходимость проведения спасательных работ на данном участке (Килуновская, Семенов, 2006).

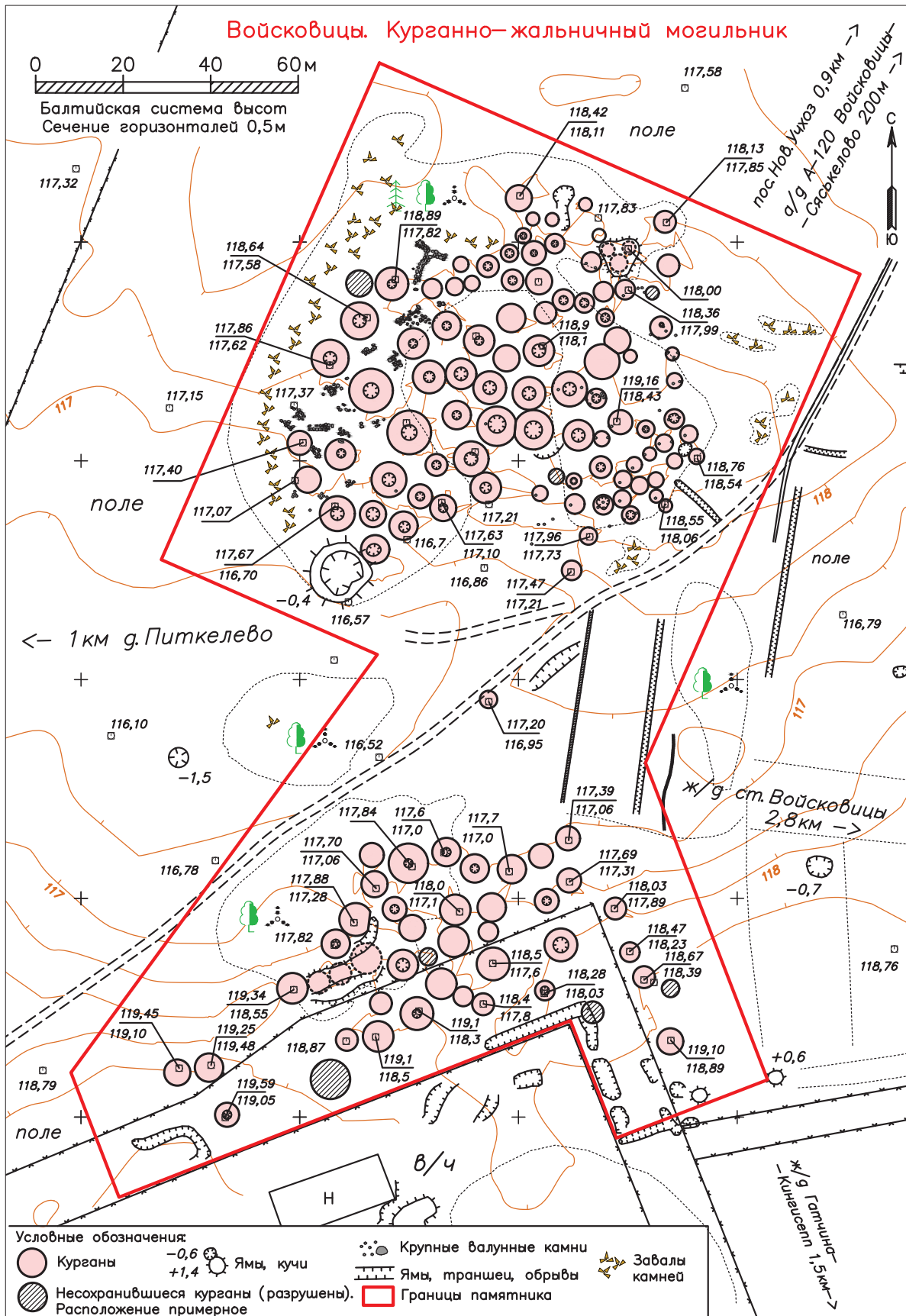

Рис. 20. Войсковицы. Курганно-жальничный могильник. Топографический план. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

Спасательные работы 2004 г. осуществлены экспедицией ИИМК РАН под руководством С.Г. Попова. В южной части могильника были раскопаны четыре насыпи, непосредственно примыкавших к полотну железной дороги (№ 8, 13, 31, 44). В курганах были выявлены погребения по обряду труположения, погребальный инвентарь, следы тризны, изучены конструкции насыпей: подкурганые площадки, ровики, каменные обкладки в 2–6 рядов, каменные выкладки, ямы. В межкурганном пространстве раскрыты каменные вымостки, ритуальные ямы, кости жертвенных животных, кострища. С.Г. Попов датирует исследованные курганы XI–XIII вв. (Попов, 2006. С. 45–74). В 2008 г. в связи с проектом реконструкции железной дороги спасательными раскопками под руководством К.В. Шмелева было исследовано 20 курганов южной части могильника вдоль железнодорожного полотна. В большей части исследованных насыпей зафиксированы погребения на поверхности подготовленной площадки, как правило, окруженной серповидными ровиками с перемычками. В ряде случаев прослежено несколько захоронений на уровне материка и впускные в насыпи кургана. Ориентация погребений западная, северо-западная и северная. Характерной особенностью раскопанных курганов являлись кольцевые обкладки курганов из известняковой плиты и гранитных валунов. В ряде случаев наиболее крупные камни размещались в головах и ногах костяка. Также, как и в 2004 г., между курганами были обнаружены каменные вымостки, в том числе со следами кострищ, костями животных и битыми керамическими сосудами. По мнению Ю.М. Лесмана, основная часть исследованных в 2008 г. комплексов датируется второй половины XII – началом XIV в., но отдельные погребения он отнес к более раннему времени – ко второй половине XI – XII в. Экспедицией был дополнен план могильника 2003 г., зафиксировавший на памятнике к началу работ 102 насыпи, разделенные на две группы – северную и южную (Шмелев, 2009; 2014; 2015). В 2011 г. в продолжение работ при разработке раздела обеспечения сохранности объектов культурного наследия по проекту реконструкции электрофикации железнодорожных путей участка Гатчина–Веймарн–Лужская на могильнике проведена фотофиксация, уточнены границы с координатами поворотных (характерных) точек, составлена план-схема с указанием местоположения памятника и зоной его распространения, представлен комплекс мер и мероприятий, необходимых для предотвращения повреждения или разрушения памятника в ходе проведения строительных работ (Лаборатория, 2011).

В настоящее время памятник состоит из трех частей: северной в смешанном лесу на всхолмлении

с северо-восточной стороны от противотанкового рва; центральной на краю леса с южной стороны от противотанкового рва; южной в островке леса и кустарника между железной дорогой и полем с проселочной дорогой. Еще один курган обнаружен в 167 м к западу от северной группы на краю леса и поля, в 6 м к северу от противотанкового рва. Всего в могильнике зафиксировано 115 насыпей, вытянутых по оси север–юг на расстояние 250 м. Курганы полусферической формы насыпи, округлые в плане, диаметром 4–8 м, высотой 0,5–2,0 м, с ровиками и каменной обкладкой из плитняка и валунов до нескольких рядов в высоту по основанию насыпей. Значительное количество курганов повреждены ямами различного происхождения, в первую очередь, грабительскими. Через территорию могильника проходит глубокий (до 2–3 м) противотанковый ров времен Великой Отечественной войны, кабель, полевые и лесные дороги. Следует полагать, что значительная площадь курганов на поле к западу от основного массива курганов распахана, а также повреждена еще во второй половине XIX в. при строительстве железной дороги в южном секторе памятника. Вдоль железнодорожной насыпи на южном краю находятся отвалы раскопок 2004 и 2008 гг. (рис. 21).

Вопша 1. Курганно-жальничный могильник («Курганная группа, 46 насыпей»)

Курганно-жальничный могильник расположен к юго-западу от д. Вопша, к юго-востоку от федеральной трассы Р-23 «Псков» (Киевское шоссе), в небольшой лиственной роще посреди пахотного поля (рис. 3: 33). В 1873 г. Л.К. Ивановским в окрестностях д. Вопша проведены исследования в трех курганных группах. В первом могильнике, «на Сиворицкой границе» у Сиворицкой усадьбы им были раскопаны 39 курганов. Во второй группе, по данным дневников, раскопано 23 кургана, но, по сведениям А.А. Спицына, в коллекции есть вещи с отметкой курганов по № 58, то есть возможно было раскопано 58 насыпей. В третьей группе раскопано 16 насыпей. Всего в трех могильниках было исследовано 78 или 113 курганов, из них в 24 «кости истлели, вещей нет», в остальных найдены погребения по обряду ингумации с вещами XII–XIII вв. (Ивановский, 1873. Л. 5; Спицын, 1896. С. 102, 103).

В 1974 г. Е. А. Рябининым «к северу от р. Суйды, на островке лиственного леса в 1500 м к юго-западу от деревни» была найдена одна из курганных групп, раскопанных Л.К. Ивановским в 1873 г. Экспедицией был снят план 47 погребальных комплексов. По сведениям Е. А. Рябинина, могильник включал курганы высотой 1,0–1,5 м, невысокие насыпи,

Рис. 21. Большие Борницы 1. Курганный могильник. Топографический план. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

а также круглые и четырехугольные жальники. Большинство курганов было обложено камнями по основанию. Древнейшее ядро могильника располагалось в его северо-восточной части. Согласно плану 1974 г. в северо-восточной части могильника располагалось семь крупных насыпей высотой 0,80–1,50 м и диаметром около 7–12 м. К западу и югу от них курганы высотой 0,40–0,70 м, диаметром 4–6 м, а также совсем небольшие насыпи высотой 0,15–0,30 м с каменной обкладкой и без нее (жальники и курганы-жальники) и один жальник с прямоугольной каменной оградкой, ориентированный по оси север–юг (Рябинин, 1975. Д. 115. Рис. 73; Паспорт, 1978а). В 1978 г. памятник под названием «Курганный комплекс, 46 насыпей» поставлен на государственный учет по адресу: Гатчинский район, Большеколпанский с/с, 1500 м к ЮЗ от д. Вопша (Решение, 1978. П. 144). В тот же год старшим научным сотрудником НИСа ЛГУ Ю.Н. Урбаном составлен Паспорт памятника под названием «Могильник у д. Вопша» по адресу: «Ленинградская обл., Гатчинский р-н, Большеколпанский с/с, в 1,5 км юго-западнее д. Вопша» (Паспорт, 1978а). По мнению В.А. Лапшина, в 1974 г. Е.А. Рябинин обследовал первый в описании

Л.К. Ивановского могильник «на Сиворицкой границе». В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Вопша-1. Курганно-жальничный могильник» XII–XIII в. (Лапшин, 1990. С. 73. № 538). Остальные две курганные группы, известные по раскопкам 1873 г., в «Археологической карте» отмечены как несохранившиеся «Вопша-2» и «Вопша-3» (Лапшин, 1990. С. 73. № 539, 540).

В настоящее время памятник включает 34 видимых погребальных комплекса: крупные курганы и небольшие насыпи высотой 0,2–1,1 м, диаметром 3,0–10,3 м (курганы-жальники и жальники), а также один жальник (№ 7) с прямоугольной оградкой размерами 2,2 × 1,4 м, вытянутый по оси север–юг. Древнейшее ядро могильника располагалось в его северо-восточной части, где находятся наиболее крупные насыпи, в юго-западной части низкие, небольшого диаметра курганы и курганы-жальники. У ряда комплексов прослежены отдельные камни обкладок по основанию. Двадцать пять насыпей № 1–6, 8–10, 15, 16, 18, 19, 21–28, 30–34 повреждены ямами различного происхождения, также и в межкурганном пространстве расположены многочисленные выемки. От самого крупного

кургана (№ 31) диаметром 10,3 м и высотой до 1,1 м сохранилась только часть северной и северо-западной половины. Западная часть могильника завалена бытовым мусором, здесь же вдоль границы роши расположен вал из камней, свезенных с поля (рис. 22).

Таровицы 1. Курганно-жальничный могильник («Курганная группа, 200 насыпей»)

Курганно-жальничный могильник расположен у северо-западного края д. Таровицы, по обе стороны от грунтовой дороги, в лиственной роше (рис. 3: 30). Первые исследования в могильнике у д. Таровицы проведены Л.К. Ивановским в 1875 г., раскопавшим здесь 97 насыпей и жальников (клетки). В 42 курганах «кости истлели, вещей нет», два кургана «расхищены», в остальных найдены погребения по обряду ингумации с вещами XII–XIII вв. Находки в жальниках (клетках) единичны. По сведениям Л.К. Ивановского, группа курганов располагалась полукругом у южного основания горы, покрытых старым лесом, и, отчасти, по северному склону. Курганы имеют от 3 до 7 фут. вышины (1,0–2,2 м. – *Прим. авт.*), обложены валунами, насыпаны из песка, частью из суглинка. В курганах многие скелеты были расположены в сидячем положении, но в целом погребения были «в беспорядке и обобраны». Северную часть верхней площадки занимали «каменные могилы (клетки)», т. е. жальники, обложенные рядом валунов «в виде правильного четырехугольника, или же овала на прямом основании; в головах и ногах каменная обкладка заключает по валуну больших размеров». Жальники были выкопаны в «крепком суглинке», покойники погребены в лежащем положении на глубине 0,7–1,4 м, «в ногах горшки» (Ивановский, 1875. Л. 14 об.; Спицын, 1896. С. 60, 61).

В 1927 г. окрестности д. Таровицы осмотрены Б.А. Коишевским и Л.С. Генераловой. Согласно их описанию, местность здесь представляет собой холмистую равнину моренного образования, д. Таровицы расположена на холме, кольцом огибающем небольшую котловину. Западная и южная часть этого холма заняты деревней, так как на северной ее части, заросшей густым кустарником, расположен могильник, состоящий из курганов и жальничных погребений. Курганы высотой 1–2 м имеют коническую форму со сглаженной вершиной, круглые в плане с обкладкой валунами по основанию. Жальники, занимающие северо-восточную часть могильника, с каменной оградкой овальной или четырехугольной формы в плане, имеют насыпь расплывчатых очертаний. Всех погребальных комплексов было насчитано около 300, большинство которых уже раскопано. В самой деревне у северо-восточного склона холма ими отмечено одно

четырёхугольное жальничное погребение и над ним на холме два каменных креста (Коишевский, Генералова, 1927. Л. 4 об. – 5; 1931. Д. 69. Л. 7–9).

В 1975 г. памятник обследован В.А. Кольчатовым. По сведениям экспедиции, заросший густым орешником могильник, располагался в 60 м к северу от крайних домов деревни и состоял из 60 курганов высотой 0,4–1,1 м, диаметром 6–8 м с крутыми склонами. Часть курганов была раскопана, вокруг некоторых отмечена каменная обкладка по основанию. Жальники не прослежены, только отдельные камни «в бескурганном пространстве в нерегулярной кладке» (Кольчатов, 1975. Л. 3 об. – 6). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 200 насыпей» поставлен на государственный учет по адресу: Гатчинский район, Елизаветинский с/с, д. Таровицы (Решение, 1978. П. 146).

В 1984 г. В.А. Лапшиным при осмотре памятника у д. Таровицы было отмечено, что он находится к северу от центральной части д. Таровицы на небольшом возвышении. Раскопанные погребения (вероятно, Л.К. Ивановским) располагались в северо-восточной части объекта, но в целом могильник в хорошем состоянии. Несколько погребений пострадали при расширении дороги, проходящей через него, при этом, со слов местных жителей, находили «бусы и монеты». С севера вплотную к могильнику построен скотный двор, а с юго-запада – склад горючего. Памятнику присвоено название курганно-жальничный могильник Таровицы-1 (Лапшин, 1984. Д. 71. Л. 15, 16; Д. 72. Табл. 49).

В 1988 г. в ходе паспортизации памятник обследован Е.М. Колпаковым, снят глазомерный план 271 насыпи, расположенных в густом кустарнике по обеим сторонам дороги на свиноферму. По данным исследователя, насыпи полусферические диаметром 3–12 м, высотой 0,3–2,0 м, многие имеют круговые каменные обкладки или отдельные крупные валуны в основании; 41 насыпь раскопана ямами по центру, три кургана разрушены траншеями, четыре наполовину разрушены дорогой. Жальничные ограды не прослежены (Колпаков, 1988. Л. 2, 3. Рис. 6). В 1989 г. Е.М. Колпаковым составлен паспорт памятника под названием «Курганная группа у д. Таровицы» по адресу: «Ленинградская обл., Гатчинский р-н, Елизаветинский с/с, д. Таровицы, 3 деревни» (Паспорт, 1989). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Таровицы-1. Курганно-жальничный могильник» XII–XIII в. (Лапшин, 1990. С. 71, 72. № 519).

В настоящее время памятник состоит из 336 видимых погребальных комплексов – насыпей

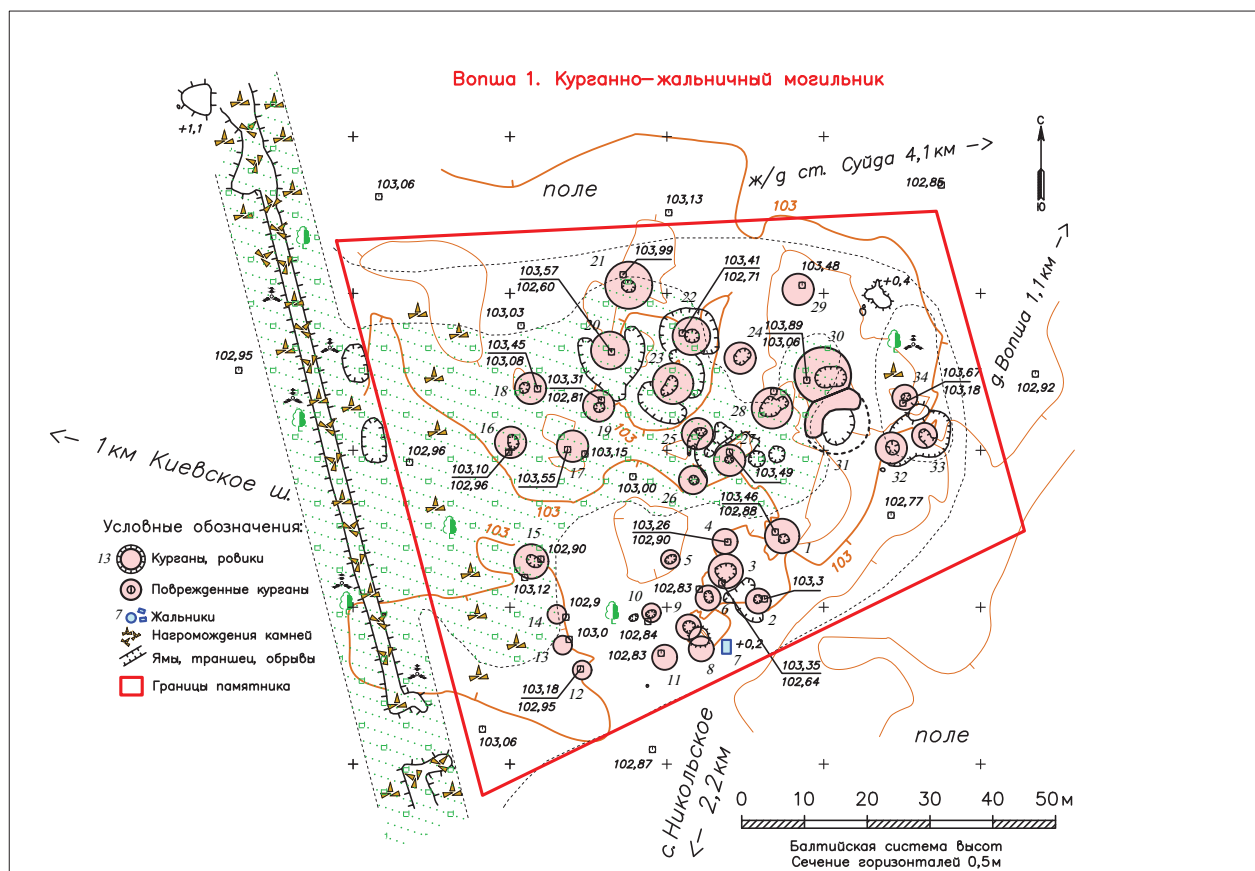

Рис. 22. Воиша 1. Курганно-жальничный могильник. Топографический план. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

полусферической или сегментовидной формы высотой 0,37–2,54 м, диаметром 3,5–11,0 м. Самые крупные курганы высотой 1,70–2,54 м (11 экземпляров) концентрируются в южной части могильника, вторая группа насыпей высотой 1,28–1,70 м (48 экземпляров) – в южной, юго-западной и северо-восточной частях могильника. Между крупными насыпями северо-восточной части и южными частями разрыв составляет около 200 м. Возможно, это свидетельствует о том, что памятник первоначально состоял из двух отдельных кладбищ, слившихся в единый могильник в более позднее время. В центре и по окраинам расположены более мелкие курганы и совсем небольшие с еле заметной насыпью, вероятно, относящиеся уже к курганам-жальникам и жальникам округлой формы. У ряда курганов и курганов-жальников прослежена каменная обкладка по основанию. Большинство насыпей повреждены ямами различного происхождения, ряд больших ям отмечен в межкурганном пространстве. Через могильник проходит грунтовая дорога к месту бывшей свинофермы, разрушившая часть памятника и наполовину до пяти курганов (№ 55, 56, 59, 60, 63). С юго-

востока вплотную подступают участки и строения д. Таровицы, на северном краю некрополя расположена заброшенная водонапорная башня и остатки от скотного двора, в ряде мест отмечены свалки мусора. В центре памятника на поверхности обнаружено до 15 черепов коров, возможно, в советское время памятник использовался как скотомогильник. Местное название «Шведские могилы» (рис. 23).

«Курганная группа, более 70 курганов»

Памятник под названием «Курганная группа, более 70 курганов», поставленный на учет по адресу: Гатчинский район, Минский с/с, д. Введенская (Решение, 1978. П. 147), в археологической историографии не упоминается (рис. 3: 41). Со второй половины XIX в. известен курганный могильник у одноименной д. Введенская (ныне не существует), но в Волосовском районе (Коишевский, Генералова, 1931. Д. 61; Лапшин, 1990. С. 96. № 722). Возможно, ошибка при постановке на учет в 1978 г. заключалась в том, что д. Введенская Волосовского района к 1978 г. уже не существовала, и памятник из Волосовского района приписали к одноименной деревне Гатчинского района.

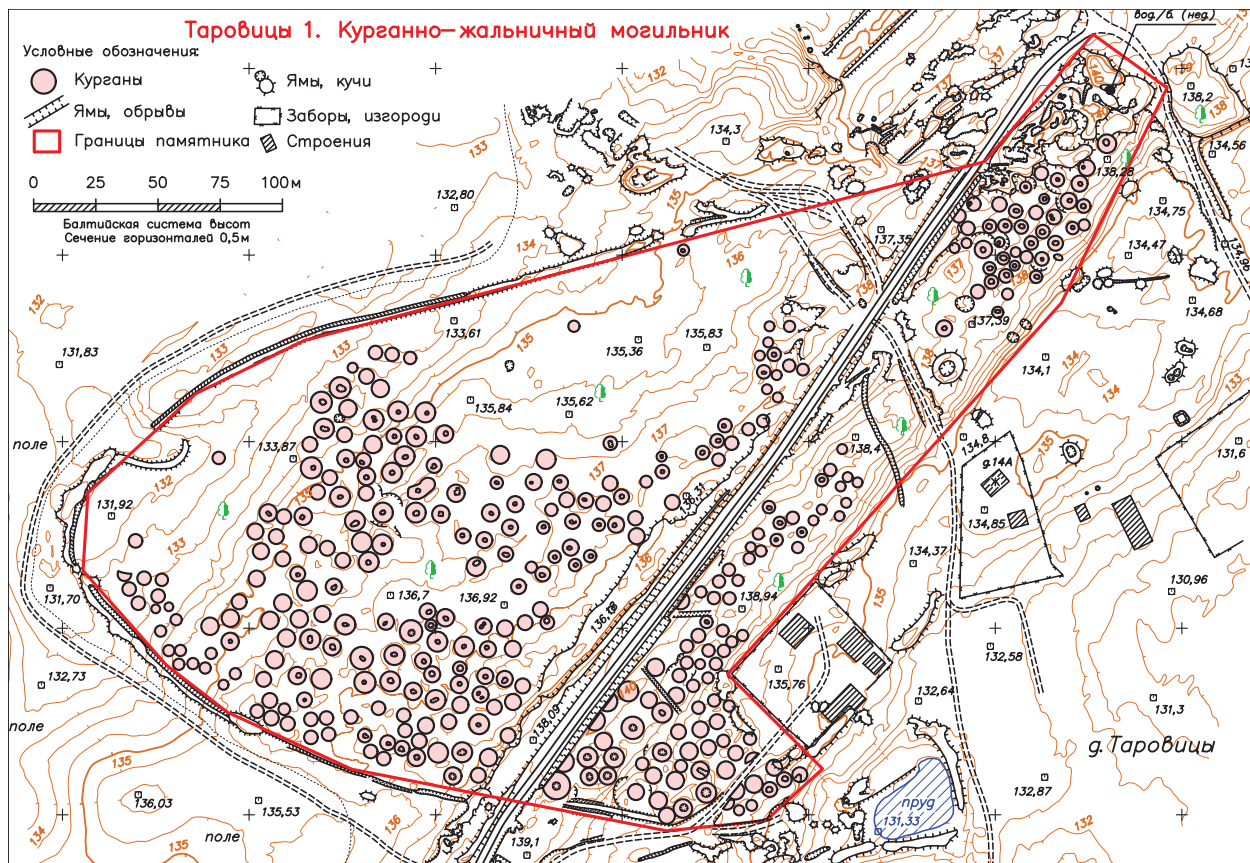

Рис. 23. Таровицы 1. Курганно-жальничный могильник. Топографический план. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

Межно. Курганный могильник («Курганная группа, 2 кургана»)

Первые исследования у д. Межно проведены Л.К. Ивановским в 1873 или 1874 г., раскопавшим здесь 28 «песчаных курганных насыпей с каменной обкладкой». В 11 курганах «кости истлели, вещей нет», в остальных найдены погребения по обряду ингумации с вещами XII–XIII вв. (Ивановский, 1873. Л. 30 об. – 31; 1877. С. 226–230; Спицын, 1896. С. 107, 108) (рис. 4: 34).

В 1974 г. Ю.М. Лесманом в д. Межно на приусадебном участке с северо-западной стороны от перекрестка улиц Центральная и Новая обнаружены два кургана. Более крупный имел подовальную форму размерами 5,0 × 7,5 м и высоту 1,2 м. Второй курган – небольшая насыпь высотой 0,3 м и диаметром 3 м. У большой насыпи сохранилась каменная обкладка в основании. Курганы в силу их местоположения были отнесены к числу аварийных (Рябинин, 1975. Д. 114. Л. 21; Д. 115. Рис. 63; Лапшин, 1990. С. 74. № 550). В 1978 г. насыпи, обнаруженные Ю.М. Лесманом в 1974 г., под названием «Курганная группа, 2 кургана» поставлены на государственный учет Решением Леноблисполкома

№ 271 от 10.07.1978 по адресу: Гатчинский район, Рождественский с/с, д. Межно (Решение, 1978. П. 149). В тот же год старшим научным сотрудником НИСа ЛГУ Ю.Н. Урбаном составлен паспорт памятника «Могильник у д. Межно» по адресу: Ленинградская обл., Гатчинский р-н, на огородах д. Межно (Паспорт, 1978б). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Межно. Курганная группа» XII–XIII в. (Лапшин, 1990. С. 74. № 550).

В 2014 г. в ходе работ по мониторингу современного состояния и использования памятников археологии в южной части д. Межно на левом (северном) берегу р. Оредеж, напротив действующего кладбища, с западной стороны от дороги в д. Большево (41К-511) и с восточной стороны от ограды участка дома № 3 по Шоссейной улице, И.В. Стасюком зафиксированы две поврежденные насыпи высотой 0,9 и 1,2 м, диаметром 5 и 6 м, которые были соотнесены с двумя курганами, зафиксированными Ю.М. Лесманом в 1974 г. (Стасюк, 2014. С. 44–46; Стасюк, Хмелевский, 2017. С. 204–208). И.В. Стасюк также предположил, что обнаруженные им насыпи являются остатками могильника, исследованного

в 1873 или 1874 гг. Л.К. Ивановским, и в качестве доказательств привел план земель д. Межно 1799 г.¹⁰, на котором у южного края деревни на берегу р. Оредеж обозначено «Кладбище» в виде 14 или более овалов. По мнению исследователя, здесь показана курганная группа из «18 отдельных насыпей», местоположение которых совпадает с расположением двух насыпей, зафиксированных им в 2014 г. Однако соотнесение обнаруженных в 2014 г. двух насыпей с поставленным на учет курганным могильником Межно является неверным. Судя по ситуационному плану Ю.М. Лесманом 1974 г., два кургана располагались в 240 м севернее этого места, у перекрестка улиц Центральная и Новая, на участке по современному адресу: ул. Центральная, д. 13. При осмотре территории у перекрестка улиц Центральная и Новая по адресу: ул. Центральная, д. 13 в 2022 г. курганные насыпи уже не были обнаружены, за оградой расположен полностью разработанный частный участок, разбиты грядки и клумбы, стоят постройки. Цветочная клумба обложена валунами, возможно из обкладки большого кургана. В силу своего местоположения курганные насыпи еще в 1974 г. были отнесены к числу аварийных.

Большево. Курганно-жальничный могильник («Курганная группа, 15 насыпей»)

Объект «Курганная группа, 15 насыпей» расположен в 400 м к северо-востоку от д. Большево, в 450 м к югу от ж/д переезда, в 250 м к юго-востоку от шоссе 41К-467 (шоссе 41К-099 – д. Большево), с западной стороны от Варшавской ж/д (рис. 4: 35). Первые исследования могильника у д. Большево были проведены Л.К. Ивановским в 1873 или 1874 г., раскопавшим здесь 48 курганов из «красного сыпучего песку». В 31 кургане «кости ислтели, вещей нет», в остальных найдены погребения «в очень неглубоких» грунтовых ямах по обряду ингумации с вещами XIII–XIV вв. (Ивановский, 1873. Л. 28–30; Спицын, 1896. С. 107).

В 1974 г. Ю.М. Лесманом в составе отряда экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Е.А. Рябинина в 300 м (в тексте отчета) или 500 м (по плану) к северо-востоку от д. Большево, у железной дороги, зафиксировано 15 насыпей высотой 0,40–0,70 м и круглых жальников высотой 0,10–0,25 м. Снят ситуационный план (Рябинин, 1975. Д. 114. Л. 22; Д. 115. Рис. 68). В 1978 г.

насыпи, обнаруженные Ю.М. Лесманом в 1974 г., под названием «Курганная группа, 15 насыпей» поставлены на государственный учет по адресу: Гатчинский район, Рождественский с/с, в 500 м к СВ от д. Большево (Решение, 1978. П. 150). В тот же год сотрудником НИСа ЛГУ Ю.Н. Урбаном составлен паспорт памятника «Могильник у д. Большево» по адресу: «Ленинградская обл., Гатчинский р-н, Рождественский с/с, в 0,5 км северо-восточнее д. Большево» (Паспорт, 1978в). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Большево. Курганно-жальничный могильник» XIII–XIV вв. (Лапшин, 1990. С. 74. № 551).

В результате осмотра объекта «Курганная группа, 15 насыпей» нами установлено, что на вытянутой вдоль железной дороги гряде расположено несколько всхолмлений и отдельных задернованных насыпей (куч), образованных при строительстве железной дороги. У насыпей отсутствуют характерные элементы древнерусских курганов: ровики, каменная обкладка по основанию, а также следы от раскопок грабителей. Некоторые всхолмления и насыпи повреждены ямами для выборки песка. Аналогичные многочисленные кучи расположены и с противоположной стороны от железнодорожного полотна. Л.К. Ивановский в 1873 или 1874 г. в могильнике у д. Большево раскопал 48 курганов колодцами, но ни одна из насыпей объекта не имеет следов этих раскопок. Следует отметить, что железная дорога Санкт-Петербург–Варшава, разрезавшая гряду на две узкие части, построена в 1852–1862 гг., соответственно, здесь не мог располагаться могильник, состоящий из более чем 48 насыпей и раскопанный Л.К. Ивановским в 1873 или 1874 гг. Объект «Курганная группа, 15 насыпей» памятником археологии не является.

Дивенский. Курганно-жальничный могильник («Курганная группа, 64 насыпи»)

Курганно-жальничный могильник расположен к юго-востоку от ж/д станции Дивенская, к юго-юго-западу от д. Заозерье, на левом берегу р. Лутинка, с северной стороны от старой грунтовой дороги из пос. Дивенской в д. Заозерье, в смешанном лесу на песчаной гряде (рис. 4: 36). Памятник выявлен в 1974 г. Ю.М. Лесманом в составе отряда экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Е.А. Рябинина. По сведениям полевого отчета, «к югу от р. Оредеж в 300 м от пос. Дивенский» зафиксирована 61 курганная насыпь высотой от 0,30 до 1,80 м. Некоторые курганы имели круговые ровики, некоторые обложены камнями по основанию. Значительная часть насыпей была повреждена шурфами. К югу от грунтовой дороги прослежены камни четырехугольного

¹⁰ «План земель д. Межно мызы Мариенгофской владения отставной инспектриссы воспитательного дома благородного общества девиц М.О. Деман», 1799 г. Хранится в фонде Межевого отделения Петербургской губернии в ЦГИА СПб.

жальника (Рябинин, 1975. С. 23. Рис. 76). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 64 насыпи» поставлен на государственный учет по адресу: Гатчинский район, Рождественский с/с, 300 м к востоку от пос. Дивенская (Решение, 1978. П. 151). В том же году Ю. Н. Урбаном составлен паспорт памятника «Могильник у пос. Дивенская» (Паспорт, 1978г). В 1984 г. этот же могильник обследован В. А. Лапшиным, ошибочно обозначившим его как вновь выявленный «Курганный могильник Заозерье». По сведениям В. А. Лапшина, группа располагалась в 5 км к югу от озера и д. Заозерье и в 4 км к юго-востоку от станции Дивенская на левом берегу р. Лутинка у дороги от Дивенской в Заозерье, на песчаной гряде. Зафиксировано 72 насыпи диаметром 2–9 м и высотой 0,3–1,4 м с кольцевыми каменными обкладками по основанию. Почти все раскопаны колодцем. Местные названия – «Шведские могилы» и «Шведские горы». По информации от местных жителей, лет 30 назад раскопки проводил учитель со школьниками, находили человеческие кости и пластинчатые браслеты (Лапшин, 1984. Д. 71. Л. 11–13; Д. 72. Рис. 38). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник ошибочно учтен

как два разных объекта: «Заозерье-2. Курганная группа» и «Дивенский. Курганно-жальничный могильник» (Лапшин, 1990. С. 77. № 565, 566). В своде также неверно указано расположение курганно-жальничного могильника Дивенский в «0,3 км к западу от поселка». В действительности, Е. А. Рябинин на плане указывал 0,3 км к востоку от поселка, что также неверно, так как расстояние от юго-восточной границы пос. Дивенский до памятника составляет 2 км по прямой. В 2000-х гг. памятник неоднократно осматривался сотрудниками ИИМК РАН в связи с проведением хозяйственных работ (Семенов, 2005. Л. 17. Рис. 28–30; Городилов и др., 2008. Л. 17).

По итогам полевых работ 2022 г. из 72 курганов, отмеченных на памятнике в 1984 г., зафиксировано только 39 насыпей диаметром 4,6–7,9, высотой 0,3–1,7 м плохой сохранности. Все курганы повреждены ямами различного происхождения. На территории могильника в прошлые годы осуществлена вырубка и вывоз леса, поэтому некоторые насыпи раздавлены трелевщиком и колесами тяжелой техники. Жальничная оградка, отмеченная в 1974 г. на противоположной стороне грунтовой дороги не обнаружена (рис. 24).

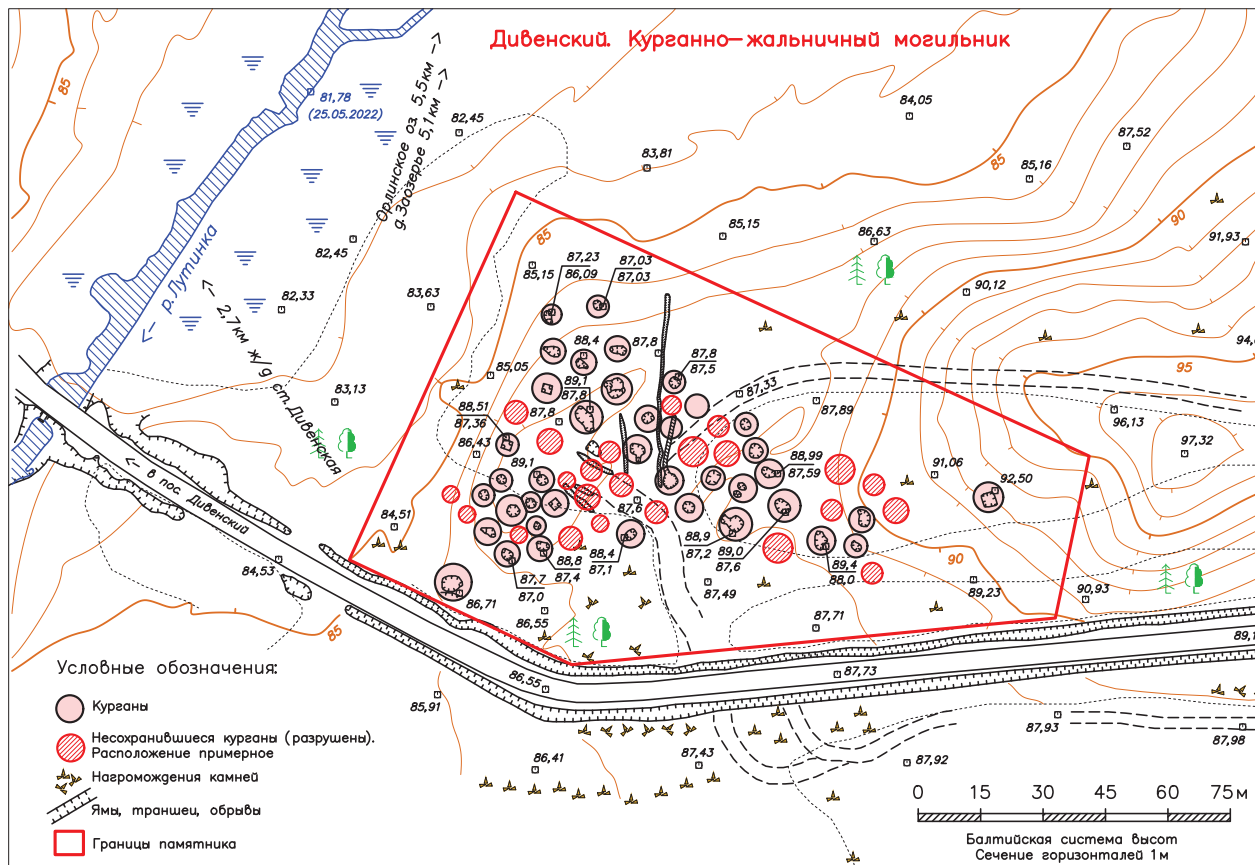

Рис. 24. Дивенский. Курганно-жальничный могильник. Топографический план. Съёмка ЦСА ИИМК 2022 г.

Дивенский 2. Селище

Селище выявлено впервые. Расположено на левом берегу р. Лутинка, в 50 м к западу от курганно-жальничного могильника Дивенский, на распаханном поле (рис. 4: 37). На площади около 30000 кв. м (3 га) собрано 113 фрагментов древнерусской и позднесредневековой круговой керамики XII–XVII вв. Границы памятника установлены предварительно, на основании сбора подъемного материала. Более подробные итоги исследования приведены в отдельной статье данного сборника.

Новосиверская 2. Курганный могильник («Курганная группа, 4 насыпи»)

Памятник расположен у южной границы д. Новосиверская, на правом коренном берегу р. Оредеж, у оврага (рис. 4: 39). В 1873 г. в двух могильниках у д. Новосиверская Л.К. Ивановским раскопано более 300 курганов (Спицын, 1896. С. 103–106). В 1974 г. Ю.М. Лесманом, работавшим в составе 4-го отряда археологической экспедиции ЛОИА под руководством Е.А. Рябинина на правом берегу р. Оредеж в 270 м к востоку от д. Новосиверская по обе стороны оврага зафиксирована курганная группа из четырех невысоких насыпей (Рябинин, 1975. Д. 114. С. 21, 22; Д. 115. Рис. 66). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 4 насыпи» поставлен на государственный учет по адресу: Гатчинский район, Сиверский с/с, в д. Новосиверская (Решение, 1978. П. 153). В том же году Ю.Н. Урбаном составлен паспорт памятника «Могильник № 2 у д. Ново-Сиверская» (Паспорт, 1978д). В паспорте указана высота насыпей 0,3–0,4 м, диаметр 5–7 м, курган № 1 имеет в основании кольцевую каменную обкладку, курган № 4 отделен от остальных небольшим оврагом. В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Новосиверская-2. Курганная группа» (Лапшин, 1990. С. 74. № 555).

В ходе полевых работ 2022 г. с восточной стороны оврага, с северной стороны от грунтовой дороги к СНТ «Белогорка», на самом краю коренного берега р. Оредеж среди молодого лиственного леса и кустарника, были обнаружены два кургана (№ 1, 2), отмеченные в 1974 г. Курганы представляют собой округлые в плане, низкие уплощенные насыпи размерами 5,5 × 6,0 и 5,1 м, высотой 0,4 и 0,3 м. Оба повреждены по центру большими ямами размерами 1,5 × 1,5 м. На месте кургана № 3 расположена невыразительная уплощенная бесформенная насыпь размерами 3,2 × 5 м, высотой 0,4 м, возможно, разрушенный курган. В овраге, предположительно на месте кургана № 4, находится небольшое возвышение

размерами 2,7 × 3,3 м, высотой 0,4 м, являющееся или полуразрушенным курганом или останцом в результате разрушения берега. В 20 м к западу от кургана № 4, с южной стороны от грунтовой дороги, на вырубке под ЛЭП, зафиксированы еще две насыпи (№ 5, 6), возможно, являющиеся остатками «полевой» курганной группы, раскопанной Л.К. Ивановским в 1873 г. Насыпь № 5 подовальная в плане, размерами 4,1 × 7,3 м, высотой 0,3 м, по центру повреждена ямой. Насыпь № 6 округлая в плане, низкая насыпь, размерами 5,6 × 6,8 м, высотой 0,4 м. У основания прослежены отдельные валуны обкладки (?) (рис. 25).

Белогорка. Курган («Курган»)

Курган расположен в д. Белогорка на правом коренном берегу р. Оредеж, с северной стороны от участка по ул. Садовая д. 1а. (рис. 4: 38). Памятник обнаружен в 1974 г. Ю.М. Лесманом, работавшим в составе отряда ЛОИА под руководством Е.А. Рябинина в пос. Белогорка на самом берегу Оредежского водохранилища, в 100 м от плотины (Рябинин, 1975. Д. 114. Л. 21; Д. 115. Рис. 64). Насыпь высотой 2,1 м и диаметром около 15 м была повреждена в нескольких местах «шурфами и траншеями». Исследователь в дальнейшем полагал, что и топография, и размеры (в публикациях диаметр насыпи указывался 28–30 м) позволяют отнести «курган» к кругу новгородских сопок (Лесман, 2008. С. 65–66). В 1978 г. памятник под названием «Курган» поставлен на государственный учет по адресу: Гатчинский район, Сиверский с/с, пос. Белогорка (Решение, 1978. П. 154). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Белогорка. Курган» (Лапшин, 1990. С. 74. № 556). В 2017 г. курган обследован Е.Р. Михайловой. В результате осмотра в стенках ям в вершине останца прослежены крупные блоки строительного мусора. Е.Р. Михайлова предположила, что «курган» в поселке Белогорка археологическим объектом не является (Михайлова, 2018. С. 51–52).

В настоящее время «Курган» представляет собой поврежденную ямами частично оплывшую насыпь неправильной округлой формы в плане размерами 15,5 × 12,5 м, высотой до 2,2 м, вершина уплощенная. В ямах виден песок, из которого сложена насыпь и валуны разных размеров. На ней растут три крупных дерева, в том числе старая ель. По краю южной полы проходит забор частного участка (рис. 26).

Вырица. Грунтовой могильник («Курганная группа, 3 насыпи»)

Могильник расположен в пос. Вырица, с южной стороны от Сиверского шоссе, к юго-западу от

Рис. 25. Новосиберская 2. Курганный могильник. Топографический план. Съёмка ЦСА ИИМК 2022 г.

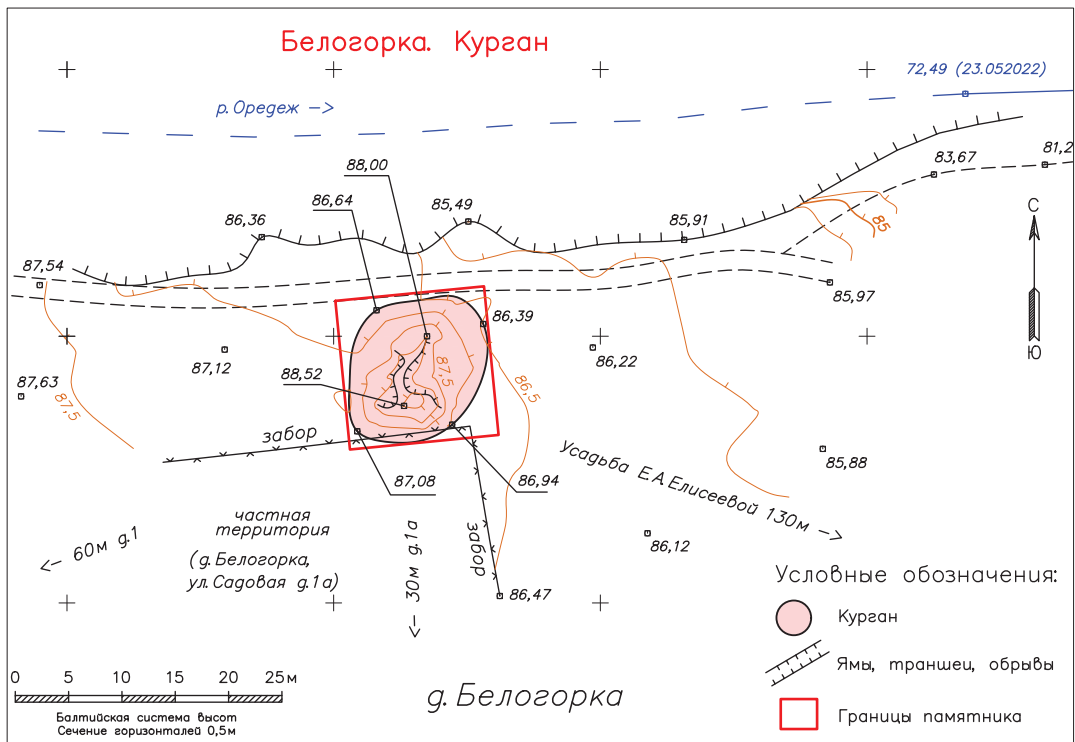

Рис. 26. Белогорка. Курган. Топографический план. Съёмка ЦСА ИИМК 2022 г.

моста через р. Оредеж, на ее левом коренном берегу, на песчаном всхолмлении, заросшем деревьями и кустарником (рис. 4: 40). В 1907 г. в курганном могильнике у д. Вырица несколько погребений было исследовано слушателями Санкт-Петербургского Императорского археологического института. Полученная коллекция металлических украшений X–XII вв., в том числе оплавленных на огне, хранится в Эрмитаже (ГЭ. ОИПК/ОАВЕС, инв. № 703, 708; Паспорт, 1978е; Лесман, 2008). В 1974 г. Ю.М. Лесман в поселке «в углу северо-восточной излучины р. Оредеж, недалеко от впадения в Оредеж р. Суйды», зафиксировал три насыпи (Рябинин, 1975. Д. 114. С. 22; Д. 115. Рис. 67; Лесман, 2008). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 3 насыпи» поставлен на государственный учет по адресу: Гатчинский район, Гатчинский райсовет, в пгт. Вырица, на Береговой улице (Решение, 1978. П. 155). В том же году Ю.Н. Урбаном составлен паспорт памятника под названием «Могильник в пос. Вырица». В паспорте указаны высота насыпей 0,2 м, диаметр 3–4 м. Каменные обкладки и ровики не прослежены (Паспорт, 1978е). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как

«Вырица. Курганная группа» (Лапшин, 1990. С. 75. № 559). В 2019 г. место могильника обследовано Е.Р. Михайловой. Было отмечено, что местное название всхолмления на повороте Береговой улицы «Курган», но сами насыпи, зафиксированные в 1974 г., не прослежены (Михайлова, 2021. С. 187). По мнению И.В. Стасюка, здесь находится поздне-средневековое кладбище располагавшейся рядом с д. Дверница/Дворница писцовых книг, а локализация на данном участке места раскопок курганов Археологическим институтом в 1907 г. маловероятна. При общении с жителями прилегающих к могильнику участков они сообщили ему, что часто находят кости на грядках (устное сообщение).

В наши дни место могильника подвержено сильной антропогенной нагрузке: весь холм изрыт многочисленными ямами, стоят столбы ЛЭП, в грунт забито несколько железных труб, валяется мусор, в 30 м от края холма расположена ограда частного участка. Курганы не прослеживаются, на их месте расположены небольшие кучи грунта. Зафиксированные в 1974 г. три насыпи, скорее всего, являются не курганами, а отвалами земли, образованными при копке карьеров или при иных земляных работах (рис. 27).

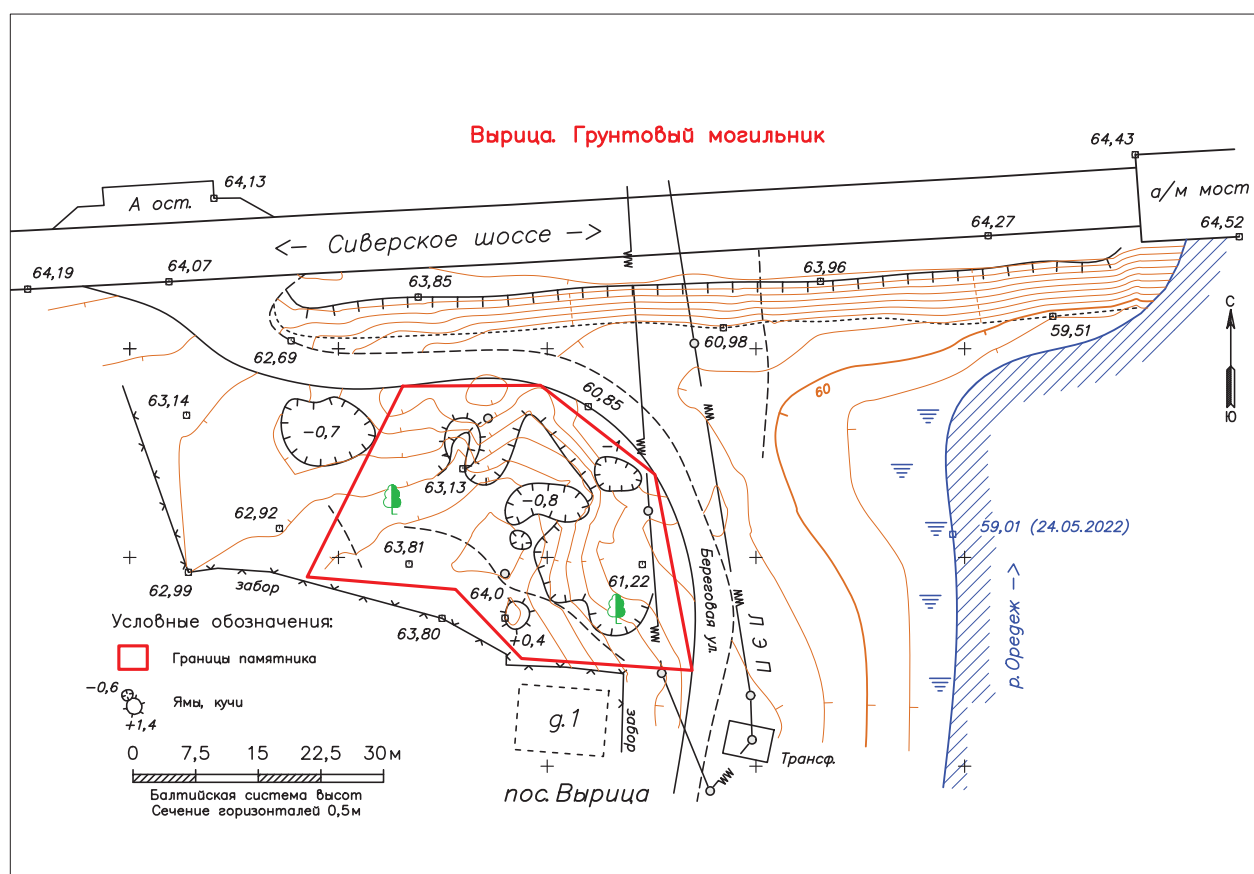

Рис. 27. Вырица. Грунтовый могильник. Топографический план. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

Фьюнатово. Курганно-жальничный могильник («Курганно-жальничная группа, 173 комплекса»)

Курганно-жальничный могильник расположен в 300 м к юго-востоку от шоссе 41К-013 (шоссе А-120 – Волосово), на северо-западной окраине д. Фьюнатово (рис. 3: 29). Памятник открыт в 1974 г. Е. А. Рябининым. По данным полевого отчета, могильник располагался «в непосредственной близости от деревни в 300 м к юго-востоку от шоссе Волосово–Низковицы». В нем было зафиксировано 173 погребальных комплекса, в том числе курганные насыпи, круглые и прямоугольные жальничные могилы (Рябинин, 1975. Д. 114. Л. 16–18; Д. 115. Рис. 42, 42а). В книге «Водская земля Великого Новгорода» Е. А. Рябининым даны несколько иные сведения, по которым могильник, расположенный «на западной окраине деревни», включал 150 курганов и курганов-жальников диаметром 2,5–10,0 м, высотой 0,3–1,7 м, и «не поддающиеся точному учету жальничные могилы на окраине кладбища», часть из которых была ранее «раскопана колодцем». Некоторые насыпи были повреждены проложенной через могильник дорогой. В южной «периферийной» части памятника были раскопаны два погребальных комплекса» (Рябинин, 2001. С. 200, 201). В Кургане № 92 высотой 1 м, диаметром 4,5 м, насыпанном из мешаного суглинка с кольцевой обкладкой из валунов, в могильной яме, углубленной в материк на 0,27–0,32 м, обнаружено женское погребение, ориентированное головой на юго-запад. У левой ключицы находилась круглопроволочная подковообразная фибула со спиральными концами («пряжка» по тексту отчета), а у правой ноги – железный нож. Погребение было датировано XII–XIII в.

Второй исследованный комплекс – жальничная четырехугольная каменная ограда № 130 (по данным полевого отчета) или № 123 (по материалам книги «Водская земля Великого Новгорода») размерами 4 × 3 м, разделенная на три секции и ориентированная по продольной оси с северо-запада на юго-восток. С юго-востока к ограде примыкала вымостка из мелкого булыжника. В секциях, в трех расположенных по одной линии и параллельно друг другу могилах четырехугольной формы глубиной около 0,30 м, встречены захоронения в вытянутом положении юго-западной ориентации. Первое (северное) погребение мужское, безинвентарное. Второе погребение (центральное) женское. По записям в полевом дневнике, у шейных позвонков этого костяка найдена серебряная кольцевидная фибула с шестью наружными лопастями (выступами), украшенная циркульным орнаментом. По материалам книги «Водская

земля Великого Новгорода», среднее погребение безинвентарное. Погребение № 3 (южное) также женское. Инвентарь погребения включал бронзовый витой четверной браслет с петлями на концах, бронзовую подковообразную фибулу с плоскими четырехугольными головками и темные пастовые бусы с кососрезанными краями. В материалах книги «Водская земля Великого Новгорода» фибула в погребении № 3 не упоминается. Под каменной вымосткой на материке обнаружен плохо сохранившийся костяк ребенка без инвентаря, ориентированный головой на юго-запад. Жальничный комплекс датирован XIV в. (Рябинин, 1975. Д. 114. Л. 16–18; 1976; 2001. С. 200, 201).

В 1977 г. Е. А. Рябининым на том же участке были исследованы еще два кургана-жальника. В округлой насыпи № 109 высотой 0,6 м и размерами 3,2 × 4,0 м с кольцевой каменной обкладкой на глубине 0,83–0,86 м в могильной яме найден костяк подростка без вещей, ориентированный головой на запад. В округлой насыпи № 132 (по полевому дневнику) или № 123 (по материалам книги «Водская земля Великого Новгорода») высотой 0,12–0,45 м и размерами 2,4 × 2,7 м с кольцевой обкладкой из валунов в могильной яме на глубине 0,80–0,90 м находился костяк взрослого человека с западной ориентировкой без вещей. Погребения в курганах-жальниках исследователем были датированы XII–XIII вв. (Рябинин, 1977. Л. 1–10; 2001. С. 200, 201). В 1976 г. Е. А. Рябининым на памятник подготовлен паспорт под названием «Курганно-жальничный могильник» X–XIV вв. по адресу: Ленинградская область, Гатчинский р-н, д. Фьюнатово. В документе указан состав могильника из 173 погребальных комплексов, расположение в центре древнейшего ядра из насыпей высотой 1,5–2,5 м, к которому примыкают более поздние захоронения – круглые и прямоугольные жальничные могилы. У большинства курганных насыпей отмечена кольцевидная каменная обкладка основания (Паспорт, 1976). В 1978 г. памятник под названием «Курганно-жальничная группа, 173 комплекса» поставлен на государственный учет по адресу: Гатчинский район, Елизаветинский с/с, на ЮЗ краю д. Фьюнатово (Решение, 1978. П. 156). В тот же год Ю. Н. Урбаном составлен еще один Паспорт памятника под названием «Могильник у дер. Фьюнатово» XI–XIV вв. по адресу: Ленинградская обл., Гатчинский р-н, Елизаветинский с/с, за огородами юго-западной окраины д. Фьюнатово. В документе описываются работы Е. А. Рябинина 1974 г, но отсутствует упоминание об исследованиях 1977 г. (Паспорт, 1978ж). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Фьюнатово.

Курганно-жальничный могильник». В своде отсутствует упоминание об исследованиях Е. А. Рябина в 1977 г. Раскопанный в 1974 г. курган датируется XII–XIII в., а жальничный комплекс XIV в. (Лапшин, 1990. С. 70. № 513).

К настоящему времени памятник сохранился в сильно разрушенном состоянии в результате хозяйственной и строительной деятельности в деревне: пересечен грунтовой дорогой, завален отвалами грунта от насыпей разрушенных курганов, поврежден строительством ЛЭП, снесен и распахан на частных участках домов № 1а, 3, 7, 7а. Выделение территории стоящего на охране государства памятника под индивидуальное строительство, исходя из анализа спутниковых снимков, началось после 2010 г. Историко-культурной экспертизы и археологических раскопок памятника не производилось. Из 173 погребальных комплексов, зафиксированных в 1974 г., сохранились 22 визуально выделяемых насыпи диаметром 3,0–6,5 м, высотой 0,4–1,4 м. Насыпи № 4, 6, 15 подрезаны дорогой, проходящей через центр могильника. Насыпи № 18 и 19 подрезаны старой дорогой, проходившей в северной части могильника. Насыпи № 3, 7, 12, 13, 14 повреждены ямами и траншеями. Курган № 10 оказался на территории частного участка дома № 1а. Тем не менее, несмотря на отсутствие внешних признаков утраченных частей памятника (курганых насыпей и каменных оградок), в его первичных границах могли сохраниться грунтовые погребения как утраченных курганов, так и жальников (рис. 28; 29).

ВОЛОСОВСКИЙ Р-Н (рис. 1; 5)

Рабитицы 2. Курганный могильник («Курганная группа, 60 насыпей»)

Впервые исследования у д. Рабитицы были проведены в 1876 г. Л. К. Ивановским. Согласно описанию, это была огромная полевая группа курганов, насыпанных из суглинка, насыпи высотой до 8 фут. (до 2,44 м), в основании обложены валунами, основаны на кострищах. Всего Л. К. Ивановским в могильнике было раскопано 182 насыпи, во многих из них «кости истлели, вещей нет». В курганах зафиксированы как вытянутые костяки, так и сидячие погребения с жертвенниками. Помимо насыпей в могильнике отмечены «клетки» – вероятно, жальничные ряды с каменными оградками прямоугольных форм без насыпей. По данным А. А. Спицына, в Историческом музее находятся вещи из девяти рабитицких курганов (Ивановский, 1876. Л. 26 об. – 34 об.; Спицын, 1896. С. 74, 75). Тогда же Л. К. Ивановским в соседней «деревне Домашково», расположенной в 0,6 км к юго-западу от д. Рабитицы, раскопано девять курганых насыпей

Рис. 28. Фьюнатово. Курганно-жальничный могильник. Совмещение Плана Е. А. Рябина с аэрофотосъемкой 28.04.2022 с указанием территории памятника на 1974 г.

(Ивановский, 1876. Л. 33 об.) (рис. 5: 25). В 1879 г. Л. К. Ивановский продолжил работы в окрестностях и раскопал еще 12 курганов на «границе Перовского/Рабитицы», то есть на границе деревень Покровская и Рабитицы. Деревня Покровская располагалась в 0,4 км к юго-западу от д. Рабитицы, с северо-восточной стороны от д. Домашковицы. Могильник был охарактеризован как «полевая группа» основанных на кострищах насыпей высотой 3,0–6,5 фут. (0,9–2,0 м) с валунными обкладками (Ивановский, 1879. Л. 3). В 1896 г. Н. К. Рерихом в могильнике у д. Рабитицы раскопано 15 насыпей. Характеризуя памятник, Н. К. Рерих писал, что это большое курганное поле, курганы самой разнообразной величины, на многих из них стояли каменные кресты, теперь развезенные по кладбищам, а камни с высеченными надписями теперь уже не существуют. Было отмечено местное название могильника «коломище» (Рерих, 1896. Л. 19–24). У соседней д. Домашковицы Н. К. Рерихом были отмечены еще два могильника. Первый описан как небольшое

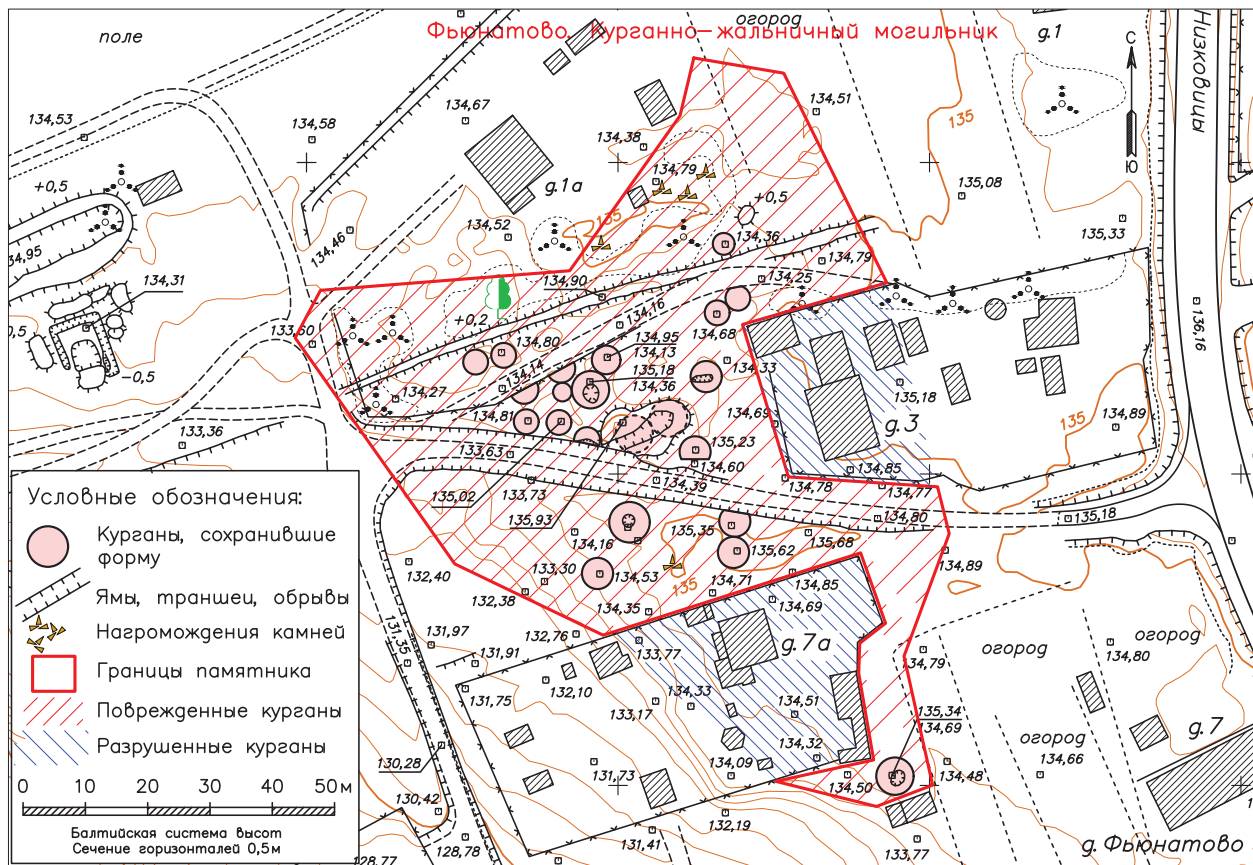

Рис. 29. Фьунатово. Курганно-жальничный могильник. Топографический план. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

курганное поле, курганы расположены в беспорядке, место довольно низкое. Здесь им было раскопано четыре кургана. Вторая группа, полевая, включала девять насыпей, располагалась совсем рядом с предыдущей. Во второй группе Н.К. Рерихом раскопано шесть курганов (Рерих, 1896. Л. 24–26). В 1898 г. Н.К. Рерих в полевом дневнике помечает, что Л.К. Ивановским «вместо двух раскопанных групп, показана и описана одна, большая; между тем как меньшая (до 20 кург.) по внешнему виду должна была быть характерна» (возможно имеется ввиду, что группа выделялась и отличалась от большой характерными (особенными) насыпями. – Прим. авт.) (Рерих, 1898. Л. 7).

В 1927 г. окрестности д. Рабетицы обследованы Б.А. Коишевским и Л.С. Генераловой. По их сведениям, в 1/2 версты к северо-западу от деревни, «вправо» от дороги на Сяглицы сохранилось 94 курганных насыпей полураспаханного могильника. Курганы обложены валунами по основанию, все раскопаны. В западной части могильника сохранились пять жальничных погребений, частью разрушенных (Коишевский, Генералова, 1927. Л. 14 об., 15; 1931. Д. 62. Л. 4).

В 1971 г. Е.А. Рябининым у д. Рабетицы зафиксирован могильник из 60 насыпей XII–XIV вв. (рис. 30). По описанию, памятник располагался в роще среди поля на расстоянии 1500 м к юго-западу от д. Рабетицы, 1500 или 1800 м к западу от д. Домашковицы и в 1000 м к югу от шоссе Волосово–Кингисепп. По мнению Е.А. Рябина, это том самый могильник, который у д. Рабетицы раскапывался Л.К. Ивановским и Н.К. Рерихом (Рябинин, 1971. Л. 9–10). В 1973 (1972?) г. З.В. Прусаковой и Ю.М. Лесманом была обследована «большая курганная группа» «в поле у д. Рабетицы, в 150 м к ЮВ от Волосовского шоссе». На ситуационном плане могильник показан с западной (юго-западной) стороны от д. Рабетицы. Могильник, по их сведениям, состоял из 120 насыпей и жальничных оградок, которые местные жители считали захоронениями «шведской войны». Вторая полевая группа курганов, «упоминаемая Н.К. Рерихом», по данным разведки, к этому времени уже не существовала, курганы распаханы (Прусакова, Лесман, 1973. Л. 5). В 1978 г. под названием «Курганная группа, 60 насыпей» на государственный учет поставлен памятник, расположенный в «100 м к ЮЗ от пос. Рабетицы,

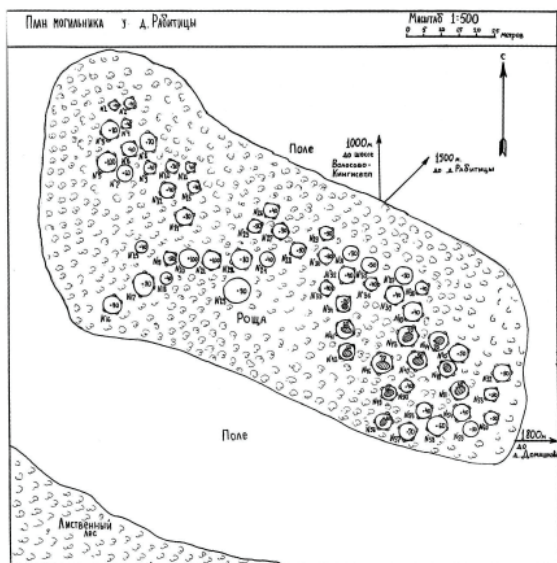

Рис. 30. Рабителицы 2. Курганный могильник.
План Е.А. Рябинина 1971 г.
(Фотоархив ИИМК РАН. Шифр 1 77216)

среди поля колхоза им. Жданова» (Решение, 1978). Следует полагать, что по количеству насыпей под этим памятником подразумевается могильник, зафиксированный в 1971 г. Е.А. Рябининым, при этом расстояние в 100 м к юго-западу от пос. Рабителицы, скорее всего, указывает на могильник, описанный в 1973 (1972?) г. З.В. Прусаковой и Ю.М. Лесманом. Возможно, в 1927, 1971 и 1973 (1972?) гг. были обследованы остатки одного большого могильника у д. Рабителицы, расположенные по его разным краям. В «Археологической карте Ленинградской области» с западной стороны от д. Рабителицы учтены два памятника: «Рабителицы-1. Курганно-жальничный могильник», в котором в 1973 (1972?) г. зафиксировано 120 насыпей, и «Рабителицы-2. Курганная группа», в котором в 1971 г. зафиксировано 60 насыпей (Лапшин, 1990. Л. 96. № 716, 717).

В 2020 г., в ходе инвентаризации археологических памятников Ленинградской области, были обследованы окрестности деревни и по. Рабителицы. Из-за сильно изменившейся за последние 50 лет ландшафтно-топографической ситуации предположительно удалось определить только место расположения курганного могильника Рабителицы 2, однако курганов или их остатков, к сожалению, не было обнаружено (Семенов, Васильев, 2021. С. 50, 51). В 2022 г., в продолжение работ 2020 г. предполагаемое место расположения могильника Рабителицы 2 было обследовано с помощью технологии воздушного лазерного сканирования с коптера DJI Matrice 300. По результатам обработки

облака точек и полученной цифровой модели рельефа курганные насыпи в явном виде не фиксируются, однако по некоторым нарушениям рельефа, предположительно, прослеживается территория разрушенного памятника (рис. 31).

ЛОМОНОСОВСКИЙ Р-Н (рис. 1; 6)
Глядино. Курганный могильник
(«Курганная группа, 56 насыпей»)

В 1883 г. Л. К. Ивановский у д. Глядино, на заброшенном пахотном поле на возвышенности в группе курганов исследовал раскопками 72 насыпи XII–XIII в. Курганы были «основаны на кострищах», насыпаны из суглинка вышиной от 4,5 до 8 фут. (около 1,4–2,4 м) и обложены по основанию валунами. Найдены захоронения, в том числе двойные, с погребальным инвентарем (Спицын, 1896. С. 63) (рис. 6: 27). В 1927 г. Б.А. Коишевским и Г.Ф. Дебецем во время разведочных работ курганная группа в числе 20 насыпей была зафиксирована «в ровной местности на расстоянии 1 км от д. Глядино в Сокули» в окружении пашни. Все курганы были «деформированы раскопкой колодцем сверху». У подножия некоторых были еле заметны валуны, сильно заросшие мхом. Диаметр курганов 4–7 м, высота 0,4–1,7 м. Исследователями снят глазомерный план могильника, сделаны зарисовки типов насыпей (Коишевский, Дебец, 1927. Л. 8, 9; Дебец, Коишевский, 1931. Д. 82. Л. 1–3).

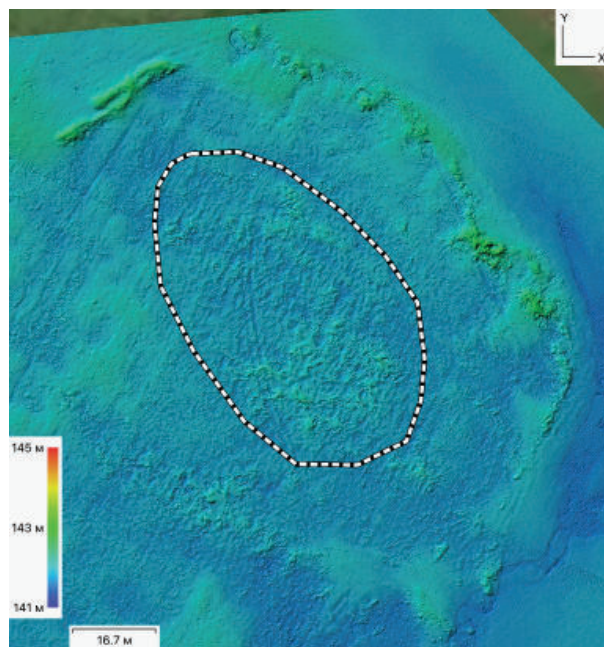

Рис. 31. Рабителицы 2. Курганный могильник. Цифровая модель рельефа предполагаемого расположения ОАН на основе воздушного лазерного сканирования.
Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 56 насыпей» поставлен на государственный учет по адресу: Ломоносовский р-н, Ропшинский с/с, д. Глядино (Решение, 1978. П. 183). По данным разведки 1985 г. под руководством В.А. Лапшина, могильник не сохранился – уничтожен распашкой (Лапшин, 1985. Д. 61. Л. 2). В «Археологической карте Ленинградской области», памятник учтен как «Глядино. Курганная группа» (Лапшин, 1990. С. 78. № 577). В ходе мониторинга 2014 г. и инвентаризации 2022 г. археологических памятников курганный могильник Глядино локализовать и обнаружить на местности не удалось (Васильев, Семенов, 2014).

Стародворье. Железодельный центр («Железодельный центр»)

Железодельный центр расположен к северо-востоку-востоку от памятного знака уничтоженной д. Стародворье у грунтовой дороги в д. Лопухинку, напротив (к востоку) урочища Стародворье, на поле, на западном склоне низины (рис. 6: 26). Памятник обнаружен в 1948 г. Б.А. Колчиным во время археологической разведки на побережье Финского залива. По сведениям местного жителя, на так называемом Прогонном поле на противоположном от сожженной во время Великой Отечественной войны д. Стародворье берегу р. Коваша¹¹, во время пахоты попадались крицы, шлаки, угли. На Прогонном поле Б. А. Колчиным были заложены четыре шурфа (А–Г). Шурфы были привязаны к огромному валуну диаметром около 10 м, находящемуся в северо-западной части поля, и располагались от него на расстоянии от 28 до 50 м. В шурфах Б и В обнаружены следы металлургического производства: разрушенная сыродутная печь, множество железных шлаков общим весом около 30 кг, несколько сырых криц, более 30 обломков глиняных сопел, сильно обожженная глиняная обмзка печи, слои чистого угля, 21 фрагмент круговой керамики. По мнению исследователя, здесь обнаружены остатки обычной древнерусской сыродутной печи для восстановления железа из болотной руды. В полевом отчете сыродутная печь по обломкам керамики отнесена ко времени XI–XIV вв., позднее Б.А. Колчиным датировка была сужена до XII–XIII вв. (Колчин, 1948. С. 1–4. Рис. 1–5; 1953. С. 28).

¹¹ Вероятно, за р. Коваша был принят ручей в ложбине между дорогой Стародворье–Лопухинка и «Прогонным полем», впадающий в р. Лопухинка (Рудица) (Колчин, 1948. Рис. 1; 2. С. 2). В 1970-е гг. ручей убран в бетонный короб, сохранившийся до сих пор. Река Коваша образуется слиянием рек Лопухинка (Рудица) и Черная в 7 км к северу от бывшей д. Стародворье. Все последующие исследователи также повторили эту ошибку.

В 1977 г. территория памятника в районе огромного валуна осмотрена Е. А. Рябининым, которым отмечено, что памятник находится под угрозой уничтожения, так как поверхность Прогонного поля к этому времени была очищена от кустарников и валунов, подготавливалась к распашке. Зондаж поля показал, что в ряде шурфов встречаются шлак, крицы, обломки сопел, керамика древнерусского времени, угольки. Е.А. Рябинин подтвердил локализацию Прогонного поля «против бывшей д. Стародворье на другом берегу р. Коваша (в этом месте речка сейчас пересохла) примерно в 100 м от бывшего селения» (Рябинин, 1978. Д. 26. Л. 5; Д. 27. Л. 33, 34). В 1978 г. памятник под названием «Железодельный центр» поставлен на государственный учет по адресу: Ломоносовский район, Копорский с/с, в б.д. Стародворье на р. Колоше, у дороги от Копорья к Лопухинке (Решение, 1978. П. 180). В тот же год Ю.Н. Урбаном подготовлен паспорт памятника под названием «Центр средневекового железодельного производства у бывшей д. Стародворье («Прогонное поле»)» по адресу: Ленинградская область, Ломоносовский р-н, в 200 м северо-восточнее д. Десятское (Паспорт, 1978з). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Стародворье. Железодельный центр» (Лапшин, 1990. С. 81. № 596).

В ходе инвентаризации археологических памятников 2019 г. А.Ю. Городиловым предполагаемое место расположения памятника было определено на пологом склоне правого берега р. Коваша¹² и ограничено размерами примерно 400 × 100 м. На этой площади было заложено 30 шурфов размерами 1 × 1 м и зондажей размерами 0,5 × 0,5 м тремя параллельными рядами вдоль берега р. Коваша на расстоянии около 20 м друг от друга. Во всех шурфах и зондажах прослежена идентичная стратиграфия: верхнюю часть профиля составлял слабосформированный дерновый слой мощностью до 0,05 м, под которым залегал слой серой мешаной супеси с включениями осколков бутылочного стекла, кирпича и иных артефактов второй половины XX в., расположенный непосредственно на слое желтой глины. Общая мощность напластований в шурфах составляла около 0,20 м (Городилов, 2019). По результатам работ экспедиции памятник не локализован.

В ходе инвентаризации 2022 г. на мысовой оконечности заросшего борщевиком поля в 150 м к северу от обследованного в 2019 г. А.Ю. Городиловым

¹² За р. Коваша также ошибочно был принят протекающий в бетонном коробе ручей, впадающий в р. Лопухинка (Рудица).

участка были обнаружены остатки большого валуна размерами $3,5 \times 2,5$ м и высотой до 1,3 м со следами отколов и лежащими рядом крупными отделенными фрагментами камня. Предположив, что полуразрушенный камень мог являться остатками указанного Б. А. Колчиным на плане 1948 г. огромного валуна-ориентира, к востоку от него на краю верхней площадки и северо-восточном склоне поля в сторону заболоченной низины, были заложены три шурфа размерами 1×1 м и три зондажа размерами $0,40 \times 0,40$ м (рис. 32). В шурфе № 1 и зондажах № 2, 3 и 6, тяготеющих к верхушке поля, культурный слой не обнаружен. В шурфах № 4, 5, заложённых на склоне поля перед заболоченной низиной, обнаружен культурный слой и многочисленные артефакты, свидетельствующие о наличии здесь металлургического производства. Культурный слой (темно-серый суглинок мощностью 0,35–0,50 м) перемешан распашкой поля в прошлом, поэтому на всех уровнях встречается как ржавая колючая проволока, так и находки, связанные с железоделательным производством. В шурфе № 4 на материке (желто-коричневый суглинок) зафиксированы тонкие линзы темно-серого суглинка с мелкими угольками, возможно являющимися остатками культурного слоя времени выплавки железа. Всего было найдено 22 находки, относящиеся к обнаруженному памятнику: 10 железных шлаков, 10 фрагментов глиняной обмазки, фрагмент стенки кругового сосуда, древесный уголек. Железные шлаки делятся как на выплавные (вытекающие из печи), так и на горные с изрезанной формой, которые оседали на дне печи (рис. 33). Общий вес шлаков 781 г. Очень информативны и фрагменты глиняной обмазки, на большинстве которой сохранились следы от деревянных прутьев каркаса горна (рис. 34). По всей видимости, каркас сыродутных печей сплетался из прутьев стандартной толщины диаметром около 2 см. По сведениям Б. А. Колчина, сыродутная печь, обнаруженная им здесь в 1948 г. была иной конструкции и сложена из плоских плит песчаника, обмазанных снаружи и изнутри глиной. В таком случае, здесь, на «Прогонном поле» зафиксированы обе конструкции древнерусских сыродутных печей из камня с глиняной обмазкой и с глинобитными стенками на деревянном каркасе (Колчин, 1953. С. 30). Кроме того, обнаруженный в шурфе № 4 фрагмент стенки сероглиняного сосуда с включением дресвы может относиться к древнерусскому времени и не выпадать из датировки железоделательного комплекса Б. А. Колчина XII–XIII вв. Таким образом, можно утверждать, что остатки открытого в 1948 г. древнерусского комплекса по выплавки железа из болотной или луговой руды сохранились напротив урочища Стародворье на северном склоне

«Прогонного поля» вдоль заболоченной низины на площади 140×40 м.

Глухово. Курганно-жальничный могильник

Памятник расположен к северо-востоку от д. Глухово, к северо-западу от Кингисеппского (Таллинского) шоссе, к востоку от пруда, в лесном урочище среди частично заросших кустарником полей (рис. 6: 28). Курганы, вероятно, известны с конца XIX в. В 1894 г. владелец имения «Глухово» Н. О. фон Гагман в письме в Императорское Археологическое общество сообщал: «Несколько дней тому назад в моем имении были предприняты раскопки, причем были найдены в двух курганах различные черепа и кости. По моему мнению, это человеческие кости и вследствие этого я покорнейше прошу сообщить мне, куда бы я мог послать для исследования все найденное мною. В моем лесу расположены 10–12 холмов, по всей вероятности это древние могилы, и при тщательной раскопке, вероятно, найдутся различные вещи». Во втором (ответном) письме в Императорскую Археологическую комиссию фон Гагман сообщал, что им «приняты все меры к сохранению» имеющихся в его имении курганов (По сообщению, 1894). В 1931 г. сотрудниками ГАИМК М. И. Артамоновым и П. Н. Третьяковым в «1 км от деревни Глухово, рядом с шоссе Красное Село–Кингисепп», осмотрена «группа древних курганов». Могильник состоял из 112 насыпей полусферической формы высотой до 1 м и диаметром 5–6 м. У большинства курганов отмечена валунная обкладка по основанию. Также были зафиксированы отдельные группы жальничных погребений, имеющие «характер небольших возвышений, вытянутых с запада на восток и имеющие на концах по одному крупному валуну». Исследователями был снят глазомерный план могильника (Артамонов, Третьяков, 1931. Л. 10, 17).

В 1986 г. памятник обследован В. А. Лапшиным. По уточненным сведениям, могильник находился в 0,5 км к юго-западу от деревни Глухово. Было отмечено 129 комплексов – курганов и погребений жальничного типа с кольцевыми обкладками. Диаметр большинства курганов составил 4–7 м, высота 0,3–0,6 м, в основании прослежены каменные венцы. Основная масса курганов была повреждена ямами. Наиболее крупные насыпи находились в северной части могильника, в южной части курганный могильник переходил в жальничный. Жальничные могилы имели кольцевые каменные обкладки диаметром около 3 м и насыпью высотой 0,2–0,3 м. На окраине отмечены жальничные погребения размерами 2×1 м, ориентированные по линии запад–восток, часто с крупными камнями

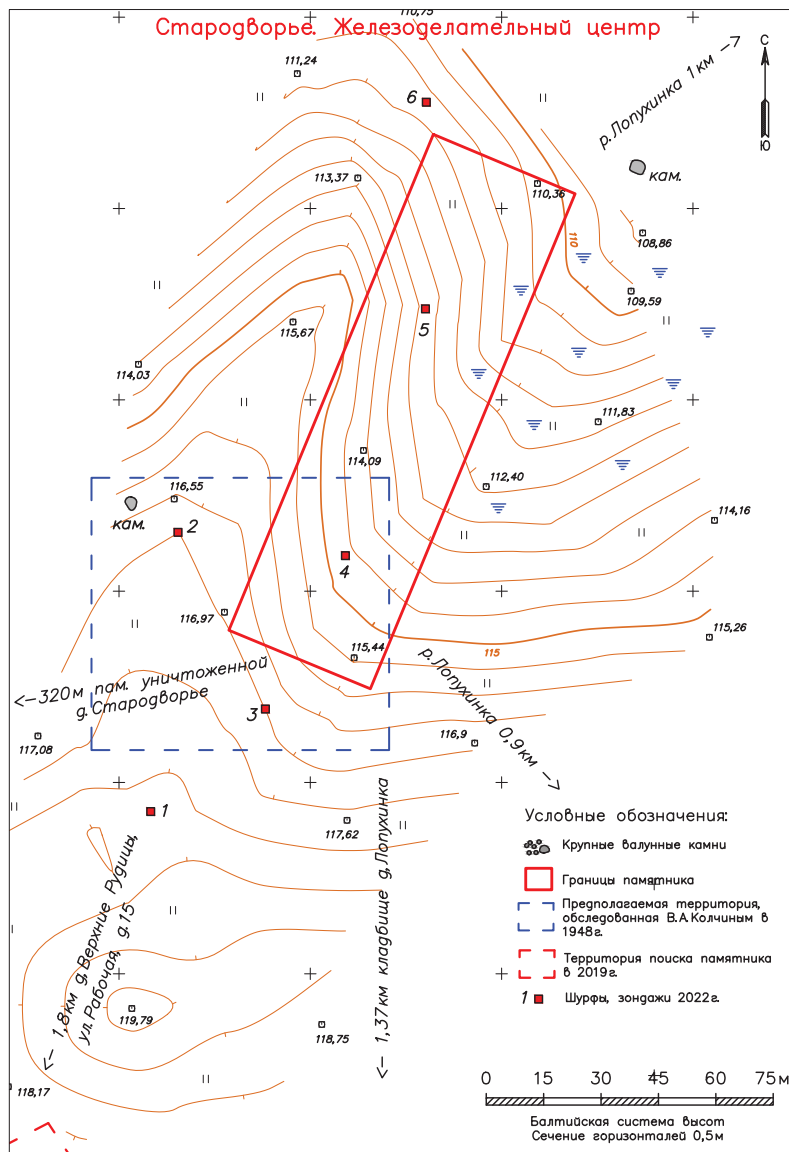

Рис. 32. Стародворье. Железодельный центр. Топографический план. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

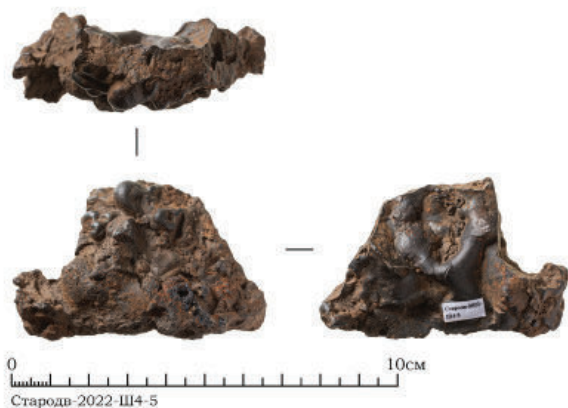

Рис. 33. Стародворье. Железодельный центр. Железный шлак

Рис. 34. Стародворье. Железодельный центр. Глиняная обмазка каркаса железоплавильной печи

на западной оконечности насыпи (Лапшин, 1986. Л. 1, 2). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Глухово. Курганно-жальничный могильник» (Лапшин, 1990. С. 78, № 574).

В 2014 г. памятник был осмотрен сотрудниками ООА ИИМК РАН С.А. Семеновым и Ст.А. Васильевым в ходе мониторинга археологических памятников Ленинградской области. Отмечено, что могильник расположен в лесном урочище среди полей, с западной стороны к памятнику подходит грунтовая дорога и огибает его с северо-западной и северной сторон. Само урочище заросло густым старым лиственным лесом и кустарником. Могильник сохранился в пределах, зафиксированных экспедицией В.А. Лапшина в 1986 г. Частично вырублен лес и повреждена южная оконечность памятника. В западной части на нескольких небольших курганах обустроена зона отдыха местных жителей, здесь поставлен стол со скамейками, жгутся костры. Через центр могильника, с запада на восток, без разрушения насыпей, проложена дорога в продолжении грунтовой дороги, подходящей к памятнику с западной стороны. В остальном, сохранность, количество насыпей и жальничных могил, их характеристики соответствуют состоянию памятника на 1986 г. Общая площадь памятника в указанных границах составляет 21209 кв. м (Семенов, Васильев, 2014. С. 23). Во время полевых работ 2022 г. для оценки текущего состояния памятника было проведено воздушное лазерное сканирование его территории, получена цифровая модель рельефа, показывающая сохранность могильника в границах, зафиксированных в 2014 г. (рис. 35).

*ЛОДЕЙНОПОЛЬСКИЙ Р-Н (рис. 1; 7)
Карлуха 1. Курганный могильник
(«Курганная группа, 35 насыпей»)*

Курганный могильник расположен к югу от д. Хвалевщина, к юго-западу от д. Карлуха, на левом берегу р. Оять, на песчаной гряде высотой 7 м, в сосновом лесу (рис. 7: 67). Могильник открыт в 1930 г. В.И. Равдоникасом: 33 кургана¹³ правильной круглой или слегка вытянутой овальной формы диаметром 6–14 м, высотой 0,5–2,5 м локализованы на левом берегу р. Оять близ д. Карлуха. Вокруг курганов зафиксированы заплывшие рвы, около

¹³ В тексте публикации материалов дважды написано, что могильник состоял из 33 курганов, при этом на плане их 35 (Равдоникас, 1934. С. 26, 29). В книге С.И. Кочкуркиной и А.М. Линевского при описании могильника указано, что «группа состояла из 33 курганов и двух разрушенных» (Кочкуркина, Линевский, 1985. С. 18, 19).

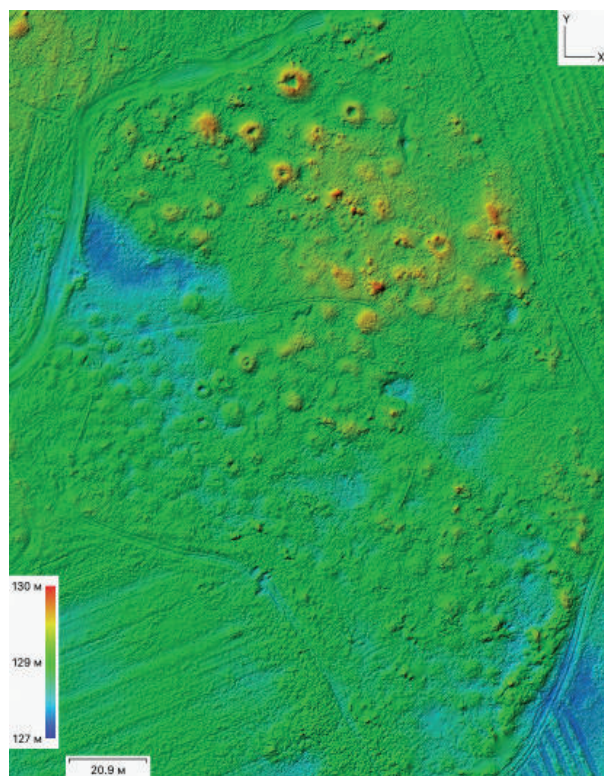

Рис. 35. Глухово. Курганно-жальничный могильник. Цифровая модель рельефа на основе воздушного лазерного сканирования. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

курганов – ямы от выемки песка для сооружения насыпей. Курганы в юго-западной части могильника почти все повреждены грабительскими раскопками. Остальные производили впечатление нетронутых. Группа поросла мелким сосновым лесом. Через нее проходили две дороги, повредившие некоторые насыпи. Снят глазомерный план. Экспедицией было исследовано 15 курганов. Целью раскопок являлось пополнение фондов Карельского музея вещами, типичными для Приладожской курганной культуры (Равдоникас, 1934. С. 25). В 1937 г. могильник посетил Н. Н. Чернягин в ходе археологической разведки по заданию Артиллерийского исторического музея РККА, рассматривавшего раскопки курганов в Приладожье как источник по формированию коллекции предметов вооружения. Курганная группа локализована на левом берегу р. Оять, «на краю, круто спускающемся к реке» в урочище «Рыкун». Исследователь отметил наличие свыше 23 насыпей, высотой 0,8–2,0 м, 17 из которых не копаны (Чернягин, 1937. Л. 2, 5 об.). В 1947 г. изучение памятника проводил А.М. Линевский, насчитавший здесь 38 насыпей. По сведениям исследователя, при создании линии обороны 1941–1942 гг. разрушено около 10 курганов, преимущественно, в восточной части могильника.

А. М. Линевским раскопано 11 курганов. К сожалению, не был снят план всего могильника. Исследователь зафиксировал схематично только раскопанные им насыпи, расположение которых не во всех случаях соотносится с планом В. И. Равдоникаса (Линевский, 1947. Л. 19–53).

В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 35 насыпей» поставлен на государственный учет по адресу: Лодейнопольский район, Доможировский с/с, в 1 км к западу от д. Карлуха, на левом берегу р. Ояти (Решение, 1978. П. 175). В 1982 г. археологическая экспедиция ИЯЛИ (г. Петрозаводск) под руководством С. И. Кочкуркиной проводила разведку по р. Ояти от ст. Оять до д. Ефремово. Могильник локализован на площадке треугольной формы размерами 220 × 100 м на высоте чуть менее 10 м над уровнем реки, образованной дорогами в д. Карлуха и Хвалевщина, в месте, которое среди местных жителей носит название «Колодичик», так как ранее здесь бил ключ с чистой водой¹⁴. По сведениям С. И. Кочкуркиной часть могильника разрушена карьером. Количество сохранившихся насыпей в отчете не указано (Кочкуркина, 1983. Л. 4, 5). В каталоге курганных могильников «Курганы летописной веи X – начала XIII в.», расположенных по р. Оять, памятник записан под номером VI «Карлуха 1» (Кочкуркина, Линевский, 1985. С. 18–30). В 1986 г. в рамках паспортизации памятник обследован В. А. Назаренко. В могильнике зафиксировано 36 насыпей, из которых археологическим исследованиям в прошлом не подвергалось шесть. Снят глазомерный план. Проведены раскопки кургана № 18 (Богуславский, 1986)¹⁵. В 1991 г. могильник был осмотрен О. И. Богуславским, а в 1992 г. составлен паспорт памятника под названием «Курганный могильник Карлуха I» (Паспорт, 1992). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Карлуха 1. Курганная группа», однако, исследователем ошибочно отмечено, что группа не сохранилась (Лапшин, 1995. С. 114. № 1307). В 2008 г. С. Л. Кузьмин провел разведку в низовьях р. Оять в районе д. Карлуха и Новинка. Осмотр могильника (Карлуха-I по тексту отчета) не выявил существенных изменений по отношению к данным Паспорта 1992 г. и детального

¹⁴ Под таким же названием могильник фигурирует и в отчете А. М. Линевского 1947 г. (Линевский, 1947. Л. 19).

¹⁵ Описание дано по материалам Полевого отчета о летней археологической практике студента 4 курса О. И. Богуславского (ЛГУ, Исторический факультет, кафедра археологии, 1986 г.). Полевой отчет о раскопках кургана № 18 в могильнике у д. Карлуха В. А. Назаренко в архиве ИА РАН не обнаружен.

освещения в документации по результатам обследования не получил (Кузьмин, 2009. С. 2).

В результате многолетнего изучения в могильнике выявлены два обряда погребения – трупосожжения и труположения. Для курганной группы характерно заворачивание кальцинированных костей и вещей в бересту, наличие керамических сосудов в погребениях и в насыпи, наличие ритуальных очагов с инвентарем, кости животных в погребениях. В инвентаре присутствуют бусы, фибулы, шумящие подвески; кухонный инвентарь – котлы, сковороды, лопаты, сковородники, керамические сосуды, ножи; предметы вооружения – копья, топоры, стрелы, арабские и западноевропейские монеты. По находкам могильник датируется IX–XII вв. (Паспорт, 1992).

В настоящее время могильник находится в аварийном состоянии. На момент обследования 2022 г. не сохранилось ни одного целого кургана. Планы предыдущих обследований лишь частично соответствуют действительности. Раскопки только одного кургана были осуществлены на снос (курган № 18). Остальные раскопаны колодцами, либо, не затрагивая полы. Часть курганов повреждена при устройстве землянок в Великую Отечественную войну. Ситуация по соотношению оставшихся насыпей с архивными планами затруднена варварскими грабительскими раскопками с применением современной техники, включая миниэкскаваторы. Места расположения курганов № 16, 17, 21, 28, 30 и 32 грабителями превращены в единую «лунную поверхность».

По результатам обследования 2022 г. локализованы неисследованные археологами поврежденные землянками курганы № 1–3 и разрушенный грабительскими раскопками курган № 24 (на плане 1991 г. числится целым). С большой долей вероятности прослежены исследованные курганы № 6–14, 18–20, 22, 23, 25, 34. Курганы № 26–33, 36 в западной части могильника и № 15–17, 21 в центральной части, в виду сильного антропогенного изменения ландшафта, не поддаются идентификации. В 15 м к востоку от перекрестка лесных дорог на д. Хвалевщина и Карлуха, на южной обочине дороги на д. Карлуха зафиксирована насыпь с квадратной ямой в центре, которая была учтена как курган № 37 в продолжение принятой нумерации (рис. 36).

ТИХВИНСКИЙ Р-Н (рис. 1; 8–11) Городище I. Сясьское городище

Городище расположено в 300 м к северу от д. Городище, с западной стороны от шоссе А-114

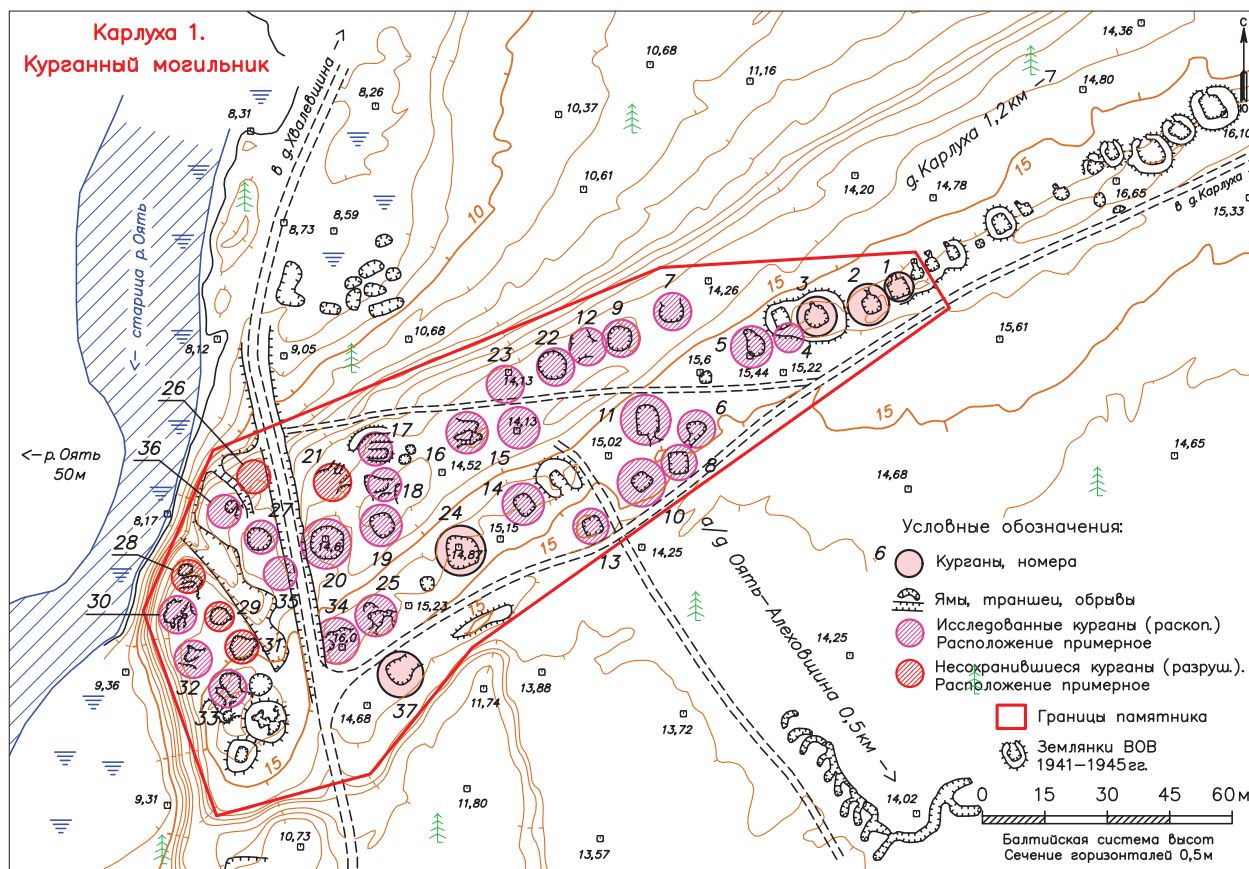

Рис. 36. Карлуха 1. Курганный могильник. Топографический план. Съёмка ЦСА ИИМК 2022 г.

(Вологда – Новая Ладога), на мысу при впадении ручья в р. Сясь (рис. 8: 48). Городище известно с начала XX в. Н.И. Репников, рассказывая о работах 1909 г., описывал городище следующим образом: «Несколько ближе к деревне по полям среди пахоты разбросаны одиночные, сильно опоханные и изрытые кладоискателями насыпи; некоторые из них тянутся вдоль самого берега и подходят вплотную к значительной возвышенности, на гребне которой в густой заросли находятся остатки небольшого городища. Народная молва еще до сих пор называет возвышенность “чудским городком”» (Репников, 1915. С. 36, 37). Занимаясь раскопками курганов, Н.И. Репниковым, как он сам выразился, «попутно в приречной части (городища. – Прим. авт.) были заложены две пробные ямки, не давшие, к сожалению, никаких находок, но обнаружившие наличие мощного до 1/2 арш. (0,35 м. – Прим. авт.) углистого слоя» (Репников, 1915. С. 40). Первое более подробное описание памятника присутствует в своде И.С. Романцева «О курганах, городищах и жалниках Новгородской губернии» 1911 г. Автор отмечал, что городище расположено в 1/2 версте (около 530 м. – Прим. авт.) от деревни близ р. Сяси, его длина 350 саженой (746,76 м. –

Прим. авт.), ширина 150 саженой (320 м. – Прим. авт.), форма четырехугольная, распаивается, «со всех сторон овраги», валы длиною 50 саженой (106,68 м. – Прим. авт.), шириной до 10 саженой (21,34 м. – Прим. авт.), «лет 30 тому назад» раскапывалось (Романцев, 1911. С. 82).

В 1928 г. небольшую зачистку в северной части городища произвел В.И. Равдоникас, обнаруживший в ней культурный слой с костями (Равдоникас, 1934. С. 27). В 1930 г. В.И. Равдоникас описывал городище как возвышенную треугольную площадку общей площадью 800 кв. м почти без валов. Им было вскрыто в двух местах 220 или 240 кв. м, которые не были доведены до конца, но при этом «общий характер городища был более или менее обнаружен». Раскопками были найдены остатки жилищ-землянок с очагами, лепная и круговая керамика, синяя стеклянная бусинка, фрагмент бронзового браслета, кости животных. По находкам автор датирует памятник IX–X вв. (Равдоникас, 1931. С. 3–4; 1934. С. 27–28). Тогда же, при попытке найти «две пробные ямки» 1909 г., В.И. Равдоникасом в приречной части памятника обнаружена целая траншея размерами 2 × 6 м, которая, по его мне-

нию, была выкопана Н.И. Репниковым и названа им «траншеей Репникова». При зачистке стенки траншеи найдены керамика и кости (Равдоникас, 1934. С. 27).

В 1970 г. В.А. Назаренко, посетивший городище, обнаружил, что его большая часть уничтожена карьером (Кочкуркина, 1989. С. 23). По некоторым сведениям, грунт с городища использовался для реконструкции автодороги в 1950-е гг. (Лапшин, 1995. С. 75. № 1105; Богуславский, Мачинская, 1995. С. 60). В 1971 г. С.И. Кочкуркиной проведена шурфовка сохранившихся участков культурного слоя, в которых собраны фрагменты лепной керамики, куски железных шлаков и кости животных. В обрывах карьера удалось проследить культурный слой мощностью 0,6–0,7 м. (Брыкина и др., 1972. С. 26; Кочкуркина, 1989. С. 23). В 1987–1997 гг. городище исследовалось Сясьской группой Приладожского курганного отряда Староладожской археологической экспедиции ЛОИА ИИМК (О.И. Богуславский, А.Д. Мачинская, О.А. Щеглова). При раскопках обнаружены бусы, каменные литейные формы, ледоходный шип, лепная керамика, остатки железоплавильных печей (Акт, 1997. П. 4). В Решение Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 о постановке на государственный учет памятник не включен. В «Археологической карте Ленинградской области» памятник зафиксирован под названием «Городище-1 (Сясьское городище). Городище» (Лапшин, 1995. С. 75. № 1105). В 1997 г. памятник под названием «Культурный слой городища у д. Городище на р. Сясь». IX–X в.» зарегистрирован как вновь выявленный объект (Акт, 1997. П. 4).

В 2022 г. во время обследования комплекса памятников у д. Городище, дополнительно проведено воздушное лазерное сканирование территории Сясьского городка для определения степени его сохранности, моделирования современной поверхности и последующего создания актуального топографического плана, отражающего величину разрушений памятника. Полученная цифровая модель рельефа наглядно демонстрирует практически полную утрату памятника. Возможно, культурный слой фрагментарно сохранился лишь по периметру городища (рис. 37).

Городище 4. Курганный могильник («Курганная группа, 27 насыпей»)

Курганный могильник расположен к юго-востоку от д. Городище, к северо-востоку от д. Филовщина, в 0,12 км от автодороги Тихвин–Иссад на песчаной гряде (рис. 8: 50). Могильник к юго-востоку от д. Городище впервые зафиксирован Н.Е. Бранденбургом. В начале

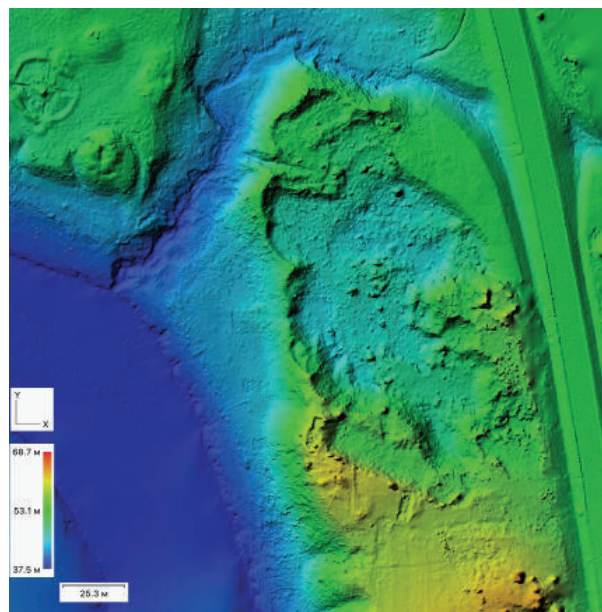

Рис. 37. Городище 1. Городище. Цифровая модель рельефа на основе воздушного лазерного сканирования. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

1880-х гг. исследователь насчитал в нем 26 насыпей, из которых семь раскопал. В курганах найдены погребения по обряду кремации и ингумации с инвентарем X–XI вв. (Бранденбург, 1895. С. 133–135; Кочкуркина, 1989. С. 23–26). Материалы раскопок хранятся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа: коллекция 866 (Богуславский, 1994. С. 100). В 1909 г. Н.И. Репников осмотрел и описал комплекс памятников у д. Городище, в том числе и курганную группу к юго-востоку от деревни, составил глазомерный план. Общее количество зафиксированных насыпей в тексте публикации не прописано, а качество приведенной схемы не дает однозначного ответа: 26 или 27 курганов изобразил исследователь. Н.И. Репников раскопал в могильнике четыре кургана. В одном из них встречено только небольшое количество углей, в насыпи другого – отдельные пережженные кости, а в основании – пепельный слой мощностью 0,18 м с вкраплениями угольков. В двух курганах обнаружены погребения по обряду ингумации с инвентарем X–XI вв. (Репников, 1915. С. 38–40; Кочкуркина, 1989. С. 26, 27). Материалы раскопок хранятся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа: коллекция 1477 (Богуславский, 1994. С. 100). Курганы у д. Городище упоминаются в своде И.С. Романцева «О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии», однако автор не приводит точной локализации насыпей (Романцев, 1911. С. 82). В 1912 г.

В.И. Равдоникас раскопал в могильнике два кургана и один курган в 1923 г. со слушателями Тихвинского педагогического техникума. Никакой дополнительной информации об этих работах в литературе не содержится (Равдоникас, 1924. С. 31). В 1930 г. исследователь произвел раскопки еще двух насыпей, в которых обнаружены кальцинированные кости и небольшое количество инвентаря. В могильнике зафиксировано 27 курганов диаметром 7–15 м, высотой 1–3 м. План не снимался (Равдоникас, 1931. С. 4; 1934. С. 38, 39; Кочкуркина, 1989. С. 27).

В 1972 г. могильник обследовался Приладожским курганным отрядом под руководством В. А. Назаренко. Зафиксировано 26 насыпей. Снят план памятника (Назаренко, 1972. Л. 4). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 27 насыпей» поставлен на государственный учет по адресу: Тихвинский р-н, Андреевский с/с, в 1 км к ЮВ от д. Городище, в бору (Решение, 1978. П. 267). В каталоге памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С.И. Кочкуркиной могильник записан под номером IX как «Городище (курганы)» вместе с 10 курганами, рассредоточенными вокруг д. Городище. Подробно описаны и датированы все раскопанные насыпи: 288–304 по нумерации автора (Кочкуркина, 1989. С. 23–27). Стоит отметить, что курган № 5 Н.И. Репников исследовал в другой группе (Репников, 1915. С. 40. Рис. 1), равно как спорно утверждение, что А.И. Колмогоров вскрыл здесь три насыпи. В 1988 г. Е.М. Колпаковым составлен паспорт памятника «Курганная группа в 0,5 км к ЮВ от д. Городище» (Паспорт, 1988). В 1989 и 1997 гг. памятник обследован О.И. Богуславским¹⁶. Был снят план могильника и раскопаны три насыпи № 2, 17 и 18 с ровиками и с погребениями по обряду кремации и впускными погребениями по обряду ингумации. По инвентарю могильник датирован IX–XII вв. (Богуславский, 2005. С. 187–201). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Городище 4. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 76. № 1108). В 1997 г. курганный могильник Городище 4 инспекцией по охране памятников зарегистрирован как вновь выявленный объект в 0,5 км к юго-востоку от д. Городище (26 насыпей) (Акт, 1997. П. 1).

В настоящее время курганы вытянуты двумя цепочками, ориентированными по направлению северо-запад–юго-восток с обеих сторон лесной

дороги в д. Городище. Общая протяженность группы 160 м. Зафиксировано 23 насыпи. Нумерация на плане и в тексте дана в соответствии с нумерацией В.А. Назаренко и О.И. Богуславского. Курганы № 3 на местности не обнаружен. Зафиксирован неотмеченный ранее курган № 27 между курганами № 1 и 4. Курганы № 2, 17 и 18 раскопаны на снос. Все курганы имеют ямы различной конфигурации (рис. 38).

Городище 3. Курганно-сопочный могильник («Курганная группа, 23 насыпи»)

Могильник расположен на правом берегу р. Сясь, в 0,5 км к северо-западу от д. Городище на правом берегу ручья, на второй береговой террасе высотой около 13 м, напротив, практически, полностью разрушенного средневекового городища (рис. 8: 49). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 23 насыпи» IX–XI вв. поставлен на государственный учет по адресу: Тихвинский р-н, Андреевский с/с, в 1 км к С от д. Городище (Решение, 1978. П. 268). В ближайших окрестностях к северу от д. Городища известны два крупных курганных могильника: «Городище-3. Группа сопок и курганов» в 0,5 км от деревни и «Городище-7. Курганная группа» в 1 км от деревни (Лапшин, 1995. С. 76. № 1107 и 1111). «Городище-7» подходящая по расстоянию в 1 км от деревни, первоначально насчитывала 29 насыпей, из которых 21 была раскопана И.В. Равдоникасом в 1930 г. и датированы им XI–XII/XIII вв. (Равдоникас, 1931. С. 2, 4, 5; 1934. С. 39–45). По количеству изначальных насыпей и оставшихся нераскопанными к 1978 г., а также датировке, этот памятник не соответствует заявленному в Решении 1978 г. «Городище-3» не подходит по указанному расстоянию в 0,5 км от деревни, однако В.И. Равдоникас в 1928 г. и Н.И. Репников в 1929 г. насчитывали в могильнике по 23 курганные насыпи. Исходя из этих сведений, под памятником «Курганная группа, 23 насыпи». IX–XI вв.» следует понимать второй могильник ««Городище-3. Группа сопок и курганов» в 1 км к С от д. Городище», а расстояние в 1 км в названии памятника является в Решении 1978 г. ошибочным (Решение, 1978. П. 268; Лапшин, 1995. № 1107). Впервые курганные насыпи к северу от д. Городище отмечены на карте Н.Е. Бранденбурга в книге «Курганы южного Приладожья», но их текстовое описание не приведено (Бранденбург, 1895. Карта).

В 1909 г. Н.И. Репников осмотрел и описал комплекс памятников у д. Городище, в том числе сопки и курганы к северу от деревни, составил план. Общее количество зафиксированных насыпей в тексте публикации не указано. Объекты

¹⁶ В 1989 г. раскопки проводила Сясьская группа Приладожского курганного отряда Староладожской археологической экспедиции.

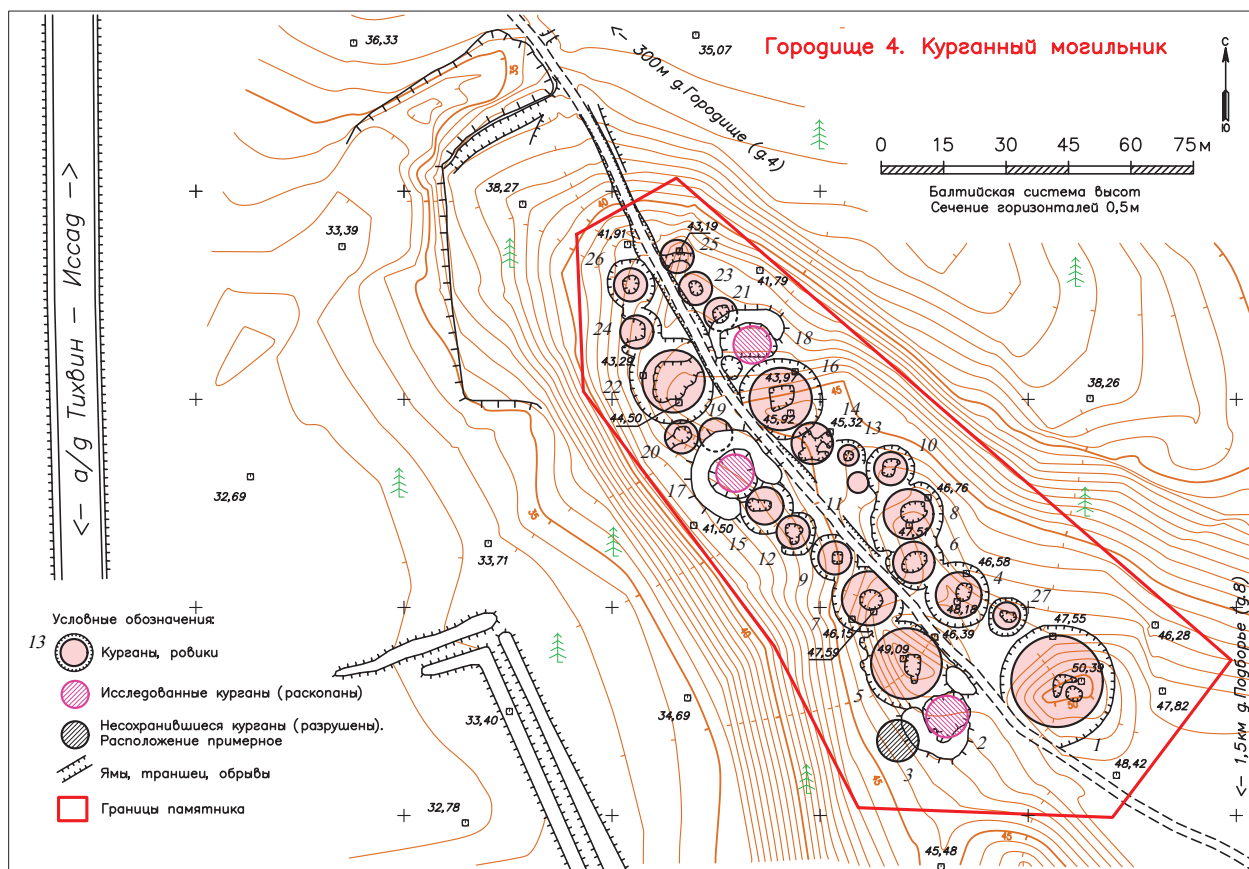

Рис. 38. Городище 4. Курганный могильник. Топографический план. Съёмка ЦСА ИИМК 2022 г.

локализованы рядом с городищем на повороте реки среди полей. Исходя из описания местоположения в тексте, на плане к рассматриваемому могильнику возможно отнести 19 насыпей (Репников, 1915. С. 37). «Курганы» у д. Городище упоминаются в своде И.С. Романцева «О курганах, городищах и жалниках Новгородской губернии», однако автор не приводит точного расположения насыпей (Романцев, 1911. С. 82). В 1912 г. А.И. Колмогоров раскопал три насыпи у д. Городище. Подробного описания своих работ исследователь не оставил, поэтому с уверенностью говорить, что указанные объекты находились в рассматриваемой группе нельзя (Колмогоров, 1914а. С. 428; 1914б. С. 20).

В 1928 г. группу сопков осмотрел В.И. Равдоникас¹⁷ и локализовал насыпи в 0,2–0,3 км южнее д. Бесовские Харчевни. Исследователь отметил, что данная груп-

¹⁷ В.И. Равдоникас видел памятник и раньше. В 1912 и 1923 г. он проводил раскопки трех курганов в могильнике к юго-востоку от д. Городище и, безусловно, осматривал весь комплекс археологических объектов. Однако, эти работы получили только очень краткое описание в публикации 1924 г. (Равдоникас, 1924. С. 31–32).

па описана ранее Н.И. Репниковым и отнесена к д. Городище. По мнению В.И. Равдоникаса, правильнее выделить ее в отдельный памятник с привязкой к д. Бесовские Харчевни¹⁸ на основании меньшей удаленности¹⁹. Насыпи локализованы в поле на крутом берегу р. Сясь по обе стороны оврага и доходят до д. Городище, на окраинах которой отмечены несколько сопков, сильно поврежденных картофельными ямами. Всего В.И. Равдоникас зафиксировал 23 объекта высотой от 2 до 10 м, диаметром основания от 12 до 30 м. Почти все сопки покрыты ямами на поверхности; четыре

¹⁸ К сожалению, не удалось найти старых карт с локализацией д. Бесовские Харчевни. Однако В.И. Равдоникас пишет, что хутор Красная Заря находился на месте деревни (Равдоникас, 1931. С. 5; 1934. С. 36).

¹⁹ Учитывая место насыпей, указанное Н.И. Репниковым и В.И. Равдоникасом, можно предположить, что могильник располагался между д. Бесовские (Бесовы) Харчевни и Городище. В таком случае стоит отметить, что в 1912 г. А.И. Колмогоров раскопал у д. Бесовские (Бесовы) Харчевни два кургана (Колмогоров, 1914а. С. 428). В своде И.С. Романцева у д. Бесовские Харчевни значится 10 курганов (Романцев, 1911. С. 91).

раскопаны достаточно сильно, чтобы предполагать возможность целенаправленных земляных работ (Равдоникас, 1928. Л. 28, 29; 1934. С. 36). В 1929 г. сопки обследовал В.И. Рассказов, сделано общее описание и составлен план. Памятник локализован в 0,5 км к северо-северо-западу от д. Городище и разделен Городецким (Харчевницким) ручьем на две части – северную с 20 насыпями и южную с тремя насыпями и городищем (Рассказов, 1929. Л. 7). В 1930 г. В.И. Равдоникас раскопал в могильнике на снос две насыпи – № 9 и 18 (по нумерации исследователя). Следует отметить, что с 1930 г. исследователь обозначает памятник как расположенный у д. Красная Заря (Бесовские или Бесовы Харчевни), а могильник из 29 насыпей (Городище-7 по Археологической карте В.А. Лапшина 1995 г.) – как группа курганов против д. Красная Заря (Бесовские, или Бесовы Харчевни)²⁰ (Равдоникас, 1931. С. 3; 1934. С. 36–39; Богуславский, 2005а. С. 177). В археологической карте длинных курганов и сопок Н.Н. Черныгина могильник как «Сопки, д. Бесовы Харчевни» учтен под номером 361. Описание двух раскопанных насыпей дано по описанию В.И. Равдоникаса 1934 г. (Черныгин, 1941. С. 122, 123). В своде В.В. Седова «Новгородские сопки» памятник, обозначенный «Красная Заря (Бесовы Харчевни), дер. Ленинградская обл. Сопки и курганы (23 насыпи)», учтен под номером 340 (Седов, 1970. С. 46). В 1972 г. могильник обследован В.А. Назаренко. Исследователь насчитал 19 насыпей, локализовав их у д. Городище (Назаренко, 1972. Л. 4). В каталоге памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С.И. Кочкуркиной могильник записан под номером VIII «Красная Заря 2». Расположенный к северу от него второй памятник (Городище-7 по Археологической карте Ленинградской области 1995 г.) – как «Красная Заря (Бесовы Харчевни) 1» (Кочкуркина, 1989. С. 22).

В 1987–1988 гг. на памятнике проводил работы О.И. Богуславский: 15 насыпей локализованы в 0,5 км к северо-западу от д. Городище на второй надпойменной террасе р. Сясь, в 80 м от уреза воды. Отмечен диаметр насыпей 9–22 м, высота 0,7–3,3 м. Особо выделен курган № 5 (по плану Е.М. Колпакова) диаметром 33 м и высотой 5,8 м. На момент обследования многие насыпи были полностью уничтожены, а сохранившиеся разрушались сооруженным выпасом. Аварийное состояние сопки № 3 потребовало проведения археологических раскопок (Богуславский, 1988. Л. 10–14; 2005б. 180, 185). В 1988 г. Е.М. Колпаковым

составлен паспорт памятника под названием «Группа сопок и курганов в 0,5 км к СЗ от д. Городище» (Паспорт, 1988б). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Городище 3. Группа сопок и курганов» (Лапшин, 1995. С. 76. № 1107). В 1997 г. памятник под названием «Группа сопок и курганов VIII–IX вв. (19 насыпей) 0,5 км к СЗ от д. Городище за ручьем, напротив разрушенного карьером ранне-средневекового городища» государственной инспекцией поставлен на учет как вновь выявленный (Акт, 1997. П. 2).

В 2001 г. О.И. Богуславским проведены раскопки кургана № 7. Насыпь примыкала с юга к загону для скота, существовавшего до середины 1990-х гг. и частично разрушившего насыпи № 9–15 (по плану Е.М. Колпакова). Доследование кургана было запланировано на следующий 2002 г., но из-за отсутствия финансирования работы не состоялись. Исследованные в кургане погребения № 1 и 2 датированы X в. (Богуславский, 2005б). В 2016 г. С.В. Бельский проводил археологическую разведку рядом с д. Городище в рамках реализации проекта «Реконструкция ЕСГ Северо-Западного региона для обеспечения транспортировки этансодержащего газа до побережья Балтийского моря». Целью работ являлся сбор актуальных данных о памятниках археологии в зоне хозяйственного воздействия для разработки проекта обеспечения их сохранности. В результате были определены границы объекта культурного наследия «Группа сопок и курганов в 0,5 км СЗ от дер. Городище (19 насыпей)» (по формулировке Акта № 16-5 от 30 мая 1997 г.). На основе полученных материалов разработаны меры по сохранению памятника археологии: смещена трасса газопровода и проведены охранно-спасательные раскопки (Бельский, 2017. Л. 752, 753). Позднее, в 2018 г. были проведены спасательные археологические раскопки на площади 11786 кв. м. В результате раскопок открыты остатки двух курганных насыпей с погребениями X–XI вв. по обряду ингумации. Кроме того, собрана коллекция бронзовых артефактов древнерусского периода (вторая половина XII – XV вв.), возможно, происходящих из других разрушенных насыпей. В отчете памятник назван «Курганный могильник Бесовы Харчевни», а расположенный к северу от него памятник – «Курганный и грунтовый могильник Красная Заря» (Городище-7 по Археологической карте 1995 г.). Оба могильника были учтены в составе объекта культурного наследия федерального наследия «Комплекс памятников у д. Городище» (Бельский, 2019). В 2022 г. под руководством С.В. Бельского охранно-спасательные работы экспедиции ООО «НИЦ «Актуальная археология» на

²⁰ Вероятно, д. Бесовские Харчевни была переименована в д. Красная Заря в промежутке между 1928 и 1930 гг.

памятнике были продолжены. В результате раскопок на площади около 7450 кв. м, заложенных вдоль трассы газопровода, были исследованы остатки четырех насыпей с подкурганными погребениями по обряду ингумации (устное сообщение).

На момент проведения нами инвентаризационного обследования памятника в 2022 г. в могильнике сохранилось 13 насыпей. Все имеют повреждения разного характера и масштабности. На местности прослеживаются отвалы полностью раскопанной насыпи № 3 и частично исследованной насыпи № 7. Насыпь кургана № 15, фиксируемая в 1986 г. на плане Е. М. Колпакова, в рельефе не просматривается. Тем не менее, исходя из результатов работ 2018 и 2022 гг., территория ее предполагаемого размещения включена в границы памятника. Насыпь к югу от сопки № 5, вероятно, является результатом поздних хозяйственных работ, так как отсутствует на исторических планах Н. И. Репникова и В. И. Рассказова. Однако на указанных планах к северу от сопки № 5 размещено еще три насыпи. Следует согласиться с мнением С. В. Бельского, высказанным в ходе исследований 2018 г., что читаемая в современном рельефе насыпь и не отмеченная на плане Е. М. Колпакова 1987 г. с большой долей вероятности является останком насыпи, которая числится под № 18 у В. И. Рассказова (Рассказов, 1929). Исследователей могильника в 1987–1988 гг. во многом ввел в заблуждение рассказ местных жителей о повреждении северо-восточной части сопки № 5 водителем сельскохозяйственной машины. Насыпь к северу была воспринята как перемещенный отвал, что косвенно подтверждалось слабой задерновкой.

На актуальный топографический план 2022 г. нанесены места еще шести курганов, выявленных и раскопанных С. В. Бельским в 2018 и 2022 гг. Два из них, предположительно, являются насыпями № 19 и 20 по плану В. И. Рассказова. Раскопки С. В. Бельского показывают, что вновь выявленные и исследованные курганы как и известные ранее насыпи № 5 и 16 локализуются на слабо выраженной в современном рельефе гряде, тянущейся от первой надпойменной террасы р. Сясь в северном-северо-западном направлении, в сторону курганного могильника Городище 7. Следует полагать, что при дальнейших исследованиях могильника будут обнаружены и остатки других курганов, разрушенных в ходе хозяйственной деятельности. Судьба небольших курганов, которые «доживают свои последние дни» хорошо описана в статье Н. И. Репникова (1915. С. 36, 37). На план 2022 г. нанесены также насыпи № 5 (Р.5) и № 15 (Р.15) по В. И. Рассказову, которые, исходя из современной

ландшафтно-топографической ситуации, не приходится рассматривать даже как потенциально сохранившиеся в виде объектов в материке (рис. 39).

Городище 7. Курганный могильник

Могильник расположен на правом берегу р. Сясь, к северо-западу от д. Городище, к северо-западу от могильника Городище 3, к западу от автодороги Тихвин–Иссад (А-114), на второй береговой террасе, на «кряже», у оврага (рис. 8: 51). Впервые курганные насыпи к северу от д. Городище отмечены на карте Н. Е. Бранденбурга в книге «Курганы южного Приладожья», но их текстовое описание не приведено. На месте памятника на карте указано восемь насыпей (Бранденбург, 1895. С.133. Карта). В 1909 г. Н. И. Репников исследуя комплекс памятников у д. Городище, на схематичном плане ниже по течению реки от группы сопкок (Городище-3 по В. А. Лапшину) отмечает «в перелеске» четыре насыпи под № 5, но в тексте публикации количество зафиксированных курганов не прописано. Один курган из этой группы им был раскопан. Курган оказался грабленным, в котором под «западиной-ямой» найдены потревоженные кости двух «оставов» в беспорядке, а также обломок горшка и обломок железного ножа (Репников, 1915. С. 35, 40). «Курганы» у д. Городище упоминаются в своде И. С. Романцева «О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии», однако автор не приводит их точной локализации. Возможно, четыре насыпи, зафиксированные Н. И. Репниковым, в своде И. С. Романцева отмечены как четыре сопки при д. Бесовка (Романцев, 1911. С. 81, 82). В 1924 г. В. И. Равдоникас отмечал могильник к западу от сопкок и городища, описывая его как «финские курганы», из которых один раскопан Репниковым (Равдоникас, 1924. С. 32). В 1930 г. Карельской экспедицией АН СССР под руководством В. И. Равдоникаса «несколько ниже группы сопкок, по реке через небольшой лесок, прямо против д. Красная Заря (Бесовы Харчевни)» обнаружена «новая группа из 29 круглых или овальных курганов, диаметром основания от 5 до 13 м, высотой от 0,40 м до 2 м». Рядом с курганами ямы и рвы. Тогда же 21 курган был раскопан. По данным экспедиции, все курганы насыпаны из песка и «содержали в себе совершенно однотипные погребения в могильных ямах, то есть ниже поверхности земли». Скелеты лежали в гробах или без них головой на запад, в некоторых могилах по 2–3 костяка. Часть курганов была обложена камнями. Сопровождающего инвентаря обнаружено немного, керамика изготовлена на гончарном круге. Находки датированы XI–XII/XIII вв. Раскопками установлено, что продолговатый курган № 15 является естественным возвышением (Равдоникас,

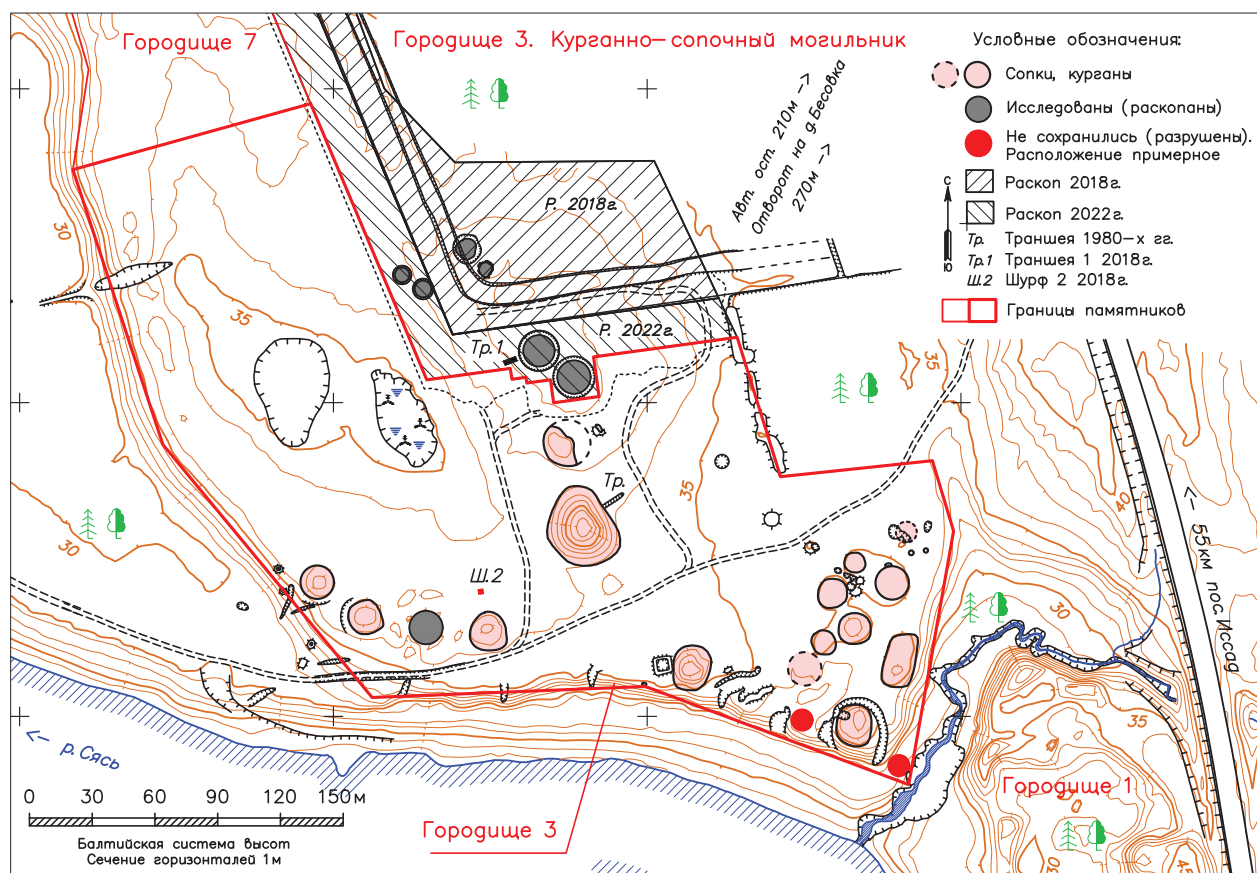

Рис. 39. Городище 3. Курганно-сopочный могильник. Топографический план. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

1931. С. 4; 1934. С. 39–46). Материалы раскопок погибли во время Великой Отечественной войны (Паспорт, 1988и).

В 1972 г. археологический комплекс у д. Городище, в том числе могильник из 29 насыпей, в разведочных целях обследован В. А. Назаренко (1972. Л. 3, 4). В каталоге памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С. И. Кочкуркиной могильник записан под номером VIII «Красная Заря (Бесовы Харчевни) 1» (Кочкуркина, 1989. С. 15–22). В 1987 г. могильник повторно осмотрен В. А. Назаренко (Паспорт, 1988и). В 1988 г. Е. М. Колпаковым составлен паспорт памятника под названием «Курганная группа в 1 км к СЗ от д. Городище (Красная Заря)» XI–XIII вв.» (Паспорт, 1988и). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Городище 7 (Бесовы Харчевни, Красная Заря). Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 76. № 1111). В 1997 г. памятник под названием «Курганная группа в 1 км к СЗ от д. Городище у б. д. Красная Заря (Бесовы Харчевни) (6 насыпей)» поставлен на государственный учет как вновь выявленный. В Акте зафиксирована сохранность 6 насыпей, оставшихся после раскопок (Акт, 1997.

П. 5). В 2016 и 2018 гг. обследование курганных могильников Городище 3 и Городище 7 проводил С. В. Бельский, был снят топографический план обоих памятников. На плане Городища 7 отмечено 17 комплексов разной степени сохранности (Бельский, 2017; 2019).

К моменту обследования памятника экспедицией ИИМК РАН в 2022 г. все оставшиеся после раскопок В. И. Равдоникаса 1930 г. насыпи были повреждены грабителями. Во многих случаях вычлнить среди ям и отвалов остатки насыпей, их форму и размеры не представляется возможным. Предполагаемые места расположения исследованных курганов на плане 2022 г. были определены на основе совмещения ситуационного плана В. И. Равдоникаса 1930 г. и результатов воздушного лазерного сканирования в 2022 г. (рис. 40).

«Курганная группа, 5 насыпей»

Памятник под названием «Курганная группа, 5 насыпей» XI–XIII вв.» по адресу «Андреевский с/с, в 2,5 км к С от д. Городище», поставленный на учет в 1978 г., обнаружить не удалось, источник информации о могильнике неизвестен (Решение,

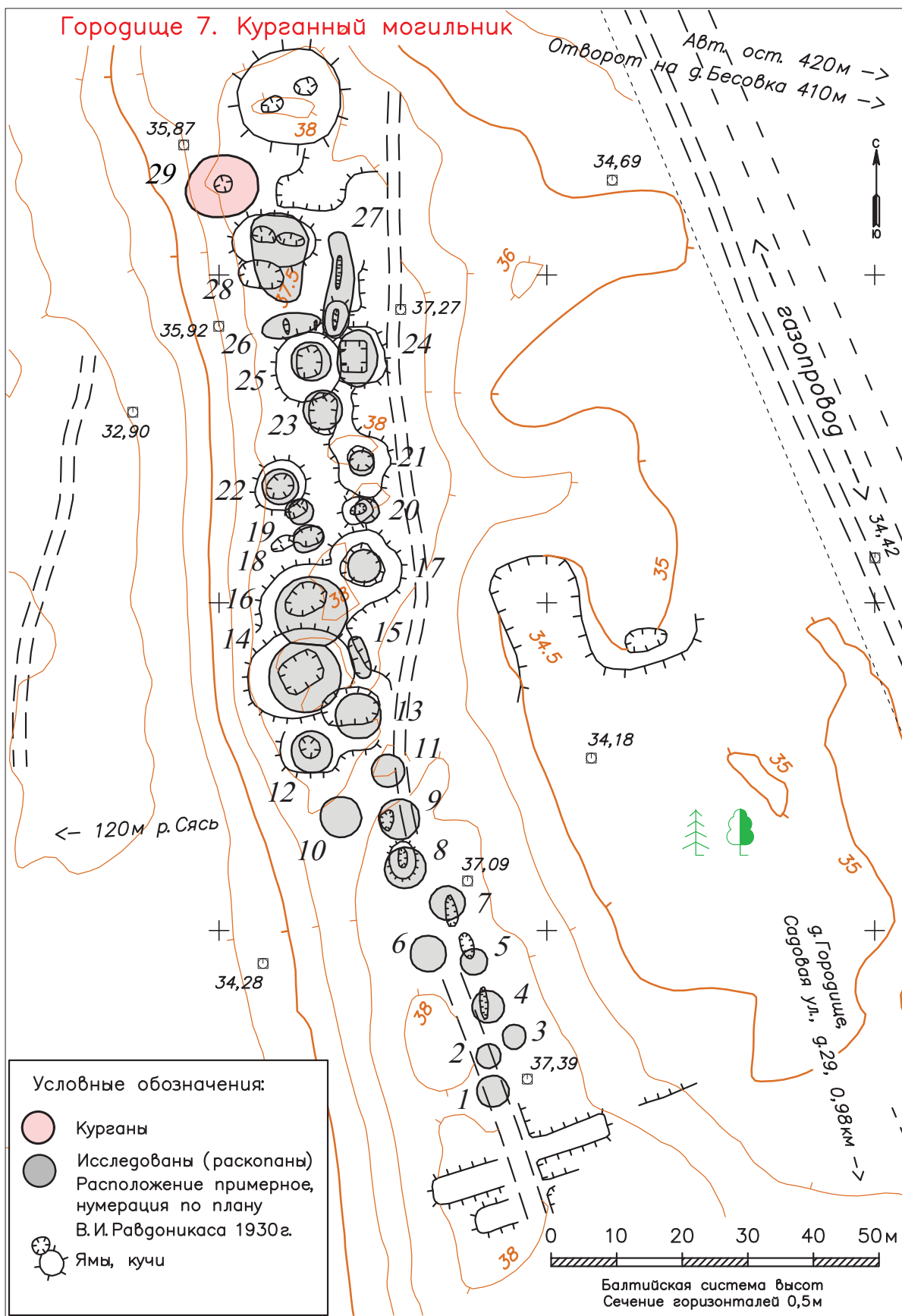

Рис. 40. Городище 7. Курганный могильник. Топографический план. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

1978. П. 269) (рис. 8: 52). Комплекс памятников у д. Городища известен с 80-х гг. XIX в., довольно хорошо освещен в архивно-библиографических материалах. В разное время здесь работали Н.Е. Бранденбург, Н.И. Репников, А.И. Колмогоров, В.И. Равдоникас, В.И. Рассказов, В.А. Назаренко, А.Д. Мачинская и О.И. Богуславский. На сегодняшний день у д. Городище известно более десятка средневековых поселенческих и погребальных памятников, однако ни один из них не подходит под определение «Курганная группа, 5 насыпей, в 2,5 км к С от д. Городище». В северном направлении от д. Городище на расстоянии более 1,5 км известно только три археологических памятника. Первый имеет географическую привязку к д. Бесовка (в 1,6 км к северо-северо-востоку от д. Городище), возле которой по своду И.С. Романцева находилось четыре сопки (Романцев, 1911. С. 81). Скорее всего, именно в этой группе в 1912 г. А.И. Колмогоров раскопал две насыпи (Колмогоров, 1914а. С. 428). К настоящему времени могильник не сохранился (Кочкуркина, 1989. С. 15; Лапшин, 1995. С. 77). Второй – могильник с погребениями по обряду кремации, находится на расстоянии около 2,3 км к северу от д. Городище и открыт в 2005 г. в ходе разведки в зоне строительства Северо-Европейского газопровода (Кузьмин, 2006). В 2006 г. остатки разрушенного памятника обследованы С.Л. Кузьминым. По результатам раскопок автор сделал предположение о том, что исследованные остатки погребений относятся к «домикам мертвых» эпохи Приладожской курганной культуры X–XI вв. (Кузьмин, 2006). Третий – поздний могильник западнее курганной группы Красная Заря (Городище 7). О нем упоминает В.И. Равдоникас. По его описанию, на самом берегу р. Сяси, в местности под названием «Богатырь», располагалось «уже христианское, но очень древнее кладбище со следами каменной ограды и с несколькими каменными крестами XV–XVI вв.», частично им исследованное. Небольшими раскопками были вскрыты христианские погребения в колодах и в гробах без вещей. Некоторые типы каменных крестов с резьбой, найденные здесь в обломках, палеографически указывают даже на XIV в. (Равдоникас, 1924. С. 32; 1931. С. 2, 5; Репников, 1931. С. 21. № 614). В «Археологической карте Ленинградской области» этот могильник учтен как «Городище-8. Грунтовый могильник с каменными крестами» и отмечен как не сохранившийся (Лапшин, 1995. С. 77. № 1112).

В 2016 г. С.В. Бельским обследована территория в 2,3–2,5 км к северу от д. Городище. Выявлен только один объект, ранее неизвестный, и обозначенный как «Возможная курганная насыпь

Бесовка-2» (Бельский, 2017). В каталоге памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С.И. Кочкуркиной памятник под названием «Курганная группа, 5 насыпей» в 2,5 км к С от д. Городище не упоминается (Кочкуркина, 1989). В «Археологической карте Ленинградской области» данный памятник не значится (Лапшин, 1995).

По результатам изучения архивно-библиографических материалов и полевого обследования 2022 г. объект культурного наследия «Курганная группа, 5 насыпей» XI–XIII вв. не идентифицирован и не локализован на местности из-за недостатка и противоречивости сведений, с известными археологическими памятниками в окрестностях д. Городище объект не соотносится.

Ново-Андреево 1. Группа сопок («Курганная группа, 14 насыпей»)

Группа сопок расположена на северо-западной окраине д. Ново-Андреево, вдоль автодороги в д. Шибенец (рис. 9: 42). Сопки впервые упомянуты в своде И.С. Романцева «О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии». Автор сообщает о 14 насыпях рядом с д. Андреево (Ново-Андреево) на поле в 300–350 м (150 саж.) от р. Сясь, высота которых колеблется в диапазоне 3,2–7,5 м. В публикации отмечено, что две насыпи «случайно раскопаны» и в них найдены «кости и уголь» (Романцев, 1911. С. 80). В опросных листах, которые лежат в основе труда И.С. Романцева, имеется уточнение, не попавшее в итоговую работу, – «раскопано две сопки на починку дороги и улиц»²¹. Стоит отметить, что еще в одном опросном листе у д. Ново-Андреево указано 13 насыпей (Межурецкий, Торопова, 2018. С. 3; Программы, 1909–1910. Л. 239, 240, 252). В 1910 или 1911 гг. А.И. Колмогоров раскопал в группе девять сопок. В восьми насыпях зафиксированы следы трупосожжения, девятая пустая с незначительными находками угля. Исследователь отмечает, что сопки у д. Ново-Андреево были самые большие из осмотренных им в регионе. Одна особенно выдающаяся имела высоту 12 м и диаметр около 40 м (Колмогоров, 1914а. С. 418). При обследовании В.И. Равдоникасом д. Ново-Андреево в 1915 г. найдены подковообразная фибула с многогранными головками и лировидная пряжка (Кочкуркина, 1989. С. 38).

²¹ Из формулировок в тексте книги и опросном листе неясно, входят ли две упомянутые раскопанные сопки в 14 насыпей, то есть имело место нарушение целостности учтенных объектов, или стоит считать, что, кроме сохранившихся 14 насыпей, еще две были полностью уничтожены и общее количество сопок увеличивается до 16.

В 1928 г. В. И. Равдоникас зафиксировал 14 насыпей высотой от 1,5 до 7,5 м, диаметром от 10 до 30 м вытянутых цепочкой в поле и подходящих к самой деревне. Около большинства насыпей исследователь отметил глубокие рвы и выемки. «Вполне целыми» В.И. Равдоникас посчитал пять самых крупных сопок, четыре повреждены ямами, остальные «вовсе раскопаны». Сопки на задворках деревни сохранились преимущественно в виде останцов, часть сплошь изрыта картофельными ямами. Составлен план группы (Равдоникас, 1928. Л. 24, 25; Равдоникас, Рассказов, 1931. Л. 9–11). В 1929 г. памятник обследован В.И. Рассказовым, насчитавшим в группе 12 сопок полусферической и усеченно-конической формы. Сделано описание и составлен план. Сопки № 1, 2, 4, 8 и 12 отмечены как раскопанные. Реконструируемая изначальная высота насыпей 4–6 м, диаметр 10–15 м. (Равдоникас, Рассказов, 1931. Л. 6–8). В археологической карте длинных курганов и сопок Н.Н. Чернягина группа учтена под номером 363 (Чернягин, 1941. С. 123).

В 1965 г. И. П. Крупейченко провел осмотр памятника, составил план, сделал описание, провел фотофиксацию и частичные раскопки останца сопки. На момент исследования сохранилось девять насыпей, однако на плане были отмечены только семь насыпей (Крупейченко, 1966. Л. 1, 5–19). В своде В.В. Седова «Новгородские сопки» группа учтена под № 338 (Седов, 1970. С. 45). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 14 насыпей» поставлен на государственный учет по адресу: Тихвинский р-н, Андреевский с/с, близ д. Ново-Андреево (Решение, 1978. П. 270). По данным С.И. Кочкуркиной на 1985 г., памятник насчитывал восемь насыпей, расположенных попарно вдоль дороги на пос. Шибенец, по четыре с каждой стороны. Две сопки с левой стороны дороги полностью уничтожены хозяйственными постройками, остальные повреждены. В каталоге памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. могильник записан под названием Ново-Андреево (Мелегежская горка) (Кочкуркина, 1989. С. 38, 39).

В 1987 г. группа сопок обследована О.И. Богуславским: шесть насыпей локализованы к западу от д. Новоандреево в излучине р. Сясь. Сопки располагались парами: № 1, 2 друг напротив друга через дорогу из д. Ново-Андреево в д. Шибенец в 0,4 км от д. Ново-Андреево, № 3, 4 также почти друг напротив друга через дорогу из д. Ново-Андреево в д. Шибенец в 0,2 км от д. Ново-Андреево, № 5, 6 на западной окраине д. Ново-Андреево в 60 м к северу от развилки дорог на д. Шибенец и д. Заручевье. Все насыпи полусферические с уплощенными

вершинами диаметром от 14 до 20 м, высотой 1,9–2,8 м заросли деревьями (Богуславский, 1988. Л. 9–10). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Ново-Андреево 1. Группа сопок» (Лапшин, 1995. С. 69. № 1071).

К 2022 г. в составе памятника сохранилось шесть сопок, сгруппированных попарно (нумерация насыпей по плану В.И. Равдоникаса 1928 г.) (рис. 41). Сопки № 6, 7 находятся на северо-западной окраине деревни рядом с огороженной территорией недействующего склада ГСМ. Сопки № 3, 4 располагаются в 240 м к юго-западу от сопки № 6, 7, практически напротив друг друга к северу и югу от асфальтовой дороги из д. Ново-Андреево в д. Шибенец. Сопки № 1, 2 располагаются в 187 м к западу от сопки № 3, 4, напротив друг друга также к северу и югу от асфальтовой дороги из д. Ново-Андреево в д. Шибенец. Сопка № 1 диаметром 19,6 м, высотой 3,4 м. Конусовидная, со склонами под 45 градусов. На вершине огромная яма размерами 5 × 3 м и глубиной 2 м, задернована. Вокруг прослеживается кольцевой ровик шириной 2–3 м и глубиной до 0,60 м. Вокруг сопки, задевая поля, видны ямы от землянок времени Великой Отечественной войны, о которых сообщает И.П. Крупейченко. Сопка № 2 диаметром 23 м, высотой 2,62 м. Насыпь заросла соснами, с севера кустарником и молодыми березками. Западная часть вершины срезана старой заплывшей ямой диаметром до 3 м и глубиной 0,4 м. С южной стороны сопки в поле также большая яма диаметром до 3 м, глубиной до 1 м, задернована. Северная поля сопки круче других, вероятно, подрезана, а также повреждена ямами (рис. 42). Сопка № 3 сильно повреждена огромными старыми заплывшими ямами с северного и южного краев, подрезана придорожной канавой с юга. Насыпь заросла старыми соснами и кустарником в ямах насыпи. Ровик по контуру сопки не прослеживается. Сопка № 4 диаметром 20 м, высотой 2,9 м. Конусовидная со склонами под 45 градусов, сильно деформирована большими старыми заплывшими ямами с северной и юго-западной сторон и отвалами из них. В северной части насыпь подрезана придорожной канавой так, что современный склон сопки стал продолжением склона канавы. Насыпь заросла соснами и орешником. Ровик не прослеживается (рис. 43). Сопка № 6 размерами 15 × 20 м, высотой 1,8 м. Останец сильно разрушенной сопки. Северная, восточная и западная поля срыты на песок. Остались лишь сильно деформированная центральная и южная части, похожие на две слившиеся насыпи. Наверху растут старые большие

Ново-Андреево 1. Группа сопок

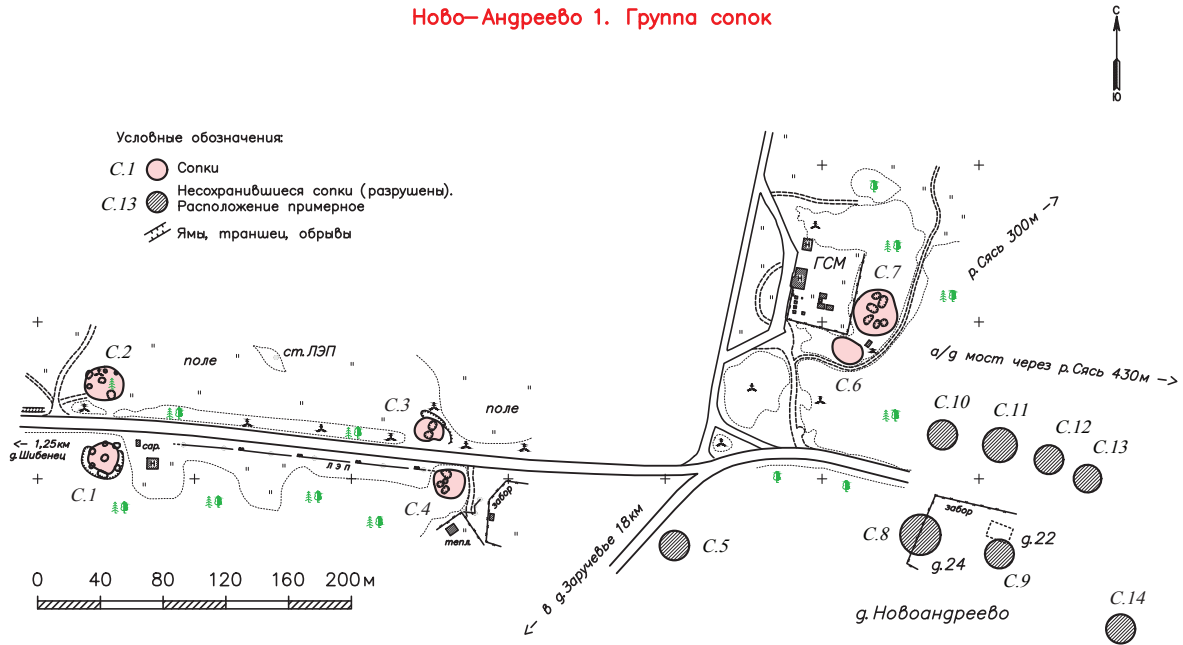

Рис. 41. Ново-Андреево 1. Группа сопок. Топографический план. Съёмка ЦСА ИИМК 2022 г.

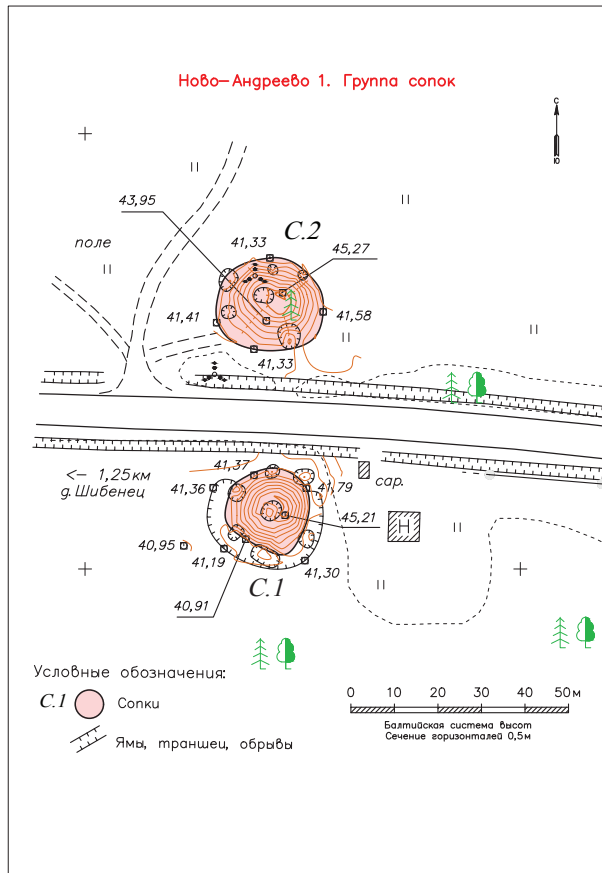

Рис. 42. Ново-Андреево 1. Группа сопок. Сопки 1–2. Топографический план. Съёмка ЦСА ИИМК 2022 г.

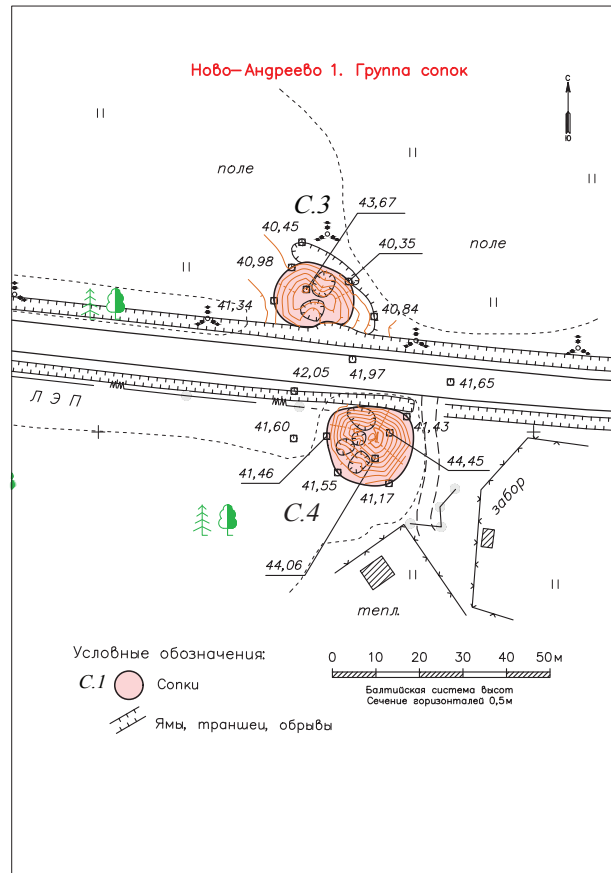

Рис. 43. Ново-Андреево 1. Группа сопок. Сопки 3–4. Топографический план. Съёмка ЦСА ИИМК 2022 г.

сосны, а на скрытых местах – кустарник и молодой ивняк, орешник и черемуха. Сопка № 7 диаметром 30 м, высотой 4,4 м. Насыпь большого размера. Ее форма сильно искажена в центре двумя огромными ямами, слившимися в одну, общим размерами 12 × 8 м, глубиной до 3 м и многочисленными заплывшими ямами по краям. По центру заросла крупными соснами, по краям кустарником (рис. 44).

Бечугино 1. Курганный могильник

Могильник расположен к северу от урочища Бичугино, на правом берегу р. Капши, в лесу (рис. 10: 64). В 1928 г. В.И. Равдоникасом «среди вырубленного леса на левом берегу р. Капши в 200 м к С от дер. Вичугино» зафиксировано семь насыпей высотой 0,3–1,0 м, диаметром 5–10 м. Под № 8 на плане указан «кольцеобразный вал выше 1 метра». Тогда же В.И. Равдоникасом раскопано три или четыре кургана с погребениями по обряду ингумации с инвентарем «с вепской культурой». Все курганы имели «старые ямы». Снят глазомерный план (Равдоникас, 1929. Л. 30, 31. Табл. XXVII; Коишевский, Равдоникас, 1931. Л. 3, 4). В 1937 г. Н.И. Репниковым и Н.Н. Чернягиным, отмечено, что «около 200 м к СВ от Бечугиной, слева от дороги в Бабью-Гору и Паньково – у дороги находится 6 курганов. Все они уже раскопаны» (Чернягин, 1937. Л. 3 об.).

В 1970 г. окрестности д. Бечугино обследовал В.А. Кольчатов. В 240 м от деревни по дороге из д. Бечугино в д. Бабья Гора, «справа от дороги» зафиксирована курганная группа «из 6 раскопанных, вытянутых цепью с ЮЗ на СВ насыпей». Все были раскопаны колодцем, и, по словам жительницы д. Бабья Гора, это произошло «лет 50–60 назад». По данным В.А. Кольчатова, имеющиеся здесь же две насыпи курганоподобного вида с квадратными ямами представляют собой остатки силосных ям. Снят глазомерный план (Кольчатов, 1970. Л. 9. П. 15). В 1984 г. С.И. Кочкуркина в ходе разведки по р. Капша и Паша обнаружила остатки шести насыпей могильника, вытянутых цепочкой с юго-запада на северо-восток диаметром 5–10 м, высотой 0,3–1,0 м. Курганы располагались «на правом берегу р. Капши на возвышенности, ограниченной с севера ручьем, на высоте 10 м, в 250 м севернее д. Нижнее Бечугино, с правой стороны дороги». Снят план, проведена фотофиксация. С.И. Кочкуркиной могильник зафиксирован как курганная группа Бечугино-II (Кочкуркина, 1985. Л. 6).

В каталоге памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С.И. Кочкуркиной могильник отмечен под номером LX «Бечугино 2» (Кочкуркина, 1989. С. 93–95). В 1988 г. нижнее

течение р. Капши обследовано В.А. Лапшиным с целью создания археологической карты Ленинградской области. По данным экспедиции, могильник из восьми насыпей, выявленный В.И. Равдоникасом в 1928 г., не сохранился. Памятник был обозначен как «Бечугино (Вичугино)-1. Курганная группа» (Лапшин, 1988а. Л. 14, 15). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Бечугино (Вичугино)-1. Курганная группа». Отмечено, что могильник не сохранился (Лапшин, 1995. С. 77. № 1119).

При обследовании в 2022 г. территории памятника были обнаружены остатки девяти насыпей, две из которых, вероятно, являются силосными ямами. Оставшиеся после раскопок В.И. Равдоникаса 1928 г. насыпи повреждены грабительскими ямами. Восемь объектов были отсканированы с помощью встроенного в iPhone 12 Pro лазерного сканера и программы 3dScanner для фиксации схемы взаимного расположения насыпей и цифровой модели их поверхностей, проведена фотофиксация (рис. 45).

Бечугино 2. Курганный могильник

В 1937 г. Н.И. Репниковым и Н.Н. Чернягиным на южном конце деревни Бечугино у крайнего с юга двора колхозника М.Н. Тирозерского, «на задворке, за изгородью», обнаружен «один отлогий курган» высотой 0,5 м и диаметром до 6 м (Чернягин, 1937. Л. 3 об.) (рис. 10: 65). В 1970 г. окрестности д. Бечугино обследовал В.А. Кольчатов. У единственного заселенного дома на южном краю деревни зафиксирован отмеченный еще в 1937 г. «небольшой одиночный курган высотой 0,5 м, диаметром 6 м» с двумя свежими ямками диаметром 0,6 м и глубиной до 0,2 м (Кольчатов, 1970. Л. 9). Один курган размерами 6,0 × 0,5 м с ямами «с левой стороны старой дороги, идущей по правому берегу р. Капши из д. Новинки в д. Нижнее Бечугино, за первым домом, в 130 м от ручья» упомянут и в 1984 г. С.И. Кочкуркиной. Курган зафиксирован как Бечугино-I. Снят глазомерный план (Кочкуркина, 1985. Л. 6). В каталог памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С.И. Кочкуркиной могильник включен под номером LIX «Бечугино 1» (Кочкуркина, 1989. С. 92). В 1988 г. В.А. Лапшин в «0,1 км к западу от южной части д. Бечугино, в 0,25 км от правого берега р. Капши, на третьей надпойменной террасе» зафиксировал два кургана: насыпь № 1 диаметром 10 м, высотой 1 м, поврежденную грабительской ямой, и насыпь № 2, почти полностью разрушенную. Памятник был обозначен как «Бечугино-2. Курганная группа» (Лапшин, 1988а. Л. 14–16). В Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Бечугино-2. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 78, 79. № 1120).

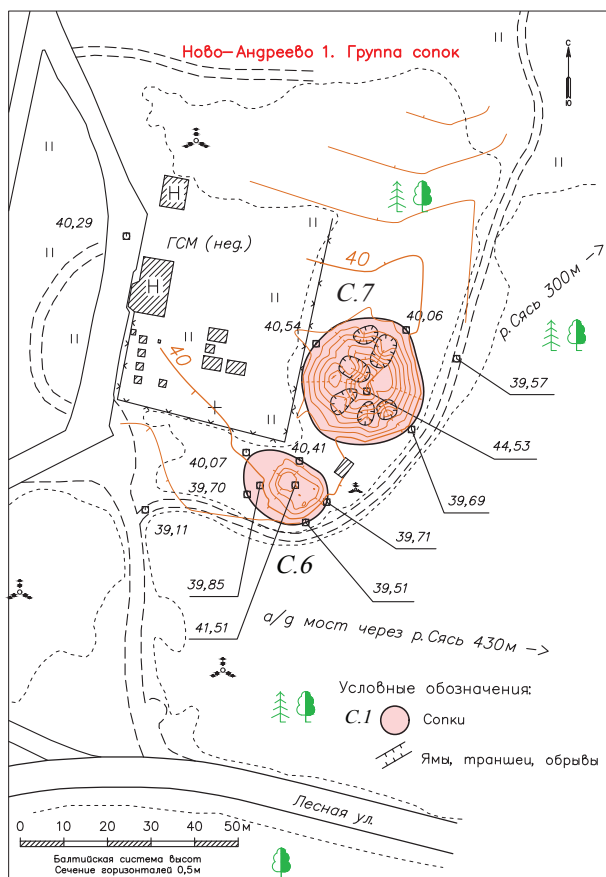

Рис. 44. Ново-Андреево 1. Группа сопок. Сопки 6–7. Топографический план. Съёмка ЦСА ИИМК 2022 г.

При осмотре территории памятника в 2022 г., локализованного на местности в соответствии с планом и привязками В. А. Лапшина, визуально выделить насыпи на перекопанном пространстве оказалось невозможным. Ручная лазерная съёмка разрушений также не выделила каких-либо внятных форм археологических объектов, памятник почти полностью разрушен грабителями в недавнем прошлом (рис. 46).

Бечуго 3. Курганный могильник («Курганы. 2 насыпи»)

Впервые сведения о курганах у д. Бечуго приведены в дневнике Н.Н. Черныгина о разведке 1937 г. по рекам Капше и Ояти. Две насыпи обнаружены в 0,5 км к северо-западу от д. Бечуго, в 60 м слева от дороги в д. Бабыя Гора, в 1 км от последней, на скате возвышенности в поле. Курган № 1 полусферической формы, диаметром 8 м, высотой 1,6 м. Рядом с ним, прилегая к северной поле курган № 2, плоский, диаметром 6 м, высотой около 0,5 м. Обе насыпи целые (Черныгин, 1937. Л. 30б.) (рис. 10: 66). В 1970 г. В. А. Кольчатов эти курганы в окрестностях д. Бечуго не обнаружил, предположив, что они уничтожены в результате многолетней распашки (Кольчатов, 1970. Л. 9). В 1978 г. памятник под названием «Курганы. 2 насыпи» поставлен на государственный учет по адресу: Тихвинский р-н, Ереминогорский с/с, близ д. Бабыя Гора (Решение, 1978. П. 271), однако источник для

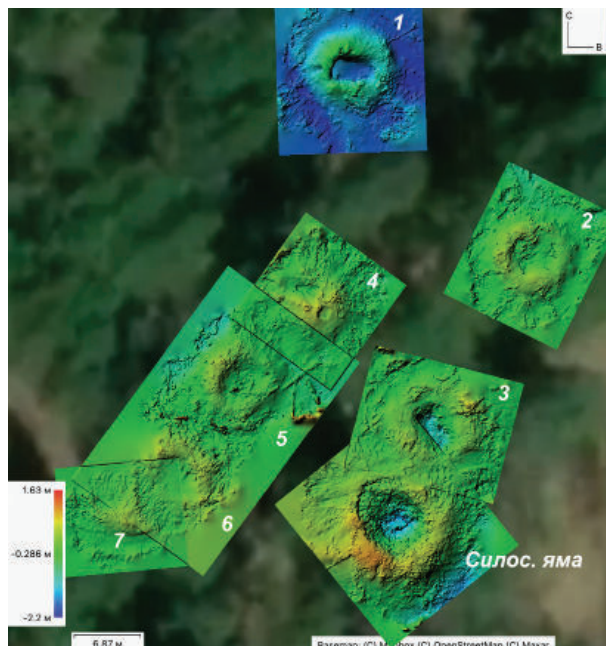

Рис. 45. Бечуго 1. Курганный могильник. Цифровая модель поверхности насыпей (Phone 12 Pro Lidar, 3dScan App). Съёмка ЦСА ИИМК 2022 г.

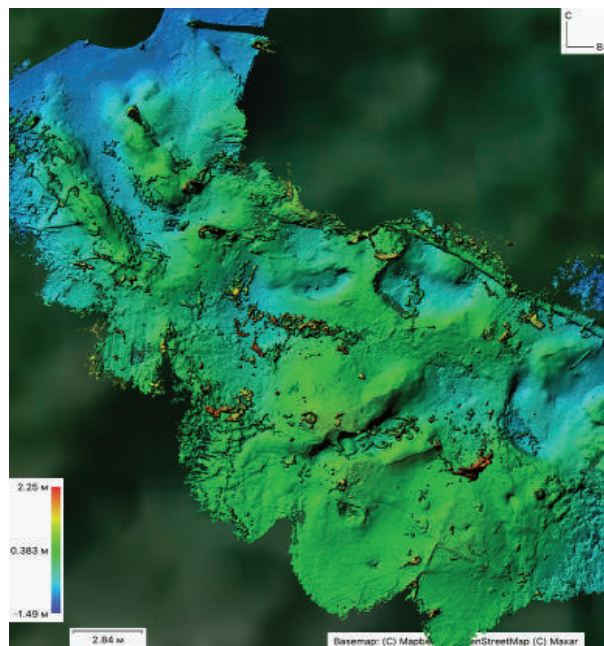

Рис. 46. Бечуго 2. Курганный могильник. Цифровая модель поверхности насыпей (Phone 12 Pro Lidar, 3dScan App). Съёмка ЦСА ИИМК 2022 г.

постановки памятника на охрану остался неясен. В 1984 г. С.И. Кочкуркина, проводившая разведку по р. Капша и Паша, памятник также не обнаружила (Кочкуркина, 1985. Л. 6). В каталоге памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С.И. Кочкуркиной при описании курганной группы под номером LX «Бечугино 2», могильник отмечен как несохранившийся (Кочкуркина, 1989. С. 93–95). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Бечугино 3. Курган», где автор пишет только об одном кургане, хотя в ссылках указаны источники, в которых фигурируют две насыпи. Курган также отмечен как несохранившийся (Лапшин, 1995. С. 79. № 1121).

При полевом обследовании в 2022 г. по описанию места расположения курганов Н.Н. Чернягиным памятник обнаружить не удалось, поле и возвышенность полностью заросли лесом. Дорога также заросла лесом и на местности почти не прослеживается. Вероятно, подтверждаются сообщения В.А. Кольчатова 1970 г. и С.И. Кочкуркиной 1984 г. об утрате памятника (Кольчатов, 1970. Л. 9; Кочкуркина, 1985. Л. 6).

Витуй. Курганный могильник («Курганная группа, 6 насыпей»)

Могильник расположен к югу от д. Лихачево, к северу от д. Серебрянка, к востоку от автодороги Тихвин–Лодейное Поле, в 180 м к востоку от р. Капши, на вытянутой вдоль дороги гряде, в еловом лесу. В архивно-библиографических материалах ближайшими к могильнику населенными пунктами указываются д. Лихачево или ныне несуществующий хутор Витуй (деревня Витуя) (рис. 11: 60). Курганы в местности Лихачево впервые упоминаются в своде И.С. Романцева «О курганах, городищах и жалниках Новгородской губернии». Автор сообщает о шести «сопках» высотой «до 7 четвертей» на основе информации из опросных листов, составленных на местах должностными лицами: волостными писарями, полицейскими урядниками, приставами (Романцев, 1911. С. 85; Межурецкий, Торопова, 2018. С. 1, 2). Первое обследование могильника произвели Н.И. Репников и Н.Н. Чернягин в 1937 г. Составлено краткое описание, снят ситуационный план. Девять курганов диаметром 6–12 м высотой до 2,6 м обнаружены к северо-западу от д. Витуя, в сосновом лесу, с правой стороны от дороги, в д. Еремина Гора. Пять насыпей имели следы раскопок (Чернягин, 1937. Л. 3, 3об.).

В 1970 г. памятник осмотрен В.А. Кольчатовым. Выполнено подробное описание могильника,

фотофиксация, снят ситуационный план. К моменту обследования западная линия из четырех курганов на плане Н.Н. Чернягина не сохранилась. По сведениям местных жителей, насыпи были скрыты в 1940–1950-х гг. при строительстве шоссе. Оставшиеся курганы располагались на осыпающемся обрыве, поэтому три из них наполовину разрушены. Одна из этих поврежденных насыпей не была учтена Н.Н. Чернягиным. По мнению В.А. Кольчатова, пропущенным оказался курган № 2 (Кольчатов, 1970. Л. 6). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 6 насыпей» поставлен на государственный учет по адресу: Тихвинский р-н, Ереминогорский с/с, близ д. Лихачево (Решение, 1978. П. 274).

В 1982 г. курган № 6 по нумерации В.А. Кольчатова, поврежденный большой грабительской ямой, был раскопан И.П. Крупейченко. Диаметр насыпи кургана составил 12 м при высоте 1,3 м, был насыпан из песка, ровик не прослежен. В насыпи отмечены отдельные зольно-углистые вкрапления, останки труположения, инвентарь. Датирован автором раскопок XI в. (Крупейченко, 1982; Кочкуркина, 1989. С. 80). В 1984 г. С.И. Кочкуркиной на памятнике отмечены также шесть насыпей диаметром 6–12 м, высотой 0,45–1,50 м. Курганы № 4 и 5 раскопаны колодцем, № 1–3 срезаны обрывом, № 6 целый²². Снят ситуационный план могильника (Кочкуркина, 1985. Л. 4). В 1988 г. В.А. Лапшиным в курганном могильнике зафиксировано восемь насыпей²³, составлено краткое описание и снят ситуационный план. Курганы № 7–9 выявлены впервые (Лапшин, 1988а. Л. 16). В 1988 г. Е.М. Колпаковым составлен паспорт памятника под названием «Курганная группа у д. Лихачево (у б. хутора Витуй)» (Паспорт, 1988в). В каталоге памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С.И. Кочкуркиной могильник записан под номером XLIX «Витуй» (Кочкуркина, 1989. С. 79). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Витуй. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 84. № 1136).

При работе на памятнике в 2022 г. идентифицировано шесть курганов и место исследованного в 1982 г. И.П. Крупейченко кургана (№ 6). Курганы № 1–5 известны с 1937 г., и повторно осмотрены

²² Раскопанный в 1982 г. И.П. Крупейченко курган № 6 по непонятным причинам отмечен целым на плане 1984 г. С.И.Кочкуркиной. В публикации 1989 г. информация об указанных археологических работах приведена (Кочкуркина, 1989. С. 79).

²³ Без учета кургана, раскопанного И.П. Крупейченко в 1982 г.

в ходе археологических разведок 1970, 1984 и 1988 гг.; курган № 7 открыт В. А. Лапшиным в 1988 г. Насыпи, зафиксированные В. А. Лапшиным в 1988 г. как курганы № 8 и 9, являются естественными возвышенностями. Насыпи расположены близко друг к другу. Максимальное расстояние между курганами № 3 и 4 около 3,2 м; курганы № 1, 2 и 7 практически смыкаются полами. Через могильник рядом с курганами № 1–3, отсекая курган № 7, проходят две линии старой ЛЭП по направлению северо-восток–юго-запад. Курганы поросли крупными елями и еловым подлеском. Курганы № 4 и 5 разграблены варварским образом с применением техники: уничтожено до 2/3 объема насыпей. В отвалах прослеживаются крупные угли и кальцинированные кости (рис. 47).

Олончино 1. Курганный могильник («Курганная группа, 4 насыпи»)

Могильник открыт в 1970 г. В. А. Кольчатовым на правом берегу р. Капши, в 0,45 км по дороге из д. Олончено (Олончаково/Олончино)²⁴ в д. Бечугино, в 150 м вправо по лесной дороге, в 30 м слева от нее в сосновом лесу обнаружено четыре кургана. Сделано описание, составлен ситуационный план (Кольчатов, 1970. Л. 7) (рис. 10: 61). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 4 насыпи» поставлен на государственный учет по адресу: Тихвинский р-н, Ереминогорский с/с, близ д. Олончено (Олончаково) (Решение, 1978. П. 276).

В 1984 г. памятник обследован С. И. Кочкуркиной. На правом берегу р. Капши в 0,4 км от д. Олончено (Олончана) по дороге в д. Новинка, слева от лесной дороги в сторону р. Капши на высоте около 40 м осмотрены четыре кургана диаметром 7–15 м, высотой 0,7–1,2 м, все с повреждениями. Снят ситуационный план могильника (Кочкуркина, 1985. Л. 6). В 1988 г. четыре кургана Олончино 1 обследованы В. А. Лапшиным в 1 км к северо-востоку от д. Олончено (Олончино), в 0,2 км к западу от правого берега р. Капши, на третьей надпойменной террасе у лесной дороги. Насыпи зафиксированы как полусферические с уплощенными вершинами, диаметром 8–12 м, высотой 0,6–1,6 м, повреждены ямами (Лапшин, 1988. Л. 17). В тот же год Е. М. Колпаковым составлен паспорт памятника под названием «Курганная группа у д. Олончино» (Паспорт, 1988г). В каталоге

²⁴ В отчетах и публикациях исследователей разных лет можно встретить разные варианты написания названия этого населенного пункта – Олончаково, Олончино, Олончана. В тексте отчета здесь и далее указывается современное наименование деревни: Олончено; в скобках приведено «оригинальное» название из источника.

памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С. И. Кочкуркиной могильник записан под номером LVI «Олончана» и датирован общими хронологическими рамками существования курганного погребального обряда в юго-восточном Приладожье X–XIII вв. (Кочкуркина, 1989. С. 84). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Олончино 1. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 79. № 1127).

В 2017 г. могильник осмотрен А. М. Жульниковым в ходе разведки по трассе проектируемой ЛЭП. Памятник был локализован на правом берегу р. Капша в 1 км к северо-востоку от д. Олончено, в 180 м к западу от берега реки, на третьей и четвертой береговых террасах, на двух относительно ровных площадках, разделенных уступом и грунтовой дорогой, ведущей от дороги Олончено–Новинка к берегу р. Капша, в хвойном лесу. Отмечено семь курганов: четыре известные ранее по отчетам В. А. Кольчатова, С. И. Кочкуркиной, В. А. Лапшина и три, вновь выявленные. Сделано подробное описание состояния насыпей, фотофиксация, снят инструментальный план (Жульников, 2017. Л. 85–87). По результатам было предложено разместить опоры ЛЭП за пределами памятника или провести спасательные раскопки попадающих в зону строительства курганов (Жульников, 2017. Л. 223, 224). Позднее, второй вариант был признан единственно возможным (Проектная документация, 2018. С. 6, 73, 74, 78–80). К такому же заключению пришел и А. Ю. Тарасов при составлении Акта историко-культурной экспертизы (Акт, 2019), после чего в конце 2020 – начале 2021 г. были вынесены в натуру поворотные точки границ памятника (Технический отчет, 2021).

Однако, во время инвентаризационного обследования 2022 г. на месте расположения памятника обнаружена просека ЛЭП шириной до 80 м, дневная поверхность сnivelирована на глубину до 1 м плавным спуском в сторону р. Капша и опоры ЛЭП на ее берегу, разъезжена колесами и гусеницами тяжелой техники. По южному краю просеки проложена техническая дорога из бревен с песком. На середине просеки, на месте курганного могильника Олончино 1 складированы штабеля бревен от сведенного леса. Признаки курганных насыпей не прослеживаются. Официальные раскопки курганов в последние годы не производились²⁵.

²⁵ Ответ Архива ИА РАН об отсутствии запросов на выдачу Открытого Листа на археологические раскопки могильника у д. Олончино Тихвинского района Ленинградской области за последние несколько лет. Входящее письмо ИА РАН № 14102/5475-2565 от 07.09.2022.

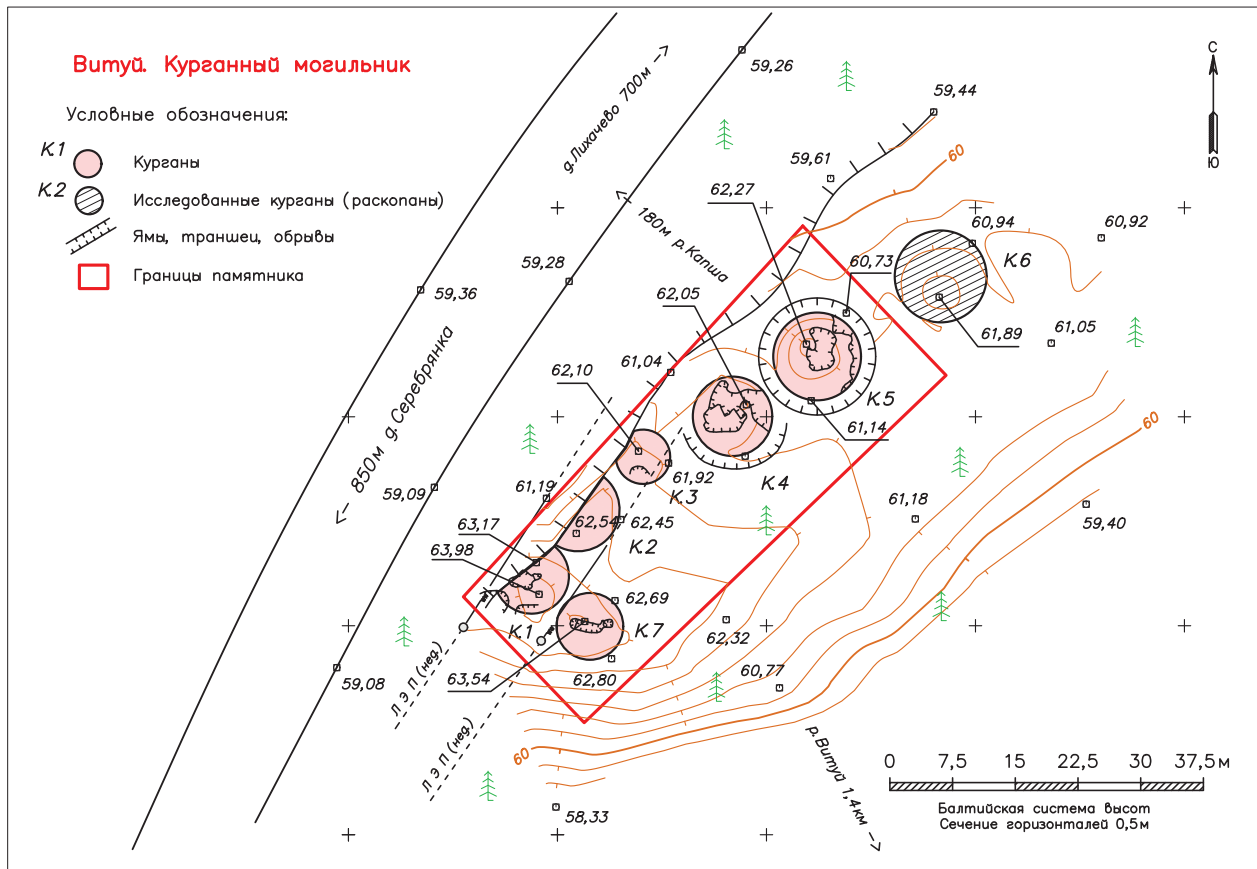

Рис. 47. Витуй. Курганный могильник. Топографический план. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

Несмотря на усилия по сохранению памятника, с большой долей вероятности он был разрушен в период строительства ЛЭП в 2021–2022 гг.

Орехово 1, 3. Курганный могильник («Курганныя группа»)

Курганный могильник расположен на излучине правого берега р. Капши к юго-западу от д. Орехово и к северо-северо-востоку от д. Олончено, к западу от автодороги Ганьково-Лодейное Поле, на песчаной гряде в сосновом лесу (рис. 10: 62). Могильник из 16 «сопок» высотой «до 9 четвертей» на берегу р. Капши у д. Орехово впервые упоминается в своде И.С. Романцева «О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии» (Романцев, 1911. С. 87). Памятник отмечен на карте обследованных В.И. Равдоникасом объектов в ходе разведки 1928 г., однако обозначен на левом берегу р. Капши с пометкой, что в этом могильнике производились раскопки (Равдоникас, 1928. Л. 33). Общее количество насыпей приведено в книге «Die Normannen der wikingerzeit und das Ladogagebiet» – 16 курганов высотой 1,0–1,5 м (Raudonikas, 1930. S. 147).

В 1970 г. памятник обследован И.П. Крупейченко. Было отмечено 13 курганов округлой полусферической формы высотой 0,85–2,2 м, диаметром 9–12 м. Большинство повреждены грабительскими ямами. Составлен ситуационный план. В соответствии с его нумерацией проведены раскопки курганов № 3 и 6, которые содержали кострища, очаги, погребения по обряду кремации и ингумации, инвентарь (Крупейченко, 1970). В том же году В.А. Кольчатовым в могильнике отмечено 19 курганов, из которых курган № 1 отделен от остальной группы ручьем. Сделано описание, составлен ситуационный план (Кольчатов, 1970. Л. 8–9). В 1971–1972 и 1975–1977 гг. И.П. Крупейченко продолжил раскопки могильника. В 1971 г. был исследован курган № 7, в 1972 г. – курган № 2, в 1975 г. – курган № 12, в 1976 г. – курган № 13, в 1977 г. – курганы № 8 и 15 (по нумерации И.П. Крупейченко). Исследованные курганы содержали кострища, погребения по обряду кремации и ингумации, инвентарь (Крупейченко, 1971; 1972; 1975; 1976; 1977; Кочкуркина, 1989. С. 86–92). В отчете за 1976 г. И.П. Крупейченко пишет об уточнении количества насыпей в группе с 13 до 18, однако,

приложенный план с планом В. А. Кольчатова 1970 г. соотносится лишь частично (Крупейченко, 1976. Л. 1). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа» поставлен на государственный учет по адресу: Тихвинский р-н, Ереминогорский с/с, правый берег р. Капши напротив д. Орехово (Решение, 1978. П. 277). В 1983 г. этот же могильник под названием «Курганная группа» включен в список памятников истории и культуры, принятых на государственную охрану Инспекцией охраны памятников Управления культуры Ленинградского областного Совета народных депутатов. Адрес: Тихвинский р-н, Ереминогорский с/с, правый берег р. Капши напротив д. Орехово (Список, 1983. П. 278).

В 1984 г. памятник осмотрен С. И. Кочкуркиной. Зафиксированы 19 курганов диаметром 6,5–17,0 м, высотой 0,25–1,60 м, из которых восемь были раскопаны И. П. Крупейченко (Кочкуркина, 1985. Л. 3). В 1988 г. В. А. Лапшин насчитал в могильнике 12 полусферических насыпей с уплощенными вершинами диаметром 7–14 м, высотой 0,2–1,9 м, и места восьми курганов, раскопанных И. П. Крупейченко (Лапшин, 1988. Л. 16). В 1988 г. Е. М. Колпаковым составлен паспорт памятника под названием «Курганная группа Орехово I» (Паспорт, 1988д), но одиночный курган за ручьем (№ 1 по В. А. Кольчатову и С. И. Кочкуркиной) выделен в отдельный памятник «Орехово 3» (Лапшин, 1988. Л. 16 № 69; 1995. С. 79 № 1125). В каталоге памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С. И. Кочкуркиной могильник записан под номером LVIII «Орехово» (Кочкуркина, 1989. С. 85). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Орехово I. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 79. № 1123). В Решении № 271 от 10.07.1978 о постановке на учет курганский могильник у д. Орехово рассматривается в границах, определенных планом В. А. Кольчатова 1970 г.: 19 насыпей, одна из которых отделена от основного массива ручьем (курган № 1). Несмотря на выделение одиночного кургана за ручьем в отдельный памятник «Орехово 3» в ходе паспортизации 1987–1988 гг., могильник у д. Орехово следует рассматривать как единый памятник в рамках границ плана В. А. Кольчатова 1970 г.

Инвентаризацией 2022 г. зафиксировано 11 курганов и несколько участков предположительного размещения раскопанных И. П. Крупейченко насыпей. Курган № 14 по плану Е. М. Колпакова 1987 г. является естественной возвышенностью. На планах В. А. Кольчатова, И. П. Крупейченко

и С. И. Кочкуркиной этот курган также отсутствует. Курган № 2 по плану Е. М. Колпакова оказался раскопанным. Курганы могильника расположены на расстоянии 30–75 м друг от друга группами и отдельными насыпями вдоль гряды, вытянутой по направлению юго-запад–северо-восток. Общая протяженность могильника 300 м. Одиночный курган располагается в 110 м к западу от основного массива (от кургана № 2), за впадающим в р. Капша ручьем, на краю второй надпойменной террасы, в 40 м от реки. Все курганы имеют следы масштабных грабительских раскопок (рис. 48).

Орехово 2. Курганский могильник

Памятник расположен на правом берегу р. Капши, напротив д. Орехово, к западу от автодороги Ганьково–Лодейное Поле, на краю второй надпойменной террасы в сосновом лесу (рис. 10: 63). Могильник из трех насыпей обнаружен в 1986 или 1987 г. В. А. Назаренко. Курганы описаны как сегментовидные, уплощенные, в плане прямоугольные, диаметром 9–10 м и высотой 0,4–0,8 м. Северный курган диаметром 8,5 м и высотой 0,4 м, расположенный через дорогу напротив двух других, в 1987 г. раскопан на снос. В кургане обнаружены остатки погребального сооружения: четырехугольный сруб с очагом, интерпретированный автором как «домик мертвых» с женским труположением и инвентарем. По находкам и форме насыпей могильник был датирован XI в. (Паспорт, 1988е). В 1988 г. Е. М. Колпаковым составлен паспорт памятника под названием «Курганная группа Орехово II» по адресу: Ленинградская область, Тихвинский р-н, Ереминогорский с/с, напротив д. Орехово (Паспорт, 1988е). В 1988 г. В. А. Лапшин при осмотре могильника отметил три кургана, один из которых (№ 1) был на момент обследования раскопан. Курганы № 2 и 3 описаны как сегментовидные, уплощенные, в плане подпрямоугольные, диаметром 9–10 м, высотой 0,4–0,8 м (Лапшин, 1988. Л. 16). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Орехово-2. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 79. № 1124).

При осмотре памятника в 2022 г., курганы были отсканированы с помощью встроенного в iPhone 12 Pro лазерного сканера и программы 3dScanner для фиксации схемы взаимного расположения насыпей и цифровой модели их поверхностей, проведена фотофиксация. Курган № 1 с северной стороны лесной дороги в д. Орехово раскопан на снос, вокруг отвалов прослеживаются следы ровика. Два кургана с южной стороны лесной дороги сильно повреждены грабительскими раскопками. Курган № 2 – насыпь аморфной формы, диаметром 5–6 м, высотой 0,6–

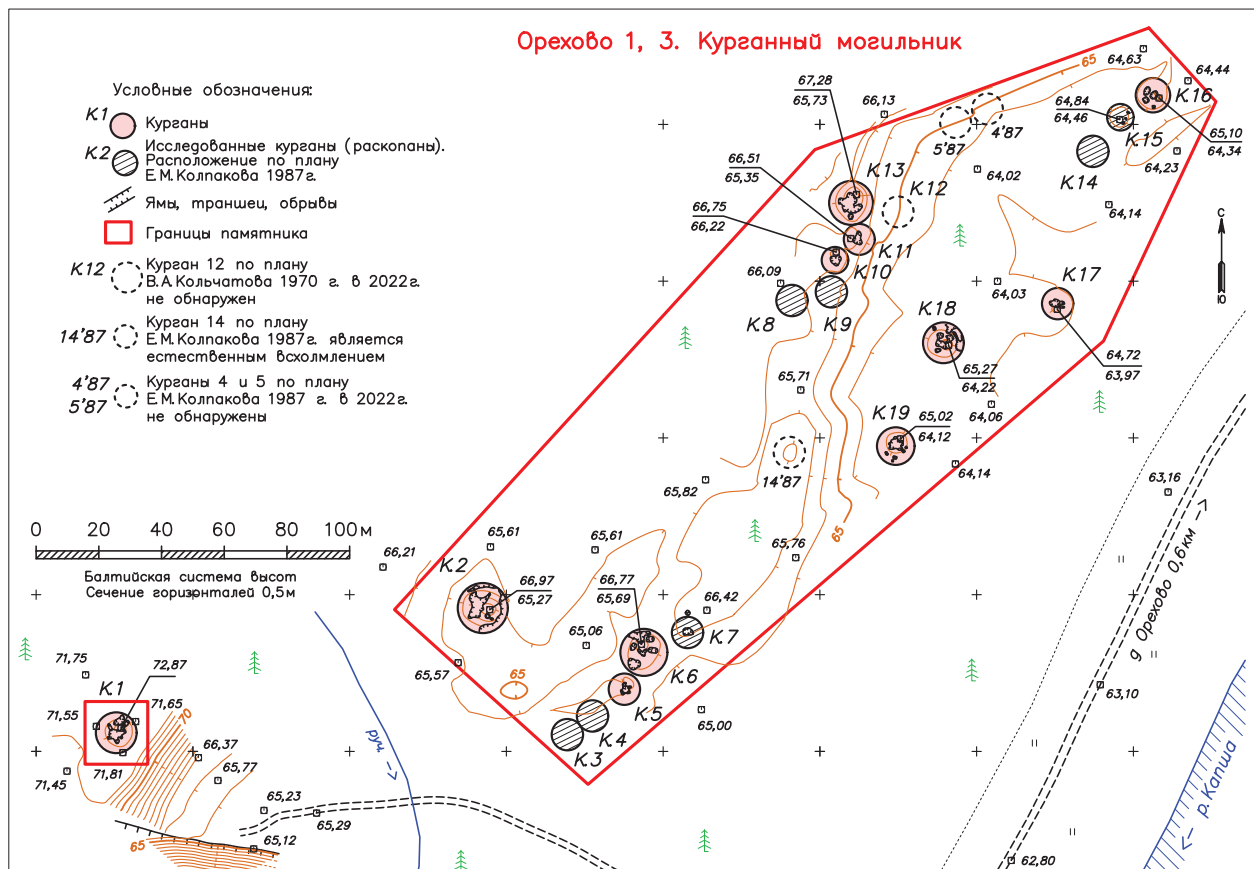

Рис. 48. Орехово 1, 3. Курганный могильник. Топографический план. Съёмка ЦСА ИИМК 2022 г.

0,7 м, вокруг ровик, в центре яма подпрямоугольной формы размерами 2,8 × 2,1 м, глубиной 0,9 м. Курган № 3 – насыпь аморфной формы, диаметром около 6 м, высотой до 0,9 м, с ровиком. В центре яма размерами 2 × 5 м, глубиной 0,9 м (рис. 49).

Овино 4. Курганный могильник («Курганная группа, 8 насыпей»)

Впервые сведения о курганах около д. Овино опубликованы А. И. Колмогоровым в 1914 г. По поручению Императорского Московского археологического общества в 1910–1912 гг. исследователь проводил разведки и раскопки погребальных

насыпей в Тихвинском уезде. Вокруг д. Овино А. И. Колмогоров зафиксировал несколько курганных групп и выборочно произвел археологические изыскания. Связать их с группами курганов, обнаруженными в последующие годы, можно лишь предположительно (Колмогоров, 1914а. С. 414–416) (рис. 9: 44). В 1928 г. комплекс археологических памятников у д. Овино обследовался В. И. Равдоникасом и В. И. Рассказовым. Каждый из исследователей описал по шесть курганных групп (Рассказов, 1928. Л. 6, 25, 27, 28–30; Равдоникас, 1928. Л. 26). Уверенно соотнести между собой можно только три (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение описания курганов могильника Овино 4

В. И. Рассказов (1928. Л. 6, 25, 28)	В. И. Равдоникас (1928. Л. 26)
№ 49. 9 курганов в 100 м севернее д. Овино	Севернее д. Овино на 0,5 км, группа из 9 курганов
№ 51. 17 курганов в 2,5 км севернее д. Овино, в лесу	Севернее д. Овино, в лесу, в 4 км, 17 курганов по рассказам крестьян
№ 54. 2 кургана в 40 м на юго-запад от д. Овино, среди полей на берегу ручья Овин. Оба кургана раскопаны	У самой деревни на берегу ручья 2 кургана; диаметр основания 4 и 8 м, высота 1 и 2 м. Оба с ямами.

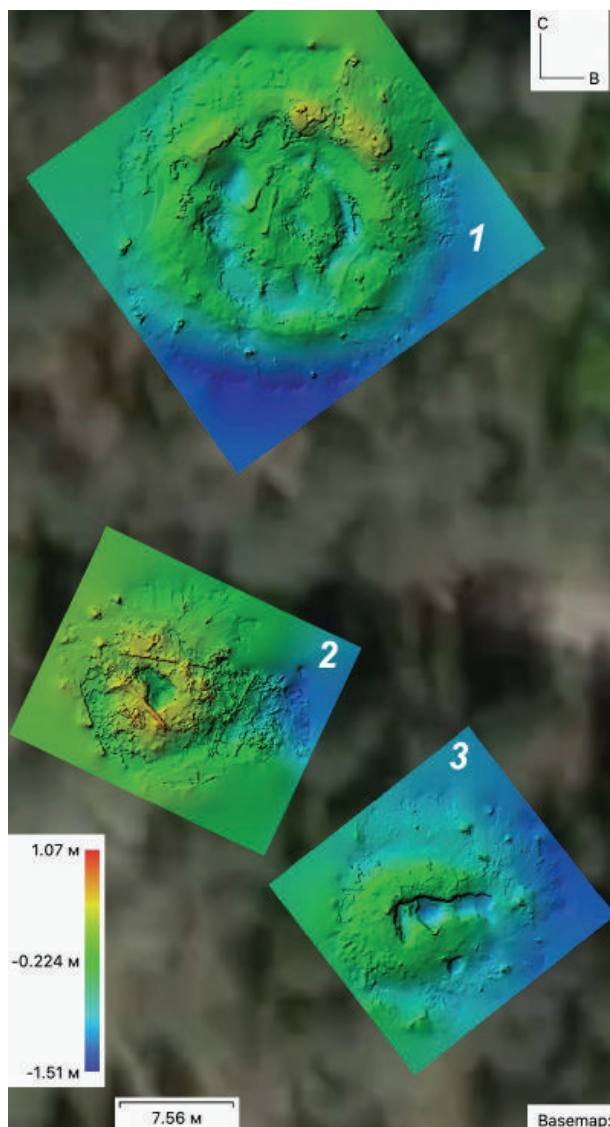

Рис. 49. Орехово 2. Курганный могильник. Цифровая модель поверхности насыпей (Phone 12 Pro Lidar, 3dScan App). Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

В 1972 г. В.А. Назаренко обследовал по р. Тихвинке курганы, известные по работам 1920-х гг. В тексте отчета В.А. Назаренко упоминает только о разведках В. И. Равдоникаса, однако курганные группы, которые исследователь фиксирует у д. Овино, соотносятся как раз с могильниками, описанными В.И. Рассказовым (Назаренко, 1972. Л. 2, 3, 4): 1) 13 курганов в 0,5 км к югу от д. Овино, на правом берегу р. Тихвинки на небольшом всхолмлении в сосновом лесу (Рассказов, 1928. Л. 6, № 52, 29); 2) в 0,75 км к югу от группы из 13 курганов в лесу три насыпи, раскопанные колодцем (Рассказов, 1928. Л. 6, № 53, 30); 3) около д. Овино на берегу ручья, впадающего в р. Тихвинку, остатки двух изрытых ямами насыпей (Рассказов, 1928. Л. 6,

№ 54). В ходе разведки В.А. Назаренко были раскопаны нескольких курганов в группе из 13 насыпей. Курганы располагались скученно, имели полусферическую форму. Насыпи характеризовала высота, несколько большая в отношении к диаметру основания, чем обычная для более северных районов Приладожья. Яркой чертой являлись глубокие рвы вокруг основания насыпей. Все курганы имели более или менее заметные следы грабительских раскопок. В 1972 г. были исследованы курганы № 6 и 12. В 1973 г. работы продолжены раскопками курганов № 4, 8 и 9. В курганах открыты погребения по обряду кремации и ингумации с инвентарем, очаги. По сопроводительному инвентарю могильник датируется второй половиной X – началом XII в. (Назаренко, 1972. Л. 6–8; 1973. Л. 2–7; 1976. С. 96–99). По всей видимости, оставшиеся неисследованными восемь курганов и были поставлены на учет под названием «Курганный группа, 8 насыпей» по адресу: Ильинский с/с, к ССЗ от д. Овино, в лесу на правом берегу р. Тихвинки (Решение, 1978. П. 278). Скорее всего, в документ закралась ошибка по поводу направления расположения могильника относительно деревни, так как на момент составления списка единственной группой в окрестностях Овино, насчитывающей восемь насыпей по результатам работ В.А. Назаренко в 1972–1973 гг., оставалась лишь южная группа.

В 1983 г. могильник под названием «Курганный группа, 8 насыпей» включен также в охранный список памятников истории и культуры по адресу: Ильинский с/с, к ССЗ от д. Овино, в лесу на правом берегу р. Тихвинки (Список, 1983. П. 279). Так как основой для документа послужило Решение Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978, то он сохранил ошибку географического направления места расположения насыпей. Важно отметить, что на экземпляре Списка памятников из архива Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области рядом с пунктом 279 стоят карандашные пометки о раскопках В.А. Назаренко. Предположительно, правки могли быть внесены в 1987 или 1988 г., когда составлялись паспорта на памятники археологии Тихвинского района (Список, 1983. Л. 31).

В 1987 и 1988 гг. разведки в окрестностях д. Овино проводил В.А. Лапшин. К тому моменту из известных памятников сохранился только один из двух курганов к западу от д. Овино, на берегу ручья. Все остальные были разрушены в ходе сельскохозяйственной деятельности, в том числе и исследованный В.А. Назаренко могильник (Лапшин, 1987. Л. 19; 1988а. Л. 18–19). В каталоге памятников

Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С. И. Кочкуркиной могильник записан под номером XXX «Овино 4 (Сладкий Бор)»²⁶ (Кочкуркина, 1989. С. 46–49). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Овино 4. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 67. № 1062).

В 2022 г. памятник также не обнаружен. Поиск памятника осуществлялся с учетом описания В. А. Назаренко и В. А. Лапшина на правом берегу р. Тихвинки в 0,5–1,0 км к югу от д. Овино. В. А. Назаренко в 1972 г. локализовал группу на небольшом всхолмлении в сосновом лесу. В. А. Лапшин в отчете 1987 г. пишет о расположении могильника на поле. Об активной корчевке леса и последующей распахке вокруг д. Овино, и как следствие разрушения курганов, В. А. Назаренко упоминал еще в 1972 г. (Назаренко, 1972. Л. 4). Предполагаемое место расположения памятника определено по сумме архивных сведений в 960 м к юго-западу от д. Овино, на правом берегу р. Тихвинка, к юго-западу-западу от современного кладбища, на поле. В настоящее время обследованная территория представляет собой большое поле под покос, поросшее луговыми травами. Береговая полоса шириной 10–20 м заросла молодым лиственным лесом и кустарником. Следов распаханных курганов не наблюдается.

Овино 6. Курганный могильник

Единственный сохранившийся курган могильника расположен на левом (восточном) берегу впадающего в р. Тихвинка ручья, разделяющего д. Овино на две части: западную (бывш. д. Заручевье) и восточную (рис. 9: 45). Возможно, первые сведения о могильнике опубликованы А. И. Колмогоровым в 1914 г. Около д. Овино он упомянул восемь курганов «в «Заручевье», по «правую сторону ручья, делящего селение на две части» (Колмогоров, 1914а. С. 414–416). В 1928 г. комплекс археологических памятников у д. Овино обследовался В. И. Равдоникасом и В. И. Рассказовым. На берегу ручья «в 40 м на юго-запад от д. Овино» оба зафиксировали два кургана диаметром основания 4 и 8 м, высотой 1 и 2 м, раскопанные или поврежденные ямами (Равдоникас, 1928. Л. 26; Рассказов, 1928. Л. 6, № 54).

В 1972 г. В. А. Назаренко около д. Овино на берегу впадающего в р. Тихвинка ручья также фиксирует остатки двух изрытых ямами насыпей (Назаренко, 1972. Л. 3). В Решении Леноблсполкома № 271 от 10.07.1978 г. «Об утверждении списка памятников археологии Ленинградской области»

памятник отсутствует. В 1987 г. В. А. Лапшиным зафиксирована уже только одна насыпь «в 50 м к юго-западу от западной окраины д. Овино, на восточном краю оврага, по которому протекает ручей». Курган описан как насыпь диаметром 17 м, высотой 1,5 м, поврежденная картофельными ямами (Лапшин, 1987. Л. 19). В каталоге памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С. И. Кочкуркиной могильник записан под номером XXIX «Овино 3 (Заручевье)» (Кочкуркина, 1989. С. 46). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Овино 6. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 67. № 1064).

В ходе полевых работ 2022 г. сохранившийся курган был обнаружен на берегу ручья Овин в густом непроходимом кустарнике под ЛЭП. Курган диаметром около 20 м и высотой до 1,5 м поврежден четырьмя большими ямами, сильно испортившими форму насыпи.

Овино 7. Курганный могильник

Памятник расположен к юго-востоку от д. Овино, на краю правого коренного берега р. Тихвинка при впадении ручья, в еловом лесу (рис. 9: 46). Могильник обнаружен В. А. Лапшиным в 1988 г. Зафиксированы девять насыпей высотой 0,8–1,6 м, диаметром 6–10 м. Семь из них (кроме № 1 и 2) повреждены ямами-колодцами, курганы № 8 и 9 наполовину обрушились в реку (Лапшин, 1988. Л. 19). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Овино 7. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 69. № 1065). В 2006 г. могильник был осмотрен С. В. Александровым при обследовании трассы проектируемого газопровода «МГ Грязовец–Ленинград I 457 км – п. Цвылево». К западу от кургана № 1 по плану 1988 г. был обнаружен неизвестный ранее курган № 10 (Александров, 2006. Л. 25, 32–33; Лапшин, 1988б. Л. 62. Табл. 81).

При осмотре могильника в 2022 г. девять из десяти курганов были отсканированы с помощью встроенного в iPhone 12 Pro лазерного сканера и программы 3dScanner для фиксации схемы взаимного расположения насыпей и построения цифровой модели их поверхностей, проведена фотофиксация. Курганы диаметром 6–10 м, высотой 0,8–1,6 м, расположены цепочкой с северо-запада на юго-восток по краю террасы, повторяя ее изгиб, образованный впадающим в р. Тихвинку ручьем. К югу от кургана № 7 и юго-востоку от кургана № 9 располагается яма овальной формы размерами 5 × 10 м, видимо, от карьера для добычи песка. Рядом с насыпями проложены две лесные дороги. Одна проходит с юга на север вдоль

берега р. Тихвинка и отделяет курганы № 3 и 5 от курганов № 6, 7, 8 и 9. Вторая дорога ответвляется севернее кургана № 3 и тянется вдоль берега ручья на запад. Насыпи № 1, 2 и 3 находятся с ее южной стороны. Курган № 10 оказался поврежден при ее прокладке, по центру прорезан широкой траншеей. Все курганы имеют следы грабительских раскопок. Насыпи № 8 и 9 наполовину обрушились в реку (рис. 50).

Овино 8. Курганный могильник

Памятник расположен к юго-востоку от д. Овино, на краю правого коренного берега р. Тихвинки, в 230 м к северу от курганного могильника Овино 7, в словом лесу (рис. 9: 47). В 1988 г. В.А. Лапшиным зафиксирован один курган диаметром 9 м и высотой 1,5 м с ямой на вершине (Лапшин, 1988а. Л. 19). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Овино 8. Курган» (Лапшин, 1995. С. 69. № 1066). В 2006 г. курган осмотрен С.В. Александровым при обследовании трассы проектируемого газопровода «МГ Грязовец–Ленинград I 457 км – п. Цвылево» (Александров, 2006. Л. 25).

Во время осмотра памятника в 2022 г. обнаружены еще две насыпи. Половина кургана № 1 разрушилась в ходе оползания грунта. Курган 2, в виде остатков рухнувшей вниз с берега реки насыпи, располагается в 4–5 м к юго-западу от кургана № 1. Курган № 3 в виде сильно уплотненной насыпи сегментовидной формы диаметром 7,5–8,0 м, высотой 0,6–0,7 м, расположен в 10 м к северо-западу от берега реки, поврежден пятью грабительскими ямами. Все объекты были отсканированы с помощью встроенного в iPhone 12 Pro лазерного сканера и программы 3dScanner для фиксации их взаимного расположения и цифровой модели поверхностей, проведена фотофиксация (рис. 51).

Наволоки 1. Курган. («Курган»)

Курган расположен в центральной части д. Наволок Ганьковского с/п, на перекрестке ул. Центральная и дороги к пешеходному навесному мосту через р. Паша в д. Новинка (рис. 11: 54). Одиночный курган открыт в 1970 г. В.А. Кольчатовым. К нему относилась поврежденная различными постройками насыпь высотой 3,5–4,0 м, диаметром 20–22 м, локализована в центре д. Наволок (Кольчатов, 1970. Л. 10). В 1978 г. Решением Леноблисполкома памятник под названием «Курган» поставлен на государственный учет по адресу: Тихвинский р-н, Лазаревичский с/с, в центре д. Наволок (Решение, 1978. П. 289). Сельсовет указан неверно, так как курган располагался на территории Михалевского

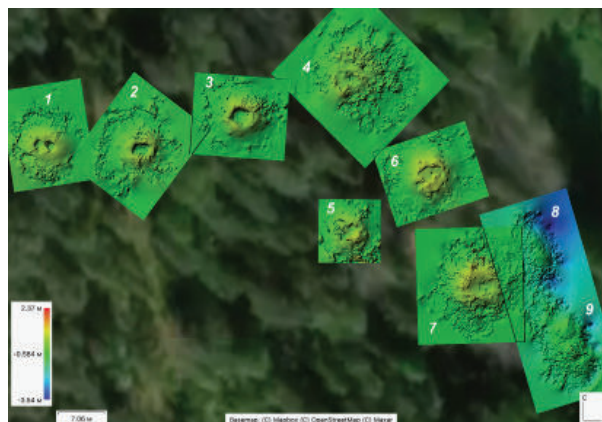

Рис. 50. Овино 7. Курганный могильник. Цифровая модель поверхности насыпей (Phone 12 Pro Lidar, 3dScan App). Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

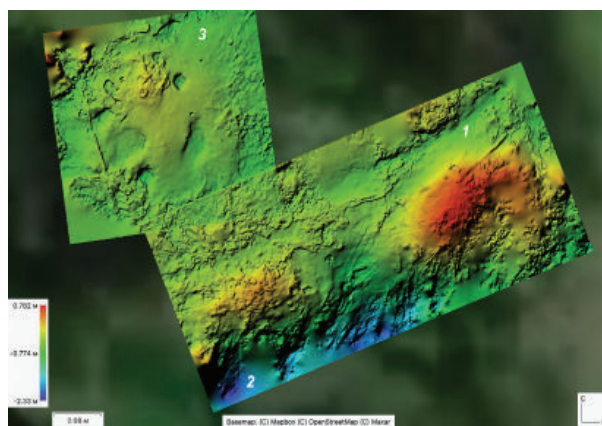

Рис. 51. Овино 8. Курганный могильник. Цифровая модель поверхности насыпей (Phone 12 Pro Lidar, 3dScan App). Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

сельсовета. Ошибка, вероятно, связана с наличием в обеих административных единицах деревень с одинаковым названием Наволок и схожих археологических объектов – одиночных курганов. Разница присутствует в размещении насыпи относительно поселения. Ключевым фактором является указание на расположение курганов в центре одной д. Наволок в Михалевском сельсовете и в 1 км к северо-западу от другой д. Наволок в Лазаревичском сельсовете (Лапшин, 1995. С. 62, 63. № 1048).

В 1983 г. одиночный курган под названием «Курган» включен в охранный список памятников истории и культуры по адресу: Тихвинский р-н, Лазаревичский с/с, в центре д. Наволок (Список, 1983. П. 280). Источником включения памятника в список явилось Решение Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978, поэтому новый список

сохранил имеющуюся ошибку в наименовании сельсовета. В 1984 г. С.И. Кочкуркина отметила наличие в центре д. Наволок возвышенности высотой 3,5–4,0 м, диаметром 20–22 м, и выразила сомнения относительно ее искусственного происхождения (Кочкуркина, 1985. Л. 18). В 1988 г. В.А. Лапшин указал на расположение кургана в северной части д. Наволок, на перекрестке дорог, в 60 м к югу от правого берега р. Паша, на первой надпойменной террасе и охарактеризован как насыпь высотой 2 м, диаметром 16 м, с многочисленными, но неглубокими повреждениями (Лапшин, 1988а. Л. 18). В каталоге памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С.И. Кочкуркиной насыпь упомянута при описании памятника под номером СХХVI «Наволок». Сомнения относительно искусственного происхождения объекта, высказанные в полевом отчете, сохранились и в научной публикации исследователя (Кочкуркина, 1989. С. 214). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Наволок 1. Курган» (Лапшин, 1995. С. 90, 91. № 1164).

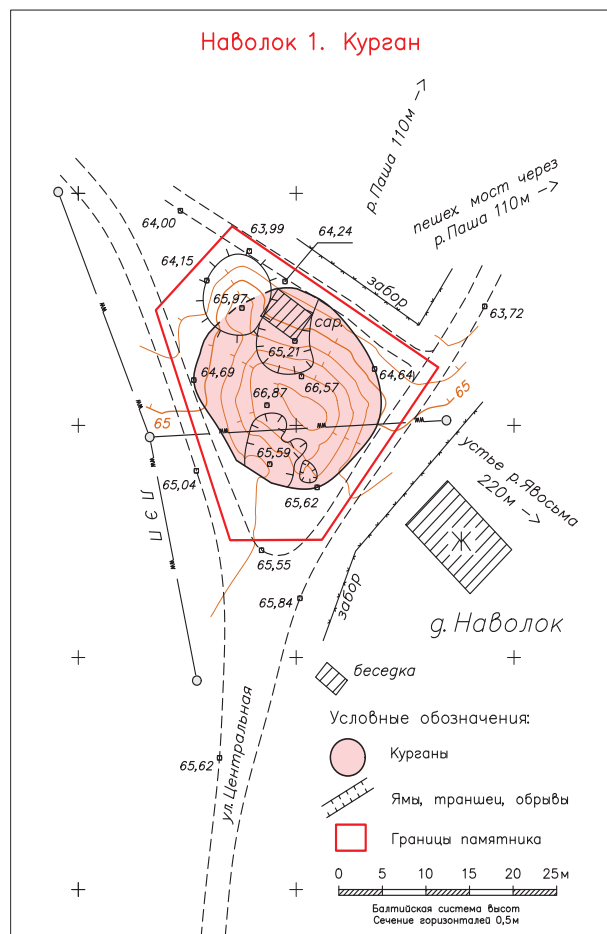

Рис. 52. Наволок 1. Курган. Топографический план. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

В настоящее время курган представляет собой крупную насыпь из песка подовальной формы по основанию размерами 18,5 × 21 м, высотой 1,25–2,3 м. В северной поле построен погреб и сарай, юго-юго-западная поля повреждена старым карьером, в южной поля современная яма размерами 2,5 × 1,5 м. На кургане растут две старые сосны и береза, у основания – ели и кустарник, дерновый покров слабый (рис. 52).

Наволок 2. Курганный могильник («Курганный группа, 3 насыпи»)

Курганный могильник расположен на юго-западной окраине д. Наволок в 35 м к северу от ул. Центральная (рис. 11: 55). Памятник открыт в 1970 г. В.А. Кольчатовым. Три кургана диаметром 10, 11,5 и 16 м, высотой 0,7, 0,7 и 1,8 м, обнаружены на правом берегу р. Паши к западу от д. Наволок, к северу от врытого в землю колхозного склада, в сосновом лесу на песчаных кряжах. Сделано описание, составлен ситуационный план (Кольчатов, 1970. Л. 10). В 1978 г. памятник под названием «Курганный группа, 3 насыпи» поставлен на учет по адресу: Тихвинский р-н, Михалевский с/с, близ д. Наволок (Решение, 1978. П. 283). В 1983 г. могильник под названием «Курганный группа, 3 насыпи» включен в список памятников, принятых на государственную охрану Инспекцией Управления культуры Леноблсовета по адресу: Тихвинский р-н, Михалевский с/с, у д. Наволок (Список, 1983. П. 284). В 1984 г. курганы осмотрены С.И. Кочкуркиной, указан диаметр 10–16 м, высота 0,7–1,8 м. Курган 2 практически полностью уничтожен. Снят глазомерный план (Кочкуркина, 1985. Л. 17–18). В 1988 г. памятник обследован В.А. Лапшиным, снят глазомерный план. Отмечено, что курган № 1 диаметром 12 м и высотой 0,8 м поврежден траншеей и дорогой, курган № 2 полностью разрушен, а курган № 3 диаметром 12 м сильно поврежден грабительской ямой (Лапшин, 1988а. Л. 14). В том же году Е.М. Колпаковым составлен паспорт памятника под названием «Курганный группа у д. Наволок» (Паспорт, 1988ж). В каталоге памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С.И. Кочкуркиной могильник записан под номером СХХVI «Наволок» (Кочкуркина, 1989. С. 214). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Наволок 2. Курганный группа» (Лапшин, 1995. С. 92. № 1165).

К настоящему времени сохранились две насыпи: № 1 и 3 (по нумерации В.А. Кольчатова, С.И. Кочкуркиной и В.А. Лапшина). Курган № 2 не сохранился. На его месте находится карьер по добыче песка. Южная граница карьера проходит

в 10 м к северу от кургана № 1, его неровная восточная стенка вплотную примыкает к кургану № 3 с юго-западного, западного и северо-западного краев. Курганы вытянуты в ряд по линии север–юг. Курган № 1 диаметром около 13 м, высотой около 1 м, сегментовидной формы. В юго-западной части округлая яма диаметром порядка 1,5 м, в западной части прямоугольная яма размерами 1 × 3 м. Курган № 3 – северный в цепочке, диаметром около 16 м, высотой 2 м. Расположен на небольшом возвышении, подрезанном с востока и юга, что визуально увеличивает габариты насыпи. В центре кургана большая заплывшая яма диаметром 3,5 м, глубиной 0,8 м. Юго-западная полая подрезана при обустройстве ровной площадки рядом с насыпью, возможно, для подъезда к карьеру. К западу и востоку от курганов размещаются частные участки. Курган № 3 наполовину входит в границы землеустройства, расположенного восточнее (рис. 53).

Новинка. Курганный могильник («Курганная группа, 2 насыпи»)

Курганный могильник расположен к северо-западу от д. Новинка, к северо-востоку от д. Наволок,

к востоку от навесного пешеходного моста через р. Паша, на краю левого коренного берега р. Паша, в бору, по обе стороны от лесной дороги (рис. 11: 56). Могильник из четырех «сопок» в д. Новинка «на крестьянской земле» впервые упоминается в своде И.С. Романцева «О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии», однако автор не приводит точной локализации насыпей (Романцев, 1911. С. 87). В 1912 г. один курган был раскопан А. И. Колмогоровым. К сожалению, какой-либо информацией о результатах работ мы не располагаем (Колмогоров, 1914а. С. 428).

В 1970 г. могильник обследован В.А. Кольчатовым. Две насыпи обнаружены на левом берегу р. Паша, на правом берегу р. Явосьмы, по обеим сторонам дороги, ведущей из д. Наволок в д. Новинка на террасе в сосновом лесу. Сделано описание, составлен план (Кольчатов, 1970. Л. 10). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 2 насыпи» поставлен на государственный учет по адресу: Ереминогорский с/с, на правом берегу р. Явосьмы и левом берегу р. Паши, в 100 м южнее д. Новинка (Решение, 1978. П. 275). В 1984 г. курганы осмотрены С.И. Кочкуркиной. Отмечено повреждение обоих курганов, снят ситуационный план могильника (Кочкуркина, 1985. Л. 18). В 1988 г. В.А. Лапшиным отмечена их полусферическая форма с уплощенными вершинами. Диаметр насыпей 10–12 м, высота 0,8–1,0 м. Составлен ситуационный план (Лапшин, 1988а. Л. 14). В каталоге памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С.И. Кочкуркиной могильник записан под номером СХХVII «Новинка» (Кочкуркина, 1989. С. 214–215). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Новинка. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 90. № 1163).

В настоящее время могильник состоит из двух насыпей. Курган № 1 расположен в 10 м к югу от лесной дороги на вершине небольшого всхолмления, представляет собой круглую в плане, сегментовидной формы насыпь диаметром 12 м и высотой до 0,84 м. Центр поврежден небольшой заплывшей ямой подпрямоугольной формы размерами 1,0 × 0,7 м. Курган № 2 расположен в 16 м к северу от лесной дороги, представляет собой круглую в плане, полусферической формы насыпь диаметром 14 м и высотой 1,32–1,71 м со стороны склона берега. Центр поврежден округлой ямой размерами 3 × 4 м, глубиной 0,75 м. Курган густо зарастает молодым ельником (рис. 54).

Давыдовщина. Селище («Открытое поселение»)

Предполагаемое место расположения селища находится в 200 м к востоку от восточной окраины

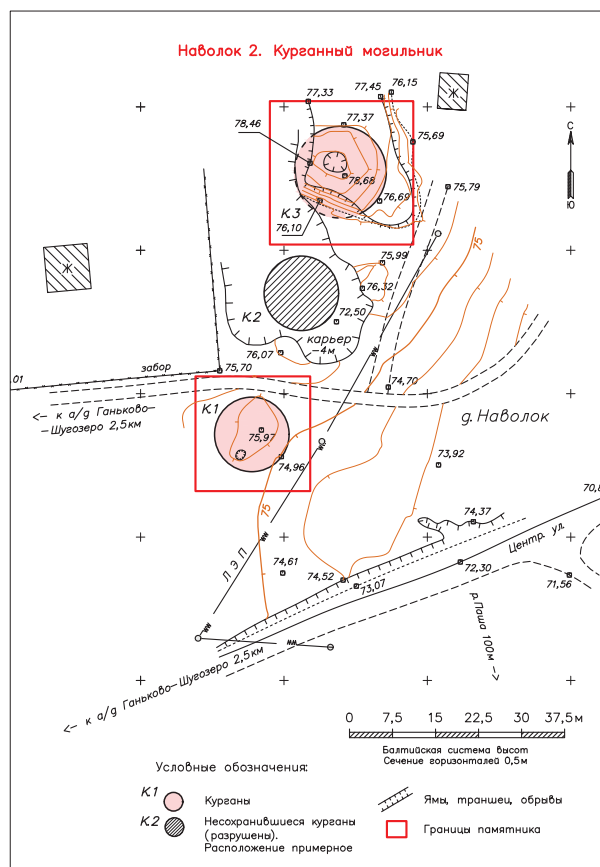

Рис. 53. Наволок 2. Курганный могильник. Топографический план. Съёмка ЦСА ИИМК 2022 г.

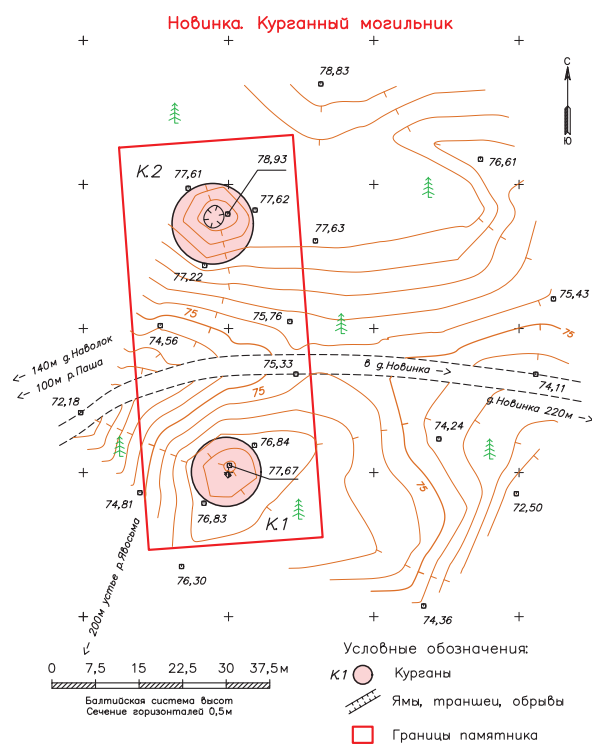

Рис. 54. Новинка. Курганный могильник. Топографический план. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

д. Давыдовщина, в излучине правого берега р. Явосьмы, на поле у часовни (рис. 11: 57). Селище Давыдовщина открыто в 1970 г. В. А. Кольчатовым. На южном краю поселения находился фундамент бывшей часовни. Наличие культурного слоя площадью 400 кв. м и мощностью 0,25–0,4 м определено без шурфовки по выбросу из кротовин и наличию фрагментов керамики на поверхности. Культурный слой начинался непосредственно под дерном, наиболее мощный в северной части поселения, к югу он становится тоньше. Образцы керамики, по мнению В. А. Кольчатова, имеют аналогии на поселениях в нижнем и среднем течении р. Паши и относятся к XIV–XV вв. (Кольчатов, 1970. Л. 10). В 1978 г. памятник под названием «Открытое поселение» поставлен на государственный учет по адресу: Тихвинский р-н, Михалевский с/с, к востоку от д. Давыдовщина (Решение, 1978. П. 282). В 1974 г. для ЛОО ВООПиК была составлена заготовка паспорта на памятник «Поселение у д. Давыдовщина» XI–XIV вв. по адресу: Ленинградская обл., Тихвинский район, Михалевский с/с, дер. Давыдовщина, в 100 м к востоку²⁷ (Материалы, 1974). В 1983 г. памятник под названием «Селище» включен в список

памятников принятых на государственную охрану Инспекцией Управления культуры Леноблсовета по адресу: Тихвинский р-н, Михалевский с/с, в 100 м к востоку от д. Давыдовщина на правом берегу р. Явосьмы (Список, 1983. П. 283). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Давыдовщина. Селище» (Лапшин, 1995. С. 90. № 1162).

Во время обследования 2022 г. для уточнения наличия культурного слоя и определения границ его распространения на месте предполагаемого селища к северу от часовни великомученицы Параскевы на поле были заложены три шурфа размерами 1 × 1 м: один у подножия возвышенности, на которой располагается фундамент старой часовни; второй на поле в 80 м к северу от часовни; третий на поле в 100 м к северо-северо-востоку от часовни и в 40 м к северо-востоку-востоку от шурфа 2. Во всех шурфах под слоем дерна зафиксирован пахотный слой серой/темно-серой супеси толщиной 0,20–0,50 м, лежащий на материке из желтой супеси. Из слоя пахоты шурфов 1 и 2 происходит 21 фрагмент керамических сосудов Нового времени. Все фрагменты мелкие и с окатанными краями. Работами 2022 г. не удалось подтвердить наличие на данном участке селища XI–XIV вв. Культурный слой, характерный для поселения, не зафиксирован ни в одном из шурфов. Обнаруженные материалы и выявленная стратиграфия шурфов указывают лишь на близкое расположение деревни и хозяйственную деятельность человека, связанную с распашкой угодий (рис. 55).

Ганьково 1. Курганный могильник («Курганный группа Ганьково-1. 3 насыпи»)

Курганный могильник расположен с северо-восточной стороны асфальтовой дороги между деревнями Михалево и Ганьково (рис. 11: 58). Могильник открыт в 1970 г. В. А. Кольчатовым. Все три кургана диаметром 8,8–13,0 м, высотой 0,83–1,30 м, располагались на левом берегу р. Капши напротив дорожного указателя «дер. Ганьково», на террасе, ограниченной ручьем. Насыпи повреждены ямами. Сделано описание, составлен ситуационный план (Кольчатов, 1970. Л. 2). В 1978 г. памятник под названием «Курганный группа Ганьково-1, 3 насыпи» поставлен на государственный учет по адресу: Тихвинский р-н, Михалевский с/с, южнее д. Ганьково (Решение, 1978. П. 280). В 1983 г. могильник под названием «Курганный группа Ганьково-1, 3 насыпи» также включен в список памятников принятых на государственную охрану Инспекцией Ленинградской области по адресу: Тихвинский р-н, Михалевский с/с, в 1,5 км южнее д. Ганьково, у шоссе Шугозеро-Тихвин (Список,

²⁷ Составитель С. Б. Пустовалов, студент V курса ЛГУ.

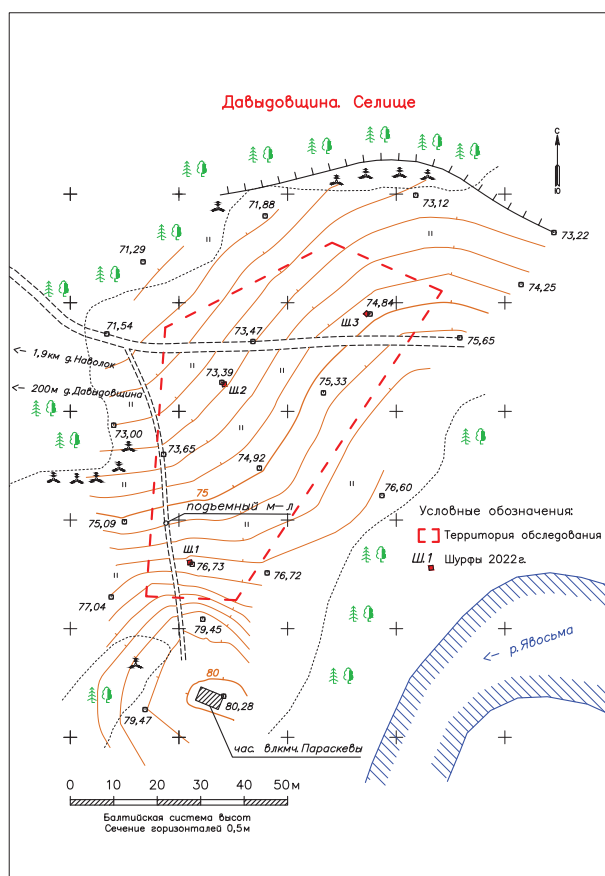

Рис. 55. Давыдовщина. Селище. Топографический план. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

1983. П. 281). В 1984 г. курганы осмотрены С. И. Кочкуркиной. Снят ситуационный план могильника (Кочкуркина, 1985. Л. 3). В 1988 г. памятник осмотрен В. А. Лапшиным. Три кургана диаметром 7–10 м обнаружены в 0,1 км к юго-западу от д. Ганьково, между шоссе Тихвин–Лодейное Поле и старицей р. Капша, в лесу. Отмечено, что насыпи сильно повреждены ямами. Снят план (Лапшин, 1988а. Л. 18). В том же году Е. М. Колпаковым составлен паспорт памятника под названием «Курганный группа Ганьково 1» (Паспорт, 1988з). В каталоге памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С. И. Кочкуркиной могильник записан под номером XLVI «Ганьково 1» (Кочкуркина, 1989. С. 71). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Ганьково 1. Курганный группа» (Лапшин, 1995. С. 84. № 1137).

В настоящее время могильник разделен на две части просекой ЛЭП, которая проходит вдоль дороги с юго-запада на северо-восток. Курган № 1 находится в 11 м от шоссе в светлом перелеске

и хорошо просматривается с проезжей части. Диаметр насыпи около 4,5 м, сохранившаяся высота около 1,3 м, в центре грабительская яма округлой формы диаметром около 4,5 м и глубиной 1,2 м. На кургане, преимущественно в яме растут несколько сосен и ель, поверхность хорошо задернована. Курганы № 2 и 3 располагаются в 73 м к западу от кургана № 1 за ЛЭП в лесу, на высоком берегу старицы р. Капши, на образованном ручьем мысу. Диаметр кургана № 2 около 10 м, сохранившаяся высота около 1 м. В западной части видна округлая грабительская яма размерами 3,7 × 3,0 м глубиной около 0,9 м. Диаметр кургана № 3 около 9,5 м, сохранившаяся высота 0,7 м, в центре заметна вытянутая грабительская яма подпрямоугольной формы размерами 2,75 × 0,90 м, глубиной 0,6 м. Северная пола также повреждена грабительскими раскопками. Обе насыпи поросли крупными соснами и молодым ельником. Между курганами и в их полах заметны небольшие подквадратные ямки – следы поиска с металлодетектором (рис. 56).

Ганьково 2. Курганный могильник («Курганный группа Ганьково-2. 2 насыпи»)

Курганный могильник расположен на северной окраине современной д. Ганьково, в смешанном лесу (рис. 11: 59). Могильник открыт в 1970 г. В. А. Кольчатовым. Два кургана диаметром 9,0 и 12,6 м, высотой 1,0 и 1,4 м обнаружены в «100–150 м к северо-востоку от д. Ганьково вдоль склона коренного левого берега р. Капши на краю террасы, разделены ручьем». Сделано описание, составлен ситуационный план. По информации от директора местной школы, 3–4 насыпи распаханы при подготовке поля (Кольчатов, 1970. Л. 2). Ввиду аварийного состояния и возможности разрушения в ходе сельскохозяйственной деятельности В. А. Кольчатовым были проведены спасательные раскопки кургана № 2²⁸. Насыпь состояла из желтого песка, ровики не прослеживались. На глубине 0,40 м, в 1,75 м к востоку и 1,50 м к югу от центра кургана расчищено кострище с фрагментами кружального сосуда, части которого также зафиксированы в вершине насыпи с южной стороны. Вскрыто 14 погребений, представленных, в основном, черепами. Три погребения совершенны в ямах, нарушивших слой погребенной почвы, остальные – на слое погребенной почвы или

²⁸ В коллективной статье в сборнике «Археологические открытия» за 1970 г. написано о проведении спасательных раскопок единственной уцелевшей насыпи (Лебедев и др., 1971. С. 5). По данным полевого отчета в могильнике сохранилось два кургана, один из которых исследован на снос (Кольчатов, 1970. Л. 2–3).

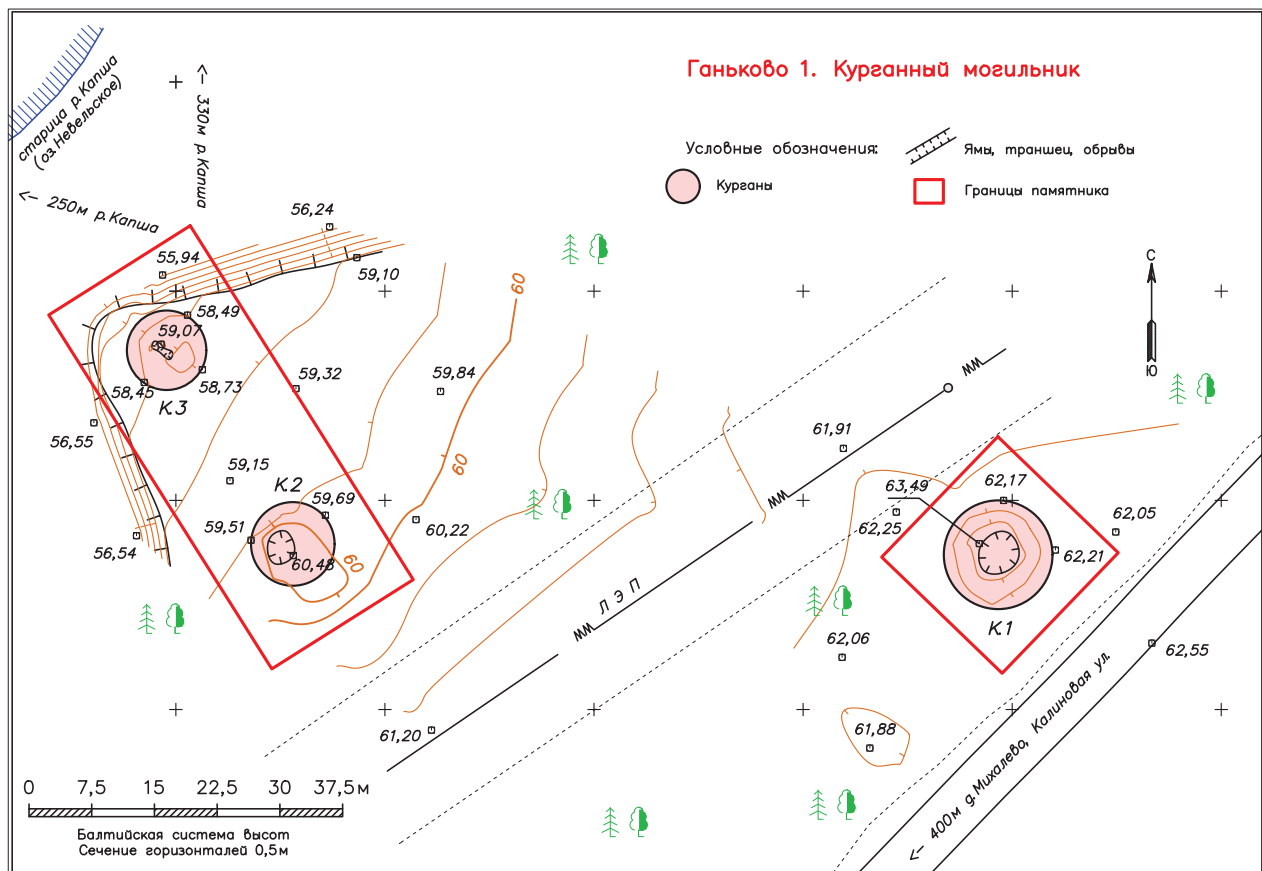

Рис. 56. Ганьково 1. Курганный могильник. Топографический план. Съёмка ЦСА ИИМК 2022 г.

выше него (Кольчатов, 1970. Л. 3). Вещей при погребенных не обнаружено. Очередность совершения основной массы захоронений стратиграфически не прослеживается. Встреченные фрагменты керамики датируются XI–XII вв. По мнению В. А. Кольчатова, обряд погребения (расчленение костяков, захоронение одних черепов) и юго-западная ориентировка сближает курган с финскими курганами, раскопанными Н. Е. Бранденбургом и другими исследователями на р. Паше (Кольчатов, 1970. Л. 5). В 1978 г. памятник под названием «Курганный группа Ганьково-2. 2 насыпи» поставлен на государственный учет по адресу: Тихвинский р-н, Михалевский с/с, в 100 м севернее д. Ганьково (Решение, 1978. П. 281).

В 1983 г. могильник под названием «Курганный группа Ганьково-II. 2 насыпи» также включен в охраняемый список памятников истории и культуры по адресу: Тихвинский р-н, Михалевский с/с, 100 м севернее д. Ганьково (Список, 1983. П. 282). В 1984 г. С. И. Кочуркиной осмотрен сохранившийся курган, описанный как поврежденная насыпь диаметром 12,6 м, высотой 1,4 м. Снят ситуационный план. От местных жителей получена информация о том, что

ранее здесь существовали еще 3–4 насыпи, которые были распаханы (Кочуркина, 1985. Л. 3). В каталоге памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С. И. Кочуркиной могильник записан под номером XLVII «Ганьково 2» (Кочуркина, 1989. С. 71–73). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Ганьково 2. Курганный группа» (Лапшин, 1995. С. 84. № 1138).

При осмотре территории памятника в 2022 г. на месте раскопанного кургана № 2 прослежены отвалы и глубокая траншея-карьер. Сохранившийся курган № 1 представлен сильно поврежденной крупной насыпью диаметром около 14 м и высотой от 0,76 до 1,61 м (со стороны склона берега) с, возможно, скрытой вершиной. На кургане растут большие старые сосны, кустарник, поверхность насыпи задернована (рис. 57).

Малое Усадище. Курган («Курган»)

Объект «Курган» расположен в 1,5 км к северо-востоку от д. Малое Усадище, на правом берегу р. Паши, в 35 м от воды (рис. 11: 53). В 1970 г. В. А. Кольчатовым на правом берегу р. Паши

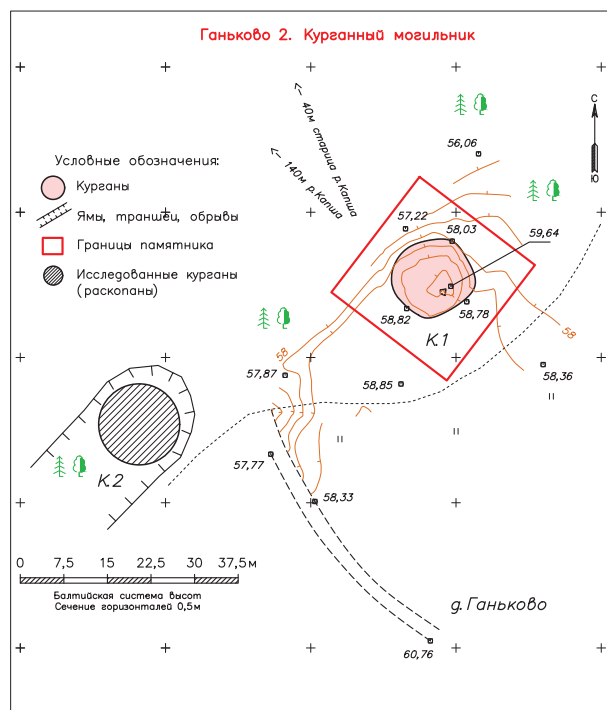

Рис. 57. Ганьково 2. Курганный могильник. Топографический план. Съёмка ЦСА ИИМК 2022 г.

в 50–70 м от дороги, в 40 м от реки в лесу, на отроге речной террасы осмотрена одиночная насыпь диаметром 20 м и высотой 4 м. Очень крутые склоны насыпи слились с отрогами склона террасы, заросли деревьями и кустарником. На вершине насыпи находился огромный валун, рядом яма диаметром 2,5 м, глубиной до 0,8 м. По информации от местных жителей, насыпь известна под названиями «Курган», «Рюрикова могила», «Юрьева могила» (Кольчатов, 1970. Л. 9). В 1978 г. памятник под названием «Курган» поставлен на государственный учет по адресу: Тихвинский р-н, Михалевский с/с, близ д. Усадище (Решение, 1978. П. 284).

В 1983 г. насыпь под названием «Курган» также включена в список памятников истории и культуры Ленинградской области по адресу: Тихвинский р-н, Михалевский с/с, у д. Усадище (Список, 1983. П. 285). На экземпляре списка из архива Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области рядом с пунктом 285 стоят карандашные пометки об ошибке включения данного объекта в документ, и он заменен на другой памятник. Предположительно, правки могли быть внесены в 1987 или 1988 г., когда составлялись паспорта на памятники археологии Тихвинского района (Список, 1983. Л. 31). В 1984 г. С.И. Кочкуркина локализовала «курган» на правом берегу р. Паши, в 1,5 км выше

д. Малое Усадище, в 50–70 м от дороги, в 40 м от р. Паши, в лесу, на отроге речной террасы. Насыпь диаметром 20 м и высотой 4 м заросла лесом, имела крутые склоны, на вершине находился валун. По мнению исследовательницы, описанная насыпь и расположенная по соседству другая, являются возвышенностями естественного происхождения (Кочкуркина, 1985. Л. 17). В каталог памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. курган у д. Малое Усадище не включался (Кочкуркина, 1989). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Малое Усадище (Леошино). Курган» (Лапшин, 1995. С. 92. № 1167).

В ходе обследования 2022 г. объект обнаружен в 75 м к востоку от лесной дороги из д. Малое Усадище, в низине на естественном высоком возвышении, поднимающемся над дном оврага на 10 м со стороны дороги и на 40 м со стороны реки. На вершине возвышения заметна округлая яма диаметром 2,5 м и глубиной до 1 м. С южной стороны к ней примыкает квадратная яма глубиной до 0,4 м. Склоны круглой в плане насыпи крутые, под 45 градусов со всех сторон. Камень на вершине отсутствует. Вероятно, он мог быть сброшен грабителями, так как мешал проведению раскопок. В стенках грабительских ям прослеживается перетолженный песок – выброс из ям, а под ним стерильный желтый песок тела насыпи. К северу от описанной возвышенности располагается еще одна, ниже, с уплощенной вершиной. В центре также находится заплывшая яма глубиной 0,60–0,70 м. По всей видимости, следует согласиться с наблюдением С.И. Кочкуркиной о том, что возвышенность имеет естественное происхождение и не является памятником археологии.

ПРИОЗЕРСКИЙ Р-Н (рис. 1; 12; 13)
Тиверский городок. Городище («Тиверский городок» – одно из первых русских поселений на Карельском перешейке, относящийся к XV в.)

Памятник расположен в 8,5 км к юго-юго-востоку от пос. Мельниково (в 9,7 км от Троицкой церкви в центре поселка), в 2,1 км к югу от перекрестка шоссе 41К-153 (Мельниково–Саперное) и ул. Дачная в пос. Васильево, в лесу у Тиверских порогов р. Вуокса, на плато (гряде) (рис. 13: 14). Еще с XIX в. у исследователей было известно окруженное валом и каменными стенами городище на старом речном пути из г. Корелы в г. Выборг у порогов Тиури на острове, омываемом двумя рукавами р. Вуоксы. По данным финских ученых, городище свое название получило именно от наименования порогов Тиури. Интересно и топонимическое название острова – Линнасаари,

что в переводе означает каменная крепость на острове (Кочкуркина, 1971. Л. 14). Это городище (Тиуринлиннасари у финских исследователей) отождествляется с Тиверским городком русских летописей (Кочкуркина, 1981. С. 30). В письменных источниках Тиверский городок впервые упоминают в списке «А се имена всем градом руским, дальним и ближним» в ряду Новгородских городов, составленном в 1390–1396 гг. (Новгородская, 1950. С. 477; Тихомиров, 1952. С. 216–218). В Патриаршей или Никоновской летописи под 1404 г. также есть сведения о городке. В 1404 г. (6912 г.) смоленский князь Юрий Святославович после известия о том, что литовский князь Витовт «град его взят бысть и все его великое княжение, и великаа его княгиня отведена в полон в Литву, и князи и бояре, любящие его, выведены быша в полон в Литву» из Москвы приехал в Великий Новгород, где новгородцы «даша ему 13 городов: Русу, Ладогу, Орешок, Тиверский, Корельский, Копорью, Тржек, Волок Ламский, Порхов, Вышегород, Яму, Высокое, Кокшин, Городец» (ПСРЛ. 1897. С. 190). Последнее упоминание содержится в Новгородской первой летописи о взятии его шведами зимой 1411 г.: «В лето 6919. Пришед Свея воиюю и взяша пригород новгородский Тиверьский; и новгородци, то слышавъ, вьскоре поидоша на Свею» (Новгородская, 1950. С. 402).

Первые раскопки памятника были проведены в 1888–1891 и 1914 гг. финскими исследователями Я. Аппельгреном, Т. Швиндтом, А. Хакманом (Кочкуркина, 1981. С. 30–36; Лапшин, 1995. С. 165–167; Сакса, 2010. С. 191–203; Жуковская, 2001. С. 93–94). Они исследовали как архитектурные сооружения, так и культурный слой Тиверска. Им удалось обнаружить основания домов, проследить нижние венцы стен и остатки печей, очаги, найти обломки глиняных сосудов, бусы, кузнечные ремесленные инструменты, шлак, крицы, железные ножи, точильные бруски, наконечники стрел, болт арбалета, обломки медно-бронзовых украшений, часть орнаментированной фибулы карельского типа, кости животных (Кирпичников, Петренко, 1974). Особое внимание финнов было обращено на клад серебряных вещей, найденный в южной части городища во время строительства купцом Павилайненом погребца в 1890 г. (Кирпичников, Петренко, 1974; Кочкуркина, 1981. С. 35–36; Сакса, 2010. С. 192). В состав клада входили заколка для волос, шейная гривна, полые бусы, подвески, медальон, два дирхема с ушками, две целые и несколько обрубков монетных гривен, глиняное пряслице. В целом, исследователи датируют клад XI–XV вв. (Кирпичников, Петренко, 1974). В 1969 г. городище осмотрено во время разведочных работ

Северо-западным отрядом экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством А. Н. Румянцева (Румянцев, 1969).

В 1971 г. Тиверское городище обследовано А. Н. Кирпичниковым (Кирпичников, Петренко, 1972. С. 40–41; 1974; Кирпичников, 1984. С. 144–149). В ходе работ разведочными шурфами было вскрыто 80 кв. м площади, исследован культурный слой, содержащий находки XII – начала XV в.: фрагменты керамики, железные ножи, гвозди, бронзовые украшения, игольник, обломки тиглей, крицы; зафиксированы следы пожара 1411 г. По мнению исследователей, Тиверский городок являлся новгородским форпостом и металло-обрабатывающим центром, возникшим на месте карельского Тиврульского поселения или святилища предшествующей поры (Кирпичников, Петренко, 1974).

В 1971–1974 гг. раскопки на памятнике проводила С. И. Кочкуркина. Всего было заложено 11 раскопов общей площадью 1620 кв. м. Раскопы I–V, X, XI заложены в южной части поселения, VI–IX – в северной. Исследованию подверглись оборонительные сооружения, жилые и производственные комплексы, погребения, культурный слой. По данным С. И. Кочкуркиной, Тиверск является однослойным поселением, культурный слой которого в виде черного гумусированного пылевидного песка с обильной примесью дикого камня достигал мощности от 0,08 до 0,50 м, в некоторых западаниях до 0,88 м (в раскопе X у вала). Подстилал его ярко-желтый песок с валунами и примесью гравия. Как правило, наиболее мощные напластования городищенской поры наблюдались у вала и каменных стен (Кочкуркина, 1981. С. 38). Культурный слой, насыщенный артефактами (в том числе X – начала XII в.), исследован во всех раскопах. Также были зафиксированы фундаменты пяти жилищ и 28 погребений, производственные и хозяйственные комплексы.

Оборонительные сооружения городища исследовались на трех участках. В южной оконечности памятника траншеей раскопа IV вскрыта часть хорошо сохранившейся части вала. Выяснилось, что основанием для вала шириной 6–7 м служили огромные валуны, лежавшие непрерывной цепочкой в один ряд на чистом материковом песке. Для закрепления и предохранения от сползания большие валуны обкладывались более мелкими, а боковые стены смазывались глиной, так как здесь и на прилегающей территории встречено огромное количество кусков обожженной глины. Сверху валуны засыпались культурным слоем, снятым

с городища, о чем свидетельствуют находки на валу, идентичные предметам с поселения, иногда материковой землей с небольшими камнями. В основании вала также обнаружен жертвенник – зольно-углистое пятно. На границе пятна с южной и юго-восточной сторон находились камни; в центре – семь ладейных заклепок, два фрагмента гончарной керамики, кость животного (коровы?); в спекшемся слое пятна – берцовая человеческая (?) кость, обрубленная с одной стороны и подтесанная с другой. Здесь же встречены кусочки коры, кальцинированные кости. Комплекс оконтурен мелкими камнями подобно очагу. По мнению С.И. Кочкуркиной, сооружение такого жертвенника в основании вала, по-видимому, связано с определенными ритуальными мотивами и предназначалось в качестве оберега от разрушения, для усиления его «оборонеспособности». Второй отрезок вала и сопредельная с ним площадь городища вскрывались в раскопе X.

Прямоугольные камеры, пристроенные к оборонительной стене, исследовались в XIX в., А.Н. Кирпичниковым в 1971 г. и С.И. Кочкуркиной в 1974 г., которая полагает, что называть их жилищами или складами-хранилищами (как это делал Я. Аппельгрэн) вряд ли уместно. Этому противоречат площадь камер и характер инвентаря. По ее мнению, камеры исполняли и оборонительную функцию, но главное их назначение производственное, возможно, в них располагалась кузницы. В раскопах III, VI, VII, VIII С. И. Кочкуркиной вскрыты и исследованы пять жилищ с остатками каменных фундаментов и очагами (печами). Всего на памятнике известно 14 одновременных фундаментов, часть из которых изучалась финскими археологами в XIX в. В раскопе VI были обнаружены две ямы «очажного типа», а между фундаментами 4 и 5 выявлен производственный комплекс, вероятно, служивший кузницей. В раскопах III, VI, VIII, на дне фундамента IV зафиксированы 28 погребений с различной ориентацией (западной, северо-восточной, юго-западной). По мнению С.И. Кочкуркиной, стратиграфические особенности захоронений позволяют утверждать, что они были совершены после гибели городища. Одни погребены в могильных ямах, другие – в культурном слое, третьи – в жилищах.

С. И. Кочкуркина отмечает, что в процессе археологического исследования Тиверска стали очевидными его военно-оборонительное назначение и тесная связь с ремесленным производством. Характерные признаки Тиверского городка как военного и ремесленного поселения выразились

в различном назначении южной и северной частей городища. В южной части оборонительным укреплением служил вал с каменным основанием, засыпанный землей; в северной – каменная стена. В южных раскопах встречено почти все собранное в Тиверске оружие. В северной части выявлено много следов хозяйственной деятельности, особенно железообрабатывающего ремесла (равно как и в раскопах XIX в.). Кроме того, здесь погребены погибшие защитники крепости. Различия между двумя частями Тиверска объясняются топографическими особенностями: неприятель мог появиться лишь перед южными укреплениями, ибо порожистые рукава по ту и другую сторону Тиверска непроходимы; с северной оконечности открывался свободный путь к отступлению под защиту более надежных укреплений Корелы. Однородный культурный слой и находки, за небольшим исключением, позволяют датировать поселение концом XIII в. и в основном XIV в. (Кочкуркина, 1971; 1973; 1975; 1976; 1981. С. 30–62; Кочкуркина, Федоров, 1972. С. 41–42).

В 1974 г. городище как памятник археологии под названием «Тиверский городок» – одно из первых русских поселений на Карельском перешейке, относящийся к XV в.» включено в «Перечень памятников культуры...», подлежащих охране как памятники государственного значения (Постановление, 1974). В 1978 г. памятник под названием «Крепость Тиверск» поставлен на государственный учет Решением Леноблсполкома № 271 от 10.07.1978 по адресу: Приозерский район, близ пос. Васильево, у моста через р. Вуоку (Решение, 1978. П. 247). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Тиверский городок. Городище» (Лапшин, 1995. С. 165–167. № 1605).

В 1996 г. экспедицией ИИМК РАН под руководством А.И. Саксы заложен шурф, в котором была зачищена восточная стенка X раскопа С.И. Кочкуркиной. В шурфе зафиксирована поставленная на культурном слое стена из трех рядов камней высотой до 1 м, которую перекрывала черная земля. Единственная находка – наконечник стрелы от арбалета – была обнаружена непосредственно под дерном (Сакса, 1999; 2010. С. 197). Подводя итоги исследованиям и выводам своих предшественников, А.И. Сакса обобщил характеристику и этапы истории Тиверского поселения. Он отметил, что в северной части выявлены, прежде всего, следы производственной деятельности, особенно металлообрабатывающего ремесла, что указывает на производственный характер этой зоны. Такое различие в материалах

двух частей городища подтверждается и различием в характере укреплений: каменно-земляной вал в южной части городка и каменная стена в северной. А. И. Сакса полагает, что вал является более ранним сооружением по отношению к каменной стене, что было отмечено еще А. Н. Кирпичниковым, и на первоначальном этапе истории городища он защищал лишь южную часть острова, на которой и сосредоточены практически все доисторические находки. На каком-то этапе, по мнению А. И. Саксы, и здесь принялись возводить каменную стену, но либо уже построенная стена пострадала во время вражеского нашествия и на ее остатках возвели вал из земли культурного слоя городища, либо по каким-то причинам она осталась недостроенной и ее компенсировали насыпкой вала. Северная часть этого более раннего вала могла проходить поперек острова (с северной стороны шоссе), где и в настоящее время наблюдается невысокая валообразная насыпь. На этом месте в южной части раскопа VI С. И. Кочкуркиной была расчищена каменная гряда шириной 0,8–1,2 м. А. И. Сакса указывает, что возникновение укреплений городка могло произойти после шведского похода 1294–1295 гг., когда Тиверск мог быть ими захвачен и сожжен. В свете этих событий древнейшую часть вала Тиверского городка можно относить к периоду конца XIII – начала XIV вв. Второй этап укрепления острова, по его мнению, мог произойти в предшествующее подписанию Ореховецкого мирного договора время, когда борьба между Новгородом и Швецией в бассейне Невы, на Ладоге и в Карелии усилилась (шведский поход в Ладогу 1317 г., безуспешная попытка захватить Корелу в 1322 г., постройка новгородцами крепости на Ореховом острове в истоке Невы в 1323 г.). Появление каменной стены, как полагает А. И. Сакса, следует связывать с достижением Тиверска к концу XIV в. статуса города (града), в связи с чем он должен был иметь укрепления по всему периметру острова. Разрушен же городок был, по всей видимости, во время упомянутого в летописи под 1411 г. шведского похода (Сакса, 2010. С. 200–203).

Последние археологические исследования памятника проведены в 2017 г. С. В. Бельским, изучившим вал в южной части городища. В раскопе площадью 27 кв. м было выяснено, что основанием вала служит скала или материковая моренная поверхность, состоящая из сплошного горизонта валунов и отдельных участков светлого моренного песка со значительной примесью гравия. На нем были возведены три стены, сохранившиеся в теле вала: внешняя, остатки внутренней и центральная. Последние две были полностью засыпаны грунтом

и не были видны с современной поверхности. Открытие внутренних стен в валу Тиверского городка, по мнению исследователя, сделано впервые. Под валом были обнаружены пятна темной гумусированной супеси, представлявшие собой остатки культурного слоя поселения более ранней поры. По углю из этого горизонта получена радиоуглеродная дата, указывающая на XI–XII вв. В насыпке, особенно в нижних горизонтах, собрано большое количество фрагментов керамики, а также кальцинированные кости, находки предметов эпохи викингов (бронзовый разделитель пояса с литым растительным орнаментом и глазчатая бусина), фрагменты кремневых изделий. Под дерном на вершине вала или среди крупных камней внешней стены были обнаружены четыре железных бронебойных наконечника разных типов и стрела. Вероятно, эти находки связаны со штурмом городища в 1411 г. В процессе работ сделан инструментальный топографический план южной части памятника (Бельский, 2018).

По историографическим источникам частично прослеживается и процесс повреждения памятника. Так, известно, что в XIX в. территория городища использовалась под сенокос, когда все камни, в том числе и фундаменты построек, выступавшие на поверхности, были убраны (Кочкуркина, 1976. С. 66; 1981. С. 51). При строительстве домов и погребов в XIX–XX вв. использовались камни стены юго-западной части памятника. Во время функционирования усадеб культурный слой городка в некоторых местах был перекопан (Кочкуркина, 1981. С. 32, 38, 51). Поперек городища сначала была проложена грунтовая дорога, со временем ставшая автомобильным шоссе, соединяющая современные поселки Саперное и Мельниково. При расширении грунтовой дороги в северную сторону городища был сдвинут культурный слой, сохранившийся до наших дней в виде поросшего дерном вала (Кочкуркина, 1981. С. 38). В 1972 г. городище неоднократно повреждалось во время военных маневров. Как писала С. И. Кочкуркина, «танк проехался по южной части, сорвал культурный слой в западной половине, сгладил вал в юго-восточной. Здесь же возникла яма с выброшенным культурным слоем. Поврежден слой и в центральной части южной половины. Приезжали военные машины для сбора камней для хозяйственных нужд» (Кочкуркина, 1973. Л. 2).

В настоящее время через городище по линии северо-запад–юго-восток проходит шоссе 41К-153 (Мельниково–Саперное), делящее его на северную и южную части. Городище с незначительным отклонением вытянуто по направлению север–юг и четко

оконтурено почти по всему периметру остатками оборонительных сооружений: в южной части валом и каменной стеной в северной. Длина памятника составляет 236 м, ширина 42–60 м. Протяженность уцелевших оборонительных укреплений около 380 м, ширина 4–10 м, высота с внутренней стороны 0,3–1,0 м, с внешней стороны до 2 м, высота гребня вала над зеркалом реки до 9,6 м (рис. 58).

В северной части каменная стена сохранилась не на всем своем протяжении: отсутствует фрагмент западной стены протяженностью 48 м в северном направлении от шоссе (от нее сохранились только одиночные валуны), а также два фрагмента западной (длиной 12 м) и восточной (длиной 26 м) стены у северной оконечности крепости. Каменная сухая кладка разрушается, с внешней стороны камни постепенно сваливаются к подножию плато. Ширина каменной стены составляет 4,0–7,5 м. Внутренняя площадка сильно зарастает деревьями и кустарником. У северной оконечности расположены два огромных валуна в сечении до 6,5 м, высотой до 2,7 м. На юго-восточной стороне одного из них на высоте 1,7 м от основания

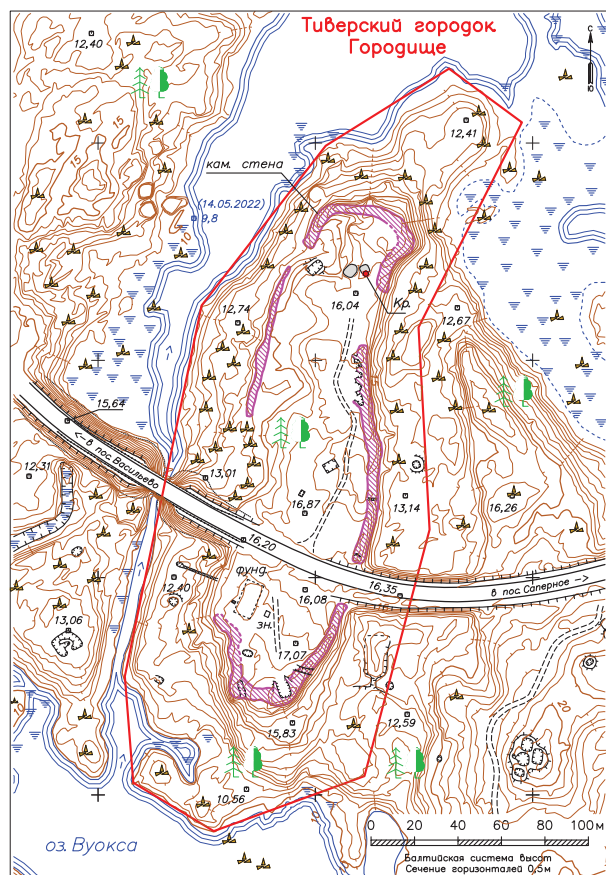

Рис. 58. Тиверский городок. Городище. Топографический план. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

выбит четырехконечный равнобедренный крест в круге диаметром 7 см (рис. 59). Советские и российские исследователи городища в отчетах и публикациях о кресте не упоминают. Тем не менее, крест не выглядит новоделом: поверхность изображения и линии долгое время подвергались внешнему воздействию природы, они обветрены и сглажены. В различной краеведческой литературе, а также авторы информационного щита на памятнике полагают, что сами валуны являются священными (жертвенными), которым поклонялись местные карелы, поэтому в XVI в. новгородским иеромонахом Илией камни были освящены по православному обряду изображением выбитого креста. С западной стороны от западной линии укреплений среди развала камней был обнаружен расколотый валун со следами четырех сверлений диаметром 3,5 см, глубиной до 43 см (рис. 60). В южной части, кроме северо-западного отрезка,

Рис. 59. Тиверский городок. Городище. Крест в круге на валуне в северной половине памятника. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

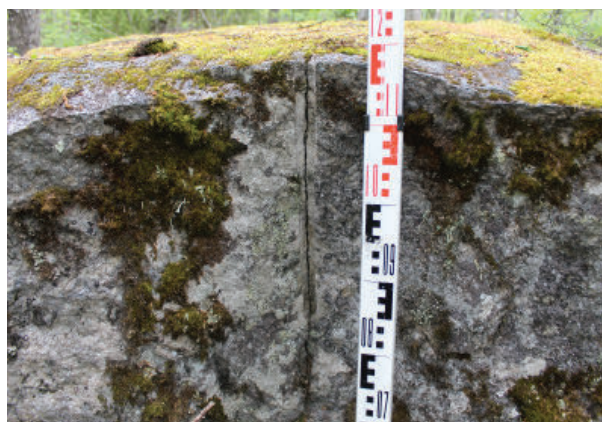

Рис. 60. Тиверский городок. Городище. Расколотый валун со следами четырех сверлений в северной половине памятника. Съемка ЦСА ИИМК 2022 г.

прослеживаются остатки вала с каменной кладкой, внутри прямоугольная камера, пристроенная к юго-восточной стене, и фундамент постройки. Ширина вала составляет от 4 до 10 м. Площадка городища относительно свободная, но постепенно зарастает деревьями и кустарником. С южной стороны от шоссе установлен информационный щит и памятный знак, посвященные истории памятника.

Тиверск является однослойным поселением, культурный слой которого в виде черного гумусированного пылевидного песка с обильной примесью дикого камня достигал мощности от 0,08 до 0,50 м, в некоторых западинах до 0,88 м. Однородный культурный слой и находки, за небольшим исключением, позволяют датировать поселение концом XIII в. и, в основном, XIV в. Отдельные находки более раннего времени могут свидетельствовать, что остров был обжит до строительства крепости в X–XII вв., что подтверждается, в том числе, и радиоуглеродным анализом из раскопок 2017 г.

Васильево 1. Стоянка («Стоянка Васильево-1»)

В 1977 г. Ю.Н. Урбаном «в 1,5 км северо-западнее пос. Васильево, слева у дороги из пос. Васильево в пос. Мельниково, на участке ровного песчаного мыса высотой 4 м, поврежденного окопами, вдающегося в заболоченный залив озера», зафиксирована «стоянка эпохи неолита». При зачистке окопа сразу под дерном в слоях серого и желтого песка с угольками на глубине 0,26 м найдено «16 отщепов из кварца и кварцита». Произведена фотофиксация местности, снят глазомерный план. Осенью этого же года Ю.Н. Урбаном подготовлен паспорт памятника под названием «Стоянка Васильево 1» (Паспорт, 1977а) (рис. 13: 12). В 1978 г. местонахождение под названием «Стоянка Васильево-1» Решением Леноблисполкома поставлено на учет по адресу: Приозерский район, Мельниковский с/с, в 1,5 км к СЗ от пос. Васильево (Решение, 1978. П. 248). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник не учтен (Лапшин, 1995). В 2020 г. во время инспекционной поездки Комитета по культуре Ленинградской области предполагаемое местоположение памятника было локализовано на местности, однако при зачистке борта окопа неолитические артефакты не обнаружены (Инспекция, 2020).

В ходе полевых работ 2022 г. памятник в предполагаемом месте расположения не обнаружен. В соответствии с локализацией объекта 2020 г. была обследована вдающаяся в заболоченный залив озера мысовая площадка в 1,1 км к северу от пос. Васильево (в 2,3 км от ул. Лесная), в 5,4 км

к юго-востоку от кирхи Ряйсяля в пос. Мельниково, в 3,5 км от юго-восточной окраины пос. Мельниково, с западной стороны от шоссе Мельниково–Васильево. Данный участок находится в сосновом лесу, поврежден окопами и блиндажом. В двух шурфах размерами 1 × 1 м и зачистке шириной 1 м, заложенных на южном краю площадки и южном краю блиндажа для проверки наличия культурного слоя, археологические материалы не обнаружены.

Васильево 2. Стоянка («Стоянка Васильево-2»)

В 1977 г. «стоянка эпохи неолита» выявлена Ю.Н. Урбаном «в 2 км северо-западнее пос. Васильево, справа у дороги из пос. Васильево в пос. Мельниково, на песчаном мысе высотой 4 м над уровнем заболоченного залива озера», с западной стороны от песчано-скальной гряды, тянувшейся вдоль левого берега р. Вуоксы, у карьера. При зачистке стенок карьера сразу под дерном в слоях серого и желтого песка на глубине 0,30 м найдено «29 отщепов и резец». Произведена фотофиксация местности, снят глазомерный план. В тот же год им подготовлен паспорт памятника под названием «Стоянка Васильево 2» (Паспорт, 1977б) (рис. 13: 13). В 1978 г. местонахождение под названием «Стоянка Васильево-2» поставлено на государственный учет по адресу: Приозерский район, Мельниковский с/с, в 2 км к СЗ от пос. Васильево (Решение, 1978. П. 249). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник не учтен (Лапшин, 1995). В 2020 г. во время инспекционной поездки Комитета по культуре Ленинградской области предполагаемое местоположение объекта было локализовано на местности, при зачистке борта карьера найден один кварцевый отщеп (Инспекция, 2020).

При обследовании в 2022 г. «Стоянка Васильево-2» не обнаружена. В соответствии с локализацией объекта 2020 г. предполагаемое место расположения стоянки определено в 1,35 км к северу от пос. Васильево (2,55 км от ул. Лесная), в 5,15 км к юго-востоку от кирхи Ряйсяля в пос. Мельниково, в 3,25 км от юго-восточной окраины пос. Мельниково, с восточной стороны от автодороги 41К-153 (Мельниково–Саперное), на всхолмлении у западного края песчано-скальной гряды вдоль левого берега р. Вуоксы, в хвойном лесу. Территория обследования ограничена с севера карьером для добычи песка, с запада шоссе Мельниково–Саперное, с юга и востока траншеей и ямами различного происхождения. В шурфе размерами 1 × 1 м и четырех зачистках шириной до 1,5 м, заложенных в разных частях предполагаемой территории стоянки, культурный слой памятника или археологические находки не обнаружены. В песчаных отложениях, насыщенных мелкими

камнями и галькой средних размеров, встречены только очень мелкие зерна кварца естественного происхождения.

Мельниково 1. Стоянка
(«Стоянка Мельниково-1»)

В 1977 г. Ю. Н. Урбаном «в 1 км севернее пос. Мельниково, на юго-западном берегу залива р. Вуокса осмотрен участок мыса, «сложенного до высоты 4 м над уровнем реки» иловатым песком и, выше, желтым несортированным песком. На участке пашни размерами 45 × 70 м было собрано «несколько кварцитовых отщепов», но культурного слоя не прослежено, датировка не определена и местонахождение условно отнесено к стоянке эпохи неолита. Произведена фотофиксация местности, снят глазомерный план. В тот же год им был подготовлен паспорт памятника под названием «Стоянка Мельниково 1» (Паспорт, 1977в) (рис. 13: 4). В 1978 г. местонахождение под названием «Стоянка Мельниково-1» поставлено на государственный учет по адресу: Приозерский район, Мельниковский с/с, в 1 км к северу от пос. Мельниково (Решение, 1978. П. 250). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник не учтен (Лапшин, 1995). Во время инспекционной поездки 2020 г. Комитета по культуре Ленинградской области предполагаемое место расположения объекта было локализовано на частных огородах по ул. Калинина на северной окраине пос. Мельниково (Инспекция, 2020).

При осмотре в 2022 г. материалы неолитического времени не обнаружены. Территория предполагаемой стоянки полностью расположена в пределах частного участка № 47:03:0408002:112 по ул. Калинина на северной окраине современного пос. Мельниково. Участок полностью разработан под огороды, построен дом и хозяйственные сооружения. Учитывая, что в 1977 г. культурный слой выявлен не был, а несколько недатированных кварцитовых отщепов были собраны на поверхности, следует полагать, что местонахождение не сохранилось.

Мельниково 2. Стоянка
(«Стоянка Мельниково-2»)

В 1977 г. Ю. Н. Урбаном «на южной окраине пос. Мельниково у дороги из пос. Мельниково в пос. Балаханово» осмотрен участок песчаного всхолмления, «примыкающий с запада к скалисто-песчаной гряде». При зачистке и в сборах на огороде найдено «12 кварцитовых и кварцевых отщепов и сработанный нуклеус из белого кварца», но выраженного культурного слоя не прослежено, датировка не определена и местонахождение условно отнесено к стоянке эпохи неолита. Про-

изведена фотофиксация местности, снят глазомерный план (Паспорт, 1977г). Осенью 1977 г. им подготовлен паспорт памятника под названием «Стоянка Мельниково 2» (Паспорт, 1977г) (рис. 13: 5). В 1978 г. местонахождение под названием «Стоянка Мельниково-2» поставлено на учет по адресу: Приозерский район, Мельниковский с/с, на ЮЗ окраине пос. Мельниково (Решение, 1978. П. 251). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник не учтен (Лапшин, 1995). Во время инспекционной поездки 2020 г. Комитета по культуре Ленинградской области место расположения стоянки определено предположительно (Инспекция, 2020).

При осмотре участка в 2022 г. материалы неолитического времени не обнаружены. Территория предполагаемой стоянки Мельниково-2 полностью расположена в пределах частного участка № 21 (кадастр № 47:03:0408003:102) по ул. Балаханова на юго-западной окраине современного пос. Мельниково. Участок полностью разработан под огороды, построен дом и хозяйственные сооружения. Учитывая, что в 1977 г. культурный слой выявлен не был, а несколько недатированных кварцитовых и кварцевых отщепов и сработанный нуклеус были собраны на поверхности, следует полагать, что местонахождение не сохранилось.

Мельниково 3. Стоянка
(«Стоянка Мельниково-3»)

В 1977 г. Ю. Н. Урбан «в 0,8 км южнее пос. Мельниково» у карьера осмотрел участок распаханного песчаного всхолмления «у древнего залива р. Вуокса, представляющего в настоящее время заболоченную низину». На участке пашни размерами 50 × 75 м собрано «8 отщепов из кварца», но выраженного культурного слоя не прослежено, датировка не определена и местонахождение условно отнесено к стоянке эпохи неолита. Произведена фотофиксация местности, снят глазомерный план. Осенью 1977 г. им подготовлен паспорт памятника под названием «Стоянка Мельниково 3» (Паспорт, 1977д) (рис. 13: 6). В 1978 г. местонахождение под названием «Стоянка Мельниково-3» поставлено на государственный учет по адресу: Приозерский район, Мельниковский с/с, в 0,8 км на юг от пос. Мельниково (Решение, 1978. П. 252). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник не учтен (Лапшин, 1995). Во время инспекционной поездки 2020 г. Комитета по культуре Ленинградской области предполагаемое местоположение стоянки было локализовано на местности ошибочно (Инспекция, 2020). Во время обследования 2022 г. определить место расположения стоянки Мельниково 3 по архивным материалам и на местности не удалось из-за недостатка исходной информации.

Мельниково 4. Стоянка
«Стоянка Мельниково-4»

В 1977 г. Ю. Н. Урбан «в 1,5 км юго-западнее пос. Мельниково, слева у дороги из пос. Мельниково в пос. Балаханово» осмотрел участок скалисто-песчаного мыса «высотой 4 м, вдающегося в заболоченную низину – древний залив р. Вуоксы». При зачистке северной стенки карьера непосредственно под дерном в песчано-галечной смеси до глубины 0,10 м и в осыпях стенок карьера найдено «18 кварцитовых отщепов», но культурного слоя не прослежено, датировка не определена и местонахождение условно отнесено к стоянке эпохи неолита. Произведена фотофиксация местности, снят план. В тот же год им подготовлен паспорт памятника под названием «Стоянка Мельниково 4» (Паспорт, 1977е) (рис. 13: 7). В 1978 г. местонахождение под названием «Стоянка Мельниково-4» поставлено на государственный учет по адресу: Приозерский район, Мельниковский с/с, в 1,5 км на ЮЮЗ от пос. Мельниково (Решение, 1978. П. 253). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник не учтен (Лапшин, 1995). Во время инспекционной поездки 2020 г. Комитета по культуре Ленинградской области предполагаемое местоположение объекта определено на старом карьере (Инспекция, 2020).

В 2022 г. «Стоянка Мельниково-4» не обнаружена. Предполагаемое место ее расположения, в соответствии с локализацией 2020 г., определено в 1,57 км к юго-западу от Троицкой церкви и Братской могилы у центральной площади пос. Мельниково, в 450 м к северо-западу от оз. Барсучье, в 50 м к юго-востоку от грунтовой дороги в пос. Балаханово (продолжение ул. Балаханова пос. Мельникова), с северо-восточной стороны от частной усадьбы (кадастровый № 47:03:0403002:5), в лесу. Был обследован участок скалисто-песчаного мыса, уничтоженного большим карьером. Вокруг карьера по краю гряды находятся окопы военного времени. Для проверки наличия неолитических материалов в северной, северо-восточной и южной стенках карьера произведены четыре зачистки шириной 1–2 м. Везде под слоем дерна зафиксирован материковый слой желто-коричневого крупнозернистого песка с гальками, археологические материалы не обнаружены. В насыщенных мелкими камнями и галькой средних размеров прослойках песка встречены только очень мелкие зерна кварца естественного происхождения.

Мельниково 5. Стоянка
«Стоянка Мельниково-5»

В 1977 г. Ю. Н. Урбаном «в 2 км южнее пос. Мельниково» в лесу осмотрен участок «песчано-

гравийного» мыса вдающегося в «болотистую низину – залив р. Вуоксы во время трансгрессии Ладожского озера». При зачистке траншеи военного времени, непосредственно под дерном в слое «песка с гальками» до глубины 0,15 м, найдено «8 отщепов из кварцита», но культурного слоя не прослежено, датировка не определена и местонахождение условно отнесено к стоянке эпохи неолита. Произведена фотофиксация местности, снят ситуационный план. Осенью 1977 г. им подготовлен паспорт памятника под названием «Стоянка Мельниково 5» (Паспорт, 1977ж) (рис. 13: 8). В 1978 г. местонахождение под названием «Стоянка Мельниково-5» поставлено на государственный учет по адресу: Приозерский район, Мельниковский с/с, в 2 км на юг от пос. Мельниково (Решение, 1978. П. 254). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник не учтен (Лапшин, 1995). Во время инспекционной поездки 2020 г. Комитета по культуре Ленинградской области место расположения стоянки определено предположительно (Инспекция, 2020).

В 2022 г. «Стоянка Мельниково-5» не обнаружена. Предполагаемое место ее расположения, в соответствии с локализацией 2020 г., определено в 1,87 км к юго-западу от Троицкой церкви и Братской могилы у центральной площади пос. Мельниково, в 350 м к западу от оз. Барсучье, в 250 м к юго-востоку от грунтовой дороги в пос. Балаханово (продолжение ул. Балаханова пос. Мельникова), в 250 м к югу от частной усадьбы (кадастровый № 47:03:0403002:5), в лесу. Была обследована оконечность мыса перед болотистой низиной. По самому краю гряды находятся окопы военного времени. В двух зачистках шириной до 1,5 м стенок окопов и шурфе размерами 1 × 1 м под слоем дерна и тонким подзолом залегает материковый желто-коричневый крупнозернистый песок. Материалы неолитического времени не обнаружены.

Мельниково 6. Стоянка
«Стоянка Мельниково-6»

В 1977 г. Ю. Н. Урбаном в лесу на юго-восточной окраине пос. Мельниково осмотрен участок «песчано-скалистой гряды» вдоль левого берега р. Вуоксы от пос. Мельниково до пос. Васильево. При зачистке обреза ям, непосредственно под дерном в слое «песка с гальками» до глубины 0,25 м найдено «18 кварцитовых отщепов», но выделенного культурного слоя не прослежено, датировка не определена и местонахождение условно отнесено к стоянке эпохи неолита. Произведена фотофиксация местности, снят глазомерный план. Осенью 1977 г. им подготовлен паспорт памятника под названием «Стоянка Мельниково 6» (Паспорт, 1977з) (рис. 13: 9). В 1978 г. местонахождение под на-

званием «Стоянка Мельниково-6» поставлено на учет по адресу: Приозерский район, Мельниковский с/с, на юго-восточной окраине пос. Мельниково (Решение, 1978. П. 255). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник не учтен (Лапшин, 1995). Во время инспекционной поездки 2020 г. место расположения стоянки определено предположительно (Инспекция, 2020).

В 2022 г. «Стоянка Мельниково-6» не обнаружена. Была обследована территория на юго-восточной окраине пос. Мельниково, с северо-восточной стороны от шоссе 41К-153 (Мельниково–Саперное), с юго-западной стороны от частной усадьбы (кадастровый № 47:03:0408004:13) в лесу на участке песчано-скалистой гряды. Для проверки наличия культурного слоя стоянки на гряде заложены зачистка шириной 1 м и шурф размерами 1 × 1 м. В обоих случаях материалы неолитического времени не обнаружены. В слое желто-коричневого песка зачистки найден только один мелкий отщеп кварца естественного происхождения.

Мельниково 7. Стоянка («Стоянка Мельниково-7»)

В 1977 г. Ю.Н. Урбан «в 3 км юго-восточнее пос. Мельниково» в сосновом лесу осмотрел участок «ровного песчаного берега у подножия гряды», тянущейся вдоль левого берега р. Вуоксы. При зачистке обнажения на откосе берега Вуоксы в слое «желтого песка с вкраплением редких угольков» до глубины 0,30 м встречены «кварцитовые отщепы и скребок», но выделенного культурного слоя не прослежено, датировка не определена и местонахождение условно отнесено к стоянке эпохи неолита. Произведена фотофиксация местности, снят план стоянки. Осенью 1977 г. им подготовлен паспорт памятника под названием «Стоянка Мельниково 7» (Паспорт, 1977и) (рис. 13: 10). В 1978 г. местонахождение под названием «Стоянка Мельниково-7» поставлен на государственный учет по адресу: Приозерский район, Мельниковский с/с, в 3 км на ЮВ от пос. Мельниково, на левом берегу р. Вуоксы (Решение, 1978. П. 256). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник не учтен (Лапшин, 1995). Во время инспекционной поездки 2020 г. Комитета по культуре Ленинградской области место расположения стоянки определено предположительно (Инспекция, 2020).

В 2022 г. «Стоянка Мельниково-7» не обнаружена. Была обследована территория в 2,9 км к юго-востоку от пос. Мельниково (в 3,6 км к юго-востоку от Троицкой церкви), в 2,7 м к северо-западу от пос. Васильево, в 215 м к северо-востоку от шоссе 41К-153 (Мельниково–Саперное), в лесу на левом

берегу р. Вуоксы в виде полуовальной котловинки у подножия гряды с небольшим наклоном к реке, по конфигурации полностью совпадающей с планом 1977 г. Для проверки наличия культурного слоя стоянки на площадке заложены 1 зачистка шириной 2 м и 2 шурфа размерами 1 × 1 м. В шурфах и зачистке культурный слой и артефакты эпохи неолита не зафиксированы.

Мельниково 8. Стоянка («Стоянка Мельниково-8»)

В 1977 г. Ю. Н. Урбаном «в 4 км юго-восточнее пос. Мельниково» в сосновом лесу осмотрен участок «мысообразного выступа песчаного берега, высотой 5 м над современным уровнем р. Вуоксы». При зачистке стенок ям в слое «желтого песка» до глубины 0,20 м встречено «7 кварцитовых отщепов без вторичной обработки, но выделенного культурного слоя не прослежено, местонахождение условно отнесено к стоянке эпохи неолита. Произведена фотофиксация местности, снят глазомерный план. Осенью того же года им подготовлен паспорт памятника под названием «Стоянка Мельниково 8» (Паспорт, 1977к) (рис. 13: 11). В 1978 г. местонахождение под названием «Стоянка Мельниково-8» поставлено на государственный учет по адресу: Приозерский район, Мельниковский с/с, в 4 км на ЮВ от пос. Мельниково, на левом берегу р. Вуоксы (Решение, 1978. П. 257). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник не учтен (Лапшин, 1995). Во время инспекционной поездки 2020 г. Комитета по культуре Ленинградской области предположительное место расположения стоянки определено в 4 км к юго-востоку от пос. Мельниково на левом берегу р. Вуокса (Инспекция, 2020).

В 2022 г. была обследована территория в 3,6–4,0 км к юго-востоку от пос. Мельникова и в 1 км к северо-северо-востоку от пос. Васильево, на левом берегу р. Вуокса у восточного подножия песчано-скалистой гряды, однако, с уверенностью установить место расположения стоянки «Мельниково 8» на местности не удалось из-за недостатка исходных данных. По указанным привязкам объект не найден, места зачисток 1977 г. не обнаружены.

Источники и литература

Акт, 1988. Акт постановки на учет выявленных археологических памятников от 02.12.1988 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.

Акт, 1997. Акт № 16-5 регистрации вновь выявленных объектов Тихвинского района, представляющих

- историческую, научную, художественную или иную культурную ценность от 30 мая 1997 г. Инспекция по охране и использованию памятников истории и культуры Ленинградской области // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Акт, 2019. Акт государственной историко-культурной экспертизы документации, обосновывающей меры по обеспечению сохранности объектов культурного наследия, включенных в реестр, выявленных объектов культурного наследия либо объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, при проведении земляных, строительных, мелиоративных и(или) хозяйственных работ по объекту «ВЛ330 кВ Петрозаводск–Тихвин–Литейный» на территории Ленинградской области // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Александров С.В., 2006. Отчет об археологических работах, проведенных в Ленинградской области на территории Тихвинского района и западной части Бокситогорского района в 2006 г. СПб. // Архив ИА РАН. Работы археологической экспедиции ГАМ ИИМК РАН.
- Артамонов М.И., Третьяков П.Н., 1931. Отчет по обследованию территории Большого Ленинграда в 1931 г. Материалы по учету археологических Войсковицы, Глухово, Гонголово, Ижора, Нов. Заречье, Озеры, Ребболово Красногвардейского р-на – обследования Б. Коишевского и Л. Генераловой в 1927 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2 (ГАИМК). Д. 69.
- Бельский С.В., 2017. Отчет об археологической разведке по объекту: «Развитие газотранспортных мощностей ЕСГ Северо-Западного региона, участок Грязовец- КС Славянская. Ленинградская область» по адресу: Ленинградская область, Бокситогорский район, Тихвинский район, Волховский район, Киришский район, Тосненский район, Гатчинский район, Лужский район, Волосовский район, Кингисеппский район в 2016 г. Том 1–3. СПб. // Архив ООО «НИЦ «Актуальная археология».
- Бельский С.В., 2018. Тиверский городок на Вуоксе. Результаты исследований Приладожской археологической экспедиции МАЭ РАН в 2017 г. // Кунсткамера. 2018. № 1.
- Бельский С.В., 2019. Отчет о выполнении археологических работ на территории объектов археологического наследия «Курганный могильник Бесовы Харчевни», «Курганный и грунтовый могильник Красная Заря» в составе объекта культурного наследия федерального наследия «Комплекс памятников у д. Городище» в Тихвинском районе Ленинградской области в 2018 г. в 3-х томах. СПб. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 60854, 60855, 60856.
- Богуславский О.И., 1986. Полевой отчет о летней археологической практике студента IV курса Истфака / кафедра археологии/ ЛГУ, 1986 // Личный архив О.И. Богуславского.
- Богуславский О.И., 1988. Отчет о работе Сясьской группы Приладожского курганного отряда в 1987 г. Л. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 109.
- Богуславский О.И., 1994. Новые открытия в юго-восточном Приладожье // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.
- Богуславский О.И., 2005а. Комплекс памятников у д. Городище на р Сясь (по результатам раскопок 1987–1999 гг.) // Stratum plus. 2003/2004 (2005). № 5.
- Богуславский О.И., 2005б. Отчет о раскопках Приладожского отряда Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в могильнике Бесовы Харчевни Тихвинского района Ленинградской области в 2001 г. // Архив ИА РАН.
- Богуславский О.И., Мачинская А.Д., 1995. Комплекс памятников у деревни Городище на р. Сясь в юго-восточном Приладожье // Древности Северо-Западной России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г.П. Гроздилова. СПб.
- Бранденбург Н.Е., 1895. Курганы Южного Приладожья // МАР. № 18.
- Брыкина Н.А., Кочкуркина С.И., Сазонова О.И. Исследования в Приладожье, 1972. // АО 1971.
- Васильев Ст.А., Семенов С.А., 2014. Отчет на проведение работ по формированию единого государственного реестра объектов культурного наследия – определения границ территорий объектов-памятников археологии Всеволожского, Тосненского и Ломоносовского районов Ленинградской области в 2014 г. СПб., 2014 г. // Архив ЦСА ИИМК РАН.
- Глазов В.Н., 1899а. Список старинных могильников, жальников, отдельных курганов, городищ и других памятников древности Гдовского уезда // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Д. 50.

- Глазов В.Н., 1899б. Археологическая карта Гдовского у., составленная В.Н. Глазовым // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 37. Д. 4.
- Глазов В.Н., 1912. О раскопках В.Н. Глазова в Царско-сельском уезде С-Петербургской губ., и близ Темрюка, Кубанской обл. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 60.
- Городилов А. Ю., Семенов С. А., Юшкова М. А., 2008. Отчет о результатах предварительного археологического обследования в зоне строительства ВЛ-330 в Ленинградской области (протяженностью 96 км при ширине полосы обследования 30 м). СПб. // Архив ЦСА ИИМК РАН.
- Городилов А. Ю., 2019. Отчеты о проведении инвентаризации с разработкой границ территорий и предметов охраны объектов археологического наследия Ленинградской области: Кингисеппский, Киришский, Кировский, Лодейнопольский и Ломоносовский районы. СПб. // Архив ЦСА ИИМК РАН.
- Дебец Г. Ф., Коишевский Б. А., 1931. Материалы по учету археологических памятников (сведения, чертежи и рисунки) в дд. Глядино и Малые Горки Урицкого р-на Обследования Г. Дебица и Б. Коишевского в 1927 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2 (ГАИМК). Д. 82.
- Жуковская Е., 2001. Вклад Теодора Швиндта в изучение истории Карел // ВУОКСА. Приозерский краеведческий альманах. СПб. Вып. 2. Т. 1.
- Жульников А. М., 2017. Отчет по результатам археологического обследования земельного участка под размещение объекта «ВЛ 330 кВ Петрозаводск–Тихвин–Литейный» на территории Ленинградской области и Республики Карелия в 2017 г. Том 1. СПб., 2017 // Архив ИА РАН.
- Ивановский Л. К., 1873. Рабочий журнал на раскопках курганов в окрестностях Гатчины, Красного и Ямбурга, 1873 г. (Вопша, Меньково, Ново-Сиверская, Старо-Сиверская, Большево, Межно, выра, Рождественно, Б. Тягино, Б. Борницы, Лорвила) // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3 (РАО). Д. 624.
- Ивановский Л. К., 1875. Дневник раскопок курганов в 1875 г. (Б. Борницы, Таровицы, Вохоново, Н.Ижора, Яскелево, Сяскелево, Озера, Н.Заречье, Гонголово, Реболово, Смольково, Шпаньково) // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3 (РАО). Д. 62.
- Ивановский Л. К., 1876. Журнал раскопок в Водской пятине в 1876 г. (Глумицы, Калитино, Черная, Б. и М. Кикерино, Губаницы, Роговицы, Будино, Греблово, Сумино, Череповицы, Рогатино, Волосово, Ославье, Горье, Пожевицы (3 гр.), Рабитицы, Б.Вруда, Ямки, Введенская, Домашковичи) // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3 (РАО). Д. 626.
- Ивановский Л. К., 1877. Курганы Вотской пятины Новгородской земли. Раскопки, произведенные Действ. членом Л. К. Ивановским // ИРАО. Т. VIII.
- Ивановский Л. К., 1879. Дневник раскопок в Ямбургском у. в 1879 г. (Прологи, Рабитицы, Ямки, Русковицы, Сяглицы, Смердовицы, Горицы, Летошицы, Ухора, мыза Сяглицы, Суминские залогы, мыза Терпилицы, Красное Поле, Полотбицы, Княжево, Хотыницы, Смедово // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3 (РАО). Д. 628.
- Инспекция, 2020. Инспекционная поездка 27.11.2020 специалиста Комитета по культуре Ленинградской области Т. А. Кравчук, археологов С. Н. Лисицина (ИИМК РАН) и С. В. Бельского (МАЭ РАН) // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Килуновская М. Е., Семенов Вл. А., 2006. Археологические разведки на реконструируемом участке железной дороги Мга–Гатчина–Веймарн–Ивангород // На Ижорском плато: Археологические исследования 2003–2004 гг. СПб.
- Кирпичников А. Н., 1984. Каменные крепости Новгородской земли. Л.
- Кирпичников А. Н., Петренко В. П., 1972. Исследование древнего Тиверского городка // АО 1971.
- Кирпичников А. Н., Петренко В. П., 1974. Тиверский городок (К вопросу изучения древностей Русской Карелии) // КСИА. № 139.
- Коишевский Б. А., Генералова Л. С., 1927. Материалы по учету археологических памятников (выписки из дневников) в д. Ославье, Рабитицы, Раглицы, Рогатино, Роговицы, Сумино, Сяглицы, Терпилицы, Череповицы Волосовского р-на – обследования Б. Коишевского и Л. Генераловой 1927 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2 (ГАИМК). 1931 г. Д. 62.
- Коишевский Б. А., Генералова Л. С., 1931. Материалы по учету курганов в дд. Арбонье, Большие Борницы, Войсковицы, Гонголово, Ижоры, Мозино,

- Новое Заречье, Озеры, Ребболово и курганно-жальничного могильника в д. Глухово Красногвардейского р-на (сведения и рисунки) – обследование Б. Коишевского, Л. Генераловой в 1927 г., М. Артамонова и П. Третьякова в 1931 г. // Архив ИИМК. Ф. 2 (ГАИМК). 1931 г. Д. 69.
- Коишевский Б. А., Дебец Г. Ф., 1927. Отчет по археологической рекогносцировке в Ленинградской губ. по маршруту Детское Село–Копорье сотрудников экспедиции по палеоэтнологическому обследованию Ленинград. обл. Б. А. Коишевского и Г. Ф. Дебца в 1927 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Д. 108.
- Коишевский Б. А., Равдоникас В. И., 1931. Материалы по учету археологических памятников: курганов у д. Вина Гора, Вичугино, Еремина Гора, Заборовье, Капшино, Рогачево, Часовенная, Шуйга, Щекотовицы Капшинского района (сведения, чертежи и рисунки) – обследование Б. Коишевского и В. И. Равдоникаса в 1928–1929 гг. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2 (ГАИМК). Оп. 1. Д. 67.
- Колмогоров А. И., 1914а. Тихвинские курганы // Труды XV Археологического съезда. М. Т. 1.
- Колмогоров А. И., 1914б. Тихвинские курганы. (Из первого тома трудов XV Археологического Съезда в Новгороде). М.
- Колпаков Е. М., 1988. Отчет об обследовании археологических памятников Ленинградской области в 1988 г. СЗИАЭ ЛГУ // Архив ИА РАН, 1988. Р-1. № 13046.
- Колпаков Е. М., 1990. Отчет об обследовании археологических памятников Ленинградской области в 1990 г. СЗИАЭ ЛГУ // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Колчин Б. А., 1948. Отчет об археологических разведках на побережье Финского залива // Архив ИА РАН. Р-1. 1948 г. Д. 455.
- Колчин Б. А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси // МИА. № 32.
- Кольчатов В. А., 1970. Отчет Капшинского отряда Северо-Западной археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4325.
- Кольчатов В. А., 1975. Полевой дневник 1975 г. Северо-Западного отряда Ленинградской археологической экспедиции // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 124.
- Кольчатов В. А., 1976. Полевой отчет Северо-Западного отряда Ленинградской археологической экспедиции 1975 г. Л. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 123.
- Кочкуркина С. И., 1971. Отчет Приладожской археологической экспедиции за 1971 г. (с приложением альбома). Петрозаводск // Архив Карельского филиала АН СССР. Институт языка, литературы и истории. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хран. № 284.
- Кочкуркина С. И., 1973. Отчет о работе Приладожской археологической экспедиции за 1972 г. Петрозаводск, 1973 // Архив Карельского филиала АН СССР. Институт языка, литературы и истории. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хран. № 316.
- Кочкуркина С. И., 1975. Отчет Приладожской археологической экспедиции за 1974 г. Петрозаводск, 1975 // Архив Карельского филиала АН СССР. Институт языка, литературы и истории. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хран. № 376.
- Кочкуркина С. И., 1976. Тиверск // КСИА. Вып. 146.
- Кочкуркина С. И., 1981. Тиверск // Археологические памятники Корелы V–XV вв. Л.
- Кочкуркина С. И., 1983. Отчет о разведке по р. Ояти за 1982 г. Петрозаводск, 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 9433.
- Кочкуркина С. И., 1985. Отчет о разведке по р. Капше и Паше за 1984 г. Петрозаводск, 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф.-1. Р-1. 1984. № 10599.
- Кочкуркина С. И., 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск.
- Кочкуркина С. И., Федоров Г. Б., 1972. Тиверск // АО 1971.
- Кочкуркина С. И., Линевский А. М., 1985. Курганы летописной веси. Петрозаводск.
- Крупейченко И. П., 1966. Тихвинская средняя школа № 1 Ленинградской области. Ново-Андреевская археологическая экспедиция (1965 год). Отчет. Тихвин, 1966. // Архив Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея.
- Крупейченко И. П., 1970. Отчет. Раскопки у д. Орехово. 1970 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4162.
- Крупейченко И. П., 1971. Археологические раскопки у д. Орехово. Тихвин, 1971 г. // Архив

- Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея.
- Крупейченко И. П., 1972. Раскопки у д. Орехово. Тихвин, 1972 г. // Архив Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея.
- Крупейченко И. П., 1975. Раскопки у д. Орехово. Тихвин, 1975 г. // Архив Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея.
- Крупейченко И. П., 1976. Отчет о раскопках у д. Орехово Тихвинского района Ленинградской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 6140–6140а.
- Крупейченко И. П., 1977. Раскопки у деревни Орехово. Тихвин, 1977 г. // Архив Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея.
- Крупейченко И. П., 1982. Раскопки у д. Лихачево. Тихвин, 1982 г. // Архив Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея.
- Кузьмин С. Л., 2006. Охранные раскопки у д. Бесовка Тихвинского района Ленинградской области в зоне строительства Северо-Европейского газопровода в 2006 г. // <http://www.ladogamuseum.ru/litera/kuzmin/pub283/>. Дата обращения 01.10.2022.
- Кузьмин С. Л., 2009. Отчет о разведочных работах в Ленинградской области в 2008 г. СПб. // Архив ИА РАН. 2008. Ф. 1. Р. 1. Оп. 1. Д. 46691.
- Лаборатория, 2011. Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева факультета социологии СПбГУ. Отчет о работах по разработке раздела обеспечения сохранности объектов культурного наследия по проекту: «Железнодорожные подходы. III очередь реконструкции. Электрификация участка Гатчина–Веймарн–Лужская. 6 этап. Электрификация участка Гатчина–Веймарн–Лужская» инвестиционного проекта «Комплексная реконструкция участка Мга–Гатчина–Веймарн–Ивангород и железнодорожных подходов к портам на южном берегу Финского залива». СПб.
- Лапшин В. А., 1984. Разведка в Ленинградской области. 1984 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 71 (текст), 72 (альбом).
- Лапшин В. А., 1985. Отчет о разведке в западных районах области в 1985 г. Ленинград, 1985 // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 61 (текст), 62 (альбом).
- Лапшин В. А., 1986. Разведка в Ленинградской области. Ленинград, 1986. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 65.
- Лапшин В. А., 1987. Разведка в Бокситогорском и Тихвинском районах Ленинградской области // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 68.
- Лапшин В. А., 1988а. Разведка в Бокситогорском и Тихвинском районах Ленинградской области // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 47.
- Лапшин В. А., 1988б. Разведка в Бокситогорском и Тихвинском районах Ленинградской области. Альбом // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 48.
- Лапшин В. А., 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 1. Западные районы.
- Лапшин В. А., 1995. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 2. Восточные и северные районы.
- Лебедев Г. С., Назаренко В. А., Петренко В. П., Кольчатов В. А., Плоткин К. М., 1971. Разведки в Южном Приладожье // АО 1970.
- Лесман Ю. М., 2008. Вырицкий курганный могильник // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Древности Ижорской земли. СПб. Вып. 2.
- Линевский А. М., 1947. Отчет по обследованию курганов X–XI вв. на р. Оять Ленинградской области в 1947 г. // Архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 154.
- Материалы, 1974. Материалы к паспортизации археологических памятников Ленинградской области 1960–1980-х гг. // Архив кафедры археологии СПбГУ.
- Медведева М. В., Соболев В. Ю., 2015. В. Н. Глазов и его исследования на северо-западе России // Верхнедонской археологической сборник. Липецк. Вып. 7.
- Межурецкий А. А., Торопова Е. В., 2018. Памятники археологии бассейна реки Сясь в свод 1911 г. И. С. Романцева // Ученые записки Новгородского государственного университета. Великий Новгород. № 3(15).
- Михайлова Е. Р., 2015. Отчет о проведении полевых научно-исследовательских работ по обеспечению сохранности объектов культурного наследия по трассе проектируемого капитального ремонта

- автомобильной дороги общего пользования регионального значения «Менюши–Заручье–Каменец» на км 0+000 – км 18+000» в Сланцевском районе Ленинградской области» // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Михайлова Е. Р., 2017. Отчет об археологических разведках на территории Лужского и Сланцевского районов Ленинградской области в 2015–2016 гг. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.
- Михайлова Е. Р., 2018. Отчет об археологических разведках в Ленинградской области (на территории Лужского, Сланцевского, Гатчинского и Волоховского районов) в 2017–2018 гг. СПб.
- Михайлова Е. Р., Шмелев К. В., Соболев В. Ю., Мурзенков Д. Н., Федоров И. А., Тарасов И. И., 2018. Полевые исследования Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ в 2015–2016 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 8.
- Михайлова Е. Р., 2021. Древности I тыс. н. э. в верховьях Оредежа и Ижоры // ЗИИМК. № 25.
- Назаренко В. А., 1972. Отчет о работах Приладожского курганного отряда в 1972 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 100.
- Назаренко В. А., 1973. Отчет о работах Приладожского курганного отряда в 1973 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 103.
- Назаренко В. А., 1976. Раскопки курганов на Тихвинке // КСИА. Вып. 146.
- Новгородская, 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.
- О раскопках, 1903. О раскопках СПб. археологического института в Петергофском уезде // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1 (ИАК). Д. 43.
- Паспорт, 1976. Паспорт памятника под названием «Курганный могильник» X–XIV вв., расположенный по адресу: Ленинградская область, Гатчинский р-н, д. Фьюнатово. Составители Е. А. Рябинин, инспектор О. М. Иоаннисян, 09.03.1976 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1977а. Паспорт памятника «Стоянка Васильево 1». Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю. Н. Урбан, ноябрь 1977 г. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1977б. Паспорт памятника «Стоянка Васильево 2». Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю. Н. Урбан, 14.10.1977 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1977в. Паспорт памятника «Стоянка Мельниково 1». Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю. Н. Урбан, 05.11.1977 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1977г. Паспорт памятника «Стоянка Мельниково 2». Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю. Н. Урбан, 01.11.1977 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1977д. Паспорт памятника «Стоянка Мельниково 3». Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю. Н. Урбан, 05.11.1977 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1977е. Паспорт памятника «Стоянка Мельниково 4». Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю. Н. Урбан, 18.11.1977 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1977ж. Паспорт памятника «Стоянка Мельниково 5». Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю. Н. Урбан, 03.11.1977 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1977з. Паспорт памятника «Стоянка Мельниково 6». Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю. Н. Урбан, 04.11.1977 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1977и. Паспорт памятника «Стоянка Мельниково 7». Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю. Н. Урбан, 05.11.1977 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1977к. Паспорт памятника «Стоянка Мельниково 8». Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю. Н. Урбан, 12.11.1977 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1978а. Паспорт памятника под названием «Могильник у дер. Вопша», расположенный по адресу: «Ленинградская обл., Гатчинский р-н, Большеколпанский с/с, в 1,5 км юго-западнее дер. Вопша». Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю. Н. Урбан, 11.11.1978 г. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.

- Паспорт, 1978б. Паспорт памятника под названием «Могильник у дер. Межно», расположенный по адресу: Ленинградская обл., Гатчинский р-н, на огородах д. Межно. Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю.Н. Урбан, 01.11.1978 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1978в. Паспорт памятника под названием «Могильник у дер. Большево», расположенный по адресу: «Ленинградская обл., Гатчинский р-н, Рождественский с/с, в 0,5 км северо-восточнее дер. Большево». Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю.Н. Урбан, 11.11.1978 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1978г. Паспорт памятника под названием «Могильник у пос. Дивенская». Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю.Н. Урбан, 09.11.1978 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1978д. Паспорт памятника под названием «Могильник № 2 у д. Ново-Сиверская». Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю.Н. Урбан, 18.11.1978 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1978е. Паспорт памятника под названием «Могильник в пос. Вырица». Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю.Н. Урбан, 14.11.1978 г. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1978ж. Паспорт памятника под названием «Могильник у дер. Фьонатово», расположенный по адресу: «Ленинградская обл., Гатчинский р-н, Елизаветинский с/с, за огородами юго-западной окраины дер. Фьонатово». Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю.Н. Урбан, 27.11.1978 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1978з. Паспорт памятника под названием «Центр средневекового железодельного производства у бывшей дер. Стародворье («Прогонное поле»)», расположенного по адресу: Ленинградская область, Ломоносовский р-н, в 200 м северо-восточнее д. Десятское. Составитель с.н.с. НИС ЛГУ Ю.Н. Урбан, 03.09.1978 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1988а. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Курганная группа в 0,5 км ЮВ д. Городище». Составители м.н.с. ЛГУ Е.М. Колпаков, инспектор Д.Л. Яблоник, 16.05.1988 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1988б. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Группа сопки и курганов в 0,5 км СЗ д. Городище» VIII–X вв. по адресу: «Ильинский с/с, д. Городище, 0,5 км СЗ деревни, за ручьем». Составители м.н.с. ЛГУ Е.М. Колпаков, инспектор Д.Л. Яблоник, 16.05.1988 г. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1988в. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Курганная группа у д. Лихачево (у б. хутора Витуй)». Составители м.н.с. ЛГУ Е.М. Колпаков, инспектор Д.Л. Яблоник, 12.05.1988 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1988г. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Курганная группа у д. Олончино». Составители м.н.с. ЛГУ Е.М. Колпаков, инспектор Д.Л. Яблоник, 12.05.1988 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1988д. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Курганная группа Орехово I». Составители м.н.с. ЛГУ Е.М. Колпаков, инспектор Д.Л. Яблоник, 13.05.1988 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1988е. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Курганная группа Орехово II». Составители м.н.с. ЛГУ Е.М. Колпаков, инспектор Д.Л. Яблоник, 12.05.1988 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1988ж. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Курганная группа у д. Наволок». Составители м.н.с. ЛГУ Е.М. Колпаков, инспектор Д.Л. Яблоник, 06.05.1988 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1988з. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Курганная группа Ганьково I». Составители м.н.с. ЛГУ Е.М. Колпаков, инспектор Д.Л. Яблоник, 11.05.1988 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.

- Паспорт, 1988и. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Курганная группа в 1 км к СЗ от д. Городище (Красная Заря)» XI–XIII в. Составители м.н.с. ЛГУ Е.М. Колпаков, инспектор Д.Л. Яблоник, 16.05.1988 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1989. Паспорт памятника под названием «Курганная группа у д. Таровицы», расположенный по адресу: «Ленинградская обл., Гатчинский р-н, Елизаветинский с/с, д. Таровицы, 3 деревни». Составитель Е.М. Колпаков, 30.11.1989 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт, 1992. Паспорт памятника «Курганный могильник Карлуха I». Составители О.И. Богуславский, Н.В. Русакова, 10.12.1992 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Платонова Н.И., 1983. Отчет о полевых исследованиях 2-й группы Ленинградского областного отряда ЛОИА в Лужском и Сланцевском р-нах Ленинградской обл. в 1983 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 70, 71 (альбом).
- По сообщению, 1894. По сообщению Н.О. фон Гагмана о находке в его имении Глухово в Петергофском уезде древностей и черепов // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1 (ИАК). Д. 190.
- Попов С.Г., 2006. Могильник Большие Борницы на Ижорском плато: сто тридцать лет спустя // На Ижорском плато: Археологические исследования 2003–2004 гг. СПб.
- Постановление, 1974. Постановление Совета Министров РСФСР от 04.12.1974 № 624 «О дополнении и частичном изменении постановления Совета министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». Приложение 1. «Перечень памятников культуры, включаемых в список памятников культуры, подлежащих охране как памятники государственного значения, утвержденный Постановлением Совета Министров РСФСР От 30 августа 1960 г. № 1327».
- Программы, 1909–1910. Программы археологического обследования о городищах и курганах Тихвинского уезда // ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 80. 474 л.
- Проектная документация, 2018. Проектная документация «ВЛ330 кВ Петрозаводск–Тихвин–Литейный».
- Раздел10. Иная документация в случаях, предусмотренных федеральными законами. Обеспечение сохранности объектов культурного (археологического) наследия в зоне размещения объекта «ВЛ330 кВ Петрозаводск–Тихвин–Литейный» на территории Ленинградской области. 0192.0-ПЗ-Т10.12.2. Нижний Новгород, 2018 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Прусакова З.В., Лесман Ю.М., 1973. Отчет Волосовского отряда Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ о разведке 1973 г. на Ижорском плато // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. № 79-41.
- ПСРЛ, 1897. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Т. XI. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновскою летописью.
- Равдоникас В.И., 1924. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин.
- Равдоникас В.И., 1928. Отчет о палеозтологическом обследовании по рекам Оять, Паша и Сясь, произведенном В. И. Равдоникасом в 1928 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Д. 113.
- Равдоникас В.И., 1929. Отчет о раскопках в 1928 г. курганов в Юго-Восточном Приладожье (по течению рек Паши, Капши, Ояти, Тихвинки и Сяси) // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. 1929 г. Оп. 1. Д. 134. Л. 4–160.
- Равдоникас В.И., 1931. Раскопки в Приладожье в 1930 г. и некоторые выводы из них // СГАИМК. Вып. 3.
- Равдоникас В.И., 1934. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье // ИГАИМК. Вып. 94.
- Равдоникас В.И., Рассказов В.И., 1931. Материалы по учету курганов в д. Мельница, Момино, Наговичино, Наумово, Ново-Андреево, Новое село, Огурцево, Филина Гора, Филовщина, Чемихино, и жальника в д. Рудино Тихвинского района (сведения и чертежи). Обследования В. Рассказова и В. Равдоникаса в 1928 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Д. 81.
- Рассказов В.И., 1928. Отчет о палеозтологическом маршрутном обследовании в Тихвинском районе Ленинградского округа, произведенном Заведующим Тихвинского музея местного края

- В.И. Рассказовым в 1928 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Д. 112.
- Рассказов В.И., 1929. Отчет В. И. Рассказова о работах по обследованию и учету археологических памятников по р. Сясь (Ленинградская область), произведенных в 1929 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Д. 123.
- Репников Н.И., 1915. Разведки и раскопки в Тихвинском и Шлиссельбургском уездах // ЗОРСА. Т. XI.
- Репников Н.И., 1931. Жальники Новгородской земли // ИГАИМК. Т. 9. Вып. 5.
- Рерих Н.К., 1896. Отчет о раскопках 1896 г. в Ямбургском и Петергофском уездах С.Петербургской губернии, произведенные Н. К. Рерихом // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1 (ИАК). Д. 56.
- Рерих Н.К., 1898. О раскопках художника Н.К. Рериха в Царскоесельском и Петергофском уездах С-Петербургской губернии // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1 (ИАК). Д. 117.
- Рерих Н.К., 1902. Материалы для составления археологической карты Гдовского у.: 1) Материалы для составления археологической карты Гдовского у., собранные В.Н. Глазовым в 1899–1900 гг.; 2) А.Э. Мальмгрен. Объяснительный текст к археологической карте Гдовского у. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 37. Д. 3. 1900–1902.
- Решение, 1978. Решение Исполнительного Комитета Ленинградского областного совета народных депутатов «Об утверждении списка памятников археологии Ленинградской области» № 271 от 10.07.1978 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Романцев И.С., 1911. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород.
- Румянцев А.Н., 1969. Отчет о полевых исследованиях за 1969 г. Северо-западного отряда Ленинградской экспедиции. Л., 1969 // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 120.
- Рябинин Е.А., 1971. Дневник полевых работ с описью находок // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35 (ГАИМК). Д. 135.
- Рябинин Е.А., 1975. Отчет о полевых исследованиях Четвертого отряда Староладожской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1974 г. Ленинград, 1975 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 114 (текст), 115 (альбом).
- Рябинин Е.А., 1976. Работы в западных районах Ленинградской области // АО-1975.
- Рябинин Е.А., 1977. Отчет об археологических исследованиях Ижорского отряда Ленинградской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1977 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 26.
- Рябинин Е.А., 1978. Отчет об археологических исследованиях Ижорского отряда Ленинградской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1977 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35 (ЛОИА). Д. 26 (текст), 27 (дневник).
- Рябинин Е.А., 2001. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб.
- Сакса А.И., 1999. Итоги изучения карельских крепостей эпохи Средневековья // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.
- Сакса А.И., 2010. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.
- Сведения, 1900. Сведения по г. Гдову и Гдовскому уезду СПб губ. 1900 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 37. Д. 2. Л. 3.
- Седов В.В., 1970. Новгородские сопки // САИ Вып. Е1 8/1.
- Семенов, 2005. Отчет о разведках Лужского отряда Ленинградской областной экспедиции в 2004 г. // Архив ИА РАН.
- Семенов С.А., Васильев Ст.А., 2014. Отчет о проведении работ по формированию единого государственного реестра объектов культурного наследия – определения границ территорий объектов – памятников археологии Всеволожского, Тосненского и Ломоносовского районов Ленинградской области в 2014 г. СПб. Тома 1–50.
- Семенов С.А., Васильев Ст.А., 2021. Новые материалы к археологической карте Ленинградской области (по результатам полевых работ 2020 г.) // Бюллетень ИИМК РАН. № 11.
- Соболев В.Ю., 1998. Отчет о раскопках II отряда Северо-Западной археологической экспедиции СПбф РНИИ КПН курганных групп у дер. Засторонье в Сланцевском районе Ленинградской области в 1997 г. // Отчет о работе II отряда Северо-Западной Археологической экспедиции Санкт-

- Петербургского филиала Российского научно-исследовательского института Культурного и Природного наследия в 1997 г. СПб.
- Соболев В.Ю., 2010. Комплекс памятников у д. Засторонье (Сланцевский р-н Ленинградской области) // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. СПб.
- Список, 1983. Список памятников истории и культуры, принятых на государственную охрану. Министерство Культуры РСФСР. Управление культуры Ленинградского областного Совета народных депутатов. Инспекция охраны памятников. Л., 1983.
- Спицын А.А., 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. № 20.
- Спицын А.А., 1903. Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова // МАР. № 29.
- Спицын А.А., 1912. О раскопках А. А. Спицына в 1912 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1 (ИАК). Д. 108.
- Стасюк И.В., 2014. Отчет об археологической разведке в Гатчинском и Волосовском районах Ленинградской области в 2014 г. СПб.
- Стасюк И.В., Хмелевский С.А., 2017. Курганная группа в д. Межно на межевом плане 1799 г. и перспективы локализации утраченных археологических памятников бывшей Петербургской губернии // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 62-го заседания. М., Псков. Вып. 32.
- Технический отчет, 2021. Технический отчет по результатам работ по определению границы территории объекта культурного наследия. Объект: «Курганная группа Олончино (Олочана)-1». Спб., 2021 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Тихомиров М.Н., 1952. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. М. Т. 40.
- Хвоцинская Н.В., 1983. Отчет о работе Гдовского отряда ЛОИА АН СССР // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 26.
- Чернягин Н.Н., 1937. Копия дневника Н. Черягина археологической разведки по рекам Капше и Ояти (работы под руководством Н.И. Репникова) // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2 (ГАИМК). Оп. 1. Д. 241. Л. 3–15.
- Чернягин Н.Н., 1941. Длинные курганы и сопки // МИА. № 6.
- Шмелев К.В., 2009. Отчет о спасательных археологических исследованиях могильника Большие Борницы 1 в 2008 г. СПб.
- Шмелев К.В., 2014. К вопросу о раскопках Борницкого могильника в 1911 г. и их авторе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.А. Колчина. Великий Новгород, 28–30 января 2014. Великий Новгород. Вып. 28.
- Шмелев К.В., 2015. О наиболее ранних погребениях Могильника Борницы на Ижорском плато // Ладога и Ладужская земля в эпоху Средневековья. Материалы международной конференции «Город Ладога и Северная Русь в первые века русской истории». Старая Ладога, 13 июня 2015 г. СПб. Вып. 5.
- Шмидт Г.Р., 1886. Археологическая карта с объяснительной запиской Гдовского уезда Петербургской губернии // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 4. Д. 176.
- Raudonikas W.J., 1930. Die Normannen der wikingerzeit und das Ladogagebiet // Vitterhetsakademiens Handlingar. Stockholm. № 43:3.

Селище Дивенский 2. Материалы к археологической карте Ленинградской области¹

И. С. Стасюк², С. А. Семенов³, Ст. А. Васильев⁴

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023-171-176

Южная часть Гатчинского района Ленинградской области занята обширными массивами лесов и болот. Этот сравнительно малонаселенный край в археологическом отношении исследован значительно слабее соседних территорий Ижорской возвышенности и верхнего Полужья. Физико-географические условия в эпоху Средневековья предопределили развитие здесь системы расселения, ориентированной на освоение редких, относительно возвышенных мест по берегам рек и ручьев при наличии значительных незаселенных низинных пространств. Археологические данные об освоении этой части северо-запада Новгородской земли до XII в. крайне скудны и представлены единичными находками (Михайлова и др., 2019; Михайлова, 2021). Основу сети поселений XII–XIII вв. в указанном микрорегионе составляла р. Оредеж с правым притоком р. Суйдой при наличии редких «выплесков» за пределы их долин. В XIV–XV вв. происходит развитие сети сельских поселений, выраженное в распространении их в юго-восточном направлении от скатов Ижорского плато в глубину

низинного Лужско-Оредежского ландшафтного района (Стасюк, 2010). Определенное значение в этом процессе играло, по-видимому, функционирование Водской дороги, связывавшей Новгород с Копорьем, а с конца XV в. и с Ивангородом, в результате чего она стала именоваться Ивангородской (Селин, 1995. С. 3–5). С учетом недостаточной изученности территории, а также общего недостатка информации о поселенческих памятниках, характерного для этой части Ленинградской области, сведения о вновь выявленном поселении представляют определенный интерес.

Селище Дивенский 2 выявлено экспедицией ИИМК РАН в 2022 г. во время обследования курганно-жальничного могильника Дивенский, проводимого в рамках выполнения государственного контракта по инвентаризации объектов археологического наследия Ленинградской области. Селище расположено на высоком левом берегу р. Лутинка, к юго-юго-западу от могильника Дивенский, на поле, распахиваемом до недавнего времени (рис. 1; 2). На поле сохранились глубокие борозды, вытянутые в основном по направлению север–юг. В распахке на площади около 3 га собрано 113 фрагментов древнерусской и позднесредневековой круговой керамики XII–XVII вв. (рис. 3). Керамический материал мелко фрагментирован, все черепки укладываются в размерный ряд от 1,5 до 6 см по наибольшему измерению. Вся керамика относится к развитым круговым формам, имеет следы простого заглаживания поверхности без лощения. Все фрагменты (за исключением четырех фрагментов белоглиняной и фрагмента красноглиняной керамики) имеют неравномерный двух- или трехслойный обжиг с сохранением темно-серой или черной полоски невыгоревшей органики, хорошо заметной на изломе. В качестве отошителя фиксируется применение дресвы. Орнамент отмечен на 15 фрагментах стенок, исключительно линейный, одно- и многорядный, встреченный как на белостенных, так и на сероглиняных фрагментах.

¹ Работа выполнена Ст. А. Васильевым и С. А. Семеновым по теме государственного задания: «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию» (№ FMZF-2022-0016); И. В. Стасюком по теме «Северная Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (№ FMZF-2022-0015).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии. E-mail: nogroendreng@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: s.s.a.g@mail.ru.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: stasilein@mail.ru.

Рис. 1. Ситуационный план расположения курганно-жальничного могильника Дивенский, селища Дивенский 2, шурфа 2004 г. и зачистки 2008 г.

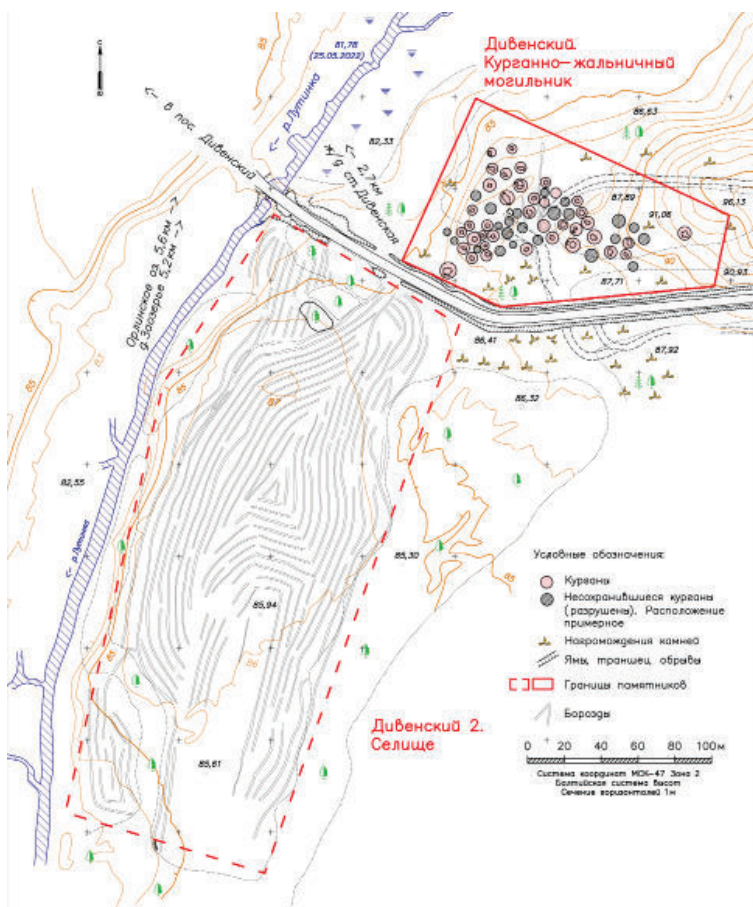

Рис. 2. План объектов археологического наследия «Дивенский 2. Селище» и «Дивенский. Курганно-жальничный могильник»

К древнерусскому времени (синхронному курганам могильника Дивенский) могут быть отнесены фрагменты двух венчиков (рис. 3: 5, 8), два донца, два фрагмента крышек (рис. 3: 9, 10) и примерно 10 фрагментов относительно тонких сероглиняных неорнаментированных стенок с обильной примесью мелкой и средней дресвы, а также три красноглиняных и два сероглиняных фрагмента стенок с многорядным линейным орнаментом. Примечательно, что для курганов Ижорского плато находки крышек не характерны, они являются признаком поселенческих памятников. Аналогичные фрагменты крышек найдены при раскопках городища Сосницы на юге Ижорского плато, где они датированы XIII в. (Стасюк, Петрова 2017. С. 237). Таким образом, древнерусский материал составляет одну четвертую часть коллекции. Фрагменты древнерусской ке-

Границы памятника установлены предварительно, на основании сбора подъемного материала (рис. 2). Территория селища ранее не исследовалась, в отличие от курганно-жальничного могильника Дивенский⁵, а также трасс газопровода и ЛЭП, проложенных вдоль противоположного правого берега р. Лутинки.

В мае 2004 г. Лужским отрядом Ленинградской областной экспедицией ИИМК РАН под руководством С.А. Семенова в связи с производством разведочных работ по проектируемой трассе газопровода Дружная Горка – Луга был осмотрен курганно-жальничный могильник Дивенский, а на правом берегу р. Лутинки заложен шурф размерами 2 × 2 м (рис. 1) (Семенов, 2005. С. 17. Рис. 28–30). Шурф располагался в 140 м к юго-востоку от нитки газопровода, в 15 м к северо-

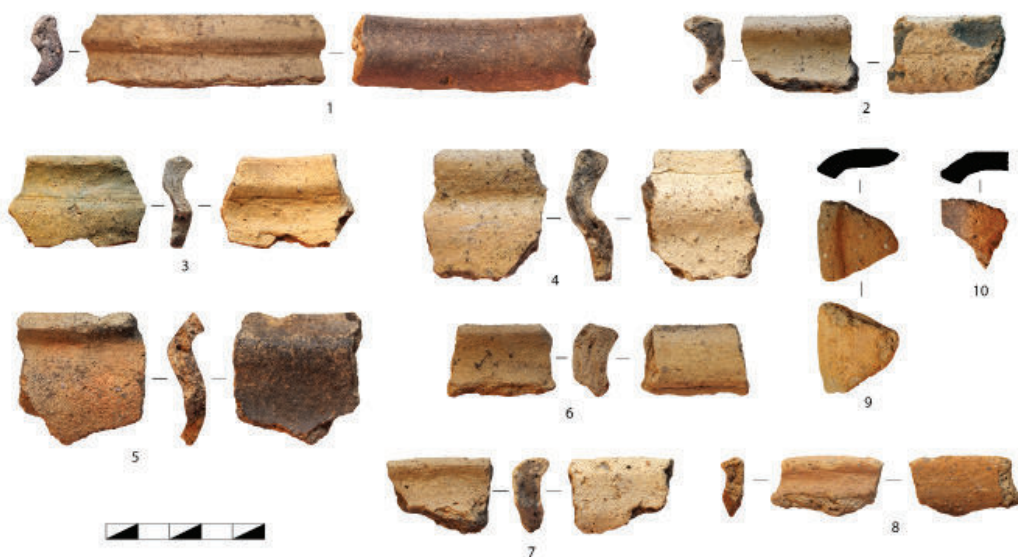

Рис. 3. Венчики керамических сосудов, собранные на поверхности территории объекта археологического наследия «Дивенский 2. Селище»

рамики особенно сильно измельчены и окатаны, что указывает на длительную распашку участков с древнерусским культурным слоем. К периоду позднего Средневековья относится 19 фрагментов белоглиняной керамики (рис. 3: 2–4, 6, 7). Остальные фрагменты могут широко датироваться в пределах развитого Средневековья – раннего Нового времени. Кроме того, при сборе подъемного материала отмечены многочисленные обломки кирпичей, стекла и фаянса XIX–XX вв., которые не отбирались в коллекцию.

востоку от грунтовой дороги, в 100 м от правого берега р. Лутинки и курганно-жальничного могильника Дивенский, в 200 м к северу от селища Дивенский 2, на надпойменной террасе. Археологических материалов и культурного слоя

⁵ Историю исследования курганно-жальничного могильника Дивенский см. в статье данного сборника: С.А. Семенов, Ст.А. Васильев, Н.В. Григорьева, М.С. Павлова. Новые материалы к археологической карте Ленинградской области (по результатам исследований 2022 г.).

в шурфе не обнаружено: почвенный слой, толщиной около 0,10 м перекрывал материковый желто-оранжевый песок. В 2008 г. экспедицией ИИМК под руководством А.Ю. Городилова, М.А. Юшковой, С.А. Семенова и С.Г. Попова проведено обследование зоны строительства ВЛ-300 (воздушной линии электропередачи). Отрядом также был обследован могильник Дивенский, зафиксированы современные разрушения курганов грабителями, а на правом берегу р. Лутинки в 350 м к западу от селища на холме по трассе ЛЭП произведена зачистка, показавшая отсутствие археологического материала (рис. 1) (Городилов и др., 2008. Л. 13, рис. 6, 105, 106, 144). Данные разведки 2004 и 2008 гг. указывают, что селище на правый берег реки не распространяется.

Не вызывает сомнений связь ранних слоев поселения Дивенский 2 с курганно-жальничным могильником Дивенский. Соответственно, время возникновения поселения может быть определено по датировке наиболее ранних курганов. Некрополь не подвергался археологическим раскопкам, однако его топография, структура и морфометрические характеристики курганных насыпей, зафиксированные обследованиями 1974, 1984 и 2022 гг. (Рябинин, 1975. С. 23. Рис. 76; Лапшин, 1984. Д. 71. Л. 11–13; Д. 72. Рис. 38; 1990. С. 76–77), позволяют датировать его периодом XII – началом XIV в. на основании дат многочисленных аналогичных памятников, раскопанных в юго-западной части Ленинградской области. Собранные на площадке селища фрагменты древнерусской круговой керамики вполне согласуются с этой датировкой.

Первая письменная фиксация поселения относится к 1500 г. В писцовой книге Водской пятины письма Дмитрия Китаева и Никиты Моклокова в составе Орлинского погоста отмечено селение Глутно на р. Лутне. Данный фрагмент книги сохранился только в виде краткого конспекта, опубликованного К.А. Неволлиным (1853; Писцовые книги, 1999. С. 103). В подлиннике текст с описанием Орлинского погоста был утрачен и не вошел в полную публикацию Археографической комиссии (1868), вследствие чего число дворов и размер заповишки селения установить невозможно. По-видимому, в период Смуты селение запустело. Первая перепись Ингерманландии, проведенная шведской администрацией после Столбовского мира в 1618–1623 гг., фиксирует запустение всего Орлинского погоста, в котором насчитывается 13 пустошей и ни одного обитаемого селения (Jordeböcker, 1859. S. 122). В материалах земельного кадастра Ингерманландии данное селение не

обнаруживается вплоть до 1670-х гг., когда в земельных и мантальных книгах вновь появляется деревня Ludna by (Suomen kansallisarkisto). К этому же периоду относится его первая картографическая фиксация. Примечательно, что этот очень небольшой населенный пункт в XVII – начале XVIII в., очевидно, в силу своего приграничного положения, попадает даже на мелкомасштабные обзорные карты Ингерманландии, примером чему являются «Denna Land Carta Öfwer några Pogoster Vthi Ingermanland» 1679–1699 гг. (SE/KrA/0425/09/03) и «Landt Charta eller Geographisk Delineation Öfwer Ingermanland» (SE/KrA/0425/09/032a). На детальной среднемасштабной карте Ингерманландии А. Андерсина и Э. Белинга «General Charta Öfwer Provincien Ingermanneland», завершенной в 1704 г., также показана деревня Ludna (Андерсин, Белинг, 1704). Она располагалась в стороне от магистральной Ивангородской дороги, южнее ее, на местной дороге, ведущей на юг от основной трассы вдоль р. Лутинки и соединявшей несколько мелких сельских поселений.

Считается, что Ивангородская дорога на этом участке наследует трассе средневековой Водской дороги, связывавшей Новгород с центром Водской земли Копорьем как минимум с XIII в. (Селин, 1995. С. 3.). В древнерусский период, в отличие от позднейшего времени, селение на Лутинке было сравнительно крупным, на что указывают размеры могильника, зафиксированные обследованиями 1970–1980-х гг. Можно предположить, что его расцвет был связан именно с функционированием Водской дороги. В этом случае Лудна была первым крупным селением, которое встречали двигавшиеся из Новгорода путники, преодолев труднопроходимую ненаселенную лесистоболотистую местность между нижним Оредежем в районе Тесово и Ижорским плато.

На исторической карте А. Бергенгейма, созданной в Петербурге в 1827 г. по материалам из шведских архивов и отражающей состояние местности в 1676 г., интересующий нас населенный пункт именуется Sredna (Бергенгейм, 1827). Незвестно, какими именно материалами пользовался А. Бергенгейм, однако в шведских письменных и картографических источниках такой топоним нам неизвестен. Возможно, имела место ошибка составителя карты, обусловленная неясным написанием или неверным прочтением первых букв топонима на одной из архивных карт XVII в. Однако примечательно, что на военно-топографической карте Европейской России 1863 г. («трехверстке») в интересующем нас месте указана пустошь Сырнец (Военно-топографическая, 1863). Так же

Сыренцом назван ручей, впадающий в Лутинку севернее могильника Дивенский и известный по прочим источникам как Громов ручей. Карты РККА 1930–1940-х гг. вновь фиксируют в предвоенный

период небольшую деревню или хутор с названием Лутинка (Карта РККА, 1942) (рис. 4). В послевоенные годы она вновь заустевает, на этот раз окончательно.

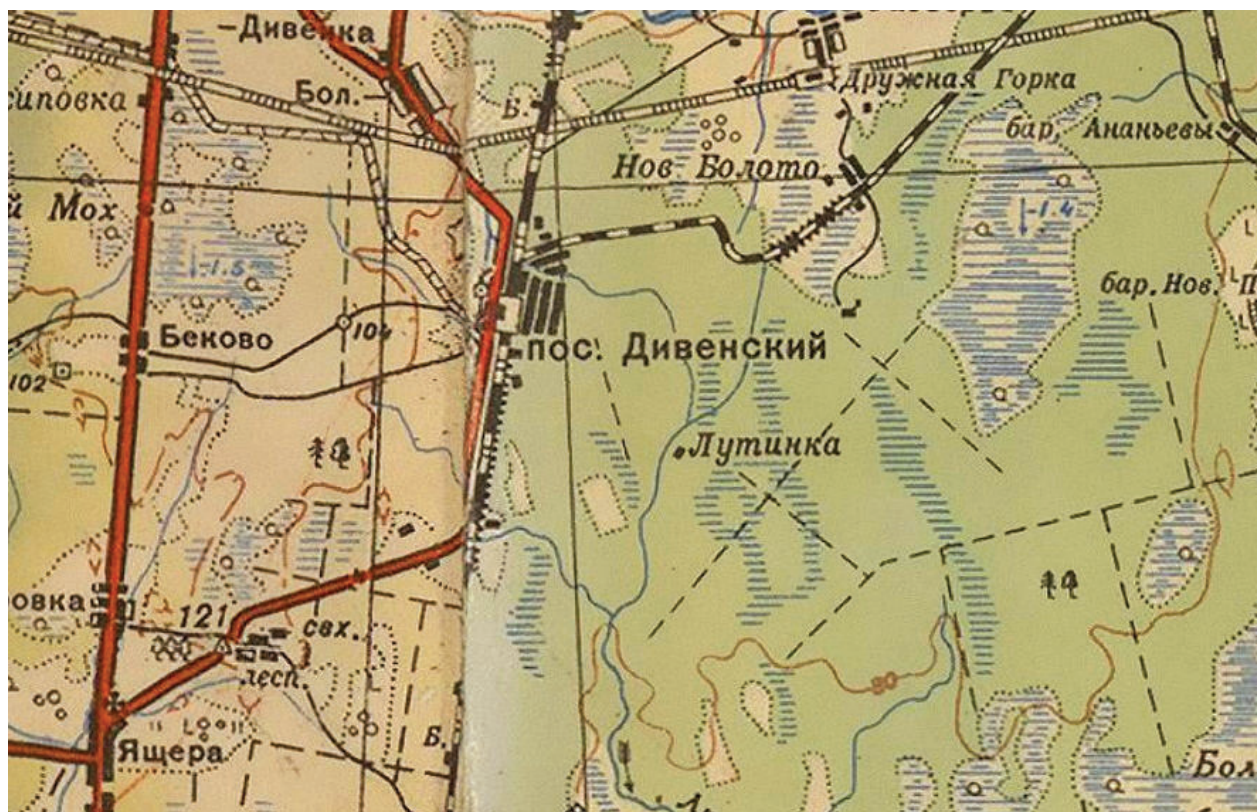

Рис. 4. Деревня (хутор?) Лутинка на карте РККА части Ленинградской, Псковской и Новгородской областей, двухкилометровка. 1942 г.

Источники и литература

Андерсин А., Белинг Э., 1704. General Charta Öfwer Provincien Ingermanneland // Карта Ингерманландии, нарисованная в Стокгольме в 1704 г. Собрание Королевской библиотеки в Стокгольме [Электронный ресурс: <http://libris.kb.se/bib/8893306>].

Бергенгейм А., 1827. Карта бывших губерний Иван-Города, Яма, Капорья и Нэтеборга, составленная по масштабу 1/210000, 1827 г., под присмотром генерал-майора Шуберта генерального штаба штабс-капитаном Бергенгеймом 1-м из материалов, найденных в шведских архивах, показывающих разделение и состояние одного края в 1676 г. // РНБ. Отдел картографии. К2-Зап/27_2.

Военно-топографическая, 1863. Военно-топографическая карта Европейской России. Трехверстовка. Ф.Ф. Шуберт. 1863 г.

Городилов А.Ю., Семенов С.А., Юшкова М.А., 2008. Отчет о результатах предварительного археологического обследования в зоне строительства ВЛ-330 в Ленинградской области (протяженностью 96 км при ширине полосы обследования 30 м). СПб. // Архив ЦСА ИИМК РАН.

Карта РККА части Ленинградской, Псковской и Новгородской областей, двухкилометровка. 1942 г. [Электронный ресурс: http://www.etomesto.ru/map-peterburg_rkka-severozapad/].

- Лапшин В. А., 1984. Разведка в Ленинградской области. 1984 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 71 (текст), 72 (альбом).
- Лапшин В. А., 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 1. Западные районы.
- Михайлова Е. Р., 2021. Древности I тыс. н. э. в верховьях Оредежа и Ижоры // ЗИИМК. Вып. 25.
- Михайлова Е. Р., Стасюк И. В., Хорошилова А. В., 2019. Комплекс случайных находок из д. Орлино // АВ. Вып. 25.
- Неволин К. А., 1853. О пятинах и погостах новгородских в XVI в. // Записки Императорского Русского географического общества. СПб. Кн. VIII.
- Писцовые книги Новгородской земли, 1999. Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / сост. К. В. Баранов. М. Т. I.
- Рябинин Е. А., 1975. Отчет о полевых исследованиях Четвертого отряда Староладожской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1974 г. Ленинград, 1975 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 114 (текст), 115 (альбом).
- Селин А. А., 1995. Ивангородская дорога. СПб.
- Семенов С. А., 2005. Отчет о разведках Лужского отряда Ленинградской областной экспедиции в 2004 г. СПб. // Архив ИА РАН.
- Стасюк И. В., 2010. Средневековое расселение восточных погостов Копорского уезда Водской пятины: XII – первая четверть XVII в. // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.
- Стасюк И. В., Петрова И. А., 2017. Городище и могильник у д. Черная на Ижорском плато // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 31.
- Jordeböcker 1859. Jordeböcker öfver Ingermanland // Писцовые книги Ижорской земли. СПб. 1859. Т. I.
- SE/KrA/0425/09/03. Krigsarkivet. Sveriges Krig, Stora Nordiska kriget 1699-1721 // Военный архив Швеции. Коллекция «Великая Северная война 1699–1721» [Электронный ресурс: https://sok.riksarkivet.se/bildvisning/K0024721_00001].
- SE/KrA/0425/09/032a. Krigsarkivet. Sveriges Krig, Stora Nordiska kriget 1699–1721 // Военный архив Швеции. Коллекция «Великая Северная война 1699–1721» [Электронный ресурс: https://sok.riksarkivet.se/bildvisning/K0038566_00001].
- Suomen kansallisarkisto. Käkisalmen läänin ja Inkerin tilejä (1634–1708). Asiakirjat (1634–1708) // Национальный архив Финляндии. Счета Кексгольмского лена и Ингерманландии (1634–1708). Документация (1634–1708) [Электронный ресурс: <https://astia.narc.fi/>].

Археологические исследования в регионах России

Археологические разведки в акватории морского порта Тамань в 2023 г.¹

В.В. Вахонеев², П.А. Горбунов³, С.Л. Соловьев⁴, В.М. Петровский⁵

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023-177-186

В июне 2023 г. Таманской археологической экспедицией Института истории материальной культуры РАН была проведена археологическая разведка в акватории Керченского пролива на объекте: «Строительство перевалочного комплекса аммиака и минеральных удобрений мощностью 5 млн тонн в год в морском порту Тамань» по адресу: Краснодарский край, Темрюкский район, район мыса Железный рог на трех участках (рис. 1). Цель проведения работ на участке обследования заключалась в определении отсутствия или наличия объектов культурного, в том числе и археологического, наследия, выявленных объектов культурного наследия, либо объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, на обследуемых водных участках для подготовки акта Государственной историко-культурной экспертизы.

Различные участки акватории морского порта Тамань последние 10 лет регулярно обследуются археологами в рамках планируемого хозяйственного освоения. В 2012 г. в Таманском порту были выполнены дноуглубительные работы, проведенные на основании проекта «Образование акватории

и строительство подходного канала Таманского нефтяного терминала и Таманской базы СУГ» и согласованные Главгосэкспертизой. В 2014–2015 гг. С.В. Ольховский провел разведки на участках акватории, намеченных для строительства эстакады Таманского терминала навалочных грузов, Таманского зернового терминала, перевалочной базы крупногабаритных и тяжеловесных грузов и подходных каналов к этим объектам. В результате проведенных археологических работ был выявлен ряд объектов – детали и механизмы сторожевого катера ВМФ СССР «Морской охотник-4» СКА-1012, минные тележки морских мин ФМС. По согласованию с органом охраны памятников Краснодарского края в 2014–2015 гг. эти объекты были перемещены за пределы зоны строительства в район акватории близ мыса Панагия, предложенный для этой цели администрацией Морского порта Тамань. В 2016 г. археологические разведки на участках проектируемого развития Морского порта Тамань провел А.В. Степанов, в результате чего выявлен ряд судовых якорей и минные тележки морских мин ФМС. Все объекты были оставлены на месте обнаружения. В 2017 г. С.В. Ольховский провел археологическую разведку на участках акватории объектов «Реконструкция Таманской базы сжиженных углеводородных газов. Строительство причального комплекса СУГ и технологической эстакады», «Строительство терминала навалочных грузов в морском порту Тамань. Дноуглубительные работы», «Реконструкция акватории и подходного канала Таманского нефтяного терминала и Таманской базы СУГ. Дноуглубление», выявленные при этом объекты с признаками объектов культурного наследия (памятники науки и техники) периода Великой Отечественной войны были под археологическим надзором перемещены за пределы участков хозяйственного освоения на участок акватории, согласованный с Капитанией Морского порта Тамань (Ольховский, 2017). В 2018–2019 гг. археологической экспедицией ИИМК РАН были проведены археологические

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию» (№ FMZF-2022-0016).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: vvkerch@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: pauels@mail.ru.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: ssl2610@yandex.ru.

⁵ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: petrovskiyvm@yandex.ru.

Рис. 1. Тамань 2023. Место проведения работ

разведки участка водной акватории в районе проектируемого сухогрузного района морского порта Тамань, площадью 1343 га. В ходе работ было обследовано шесть объектов археологического наследия, а также ряд объектов периода Великой Отечественной войны (Вахонеев, Горбунов, 2019). Летом 2020 г. сотрудники Центра подводного археологического наследия ИА РАН провели археологическую разведку на участке акватории Керченского пролива к юго-востоку от мыса Панагия в зоне проектируемого развития морского порта Тамань (руководитель работ В.А. Волков). Целью разведки являлось определение наличия либо отсутствия объектов археологического наследия и археологических предметов на участке акватории площадью 30,1 га перед его запланированным хозяйственным освоением. Шурфовка донных отложений не проводилась, находки на поверхность не извлекались. В результате разведки археологические объекты не были выявлены (Волков, 2021). В 2022 г. были проведены подводные археологические исследования на участке акватории объекта «Реконструкция Таманской базы сжиженных углеводородных газов для строительства причального комплекса СУГ и технологической эстакады», общей площадью 2,4 га (руководитель работ С.В. Ольховский). Объектов

археологического наследия на участке также не было выявлено (Ольховский, 2022).

В целом, на основании проведенных ранее подводных археологических исследований 2010-х гг. в границах порта Тамань в связи с отсутствием там объектов археологического наследия участок работ 2023 г. был условно поделен на две зоны: 1) в месте затопленного палеоландшафта античного периода (до глубины 4 м) участок считался зоной высокой вероятности нахождения объектов археологического наследия; 2) остальная акватория – зона низкой вероятности нахождения объектов археологического наследия.

Учитывая большую площадь заданных участков акватории (суммарная площадь составила 183 га), информативные и достоверные результаты может обеспечить только комплексное дистанционное обследование, в результате которого возможно локализовать объекты антропогенного происхождения и выполнить их визуальную идентификацию. Методика подводных работ включала в себя дистанционное обследование всей площади заданного участка акватории (эхолокация, гидролокация бокового обзора, гидромагнитная съемка), камеральный анализ результатов дистанционных обследований,

локализацию потенциальных объектов, их визуальный осмотр, идентификацию и фотофиксацию. На первом этапе подводных работ заданный участок акватории обследован эхолотом, гидролокатором бокового обзора и магнитометром. На этапе постобработки материалов гидролокации бокового обзора составлены акустическая мозаика поверхности дна на всей площади обследованного участка и карта аномального магнитного поля. В качестве акустических целей рассматривались объекты с характерными геометрическими формами и размерами. Для выявления магнитных аномалий материалы оценивались по параметрам: амплитуда и форма сигнала; повторяемости на соседних галсах; расположение аномалии и параметры движения мотолодки. В ходе работ также было выполнено профилирование донных отложений параметрическим профилографом для выявления возможных погребенных объектов.

Следует отдельно отметить, что в декабре 2022 г. силами АО «Искатель» были организованы работы по очистке акватории участка от взрывоопасных предметов. Подрядчиком были выполнены следующие виды работ: магнитометрическое и гидролокационное обследование акватории на предмет наличия взрывоопасных предметов и визуальная идентификация целей (Технический отчет, 2022). Для производства работ по обследованию акватории на наличие взрывоопасных предметов использовался программно-приборный комплекс на базе программы сбора и обработки информации Sonar Wiz 7, системы определения места судна DGPS/DGNSS C-NAV 30, гидролокатора бокового обзора CM2 и морского магнитометра SeaSPY 2, которые были установлены на судне. Работы проводились способом площадного обследования. В ходе работ по магнитометрическому и гидролокационному обследованию акватории в рамках программы разминирования было выявлено 13 гидроакустических целей и пять магнитных целей, которые были идентифицированы с помощью дрона CHASING M2 Pro.

В ходе полевых работ 2023 г. водолазной группой ИИМК РАН частично были осмотрены места выявленных в декабре 2022 г. целей – многие цели оказались смещенными или перемещенными. Данные результаты гидроакустической и магнитной съемки группы разминирования группой приборного поиска ИИМК РАН были использованы в качестве дополнительной верификации данных. В июне 2023 г. был выполнен комплекс работ по приборному поиску на акватории участка согласно археологической методике. Навигационное сопровождение исследовательских работ

выполнялось с использованием высокоточной навигационной системы на базе комплекта навигации NovAtel PwrPak7D (рис. 2). Для получения эхограммы изучаемых участков был использован гидролокатор бокового обзора сверхвысокого разрешения H5se7 серии Гидра™ (далее ГБО) (рис. 3). Для проведения профильной съемки изучаемых участков, а также проведения батиметрической съемки был использован комплект донного параметрического профилографа H5p3D, который предназначен для автоматизированного, визуального, высококачественного исследования грунта на водных акваториях с диапазоном обследуемых глубин от 1 до 20 м. В ходе полевых работ 2023 г. была выполнена морская магнитная съемка с использованием морского магнитометра MariMag 300m (рис. 4), который предназначен для выполнения геофизических, геотехнических и поисковых работ в акватории и позволяет с прецизионной точ-

Рис. 2. Тамань 2023. Комплект навигации NovAtel PwrPak7D

Рис. 3. Тамань 2023. Установка ГБО на судно

Рис. 4. Тамань 2023. Морская магнитная съемка на акватории

Рис. 5. Тамань 2023. Обследование цели с использованием подводного дрона

ностью измерять модуль полного вектора геомагнитного поля. Так как проводимые поисковые мероприятия в районе являлись комплексными, то данные магнитной съемки дублировались и проверялись данными гидроакустической съемки. Это позволило минимизировать возможные сбои и ошибки, заполнять лакуны в ходе интерпретации полученных данных.

На участке акватории был проведен визуальный осмотр поверхности дна аквалангистами с использованием кругового и полосового методов поиска. Для обнаружения выявленных приборным способом магнитных аномалий в ходе водолазных погружений использовался подводный металлодетектор MINELAB Excalibur II. Для проведения шурфовки применялся комплект гидроэжектора (мотопомпа, гидроэжектор, рукава, шланги). В ходе работ помимо легководолазов использовались подводные дроны Chasing M2 и Chasing M2 PRO с лазерными указателями (рис. 5). Непосредственно над потенциальным объектом выставлялся буй для маркировки его расположения. Дрон спускался по бую на дно, где проводил осмотр дна с целью визуальной идентификации объекта.

Первый участок исследований площадью 9,8 га представлял собой в плане сложную фигуру, вытянутую вдоль причала с тремя прямоугольными площадками (рис. 6). Глубина на всем участке исследований меняется от 2 м в северной части до глубины 15 м в южной. Дно ровное, песчаное, понижение плавное. Анализ картографического материала, а также результаты исследований смежных участков показали, что северная прибрежная часть является зоной повышенной вероятности обнаружения объектов археологического наследия (именно поэтому

тут было заложено два археологических шурфа). Остальная акватория – зона малой вероятности обнаружения объектов археологического наследия. Несмотря на это, на всей акватории был проведен комплекс приборных и натурных исследований.

Первоначально участок был визуально осмотрен по всему периметру на предмет обнаружения археологических предметов в прибрежной зоне и следов культурного слоя, обнажений и т.д. Осмотром зафиксировано полное отсутствие археологических предметов и выходов культурного слоя. В ходе приборного обследования участка акватории первоначально была выполнена съемка гидролокатором бокового обзора. По результатам гидроакустического сканирования было составлено мозаичное изображение сонограмм ГБО (рис. 7). Всего в ходе обследования было выявлено 22 акустические цели (аномалии). Почти все цели в ходе визуального осмотра были идентифицированы как современные металлические и бетонные конструкции причала (цели 1–5, 7, 9, 10–12, 14, 16–18, 20), тросы (цели 6, 13, 21, 22), трубы, выходы материковой глины (цель 15, 19). Кроме того, были проанализированы сонограммы 13 гидроакустических аномалий, выявленных группой разминирования. Они представлены современным баллоном (цель 1), железными конструкциями (цели 2–4, 6, 11–13) (рис. 8), каменным валуном (цель 5), обрывками тросов (цели 8–10).

В ходе проведения морской магнитной съемки средние значения между галсами составили 5 м (рис. 9). Интерпретация данных магнитной съемки была осложнена большим количеством помех, вызванных металлическими конструкциями причала. Кроме того, в ходе работ были учтены

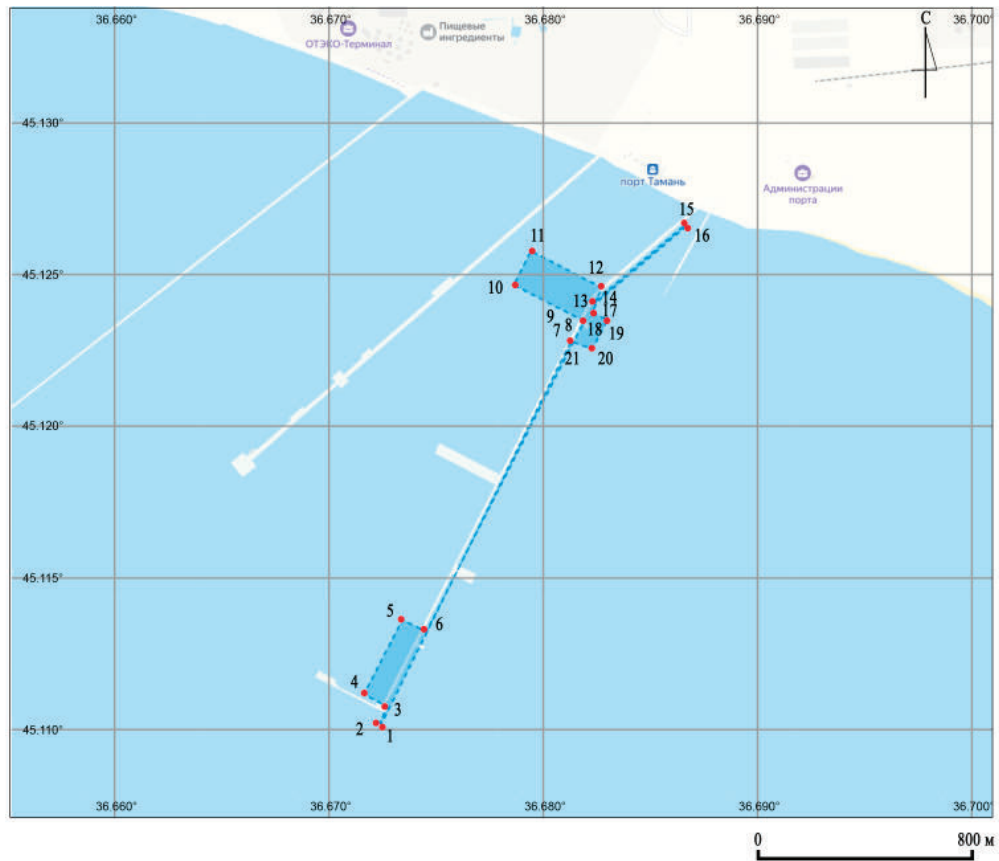

Рис. 6. Тамань 2023. План участка 1

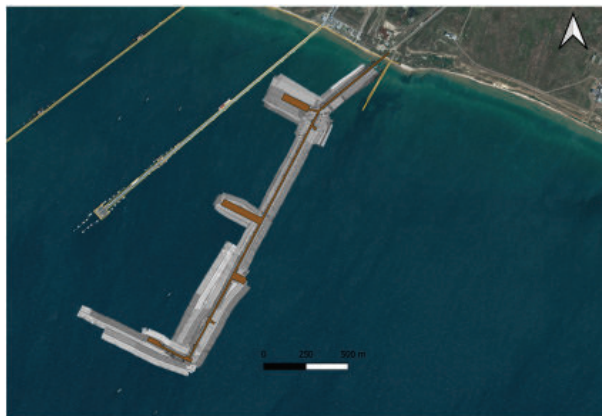
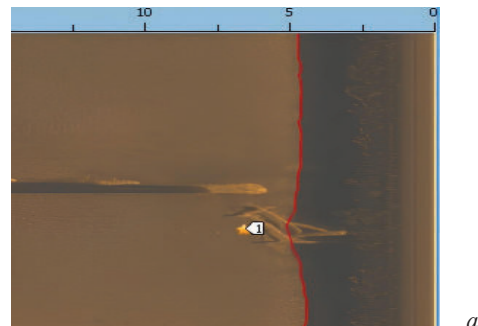

Рис. 7. Тамань 2023. Мозаичное изображение сонограмм ГБО участка 1

а

б

Рис. 8. Тамань 2023. Современная металлическая конструкция (акустическая цель 5): а) сонограмма; б) фотофиксация

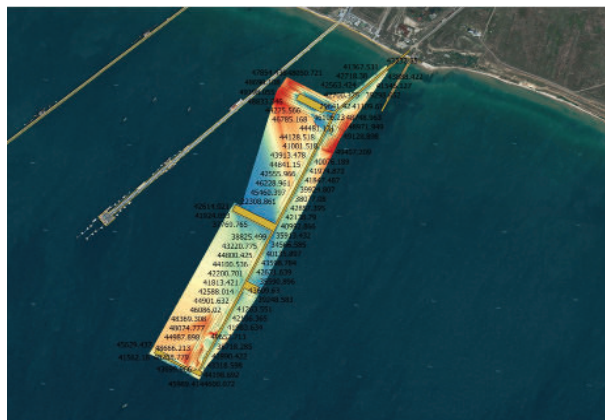

Рис. 9. Тамань 2023. Общая схема распределения геомагнитного поля на участке 1

магнитные цели, выявленные и обследованные в ходе работ по разминированию, выполненных в декабре 2022 г. Тогда на участке акватории было выявлено пять магнитных целей, представленных современными металлическими конструкциями. В ходе водолазного обследования были осмотрены все обнаруженные гидроакустические и магнитные цели. Археологических объектов или объектов, обладающих признаками культурного наследия, а также археологических предметов выявлено не было.

Еще одним видом дистанционного обследования участка акватории было выполнение съемки параметрическим профилографом. Всего на участке обследования было выполнено 102 галса. Таким образом, было получено 102 профилограммы-разреза. Полученные эхограммы зафиксировали состояние донных отложений на момент проведенных исследований. Сильные помехи для выполнения данного вида работ составили работы по забивке новых свай. В выполненных разрезах не зафиксированы очевидные аномалии, которые могли бы иметь антропогенное происхождение, связанное с археологическими объектами. Донные отложения заполнены песчаными отложениями и глинами.

В ходе археологических работ 2023 г. была проведена также археологическая шурфовка. Выбор мест расположения шурфов был обусловлен тем, что именно в этих местах мог сохраниться культурный слой (участок затопленного палеоландшафта античного периода). Всего было заложено два археологических шурфа.

Шурф 1. Размеры шурфа 1 × 1 м. Он расположен в 180 м от берега к юго-востоку от причала на

глубине 3 м. Шурф ориентирован по направлению север–юг. Донная поверхность в месте, где заложен шурф, представлена стерильными песчаными отложениями, мощностью 0,6 м. Ниже по всей площади шурфа зафиксирован материковый слой плотной серой глины. По окончании работ шурф был занесен песком и оплывшими песчаными бортами по уровень донной поверхности. Археологические предметы и культурный слой не выявлены.

Шурф 2. Размеры шурфа 1 × 1 м. Он расположен в 300 м от берега к юго-востоку от причала на глубине 3,8 м. Шурф ориентирован по направлению север–юг. Донная поверхность в месте, где заложен шурф, представлена стерильными песчаными отложениями, а с юга к шурфу примыкал выход коренной породы – плотной серой глины. Мощность стерильных песчаных отложений составила 0,2 м. Ниже по всей поверхности шурфа залегал материковый слой плотной серой глины. По окончании работ шурф был засыпан песком. Археологические предметы и культурный слой не выявлены.

Второй участок исследований в плане представлял собой многоугольник, вытянутый по линии северо-восток–юго-запад, площадью 73,23 га (рис. 10). Согласно батиметрической карте, глубина воды на участке колебалась от 12 м в северо-восточной части до 14 м в юго-западной. Дно ровное, песчаное, понижение плавное (рис. 11).

По результатам гидроакустического сканирования было составлено мозаичное изображение сонограмм ГБО (рис. 12). Всего в ходе обследования было выявлено 13 акустических целей. Цели 1 и 2 располагались в непосредственной близости к причалу и являются современными металлическими конструкциями (рис. 13). Цель 3 представлена полипропиленовым тросом, цели 4, 5, 7, 8, 9, 11 и 13 – камнями (одиночными или скоплениями), цели 6 и 10 – бороздами в донном грунте. Наконец, цель 14 – современная покрывка, которые часто используются в качестве кранцев на буксирах и причалах.

В ходе проведения морской магнитной съемки на обследованном участке ничего выделяющегося из общей картины геомагнитного поля не выявлено, кроме двух участков (рис. 14). В восточной части возмущение ГМП связано с наличием протяженного металлического причала. По этой причине непосредственно под причалом работы с морским магнитометром не проводились. Еще одной помехой при проведении магнитной съемки стали строительные работы по забивке новых свай

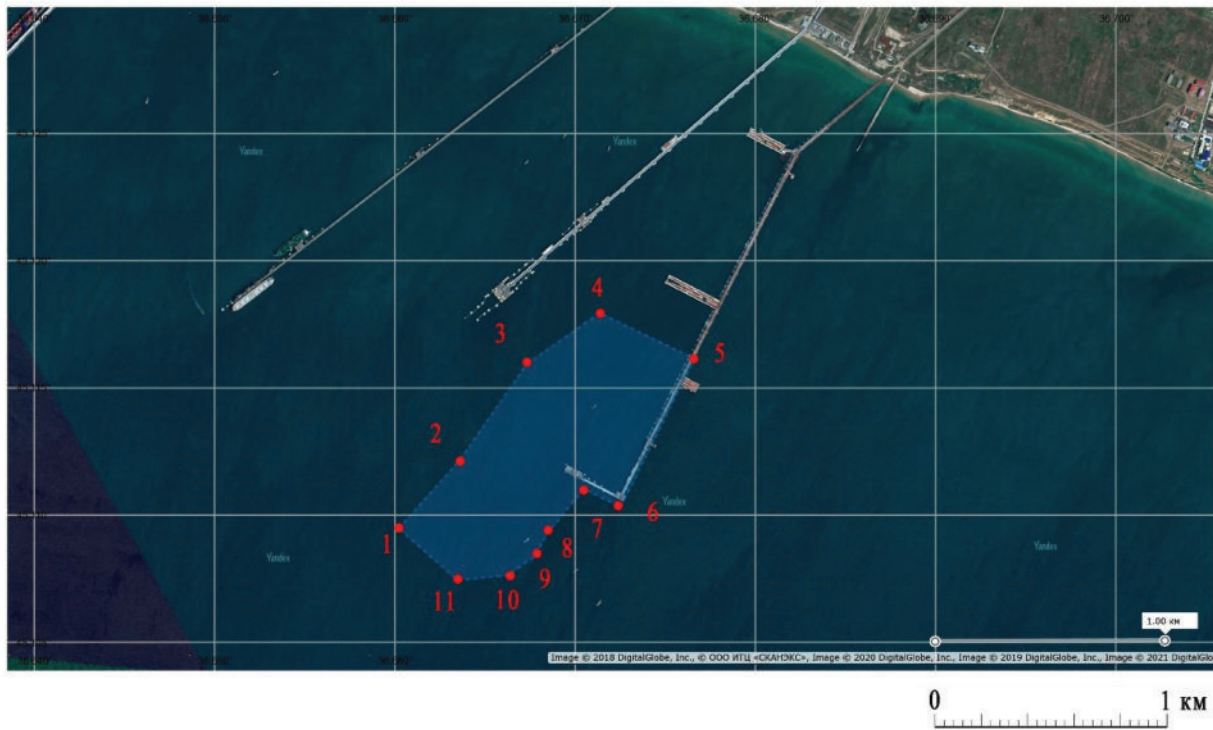

Рис. 10. Тамань 2023. План участка 2

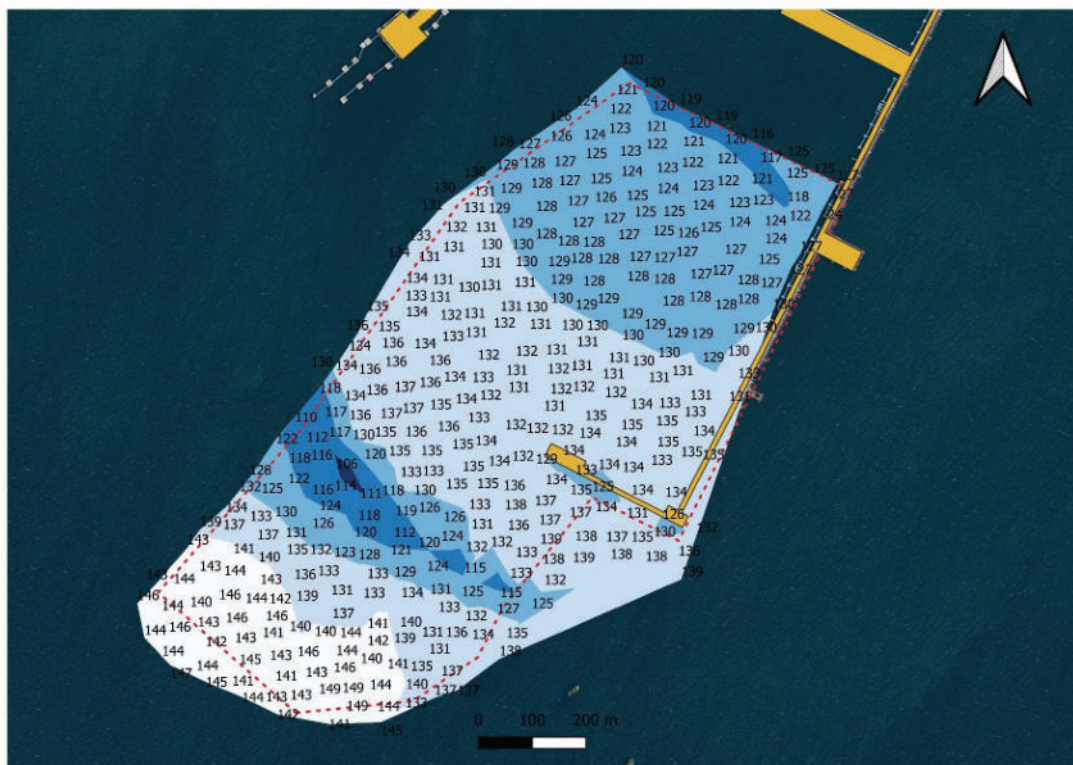

Рис. 11. Тамань 2023. Карта глубин участка 2

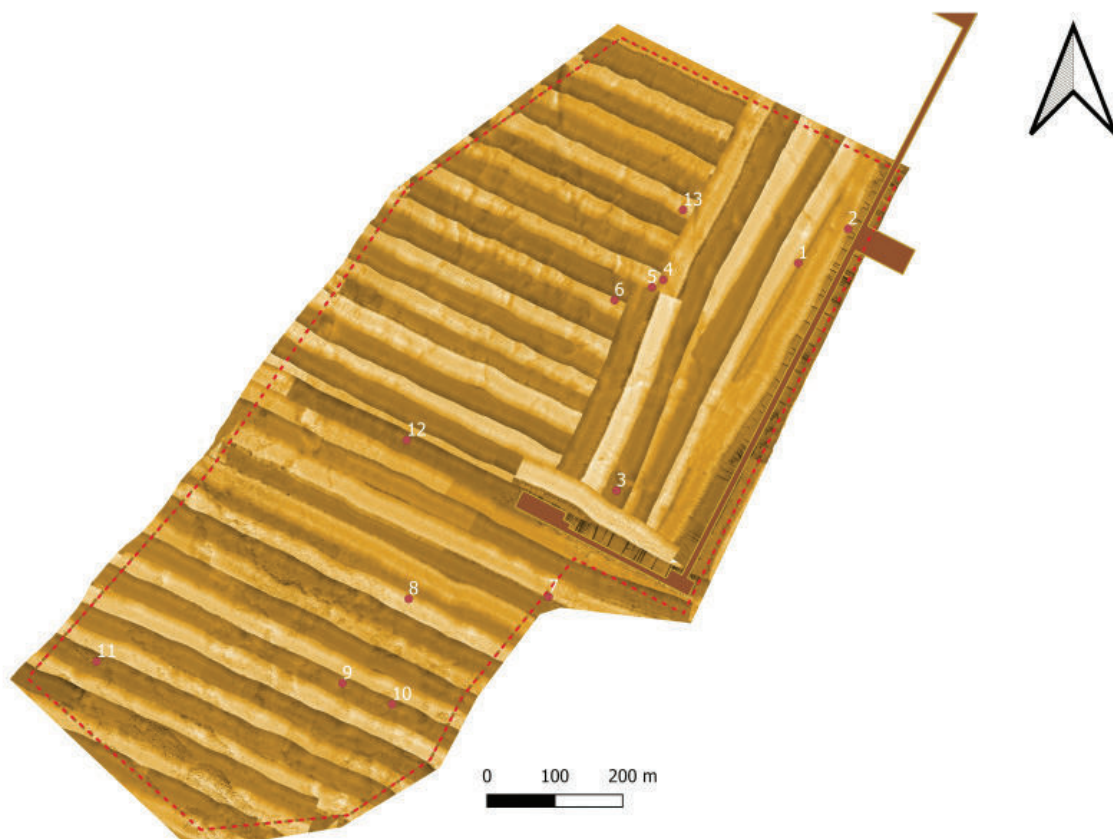

Рис. 12. Тамань 2023. Мозаичное изображение сонограмм ГБО участка 2

Рис. 13. Тамань 2023. Современная металлическая конструкция под причалом

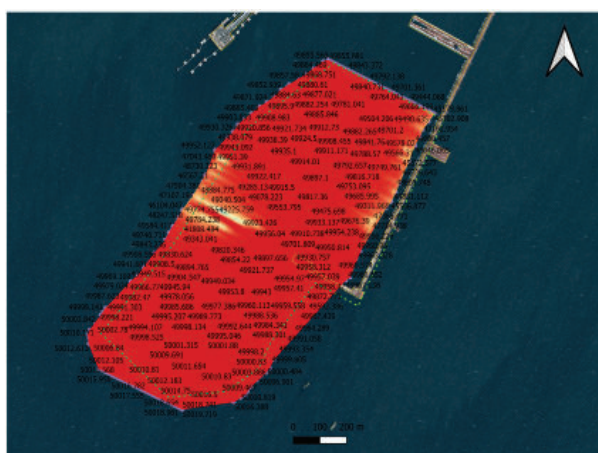

Рис. 14. Тамань 2023. Общая схема распределения геомагнитного поля на участке 2

у существующего причала для его расширения. В восточной части участка возмущение ГМП было связано с нахождением в данном районе во время проведения съемки буксиров. Два буксира стояли на якорных цепях (цепи прослежены на магнитной карте – сине-зеленая область). Еще один буксир выполнял маневрирования на западной границе района. Следует отметить, что только акустические аномалии 1 и 2 имели ферромагнитное происхождение, в то время как все остальные аномалии имели немагнитное происхождение, что подтвердилось в ходе визуального осмотра. Были осмотрены все обнаруженные гидроакустические и магнитные цели. Археологических объектов или объектов, обладающих признаками культурного наследия, а также археологических предметов выявлено не было. Кроме того, на участке обследования было выполнено 45 галсов для профилирования донных отложений. В выполненных разрезах не зафиксированы очевидные аномалии, которые могли бы иметь антропогенное происхождение, связанное с археологическими объектами. Донные отложения заполнены песчаными отложениями и глинами, а также геологическими структурами.

Наконец, третий участок исследований в плане представлял собой квадрат размерами 1000 × 1000 м и располагался на удалении 18 км от предыдущих участков в месте, планируемом для размещения подводного отвала грунта (рис. 15). Согласно проведенной съемке промера глубин, глубина

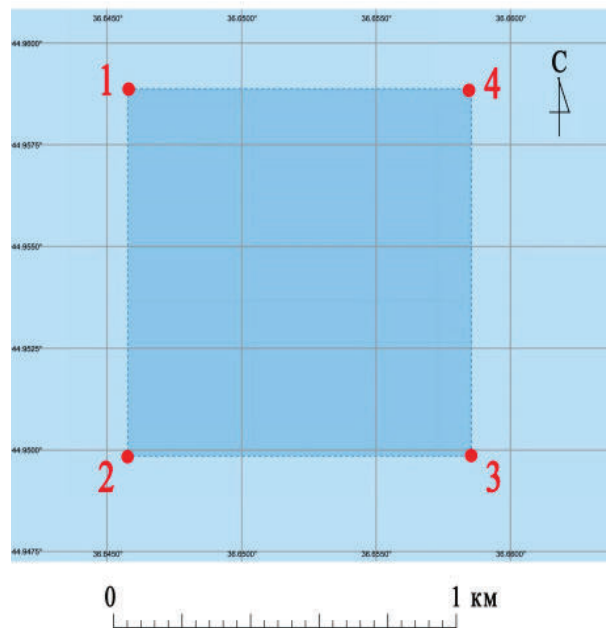

Рис. 15. Тамань 2023. План участка 3

на участке колебалась от 32 м в северной части до 34–35 м в южной. Дно ровное, илисто-песчаное, понижение плавное (рис. 16).

По результатам гидроакустического сканирования было составлено мозаичное изображение сонограмм ГБО (рис. 17). Всего в ходе обследования было выявлено восемь акустических целей. Цели 1, 2, 4, 6 – скопления камней, цель 3 – гидроакустическая помеха от броска на волне, цели 5 и 8 – борозды (рис. 18), цель 7 – холмистый рельеф дна. В ходе проведения морской магнитной съемки на обследованном участке ничего выделяющегося из общей картины геомагнитного поля не выявлено (рис. 19). В ходе визуального обследования участка были осмотрены все обнаруженные гидроакустические цели. Археологических объектов или объектов, обладающих признаками культурного наследия, а также археологических предметов выявлено не было.

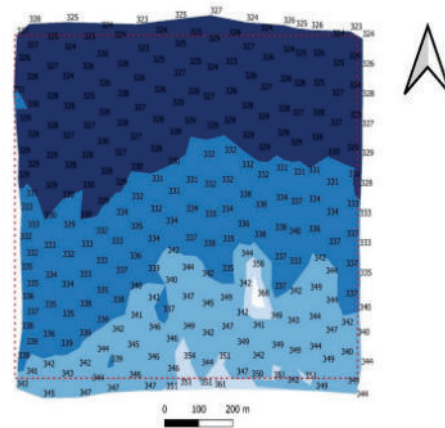

Рис. 16. Тамань 2023. Карта глубин участка 3

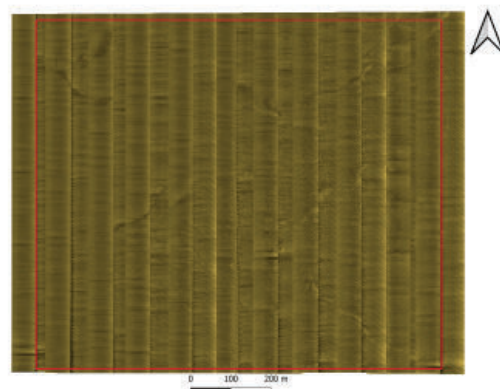

Рис. 17. Тамань 2023. Мозаичное изображение сонограмм ГБО участка 3

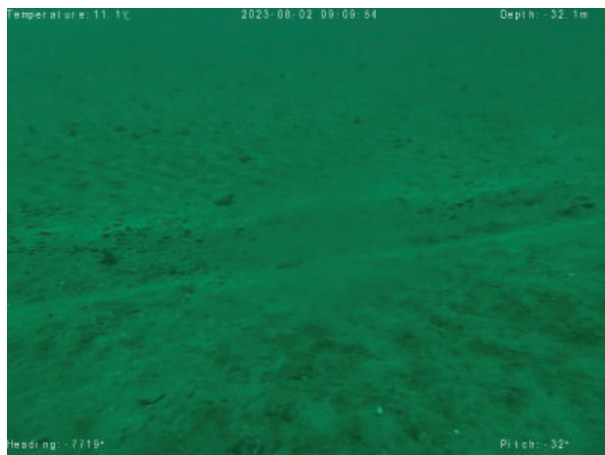

Рис. 18. Тамань 2023. Борозды на дне

Рис. 19. Тамань 2023. Общая схема распределения геомагнитного поля с числовыми значениями на участке 3 (шаг 25)

Таким образом, проведенные археологические работы в акватории Краснодарского края на объекте «Акватория перевалочного комплекса аммиака и минеральных удобрений мощностью 5 млн тонн в год в морском порту Тамань» зафиксировали отсутствие объектов археологического наследия либо объектов, обладающих признаками культурного наследия.

Источники и литература

- Вахонеев В.В., Горбунов П.А., 2019. Подводные археологические разведки в зоне проектирования сухогрузного района морского порта Тамань в акватории Керченского пролива в 2018–2019 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. Вып. 9.
- Волков В.А., 2021. Отчет о подводной археологической разведке в Керченском проливе у мыса Панагия в 2020 г. М.
- Ольховский С.В., 2017. Отчет о проведении научно-исследовательских работ на акватории объекта «Реконструкция акватории и подходного канала Таманского нефтяного терминала и Таманской базы СУГ». М.
- Ольховский С.В., 2022. Отчет о натуральных научно-исследовательских охранных археологических работах (разведке) на участке акватории площадью 2,4 га, расположенном в проектируемом районе строительства «Реконструкция Таманской базы сжиженных углеводородных газов. Строительство причального комплекса СУГ и технологической эстакады». М.
- Технический отчет по результатам обследования акватории на предмет обнаружения ОНП. Строительство перевалочного комплекса аммиака и минеральных удобрений мощностью 5 млн тонн в морском порту Тамань. 2022.

Археологические исследования античного города Акра в 2023 г.¹

В.В. Вахонеев², С.Л. Соловьев³

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023-187-190

В июле 2023 г. Античная комплексная археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры РАН продолжила планомерные исследования античного городища Акра, расположенного на берегу Керченского пролива у с. Набережное Заветненского сельского совета Ленинского района Республики Крым. Основными задачами экспедиции стало продолжение раскопок в западной части памятника, а также проведение локальных работ под водой у городской оборонительной стены.

Основные работы экспедиции были сосредоточены на исследованиях участка «Западный». Данный раскоп был заложен на песчаной пересыпи между соленым озером Яныш и Керченским проливом в северо-западной части Акры в 2020 г. (Соловьев и др., 2021. С. 114–117). Песчаная пересыпь представляет собой не аккумулятивную форму береговой полосы, а абразионный останец древнего мыса, сложенного мягкими осадочными породами. Вдоль всего уреза воды размещается пляжная зона, периодически покрываемая песчаными наносами. На расстоянии 3–9 м от уреза воды располагается невысокий береговой клиф, достигающий 1,5 м высоты и сложенный выходами культурного слоя. Раскоп был заложен на расстоянии 20 м к югу от уреза воды. Рельеф исследованного участка представлял собой довольно сглаженную поверхность, на которой местные рыбаки рыболовной артели просушивали свои сети. Высотные отметки поверхности раскопа до начала работ варьировались от 0,55 до 0,65 м БС.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию» (№ FMZF-2022-0016).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: vvkerch@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: ssl2610@yandex.ru.

В предыдущие полевые сезоны на участке площадью 50 кв. м была открыта часть полуподвала домовладения римского времени, а также фрагмент небольшой улицы, вымощенной галькой. Работами 2023 г. были завершены исследования данного строительного комплекса. Для этого с южной стороны раскопа была выполнена прирезка, площадью 50 кв. м (рис. 1). Верхний слой, помимо дерна, был представлен остатками отвала предыдущих лет, ниже которого залегал слой светло-коричневого суглинка, образовавшийся на месте разрушения указанного домовладения. Примечательно, что в верхних напластованиях была выявлена овальная в плане яма 2, размерами 0,9 × 0,7 м, глубиной 0,8 м. На дне ямы находился целый кувшин Таманского типа IX–XI вв. (рис. 2; 3). В заполнении также присутствовало несколько фрагментов таких сосудов.

До сих пор в ходе исследований Акры не было выявлено свидетельств жизни на территории городища в этот период, однако в 400 м к северо-западу от этого участка располагается раннесредневековое поселение Заветное (Яныш-Такиль I). Оно было открыто в 1956 г. М.М. Кубановым и В.В. Веселовым, повторно обследовано А.В. Гадло в 1962 г. и А.В. Куликовым в 1994 г. (Пономарев, 2011. С. 352). На поселении был встречен подъемный материал нескольких хронологических групп, в том числе керамика VII–X вв. Кроме того, этим же временем датируется укрепление, расположенное на северном берегу балки Чикграл-Джилга к востоку от с. Заветного, обнаруженное в 1936 г. Ю.Ю. Марти (Пономарев, 2003. С. 264–266), в 1,5 км к юго-западу от раскопа «Западный». Не исключено, что участок побережья Акры, где была найдена хозяйственная яма в 2023 г., использовался для хозяйственных нужд населением упомянутых поселений.

Под слоем светло-коричневого суглинка по всей площади прирезки были выявлены строительные остатки римского времени. В первую очередь была доследована южная часть полуподвала, исследованного в 2020–2021 гг. Его итоговые размеры

Рис. 1. Акра 2023. Сводный ортофотоплан участка «Западный» (2020–2023 гг.). Вид с юга

составили $5,5 \times 5,0$ м, помещение было вытянуто по линии северо-запад–юго-восток. Фактически, такая ориентировка строения соответствовала общей планировке Акры, существовавшей еще с IV в. до н.э. (Вахонеев, 2012. С. 75–79).

У юго-восточной стены располагалась каменная лестница на две ступени, примыкавшая к дверному проему, выходившему на мощный двор (рис. 4). Заглубление полуподвала относительно двора составляло 0,95 м (рис. 5). Пол помещения глинобитный. Заполнение полуподвала – желтый суглинок с камнями мелких и средних размеров, представляющих собой развал верхних стен данного сооружения. Ниже, на уровне $-0,70$ – $-0,80$ м БС, по всей площади помещения выявлены следы пожара: слой древесного угля и прокаленного грунта красных оттенков. В слое пожара было обнаружено несколько монет, в том числе два поздне-боспорских статера середины III в., которые могут служить *terminus post quem* для данного сооружения (рис. 6).

Рис. 2. Акра 2023. Участок «Западный», яма 2. Вид с севера

Рис. 4. Акра 2023. Южная часть полуподвала римского времени

Рис. 3. Акра 2023. Кувшин таманского типа из заполнения ямы 2

Рис. 5. Акра 2023. Юго-западная стена полуподвала

Рис. 6. Акра 2023. Позднебоспорский статер середины III в.

К юго-востоку от полуподвала располагался мощный двор. Сохранилось как минимум два слоя мощения. Следует отметить, что после гибели полуподвала непосредственно рядом с порогом во дворе была обустроена хозяйственная яма. К сожалению, археологический материал из ее заполнения крайне невыразителен и не позволят точно датировать время ее засыпи. С юго-западной стороны от полуподвала открыта мощеная галькой улица шириной около 1 м, которая под прямым углом примыкает к участку другой улицы шириной до 1,6 м, обнаруженной в 2020 г. Таким образом, две улицы огибали полуподвал с двух сторон – с северо-запада и юго-запада. По другую сторону улицы, открытой в 2023 г., были найдены остатки другого мощеного двора и плохо сохранившиеся остатки кладки стен еще одного домовладения, большая часть которого уходит в западный и северный борта раскопа. По окончании археологических работ все выявленные строительные остатки были проложены слоем геотекстиля и законсервированы.

В ходе изучения подводной части городища, затопленной водами Керченского пролива, первоначально в хорошую погоду была выполнена детальная аэрофотосъемка. Это позволило создать актуальный ортофотоплан подводной части Акры, а также получить новые данные о состоянии уже известных строительных комплексов (рис. 7). Подводные раскопки проводились на двух участках.

К северу от кладки 6 был заложен подводный шурф, площадью 4 кв. м, с целью проверки мощности культурных напластований на этом участке. В ходе работ после удаления песчаных отложений прослежен плотный слой темно-серой глины мощностью 0,2 м, насыщенный фрагментами керамики раннеэллинистического периода. Ниже по всей площади шурфа на глубину 0,8 м выявлен слой песка практически без находок (рис. 8). Проводить разбор песчаного слоя глубже не представлялось возможным из-за постоянного оплывания бортов. Прослеженная стратиграфическая ситуация может указывать на существование

Рис. 7. Акра 2023. Аэрофотосъемка затопленной части городской оборонительной стены с башней. Вид с запада

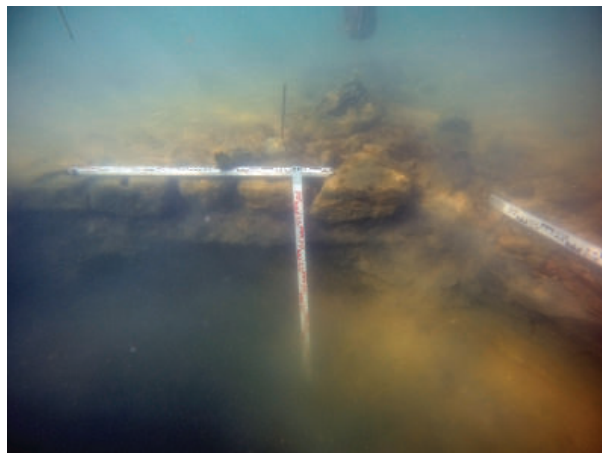

Рис. 8. Акра 2023. Шурф 1. Вид с юга

специально подготовленной песчаной подушки под фундаментами раннеэллинистических строений Акры.

Второй шурф, также площадью 4 кв. м, был заложен у городской оборонительной стены, так что один из бортов шурфа представлял собой северо-восточный фас этой стены (рис. 9; 10). Стратиграфическая ситуация выглядела следующим образом. Под современными песчаными отложениями прослежен слой темно-серой глины (рис. 11) мощностью до 0,4 м, насыщенный фрагментами амфор Хиоса, Гераклеи, Синопы, Фасоса и Менды. На уровне третьего пласта слой содержал камни и следы горения. Археологический материал был представлен фрагментами амфор Синопы, Гераклеи, Пепарета, Родоса и Фасоса. Четвертый и пятый пласты были представлены горелым

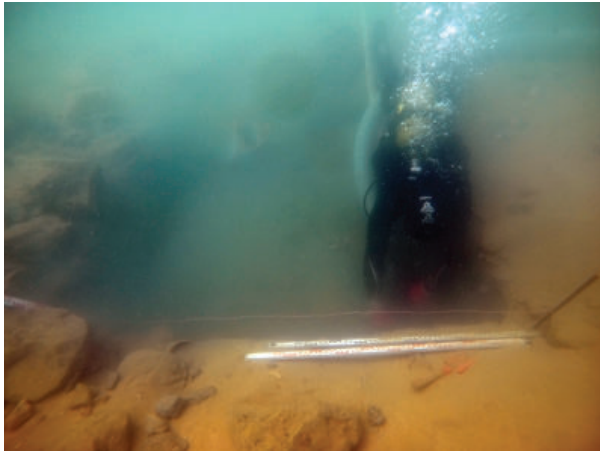

Рис. 9. Акра 2023. Работа водолаза в шурфе 2

Рис. 10. Акра 2023. 3D-модель шурфа 2

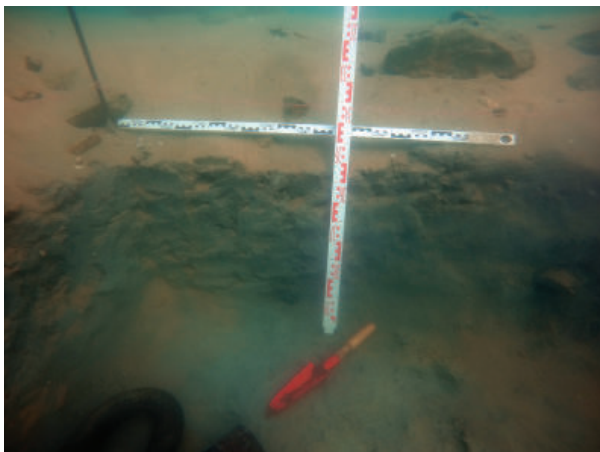

Рис. 11. Акра 2023. Слой темно-серой глины в шурфе 2. Вид с северо-запада

слоем с находками амфор Гераклеи, Фасоса, Менды, Книда и Хиоса. Ниже был выявлен слой стерильной серой глины. Таким образом, сохранившаяся от размыва часть культурного слоя на этом участке городища составила 1 м. Слой

горения, вероятно, может быть синхронен остаткам пожара первой половины IV в. до н. э., открытым ранее при исследованиях внутреннего пространства оборонительной башни (Соловьев и др., 2021. С. 78, 79).

В заключение следует отметить, что работы Античной комплексной экспедиции Государственного Эрмитажа и ИИМК РАН в 2023 г. продолжили систематические и планомерные работы на античном городище Акра. В западной части городища было продолжено изучение строительных остатков римского времени, в то время как под водой были проведены небольшие по объему работы по выявлению сохранившихся культурных напластований раннеэллинистического периода.

Источники и литература

Вахонеев В.В., 2012. Топография и планировка античного городища Акра // Боспорские чтения. Керчь. Вып. XIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Проблемы урбанизации.

Пономарев Л.Ю., 2003. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь. Вып. III.

Пономарев Л.Ю., 2011 К археологической карте памятников VIII – первой половины X вв. южной части Керченского полуострова // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь. Вып. XXV.

Соловьев С.Л., Вахонеев В.В., Шепко Л.Г., 2021. Акра – античный город на европейском Боспоре (итоги археологических исследований). СПб.

Работы ИИМК РАН в Калининграде и Калининградской области¹

А. В. Субботин², Н. А. Боковенко³, Р. В. Филиппенко⁴

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023-191-208

Начиная с 2017 г. и по настоящее время ИИМК РАН осуществляет наблюдение, разведки и раскопки в г. Калининграде и Калининградской области в тех местах, где планируется хозяйственное освоение или строительство каких-либо объектов. Частично материалы и результаты работ опубликованы. К ним относится информация об археологических разведках 2017 и 2020 гг., представленная на сайте ИИМК РАН в разделе «Полевые исследования» (Субботин, 2017; 2020а; 2020б; Субботин, Кириллов, 2019).

Археологические работы 2019 г.

В 2019 г. Калининградская экспедиция ИИМК РАН проводила археологические исследования на четырех объектах. Первый из них занимал обширный участок территории строительства жилого квартала в месте, носящем название «Рыбная деревня», в его центральной и южной локациях (рис. 1). Второй участок примыкал к первому с северной стороны (рис. 2). Здесь осуществлялись наблюдения и раскопки на территории строительства квартала жилых домов на ул. Октябрьской и Музея русской живописи и прикладного искусства. Оба участка исследований расположены на правом берегу р. Старая Преголя, на острове Октябрьский, который образован протоками между правым и левым рус-

лом Преголи. По геоморфологическому строению участок приурочен к пойме реки осложненной техногенными образованиями. Река Преголя принадлежит к типу равнинных приморских рек со смешанным питанием и паводковым режимом в течение всего года. В ландшафтах нижнего течения р. Преголя господствует низменная пойма с абсолютными отметками 0,3–0,7 м. Вплоть до 2019 г. участок представлял собой поросшую кустарником заброшенную пустошь. По сведениям, предоставленным строителями, в 2017 г. здесь предпринималась попытка начать незаконную стройку, пресеченная администрацией города.

Данная территория, расположенная в пойме реки, в связи с близостью берега (15–20 м) постоянно заливалась не только в период паводков и половодий, но и при нагонах воды из Калининградского залива, куда впадает река. По этой причине здесь не велось активного строительства вплоть до третьей четверти XIX в., о чем свидетельствуют планы Кенигсберга с начала XVII в. Исключением является отмеченное на плане 1732 г. здание, вероятно, трактира, упомянутого в письменных источниках. В конце XIX в. в связи с бурным развитием города началось интенсивное хозяйственное освоение Рыбной деревни. Здесь был построен ряд промышленных предприятий, функционировавших до конца Великой Отечественной войны и разрушенных в результате военных действий. По данным буровых и опытных работ, проводившихся строителями, установлено, что современные техногенные образования, представленные насыпными грунтами, имеют мощность 1,6–3,8 м. На основании анализа картографического материала, архивных и литературных источников, были сделаны следующие выводы: район расположения исследуемой территории находился в зоне хозяйственного освоения с конца XIII – начала XIV в., однако интенсивное строительство здесь начинается лишь в середине XIX в. и достигает максимума в первой половине XX в.

Работы по снятию слоя балласта и последующему удалению строительных конструкций на обоих

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию» (№ FMZF-2022-0016).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. E-mail: asubbotin@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. E-mail: nibo25@yandex.ru.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии ИИМК РАН. E-mail: rovif74@yandex.ru.mail.ru.

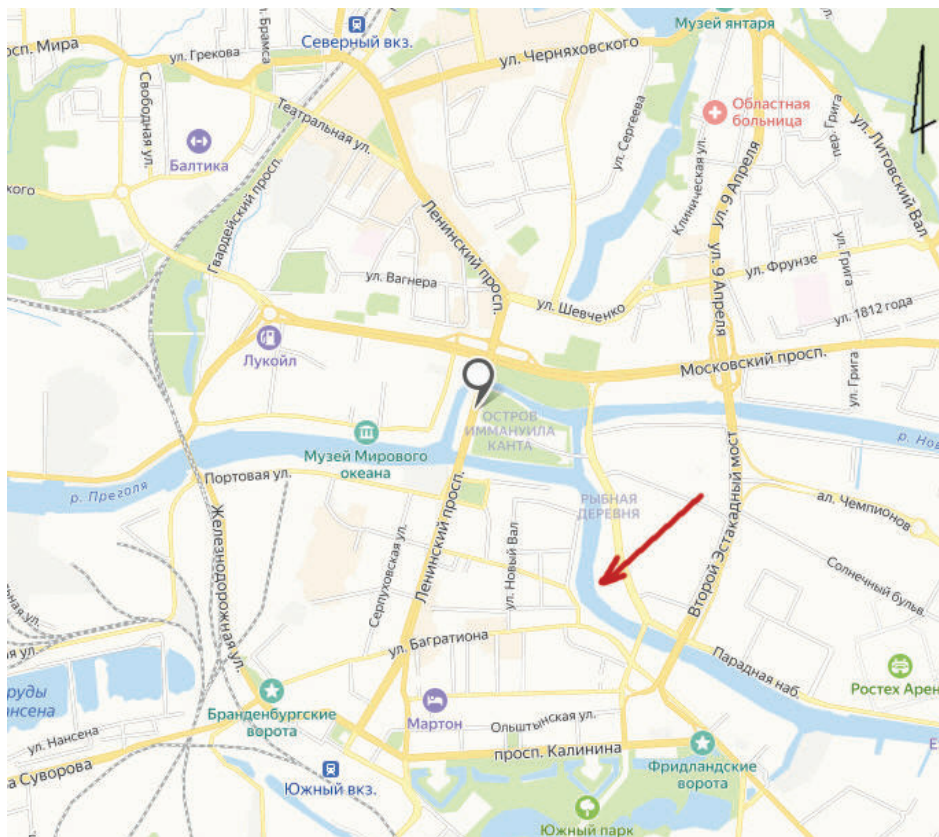

Рис. 1 Место расположение квартала «Рыбная деревня» в Калининграде

Рис. 2. Калининград-2019. Работы на территории «Рыбная деревня». Объекты 1 и 2. Центральная и южная часть – участок строительства жилого квартала (в центре и слева). Северная часть – участок строительства музея (справа)

участках проводилась экскаваторами и гидравлическим молотом. Зачистка фундаментов, мостовых, помещений и стенок раскопов, а также разборка остатков культурного слоя велась вручную лопатами, совками, щетками и кистями.

Зона наблюдений в реальности представляла собой бывшую промышленную зону с мощными техногенными отложениями, представленными битым кирпичом и кирпичной крошкой, большим количеством металлолома и металлических конструкций, а также большого количества ям с современным бытовым мусором.

Первый отряд

Участок землеотвода под строительство квартала жилых домов в плане представлял собой косой неправильный треугольник, обращенный основанием на север, а вершиной на юго-восток, западная сторона которого была сильно изогнута на восток. Общая площадь – 13720 кв. м. Расположен между ул. Октябрьской и р. Старая Преголь. Западная граница участка проходит в 18–20 м от берега, восточная – в 6–7 м от полотна дороги. В 25 м на юго-восток от вершины расположен Высокий мост. С севера непосредственно к исследуемому участку примыкает площадка, на которой происходила выборка котлована для фундамента Музея русской живописи и прикладного искусства. На данной территории осуществлял наблюдения и проводил раскопки другой отряд, о результатах и итогах работ которого будет сказано ниже.

При разбивке раскопа было выделено восемь секторов. Под слоем дерна толщиной 0,10–0,15 м находился слой строительного мусора мощностью 0,3–1,1 м, ниже которого были открыты нижние ряды кладки стен более восьмидесяти производственных помещений. Стены были сложены на бетонных плитах ростверка, толщиной 0,6–1,0 м. Под плитами прослеживаются деревянные детали несущей конструкции ростверка, состоящей из горизонтально лежащих на сваях бревен толщиной до 0,35 м и положенных на них досок шириной до 0,25 м и толщиной 0,10–0,12 м. Диаметр свай 0,35–0,40 м. Под плитами зафиксирована подсыпка из строительного мусора, насыпанного поверх материкового ила, мощность слоя которого по данным геологов достигает 30 м, вследствие чего определить высоту свай не представляется возможным. Всего выявлено и сосчитано 886 свай.

В ходе работ было сделано 5537 археологических находок. Практически все они датируются второй половиной XIX в. и первой половиной XX в., за исключением нескольких фрагментов полихромной поливной керамики, датируемых концом XVII – началом XVIII вв., вероятно, относящейся к упомянутому ранее трактиру первой половины XVIII в. Подавляющее большинство поздних находок составляет бело-, серо- и красноглиняная керамика, а также керамика из так называемой каменной массы. (целых форм, за исключением тарелок, практически нет). Также в большом количестве найдены фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды. К числу керамических находок также относятся изразцы (86 шт., в основном, во фрагментах) и фрагменты 78 глиняных и 15 фарфоровых курительных трубок (рис. 3).

Нумизматический материал представлен 62 немецкими монетами XIX–XX вв., в том числе 43 серебряными монетами достоинством 2 и 5 марок 1930-х гг. Они найдены лежавшими компактно в углу одного из помещений. Возможно, это был клад или тайник. В числе металлических изделий найдены как инструменты (молотки, зубила, гаечные ключи), так и предметы бытового назначения (столовая посуда, замок, ножи, ключи).

В результате работ исследованную территорию можно стратиграфически разделить на два горизонта. Верхний техногенный слой доходил до уровня ростверков, на котором выявлены и обследованы около 90 фундаментов помещений промышленно-хозяйственного назначения, возведенных с середины XIX в. по середину XX в., слой состоял из строительного мусора, оставшегося после разрушения этих зданий, а также привезенного из других

Рис. 3. Калининград-2019. Находки на объекте 1: 1 – красноглиняный подсвечник; 2 – фрагмент красноглиняной тарелки; 3 – фарфоровая вазочка; 4 – фрагмент белоглиняной курительной трубки; 5 – фрагмент белоглиняной курительной трубки; 6 – фрагмент фарфоровой курительной трубки; 7 – красноглиняное грузило; 8 – красноглиняное грузило; 9 – фрагмент фарфоровой курительной трубки

районов города. Этот слой насыщен находками вещей указанного периода. Слой темно-серой супеси, располагавшийся ниже ростверков, вплоть до материкового ила, и содержал находки XVIII – начала XIX в. Данный слой могли составлять как остатки человеческой деятельности того времени, так и привезенный со стороны в качестве балласта для создания прослойки между насыщенным водой илом и ростверками грунт, что служит объяснением присутствия в нем обработанного кремня.

Второй отряд

Объект археологического наблюдения и раскопок – выборка котлована для строительства Музея русской живописи и прикладного искусства. Исследования проводились до проектных отметок в связи со сложной геологической ситуацией и на основании письма Службы государственной охраны объектов культурного наследия Калининградской

области. Участок исследования расположен по адресу: г. Калининград, ул. Октябрьская. Котлован зоны археологических наблюдений был ориентирован по сторонам света с отклонением 4 градуса от оси север–юг к западу. Протяженность котлована с севера на юг, по западной стенке, составила 52 м, а с запада на восток, по южной стенке, – 72,5 м. Площадь участка 3365,50 кв. м.

Работы по снятию слоя балласта и последующему удалению строительных конструкций проводилась экскаваторами и гидравлическим молотом. Зачистка фундаментов, мостовых, помещений и стенок раскопов, а также разборка остатков культурного слоя велась вручную лопатами, совками, щетками и кистями. Зона наблюдений в реальности представляла собой бывшую промышленную зону с мощными техногенными отложениями,

представленными битым кирпичом и кирпичной крошкой, большим количеством металлолома и металлических конструкций, а также большого количества ям с современным бытовым мусором.

В процессе наблюдения зафиксирована большая железобетонная конструкция (постройка № 4). Эта постройка располагалась на деревянных сваях. Судя по историческим материалам, картам и фотографиям, данная постройка являлась фундаментом сдвоенных заводских труб предприятия «Oster & Co», основанного в 1924 г. Зафиксированы также кирпичные конструкции (постройка № 5, туалет) промышленной зоны начала XX в., кирпичные конструкции заводского цеха предприятия «Oster & Co», а также более поздние послевоенные бетонные конструкции (рис. 4). В результате археологических наблюдений в зоне строительства Музея русской

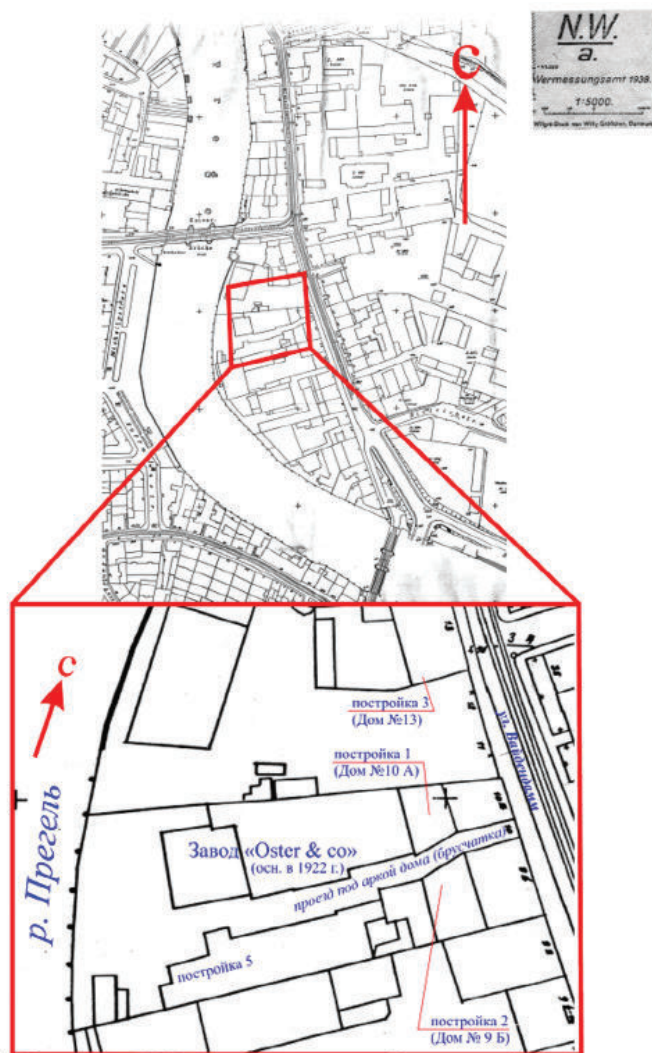

Рис. 4. Калининград-2019. Объект 2. Зона строительства Музея русской живописи и прикладного искусства по ул. Октябрьской. Геодезический план Кенигсберга 1938 г. Масштаб. 1 : 5000

живописи и прикладного искусства в западной части зафиксированы остатки фундаментов и построек кислородно-баллонного завода «Oster & Co» 1924 г. постройки, в восточной части – фрагменты хозяйственно-бытовых помещений домов, располагавшихся вдоль ул. Вайдендамм.

Коллекция находок для передачи в государственные музейные фонды Российской Федерации составила 117 единиц. Всего в результате исследований обнаружено 6374 единицы массового материала, представленного фрагментами посуды, выполненной из фарфора, стекла и фаянса, различных бутылок, бытовых предметов и инструментов, холодного и стрелкового оружия, монет (рис. 5). Культурные отложения в зоне строительства датируются началом XX – XXI в.

Рис. 5. Калининград-2019. Объект 2. Находки: 1 – фрагмент сероглиняной курительная трубки: чашка с изображением лошади; 2 – бутылка прозрачного стекла; 3 – ложка металлическая столовая, орнаментированная; 4 – подставка фарфоровая, круглая, с подглазурной растительной росписью

Третий отряд

В июле–августе 2019 г. на участке АОН «Поселение Зольная-2 и грунтовый могильник Зольная-2а» велись работы на территории строительства объектов ООО «ЛУКОЙЛ-КМН». Объект археологического наследия расположен на территории Зеленоградского района в 1,78 км к юго-западу от НСП «Романово», в 2 км от юго-восточной окраины пос. Романово, у подножья северо-западного склона холма-горы Зольная, на локальной возвышенности, вытянутой по оси северо-восток–юго-запад, с севера и запада ограничен долинами ручьев, с юга и запада – низинами (рис. 6). Поверхность территории памятника в северной части задернована, в южной части распахана. Памятник вытянут по оси северо-восток–юго-запад, имеет размеры 570 × 220 м, общей площадью 125400 кв. м. В 2018 г. ООО «НПО «Балтспецархеология» проводила разведки в зоне проекта «Строительство объектов ООО «ЛУКОЙЛ-КМН». В ходе работ уточнены границы памятников археологии «Поселение Зольная-1», «Поселение Зольная-2», «Грунтовый могильник Геройское-5». Археологические исследования поселения Зольная-2 в 2019 г. проводились на участке площадью 4222 кв. м, попадающем в зону строительства объектов ООО «ЛУКОЙЛ-КМН».

В результате археологических раскопок была исследована часть южной периферии древнего поселения. В ходе работ были сняты пахотные горизонты, которые полностью разрушили культурный объект. Были обнаружены и отдельно изучены 20 объектов различного происхождения, и лишь только три из них имели непосредственный археологический интерес. К археологическим относились два объекта (12, 18). Оба представляли собой остатки долговременных кострищ. Их стратиграфическое положение позволяет предположить, что они существовали до начала активной сельскохозяйственной деятельности на данном участке.

Особого внимания заслуживает объект 7. Очевидно, что объект возник естественным образом и представлял собой в древности заболоченный овраг. Однако овраг с его водными ресурсами активно использовался в человеческой жизнедеятельности. Об этом свидетельствовали антропогенная яма, встроенная в протекавший здесь ручей (объект 7.1), и многочисленные артефакты, обнаруженные на уровне древней дневной поверхности. По собранному керамическому материалу можно определить, что хозяйственное освоение объекта происходило в рамках первого тысячелетия новой эры. Для определения более конкретных хронологических рамок необходимо дальнейшее исследование объекта и памятника в целом. Собранная

Рис. 6. Калининград-2019. Местоположение объекта археологического наследия «Поселение Зольная-2 и грунтовый могильник Зольная-2а» на спутниковом снимке

полевая коллекция составила 625 предметов. Массовый материал представлен в основном фрагментами керамических сосудов (582 предметов), большей частью красноглиняной кружалной керамики (413 предметов). Значительно хуже представлена сероглиняная кружалная керамика (91 предмет), красноглиняная лепная керамика (44 предмета), сероглиняная лепная керамика (33 предмета). Остальные предметы массового характера представлены фрагментами керамических изразцов (6 предметов) и плитки (2 предмета), кованными железными гвоздями (8 предметов), неопределенными мелкими железными изделиями (8 предметов) и единичными фрагментами фарфоровой, фаянсовой и стеклянной посуды (4 предмета).

Основная масса археологического материала происходила из горизонта древней пашни (464 предмета). Значительно меньше находок собрано из слоя современной пашни (40 предметов), углистого слоя (20 предметов) и предматерика (20 предметов). В заполнении объектов обнаружено 78 находок, основная часть которых происходила из объекта 7 (60 предметов). Во всех описанных горизонтах находки были перемешаны. То же самое касается и всех объектов, кроме объекта 7. Здесь основной материал представлен однообразной лепной сероглиняной

керамикой, которую можно датировать первым тысячелетием новой эры (рис. 7). По площади раскопа находки распределялись неравномерно. Основная масса материала происходила из северной трети раскопа (411 предметов). Центральная часть представлена значительно хуже (137 предметов). Наиболее бедной являлась южная треть (73 предмета).

Таким образом, из полученных в ходе исследований памятника «Поселение Зольная-2 и грунтовый могильник Зольная-2а» данных можно сделать следующие выводы. В ходе раскопок была исследована только самая южная периферия древнего поселения. Об этом свидетельствует расположение обнаруженных археологических объектов и распределение находок. Южная половина исследованной площади оказалась практически пустой. Можно выделить два основных периода. Первый связан с функционированием древнего поселения. К нему относятся два кострища и яма, сооруженная в русле древнего ручья, а также керамические и каменные находки с древней дневной поверхности склона оврага. Из-за многочисленности обнаруженного материала говорить о хронологических рамках функционирования поселения определенно нельзя. Однако, опираясь на найденную керамику, нижнюю границу

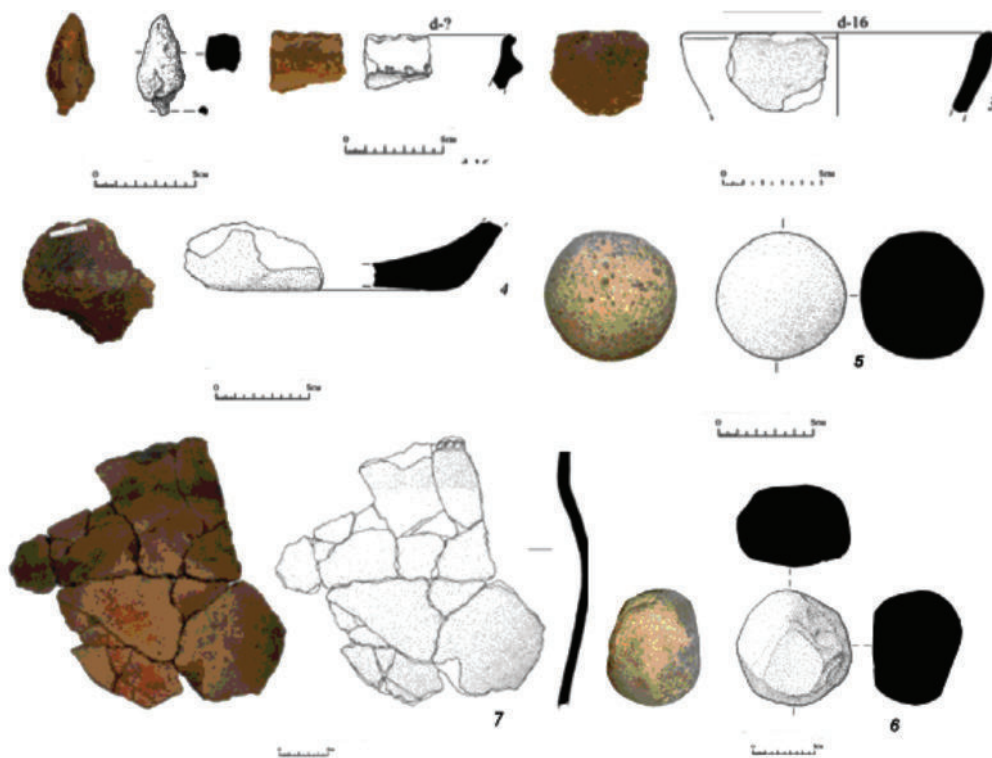

Рис. 7. Калининград-2019. Находки из объекта 7: 1 – наконечник арбалетного болта (?); 2–4, 7 – фрагменты сосудов; 5 – каменный шар; 6 – терочник

обитания поселения следует искать в пределах первого тысячелетия новой эры. Второй период связан с активным сельскохозяйственным освоением данной территории. Судя по разнообразию материала, собранного в пахотных горизонтах, активная распашка изученной площади была начата в середине второго тысячелетия новой эры и продолжается в современности. В первой половине XX в. на данной территории была создана дренажная система, которая периодически ремонтировалась. Для получения более полной информации о памятнике необходимо исследование территории к северу от раскопа. Дальнейшее изучение зарегистрированной площади к югу от раскопа научного интереса не представляет.

Четвертый отряд

В июне–сентябре 2019 г. Калининградским областным археологическим отрядом ИИМК РАН были проведены охранно-спасательные раскопки на территории археологического памятника «Грунтовый могильник Геройское-5» в границах землеотвода проектируемого объекта «Освоение месторождения D33 с объектами инфраструктуры, береговая система транспортировки и подготовки продукции» в Зеленоградском районе Калининградской области. Памятник «Грунтовый мо-

гильник Геройское-5» расположен в 4,01 км к юго-востоку от пересечения ул. Школьной и Советской пос. Романово, в 3,10 км к юго-западу от пересечения ул. Заречной и Береговой пос. Рошино в Зеленоградском районе Калининградской области (рис. 8). «Грунтовый могильник Геройское-5» (по архивным данным Eislithen) был выявлен в 2003 г. при проведении археологических разведок по трассе нефтепровода Д-6 Деснинской археологической экспедицией ИА РФ (Зубарев Н. В.). В 2003–2004 гг. на памятнике проводились охранные археологические раскопки (Зубарев Н. В.), общая исследованная площадь составила 600 кв. м. В 2018 г. памятник был вновь выявлен специалистами ООО «НПО Балтспецархеология» (Калашников Е. А.) в ходе разведок для реализации проекта «Строительство объектов ООО «ЛУКОЙЛ-КМН».

Общая площадь исследованного раскопками участка памятника в 2019 г. составила 3699 кв. м. В ходе спасательных археологических работ на памятнике «Грунтовый могильник Геройское-5» были выявлены 139 погребений I–XII вв., ряд объектов поселенческого типа X–XV вв., две траншеи времен Великой Отечественной войны. В ходе раскопок 2019 г. собрана коллекция предметов (778 ед. по полевой описи) разных эпох (рис. 9),

Рис. 8. Калининград-2019. Место расположения памятника «Грунтовый могильник Геройское-5» на карте Калининградской области

в составе которых бусины янтарные (2 ед.), изделия железные (507 ед., в т. ч. наконечники – 10, ножи – 9, пряжки – 62, стремена – 154, топор – 2, удила – 103, шпоры – 16, ботала – 52), изделия каменные (10 ед.), изделие костяное, изделия стеклянные (2 ед.), мелкая металлопластика (171 ед., в т. ч. фибулы – 37, браслеты – 3, бубенчики – 22), монеты (2 ед.), пуговицы металлические (7 ед.), сосуды керамические (23 ед.), фрагменты керамики (498 ед.). В коллекцию находок, имеющих музейное значение, выделено 432 предмета, переданных в Калининградский историко-художественный музей.

Установление обряда захоронения не всегда представлялось возможным из-за многолетней распашки территории памятника, уничтожившей, возможно, часть верхних уровней погребений и каменных конструкций. Обнаруженные погребения, исходя из конструктивных особенностей погребальных сооружений и инвентаря, можно разделить на несколько хронологических групп: два погребения I–III вв.; 43 погребения V–VIII вв.; 66 погребений X–XII вв.; 27 погребений без датировки ввиду отсутствия / недостаточного количества датирующего материала. Материалы из ряда погребений и объектов переданы на радиоуглеродную экспертизу для уточнения датировки.

Таким образом, исследованный участок памятника археологии «Грунтовый могильник Геройское-5» дает основания полагать, что время функционирования могильника с I по XII в. На основании датировки погребений выделяются разновременные участки функционирования могильника. Область рас-

Рис. 9. Калининград-2019. Грунтовый могильник Геройское-5. Находки из слоя коричневой гумусированной супеси: 1 – пуля, свинец; 2 – фрагмент накладки, медный сплав; 3 – пуговица, медный сплав; 4 – фрагмент пряжки, медный сплав; 5 – фрагмент изделия, медный сплав; 6 – фрагмент изделия, медный сплав; 7 – фрагмент пуговицы, медный сплав; 8 – пломба, свинец; 9 – фрагмент пластины, медный сплав; 10 – изделие, медный сплав; 11 – фрагмент изделия, медный сплав; 12 – монета, белый металл; 13 – монета, латунь; 14 – фрагмент изделия, медный сплав; 15 – фрагмент пряжки, медный сплав; 16 – монета, белый металл; 17 – фрагмент пряжки, медный сплав; 18 – фрагмент фибулы, медный сплав; 19 – бубенчик, медный сплав; 20 – монета, латунь

положения объектов поселенческого типа, скорее всего, распространяется к юго-востоку от обследованной площади и представляется перспективной для научного изучения.

Археологические работы 2020 г. Исследование культурного слоя у Дома Советов

В июне–июле 2020 г. Калининградской городской археологической экспедицией ИИМК РАН было произведено историко-культурное научное археологическое обследование (разведки) с целью определения наличия либо отсутствия объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия на пл. Центральной – Дом Советов (пло-

Рис. 10. Калининград-2020. Дом Советов на месте Королевского замка и района Альтштадт

щадь территории обследования 4,9 га) (рис. 10). Вокруг недостроенного здания Дома Советов после его сноса планируется выстроить ряд современных комплексов, поэтому, согласно Закону РФ, осуществлялось обследование этого участка. Исследуемая территория расположена в центре исторической части Кенигсберга (Калининграда), освоение которой началось как минимум в XIII в., а согласно письменным источникам, и ранее. На большей части территории обследования был расположен исторический район Альтштадт (старый город) и граница с расположенным восточнее Лебенихтом. С запада к участку примыкал ОАН «Руины Королевского замка» (Гаузе, 1994; Кулаков, 2006; 2008). Согласно историческим картам (1800, 1815, 1885 и 1938 гг.), эти районы подверглись незначительным перестройкам и были в основном разрушены во время Второй мировой войны английской бомбардировкой 1945 г. После войны руины Королевского замка были взорваны, а участок перепланирован и была сооружена Центральная площадь и Дом Советов. Задача археологических исследований на участке обследования заключалась в выявлении, фиксации и исследовании культурных слоев, конструкций и сооружений различных исторических периодов, массовых и индивидуальных находок. В ходе работ было заложено 10 археологических шурфов суммарной площадью 63 кв. м. В результате исследования восточнее ОАН «Руины Королевского замка» выявлены участки с культурным слоем и с архитектурными остатками старого города XIII–XIX вв. (рис. 11).

Полученные при производстве шурфов 1–10 данные 2020 г. в совокупности с материалами археологических раскопок 1993–2016 гг., историческими и картографическими источниками позволяют сделать ряд выводов. Первоначальное освоение территории обследования происходит

Рис. 11. Калининград-2020. Дом Советов, шурфы 1 и 2

не позднее XIII–XV вв., о чем свидетельствуют находки, полученные из нижних горизонтов шурфов 1–3, 5. Накопление культурных слоев на территории обследования происходит вплоть до XX в. Финальный этап связан с возведением на территории кирпичных построек в конце XIX – начале XX в., остатки которых зафиксированы в шурфах 1–3, 5–7. Мощности культурных напластований на территории обследования неоднородна. Наибольших значений она достигает в пойменной части р. Преголя в шурфах 1 и 2 и составляет около 4 м. В шурфах, расположенных на коренном берегу реки, полную мощность культурного слоя установить не удалось, поскольку здесь он в значительной степени поврежден при строительных работах в XX в. Фиксируемая мощность культурного слоя здесь составляет 0,5 м. Культурный слой на территории обследования в некоторой степени поврежден при строительных работах начала XX в., в ходе военных действий во время Второй мировой войны и последующем сносе остатков построек и выравнивании территории во второй половине XX в. Так, в ряде шурфов непереотложенные культурные напластования не зафиксированы (шурфы 4, 8–10). Тем не менее в техногенных напластованиях данных шурфов содержатся археологические находки периода Средневековья – Нового времени. Следует отметить, что в ходе выравнивания территории во второй половине XX в. большая часть оказались перекрыта техногенными отложениями мощностью до 4 м, а в некоторых местах (шурф 10) и более. Большое количество найденного археологического

материала (384 инд. находок) позволяет говорить о высокой антропогенной нагрузке на слой на протяжении всего периода его накопления. В техногенных напластованиях данных шурфов содержатся археологические находки периода Средневековья – Нового времени (фрагменты стеклянной и глиняной посуды, бутылок, бронзовых и железных предметов домашнего обихода, кожаных и деревянных изделий) (рис. 12). Проведенные в 1993–2016 г. археологические раскопки на сопредельных с территорией обследования участках говорят о распространении культурного слоя за территорию обследования. Все вышеперечисленное позволяет говорить о наличии культурного слоя на территории более раннего обследования ОАН «Руины Королевского замка» и прилегающего к нему с востока участка, обследованного в 2020 г. .

*Археологические работы 2021 года
Работы Калининградской областной
экспедиции ИИМК РАН в 2021–2022 гг.*

В 2021 г. Калининградская областная экспедиция ИИМК РАН работала в июле–декабре на объектах археологического наследия «Поселение Грачевка-1», «Поселение Шатрово-2», «Поселение Шатрово-3», «Поселение Шатрово-4» (рис. 13). Археологические раскопки и наблюдения проводились под руководством и открытым листам А.В. Субботина. Руководством полевыми работами и написанием отчетов занимался Р.В. Филиппенко.

В результате археологических работ на объекте археологического наследия «Поселение Грачевка-1» был исследован культурный слой на площади 2814,65 кв. м. Выяснено, что верхние слои памятника повреждены многолетней распашкой, на уровне материка было обнаружено четыре дренажные траншеи XIX в., пять ям XIX–XX вв. Датировка восьми ям затруднительна (рис. 14). В ходе раскопок собрана коллекция предметов разных эпох (136 ед. по полевой описи). Находки представлены предметами быта конца XIX – начала XX в., фрагментами гончарной керамики, стеклянной посуды, коваными гвоздями. Особо стоит выделить непрофильные фрагменты лепных сосудов, датируемые VII–XIII вв. Находок, имеющих музейную ценность, не найдено.

В результате археологических работ на объекте археологического наследия «Поселение Шатрово-2» был исследован культурный слой на площади 4921,49 кв. м. (рис. 15). Верхние слои памятника активно распахивались, на уровне материка было обнаружено 45 ям, датируемых VI–VIII вв., одна яма датируется XVI–XVIII вв., одна столбовая современная яма, датировка шести ям

Рис. 12. Калининград-2020. Находки по результатам раскопок у Дома Советов

Рис. 13. Калининград 2021–2023. Общая фотография с квадрокоптера. На переднем плане памятники: Шатрово-1 (слева) и Шатрово-3 (справа). На заднем плане Шатрово-2 (в центре фото) и Шатрово-4 (вдали)

затруднительна. В ходе работ была собрана коллекция археологических находок – 674 номера полевой описи: всего 1457 ед., из которых 60 единиц имеют музейное значение. Основная часть находок представлена фрагментами лепных сосудов, датируемых VII–XIII вв., обнаруженных в заполнении ям. Также в слое пахоты обнаружены монеты, фрагменты керамических, фарфоровых, фаянсовых и стеклянных сосудов, изделия из цветного и черного металлов, датируемые XVI–XX вв. (рис. 16).

Рис. 14. Калининград-2021. Поселение Грачевка-1. Общий вид раскопа

Рис. 15. Калининград-2021. Поселение Шатрово-2. Общий вид с квадрокоптера

В результате археологических работ на объекте археологического наследия «Поселение Шатрово-4» был исследован культурный слой на площади 26270,41 кв. м (рис. 17). Верхние слои памятника представлены пахотой, на уровне материка было обнаружено 120 ям, из которых 23 датируются VI–VIII вв., а 97 ям сооружены в XIX–XX вв. В ходе

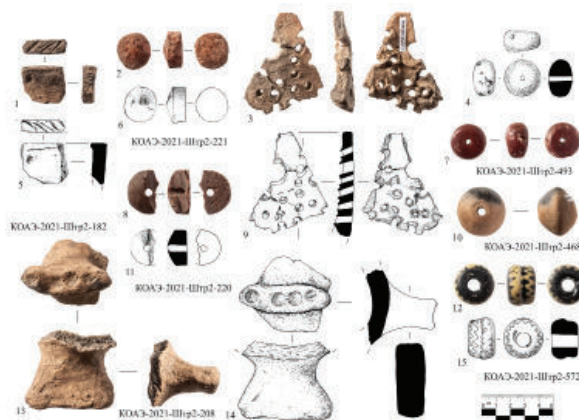

Рис. 16. Калининград-2021. Поселение Шатрово-2. Находки

Рис. 17. Калининград-2021. Поселение Шатрово 4. Общий вид с квадрокоптера

работ была собрана коллекция археологических находок – 1944 номера полевой описи: 2108 единиц, из которых 228 единиц имеют музейное значение. Основная часть индивидуальных находок представлена фрагментами лепных сосудов, датируемых VII–XIII вв., обнаруженных в заполнении ям. Также в слое пахоты обнаружены монеты, отчеканенные в период от IV в. до XX в, фрагменты керамических, фарфоровых, фаянсовых и стеклянных сосудов, изделия из цветного и черного металлов, датируемые XIII–XX вв.

На площади объекта археологического наследия «Поселение Шатрово-3» работы были начаты в ноябре, на небольшой площади был исследован слой пахоты, но из-за наступивших заморозков работы были приостановлены до следующего полевого сезона. Работы на данном памятнике продолжаются в 2023 г.

Археологические работы 2022 г.

В 2022 г. Калининградская областная экспедиция ИИМК РАН работала в апреле–ноябре на объектах археологического наследия «Поселение Шатрово-1», «Поселение Шатрово-3», «Поселение Осокино-1», «Поселение Алексино-1». Археологические раскопки и наблюдения проводились под руководством и открытым листам А. В. Субботина и Н. А. Боковенко. Руководством полевыми работами и написанием отчетов занимался Р. В. Филиппенко.

В результате археологических работ на объекте археологического наследия «Поселение Шатрово-1» в 2022 г. был исследован культурный слой на площади 15200,41 кв. м из 17203,87 кв. м (рис. 18). Выявлено, что верхние слои памятника повреждены многолетней распашкой, на уровне материка было обнаружено 690 ям (рис. 19), из которых большинство датируются VI–VIII вв. Работы на поселении из-за рано наступивших в ноябре заморозков были приостановлены до следующего полевого сезона.

В результате археологических работ на объекте археологического наследия «Поселение Шатрово-3» в 2022 г. был исследован культурный слой на площади 12045,58 кв. м. В результате работ на площади памятника открыт грунтовый могильник, и наименование объекта археологического наследия изменено на «Поселение и грунтовый могильник Шатрово-3». Верхние слои памятника распахивались, на уровне материка было обнаружено 460 ям, из которых 160 – это погребения, датируемые VI–VIII вв. и IX–XIII вв. (рис. 20). Погребения выполнены по обряду кремации, зачастую включают конское захоронение и сопроводительный инвентарь (рис. 21). Работы на поселении из-за заморозков в ноябре были приостановлены до следующего полевого сезона.

Рис. 18. Калининград-2022. Поселение Шатрово-1. Общий вид с квадрокоптера

Рис. 19. Калининград-2022. Поселение Шатрово-1. Рабочий момент

Рис. 20. Калининград-2022. Поселение и грунтовый могильник Шатрово-3. Грунтовые могилы. Рабочий момент. Расчистка скопления погребений

Рис. 21. Калининград-2022. Шатрово-3. Деталь конской упряжи

В результате археологических работ на объекте археологического наследия «Поселение Алексино-1» был исследован культурный слой на площади 3874,94 кв. м (рис. 22). Выяснено, что верхние слои памятника повреждены многолетней распашкой. Определено, что юго-западную половину раскопа пересекает полевая дорога, насыпь которой была сложена из булыжника и строительного мусора и на момент раскопок задернована. С поверхности сохранившегося культурного слоя и на уровне материка было обнаружено 72 ямы. Большинство обследованных ям столбовые, сооружены для установки ограждения полевой дороги, датируются временем ее существования в XIX – первой половине XX в. Оставшиеся ямы датируются серединой XX в. и началом XXI в. Было обследовано пять дренажных траншей XIX–XX вв. В ходе работ была собрана коллекция археологических находок (178 ед.), из которых девять находок включены в коллекционную опись.

В результате археологических работ на объекте археологического наследия «Поселение Осокино-1» был исследован культурный слой на площади 2227,25 кв. м (рис. 23). Выяснено, что верхние слои

Рис. 22. Калининград-2022. Поселение Алексино-1. Общий вид с квадрокоптера

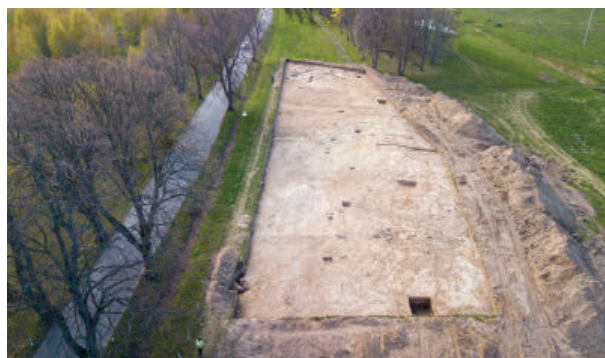

Рис. 23. Калининград-2022. Поселение Осокино-1. Общий вид с квадрокоптера

памятника повреждены многолетней распашкой, в то же время на уровне материка было обнаружено 28 ям. Большинство обследованных ям относятся ко второй половине XIX – началу XX в., однако в заполнении семи ям, открытых в северо-западной половине раскопа, найдена лепная керамика, которую можно датировать VII–VIII вв., что определяет их датировку. В ходе работ была собрана коллекция археологических находок (222 ед.), из которых 21 находка включена в коллекционную опись. Большинство находок, имеющих музейную ценность, представлено фрагментами лепных сосудов, найденных в заполнении ям, монет и изделий из цветного металла, обнаруженных в слое пахоты. Раскопки памятников Шатрово-1 и Шатрово-3 продолжаются и будут завершены в конце 2023 г.

Замок Рагнит

В конце февраля – марте 2022 г. Калининградским отрядом Отдела охранной археологии ИИМК РАН было произведено историко-культурное научное археологическое обследование (разведки) с целью определения наличия культурного слоя на объекте культурного наследия «Руины замка Рагнит» в г. Неман Калининградской области, где планируется произвести благоустройство территории на земельном участке вокруг замка (площадь обследования 2,45 га) (рис. 24). В ходе работ было заложено шесть археологических шурфов площадью 21 кв. м.

Территория замка Рагнит расположена на левом высоком берегу р. Неман (Мемель, Немунас), освоение которой началось как минимум в XIII в. Согласно письменным источникам, возникновение крепости-замка Рагнит связано с расширением владений Тевтонского ордена на восток. Для укрепления своего присутствия на этой территории, в 1288 г. Орденом примерно на этом месте была сооружена деревянная крепость Ландесхут (позже переименованная в Рагнит), на которую постоянно нападали пруссы и литвины (1290, 1295,

Рис. 24. Калининград-2022. Замок Рагнит, вид с юга

1315 гг.). В 1355 г. в крепости случился пожар, ее снова отстроили, но в 1365 г. она была захвачена литвинами и сожжена снова. В камне ее отстроили тридцать лет спустя (с 1397 до 1409 гг.), в 2 км вниз по течению реки от прежнего места. Главное здание замка, сложенное из кирпича готической кладкой, имело размеры 58,91 × 58,88 м, площадью 575 кв. м (Бахтин, 2020. С. 616). Также был построен форбург (внешняя часть замка или крепости, предназначенная для защиты основного прохода к центральной части оборонительных сооружений и одновременно служившая местом размещения вспомогательных зданий, для которых не нашлось места в цитадели), проложен оборонительный ход вдоль стен, а также возведена часовая башня (1406 г.). Вокруг замка сооружена оборонительная стена. В середине XVII в. в замке велись мощные строительные работы: ветхие сооружения сносили, заменяли новыми. В 1722 г. поселение у замка Рагнит получило городские права. В 1800 г. замок решили использовать в качестве тюрьмы: был перестроен первый этаж, пробиты новые окна. Замок Рагнит, выгоревший в 1828 г., был вновь отстроен. Облик сильно изменился: появилось множество новых окон, новые лестничные клетки, простые, вместо сводчатых, потолки и т. д. Замок вполне пережил взятие Восточной Пруссии Советской армией в апреле 1945 г. Часть его помещений была приспособлена под склады, во дворе появился рынок. Использование руин замка при съемках фильмов со взрывами («20 дней без войны», «Солдат и слон») также не способствовало сохранению объекта. Эти обстоятельства стимулировали разработку мероприятий по сохранению и дальнейшему использованию замка Рагнит.

С целью выявления культурного слоя на территории обследования было заложено пять шурфов размерами 2 × 2 м снаружи и внутри замка общей площадью 20 кв. м и один в восточной части подвала размерами 1 × 1 м. Шурфы 1–3 были специально заложены с целью обнаружить фундамент стены форбурга между западным углом замка и остатками стены, идущей от часовой башни. Шурф 4 заложен для выяснения структуры и характеристики культурных напластований форбурга. Шурф 5 в центре замка также устроен для выяснения стратиграфии. Шурф 6 заложен под полом в восточной части подвала для выяснения основы подстилающих слоев. В ходе работ выяснилось, что значительная часть территории замка Рагнит (за исключением мощного двора) до глубины 2 м и ниже заполнена техногенным мешаным культурным слоем различного происхождения. В шурфе 1 выявлен

небольшой участок с древней погребенной почвой (на глубине 1,97 м), не содержащий никаких остатков культурного слоя. В результате исследования, выявлены архитектурные постройки: фрагмент фундамента стены форбурга XV в., часть кирпичного водослива XVII–XIX вв., соединяющая замок и часовую башню, и фрагмент кирпичной кладки в восточном секторе подвала XV–XIX вв.

Исследование культурного слоя Кенигсберга

В 2022–2023 гг. Калининградской городской археологической экспедицией ИИМК РАН было произведено историко-культурное научное археологическое обследование (раскопки) с целью изучения культурного слоя Кенигсберга на правом и левом берегах р. Преголя в зоне строительства железнодорожного и автомобильного мостов. Площадь обследования на правом берегу составила 3964 кв. м, на левом берегу – 8952,6 кв. м, из них 1484,7 кв. м уже были исследованы. На правом берегу район исследования в древности не застраивался, а был отведен под огороды. Поэтому удалось обнаружить лишь творильную яму, деревянный лоток и остатки каменной мостовой. В техногенных напластованиях и культурном слое содержатся археологические находки периода Средневековья – Нового времени (фрагменты стеклянной и глиняной посуды, бутылок, бронзовых и железных предметов домашнего обихода, кожаные и деревянные изделия) (рис. 25). На левом берегу под территорию обследования попала часть крепости Фридрихсбург (рис. 26; 27). Крепость была основана в 1657 г. по приказу великого курфюрста Фридриха Вильгельма для контроля р. Прегеля (Wagner, 2008). Крепость бастионного типа строилась по проекту придворного математика П. Х. Оттера. Цитадель имела форму квадрата, в углах которого располагались каменно-земляные бастионы: Алмаз, Жемчуг, Изумруд, Рубин. Во внутреннем дворе крепости в разные годы были построены: казармы, складские помещения, арсенал (цейхгауз 1796 г.), мастерские, комендатура, караульное помещение, офицерская и солдатская тюрьмы и кирха (1671 г.), таможенная служба. Цитадель неоднократно модернизировалась и достраивалась. В 1910 г. крепость Фридрихсбург перестала быть военным объектом, была передана управлению железных дорог и снесена, ее рвы были засыпаны, а бастионы и валы срыты. Сохранились только ворота, которые были построены в 1852 г. по проекту Ф. А. Штюлера, и казарма у восточной оборонительной стены юго-восточного бастиона. В 1697 г. крепость трижды посетил Петр I. Здесь он изучал устройство крепости, а также бомбардирское дело. После возвращения в Россию по приказу Петра на о. Котлин было

Рис. 25. Калининград-2022. Правый берег р. Преголя. Находки: 1–2 – глиняный бочонок; 3 – фарфоровая чашечка; 4 – изразец; 5–8 – бутылочки; 9, 10, 12–15 – фрагменты курительных трубок; 11 – пуговица; 17 – глиняная бутылка; 18 – кружка; 19 – кувшин; 20 – копилка; 21 – бронзовая накладка; 22–25 – фрагменты фарфоровых тарелок; 26–28 – глиняные тарелки; 29–31 – фрагменты голландских плиток; 32 – бутылка; 33, 34 – кружки; 35 – крышка

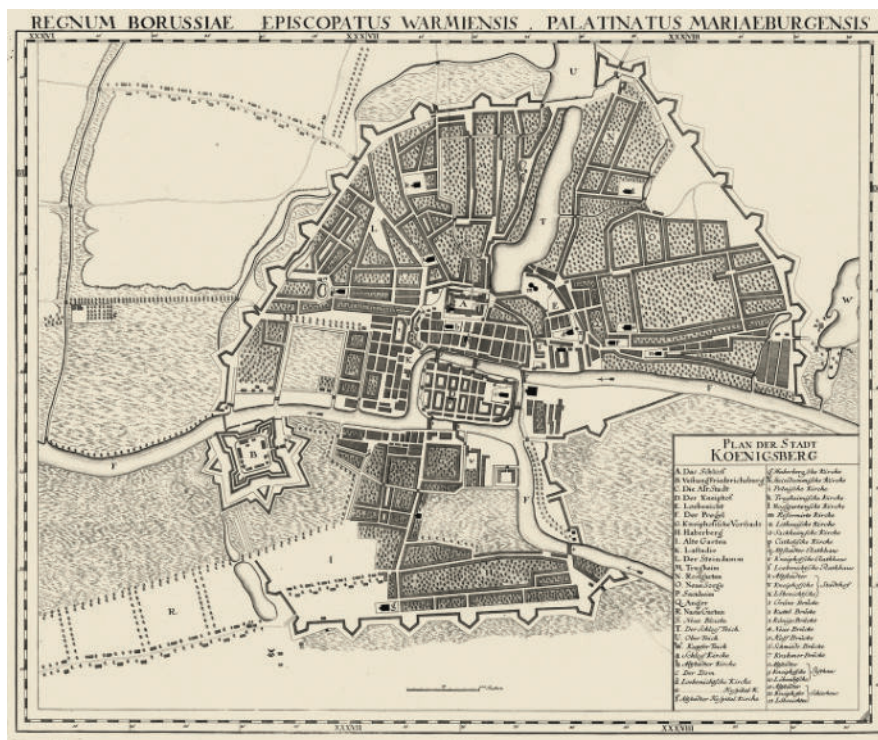

Рис. 26. Крепость Фридрихсбург. Карта Кенигсберга 1763 г.

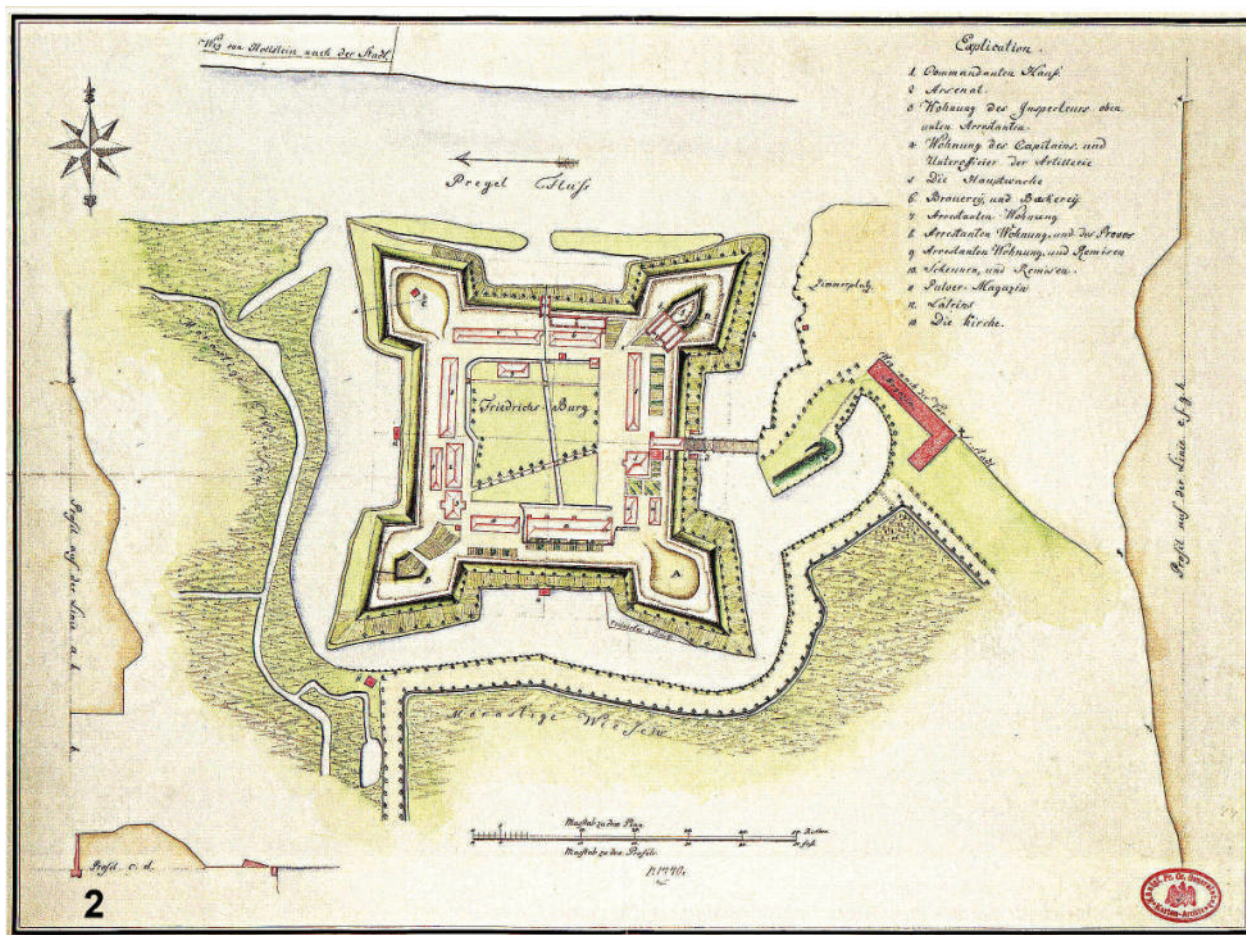

Рис. 27. План крепости Фридрихсбург 1789 г.

построено несколько фортов (Кроншлот, Цитадель и Александр-шанец), образцом для которых служила крепость Фридрихсбург.

На исследуемом участке выявлена часть цейхгауза размерами 11,65 × 46,00 м и придворовые территории (рис. 30). Сохранившаяся высота стен, сложенных из больших валунов на массивные деревянные доски и сваи, достигала 2,8–3,0 м, ширина стен – 1,0 м. Внутри цейхгауза и за пределами прослежен мощный культурный слой, насыщенный археологическим материалом, включавшим более 50 тысяч находок (рис. 31): ядра, шрапнель, пуговицы, кокарды, замки, гребни, фрагменты кожаных изделий, стеклянной и глиняной посуды, пищевые костные остатки. Все эти материалы дают наглядное представление о культуре населения Кенигсберга XVII–XX вв.

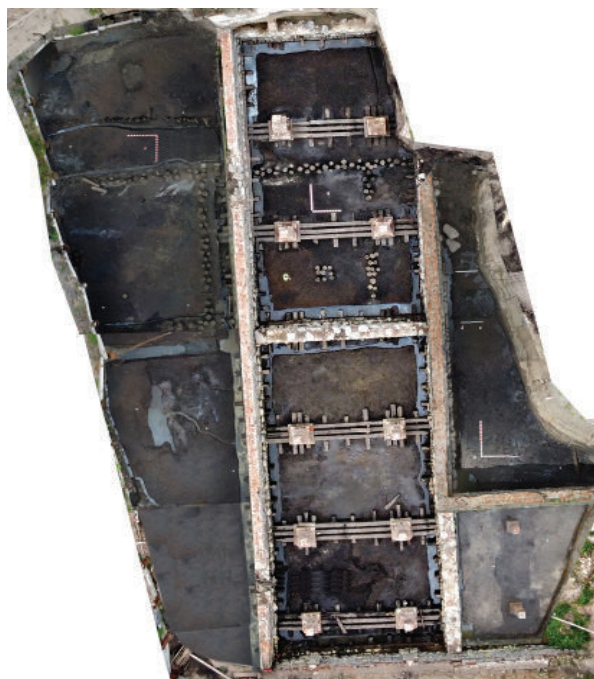

Рис. 28. Калининград-2022. Крепость Фридрихсбург. Раскоп части цейхгауза, вид сверху

Рис. 29. Калининград-2022. Крепость Фридрихсбург. Находки: 1 – ядро; 2 – шрапнель; 3 – подкова; 4 – шпора; 5 – ключ; 6 – замок; 7 – деталь циркуля; 8–10 – накладки; 11 – кокарда; 12 – книжные застёжки; 13 – гребень; 14 – вилка; 15 – ложка; 16 – пряжка; 17–20 – фрагменты тарелок; 21–25 – монеты; 26–30 – пуговицы; 31–35 – фрагменты глиняных курительных трубок. 36 – портрет курильщика XVII в.

Источники и литература

Бахтин А. П., 2020. Немецкий орден. Калининград.

Гаузе Ф., 1994. Кенигсберг в Пруссии. История одного европейского города. Реклингхаузен.

Кулаков В. И., 2006. История городской археологии Кенигсберга // Балто-славянские исследования. М. № XVII.

Кулаков В. И., 2008. История Замка Кенигсберг. Калининград.

Субботин А. В., 2017. Археологические разведки в Калининградской области (Светловский городской округ Калининградской области) [Электронный ресурс: <https://www.archeo.ru/polevye-issledovaniya/annotacii-polevyh-rabot-2017/subbotin-a-v-kaliningradskaya-oblast-razvedka-2017>].

Субботин А. В., 2020а. Археологические разведки на территории г. Калининграда (Калининградская область) [Электронный ресурс: <https://www.archeo.ru/polevye-issledovaniya/annotacii-polevyh-rabot-2020-goda/subbotin-a-v-kaliningrad-razvedka-2020>].

Субботин А. В., 2020б. Археологические разведки в Калининградской области (Правдинский и Багратионовский районы) [Электронный ресурс: <https://www.archeo.ru/polevye-issledovaniya/annotacii-polevyh-rabot-2020-goda/subbotin-a-v-kaliningradskaya-oblast-razvedka-2020>].

Субботин А. В., Кириллов Е. Л., 2019. Археологические раскопки и наблюдения в г. Калининграде // Бюллетень ИИМК РАН. № 9.

Wagner W.D., 2008. Das Königsberger Schloss. Eine Bau- und Kulturgeschichte. Regensburg. Bd. I. Von der Gründung bis zur Regierung Friedrich Wilhelms I (1255–1740).

Археологические разведки в Юго-восточном пригороде Херсонеса в 2023 г.¹

М. А. Топоривская², В. В. Вахонеев³

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023-209-214

В мае–июне 2023 г. Античной новостроечной экспедицией ИИМК РАН были проведены археологические разведки на территории земельного участка с кадастровым номером 91:02:000000:273, расположенного в районе ул. Древней в Севастополе. Общая площадь обследования составила 17302 кв. м, исследованная в рамках локальных земляных работ площадь 22 кв. м. Целью стало определение наличия или отсутствия культурного слоя и выявление (при наличии) объектов археологического наследия в заданных границах. Обследованный участок с севера и северо-запада ограничивается действующими границами городища Херсонес Таврический, с востока и юго-востока он омывается водами Карантинной бухты, с юга примыкает к территории ФГКУ «637 ЦГСЭН» Минобороны России (Санитарно-эпидемиологическая служба), с запада и юго-запада ограничен дорожным полотном ул. Древней. Непосредственно за дорогой находятся территории выявленных объектов культурного наследия – «Южный пригород древнего города «Херсонес Таврический» и «Некрополь в районе домов 21–23 по ул. Древняя». Участок в плане имеет Т-образную форму и в большей степени вытянут непосредственно по кромке воды Карантинной бухты. Его размеры по оси северо-запад–юго-восток составили 303 × 29–125 м (рис. 1). Важно отметить, что в общем рельефе местности участок находится на границе ниспадающей к водам бухты оконечности естественной террасы склона и оврага так называемой Херсонесской балки. Овраг балки

занимает собой довольно обширное пространство между плато городища Херсонеса Таврического и собственно Девичьей горой. Он сформировался в голоцене при оценочном уровне моря в -22 м по отношению к современному: погребенный известняковый массив в его ложе был зафиксирован на глубине в 23 м. Высотная отметка истока оврага примерно в 3 км на юго-запад составляет 69,5 м относительно уровня моря. Столь значительный перепад высот и крутизна склонов способствовали перемещению огромных масс грунта по его руслу (Отчет, 1987. С. 18; Антонова, 1996. С. 101–132).

Что касается дневной поверхности исследованного земельного участка, то последние существенные поверхностные изменения рельеф претерпевал в течение XIX–XX вв. В период Крымской войны эта территория была занята французскими войсками и активно использовалась для осадных работ. Так, ближе к протейхизме и куртине № 19 Херсонесского городища были устроены две артиллерийские батареи: № 46 (4-я орудийная пушечная) и № 47 (6-я орудийная мортирная). В конце XIX в. здесь располагались монастырские постройки, а именно скотный двор. Позже, в 1908–1912 гг. они были снесены, а на их месте были возведены офицерские флигели, в том числе флигель квартиры главного врача, в котором не так давно размещалась воскресная школа. На момент проведения разведки на участке наблюдался постоянный естественный общий уклон поверхности к северо-востоку, в направлении западного берега Карантинной бухты. При этом перепад высот между верхней и нижней точками участка составил более 9 м.

В границах исследований было заложено пять шурфов. Поскольку территория заданного земельного участка довольно плотно застроена и практически полностью заасфальтирована, выбор мест для закладки разведочных шурфов был сильно ограничен. Важно отметить, что северо-западная часть кадастрового участка была частично исследована в археологическом плане. После разбора построек скотного двора Херсонесского монастыря

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию» (№ FMZF-2022-0016).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: toporivskayamarina@gmail.com.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: vvvkerch@mail.ru.

Рис. 1. Топографический план участка работ с указанием его границ, расположением реперов и шурфов

в начале XX в. здесь раскопками был исследован большой участок некрополя Херсонеса с погребальными сооружениями различных типов эллинистического и раннесредневекового времени (Лепер, 1927. С. 187–256; Репников, 1927. С. 147–186).

Заложенные шурфы 1 и 2 на исследованной в начале XX в. территории, согласно картографическим данным, ожидаемо не выявили какие-либо археологические объекты. Тем не менее в границах шурфов был собран довольно многочисленный и разнообразный археологический материал, представленный в том числе и немалым количеством костных человеческих останков. Так, в шурфе 1 в изученных напластованиях мощностью 0,66–1,85 м было найдено 2240 находок, из них в слоях переотложенного, но не техногенного характера – 1549 находок (рис. 2; 3). Представленные категории довольно разнообразны и широко датируются – это амфорная тара, столовая, кухонная и лепная посуда, фрагменты черно-

Рис. 2. Шурф 1, северный борт. Вид с юга

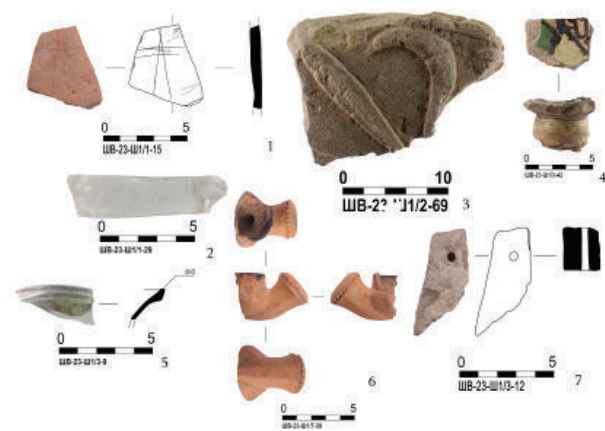

Рис. 3. Шурф 1. Находки

лаковых, краснолаковых и поливных сосудов, фрагменты строительной черепицы, кости животных, разрозненные человеческие кости. Здесь же были найдены некоторые керамические, металлические, стеклянные и каменные изделия, среди которых выделим фрагмент ткацкого пирамидального грузила, часть плеча краснолакового однорожкового светильника, фрагмент турецкой керамической трубки.

Основной слой серо-коричневого золистого суглинка с камнями содержал некоторый материал эллинистического периода, довольно многочисленный материал римского времени, находки средневекового и Нового времени. Коричневый суглинок с включениями известняковой крошки ниже также характеризовался археологическими находками широкого хронологического диапазона – от римского периода до Нового времени, что также безусловно говорит о его мешаном, перемещенном характере. В целом, все эти слои и найденные в них материалы, подкрепленные известными письменными данными, вероятнее всего позволяют соотнести исследованные в шурфе напластования с отвалами раскопок, проводившихся здесь в начале XX в.

Схожая ситуация наблюдалась и в шурфе 2. В напластованиях темно-серого и коричневого суглинков мощностью 1,95–2,03 м найдено большое количество находок (1327 ед.), представленных теми же категориями, что и в шурфе 1, за исключением отсутствовавших здесь человеческих костей. Присутствовал и нумизматический материал – три бронзовые монеты, две из них чекана Херсонеса II в. и одна периода правления Юстиниана I, 527–565 гг. (рис. 4; 5). Какие-либо археологические объекты в шурфе ожидаемо отсутствовали. Хронологически

Рис. 4. Шурф 2, восточный борт. Вид с запада

Рис. 5. Шурф 2. Находки: 1–3 – медные монеты

мешанный характер находок, от рубежа эр и до Нового времени, позволяет предположить, что, как и в случае шурфа 1, были исследованы земляные отвалы археологических работ Р. Х. Лепера в 1908 г. (Журавлев, Костромичев, 2016. С. 155).

Что касается шурфа 3, то он был заложен в 125 м на северо-запад от здания воскресной школы, в непосредственной близости от каменного ограждения городища. Мощность исследованных в его границах напластований доходила до 2,56 м. Шурф не был раскопан до уровня материка в связи с обнаружением участка каменной постройки. Здесь были выявлены участки двух кладок, которые располагались Т-образно по отношению друг к другу и были ориентированы по оси северо-восток–юго-запад и северо-запад–юго-восток соответственно (рис. 6). Одна из них двухслойная двухлицевая постелистая кладка. Ее высота доходила до 0,67 м, а длина равнялась 2,48 м. Она была ориентирована по оси северо-восток–юго-запад и пришлась на восточную часть шурфа. Ширина ее нижней части осталась неизвестной, поскольку в этом месте она выходила за пределы шурфа. Кладка была сложена на известковом растворе и состояла из рваных подработанных известняковых камней. В более позднее время она очевидно перестраивалась или достраивалась – примерно на середине ее высоты отмечено ее общее смещение верхней частью

Рис. 6. Шурф 3. Каменная постройка. Вид с запада

относительно нижней к юго-востоку на 0,25 м. Верхний ряд кладки составляли уплощенные грубые известняковые плиты и бутовые камни несколько большего размера, в отличие от нижних рядов. Размеры камней варьировались в пределах 0,11–0,43 × 0,07–0,25 × 0,04–0,12 м. Подошву стены маркировал обмазанный раствором участок пола.

Вторая стена высотой 1,18 м примыкала к первой с северо-запада под прямым углом. По всей видимости, она была сложена аналогичным образом. Длина кладки равнялась 1,3 м, ширина – 0,55 м. Размеры камней в ней варьировались в пределах 0,11–0,33 × 0,04–0,22 × 0,06–0,10 м. Ее внутренний юго-западный фас от верха и до пола был густо облицован известково-песчаным раствором с добавлением толченой керамики и довольно крупных фракций угля. Внешний фас стены практически примыкал своей плоскостью к борту шурфа. Пол внутреннего пространства имел размеры 1,7 × 1,52 м. У западного борта шурфа в полу был виден пролом. Судя по стратиграфической ситуации, пол был пробит поздними каменными завалами, наиболее вероятно во время засыпки постройки при нивелировании поверхности. Культурные отложения в шурфе из-за сильно ограниченного стенами пространства не были исследованы в полной мере. Работы были остановлены на уровне пласта 9, без разбора выявленных конструкций. Что касается обнаруженной постройки, то уровень и слой ее залегания позволяют относить ее к XIX(?) в.

Археологический материал из шурфа 3 в общем количестве 211 единиц показал следующую хронологическую ситуацию. Верхние слои переложеного грунта в виде серого и серо-коричневого золистого суглинка с камнями содержали сильно разновременный материал от античного периода до Новейшего времени. Встреченные здесь категории – это амфорная тара, столовая и краснолаковая посуда, строительная керамика, а также кости животных. Наиболее поздние находки – фрагменты водопроводной трубы и т. н. марсельская черепица – датируются концом XIX – началом XX в. По всей видимости, эти слои образовались в периоды активного строительства на участке при обустройстве территории воинской части в середине XX в., а слой ниже – при строительстве военных флигелей в начале того же века. Исследованный только в его верхнем горизонте слой коричневого суглинка с фракциями раствора, выявленный ниже уровня пола, пробитого каменными завалами, также содержал разновременный материал, но при этом в верхнем периоде ограничивался находками раннесредневекового времени. Материал представлен аналогичными категориями находок,

а также фрагментами поливной посуды. Поскольку этот слой не был исследован полностью, а был затронут лишь его верхний горизонт, дать ему однозначную датировку не представилось возможным. Наиболее поздняя в хронологическом плане находка – фрагмент поливного сосуда – позволяет относить его к IX–XII вв. Что касается выявленной постройки, то она требует более полного исследования.

Шурф 4 был заложен в юго-восточной оконечности заданного земельного участка, примерно в 200 м от здания бывшего Центра учения вождения судов. Мощность исследованных культурных отложений не превысила здесь 0,53 м (рис. 7). Это, в первую очередь, объясняется расположением шурфа – он был заложен на верхней площадке обрывистой скальной полки. Культурные отложения из-за небольшой мощности также носили в большей степени мешанный характер. Находки из слоев серого и серо-коричневого золистого суглинка с камнями в общем количестве 372 единицы были представлены амфорной тарой, столовой, кухонной, чернолаковой и краснолаковой посудой, строительной керамикой, а также костями животных. Наиболее ранние находки – это фрагменты чернолаковых сосудов открытого типа, наиболее поздние – фрагменты т. н. марсельской черепицы XIX в.

Наибольший интерес представлял шурф 5, заложенный в северной части участка, в 40 м на северо-запад от здания бывшего Центра учения вождения судов. Мощность исследованных в нем напластований доходила до 2,30–3,09 м. До уровня материка шурф изучен не был из-за активно проступивших на уровне 0,00 м БС грунтовых вод. Помимо насыщенных разновременными находками

мощных верхних слоев серого золистого суглинка с камнями, коричневого суглинка, в нижнем горизонте шурфа был выявлен слой серо-коричневого золистого суглинка с камнями, содержащий в себе только античный и раннесредневековый материал. В этом же слое в восточной части шурфа был открыт небольшой участок каменной кладки (рис. 8; 9). Двухслойная постелистая кладка на известково-песчаном растворе была сложена из уплощенных известковых подработанных блоков различного размера. Средний размер камней составил $0,35 \times 0,15 \times 0,08$ м. Своей осью стена была ориентирована по линии северо-восток–юго-запад. Ее выявленная длина не превысила 2,05 м, ширина равнялась 0,45–0,51 м. Внутренние щели между камнями кладки были заделаны глиной, внешние лицевые – забутованы мелкими камнями. Выявленная высота кладки составила 0,70–1,39 м, ее северо-восточная часть вверху была разрушена и соответственно имела меньшую высоту. С юго-востока у стены

Рис. 8. Шурф 5, проступившие грунтовые воды. Вид с юга

Рис. 7. Шурф 4 на уровне материка. Вид с юга

Рис. 9. Шурф 5. Каменная кладка. Вид с северо-запада

был зафиксирован небольшой каменный навал – упавшие камни разрушенной части стены. Стена не была исследована до ее основания, в связи с чем вопрос о ее датировке остается открытым. Полученный из слоя серо-коричневого золистого суглинка с камнями материал с некоторой долей вероятности позволяет отнести ее к IX–X вв. В этом слое было найдено 82 находки – амфоры центров производства Синопа, Херсонес, Колхида, а также фрагменты амфор причерноморского типа; фрагменты столовой, лепной и краснолаковой посуды, фрагменты строительной черепицы и кости животных.

Что касается слоев серого суглинка, рыхлого серого золистого суглинка с камнями и коричневого суглинка, исследованных в верхней части шурфа, то судя по найденному разновременному археологическому материалу – от эллинистического периода до Нового и Новейшего времени, они носят переотложенный характер. Задернованный серый суглинок, очевидно, был образован при планировании поверхности во время строительства воинской части в середине XX в., а слои ниже могут относиться к деятельности времен бытования на территории монастырского скотного двора в начале XX в. Что касается слоя серо-коричневого золистого суглинка, то, как уже было выше сказано, он был затронут исследованиями только в его верхнем горизонте, а наиболее поздние находки относятся к IX–X вв.

Результаты проведенных работ показали, что исследованный земельный участок по характеру выявленных культурных напластований территориально можно разделить на три условные зоны. Первая зона в западной и северо-западной части представляла собой участок с перемещенными культурными отложениями, образованными, главным образом, в начале XX в. – в период проведения здесь археологических работ при перестройке территории монастырского скотного двора в военные флигели и, вероятно, во время самого строительства флигелей. Вторая зона приходится на полку скального склона, обрывающуюся у берегов Карантинной бухты в юго-восточной части земельного участка. В этом месте мощность культурных отложений минимальна, при этом высока вероятность нахождения здесь погребальных сооружений, к примеру, склепов, которые характерны для таких склонов. Третья зона приходится практически на дно Херсонесской балки в ее устье у Карантинной бухты. Здесь мощность культурных отложений максимальна, как ввиду естественных наносов и намывов грунта, так и в результате многолетней жизнедеятельности

городища, поскольку участок является ближайшим к юго-восточной границе Херсонеса. Культурные напластования были встречены во всех пяти шурфах. Результаты работ наших предшественников на этой территории и вблизи нее показали, что основная ее часть приходится на городской некрополь античного и раннесредневекового периодов, что, впрочем, не исключает наличия на ней разновременных комплексов иного характера.

Источники и литература

Антонова И. А., 1996. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // Херсонесский сборник. Севастополь. Вып. VII.

Журавлев Д. В., Костромичев Д. А., 2016. Р. Х. Лепер и его раскопки Херсонесского некрополя // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Исследователи и исследования. Керчь.

Лепер Р. Х., 1927. Дневник раскопок Херсонесского некрополя // Херсонесский сборник. Севастополь. Вып. II.

Отчет об инженерно-геологических изысканиях участка Херсонеса, примыкающего к акватории Карантинной бухты 1979–1987 гг. // Архив ГИАМЗХТ. Д. 2362.

Репников Н. И., 1927. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г. // Херсонесский сборник. Севастополь. Вып. II.

Междисциплинарные исследования

Методика научного описания нумизматических находок, зарегистрированных при наблюдении за земляными работами экспедицией ИИМК РАН в Твери на ул. Чернышевского в 2019 г.¹

К. В. Горлов², К. В. Хлуднев³, М. И. Бажин⁴

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023-215-220

Нумизматика и археология на протяжении своего развития демонстрируют теснейший синтез. «Наука лопаты» представляет значительную долю монетных находок, участвуя в формировании источниковой базы. «Наука о монетах» превращает денежные знаки в ресурс, почти не имеющий по информативному потенциалу аналогов среди артефактов.

Выразительным примером тесного сотрудничества нумизматики и археологии представляется процесс накопления и изучения русских медных пул, выпускавшихся с конца XIV по начало XVII в. (Гайдуков, 1993. С. 73; Зайцев, 2018. С. 181, 182; 2019а. С. 21, 22). На протяжении XVIII–XIX вв. в среде нумизматов такие монеты считались редкостями и оценивались выше некоторых средств расчета из драгоценных металлов (Гайдуков, 1993.

С. 10, 11). Во многом уникальность пул заключалась в их отсутствии в составах кладов, материалы которых формировали основную источниковую базу нумизматики. К тому же единичные медные монеты, покрытые темной пленкой патины, было гораздо сложнее заметить в земле, нежели серебряные.

Процесс накопления пул изменился с началом систематического охранного исследования культурного слоя городов, сельских поселений и могильников во второй половине XX в. (Соловьева, 2013. С. 243–246). К тому же и в среде специалистов увеличился интерес к изучению культурных напластований позднего Средневековья и Нового времени (Грач, 1957). Ранее курс «Основы археологии» не переходил хронологической границы XV в., указывая, что «для следующих веков археологические источники отрывочны и значение их по сравнению с письменными источниками невелико» (Арциховский, 1955. С. 20). Сложившаяся ситуация способствовала интенсивному пополнению коллекции монет, значительная доля находок которых имела точную топографическую привязку и исторический контекст⁵. В начале 90-х гг. прошлого века накопленная нумизматическая база позволила П. Г. Гайдукову издать фундаментальное монографическое исследование русских пул (Гайдуков, 1993). Дальнейшая аккумуляция таких монет способствует разработке их более дробной классификации и уточнению времени чеканки (Хухарев, 2000. С. 145, 146; Зайцев, 2019б. С. 284–292; 2019в. С. 174–181; 2019г. С. 164–168).

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (№ FMZF-2022-0017).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: konstantin.v.gorlov2018@yandex.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: kkhlyudnev@gmail.com.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: bazhinmaxim7@gmail.com.

⁵ В отличие от случайных находок, средства расчета, зарегистрированные при изучении культурного слоя, имеют точные топографические и стратиграфические привязки, что наделяет их дополнительным информационным ресурсом.

Ввиду почти полного отсутствия пул в составах кладов и немногочисленных упоминаний в письменных источниках археологические ресурсы становятся особо значимыми при изучении таких монет⁶. Например, материалы закрытых комплексов дают возможность проследить одновременное нахождение в обращении определенных типов пул, в частности различных эмиссионных центров. Перспективным кажется определение вероятной продолжительности задерживания в обороте тех или иных разновидностей монет после прекращения их чеканки⁷.

Изучение денежного обращения Твери продолжается более полутора столетий. В разное время к данной теме обращались А.Д. Чертков, С. де Шодуар, Э.К. Гуттен-Чапский, А.В. Орешников, М.В. Рубцов, М.П. Сотникова, В.В. Хухарев, П.Г. Гайдуков, В.В. Зайцев, И.В. Волков, В.Л. Лейбов и другие специалисты. В результате кропотливой работы нумизматов была подготовлена систематизация тверских монет, изучена их метрология, особенности производства и участия в системе денежного обращения. Разностороннее исследование памятников нумизматики и письменных документов позволяет в настоящее время рассматривать денежные знаки как высокоинформативный междисциплинарный источник.

Значительная часть базы тверских монет была получена в ходе археологических раскопок. Развитие охранной археологии и применение современных технических средств при исследовании культурного слоя увеличило количество нумизматических находок и тщательность их фиксации. Зарегистрированные в Твери и ее округе монеты вводятся в научный оборот в виде отдельных тематических статей и общих с прочим археологическим материалом публикаций, в которых решаются актуальные для археологии и нумизматики задачи (Хухарев, 1997. С. 247–256; Новиков, Хухарев, 1999. С. 155–165; Бушлякова, Волков, 2010; Рыбакова, 2018. С. 173–189; Иванова, Хохлов, 2019. С. 102, 103; Сафарова и др., 2019. С. 196–220; Исаев и др., 2021. С. 186–188; Горлов и др., 2022. С. 134–171).

В сентябре–ноябре 2019 г. археологической экспедицией ИИМК РАН проводились археологические

⁶ Следует отметить, что применение при археологических раскопках в последнее десятилетие современных технических средств при исследовании культурного слоя увеличило количество нумизматических находок и тщательность их фиксации.

⁷ Например, интенсивность выхода из обращения крупноформатных пул XV в. после прекращения их выпуска.

наблюдения за земляными работами на территории выявленного объекта археологического наследия «Культурный слой г. Твери, XV–XIX вв.» в зоне строительства жилого комплекса и электрических сетей по адресу ул. Чернышевского – ул. Бассейной в городе Тверь. Общая площадь археологического наблюдения составила 332,5 кв. м (290 кв. м в границах котлована застройки; 37 кв. м в зоне обустройства траншеи под электрические сети) (Богуславский, 2023). Участок работ располагается на территории бывшего Загородского посада Твери. В ходе этих работ была собрана представительная нумизматическая коллекция, представленная 70 экземплярами XVII–XX вв. (табл. 1; рис. 1; 2). Наиболее многочисленная часть монетных находок отражает период бытования участка в XIX в. Данные монеты, в основном отчеканенные из меди или билона, отражают картину повседневного денежного обращения «демократической» прослойки населения Твери.

Посады – это торгово-ремесленные и земледельческие поселения за пределами стен Тверского кремля, сложившиеся преимущественно в XIV–XV вв. Анализ письменных и картографических источников, позволяющих реконструировать застройку г. Твери и протяженность посадов в XVII в., был впервые предпринят членом ТУАК Н.Н. Овсянниковым (Арсланова, Скукина, 1999. С. 249–253). Граница Загородского посада на юге определялась слиянием р. Лазури с р. Тьмакой, к посаду также была приписана Ямская слободка около церкви Параскевы Пятницы. Н.Н. Овсянников отмечает, что церкви, упоминаемые в писцовых книгах, не сохранились в первоначальном виде: одни сгорели и были возобновлены в конце XVIII в., другие оказались утраченными (Овсянников, 1889. С. 53).

Загородский посад располагался за стенами Кремля, на правом берегу Волги, за городом. Через Загородье проходили важнейшие дороги на Москву и Владимир. Улицы посада, застроенные домами усадебного типа, радиально расходились от Владимирских ворот Кремля и заселялись в основном по ремесленному признаку, давшему названия одноименным слободам и слободкам. Здесь проживали и трудились рыбаки, кузнецы, оружейники, ямщики. Судя по древнейшему известному на настоящий момент плану г. Твери, выполненному шведским инженером Эриком Пальмквистом в 1674 г., изучаемая в 2019 г. территория на тот момент не была застроена.

Исследованный участок локализуется на юго-восточной окраине Загородского посада Твери.

Таблица 1. Описание нумизматических находок, зарегистрированных при наблюдении за земляными работами экспедицией ИИМК РАН в Твери на ул. Чернышевского в 2019 г.

№ пр.	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки / дифферент	Метал	Гурт	Тип ⁸	№ п.о.
1	Русское царство / Михаил Федорович	Копейка ⁹	Ок. 1627	Москва / оМ / ОБ	Серебро		ГКХ-550	712
2	Российская империя / Екатерина II	Деньга	1789	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Рубчатый	У-2819	683
3	Российская империя / Павел I	1 деньга	1798	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Шнур.	У-2966	3363
4	Российская империя / Павел I	1 копейка	1801	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Шнур.	У-2999	2329
5	Российская империя / Александр I	1 копейка	1810–1811	Санкт-Петербург или Колпино / МК	Медь	Гладкий	У-?	682
6	Российская империя / Александр I	2 копейки	1812	Колпино; Ижорский двор / ИМ-ПС	Медь	Гладкий	У-3160	1599
7	Российская империя / Николай I	1 копейка	1829	Екатеринбург / ЕМ-ИК	Медь	Гладкий	У-3276	2337
8	Российская империя / Николай I	1 копейка	1835	Екатеринбург / ЕМ-ФХ	Медь	Гладкий	У-3330	4897
9	Российская империя. Царство Польское / Николай I	10 грошей	1840	Варшава / MW	Серебро	Гладкий	У-4630	4912
10	Российская империя / Николай I	1/4 копейки серебром	1842	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Гладкий	У-3425	4900
11	Российская империя / Николай I	Копейка	1851	Екатеринбург или Варшава	Медь	Гладкий	У-3496, 3497	2993
12	Российская империя / Николай I	Полушка	1854	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Гладкий	У-3533	4811
13	Российская империя / Александр II	Копейка	1855	Екатеринбург или Варшава	Медь	Гладкий	У-3542, 3544	3218

⁸ При указании типологии монет использованы следующие сокращения и публикации: ГКХ – И.В. Гришин, В.Н. Клецинов, А.В. Храменков (Гришин и др., 2021); У – В.В. Узденикова (Уздеников, 2011); РС – И. Рылов, В. Соболин (Рылов, Соболин, 1992).

⁹ Вес 0,440 г.

Рис. 1. Нумизматические находки, зарегистрированные при наблюдении за земляными работами экспедицией ИИМК РАН в Твери на ул. Чернышевского в 2019 г. (номера монет, указанные ниже порядковых под чертой, соответствуют нумерации в полевой описи, приведенной в табл. 1)

Рис. 2. Нумизматические находки, зарегистрированные при наблюдении за земляными работами экспедицией ИИМК РАН в Твери на ул. Чернышевского в 2019 г. (номера монет, указанные ниже порядковых под чертой, соответствуют нумерации в полевой описи, приведенной в табл. 1)

На безмасштабном плане, скопированном «инженерным учеником» Иваном Ярцевым (20–30-е гг. XVIII в.), данный участок еще не освоен. На межевой карте города Твери 1800 г., отображающей ситуацию на конец XVIII в., а также на проектном плане Твери 1825 г. участок исследований обозначен в пределах квартала регулярной застройки. На самом подробном и достоверном плане Твери, выполненном в 1845 г. специалистом военно-топографического депо подполковником Бруновым, территория вплоть до р. Лазури уже занята кварталами регулярной застройки. То же самое подтверждает карта А.И. Менде 1853 г.

В ходе археологического обследования по всей площади были прослежены культурные отложения, значительно поврежденные или перемещенные в результате хозяйственной и строительной деятельности второй половины XX в. При этом были выявлены комплексы, относящиеся к функционированию жилой зоны города, начиная с середины–конца XIX в. до первой трети XX в.

Источники и литература

- Арциховский А. В., 1955. Основы археологии. М.
- Арсланова Ф. Х., Скукина Е. В., 1999. Роль Тверской ученой архивной комиссии в археологическом изучении Тверского края // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 3.
- Богуславский О. И., 2023. Отчет об археологическом наблюдении за земляными работами на территории выявленного объекта археологического наследия «Культурный слой г. Твери, XV–XIX вв.» в зоне строительства жилого комплекса «Современник» в границах ул. Чернышевского – ул. Бассейной в г. Твери // Архив Отдела охранной археологии ИИМК РАН.
- Бушлякова В. А., Волков И. В., 2010. Тверские клады XVI – начала XVIII в //: Нумизматическая литература. М. Вып. 1: Комплексы с сохранившейся кладовой керамикой в собрании Тверского объединенного музея.
- Гайдуков П. Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV–XVI вв. М.
- Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В., 2015. Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.). М.
- Горлов К. В., Лапшин В. А., Михайлов К. А., Лазарев А. А., Хлуднев К. В., Конончук К. В., Филиппенко Р. В., Бессуднов А. А., 2022. Нумизматические находки в Твери и Тверской области в 2019, 2020 гг. (по материалам работ ИИМК РАН) // АВ. Вып. 37.
- Грач А. Д., 1957. Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. Л.
- Зайцев В. В., 2018. Денга Бориса Годунова и некоторые вопросы участия мелких номиналов в обращении в начале XVII в. // Нумизматические чтения ГИМ 2018 г. (Москва, 27, 28 ноября 2018 г.). М.
- Зайцев В. В., 2019а. Медные монеты Великого княжества Московского: вопросы атрибуции и датировки // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Сборник материалов научной конференции (Санкт-Петербург, 16–18 октября 2019 г.). СПб.
- Зайцев В. В., 2019б. Медные монеты новгородской чеканки XV–XVI вв. // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Тула. Вып. 7.
- Зайцев В. В., 2019в. О датировке некоторых типов поздних московских пул // Нумизматические чтения ГИМ 2019 г. Материалы докладов и сообщений (Москва, 26, 27 ноября 2019 г.). М.
- Зайцев В. В., 2019г. О датировке различных типов новгородских пул XV–XVI вв. // Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений (Великий Новгород, 16–20 апреля 2019 г.). М. Вып. 20.
- Иванова А. Б., Хохлов А. Н., 2019. Культурный слой северной части Тверского кремля по материалам раскопа 2017 г. на Волжском проезде г. Твери (предварительная публикация) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 12.
- Исаев А. А., Волков И. В., Гайдуков П. Г., 2021. Нумизматические находки из раскопок в Твери на ул. Новоторжской в 2019–2020 гг. // Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений (Тверь, 24–29 мая 2021 г.). Тверь. Вып. 21.
- Новиков А. В., Хухарев В. В., 1999. Монеты из погребений некрополя у церкви Алексея – человека Божия в Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 3.
- Овсянников В. Н., 1889. Тверь в XVII в.: исторический и археологический путеводитель по г. Твери. Тверь.
- Рыбакова О. Е., 2018. Предварительные результаты спасательных археологических работ на селище Глинково в Калининском районе Тверской области в 2015 г. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 11.
- Рылов И., Соболин В., 1992. Монеты России и СССР. Каталог. М.
- Сафарова И. А., Хохлов А. Н., Беляев Л. А., 2019. Постройки XV–XVI вв., расположенные вблизи апсид собора Спаса Преображения в Тверском кремле (по материалам раскопок 2013–2014 гг.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 12.
- Соловьева Н. Ф., 2013. Отдел охранной археологии // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.

Уздеников В. В., 2011. Монеты России 1700–1917. М. Изд. 4-е.

Хухарев В. В., 1997. Монетные находки из раскопа № 7 Тверского кремля // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 2.

Хухарев В. В., 2000. Тверской денежный двор в XVI в. при Иване Грозном // Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений (Москва, 17–21 апреля 2000 г.). М. Вып. 8.

Комплектование и учет археологических коллекций в ИИМК РАН (2018–2023 гг.)¹

К. В. Конончук², А. Ф. Покровская³, Т. Б. Крылова⁴, М. И. Бажин⁵, А. Р. Лада⁶, Т. В. Корнева⁷,
Д. С. Филимонова⁸, Е. С. Бердник⁹

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023-221-230

В 2018 г. в ИИМК РАН создан Отдел учета и хранения коллекций. В устав учреждения внесены

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (№ FMZF-2022-0017).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: konstantinkonon@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: aspaf@mail.ru.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: krilova.tatjana@yandex.ru.

⁵ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: bazhinmaxim7@gmail.com.

⁶ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: an7onlada@gmail.com.

⁷ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: kortania22@gmail.com.

⁸ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: dashafilimonovansk@gmail.com.

⁹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: bes89@mail.ru.

изменения, в соответствии с которыми институт осуществляет учет, хранение, изучение и публикацию археологических предметов и коллекций, в том числе включенных в состав музейного фонда Российской Федерации. Разработан порядок учета предметов и коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН. Определена структура фондов. Проведена первичная документальная сверка предметов и коллекций, поступивших в ИИМК РАН до 2018 г. Для учета, систематизации и каталогизации коллекций внедрена автоматизированная информационная система КАМИС. К началу 2019 г. в базу данных внесены сведения о 4093 предметах. В соответствии с требованиями законодательства для дальнейшей регистрации предметов в Государственном музейном фонде Российской Федерации ИИМК РАН зарегистрирован в реестре Госкаталога Музейного фонда РФ.

В январе 2019 г. отдел был реорганизован в Лабораторию камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций (далее – Лаборатория) для осуществления учета, хранения, изучения и публичного представления археологических предметов и коллекций. Именно с этого времени фонды института начали функционировать как научно организованная совокупность материалов, а регулярная оценка деятельности Лаборатории стала приоритетной задачей. Первая работа, описывающая опыт ИИМК РАН по созданию подразделения, специализирующегося на музейном учете археологических коллекций, увидела свет в 2019 г. Авторы статьи фундаментально описали задачи, поставленные перед подразделением, и представили структуру фондов ИИМК РАН (Покровская, Бердник, 2019). В 2020 г. вышла статья, посвященная обзору археологических коллекций, принятых на постоянное хранение в ИИМК РАН в 2018–2019 гг. (Конончук и др., 2020). Авторы данной публикации подняли вопросы, связанные с комплектованием фондов ИИМК РАН археологическими коллекциями различного происхождения. Однако в этой работе не рассматривались материалы, находящиеся на временном хранении, что заметно снижало ее общую информативность. С момента выхода этих статей фонды ИИМК РАН существенно

увеличились в количественном отношении и меняли свою структуру.

Цель настоящей публикации состоит в описании современного состояния фондов ИИМК РАН. Для достижения поставленной цели необходимо решить три задачи. Во-первых, следует провести анализ динамики поступления предметов в фонды института и оценить масштабы передачи материалов в другие музеи и организации. Во-вторых, выявить основные источники комплектования фондов ИИМК РАН. В-третьих, охарактеризовать археологические коллекции, находящиеся как на постоянном, так и на временном хранении в ИИМК РАН. В перспективе подобная работа позволит корректировать процесс комплектования, учета и изучения фондов института.

За весь период работы Отдела/Лаборатории с июня 2018 г. по август 2023 г. было зарегистрировано 99809 предметов. Взрывной рост количественных показателей (рис. 1), наступивший после 2019 г. связан с завершившейся реорганизацией Лаборатории. В ходе данного процесса существенно возросло число сотрудников, занимавшихся работой с археологическими коллекциями.

Анализ поступивших на хранение коллекций позволил выделить два источника комплектования фондов ИИМК РАН. Порядка 17 % поступлений связаны с процессом упорядочивания фондов (рис. 2). Необходимость подобной работы обусловлена историей формирования археологического собрания ИИМК РАН. С середины XX в. на хранение в институте ежегодно остаются разнообразные коллекции, собранные в результате археологических изысканий специалистов ИИМК АН СССР, ЛОИА АН СССР и ИИМК РАН. Такая ситуация

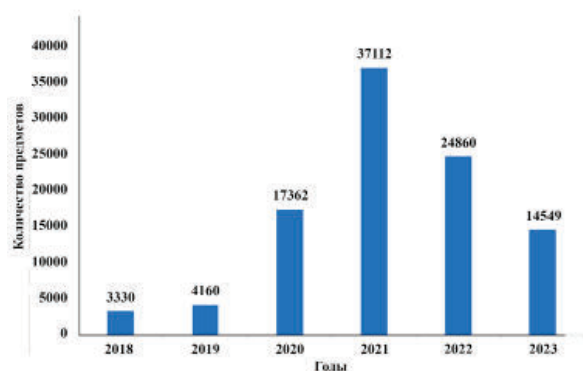

Рис. 1. Общий объем археологических материалов, принятых на временное и постоянное хранение в фонды ИИМК РАН в 2018–2023 гг.

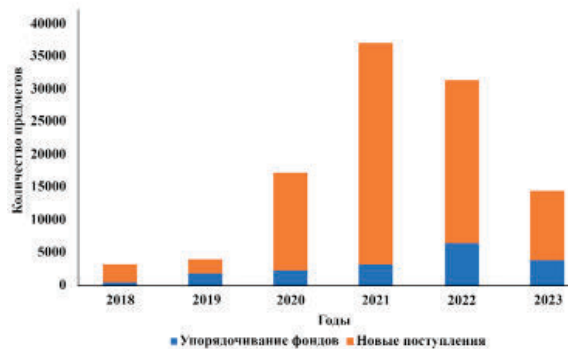

Рис. 2. Источники комплектования фондов ИИМК РАН в 2018–2023 гг.

сложилась вследствие того, что музеи по причине острого дефицита площадей для хранения не готовы принимать предметы, не имеющие экспозиционной ценности, но и коллекции, как источник информации, делить нельзя.

Полувековое хранение некоторых коллекций не лучшим образом сказалось на их состоянии: отдельные вещи и элементы полевой документации были утрачены, кроме того, за прошедшее время изменились и требования к составлению коллекционных описей. Ввиду этих обстоятельств, сотрудниками Лаборатории проводится работа по новой камеральной обработке археологических материалов. Данная деятельность носит, в первую очередь, характер инвентаризации: фактически имеющиеся единицы хранения сверялись с полевыми описями, часть информации о предметах восстанавливалась по информации из полевых отчетов и публикаций. Конечной целью камеральной обработки коллекций является передача материалов в музейный фонд при сохранении в распоряжении ИИМК РАН максимально полной информации о них.

Археологические коллекции, принятые на хранение в ИИМК РАН, имеют чрезвычайно широкие территориальные, культурные и хронологические рамки. Так, существенная часть коллекций относится к древнейшей эпохе в истории человечества – палеолиту. Ярким примером такого собрания служат материалы памятников Костенковско-Борщевского района из раскопок А. Н. Рогачева 50–70-х гг. XX в. В период с 2019 по 2023 гг. в фондах института были зарегистрированы следующие коллекции: Костенки 1/V к. сл. (1971, 1977, 1979, 1986, 1989 гг. – 92 предмета), Костенки 6 (1951, 1952, 1976 гг. – 169 предметов), Костенки 9 (1952–1956 гг. – 1 единица хранения из 20 предметов), Костенки 13 (1951, 1958, 1974–1975 гг. – 1862 предмета).

Данные материалы относятся к разным этапам верхнего палеолита и имеют важное значение для изучения этого периода на территории Восточной Европы. Костенки I/V к. сл. и Костенки 6 относятся к стрелецкой археологической культуре раннего верхнего палеолита. Их изучение осуществлялось А. Н. Рогачевым главным образом в 1950-е гг. Позже, в 1970-е и 1980-е гг. исследования были продолжены Н. Д. Прасловым. Предварительные результаты исследований и общие сведения об индустрии стоянок были опубликованы А. Н. Рогачевым (Рогачев, 1957; Палеолит, 1982). Научное значение памятников определяется тем, что именно на основе анализа материалов их коллекций формировалось представление о стрелецкой археологической культуре. Второе название стоянки Костенки 6 – Стрелецкая, стало обобщающим для всех памятников с треугольными наконечниками. Кроме того, Костенки I/V к. сл. и Костенки 6 – одни из самых древних стоянок стрелецкой культуры и всего верхнего палеолита Восточной Европы (> 34,3 тыс. л. н.).

Костенки 9 и Костенки 13 относятся к среднему этапу верхнего палеолита и представляют два независимых в культурном отношении явления – александровский и костенковско-авдеевский варианты граветта. Возраст Костенок 9 определяется в 24–23 тыс. л. н., Костенок 13 по аналогии с верхним слоем Костенок 1 – в 22–23 тыс. л. н. (Reynolds *et al.*, 2021). Обе стоянки исследовались в 1950-е гг., Костенки 13 затем исследовались в 1974–1975 гг., Костенки 9 исследовались С. Н. Лисицыным уже в 2019–2020 гг.¹⁰ Материалы исследований обеих стоянок были опубликованы в 1960-е гг. В. Д. Будько и Л. М. Литовченко (Будзько, 1960, Літоучанка, 1966). Материалы из раскопок Костенок 13 А. Н. Рогачева и В. В. Попова 1974–1975 гг. так и остались неопубликованными. В настоящее время стоянки представляют определенный научный интерес в первую очередь в контексте расширения представлений об объектах александровской и костенковско-авдеевской культур за пределами базовых лагерей (Костенок I/I к. сл. и Костенок 4). В частности, в ходе комплексного изучения памятников александровского варианта граветта коллективом автором под руководством С. Н. Лисицына была заново проанализирована коллекция Костенок 9 и получена серия радиоуглеродных дат (Reynolds *et al.*, 2021).

При обработке материалов памятников Костенковско-Борщевского района неукоснительно соблюдается принцип неделимости коллекций, поэтому

¹⁰ Материалы этих исследований также находятся во временном хранении в ИИМК РАН.

основная масса материалов передается в Государственный археологический музей-заповедник «Костенки». В настоящее время в музей были переданы материалы раскопок стоянки Костенки 13 за 1975 г. и передаются материалы за 1951, 1958 и 1974 гг.

Другая группа палеолитических материалов, находящихся на временном хранении в ИИМК РАН, связана с деятельностью С. Н. Астахова. Коллекция каменного инвентаря (602 предмета), включающая орудия, нуклеусы и продукты первичного расщепления, собрана исследователем на тридцати одном местонахождении в ходе полевых сезонов в Туве с 1966 по 2012 гг. Датировка комплексов затруднена, так как все предметы представляют собой подъемный материал, собранный на нестратифицированных стоянках. По технологическим и типологическим характеристикам каменного инвентаря и степени его окатанности С. Н. Астахов выделил среди обследованных пунктов ранне-, средне- и верхнепалеолитические памятники, которые являются свидетельством активного освоения территории Тувы на протяжении длительного времени. В коллекцию попала только часть находок из этих сборов, причем некоторые местонахождения представлены единичными изделиями. Подробное описание стоянок и собранного на них инвентаря дано в монографии С. Н. Астахова (2008).

Наиболее древними являются находки из памятника Торгалык А, открытого в 1988 г. Изделия, среди которых встречаются массивные рубящие орудия, скребла, зубчато-выемчатые формы и разнообразные нуклеусы, были определены как ашельские (Астахов, 2008. С. 30, 31). Для индустрий мустьерского облика характерно использование леваллуазской и радиальной техники расщепления, преобладание среди орудий скребел, зубчатых и выемчатых орудий, а также бифасиальных изделий. К среднему палеолиту были отнесены изделия со стоянки Чинге-Даг-Ужу, расположенной в долине р. Чаданы и изученной в 1966–1967 гг., находки со стоянок Чоза 1 и Чоза 5, обследованных в 1988 г. на берегу р. Чоза, предметы со стоянки Тель-2, обследованной на р. Тес-Хем в 1999 г., и со стоянки Ээрбек 1, обнаруженной в 2012 г. в долине р. Ээрбек в Турано-Уюкской котловине (Астахов, 2008. С. 38, 75, 78–80; Астахов, Нехорошев, 2018. С. 9–10).

Большое количество разновременных палеолитических стоянок было обнаружено в долине р. Саглы в 1968–1969 гг. В коллекции представлены немногочисленные находки из 15 пунктов, 11 из

которых были определены С.Н. Астаховым как среднепалеолитические. К ним относятся пункты Саглы 3, 6В, 20, 21, 22, 24, 27, 28, 30, 32, 35. На стоянках Саглы 1, 23 и 29 были собраны как средне-, так и верхнепалеолитические находки, однако сырьевой состав изделий из коллекции указывает на то, что это предметы, определенные С.Н. Астаховым как мустьерские (Астахов, 2008. С. 39, 42, 44, 54–58, 66).

Для верхнего палеолита Тувы характерны находки призматических и клиновидных нуклеусов и микронуклеусов, вкладышей из микропластинок, зубчатых орудий, скребков на отщепах и укороченных пластинах. К памятникам этой эпохи были отнесены пункты Саглы 25 и 31А, которые представлены в коллекции четырьмя изделиями. Также к эпохе верхнего палеолита относятся изделия из памятников Шалаш 1, 2, 2а, 3, 4, 5, обследованных в 1988 г. Все стоянки расположены поблизости друг от друга в месте слияния рек Торгалык и Шалаш (Астахов, 2008. С. 90–92). Наряду с массивными орудиями находки с этих стоянок включают призматические микронуклеусы, пластинки и многочисленные скребки, изготовленные на отщепах, пластинах и пластинчатых отщепах.

Период мезолита и неолита среди материалов, принятых на временное хранение в ИИМК РАН, представлен коллекциями, связанными с работами Н.Н. Гуриной. Начиная с 1955 г. она занималась исследованием мезолита и неолита Валдайской возвышенности. В ходе археологических изысканий середины 1950-х – 1960-х гг. исследователь пришла к осознанию особого значения этого исключительно богатого кремневым сырьем региона для изучения не только соседних, но и более отдаленных территорий. Для его углубленного изучения в ЛОИА АН СССР была создана возглавляемая Н.Н. Гуриной Верхневолжская неолитическая экспедиция. С 1969 по 1987 г. эта экспедиция постоянно проводила на Валдае полевые исследования, в ходе которых было открыто и обследовано около 350 археологических объектов каменного века, включающих поселения, стоянки, мастерские, места добычи кремневого сырья (Верещагина и др., 1995). Была создана огромная фактологическая база в виде коллекций, состоящих из десятков и сотен тысяч артефактов каменного века. Однако по разным причинам многие памятники только упоминались в научных работах или были представлены изображениями отдельных артефактов. Большая часть этих коллекций в настоящее время находится в ИИМК РАН. В 2022 г. на временное хранение были приняты коллекции: Зехново I (1976 г. – 1982 предмета),

Зехново II (1976 г. – 483 предмета) и Свеклино I (1977, 1979 гг. – 1043 предмета). Коллекция находок с памятника Зехново IV (1977 г. – 2168 предметов) поступила на временное хранение в 2023 г. Данные собрания содержат разновременные материалы (от мезолита – раннего неолита до Средневековья), что характерно для Валдайской возвышенности, однако основная часть находок относится к каменному веку.

Стоянки Зехново I, Зехново II и поселение Зехново IV расположены к северо-востоку от д. Зехново Осташковского района Тверской области. Они входят в группу из пяти памятников¹¹, локализованных по обоим берегам р. Селижаровка, левого притока Волги, в 1,5–2 км от ее истока. Концентрацию памятников в районе д. Зехново можно объяснить тем, что здесь находился древний берег оз. Селигер, и поселения были расположены непосредственно у истока р. Селижаровки, в удобном для рыболовства месте. Все памятники в районе д. Зехново были выявлены сотрудниками Верхневолжской неолитической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Н.Н. Гуриной в середине 70-х гг. XX в. и раскапывались в 1975–1977 гг. Основная часть находок Зехново II и Зехново IV относится к раннему неолиту, материалы Зехново I датируются ранним – развитым неолитом. Зехново I и Зехново II, видимо, являлись сезонными лагерями. Зехново IV – скорее базовое поселение. Материалы исследований Зехново II были опубликованы в 2022 г. (Шумкин, Крылова, 2022). Коллекция Зехново I готовится к публикации. Материалы из раскопок Зехново IV остаются неопубликованными, за исключением небольшой заметки (Верещагина и др., 1995. С. 30–33). Памятники представляют научный интерес для решения вопроса о культурной ситуации на территории Валдайской возвышенности в эпоху раннего неолита, а материалы Зехново IV во время переходного периода от раннего неолита к развитому.

Памятник Свеклино I находится в верхнем течении р. Волги, в 21 км выше по течению от Ржева и в 1,6 км к восток-юго-востоку от д. Свеклино Ржевского района Тверской области. Памятник был выявлен в 1977 г. Верхневолжской неолитической экспедицией под руководством Н.Н. Гуриной и исследовался в 1977 и 1979 гг. Работы носили рекогносцировочный характер, вскрытая площадь составляла всего 32 кв. м. В ходе исследования была обнаружена специализированная

¹¹ Группа включает также стоянку Зехново и поселение Зехново III, коллекции находок с этих памятников также хранятся в ИИМК РАН.

мастерская по добыче и расщеплению кремня, приуроченная к имеющимся в этом месте выходам кремнесодержащих известняков. В научной литературе опубликованы краткие сведения о памятнике (Верецагина и др., 1995. С. 79) и описание ножевидных пластин (Крылова, 2021). Подробный доклад о материалах Свеклино I был представлен в 2022 г. на Научно-методическом семинаре с международным участием «Тверская земля и сопредельные территории в древности». В 2023 г. материалы памятника переданы в Тверской государственный объединенный музей.

Часть коллекций, находящихся на хранении в ИИМК, получены в результате раскопок, проводимых на территории среднеазиатских республик бывшего СССР. Ранее публиковались сведения о принятой на постоянное хранение в фонды ИИМК РАН коллекции материалов, найденных на поселении эпохи энеолита Илгылы-депе (Конончук и др., 2020. С. 172, 173). Сформировалось данное собрание в результате археологических исследований Каракумской экспедиции ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН), проведенных в 1985–1997 гг. в Каахкинском районе Республики Туркмения (Соловьева, 2008. С. 7–13). Основу данной коллекции составляют антропоморфные статуэтки, каталог с изображениями которых опубликован (Соловьева, 2008. С. 63–227). В настоящее время к приему на временное хранение в ИИМК РАН готовятся и другие категории находок, обнаруженных на памятнике Илгылы-депе: зооморфные фигурки, пряслица и фрагменты керамической посуды.

Вторая коллекция из этой группы получена в ходе раскопок городища Зар-тепе, расположенного в Сурхандарьинской области Республики Узбекистан (Завьялов, 2008. С. 17–29). Небольшая коллекция, собранная на этом памятнике, датированном Кушано-Сасанидским периодом (III–IV вв.) была принята на постоянное хранение в ИИМК РАН в 2019 г. (Конончук и др., 2020. С. 173, 174). В 2022 г. на временное хранение в фонды ИИМК РАН поступило еще 717 предметов, обнаруженных в процессе раскопок 1972–1986 гг. В состав коллекции входят терракотовые антропоморфные и зооморфные статуэтки, пряслица, изделия из кости (булавки, стили, ручки), изделия из бронзы (киафы, булавки, гвозди), керамическая посуда и пр. Часть материалов опубликована (Завьялов, Осипов, 1976; Абдуллаев, Завьялов, 1985; Завьялов, 1993; 2008).

На временном хранении в ИИМК РАН также находятся материалы, относящиеся к периоду раннего железного века в Южной Сибири. В данном случае речь идет о коллекции находок из курганного

могильника Толстой мыс V в Новоселовском районе Красноярского края. В 1983–1984 гг. один из отрядов Среднеенисейской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Г.Н. Курочкина исследовал в зоне сооружения оросительной системы ряд памятников тагарской культуры, в том числе два кургана могильника Толстой Мыс V. Данный могильник состоит из трех больших (высотой не менее 3 м) курганов, расположенных в 0,8–1,0 км друг от друга. Коллекция находок (всего 114 предметов), принятая на временное хранение в ИИМК РАН в 2020 г., состоит из бронзовых (ножи, зеркала, бляшки, наконечники стрел, пронизки), каменных (оселки) и костяных (наконечники стрел, подвески из зубов животных) изделий. Материалы данной коллекции частично опубликованы (Курочкин, 1988).

В 2020–2023 гг. в процессе упорядочивания фондов на временное хранение в ИИМК РАН принимались археологические коллекции, полученные в результате работ Днепровской Левобережной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1970-е – 1980-е гг. Научные интересы экспедиции были сосредоточены на изучении памятников первого тысячелетия н. э. на территории лесостепной зоны Восточной Европы, полевые работы проводились в Черниговской, Харьковской, Полтавской, Сумской, Курской и Белгородской областях. Исследования были направлены на устранение хронологической лакуны, существовавшей на территории Днепровского Левобережья в представлении специалистов, между памятниками раннего железного века и преддревнерусской роменской культурой (Горюнов, 1981. С. 3, 4). В результате многолетних разведок и раскопок в регионе были открыты многочисленные памятники постзарубинецкой, киевской, колочинской, пеньковской и волынцевской культур. Полученные археологические материалы позволили сформулировать обоснованные гипотезы о хронологической позиции и культурной преемственности раннеславянских памятников Днепровского Левобережья (Горюнов, 1981. С. 93, 94).

Днепровская Левобережная экспедиция проработала почти полвека, начавшись с разведочных работ И.И. Ляпушкина в 1946 г. и завершившись в 1991 г. в силу ряда внешних причин. Наиболее активные полевые исследования пришлось на 1970 – 1980-е гг., когда экспедиция работала под руководством Е.А. Горюнова. За этот период были раскопаны широкой площадью поселения Хитцы, Вовки, Большие Будки, два селища и могильника у с. Картамышево. Во второй половине 1980-х гг. полевые работы экспедиции были продолжены отрядами под руководством В.М. Горюновой,

О. А. Щегловой и Г. А. Романовой, которыми были исследованы комплексы раннеславянских памятников у сел Гочево и Верхнестриженское, материалы которых дополняли и уточняли идеи, высказанные Е. А. Горюновым.

Значительная часть археологических коллекций, полученных в результате работ Днепроградской Левобережной экспедиции, осталась на хранении в ИИМК РАН. За это время материалы памятников Хитцы, Большие Будки и Картамышево 2 были полностью опубликованы (Горюнов, 1981; Горюнова, Родинкова, 1999; Горюнова, 2004), в тоже время часть коллекций была введена в научный оборот лишь фрагментарно, например поселения у сел Песчаное и Верхнестриженское (Горюнов, 1982; Горюнова и др., 1987), а часть не была опубликована вовсе. К настоящему времени археологические коллекции с памятников Верхнестриженское-2, Верхнестриженское-3 и Жигайловка переданы на постоянное хранение в Курский государственный областной музей археологии.

Продолжается работа с коллекциями Е. А. Рябинина. Еще в 2019 г. небольшие коллекции (35 предметов), полученные в ходе работ археолога у деревень Великино (1985–1986 гг.) и Валговицы (1983–1984, 1986, 1988 гг.) поступили на постоянное хранение в ИИМК РАН (Рябинин, 1997; Конончук и др., 2020. С. 178, 179). Однако собрание коллекций, полученных в ходе работ исследователя, оказалось значительно шире. В марте 2022 г. шесть археологических коллекций из раскопок Е. А. Рябинина (с 1997 по 2001 гг.) на городище Любша (1767 предметов) и Земляном городище (210 предметов) переданы на постоянное хранение в Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. Вместе с коллекциями Е. А. Рябинина в вышеуказанный музей была передана небольшая коллекция (64 предмета), полученная в ходе археологических разведок у городища Любша в Волховском районе Ленинградской области в 1968 г. под руководством С. Н. Орлова.

На временное хранение в ИИМК РАН в период с 2019 по 2022 гг. принято еще девять археологических коллекций, полученных в ходе археологических исследований Е. А. Рябинина в период с 1974 по 1991 г. Это материалы раскопок у деревень Вердия (1987 г. – 167 предметов) и Кайболово (1991 г. – 156 предметов) в Кингисеппском районе, Ленинградской области; деревень Лашковицы (1978–1979 гг. – 98 предметов) и Тegliцы (1977–1980 гг. – 32 предмета) в Волосовском районе Ленинградской области; раскопок селища и могильников в бассейне р. Карасинка у д. Васьково

в Бокситогорском районе Ленинградской области (1988 г. – 227 предметов); раскопок у с. Унорож в Галичском районе Костромской области (1989, 1991 гг. – 190 предметов) и с. Попово в Мантуровском районе Костромской области (1980–1981 гг. – 268 предметов). Также на хранение поступили материалы, собранные при исследовании селища Неппово в Кингисеппском районе Ленинградской области (1974 г. – 7 предметов) и депортизованная коллекция находок из раскопок Е. А. Рябинина на Ижорском плато (1980–1987 гг. – 105 предметов). Таким образом, общий объем коллекций, связанных с исследовательской деятельностью Е. А. Рябинина, находившихся на хранении в ИИМК РАН, составляет 1250 предметов.

Помимо описанных выше групп археологических предметов, на временное хранение в ИИМК РАН также приняты: материалы из раскопок Ольвии с 1947 по 1991 г. (3114 предметов); две коллекции, найденные на территории Тувы в могильниках Хемчик-Бом 2 (работы 1971 г. – 3 предмета) и Сарыг-Булун (работы 1988 г. – 36 предметов); антропологические материалы из могильника Красный Камень (28 предметов), расположенного в Боградском районе Республики Хакасия; коллекция материалов с памятника Кууппала, находящегося в Лахденпохском районе Республики Карелия (1985–1986, 1996 гг. – 207 предметов). В отношении всех предметов и коллекций, определенных на временное хранение в результате упорядочивания фонда, принимается решение экспертной фондово-закупочной комиссии (ЭФЗК) ИИМК РАН о приеме их в основной фонд и, соответственно, включении в Музейный фонд РФ, или приеме в фонд массовых археологических предметов, либо коллекции передаются на хранение в музей.

Вторую группу коллекций, поступающих в фонды ИИМК РАН, составляют материалы, полученные в результате текущих археологических работ сотрудников института (рис. 2). Эта категория коллекций существенно больше и составляет порядка 83 % от общего объема находок, зарегистрированных в фондах института. Характеристика столь широкого спектра материалов, включающего порядка 223 коллекций, требует отдельной публикации. Существенный количественный разрыв между группами коллекций объясняется тем, что материалы, полученные в результате работ второй половины XX в., регистрируются постепенно, по мере их сверки или описания сотрудниками Лаборатории. Археологические коллекции, полученные в результате работ XXI в., как правило, не требуют дополнительного описания и сразу принимаются на хранение в фонды ИИМК РАН.

После постановки коллекций на временное хранение в ИИМК РАН проводится работа по их передаче на постоянное хранение в профильные музеи. Приоритет отдается музеям, расположенным в регионе, в котором проводились археологические работы. Количественные показатели переданных в музеи материалов имеют тенденцию к ежегодному увеличению (рис. 3). Отдельные коллекции остаются невостребованными музеями. Данные материалы принимаются на постоянное хранение в ИИМК РАН. В связи с нехваткой площадей, оборудованных для хранения материалов, число коллекций, принимаемых на постоянное хранение в ИИМК РАН, строго регулируется.

В 2022–2023 гг. на постоянное хранение в ИИМК РАН поступил 1101 предмет (рис. 4). Стоит отметить, что с осени 2021 г. изменилась структура

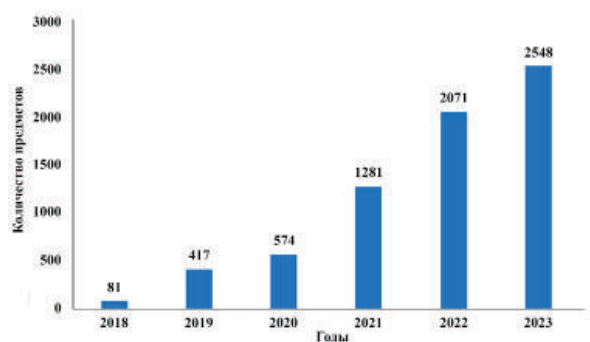

Рис. 3. Материалы, переданные в музеи из числа коллекций, поставленных на временное хранение в ИИМК РАН в 2018–2023 гг.

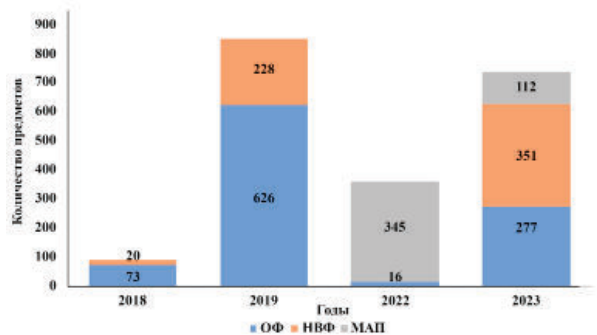

Рис. 4. Распределение по фондам материалов, принятых на постоянное хранение в ИИМК РАН в 2018–2023 гг.: ОФ – основной фонд; НВФ – научно-вспомогательный фонд; МАП – массовые археологические предметы

фондов института. Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 26 августа 2021 г. № 1414 «О внесении изменений в Единые правила организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, утвержденные приказом Министерства культуры Российской Федерации от 23 июля 2020 г. № 827» внесены существенные изменения в систему учета археологических предметов в музеях и организациях музейного типа. Отныне в перечень фондов, которые могут образовывать собрание музея, внесен фонд массовых археологических предметов. ИИМК РАН также сформировал фонд массовых археологических предметов, что позволило существенно облегчить учет и систематизацию археологических коллекций, формируемых в результате многочисленных полевых археологических работ, проводимых институтом. Фонд массовых археологических предметов позволяет сосредотачивать в своем составе категории находок, которые в силу их низкой экспозиционной ценности, многочисленности или плохой сохранности неохотно принимаются музеями в основной и научно-вспомогательные фонды. К таким материалам могут относиться: кремневые отщепы, фрагменты изделий из керамики, антропологические, палеозоологические, палеоботанические и иные объекты. Данные предметы обладают историко-культурной и научной ценностью, однако могут быть исключены из состава фондов на основании приказа руководителя музея по согласованию с Минкультуры России (Приказ, 2021. П. 2.11, 2.12).

Краткая информация о составе, датировке и фондовой принадлежности всех коллекций, поступивших на постоянное хранение в ИИМК РАН в 2021–2023 гг., представлена в форме таблицы (табл. 1). Три коллекции из данного перечня связаны с охраняемыми раскопками, проведенными специалистами ИИМК РАН. Наиболее представительной в количественном отношении коллекцией являются материалы, обнаруженные в ходе проведенных экспедиционных работ Отдела охранной археологии ИИМК РАН в 2018 и 2019 гг. на территории планируемых строительных работ в Санкт-Петербурге на Нейшлотском переулке, д. 3, литера А. Исследованный участок в течение XVIII в. входил в границы Сампсониевского кладбища, а с середины XIX в. и вплоть до наших дней подвергался интенсивному хозяйственному освоению. Коллекция включает в свой состав 226 нательных крестов, 163 монеты, а также фрагменты керамической и стеклянной посуды, металлические бытовые предметы и другие категории материалов. Комплекс находок ярко характеризует особенности погребального обряда и хозяйственного уклада

Таблица 1. Археологические коллекции, принятые на постоянное хранение в ИИМК РАН в 2022–2023 гг.

Название коллекции/памятника (год проведения работ/год приема на постоянное хранение в ИИМК РАН)	Датировка коллекции	Кол-во предметов	КП ОФ	КП НВФ	КП МАП
Участок исторического культурного слоя города Санкт-Петербурга XVIII–XIX вв. с сохранившимися историческими захоронениями по адресу Нейшлотский пер., д. 3, литера А (2018–2019, 2023 гг.)	XVIII–XX вв.	724	273	339	112
Культурный слой в пределах фундаментов главного усадебного дома XIX – начала XX в. на территории «Парка-усадыбы «Онег» регулярно-пейзажной планировки, XIX в.» в Новгородском районе Новгородской области (2017, 2022 гг.)	XVIII–XX вв.	188	6	0	182
Коллекция находок, полученных в результате археологической разведки в городе Великий Устюг на ул. Набережная, д. 60 (2017, 2022 гг.)	XII–XX вв.	121	7	0	114
Находки из разведок в Санкт-Петербурге на ул. Циолковского, д. 8А (2017, 2022 гг.)	XIX–XX вв.	37	1	0	36
Материалы раскопок селища Владимировка 1 в 2017 г. в Приозерском районе Ленинградской области (2017, 2023 гг.)	XVI–XX вв.	16	4	12	0
Находки из разведок в Санкт-Петербурге на участке реконструкции д. 30 на Дворцовой площади (2013, 2023 гг.)	XIX–XX вв.	9	2	0	7
Находки с селища Ракитино 1, выявленные в ходе разведок в Хвойнинском районе Новгородской области (2017, 2022 гг.)	XI–XIII вв.	6	0	0	5

населения Санкт-Петербурга XVIII–XIX вв. К сожалению, материалы данных работ пока не опубликованы.

Другая коллекция, поступившая на постоянное хранение в ИИМК РАН, была получена в результате археологических работ 2017 г. на территории Парка-усадыбы «Онег» в Новгородской области. В ходе раскопок было обследовано главное усадебное здание, а также зафиксированы конструкции фундаментов пристроек и, вероятно, террасы у фасадов усадебного дома. Памятник представляет большой интерес для изучения историко-культурных процессов на территории северо-запада России XVIII–XIX вв. Коллекция артефактов из культурного слоя в пределах фундаментов главного усадебного дома, принятая на постоянное хранение в ИИМК РАН, состоит из 188 предметов. Основную ее часть составляют фрагменты керамической и стеклянной посуды, также представлены металлические предметы (штык, гвозди, пуговицы, наперсток, крест, копоушка) и нумизматические материалы. Данные о работах на памятнике также не опубликованы.

Третья коллекция, поступившая на постоянное хранение в фонды ИИМК РАН, связана с раскопками селища Владимировка 1, расположенного в Приозерском районе Ленинградской области. В результате работ, проведенных в 2017 г. под руководством К.С. Роплекар, были вскрыты культурные отложения XVI–XX вв. Материалы памятника опубликованы (Роплекар, 2018). Находки характеризуют культуру рядового населения Северо-Запада России в XVI–XIX вв. В состав коллекции входит клад золотых колец (Роплекар, 2018. Рис. 6), а также две монеты, фрагменты керамической и стеклянной посуды, свинцовая пломба, алюминиевый футляр и деревянная пуговица.

Материалы нескольких исторических эпох содержит коллекция артефактов, полученных в результате археологической разведки, проведенной в г. Великий Устюг на ул. Набережная, д. 60. Основная часть материалов связана с функционированием города в XVI–XX вв. Однако в ходе разведки были зафиксированы средневековые слои, характеризующиеся хорошей сохранностью органических материалов (дерева, кожи, ткани и др.).

Подобные слои являются уникальными для средневековых поселений России. Среди плах деревянного настила, выявленного в этом слое, обнаружены остатки бытовых предметов и фрагменты керамических сосудов. Особо следует отметить находку пары меховых (детских?) рукавиц. Предварительная датировка настила и связанных с ним культурных слоев XII–XIV вв. Также на постоянное хранение в фонды ИИМК РАН были приняты материалы археологических разведок, проведенных на территории Санкт-Петербурга и Новгородской области.

Таким образом, среди материалов, принятых на постоянное хранение, абсолютно преобладают предметы, датированные периодом XVIII–XX вв. Все коллекции получены в процессе проведения охранных археологических работ. Подобные коллекции часто оказываются невостребованными музеями. Однако их научный потенциал еще до конца не оценен, о чем свидетельствует низкое число публикаций. Тезис о необходимости хранения и публикации материалов Нового времени, озвученный авторами ранее (Конончук и др., 2020. С. 173, 178), сохраняет свою актуальность.

В результате работы Лаборатории за шесть неполных лет была систематизирована информация о более чем 300 археологических коллекциях. Данные материалы охватывают все периоды истории Евразии – от палеолита до Нового времени. Стоит отметить, что введение в штат Лаборатории сотрудников, специализирующихся на археологии разных периодов, в совокупности со специалистами по музейному делу повысило качество и скорость работы с разновременным материалом. Подобная опция доступна лишь немногим музеям России. Тем не менее, поток поступления новых археологических материалов по-прежнему существенно превышает скорость обработки коллекций в рамках упорядочивания фондов. Из предметов, принятых на временное хранение в ИИМК РАН, лишь порядка 8 % передаются в другие музеи. Данные процессы указывают на сохраняющуюся тенденцию к увеличению объемов археологического материала, хранящегося в ИИМК РАН. Для преодоления этой тенденции необходимо активизировать работу, направленную на передачу коллекций в музеи, и расширить площадь специализированных фондохранилищ в помещениях ИИМК РАН.

Источники и литература

Абдуллаев К. А., Завьялов В. А., 1985. Сосуды на зооморфных подставках из поселений кушанской Бактрии // СА. № 1.

Астахов С. Н., 2008. Палеолитические памятники Тувы. СПб.

Астахов С. Н., Нехорошев П. Е., 2018. Новые находки палеолита в Туве // ЗИИМК. № 19.

Будзько В. Д., 1960. Кельсеуская стоянка – новы помнік касценкауска-аудзееускай культуры // Весці Акадэміі Навук Беларускай ССР. № 1.

Верецагина И. В., Синицына Г. В., Тимофеев В. И., Тихомирова О. М., Шаяхметова Л. Г., Шумкин В. Я. 1995. Каменный век Верхневолжского региона. СПб. Вып. 1. Материалы к археологической карте.

Горюнов Е. А., 1981 Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. М.

Горюнов Е. А., 1982 Славянское поселение середины I тыс. н.э. у с. Песчаное Белгородской обл. // КСИА. Вып. 71.

Горюнова В. М., Романова Г. А., Щеглова О. А., 1987. Поселения у села Верхнестриженское. Гомель.

Горюнова В. М., Родинкова В. Е., 1999. Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. Вып. 4.

Горюнова В. М., 2004. Могильник VI–VII вв. у с. Картамышево Обоянского района Курской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб.

Завьялов В. А., 1993. Костяные предметы туалета из памятников Средней Азии кушанского и посткушанского времени // КСИА. Вып. 209.

Завьялов В. А., 2008. Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок городища Зартепа). СПб.

Завьялов В. А., Осипов В. И., 1976. Раскопки жилого комплекса на городище Зар-Тепе в 1973 г. // Бактрийские древности. Л.

Конончук К. В., Филимонова Д. С., Бердник Е. С., Кубрина А. М. 2020. Комплектование и учет археологических коллекций, принятых на постоянное

хранение в фонды ИИМК РАН в 2018–2019 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. Вып. 10.

Крылова Т.Б., 2021. Опыт типологического и технологического анализа пластинчатых сколов памятника многократного посещения – мастерской Свеклино I // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. Вып. 11.

Курочкин Г.Н., 1988. Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980–1984 гг. Л.

Літоучанка Л.М., 1966. Палеалітычная стаянка Біручы Лог (Касценкі IX) // Весці Акадэміі Навук Беларускай ССР. № 3.

Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979 / Под ред. Н.Д. Праслова, А.Н. Рогачева. Л., 1982.

Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 26 августа 2021 г. № 1414 «О внесении изменений в Единые правила организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, утвержденные приказом Министерства культуры Российской Федерации от 23 июля 2020 г. № 827» [Электронный ресурс: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202203140036?index=1>. Дата обращения 15.10.2023].

Покровская А.Ф., Бердник Е.С. Включение археологических коллекций в музейный фонд. Опыт ИИМК РАН // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. Вып. 9.

Рогачев А.Н., 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. М.-Л. (МИА. № 59).

Роплекар К.С., 2018. Раскопки селища Владимировка 1 в Приозерском районе Ленинградской области в 2017 г. // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. Вып. 8.

Рябинин Е.А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.

Соловьева Н.Ф., 2008. Антропоморфные изображения поры среднего энеолита Средней Азии (по материалам поселения Илгынлы-депе). СПб.

Шумкин В.Я., Крылова Т.Б., 2022. Памятник раннего неолита Зехново II // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. Вып. 12.

Reynolds N., Lisitsyn S.N., Eskova D.K., Tsvetkova N.A., Buckley M., Pustovalov A.Y., 2021. Kostënki 9: The chronology and lithic assemblage of a Gravettian site in Russia // *Quaternary International*. Vol. 587–588.

Развитие методики научного описания и анализа палеолитических находок на примере коллекции стоянки Ирба 2¹

Т.В. Корнева²

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023-231-234

В процессе изучения коллекции каменного инвентаря верхнепалеолитической стоянки Ирба 2, открытой в долине р. Енисей на юге Красноярского края, было использовано несколько методов научного анализа, основными среди которых являлись типологический анализ каменных орудий и отходов первичного расщепления, анализ сырья и метод планиграфии. Сочетание всех трех методов позволяет реконструировать особенности хозяйственной деятельности, господствовавшей на стоянке. Успешное применение этих методов стало возможным благодаря высокому методическому уровню исследования стоянки с индивидуальной фиксацией находок, который позволил детально изучить распространение предметов в скоплениях и между ними, а также большому разнообразию видов сырья, что способствовало изучению практики его отбора и использования³.

За два сезона раскопок 2012 и 2015 гг. была собрана коллекция каменного инвентаря, насчитывающая более 4000 экземпляров, из которых 337 предметов относятся к каменным орудиям, а 99 – к нуклеусам и микронуклеусам. В качестве материала для изготовления орудий использовались гальки и фрагменты пород разного качества, среди которых преобладали метаморфизованные сланцы, эффузивные породы, яшмоиды, кварциты, кварцы. В меньшем количестве в коллекции представлены изделия из кремня, мрамора, глинистых метаморфизованных пород, песчаника, мергеля, углистого сланца.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (№ FMZF-2022-0017).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: kortania22@gmail.com.

³ Автор выражает благодарность М. А. Кульковой за помощь в определении видов сырья.

Распределение пород среди орудий и продуктов первичного расщепления представлено на графике (рис. 1). Можно заметить, что распределение сырья в группе орудий не коррелирует с его распределением в группе продуктов первичного расщепления. Большинство изделий изготовлено из метаморфизованных сланцев (43 % продуктов первичного расщепления и 30 % орудий), второе место по распространенности в группе отходов производства занимают изделия из эффузивных пород (19 %), а затем идут находки из яшмоидов (14 %) и кварцитов (10 %), тогда как в группе орудий на втором месте находятся яшмоиды (26 %), на третьем – кварцы (17 %), на четвертом – кварциты (11 %). Орудия из глинистых метаморфизованных пород, мергеля и мрамора в коллекции отсутствуют.

Другим существенным показателем, отражающим неравномерное распределение сырья по разным категориям находок, является процент, который приходится на орудия в каждой из групп сырья (рис. 2). В небольшой серии изделий из окремненных углистых сланцев на орудия приходится 50 % всех предметов. 29 % орудий содержит группа изделий из кварца. Орудиями являются 22 % всех предметов из яшмоидов и по 15 % от всех кремневых и кварцитовых фрагментов. Из песчаника и метаморфизованных сланцев изготовлено по 10 % орудий, а группа эффузивных пород содержит всего 6 % орудий. Большая часть микронуклеусов, найденных на стоянке, изготовлена из кварца и яшмоидов, а крупные ядрища, в том числе брошенные на ранней стадии расщепления, целые гальки, заготовки ядрищ, крупные обломки галек и первичные сколы – из метаморфизованных сланцев и эффузивных пород. Таким образом, сырьевой состав орудий, ядрищ и предметов, маркирующих начальную стадию обработки камня, позволяет предположить, что орудия из окремненного углистого сланца, кварца, яшмоидов, кремня и кварцита приносились на стоянку в готовом виде или в виде небольших заготовок, тогда как метаморфизованные сланцы и эффузивные породы, по-видимому, доставлялись в виде галек и крупных отдельностей камня из местных галечников и проходили полный цикл расщепления.

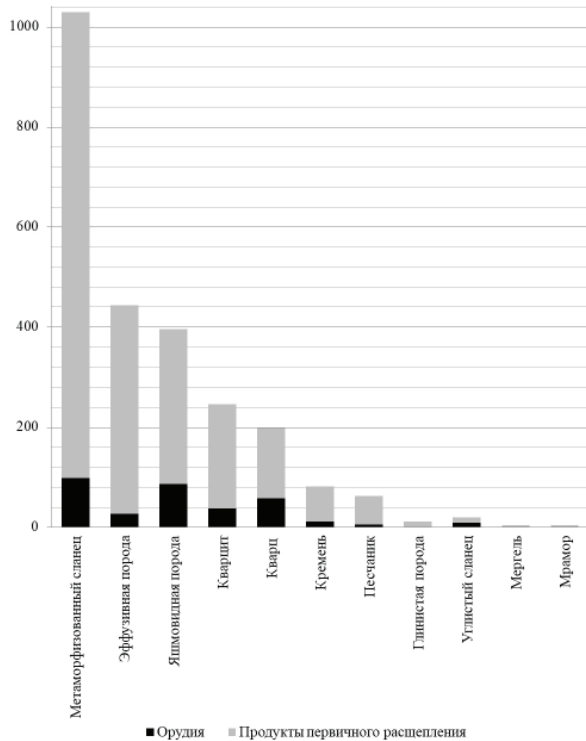

Рис. 1. Сырьевой состав каменных орудий и отходов первичного расщепления на стоянке Ирба 2

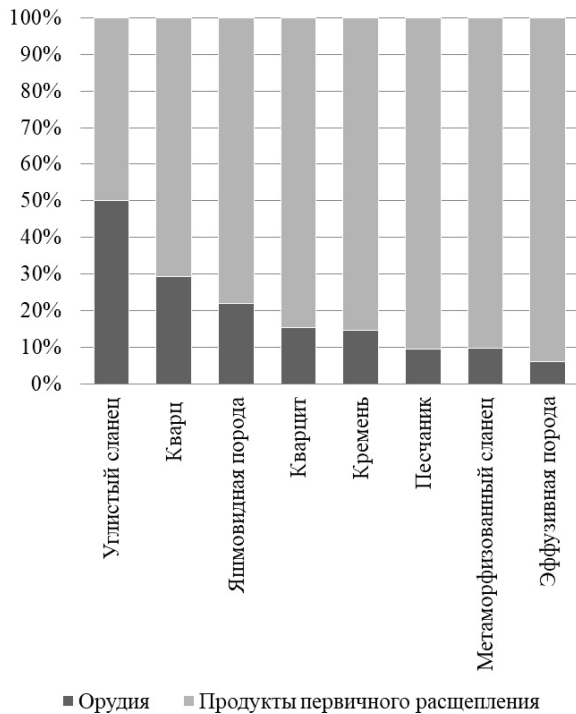

Рис. 2. Доля орудий в различных группах сырья на стоянке Ирба 2

Анализ распределения сырья по разным типам орудий показал, что метаморфизованные сланцы и эффузивные породы использовались для создания разнообразных орудий, преимущественно крупных – скребел, чопперов, пиковидных орудий. Гальки из этих пород использовались в качестве отбойников. Крупные орудия изготавливали также из пород типа песчаника. Кварцитовое сырье могли обрабатывать на стоянке или приносить в виде готовых орудий. Наиболее качественное сырье – кварц, яшмоиды, кремень, окремненный углистый сланец – использовалось для создания скребков, долотовидных изделий, резцов и других небольших орудий, которые жители стоянки изготавливали на месте из небольших фрагментов или приносили в готовом виде. Сырье типа мергеля и глинистой метаморфизованной породы могло быть взято на пробу и выброшено из-за низкого качества, также как и грубые крупнозернистые эффузивные породы.

Больше информации о хозяйственной деятельности на стоянке можно получить, анализируя распределение типов и сырьевого состава изделий в контексте планиграфии комплекса. Структура памятника представляет собой серию скоплений расщепленного камня и кости, разделенных стерильными участками и зонами с небольшим количеством находок. Вероятно, эти скопления являлись остатками рабочих площадок под открытым небом.

В предыдущей работе, посвященной планиграфии стоянки, были представлены результаты сравнения общего состава инвентаря в скоплениях методом корреляционного анализа (Корнева, 2021). Дальнейшие исследования показали, что разделение скоплений на две группы, полученное с помощью этого анализа, было основано на соотношениях между самыми многочисленными категориями находок, представленными во всех скоплениях – чешуйками и отщепами. При этом процент нуклеусов и орудий, крайне важный для сравнения скоплений, практически не оказал влияния на результат. По этой причине выделенные с помощью корреляционного анализа две группы скоплений не отражают всего разнообразия хозяйственной деятельности, которая велась на рабочих площадках. Необходимо сравнивать скопления не только статистическими методами, а учитывать такие признаки, как разновидности использовавшегося в них сырья, наиболее распространенные типы орудий и нуклеусов, наличие или отсутствие костных остатков, орудий из кости и рога, крупных галек. Необходимо обращать внимание на предметы, которые находились на периферии скоплений, а также на наличие взаимосвязей между соседними скоплениями.

Учет всех этих признаков позволил выделить следующие группы скоплений каменных изделий:

1) полифункциональные скопления, в пределах которых происходило первичное расщепление камня, изготовление орудий и работа ими. В трех крупных скоплениях, вошедших в эту группу, процент орудий составлял от 8 до 13 %. Наряду с качественным сырьем здесь широко представлены грубые эффузивные породы и орудия, сделанные из них. В этих скоплениях были зафиксированы костные остатки, указывавшие на работу по разделке туш;

2) места первичного расщепления камня и изготовления орудий. В эту группу вошли три крупных скопления с небольшим процентом орудий (от 1 до 3 % находок), на которых преобладали отходы расщепления пород, наиболее подходящих для создания качественных изделий – яшмоидов, кремня, метаморфизованных сланцев. Все орудия были изготовлены из этих же пород. В этих скоплениях присутствовали фрагменты кости, но основной деятельностью, по-видимому, была обработка камня;

3) скопления, где происходило первичное расщепление камня. К этой категории можно отнести семь скоплений с низким процентом орудий и большим количеством крупных фрагментов первичного расщепления, нуклеусов и заготовок ядрищ. Почти все орудия в этих скоплениях сделаны из сырья, которое подвергалось обработке в скоплении. Среди отходов производства преобладали фрагменты эффузивных пород и метаморфизованных сланцев не самого высокого качества, вероятно, принесенные из местных галечников. В некоторых из них зафиксировано большое количество галек-дробильников;

4) скопления, где преобладала работа орудиями. На Ирбе 2 было зафиксировано шесть подобных участков. Орудия в этих скоплениях составляют от 10 до 20 % находок, и большинство из них сделано из более качественного сырья, чем то, которое подвергалось обработке в скоплениях. Эти изделия были принесены в скопление в готовом виде; исключение составляют некоторые массивные орудия, которые могли быть сделаны на месте. Костные остатки в этих скоплениях немногочисленны, но их наличие указывает на то, что хозяйственная деятельность была связана с разделкой туш и работой по кости. Одно из скоплений представляет собой специализированную зону работы галечными орудиями;

5) скопления, где происходило изготовление орудий. К этой группе были отнесены два небольших скопления, где орудия могли изготавливать из небольших, заранее подготовленных отдельных камней.

Также на стоянке были зафиксированы участки, где зоны расщепления камня были расположены отдельно от зон, где велась работа орудиями по кости или иная хозяйственная деятельность. По этой причине наряду со скоплениями камня были выделены более крупные структуры – рабочие площадки. Их можно разделить на два вида:

1) рабочие площадки, включающие в себя несколько скоплений камня и участки работы по кости, расположенные рядом с ними;

2) рабочие площадки, на которых велась работа орудиями. К ним было отнесено три участка, на которых отсутствовали выраженные скопления камня, но был зафиксирован высокий процент орудий и костные остатки. Значительную часть орудий составляли крупные скребла. Возможно, это были хозяйственные зоны, где происходила не только разделка туш и дробление кости, но также обработка шкур или дерева. Выделение таких зон представляет собой более трудную задачу по сравнению с идентификацией участков расщепления камня (Леонова и др., 2006. С. 213).

Согласно Н.Б. Леоновой, все скопления, содержащие от 4 до 15 % орудий, – это не производственные центры, а зоны, связанные с изготовлением и использованием орудий, где происходили различные виды хозяйственной деятельности (Леонова, 1977. С. 16). К таким скоплениям на стоянке Ирба 2 относятся не только многочисленные участки работы орудиями, но и ряд крупных полифункциональных скоплений с высоким процентом орудий, а также несколько рабочих площадок.

Таким образом, благодаря комплексному применению различных методов изучения каменного инвентаря и анализа его планиграфического распространения, можно предположить, что перед нами не мастерская по обработке камня, а один из участков базовой стоянки, где происходила разнообразная хозяйственная деятельность: разделка крупных фрагментов туш животных и дробление костей конечностей, обработка разных органических материалов, а также расщепление местных пород камня для изготовления орудий. Отсутствие таких значимых структурных элементов, как следы огня и жилищ, пока не позволяют с уверенностью утверждать, что Ирбы 2 являлась базовой стоянкой, но типологический и сырьевой состав изделий в скоплениях косвенно указывает на это.

Источники и литература

Корнева Т.В., 2021. Планиграфическое распределение находок на палеолитической стоянке Ирба-2 в Красноярском крае // Записки ИМК РАН. СПб. № 24.

Леонова Н.Б., 1977. Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отражение в них специфики палеолитических поселений. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А., 2006. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). М.

Кожаные предметы из детинца Новогрудка по раскопкам Ф. Д. Гуревич в 1962 и 1985 гг.¹

А. В. Курбатов²

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023-235-250

Введение

В декабре 2012 г. в Отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН прошло заседание, приуроченное к 100-летию со дня рождения Фриды Давыдовны Гуревич, известного исследователя средневековых древностей на территории современной Беларуси, многолетнего сотрудника Отдела славяно-финской археологии и ЛОИА АН СССР (Пескова, 2012. С. 229–232; Ревуненкова Е. В., Ревуненкова Н. В., 2012. С. 240–244). Одной из самых известных ее полевых работ были многолетние раскопки в средневековом Новогрудке – центральном городе Верхнего Понеманья. На основе полученных материалов были написаны монография и ряд статей, в которых не только детально описана и реконструирована материальная культура древнерусского города, но и разрабатывался широкий круг исторических вопросов регионального развития западнорусских земель в эпоху Средневековья.

В этих работах не отражены малочисленные кожаные предметы из раскопок в Замке в 1962 г. и 1985 г. – последний год раскопок Ф. Д. Гуревич в Новогрудке (Гуревич, 1962; 1985). Небольшая коллекция 1985 г. уже введена в научный оборот (Курбатов, 2013), тогда как более объемная коллекция 1962 г. оставалась без внимания. Вводя в научный оборот эти коллекции совместно, автор отдает дань уважения исследователю, тщательно обработавшему и сохранившему незначительные, на первый взгляд, материальные остатки домонгольского времени. Сегодня даже такие собрания изделий из органических материалов получают осмысление, опирающееся на анализ всей

совокупности археологических данных по кожевнному ремеслу в городах Древней Руси. Всего автором изучены 352 кожаных предмета и войлочная стелька.

Состав и планиграфия находок 1962 г.

В культурном слое Новогрудка кожаные предметы, как и другие органические материалы, сохранились плохо. При характеристике материалов раскопок 1957–1967 гг. Ф. Д. Гуревич так оценивала культурный слой: «Мы лишены возможности охарактеризовать такие несомненно существенные отрасли городского ремесла, как выработка кожи и сапожное дело. При раскопках на детинце встречены фрагменты кожаной обуви со следами швов и отверстий, обрезанные лоскуты кожи и ремешки. Шилья, ножи, иглы и некоторые другие находки могли также применяться и в сапожном деле. Однако все эти материалы крайне незначительны и не дают возможности сделать на их основании сколько-нибудь серьезные выводы» (Гуревич, 1981. С. 147).

В целом, по археологическим находкам в Новогрудке Ф. Д. Гуревич выделяла только ремесло ювелиров, матрицы которых и украшения, сделанные по ним, не отличались от киевских находок. Тогда как «остальная ремесленная деятельность горожан – костерезное дело, обработка дерева, камня и других материалов – соответствует картине, характерной для многих древнерусских городов. Каких-либо специфических черт в ней не удалось выявить» (Гуревич, 1980. С. 97). Упоминание кожаных предметов в детинце есть только для одного небольшого раскопа: «В противоположном (южном. – А. К.) конце площадки детинца, где раскоп был очень небольшим, открыты остатки жилых наземных срубных построек с глинобитными печами и дощатыми полами, а также небольших хлевов. Рядовой инвентарь этих строений позволяет считать, что они принадлежали простолюдинам, возможно, княжеской челяди. В одном из таких домов его обитатели занимались сапожным делом» (Гуревич, 1980. С. 95).

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (№ FMZF-2022-0015).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии. E-mail: alkurba@rambler.ru.

Выводы, касающиеся кожевенного ремесла, сделаны на основании небольших раскопок в 1959 и 1962 гг. на площади 24 кв. м, в юго-восточной части детинца. Работами на этом участке руководила И. Д. Зильманович, она же готовила раздел о нем в отчете и писала статью. В монографии Ф. Д. Гуревич, изданной уже после ее смерти, данный раскоп на детинце получает номер 2, но никаких уточнений или более обширного комментария относительно построек и самого слоя не дается (Гуревич, 2003. С. 291, 292). В 1959 г. в юго-восточной части детинца были вскрыты только верхние слои, датируемые от современности до начала XIV в. В сезоне 1962 г. были открыты хорошо сохранившиеся деревянные сооружения домонгольского времени, залегавшие на глубине от 1,5 м и ниже. При этом, после разборки верхнего слоя сооружений по всей площади, в дальнейшем, в целях безопасности западная часть раскопа не исследовалась. В восточной части на глубине 2,2–2,3 м был изучен слой, насыщенный перегноем и щепой, в котором была раскрыта часть сруба хорошей сохранности (постройка № 4). Из описания: «В пределах этой постройки найдены деревянные поделки: лопата, обломок миски, крышка, несколько полуобгоревших лучин. В слое перегноя много лесных орехов, фрагментов кожаной обуви со следами швов и отверстий, ровно обрезанные лоскутья кожи, ремешки». Рядом с постройкой № 4 находился настил из плотно пригнанных широких досок – постройка № 4а. Вся поверхность настила была покрыта слоем навоза в 0,15–0,25 м, который затекал и под угол сруба (постройки № 4). «Огромное количество органических остатков позволяет предположить хозяйственное назначение постройки № 4а (хлев?). Здесь также много обрывков кожи, лесных орехов, рыбьей чешуи, костей, стеклянных браслетов» (Зильманович, 1965. С. 95). Ниже этих построек более раннего слоя с органикой не отмечено. «После снятия бревен и досок построек № 4 и 4а обнаружены деревянные нивелировочные прокладки, тонкий слой органических остатков и щепы, а затем слой становится более серым, золистым» (Зильманович, 1965. С. 97).

Кожаные предметы

Кожаные предметы из раскопок 1962 г. в детинце попали в поле зрения автора только в настоящее время. Архивное ознакомление с документацией раскопок 1962 г. и последующее изучение комплекса находок выявили существенные расхождения в паспортах находок³. Приведем интересующий нас

список находок по архивной описи «Опись находок детинца древнего Новогрудка (работы 1962 г.)» (Гуревич, 1962) (табл. 1).

В дневнике раскопок И. Д. Зильманович (1962) за 24 июля впервые отмечены куски кожи в слое навоза, в постройке 4а. Навоз имеет зеленовато-коричневый цвет и смешен со щепой. Под срубом 4а на глубину до 0,05–0,07 м шел слой содержащий навоз, «а затем слой сделался более плохим, серым. Видимо, здесь уже другой, более древний горизонт». По тексту понятно, что здесь описание относится к постройке № 5.

Таким образом, из описи видно только то, что выделено шесть номеров (может быть, пакетов) с кожей, а общее количество находок остается неясным. Текст не позволяет уточнить количество и положение вещей в слое. Сохранившаяся в ИИМК коллекция вещей находилась в пакетах, аннотация с которых и содержимое пакетов приведены в таблице 2. При этом следует добавить, что наличествующие на сегодня археологические находки относить к раскопкам 1962 г. следует с определенной долей условности.

Таким образом, на сегодня сохранились 306 кожаных предметов, в основном детали обуви, их обрезки и обрывки. Можно выделить группы: 177 обрезков от раскроя; 118 деталей верха обуви, среди которых большая часть найдена в виде небольших обрывков и обрезков; 57 обрезков и обрывков подошв, а также 23 относительно полные детали подошв; 17 обрезков «домашней» туфли; прокладка в шов такой обуви; обрезок поршня; подметка и четыре обрезка голенищ. Кроме обуви, три детали сумок (?) – клапаны, шайба, пять заплат, обойма (?) и узел. Остались неопределимы 29 предметов. Кроме того, в опись включены скопление козьей шерсти и две единицы крученых нитей.

Сырье

Визуальное определение породы животных для археологических находок основано на индивидуальных признаках гистологии кожи разных пород млекопитающих, выраженных на мере (Курбатов, 2004. С. 36). В коллекции 1962 г. определимость видовой принадлежности сырья составляет менее 50 %. Можно выделить кожу из шкур крупного и мелкого рогатого скота. Толщина большинства предметов не превышает 1,5 мм, при этом большинство предметов имеют частичное расслоение материала. Одной из причин этого можно предполагать неглубокий продуб кожи.

Обрезки. Среди 177 обрезков от раскроя, из которых выделены 27 обрезков с края шкуры,

³ На чертежах раскопа квадраты маркированы литерами Л, М, Н и цифрами 4, 5.

Таблица 1. Фрагменты Описи находок 1962 г. из детинца Новогрудка

№	Дата	Наименование предметов	Кол-во	Квадрат	Глубина (в м)
64	23/VII	Кусочки кожи		М-5	2,20
71	24/ VII	Куски кожи		Н-4	Постр. 4а и 4, 2,20–2,40
82	26/ VII				Постр. 4, 2,40
101	30/ VII	Кожа	1	НМ-4-5	3,00
108	2/ VIII	Кусок кожи		Н-5	3,00
722		Куски кожи (в Минском музее)		НМ-4, НМ-5	3,00

Таблица 2. Описание находок из раскопа 1962 г. (?) в детинце Новогрудка

№ п/п	№ п/ оп.	Наименование и количество	Локализация	Примечание
1	б/н - 1	Обрезок раскроя – 1, обрывок крученой нити – 1, детали верха обуви – 3, клапан сумки (?) – 3, обрезок подошвы – 3, шайба – 1	кв. ГДЕ-6-7, гл. 4,2–4,7 м	30/VII. Всего 12 ед.
2	б/н - 2	Подошва – 1, детали верха обуви – 4, обрезок от раскроя – 1 (с края шкуры)	ГДЕ-6-7, 4,40–4,70 м	31/VII. Всего 6 ед.
3	33(2)	Подошва – 12, детали верха обуви – 4, заплатка – 2, неопред. изделие – 2, обрезки «домашней туфли» – 5, фрагменты расслоившихся подошв – 5		Всего 30 ед.
4	34	Мелкие фрагменты подошвы – 2, подошвы – 7, заплатка – 2, подметка – 1, детали верха обуви – 6, голенище – 1		Всего 19 ед.
5	35	Обрезки от раскроя – 41 (в т. ч. с края шкуры – 12), обрезки изделий 15 (в т. ч. с зашитым разрезом – 1), верха обуви – 6, «комнатной туфли» – 8, подошв – 14		Всего 84 ед.
6	49	Обрезки «комнатной туфли» – 3, мелкие фрагменты верха обуви – 3, подошвы – 11, деталь верха туфли – 1, обрезок с края шкуры – 1		Всего 19 ед.
7	50(2)	Мелкие обрезки и обрывки подошв – 9, обрезок «комнатной туфли» – 1, прокладка в шов «комнатной туфли» – 1, обрезки от раскроя – 74 (в т. ч. 5 – с края шкуры), обрезок изделия – 1 (зашитый разрез), тонкие обрезки швов – 2, верх туфли – 1		Всего 89 ед.

№ п/п	№ п/оп.	Наименование и количество	Локализация	Примечание
8	53	Обрезки верха туфель – 5, фрагменты подошв – 7		Всего 12 ед.
8	56	Детали верха обуви – 2		Всего 2 ед.
9	124	Козья шерсть, скопление		22/VII. Всего 1 ед.
10	164	Обрывки подошв – 1, фрагмент верха обуви – 1, неопред. деталь – 1 (рукавица?)	кв. ЕЖЗ-5-7, гл. 5,10–5,40 м	27/VII. Всего 3 ед.
11	173	Фрагменты подошв – 4, обрезки от раскроя – 4 (3 – с края шкуры), мелкие обрывки верха обуви – 2, детали верха мягкой обуви – 15, узел – 1, голенище – 3, неопред. изделие – 3	ЕЖ-5-7, гл. 5,70–5,90 м	26/VII. Всего 32 ед.
12	304	Веревка шерстяная витая (из 8 нитей) – 1, обрезки от раскроя – 3, детали верха обуви – 5, заплатка вшивная – 1, поршень – 1		Всего кожи – 10 ед.
13	357(1)	Детали верха обуви – 26, подошва – 2, неопред. изд. – 5, тонкий обрезок со швом – 1, обрезки от раскроя – 8 (1 – с края шкуры)		Всего 42 ед.
14	358	Обрезок с края шкуры – 1, фр-ты подошв – 3, детали и мелкие фрагменты верха обуви – 12	кв. В-Г-Д/4-5	Всего 16 ед.
15	369	Фрагменты подошв – 4, обрезки верха туфель – 4, фрагменты верха обуви (?) – 3		Всего 11 ед.
16	402	Мелкие фрагменты подошв – 3, подошва – 1, мелкий обрезок верха обуви – 1, детали верха обуви – 17 (в т. ч. 3 задника), обойма (?) – 1, неопред. изделие – 2, обрезок с края шкуры – 2		Всего 27 ед.
17	430	Детали верха обуви – 9		Всего 9 ед.
18	431	Обрезки от раскроя – 40, обрывки подошв – 3		Всего 43 ед.

с характерными для них неровностью края и его утолщением. По размерам длинных обрезков можно предполагать, что это были шкуры небольшого размера, т. е. принадлежали молодым особям с тонкой шкурой (рис. 1: 19; 2: 1, 11). Вдоль края таких обрезков сохранились сквозные овальные отверстия, расположенные через 2–3 см друг от друга. Они отражают прием выделки, когда шкура растягивалась на твердой поверхности, вероятно на досках, и фиксировалась деревянными шпеньками. Обрезки от раскроя представлены в основном узкими полосками кожи, оставшимися после вырезания деталей. Можно выделить

и небольшие треугольные обрезки, оставшиеся после кроя деталей верха мягких туфель.

Обувь. Подошвы. Большинство их имеет выворотный или тачной шов по всему краю (рис. 1: 1; 2: 3–10, 12–13, 15–16, 18; 3: 1, 3–5, 9–12, 14; 4: 1–6; 5: 1, 7; 6: 1), а края подошв завернуты вверх и соединялись с верхом одной из моделей мягкой низкой туфли. Все подошвы туфель однослойные, толщиной 1,5–2,0 мм и различаются по жесткости. По форме выделены три вида подошв: с округлым носком и пяткой (рис. 4: 1, 3, 4); с заостренным носком и округлой пяткой (рис. 1: 1; 3: 1, 4, 10,

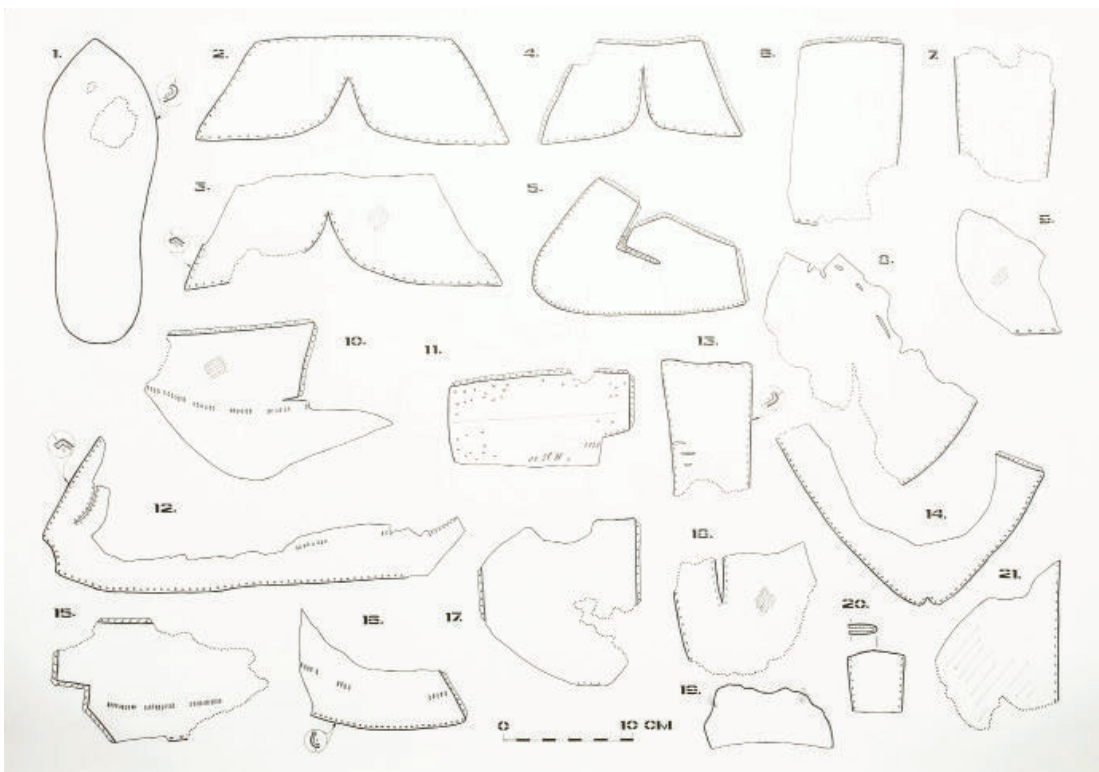

Рис. 1. Новогрудок, 1962. Таблицы вещей. Пакет № б/н: 1 – подошва; 2–4 – задники мягких сапог; 5, 9–18 – детали верха туфель; 6 – деталь голенища; 7, 21 – детали неопределенных изделий; 19 – обрезок от раскроя с края шкуры; 20 – чехол для ножа

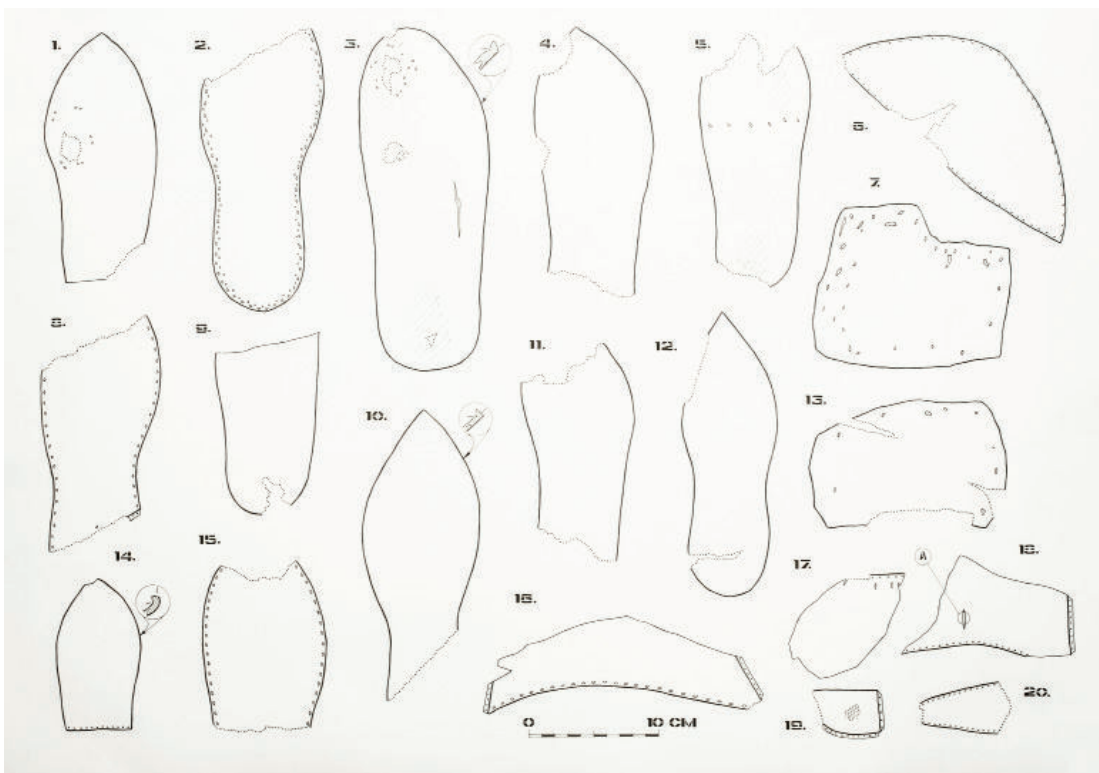

Рис. 2. Новогрудок, 1962. Таблицы вещей: 1–3, 7, 17 – пакет № 357(1); 4–6, 8–18 – пакет № 49; 1, 11 – обрезки от раскроя с края шкуры; 2, 14, 17 – детали верха туфель; 3–13, 15, 16, 18 – подошвы

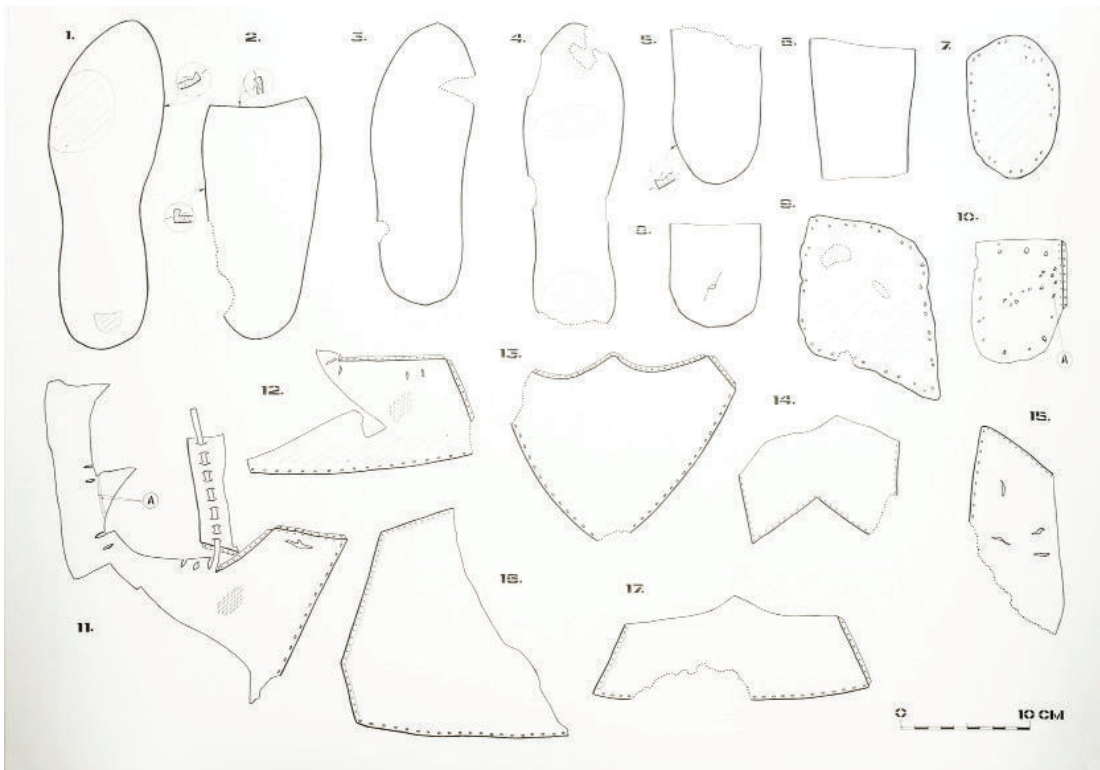

Рис. 3. Новогрудок, 1962. Таблицы вещей. Пакет № 33(2): 1-5, 9-12, 14, 15 – подошвы; 6, 20 – детали неопределенных изделий; 7, 13 – заплаты накладные; 16-19 – детали верха туфель; 8 – внутренняя подошва сапога; 18-А – шов на внутренней стороне детали

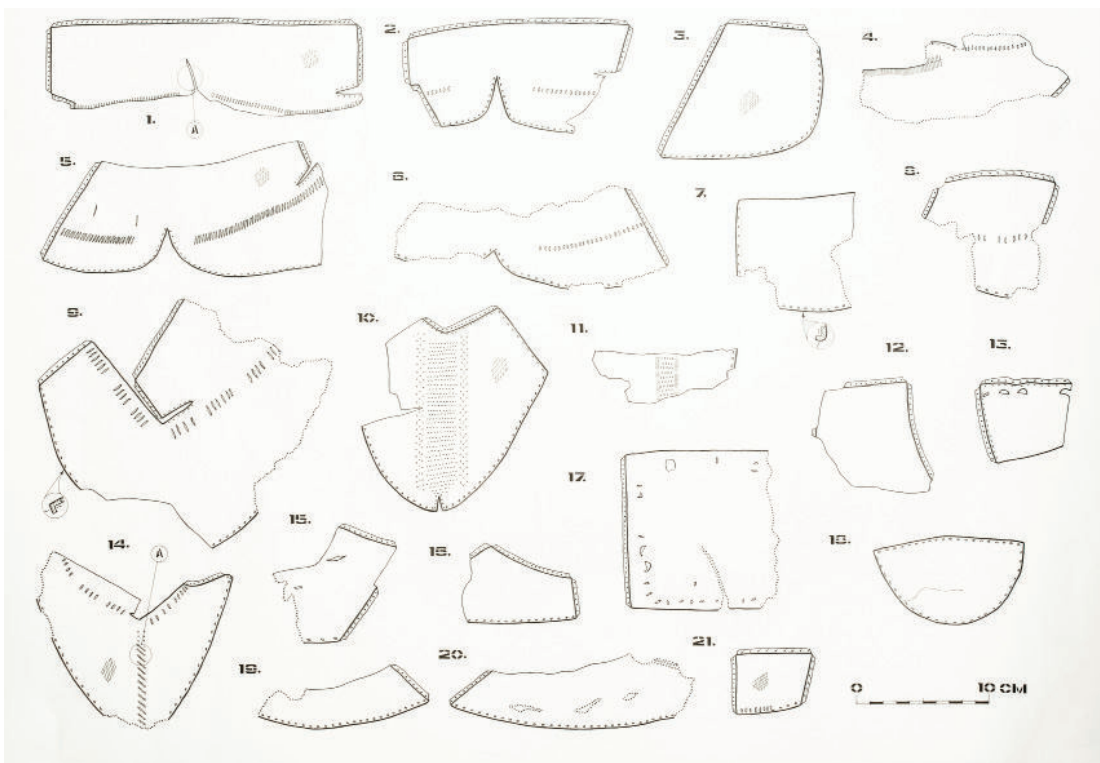

Рис. 4. Новогрудок, 1962. Таблицы вещей. Пакет № 34: 1-6, 8 – подошвы; 7 – подметка; 9, 10 – заплаты; 11-17 – детали верха обуви; 10-А – деревянные шпеньки; 11-А – неглубокие надрезы по мере

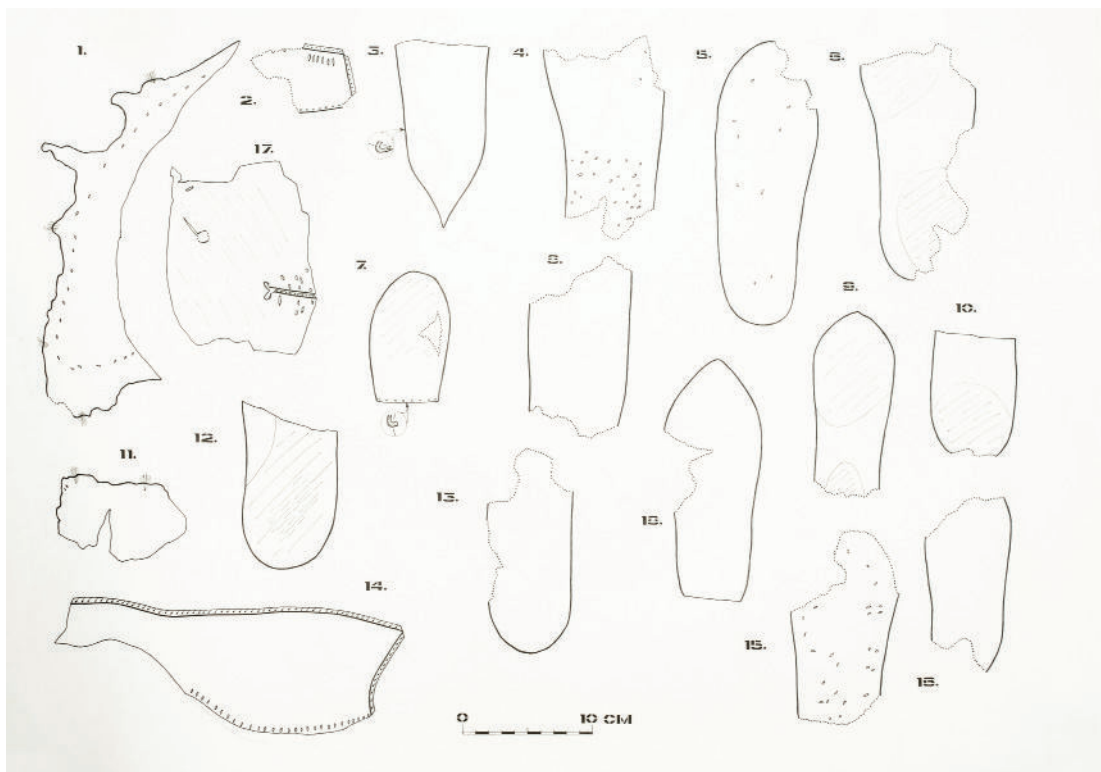

Рис. 5. Новогрудок, 1962. Таблицы вещей: 1-12 – пакет б/н; кв. Г, Д, Е – 6, 7; 13, 15 – пакет № 164; 14 – пакет № 53; 16-19 – пакет № 50(2); 20-21 – пакет № 56; 1, 7, 17 – подошвы; 2-5, 8, 13, 14, 18-21 – детали верха туфель; 6 – обрезок от раскроя; 9-11, 16 – детали неопределенных изделий; 15 – деталь рукавицы; 19 – заплата нашивная

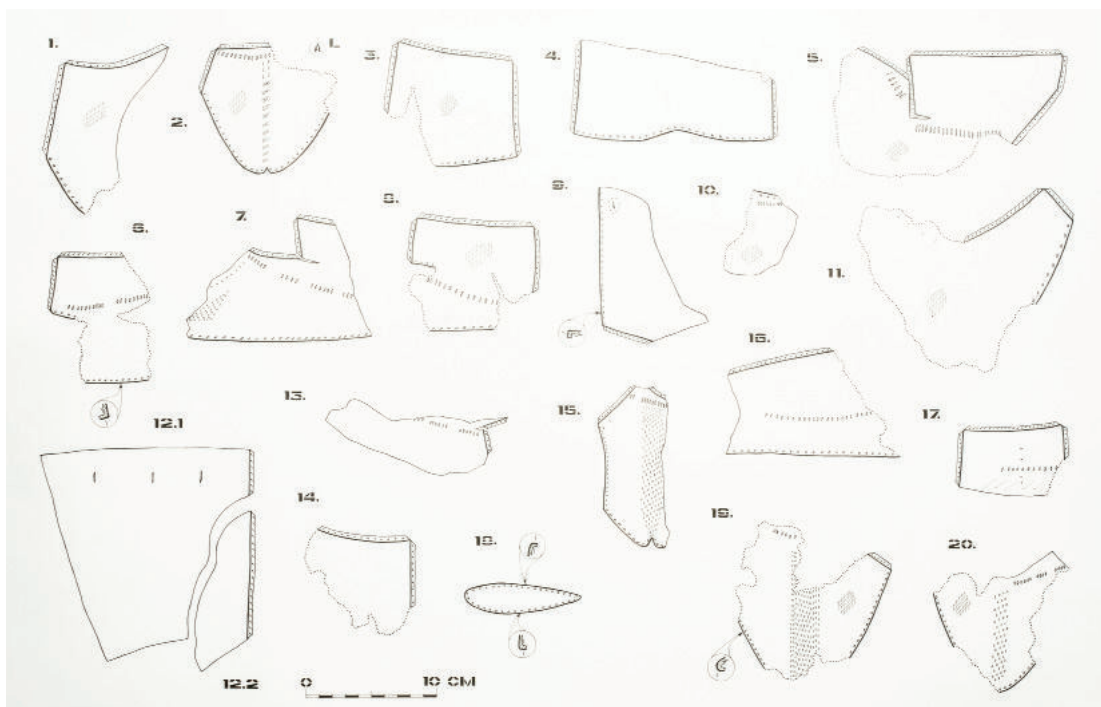

Рис. 6. Новогрудок, 1962. Таблицы вещей. Пакет № 173: 1, 7 – подошвы; 2, 4, 21 – детали неопределенных изделий; 3-6, 8-16 – детали верха туфель; 17, 20 – детали голенищ; 18 – завязки с узлом; 19 – прокладка; 3-А – нарост «близна»; 21-А – край обрезан тупым инструментом

12, 14); с заостренной и вытянутой пяткой (рис. 2: 3; 5: 7; 6: 1). На четырех подошвах встречен шов со сквозными вертикальными отверстиями. Он соответствует варианту «мягкого» сапога, где в конструкции нет дополнительных внутренних деталей (рис. 3: 2, 8, 15; 6: 7). Последний имеет грубо вырезанные края, что предполагает работу непрофессионального сапожника.

Детали верха обуви. Определены семь задников сапог мягкой конструкции (рис. 1: 2–4; 3: 16, 18; 4: 17). Все они трапецевидной формы, относительно широкие и низкие, с наклонными боковыми обрезками, с горизонтальным или оттянутым углом верхним краем. На нижнем крае четырех деталей имелся узкий вырез, служивший для вшивания заостренной пятки подошвы (рис. 1: 2–4). К этой форме обуви относятся единственная головка (рис. 4: 13) и четыре обрезка голенищ (рис. 4: 14; 7: 4, 12). Большинство деталей – это целые или фрагментированные элементы верха мягких туфель. Почти все находки – это варианты асимметричного кроя, где головка и боковина составляли одну деталь. Единственное исключение – это деталь с короткой боковиной (рис. 1: 5), хотя здесь можно предполагать подшивание части боковины.

Только для верха туфель характерно особое декоративное оформление. На 12 деталях встречены три варианта декора: расшивка нитью из волокон растений или животных (рис. 5: 18, 20, 21; 7: 7, 15, 19, 20; 8: 10); продержка тонких кожаных ремешков через ряды узких прорезов (рис. 8: 4); продержка бронзовой вальцованной проволоки через парные прорезы (рис. 7: 2; 8: 14). В отдельных случаях варианты декора сочетаются (рис. 8: 11). Иногда на коже сохраняются шерстяные нити расшивки (рис. 9) и бронзовой вальцованной проволоки (рис. 10). Толщина и плотность крутки и цвет шерстяных нитей соответствуют найденной нити (табл. 2, № 1 п/п), а также сохранившемуся вместе с кожей мотку нитей (пакет № 361). Определенную декоративность туфлям придавало тиснение самой кожи и различное положение прорезей для обор, которые имели разную ширину и плотность на поверхности деталей, а также кучность – по 4–6 прорезей (рис. 6: 5, 11, 16).

Особая форма обуви в коллекции – это «домашние» туфли, представленные 17 обрезками подошвенной зоны обуви, вырезанной после износа, и одной узкой прокладкой в шов. На них виден характерный выворотный шов, проходивший по

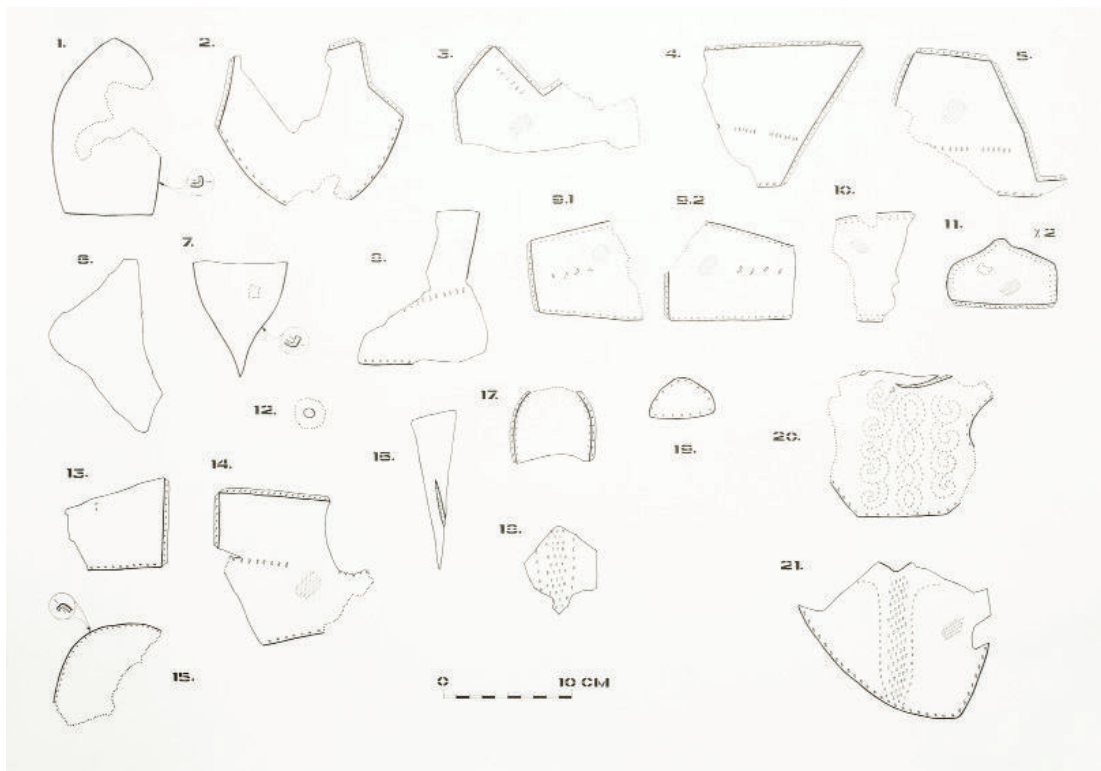

Рис. 7. Новогрудок, 1962. Таблицы вещей. Разные номера пакетов: 1–4, 6–9 – пакет № 358; 5, 10, 11, 15–17, 19, 20 – пакет № 430; 12–14, 18 – пакет № 304; 1–3, 5–11, 13–17, 19–20 – детали верха мягких туфель; 4, 12 – фрагменты голенищ; 18 – вшивная заплатка; 2-A – бронзовая вальцованная проволока

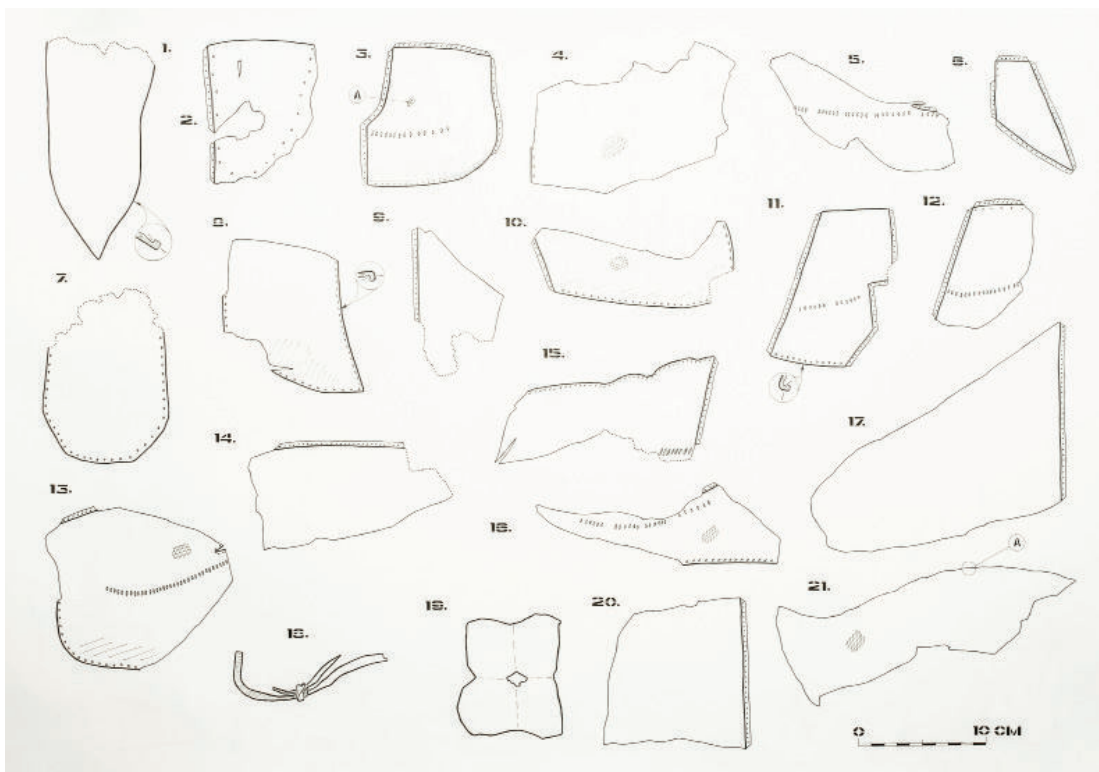

Рис. 8. Новогрудок, 1962. Таблицы вещей. Пакет № 357(1): 1–16, 19–21 – детали верха туфель; 17–18 – неопределенные детали; 1-А – обметочный шов изнутри; 14-А – бронзовая вальцованная проволока

Рис. 9. Новогрудок, 1962. Головка туфли с остатками шерстяной нити от расшивки

Рис. 10. Новогрудок, 1962. Головка туфли с декором бронзовой вальцованной проволокой

длинной оси на «подшве» (рис. 11). К деталям обуви также относятся подметка и, скорее всего, три заплаты – одна вшивная и две накладных.

Другие изделия. Можно выделить три детали клапана сумки, шайбу, две заплаты, вероятно, для ладоней рукавиц, известные по источникам XVI–XVII вв. как надолонки (Словарь, 1983. С. 75), и узел. К предметам, связанным с обувью, следует относить войлочную стельку (рис. 12). Длина ее 20,5 см, максимальная ширина 7 см, а толщина 0,5 см. Войлок плотный, хорошей степени уваленности, темно-коричневого цвета. Волос очень тонкий, если судить по внешнему виду. Условия обнаружения предмета вызывают некоторые сомнения. На пакете с находкой указаны квадраты «Д-Е-6-7, глубина 4,4–4,6, дата 25/VII», а также номер «129». С некоторой долей вероятности мож-

Рис. 11. Новогрудок, 1962. Обрезки подошвенной зоны «домашней туфли»

Рис. 12. Новогрудок 1962. Войлочная стелька

но предположить, что войлочная стелька из тех же слоев, в которых найдены кожаные предметы в 1962 г., указанные в статье И.Д. Зильманович (1965. С. 95).

Выводы. В коллекции присутствуют изделия и обрезки, которые визуальнo отличаются по фактуре, толщине и эластичности. Кожа первой группы более толстая и эластичная, утолщение ее, видимо, является результатом особых технологических приемов выделки. Эта кожа менее подвержена расслоению в масштабах коллекции. Она имеет светло-коричневый цвет на лицевой (мерейной) и внутренней стороне. Надо считать, что такая кожа перед дублением выдерживалась в кислых настоях, которые придавали ей большее разбухание, возможно в шакше – водном настое эксcrementов собак. Такого рода технологические приемы были характерны для западноевропейских стран, где собачьи эксcrementы широко использовались при выделке кож. Примерами могут служить знакомые автору коллекции из Щецина и Турку. Характерным образцом такого рода можно назвать деталь неопределенного изделия, по форме представляющую сегмент круга. Сырьем для нее была тонкая кожа мелкого рогатого скота, эластичная, имевшая коричневый цвет с легким зеленоватым отливом. Возможно, здесь мы имеем дело с кожей, выдержанной в настое шакшы. Меря этой кожи была тщательно залощена на заключительной стадии выделки. Такое сочетание признаков характерно для западноевропейской выделки кож (рис. 13).

Кожа второй группы представляется более плотной, иногда жесткой, но в то же время более подверженной расслоению (рис. 14). Ее меря имеет черный цвет на хорошо сохранившихся участках,

Рис. 13. Новогрудок, 1962. Деталь неопределенного изделия с лощеной поверхностью

Рис. 14. Новогрудок, 1962. Обрезок верха туфли.
Кожа с тиснением по мере

Рис. 15. Новогрудок, 1962. Фрагмент детали
из сыромятной кожи

не истертых, а внутренняя сторона (бахтарма) – имеет темно-коричневый цвет. Такое различие в цвете двух сторон кожи, наиболее вероятно, стало результатом выдерживания дубленых кож в настоях железных опилок и лома, что, по мнению специалистов, улучшает их прочность. При этом кожи выдерживались парами, мерейной стороной наружу, отчего соли железа наиболее сильно воздействовали на нее, но также проникали и глубже, окрашивая всю кожу в темно-коричневый цвет. Вся кожа второй группы определенно была дубленой растительными дубильными веществами, и ее дубление сопоставимо с выделкой материала в других древнерусских городах в XII–XIII вв.

Еще один предмет визуально выделяется в коллекции – это обрывок детали неопределенного назначения с частично сохранившимся швом. На частично сохранившейся мерее кожа темно-коричневая (рис. 1: 8; 15). Главная особенность детали – необычная рыхлость кожи. На оборванных краях детали отчетливо видны многочисленные тонкие волокна – коллагены кожи. Они слабо скреплены друг с другом и в местах обрывов рассыпаются. Такое состояние возможно только при сыромятной выделке, а коричневый цвет является следствием окисления кожи на воздухе или воздействием солей азотной кислоты в культурном слое. Последнее могло быть следствием большого содержания в слое мочи животных или человека. На нескольких деталях хорошо видно растрескивание мереи, которое могло появиться при нахождении кожи вблизи горячих предметов или огня (рис. 16).

Коллекция 1962 г. включает относительно большое количество обрезков от раскроя, а также обрезков

Рис. 16. Новогрудок, 1962. Кожаная деталь, следы
воздействия огня на поверхности кожи

с края шкуры, что может свидетельствовать о ремонте и пошиве кожаных изделий непосредственно на территории детинца. В составе обрезков много предметов треугольной формы, указывающих на раскрой деталей верха туфель. Однако сравнение новгородских находок с материалами других городов лесной зоны Древней Руси позволяет считать, что значительная часть обуви была пошита в других городах Руси. В Полоцке могли быть пошиты некоторые туфли с расшивкой и продержкой из кожаных ремешков, другие же расшитые туфли могли быть изготовлены в Берестье, Новгороде или Пскове, где такие варианты расшивки были очень популярны (рис. 5: 20, 21). Основным же занятием новгородского кожевника, видимо, были ремонт и перешив обуви, а также других кожаных изделий. Тем не менее незначительный объем археологического материала оставляет высказанные наблюдения предположительными.

Раскопки 1985 г. в детинце имели целью исследовать до материка площадь раскопа, заложенного ранее. При общем анализе работ отмечено: «Выяснено, что культурный слой XIII в., показавшийся в конце исследований прошлого сезона, имеет толщину более 1,5 м, а общая мощность культурного слоя на раскопе превышает 5,5 м. В отличие от ранее исследованной территории детинца в данном раскопе хорошо сохранилось дерево. Открыты остатки разновременных наземных срубных построек. На глубине 3,5 м лежал дощатый настил, протяженностью с северо-запада на юго-восток более 5 м, уходивший в восточную стенку раскопа. Настил подстилал горелый слой. Остатки сруба, тянувшегося на 6 м и уходившего в стенку раскопа, были встречены на глубине 3,7–4,0 м. Повидимому, к этой постройке относились два столба, укрепленные камнями. Один из них имел сверху выемку, в которую, вероятно, вкладывалась жердь. В предматериковом слое открыты остатки хорошо сохранившегося плетня, к которому примыкал угол рубленой «в обло» постройки. Материалы по-

зволяют заключить, что территория детинца была заселена в конце XII – начале XIII в. (Гуревич, 1987. С. 447).

Кожаные предметы не получили анализа в статьях Ф. Д. Гуревич, но скупые строки их общей оценки изложены в обобщающей работе по Новогрудку, изданной после смерти автора: «У паўдневай і паўднева-усходняй частцы дзяцінца знаходзілася даволі шмат абрыўкаў скуры і скураных вырабаў. Ад абутку захаваліся рэшткі галовак, задніка, абшыўкі краю і пракладкі падэшваў. З ліку іншых скураных вырабаў сустрэліся частка рукавіцы і нарыхтоўка для заплатакі. Е.І. Ояцева, якая вызначала знаходкі, бывчыць у іх рэшткі ўжываных рэчаў, якія не сведчаць аб тым, што яны былі зроблены на месцы знаходкі. Аднак, наўрад ці можна сумнявацца, што скураныя вырабы былі зроблены ў самым горадзе» (Гурэвіч, 2003. С. 162, 163).

Сохранилось 46 кожаных предметов из раскопа 1985 г. (табл. 3). При камеральной обработке

Таблица 3. Кожаные предметы из раскопок детинца Новогрудка. Полевая опись 1985 г. с атрибуцией автора (есть несоответствие номеров по описи и по шифрам)

№ п/п	Шифр НВ-85 №	Наименование предметов	Место находки
1064	1124	Фрагмент верха туфли, две заплаты (?), соединительный ремень, обшивка края, фр. неопределимой детали, обрывок кожи	Кв. Ц, Ч 30-31
1093	1161	Фрагмент детали верха обуви (?) со швами	Кв. Ц-31, под песком, расчистка камней
1094	1162	Обрезок от раскроя, обрезок подошвы	Кв. Ч, Ц-30, расчистка щепы
1095	1163	Три обрезка от раскроя (один с края шкуры), фр. детали верха обуви	Кв. Ч, Ц 30-31, расчистка слоя под плетнем
1096	1164	Основная деталь рукавицы	Кв. Ц-30, под слоем песка
1097	1165	Деталь для большого пальца рукавицы, фр. подошвы, два обрезка от раскроя	Кв. Ц-30, под слоем песка
1098	1166	Фрагмент изделия из кожи	Кв. Ц-30, под слоем песка
1099	1167	Фрагмент изделия из кожи	Кв. Ц-30, под слоем песка

№ п/п	Шифр НВ-85 №	Наименование предметов	Место находки
1100	1168	Три фрагмента головки туфли	Кв. Ц, Ч 30-31, расчистка слоя под плетнем
1101	1169	Дополнительная деталь верха туфли	Кв. Ц, Ч 30-31, расчистка слоя под плетнем
1102	1170	Фрагмент детали верха обуви (?)	Кв. Ц, Ч 30-31, расчистка слоя под плетнем
1103	1171	Передняя деталь «рабочей» туфли, обрезок головки туфли	Кв. Ц, Ч 30-31, расчистка слоя под плетнем
1104	1172	Передняя деталь «рабочей туфли»	Кв. Ц, Ч 30-31, расчистка слоя под плетнем
1105	1173	Фрагмент носка верха туфли	Кв. Ч, Ш-30
1106	1174	Фрагмент подошвы	Кв. Ч, Ш-30
1107	1175	Фрагмент подошвы	Кв. Ч, Ш-30
1108	1176	Фрагмент неопределимой детали	Кв. Ч, Ш-30
1109	1177	Деталь подошвенной зоны «рабочей» туфли	Кв. Ч, Ш-30
1110	1178	Обрезок чехла для ножа (?)	Кв. Ч, Ш-30
1111	1179	Обрывок крупной детали с потайным швом	Кв. Ч, Ш-30
1112	1180	Обрывок верха обуви (?)	Кв. Ч, Ш-30
1113	1181	Дополнительная деталь верха туфли, обрывок подошвы, три обрезка от раскроя	Кв. Ч, Ш-30
1114	1182	Деталь игрового мяча	Предматериковый слой
	1183	Обрывок детали мяча (?)	Предматериковый слой
1115	1184	Обрывок кожи	Предматериковый слой
1116	1185	Прокладка в шов, четыре обрезка неопределимых деталей со швами	Предматериковый слой
1117	1186	Чехол для ножа	Предматериковый слой

материалов 1985 г. находки были вымыты и законсервированы жировыми составами (глицерин?). Некоторые предметы имели видимое частичное расслоение, поэтому для лучшей сохранности они были наклеены на ткань. Почти все находки имеют обрывы краев, что затрудняет их атрибуцию. Коллекция включает 25 деталей обуви, семь обрезков от раскроя, обрезков с края шкуры, две детали рукавиц, три чехла для ножей, единичные – деталь игрового мяча, обшивку края и завязку, а также пять неопределимых обрывков. Все предметы найдены на пространстве в несколько квадратных метров, в смежных раскопках квадратах и связаны с разборкой определенных слоев и конструкций. Это расчистка слоя со щепой, лежавшего под слоем песка, включая расчистку плетня и под плетнем, а также развала камней.

Сырье. Определимость видовой принадлежности шкур новгородских находок около 50 %. Можно выделить кожу из шкур крупного и мелкого рогатого скота. Толщина большинства предметов не превышает 1,3 мм, а часть обрезков имеет толщину менее 1 мм. При этом большинство находок имеет частичное расслоение.

Описание находок. Основная часть находок принадлежит деталям обуви, в основном это фрагменты или дополнительные пришивные части верха. Типологически определима только одна деталь – целая передняя деталь т. н. «рабочей туфли» (рис. 17: 12), для которой характерен продольный шов на «зоны подошвы». По размеру деталь соответствует детской или подростковой обуви. Кроме того, две находки являются головками мягких туфель или сапог (рис. 17: 10, 15). Также выделяется фрагмент сильно профилированной подошвы (рис. 18: 1). Деталь каплевидной формы с истертой мереей служила врезной заплатой на подошвенную зону «рабочей туфли» (рис. 17: 2). Два фрагмента были элементами многослойной подошвы (рис. 18: 2, 5), а еще две детали следует считать фрагментами подметок (рис. 17: 7, 11). Несколько предметов – это фрагменты и обрезки деталей верха обуви (рис. 17: 3–6, 9, 14; 18: 4, 6, 17). Кроме обуви определяются две детали рукавиц (рис. 17: 1), три чехла для ножей (рис. 17: 16), деталь игрового мяча (рис. 17: 13).

Датировка и аналогии. Аналогии новгородским находкам следует искать в синхронных памятниках на территории Белоруссии и других областей средневековой Руси. Такими городами являются Полоцк, Берестье, Минск, Смоленск, Новгород, Витебск, где встречены комплексы кожаных предметов предмонгольского периода, обработанные

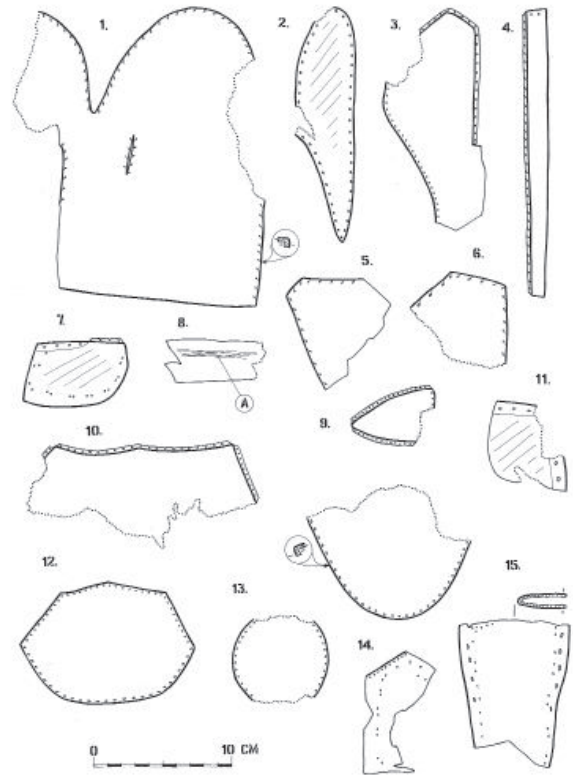

Рис. 17. Новгородок 1985. Таблицы вещей: 1 – деталь рукавицы; 2 – вшивная заплата для «рабочей туфли»; 3–6, 9, 14 – обрезки деталей верха обуви; 7, 11 – подметки; 8 – обрезок неопределенной детали; 8-A – порезы с бахтармы; 10, 15 – головки туфель или сапог; 12 – передняя деталь «рабочей туфли»; 13 – деталь игрового мяча; 16 – чехол для ножа

и введенные в научный оборот (Загорюльский, 1982. С. 266–269; Изюмова, 1959. С. 192–222; Курбатов, 1999. С. 100–117; Лысенко, 1985. С. 297–303; Полонская, 1991. С. 105–124; Штыхов, 1975. С. 72–80; Колединский, 2021). При незначительном числе хронологических маркеров среди найденных вещей более детального сравнения новгородской коллекции с материалами других городов сделать трудно. В целом производство и бытование кожаных предметов, найденных в детинце Новгорода, укладывается в хронологические рамки конца XII – начала XIII вв., предложенные Ф. Д. Гуревич для открытых ею комплексов. Фрагменты найденных изделий позволяют говорить об их профессиональном пошиве, а также о ремонте и перешивании кожаных изделий в самом Новгороде.

Новгородская коллекция в контексте изучения древнерусских городов. Сегодня принципиально важно дальнейшее расширение круга архео-

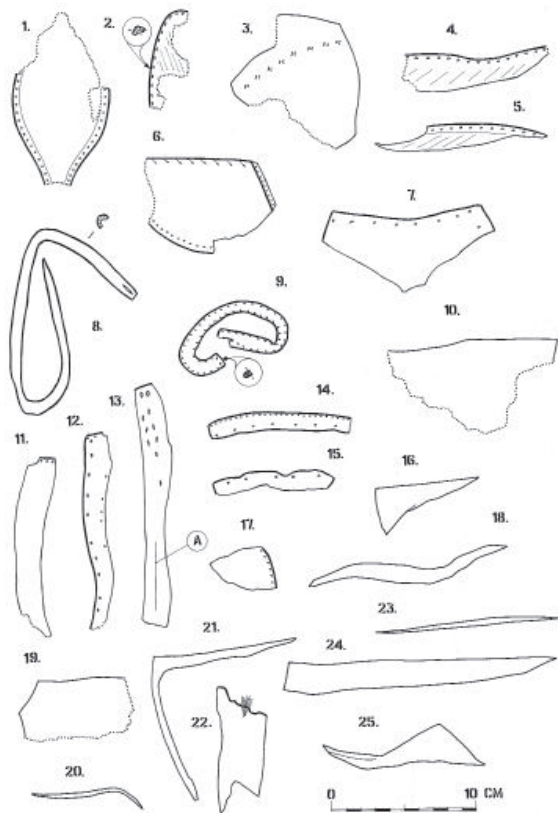

Рис. 18. Новогрудок 1985. Таблицы вещей: 1, 2, 5 – фрагменты подошв; 3, 4, 6, 17 – обрезки деталей верха обуви; 7, 10–15 – обрезки неопределенных изделий; 8 – затяжной ремень; 9 – обшивка края; 16, 18–25 – обрезки от раскроя

логических источников. Необходимо продолжать планомерное изучение, описание и публикацию материалов средневековых городов, в которых органические материалы сохраняются в относительно хороших условиях, представлены многочисленными комплексами и частично введены в научный оборот. Это позволит по-новому оценить весь комплекс археологических остатков древней жизнедеятельности. Расширение географии изучаемых материальных свидетельств кожевного ремесла включает и публикации небольших коллекций, к которым надо относить и материалы из Новогрудка. Интересным примером здесь надо назвать «классический город с сухим слоем – Владимир-на-Клязьме» (Курбатов, 2008).

Описание кожаных предметов во все большем числе городов средневековой Руси помогает выявлять региональные особенности средневекового кожевного ремесла. Этот аспект должен привлечь внимание специалистов, поскольку до сих пор

в научном анализе материалов разных памятников отражается представление о единстве материальной культуры и производства в средневековой Руси. Различия в материалах археологи видят только на уровне крупных регионов – Северная и Южная Русь. Для городов Северной Руси домонгольского времени Новгород служит «эталонном» в оценке технического оснащения и технологии ремесла, а также организации быта. Но это не исключает наличия региональных центров производства, где мастера накапливали собственный опыт, в том числе и копируя лучшие новгородские прототипы. Анализ средневекового кожевного ремесла сегодня позволил увидеть вероятные региональные формы и группы вещей, и манеры декора кожаных изделий (Курбатов, 2004. С. 45, 46). Сегодня изученность археологических источников позволяет использовать даже такую незначительную коллекцию как кожаные предметы из детинца Новогрудка для обсуждения широких вопросов изучения древнерусского общества и ремесла.

Источники и литература

Гуревич Ф.Д., 1962. Отчет о раскопках окольного города Новогрудка в 1962 г. // НА РО ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 162–165.

Гуревич Ф.Д., 1980. Детинец и окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956–1977 гг. // СА. № 4.

Гуревич Ф.Д., 1981. Древний Новогрудок (посад – окольный город). Л.

Гуревич Ф.Д., 1985. Отчет об исследованиях древнего Новогрудка в 1985 г. // НА РО ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 86–89.

Гуревич Ф.Д., 1987. Раскопки на территории детинца древнего Новогрудка // АО 1985.

Гуревич Ф.Д., 2003. Летаписны Новгородок (старажытнарускі Наваградак). СПб.-Наваградак.

Загорюльский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Минск.

Зильманович И.Д., 1962. Дневник о раскопках детинца // Ф.Д. Гуревич, 1962. Д. 133–135.

Зильманович И.Д., 1965. Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г. // КСИА. Вып. 104.

Изьумова С. А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. Вып. 65.

Колединский Л. В., 2021. Верхний замок Витебска (IX–XVIII вв.). Гродно.

Курбатов А. В., 1999. Наследие М. К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.

Курбатов А. В., 2004. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.

Курбатов А. В., 2008. Археологические данные о кожевенно-обувном ремесле в древнем Владимире // АВСЗ. Вып. 2.

Курбатов А. В., 2013. Кожаные предметы из Новогрудка (по раскопкам 1985 г.) // Записки ИИМК. № 8.

Лысенко П. Ф., 1985. Берестье. Минск.

Пескова А. А., 2012. К истории научных исследований Ф. Д. Гуревич // Записки ИИМК РАН. СПб. № 7.

Полонская М. Ю., 1991. Кожаная обувь древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово: К истории древнерусского города. М.

Ревуненкова Е. В., Ревуненкова Н. В., 2012. Фрида Давыдовна Гуревич // Записки ИИМК РАН. СПб. № 7.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1983. Вып. 10.

Штыхов Г. В., 1975. Древний Полоцк. IX–XIII вв. Минск.

Коллекция кожи из раскопок на ул. Лабутина, д. 5 в Санкт-Петербурге в 2022 г.¹

А. В. Курбатов²

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023-251-262

В феврале–марте 2022 г. сотрудники Отдела охранной археологии ИИМК РАН провели археологические разведки, предварявшие историко-культурную экспертизу земельного участка по адресу: г. Санкт-Петербург, ул. Лабутина, д. 5. Работы выполнены по Открытому листу № 3273-202, выданному на имя Полякова А. В. В ходе работ были заложены два шурфа размерами 2 × 4 м и шурф размерами 2 × 2 м. Общая площадь исследований составила 20 кв. м. В шурфах было собрано более 1100 археологических предметов (Поляков, 2022).

Участок исследований расположен в центральной части Адмиралтейского района, в границах муниципального образования «Муниципальный округ Коломна», в центральной части Покровского острова, в западной половине жилого квартала, ограниченного Садовой ул., Английским пр., ул. Лабутина и Лермонтовским пр. По историческим данным на 1730-е гг. эта территория значилась обжитой. Однако еще в XVII в. в ближайших окрестностях от участка исследований располагалась д. Калганица, или Калганица у Моря (Кепсу, 2000. С. 47, 48). До 1730-х гг. территория современного Покровского острова была покрыта болотистым лесом. Отдельные дома стояли только вдоль берега р. Фонтанки. Планомерное освоение данной территории началось после пожаров 1736–1737 гг., которые полностью уничтожили деревянные дома Морской слободы Адмиралтейского острова. «Комиссия о Санктпетербургском строении» решила возводить новые дома для рабочих и служащих Адмиралтейского ведомства на болотистых

землях между Фонтанкой и Мойкой. В частности, в район современной ул. Лабутина (бывш. Прядильная) была переведена Прядильная слобода, населенная работниками прядильного двора. Это подтверждают купчие договора второй половины XVIII в., в которых фигурируют владельцы участков – прядильщики (Бройтман, 2007. С. 87). Таким образом, в Петербурге появился новый район – Коломна. Г. Богданов в своем «Описании Санкт-Петербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 г.» описал этот район так: «Новая Коломна, слободы новопоселенные на Фонтанке Речке близ Калинскиной, в которых живут все Адмиралтейские мастерские люди, начала селиться с 1746 г. и в прочие годы» (Богданов, 1997. С. 187).

На участке исследований 2022 г. ранее, в 2012–2013 гг. археологические наблюдения проводили сотрудники Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева. Они открыли «мокрый» слой второй четверти XVIII в. на набережной р. Фонтанки, где он залегал на уровне 1,49–1,85 м БС. В слое найдено значительное количество обрывков кожаной обуви и серия индивидуальных предметов, в том числе фрагмент денги 1710-х гг. и 5 копеек 1727 г. (Федоров и др., 2014. С. 203, 204). Таким образом, собранные до начала работ 2022 г. археологические и исторические материалы позволяют уверенно предполагать существование на месте настоящих работ культурного слоя как минимум со второй четверти XVIII в.

В процессе вскрытия культурного слоя во всех трех шурфах в нижней части культурных отложений, слое темно-коричневой супеси со щепой было собрано большое количество кожаных предметов. Согласно полевой описи, прилагаемой к техническому отчету, в шурфах найдено 606 кожаных предметов: шурф 1 – 186 ед., шурф 2 – 304 ед., шурф 3 – 116 ед. Из них на постоянное хранение оставлены 105 предмета (табл. 1), среди которых основу составляют детали обуви и отдельные кожаные обрезки, а также связанные

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (№ FMZF-2022-0015).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии. E-mail: alkurba@rambler.ru.

Таблица 1. Коллекция кожаных предметов из раскопок 2022 г. на ул. Лабутина, д. 5

№ по описи	Наименование предмета	Общее кол-во	Примечание
Ш-149	Набор башмака: подошва внутренняя – 1, подошва внешняя – 1, деревянный каблук – 1, берцы – 2, уплотнительная вставка в берцы – 1, кожаная обтяжка каблука – 1, головка – 1, шелковая лента обшивки – 1	9	
Ш-150	Набор детского башмака: внутренняя и внешняя подошвы – 2, берцы – 2, уплотнительная вставка в берцы – 1, головка – 1	6	
Ш-151	Набор башмака: подошвы внешняя и внутренняя – 2, пяточный рант – 1, флики каблука – 2, головка – 1	6	
Ш-152	Набор детского башмака: подошва внешняя – 1, флики каблука – 4	5	На подошве тисненное клеймо – розетка
Ш-153	Подошва женского башмака – 1	1	Три тисненных клейма – розетки
Ш-154	Набор башмака: подошва внешняя – 1, берца – 1, головка – 1	3	
Ш-155	Завязки с узлом – 2	2	
Ш-161	Наборные каблуки – 3	3	Гвозди с широкими шляпками
Ш-164	Обрезок подошвы с тисненым клеймом	1	Клеймо – знак ножниц
Ш-165	Обрезок от раскроя	1	Тиснение «булгара»
Ш-166	Обрезок от раскроя	1	Тиснение «булгара»
Ш-167	Обрезок подошвы женского башмака с тисненым клеймом	1	Клеймо – две розетки
Ш-174	Набор детского башмака: подошвы внешняя и внутренняя – 2, головка – 1	3	
Ш-183	Стелька в башмак	1	
Ш-184	Головка башмака	1	
Ш-185	Обрезок голенища	1	Линование мерей
Ш-186	Обрезок от раскроя каблучных фликов	1	
Ш-187	Обрезок от раскроя головки	1	

№ по описи	Наименование предмета	Общее кол-во	Примечание
Ш-188	Обрезок подошвы с тисненым клеймом	1	Клеймо – две пятиконечные звезды
Ш-189	Детали рукавиц: основные – 2, для большого пальца – 1	3	
Ш-190	Берца башмака – 1, узкий ремешок – 1	2	
Ш-191	Набор женского башмака: деревянный каблук – 1, кожаная обтяжка каблука – 1	2	
Ш-192	Набор женского башмака: деревянный каблук – 1, кожаная обтяжка каблука – 1	2	
Ш-193	Набор женского башмака: деревянный каблук – 1, кожаная обтяжка каблука – 1	2	
Ш-194	Набор женского башмака: внутренняя подошва – 1, головка – 1, поднаряд – 1	3	
Ш-199	Набор женского башмака: головка – 1, внутренняя подошва – 1	2	
Ш-206	Подметка с тисненым клеймом	1	Клеймо – розетка
Ш-207	Подошва с тисненым клеймом – 1, каблук наборный – 1	2	Клеймо – розетка
Ш-215	Берца башмака	1	Тиснение «булгара»
Ш-216	Поднаряд башмака	1	
Ш-217	Головка башмака – 1, обшивка верхнего края – 1, плетеный шнурок – 1	3	
Ш-218	Поршень детский	1	
Ш-219	Поршень	1	
Ш-220	Обрезок голенища сапога	1	
Ш-221	Деталь голенища (?)	1	
Ш-222	Обшивка верха обуви	1	
Ш-225	Набор башмака: подошва внешняя – 1, стелька – 1, подпяточные подкладки – 2, каблук наборный (флики) – 2, берцы – 2, уплотнительная вставка – 1, головка – 1, детали поднаряда – 3, обшивка верха – 1	14	Для правой стопы
Ш-226	Набор башмака парного к № 225	14	Для левой стопы

с обувными конструкциями деревянные каблуки (4 ед.) и ткань (шелковая лента обшивки).

Состав предметов, взятых на хранение, почти полностью составляют наборы или отдельные детали обуви. Исключением служат три детали кожаной рукавицы и четыре обрезка от первичного и вторичного кроя. Среди деталей обуви присутствуют: подошва внутренняя (или стелька) (8 ед.), подошва внешняя (14 ед.), деревянный каблук (4 ед.), берцы (11 ед.), уплотнительная вставка в берцы (4 ед.), обтяжка деревянного каблука (4 ед.), головка (11 ед.), шелковая лента, фрагмент ранта, каблучные флики (10 ед.), наборные каблуки (4 ед.), завязки с узлами (2 ед.), обрезки от раскроя (4 ед.), обрезки голенищ (3 ед.), детали рукавиц (3 ед.), ремешок, поднаряд (8 ед.), подметка, обшивка верха обуви (4 ед.), плетеный шнурок-завязка, поршни (2 ед.), подпяточные подкладки (4 ед.).

Выделены несколько видов обуви. Среди них можно выделить мужские башмаки, которые включали одну-две подошвы и стельку, а из деталей верха головку (с поднарядом) и парные берцы, заменявшие задник в моделях русского кроя (рис. 1: 1.1–1.7). Передний верхний угол берцев сильно вытянут вперед и вверх, составляя единую деталь с ремешком, на который пришивалась бронзовая или железная пряжка (рис. 1: 1.5–1.6). При этом выступающий ремешок берцев иногда выкраивался отдельной деталью, что определялось экономией материала. Внутри берцев пришивалась кожаная уплотнительная прокладка, придававшая необходимую жесткость заднику (рис. 1: 1.7). Эта деталь соответствует так называемому карману задника в моделях русского кроя. Верхний край берцев, а также край на подъеме головки часто обшивался узкой кожаной лентой, сложенной вдвое, которая предотвращала деформацию, т. е. сминание

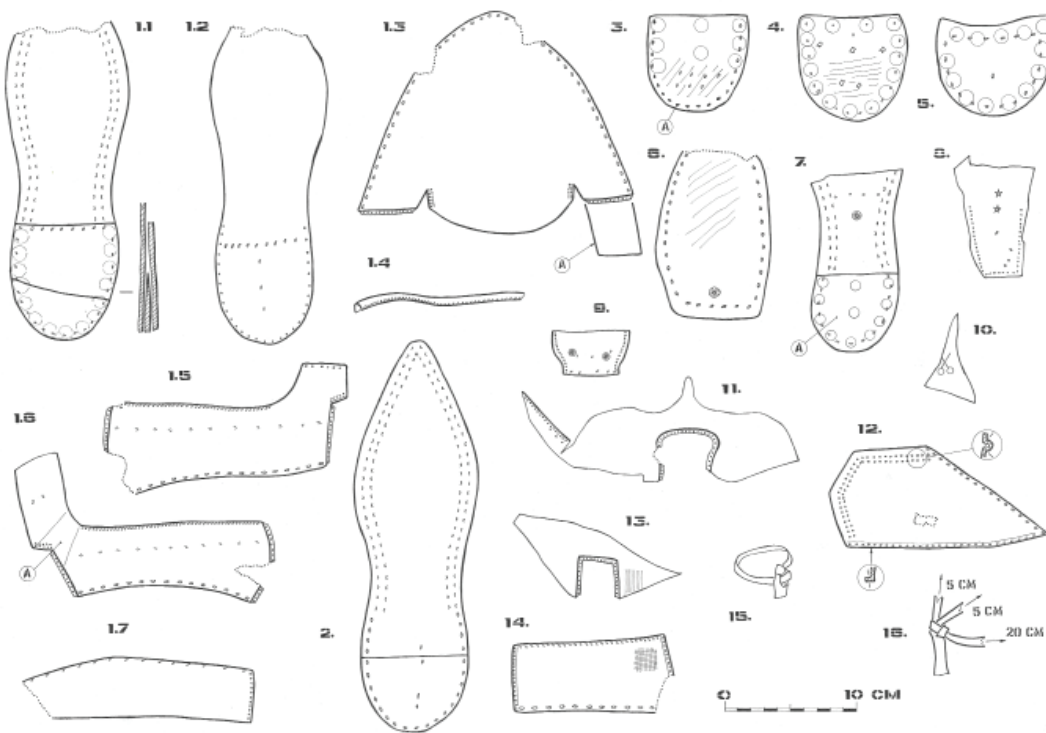

Рис. 1. Детали обуви: 1.1–1.7 – набор деталей мужского башмака № 225: 1.1 – внешняя подошва и две подпяточные подкладки; 1.2 – внутренняя подошва (стелька); 1.3 – головка; 1.3-A – поднаряд; 1.4 – кожаная обшивка по верху берцев; 1.5 – правая берца; 1.6 – левая берца; 1.6-A – уплотнительная прокладка; 1.7 – уплотнительная вставка в берцы; 2 – внешняя подошва парного башмака (к № 225) № 226; 3–5 – наборные каблуки воинских сапог № 161: 3-A – деревянные шпеньки; 6 – подметка, с клеймом, № 206; 7 – подошва, с клеймом № 207; 7-A – наборный каблук; 8 – обрезок подошвы женской туфли № 188; 9 – обрезок подошвы женской туфли, с клеймом № 167; 10 – обрезок подошвы, с клеймом № 164; 11 – обрезок голенища сапога № 220; 12 – деталь голенища (?) сапога № 221; 13 – обрезок голенища сапога № 185; 14 – деталь верха обуви № 215; 15–16 – узлы на кожаных ремешках № 155

края при частом одевании обуви (рис. 1: 1.4). В конструкции башмаков использовали очень низкий каблук высотой 0,5–0,7 см, а также внутренние подпяточные прокладки. Между слоями подошвы вшивался рант.

Женские туфли представлены отдельными подошвами относительно небольших размеров, соответствующим женским вариантам обуви, на которых сохраняются деревянные каблуки. В составе была внешняя и внутренняя подошва, которую можно назвать стелькой (рис. 2: 1.1–1.2). Верх женских туфель показывает вариант обуви без задника, называемой комнатными туфлями, которые в Западной Европе получили наименование «мюли» (рис. 2: 1.2, 9.1). Головка имела округлый носок и заостренные боковины или «крылья». Подъем на головке равномерно вогнутый. Как правило, в комплект с головкой входил и аналогичной

формы поднаряд. Эти детали сшивались тачным швом на подъеме.

Каблуки подобной формы и близких размеров также были найдены отдельно. Все они сохранились вместе с кожаной обшивкой (рис. 2: 3.1–3.2). Деревянные каблуки имеют широкое ложе, пришиваемое к подошве и сильно заужены книзу. Высота найденных каблуков 1,5–3,1 см, длина 7,0–9,5 см, а ширина 5,0–6,2 см. При этом, в иных случаях возможны и другие параметры, в зависимости от размера и фасона обуви. Среди опубликованных материалов Петербурга есть очень близкий по форме деревянный каблук, найденный при раскопках на стрелке Васильевского острова в 1957 г. (Грач, 1957. Табл. XXV, 3). Второй вариант женских туфель с каблуком имеет задник, который, подобно мужским башмакам, состоит из двух деталей – берцев (рис. 3: 1.1–1.7).

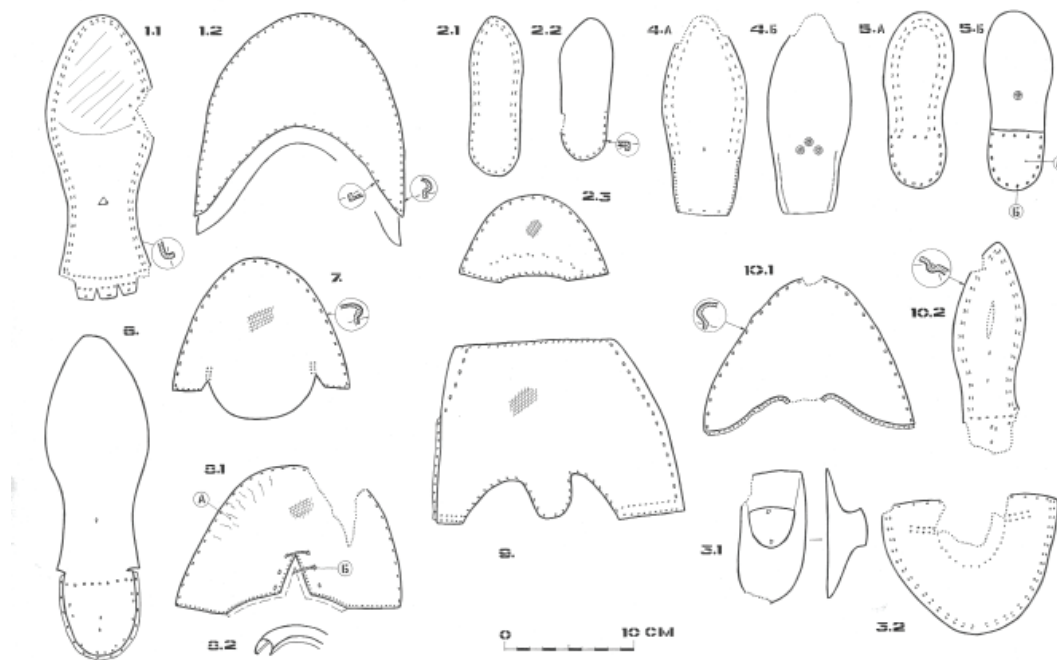

Рис. 2. Детали обуви: 1.1–1.2 – набор деталей женской туфли № 194: 1.1 – внешняя подошва; 1.2 – головка с поднарядом; 2.1–2.3 – набор деталей детского башмака № 174: 2.1 – внешняя подошва; 2.2 – внутренняя подошва (стелька); 2.3 – головка; 3.1–3.2 – набор каблука женской туфли № 191: 3.1 – деревянный каблук; 3.2 – кожаная обтяжка каблука; 4.A, 4.B – внешняя подошва женской туфли № 153: 4.A – внутренняя поверхность (бахтарма); 4.B – внешняя, нижняя сторона (мерея), клеймо; 5.A, 5.B – внешняя подошва детского башмака № 152: 5.A – внутренняя поверхность (бахтарма); 5.B – внешняя, нижняя сторона (мерея), клеймо; 5.Б-А – наборный каблук, четыре слоя кожи, высота 0,8 см; 5Б-Б – деревянные шпеньки; 6 – внутренняя подошва мужского (?) башмака № 183; 7 – головка башмака № 184; 8.1 – головка башмака; 8.2 – обшивка верха головки по всему краю, схема № 217; 8.2-А – растрескивание мереи по всему краю; 8.2-Б – плетеный кожаный шнурок; 9 – поднаряд к головке мужского сапога № 216; 10.1, 10.2 – набор деталей женской туфли № 199: 10.1 – головка; 10.2 – внутренняя подошва

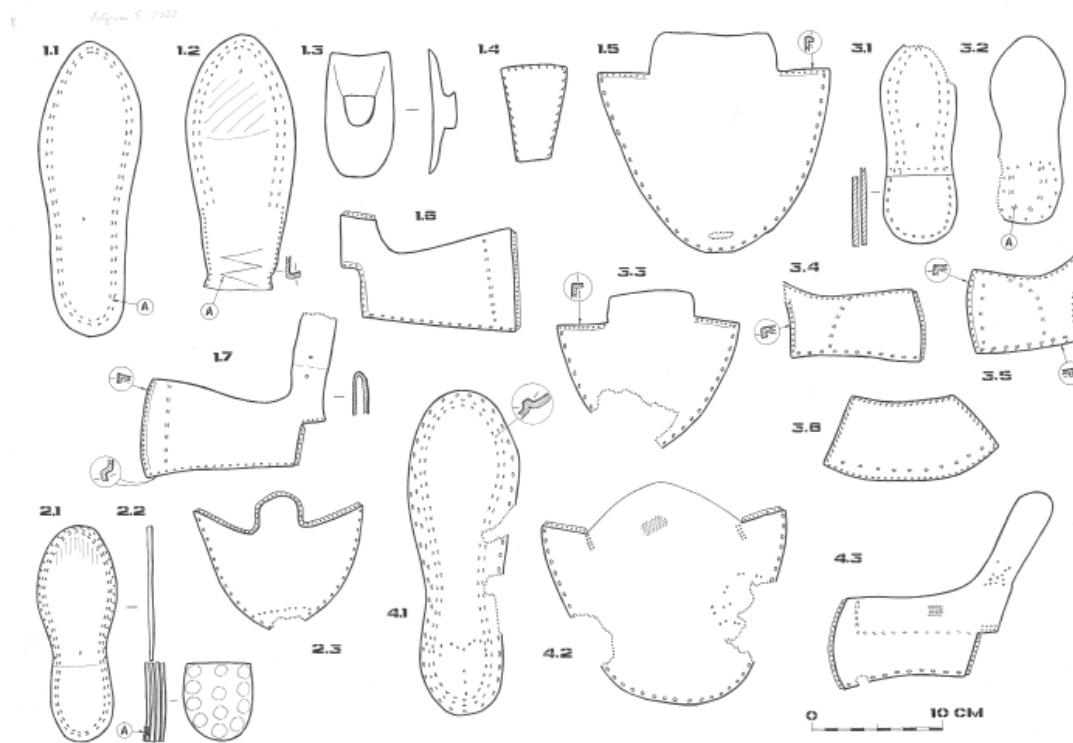

Рис. 3. Детали обуви: 1.1–1.7 – набор деталей женской туфли № 149: 1.1 – внутренняя подошва; 1.1-А – потайной шов с бахтармы, на нижней стороне; 1.2 – внешняя подошва; 1.2-А – следы нити; 1.3 – деревянный каблук; 1.4 – уплотнительная вставка в берцы; 1.5 – головка; 1.6 – левая берца; 1.7 – правая берца; 2.1–2.3 – набор деталей мужского сапога (?) № 151: 2.1 – внешняя подошва; 2.2 – вид сбоку, с наборным каблуком; 2.2-А – обрезок ранта; 2.3 – головка; 3.1–3.6 – набор деталей детского башмака № 150: 3.1 – внешняя подошва с одним фликом наборного каблука; 3.2 – внутренняя подошва (стелька); 3.3 – головка; 3.4 – левая берца; 3.5 – правая берца; 3.6 – уплотнительная вставка в берцы; 4.1–4.3 – набор деталей мужского башмака № 154: 4.1 – внутренняя подошва; 4.2 – головка; 4.3 – правая берца

Сапоги представлены только немногими отдельными деталями, это два обрезка голенищ с характерными вырезами (рис. 1: 11, 13), одной возможной пришитой деталью голенища (рис. 1: 12), одним поднарядом к головке (рис. 2: 9) и тремя наборными кожаными каблуками, полуовальной формы, высотой 1,3–2,0 см, не имевшие скоса книзу (рис. 1: 3–5). Каблуки составлялись из 5–10 фликов, кроимых из тонкой кожи и соединенных в «пакет» деревянными шпеньками и нитяной прошивкой. Каблуки предохраняли от истирания равномерно набитые по всему краю и середине поверхности железные гвозди с широкой шляпкой диаметром 10–12 мм.

Поршни – это простейшая обувь, кроившаяся полностью из одного куска кожи, который в прямом смысле «обертывался» вокруг стопы. Для фиксации обуви на стопе по длинным краям детали делали регулярные прорезы в 1,0–1,5 см, через которые пропускали кожаный ремень-обору, при ношении

стянутую до нужной степени. Передний и задний обрезы раскройки также стягивались нитями или узкими кожаными ремешками (рис. 4: 1–2). В отдельных случаях передний и задний обрезы оформлялись вырезами (рис. 4: 2).

Таким образом, детали обуви показывают сложившуюся в Санкт-Петербурге европейскую манеру раскроя и пошива разных форм обуви башмаков, женских туфель и сапог, а также сугубо российскую форму простейшей обуви – поршни. При этом можно отметить, что нельзя говорить о полном отражении в коллекции всего разнообразия конструкций этих видов обуви. Кроме того, конструкции обуви несколько различаются с однотипной обувью, встреченной при раскопках в других районах Санкт-Петербурга, в частности в Петропавловской крепости. В данном случае различия надо считать хронологическими, поскольку находки из крепости относятся к первому десятилетию XVIII в. (Курбатов, Кильдюшевский, 2011. С. 65, рис. 6, 7, 9).

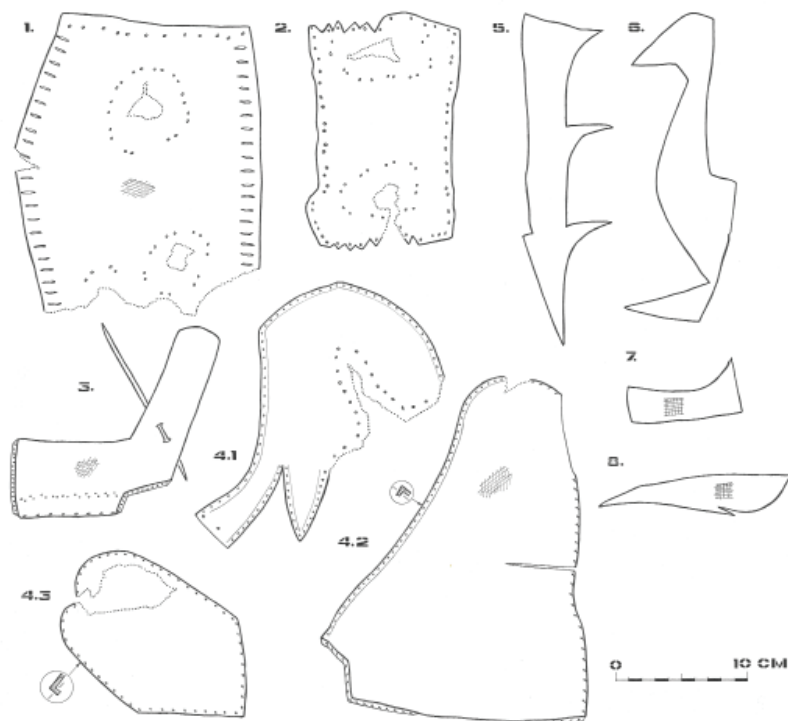

Рис. 4. Детали обуви: 1 – поршень на большую стопу № 219; 2 – поршень на малую стопу № 218; 3 – берца для мужского башмака № 190; 4.1–4.3 – набор деталей рукавицы № 189: 4.1, 4.2 – детали, закрывающие ладонь и запястье; 4.3 – деталь для большого пальца; 5 – обрезок от раскроя фликов набортного каблука № 186; 6 – обрезок от раскроя головки № 187; 7 – обрезок от раскроя с тиснением «булгара» № 165; 8 – обрезок от раскроя с тиснением «булгара» № 166

Другие элементы одежды представлены набором деталей рукавиц – две основные детали (ладонная и тыльная), закрывающие ладонь с пальцами и запястье (рис. 4: 4.1–4.2), а также отдельная деталь для покрытия большого пальца (рис. 4: 4.3).

Среди иных кожаных предметов выделяются два кожаных ремешка с узлами, назначение которых определить затруднительно (рис. 1: 15, 16), два обрезка от раскроя деталей обуви (рис. 4: 5, 6) и два обрезка от первичного раскроя кожи, имевшей характерное тиснение для сорта кожи «булгара» (рис. 4: 7, 8). Специальное исследование показало, что сорт кожи «булгара» с характерным линованием в виде мелкой сетки, образованной частыми продольными и поперечными линиями, был известен в русских городах с XII в. и в таком же виде сохранялся в XVIII в. (Курбатов, 2010а. С. 447).

Одним из наиболее интересных признаков в данной коллекции можно считать серию производственных клейм на подошвах обуви. Все клейма нанесены на нижней (плантарной) поверхности подошвы (на мерее), в средней части подошвы,

в области, которая находилась под сводом стопы человека. Этот участок менее всего подвержен истиранию при ношении обуви, и клейма почти всегда прекрасно сохраняются. Только в одном случае клеймо было оттиснуто не на самой подошве, а на подметке, пришитой к подошве изначально, т. е. при пошиве обуви (рис. 1: 6). Все клейма выполнены методом тиснения – т. е. горячее клеймо было оттиснуто на подошве. Набор видов клейм достаточно ограничен: на четырех деталях это единичные «розетки» диаметром 5–6 мм (рис. 1: 6, 7, 9; 2: 5.Б; 5), на одной подошве женской туфли оттиснуты три «розетки», расположенные треугольником (рис. 2: 4.Б; 6), на одной подошве женской туфли оттиск треугольника (рис. 2: 1.1; 7), на одном обрезке подошвы от женской туфли две «розетки», расположенные поперек длинной оси подошвы (рис. 1: 9; 8), на одном обрезке подошвы неопределенной обуви оттиск двух пятиконечных звезд, диаметром 3,5–4,0 мм, расположенных по продольной оси подошвы (рис. 1: 8; 9), и на одном обрезке подошвы неопределенного вида обуви оттиск схематического изображения ножниц (рис. 1: 10; 10).

Рис. 5. Подошва подросткового бабшака с клеймом – «розеткой», № 182

Рис. 6. Подошва женской туфли с клеймом – три «розетки», № 153

Рис. 7. Подошва женской туфли с клеймом – треугольник, № 194

Рис. 8. Обрезок подошвы женской туфли с клеймом – две «розетки», № 167

Рис. 9. Обрезок подошвы с клеймом – две пятиконечные звезды, № 188

Рис. 10. Обрезок подошвы с клеймом – ножницы, № 164

До настоящего времени типология и хронология клейм на обуви в русских городах остается разработанной очень поверхностно. Специалисты обратили свое внимание на этот признак обуви только в конце XX в. До недавнего времени в отечественной научной литературе знаки на обуви практически не публиковались, хотя клейменная обувь XVIII–XIX вв. имеется в фондах российских музеев. Впервые клейма на музейных вещах описала Т. С. Алешина, а на археологических предметах – Д. О. Осипов. Самая крупная выборка из 24 клейм, встреченных на обуви из Мангазеи, рассмотрена нами (Алешина, 1997; Осипов, 2003. С. 25–28; 2006. С. 73–75; Курбатов, 2010б. С. 223).

На сегодняшний день клейма на археологической кожаной обуви найдены в Москве, Пскове, Старой Ладогге, Выборге, Твери, Мангазее, Березове (Курбатов, 2019. С. 396, 397, рис. 8: 5, 9), Смоленске (Осипов, Соболев, 2014. С. 353, 354, рис. 8) и Санкт-Петербурге, а также в коллекциях широкого хронологического диапазона в некоторых других городах. Их количество постоянно пополняется за счет введения в научный оборот новых материалов. Например, ранее неизвестное клеймо опубликовано при анализе материалов псковской «скудельницы» (Зубкова, 2013. Рис. 5: Г). Клеймо в виде трех продольных полос отмечено на подошве, найденной в раскопе 2007–2008 гг. на Кремлевской площади в Вологде (Андрианова, Федоров, 2012. С. 85, 86).

На 33 подошвах обуви в мангазейской коллекции 2001–2007 гг. на плантарной части (19 % от числа всех «подошв с крокулем») были зафиксированы тисненные клейма, что свидетельствует о массовом изготовлении их профессиональными обувщиками (Визгалов и др., 2011. С. 51). О численности таких мастеров, поставлявших высококаблучную

обувь в Мангазее, можно судить по наличию десяти разновидностей клейм. Наибольшее число представляют клейма в виде трех длинных (4,4–8,3 см) тонких параллельных линий, вытянутых продольно (19 экз.). Две параллельные линии встречены дважды. На двух подошвах клейма представляли две полосы, составленные из трех прямых параллельных линий, расположенных под углом к оси подошвы и почти сходящихся спереди. Аналогично расположены полосы из двух параллельных линий на двух экземплярах. Остальные разновидности клейм встречены на единичных экземплярах: линия по оси и по одной линии с боков от нее, несколько расходящиеся спереди; три прямых параллельных линии по оси – длинная центральная и короткие боковые; две параллельные полосы из прямых продольных линий, расположенные с просветом по оси; две одинарные линии, расположенные под углом к оси подошвы и наклоненные вперед; две полосы линий, отогнутых сзади вовне, расположенные под углом к оси, почти сходящиеся спереди; группа из семи прямых линий, образующих форму трапеции, зауженную спереди. В качестве особенности мангазейских клейм можно назвать их однотипность: тисненные продольные линии, что позволяет предполагать пошив обуви в одной стране, вероятно в одной или нескольких мастерских, и относить продукцию к относительно короткому периоду времени.

Д. О. Осипов выделял на московской обуви шесть форм клейм, из которых наибольшим числом представлены три продольные линии в области свода стопы. Одно клеймо представляет отпечаток в виде копия, занимавшего почти всю площадь подошвы. Два экземпляра несли отпечаток семи поперечных полос под сводом стопы. Еще одну разновидность представляет знак в виде ломаной линии, острием направленной к носку. Наиболее сложный знак найден на одной подошве: это четырехконечный крест с четырьмя отростками, заключенный в двойную трапециевидную рамку. На двух подошвах встречено сочетание продольных и поперечных линий.

Изученные на сегодня материалы относятся к концу XVI–XVIII вв., что позволяет определенно относить появление клейм на обуви к первой половине XVII в. Примерно тогда же время клейма на обуви появились в странах Западной Европы. Рассматривая клейма в Скандинавии Ю. Свенн подчеркнула, что подошвы с клеймами принадлежат различным формам, вероятно женских сапог или башмаков, и служат знаками мастеров, выделявших свою продукцию, или же оптовых торговцев обувью

(Оятева, 1965. С. 56, 57, рис. 7: 1, 2; Swann, 2001. P. 120, 121; Курбатов, 2002. Рис. 9.1; 10.4; 2003. Рис. 7.7; 8.7; 2005. С. 240; Курбатов, Овсянников, 1999. Рис. 7.2; 8.5).

По мнению Д. О. Осипова, все клейма из московского Зарядья относятся к середине – второй половине XVII в. Он связал их появление с процессом разделения труда в кожевенном и обувном ремеслах, особенно в крупнейших городах, что привело к появлению разных специалистов по пошиву обуви. Увеличение числа мастеров и заставило их клеймить свои изделия (Осипов, 2006. С. 74, 75).

Изучение документов петровской эпохи не позволяет согласиться с мнением исследователей о причинах появления клейм на обуви. Именным Указом от 17 декабря 1707 г. «О клеймении Немецкого платья и шапок» Петр I предписал и разъяснял: «Въ Китае въ ветошныхъ и въ шапошныхъ рядахъ Немецкое платье и шапки, которыя делаютъ портные и шапочные мастера, и въ те ряды продаютъ, клеймить, для того что платье и шапки многие делаютъ не противъ Немецкаго образца. И для того в техъ рядахъ выбрать по человеку, изъ знатныхъ и добрыхъ людей, и у старость и у рядовыхъ взять на нихъ выборы, и велеть портнымъ мастерамъ и шапочникамъ те кафтаны и шапки для клейма, приносить къ нимъ в ряды, а безъ клейма отнюдь имъ того платья и шапокъ не продавать... А которые портные и шапочные мастера станутъ кафтаны и шапки в рядахъ и на Красной площади и за рядами и по перекресткамъ продавать не клеймя: и имъ рядовичамъ техъ людей имать и приводить» (Зыбин, 1961. С. 110, 111).

Хотя клеймение обуви здесь не оговаривается, причины клеймения совершенно ясны – оно должно было содействовать скорейшему установлению в производстве стандартных форм одежды. Каждому фабриканту предлагалось иметь свой особый знак (клеймо), позволяющее выделять продукцию именно его фабрики. Клеймение не только поддерживало стандартизацию форм одежды и обуви, но и служило гарантией качества материалов и изделий, а также способствовало борьбе с мошенничеством среди городских ремесленников (Козлова и др., 1985. С. 164, 165). Отметим, что самыми первыми шагами в государственном регулировании качества ремесленной продукции в России были особые разделы Соборного уложения 1649 г., предписавшие наказание мастеров золотых дел за примешивание лигатуры в драгоценные металлы.

Имеются данные о клеймах начала XVIII в. Так, мастер Огородной слободы Федор Кузьмин, имев-

ший клеймо «Ф.К.», в 1708 г. обязался поставить в казну 500 пар башмаков (Заозерская, 1953. С. 111). Хотя в целом клеймения, видимо, на деле не происходило даже в начале 20-х гг. XVIII в., когда И. Т. Посошков предлагал ввести клейма для изделий каждого мастера: «И кии мастера будут именитые и домами мастерскими владеть будут, то всем им, коемуждо иметь у себя клеймо свое особенное, а и надзиратели такожде имели бы свои особенные же клейма» (Посошков, 2004. С. 142). Надо уточнить, что последнее сочинение И. Т. Посошкова «Книга о скудости и богатстве», была написана в 1724 г. (Посошков, 2004. С. 307). То, что использование клейм не стало общеупотребительным, следует из указа правительства от 27 апреля 1722 г. о введении цехового устройства в России, где специально предписано на все изготовленные изделия «класть тому мастеру, кто что делал, свое пятно» (ПСЗРИ, 1830. № 3980. Ст. 664, 665). Это показывает, что клейменные подошвы, встреченные в археологических комплексах XVII в., изученные в городах Московского государства, возможно, были изделиями западных мастеров.

Выводы

В последние годы становится более понятным, что раскрытие материальной культуры XVIII в. остается преимущественным делом археологии. Изобразительные и письменные источники могут быть здесь только приятным и нужным дополнением. Поэтому расширяющиеся в последние десятилетия широкие охранные раскопки на всей территории Российской Федерации дают огромный фактический материал для изучения культуры разных народов на территории России в XVIII, XIX и даже в начале XX в. Не случайно, известные московские археологи Н. А. Макаров, Л. А. Беляев и А. В. Энговатова выступили на пленарном заседании IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани (2014 г.) с докладом «Археология в современной России: перспективы и задачи», опубликованном полностью в 2015 г. В нем исследователи указали на один значимый элемент современных археологических работ, связанный с тем, что верхняя хронологическая граница археологического изучения смещается вверх на 200–300 лет и в сферу академической археологии попадают объекты и памятники XVIII, XIX вв. (Макаров и др., 2015. С. 12).

Во второй половине XX в. публикация археологических материалов XVIII в. было явлением редким. Кроме указанной работы А. Д. Грача 1957 г., можно назвать только статью по узкой теме кожевенной продукции Ю. П. Зыбина и О. В. Малиной (Зыбин, Малина, 1969. С. 98–102). В последние годы интерес

к археологическим коллекциям кожаных изделий XVIII в., прежде всего обуви, начинает проявляться в описаниях и публикациях материалов. В частности, можно назвать материалы раскопок некрополя XVIII в. в историческом центре г. Перми (Голованский, Романова, 2016. С. 294–296), но здесь обувь только обозначена, а технические рисунки или фотографии не приведены. Также известен комплекс находок из раскопок в Киеве (Сергеева, Горбаненко, 2005. С. 128–131) и небольшое собрание из раскопок во Владимире-на-Клязьме (Курбатов, 2008. С. 171 и сл.). Представляет интерес и раскопанная в Твери мастерская по пошиву рукавиц (Курбатов, Мирецкий, 2011. С. 273). Недавно была опубликована и коллекция обуви начала XVIII в., которую носили первые строители Санкт-Петербурга (Курбатов, 2015. С. 225). Постепенное накопление археологических материалов по кожевенному ремеслу XVIII в. в дальнейшем позволит найти ответы на многие технические вопросы ремесла, а также на разные аспекты культуры российских городов Нового времени.

Источники и литература

- Алешина Т.С., 1997. Историко-культурный потенциал обуви городского типа в России XVIII – начала XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Андрианова Л.С., Федоров А.С., 2012. Кожаная обувь из раскопок на Кремлевской площади в Вологде // Археология Севера. Череповец. Вып. 4.
- Богданов А., 1997. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга о начале заведения его, с 1703 по 1751 г., сочиненное Богдановым и дополненное Василием Рубаном. СПб. 1779. Репринт 1997 г.
- Бройтман Л.И., 2007. Загадки Коломны // История Петербурга. СПб. № 4.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В., 2011. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург.
- Головчанский Г.П., Романова Л.В., 2016. Православный некрополь XVIII в. в историческом центре г. Перми // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание). Ижевск.
- Грач А.Д., 1957. Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.; Л.
- Заозерская Е.И., 1953. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М.
- Зубкова Е.С., 2013. Еще раз об обуви из Псковской скудельницы // АИППЗ. Заседание 58. Москва; Псков.
- Зыбин Ю.П., 1961. Об одной исторической эпохе в развитии конструкции русской обуви // Известия ВУЗов. Технология легкой промышленности. Киев. № 4.
- Зыбин Ю.П., Малина О.В., 1969. Конструкция и технология одного из видов обуви XVIII в. // Известия ВУЗов. Технология легкой промышленности. Киев. № 4.
- Кепсу С., 2000. Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города Петра. СПб.
- Козлова Н.В., Кошман Л.В., Тарловская В.Р., 1985. Культура промышленного производства // Очерки русской культуры XVIII в. М. Ч. 1.
- Курбатов А.В., 2002. Погребальная обувь средневековой Руси // АВ. № 9.
- Курбатов А.В., 2003. Кожаные изделия средневекового Выборга по раскопкам 2000–2001 гг. // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога. Вып. 6.
- Курбатов А.В., 2005. История обувной моды в Скандинавии и восточно-европейские параллели. Рец.: June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stockholm. 2001 // АВ. № 12.
- Курбатов А.В., 2008. Археологические данные о кожевенно-обувном ремесле в древнем Владимире // АВСЗ. Вып. 2.
- Курбатов А.В., 2010а. О городе Болгар и сорте кожи «булгари» // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.
- Курбатов А.В., 2010б. Кожаные изделия Мангазеи как источник реконструкции особенностей культуры и ремесла русского заполярного города (по раскопкам 2001–2007 гг.) // Записки ИИМК РАН. СПб. № 5.
- Курбатов А.В., 2015. Обувь первых строителей Петербурга (по материалам раскопок на ул. Сытинской в 2013–2014 гг.) // Бюллетень ИИМК РАН, № 5.

Курбатов А.В., 2019. Предметы кожевенно-обувного ремесла из раскопок посада г. Березова в 2008 г. // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург. Ч. II.

Курбатов А.В., Кильдюшевский В.И., 2011. Коллекция кожаных предметов из Петропавловской крепости по исследованиям 2007–2008 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. № 2.

Курбатов А.В., Мирецкий А.В., 2011. Мастерская рукавичника XVIII в. на б. Затьмацком посаде г. Твери (по раскопкам 2000 г. на ул. Революционная, д. 15) // ТАС. Вып. 8. Т. II.

Курбатов А.В., Овсянников О.В., 1999. Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // АВ. № 6.

Макаров Н.А., Беляев Л.А., Энговатова А.В., 2015. Археология в современной России: перспективы и задачи // РА. № 2.

Осипов Д.О., 2003. Кожаная обувь: информационные возможности археологических коллекций (по материалам раскопок в Москве) // РА. № 2.

Осипов Д.О., 2006. Обувь московской земли XII–XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. М. Т. 7.

Осипов Д.О., Соболев В.Е., 2014. Коллекция кожаной обуви из раскопок в Смоленске // Археология Подмосковья. М. Вып. 10.

Оятева Е.И., 1965. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 7.

Полное собрание законов Российской Империи. СПб. 1830. Т. VI.

Поляков А.В., 2022. Полный научно-технический отчет. Историко-культурное научное археологическое обследование (разведки) с целью проведения государственной историко-культурной экспертизы земельного участка по адресу: г. Санкт-Петербург, ул. Лабутина, д. 5, кадастровый номер 78:32:0001155:2805. СПб.

Посошков И.Т., 2004. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / ред. Б.Б. Кафенгауза (репринт издания 1951 г.). СПб.

Сергеева М.С., Горбаненко С.А., 2005. Шкіряне взуття XVIII ст. з розкопу по вул. Ігоревській, 13/5 у Києві // Археологічний літопис Лівобережної України. Київ. № 1–2.

Федоров И.А., Мурзенков Д.Н., Соболев В.Ю., Шмелев К.В., Михайлова Е.Р., 2014. Работы Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия имени проф. Г.С. Лебедева СПбГУ на территории Санкт-Петербурга в 2012–2013 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 4.

Swann J., 2001. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm.

Неолитическая стоянка Валдайской археологической культуры Зехново I в Осташковском районе Тверской области. Возвращение в исследовательское пространство (актуализация) коллекции материалов раскопок середины 1970-х гг., хранящейся в ИИМК РАН¹

В. Я. Шумкин², Т. Б. Крылова³, Е. Ю. Медникова⁴

DOI: 10.31600/978-5-6049788-9-4-2023-263-277

Введение

Начало изучения каменного века Волговерховья было положено работами П. Ф. Симсона (1903), Н. К. Рериха (1905), Э. Кандыбы⁵, Н. Ф. Романченко⁶, А. Х. Репмана (1907), П. П. Ефименко (1916), П. Н. Третьякова (1940). Определенный итог этим работам был подведен Л. Я. Крижевской (1950), выявившей на некоторых памятниках Валдайского Поозерья богатую макролитическую индустрию неолитического облика. С 1955 г. изучение региона было продолжено Н. Н. Гуриной (1958; 1961; 1973; 1975). В ходе археологических изысканий середины 1950-х – 1960-х гг. Н. Н. Гурина пришла к осознанию особого значения Валдая для изучения не только соседних, но и более отдаленных территорий. В ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН)

была создана Верхневолжская неолитическая экспедиция, постоянно проводившая полевые исследования здесь с 1969 по 1987 гг. В настоящее время работы на этой территории продолжены сотрудником Отдела палеолита ИИМК РАН Г. В. Сеницыной. В результате работ 70–80-х гг. XX в. было открыто и обследовано около 350 археологических объектов каменного века, включающих поселения, стоянки, мастерские, места добычи кремневого сырья (Верещагина и др., 1995). Была создана огромная фактологическая база в виде коллекций, состоящих из десятков и сотен тысяч артефактов каменного века, а также наблюдений и результатов, зафиксированных в полевых отчетах, сопровождаемых графической и фотофиксацией.

Исследователи не всегда успевали полностью обработать полученные материалы раскопок, и некоторые памятники только упоминались в их научных работах или, в лучшем случае, были представлены изображениями отдельных артефактов. Это в полной мере относится и к археологическим объектам, раскопанным в то время на территории Валдайской возвышенности. Данная работа вводит в научный оборот материалы одного такого памятника, на десятилетия незаслуженно «застрявшего» без основательной обработки в камеральном хранилище ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН).

Характеристика памятника

Зехново I – один из группы из пяти памятников, расположенных по обоим берегам р. Селижаровка, левого притока Волги, в 2 км к северо-востоку от д. Зехново Осташковского района Тверской области (рис. 1). Здесь река, в настоящее время являющаяся единственной водной артерией, вытекающей из оз. Селигер, сильно петляя, образует широкую пойму. На ее левом берегу расположена стоянка Зехново IV. На другом берегу к расширенной части поймы примыкают прерывистые песчаные гряды высотой 3–7 м, вытянутые с северо-запада на юго-восток параллельно реке, с которыми связаны все

¹ Работа выполнена в рамках темы ФНИ ГАН Отдела палеолита ИИМК РАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (№ FMZF-2022-0012), темы Лаборатории камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (№ FMZF-2022-0017), темы Лаборатории археологической технологии «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации естественнонаучным данным» (№ FMZF-2022-0013).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18. Институт истории материальной культуры РАН, E-mail: shumkinv@yandex.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18. Институт истории материальной культуры РАН, E-mail: krilova.tatjana@yandex.ru.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18. Институт истории материальной культуры РАН, E-mail: vad.cul@yandex.ru.

⁵ Э. Кандыба. Коллекция хранится в Археологическом отделе ИАЭ, № 2101.

⁶ Н. Ф. Романченко. Коллекция хранится в Государственном Эрмитаже, № 53.

четыре правобережные стоянки. Все памятники были обнаружены сотрудниками Верхневолжской неолитической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Н.Н. Гуриной в 1974–1975 гг. и раскапывались в 1975 (Зехново), 1976 (Зехново I, Зехново II, Зехново III) и 1977 (Зехново III и Зехново IV) гг.

Три раскопа 1976 г. были заложены восточнее раскопа 1975 г. (стоянка Зехново), вниз по течению реки, на соседнем возвышении высотой 3–5 м, отделенном от первой гряды небольшим понижением, в прошлом, видимо, руслом мелкого потока, впадающего в Селижаровку. Раскоп I, давший название памятнику (Зехново I), располагался в самом дальнем конце гряды, в наиболее высокой ее части (в северном и южном направлении гряда слабо понижается), на расстоянии около 750 м от раскопа 1975 г. (рис. 2). Его площадь равнялась 140 кв. м. Раскоп был заложен почти параллельно довольно обрывистому краю возвышения, поверхность была задернована и поросла

крупными соснами (Гурина, 1976а. С. 4, 5; 1976б. С. 3–5) (рис. 3). Раскопки памятника велись в соответствии с принятой Верхневолжской неолитической экспедицией в 1970–1980-х гг. методикой, заключавшейся в снятии культурного слоя условными горизонтами по 0,15–0,20 м с помощью ножей, последующими зачистками низа каждого горизонта и глубокой прокопкой материка.

Стратиграфия, прослеженная на площади раскопа, была довольно сложной. Почти вся поверхность площадки была задернована (покрыта мхом), под которым залегал почвенный слой мощностью от 0,10 до 0,30 м. Повсюду, где отсутствовали ямы, его подстилал серый, слабо гумусированный песок, мощность которого сильно колебалась в связи с тем, что верхняя и нижняя границы его были очень волнистыми. Местами толщина его равнялась всего лишь 0,05 м, в другом случае достигала 0,25–0,30 м. На большинстве квадратов подстилающим слоем служил коричневато-желтый, а затем светлый песок. На некоторых участках серый слабо-

Рис. 1. Расположение археологических памятников в верховье р. Селижаровки в Осташковском районе Тверской области: 1 – Зехново; 2 – Зехново II; 3 – Зехново III; 4 – Зехново I; 5 – Зехново IV; 6–11 – Нижние Котицы, Нижние Котицы I–V

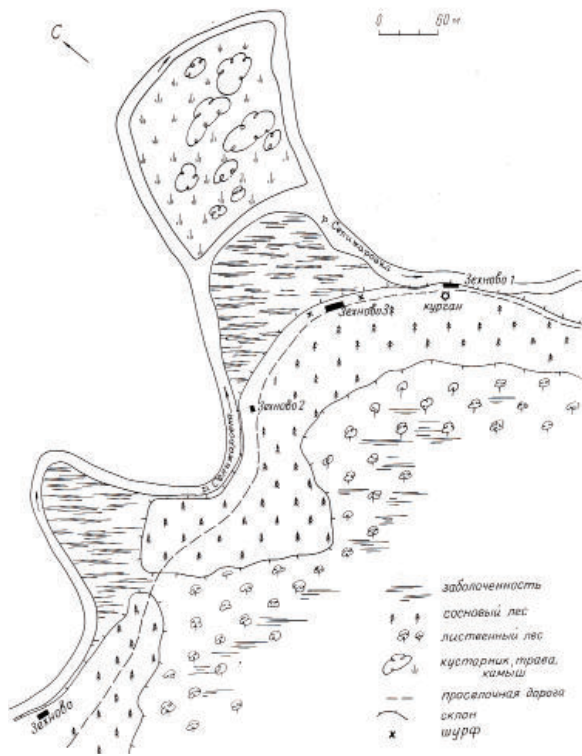

Рис. 2. Расположение Зехновских стоянок на правом берегу р. Селижаровки. Глазомерный план 1976 г.

гумусированный песок подстилался линзами коричневатого песка с включением гальки (Гурина, 1976а. С. 5, рис. 4).

В процессе исследования было выявлено значительное количество ям. Наиболее крупная из них глубиной 1,20 м и размерами по верху около 3,5 × 1,8 м, прямоугольных (?) очертаний с крутыми, почти отвесными стенками и ровным дном

(возможно, жилищная), находилась в квадратах 24–25 и уходила в стенку раскопа (рис. 4–6). Несмотря на наличие в нижней части заполнения ямы углистых линз, ни очагов, ни выраженных кострищ выявлено не было. В заполнении, кроме отщепов, сколов, ножевидных пластинок, было найдено несколько фрагментов лепной керамики раннего железного века или Средневековья, кусочек железного шлака (Гурина, 1976а. С. 7; 1976б. С. 25, 27, 29, 30). Из этой ямы происходит также один фрагмент неолитической керамики. Очевидно, это сооружение надо датировать эпохой раннего железного века или Средневековья. Яму с севера и востока по дуге огибали более мелкие, вытянутые и несколько изогнутые западины глубиной 0,25–0,60 м в материке (рис. 5), в заполнении которых поздние артефакты выявлены не были. Со второго горизонта прослеживалась линия (вытянутая вдоль пикетов Б4–Б14) из семи темных углистых и гумусированных пятен округлых и овальных очертаний размерами от 0,50 × 0,50 м до 1,70 × 1,20 м. Часть этих пятен, изменив очертания, прослеживалась и при подчистке третьего горизонта. В этом случае пятна соответствовали ямам, нижняя часть которых уходила на различную глубину (0,40–1,00 м), врезаясь в материк. Довольно крупная яма (размеры пятна на уровне горизонта 3 2,00 × 1,45 м) неправильно-овальной формы, с неровным дном (глубина не более 0,45 м) размещалась на стыке квадратов 15 и 22, в их средней части. В заполнении ее встречено много отщепов, пластинки, проколка, несколько фрагментов неолитической керамики (Гурина, 1976б. С. 33). На стыке квадратов 28 и 29, в центральной, с небольшим смещением к югу, части на уровне третьего горизонта на небольшой площади (примерно 0,50 × 0,40 м) было выявлено скопление отщепов и чешуек, залегающих плотно, видимо, в яме. На уровне горизонта 4 на месте скопления

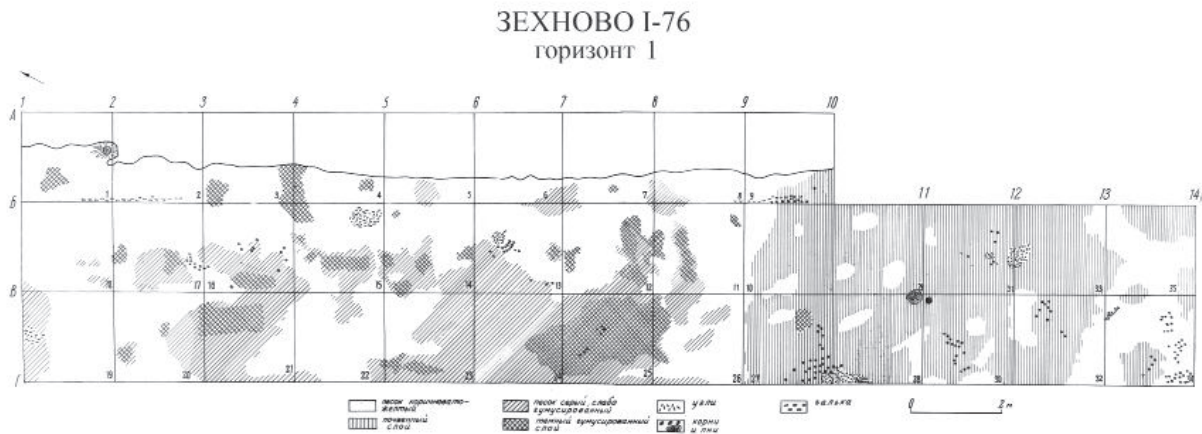

Рис. 3. Зехново I. 1976. Горизонт I

Зехново I не является одновременным памятником, но основная часть артефактов (4115 экз.) относится к каменному веку. В коллекции присутствует керамика раннего железного века и, возможно, Средневековья (51 экз.), а также 63 мелких обломка кальцинированных костей.

Поздняя керамика встречается по всей площади раскопа за исключением крайней, северо-восточной линии квадратов (квадраты 1–9) и во всех горизонтах, кроме четвертого. «Сетчатая» керамика представлена пятью мелкими фрагментами стенок от двух сосудов (рис. 7: 1, 2) с примесью в тесте дресвы. Наиболее многочисленны фрагменты гладкостенных лепных плоскодонных сосудов с отогнутым наружу венчиком и с примесью в тесте дресвы (три венчика, пять доньшек, 39 стенок) (рис. 7: 3–7). Эта керамика различается способом обработки наружной поверхности, размерами и количеством зерен примеси в тесте и явно происходит

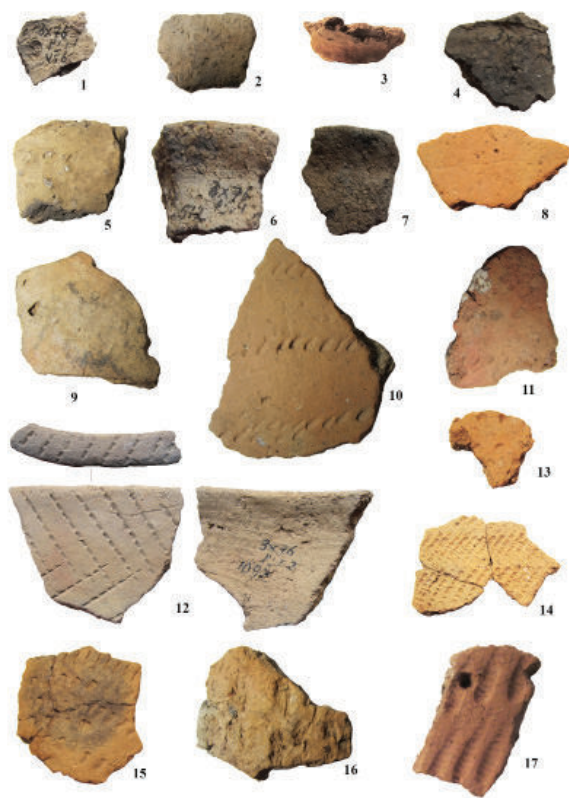

Рис. 7. Зехново I. 1976. Керамика: 1–2 – «сетчатая» керамика; 3–7 – керамика раннего железного века / Средневековья; 8–11 керамика «типа котчище»; 12 – раннеолитическая керамика с гребенчатым орнаментом; 13–17 – керамика развитого – позднего неолита

от различных сосудов, но их число определить затруднительно. Еще одна стенка от сосуда с валиком, изготовленного предположительно на гончарном круге, с примесью в тесте песка. Возможно, что к поздней керамике следует отнести небольшой неорнаментированный фрагмент лепного тонкостенного (4,5 мм) сосуда. Иные артефакты, которые соотносятся с поздним керамическим комплексом (в том числе и упомянутый в дневнике кусочек железного шлака), в коллекции отсутствуют и полевой описи не проходят.

Керамика раннеолитического облика представлена 11 фрагментами, семь из которых – мелкие обломки размерами 30 × 35 мм, не менее чем от восьми сосудов. Среди обломков только один венчик, слегка утолщенный, нескошенный, ровный, от полузакрытого непрофилированного сосуда диаметром около 20 см. Толщина стенок сосудов обычно составляет 7,0–10,5 мм. Форма сосудов не восстанавливается. Можно предположить ленточную технику лепки с соединением лент по краю (внахлест) и низкотемпературный (до 680–700 градусов С), возможно, кратковременный обжиг. При обжиге температура внутри сосуда обычно была ниже, чем снаружи. Наружная поверхность раннеолитических сосудов хорошо заглажена, в одном случае подлощена. Внутренняя поверхность чаще заглажена, иногда (два фрагмента) поверх расчесов, расчески хорошо заметны на внутренней поверхности трех орнаментированных фрагментов. Фрагмент без орнаментации с подлощенной наружной поверхностью (рис. 7: 9) более тонкостенный (толщина стенки 6,2 мм), плотный. На этом фрагменте частично сохранилось коническое сквозное отверстие диаметром около 7 мм, просверленное с внешней стороны. Такие отверстия часто трактуют как следы ремонта сосуда (Шумкин и др., 2020. С. 227). В качестве примеси в формовочную массу добавлялись мелкотолченая раковина, чаще с телом моллюска, и шамот, иногда в сочетании с растительной (?) примесью, оставившей мелкие поры. Определение состава формовочной массы керамики проводилось методом полиполяризации, разработанным в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН В. Е. Куликовым и Е. Ю. Медниковой. Фрагменты также были исследованы при помощи лупы и бинокулярного микроскопа.

Характерная черта раннеолитической керамики – разреженность и поверхностный характер орнаментации. Большая часть фрагментов – «типа котчище» (6 экз.) (рис. 7: 8, 9) – без орнамента, три фрагмента с разреженным поверхностным накольчатый орнаментом (рис. 7: 10, 11). Наколы

(подокруглые, подокруглые с сильным наклоном орнамента) образуют горизонтальные ряды, разделенные полосами без орнамента.

Ранненеолитическая гребенчатая керамика представлена двумя фрагментами. Венчик украшен неглубокими оттисками пунктирной гребенки, образующими елочку или вертикальный зигзаг, по срезу идут наклонные оттиски такой же пунктирной гребенки (рис. 7: 12). Поверхность еще одного орнаментированного фрагмента размыта.

Различия в технологии изготовления «котчищенской» и ранней гребенчатой керамики четко не прослеживаются, возможно, из-за малочисленности выборки. Поверхность черепка, орнаментированного пунктирной гребенкой, шероховатая на ощупь, в формовочной массе наряду с шамотом присутствуют мелкие (менее 3 мм) «кубоватые» включения, которые полиполяризационным анализом были определены как дробленая раковина.

К развитому – позднему неолиту можно отнести 21 фрагмент керамики (венчик и 20 стенок) не менее чем от 16 сосудов. Эта керамика в целом тонкостенная (толщина стенок в основном 5–7 мм, 17 экз.), только у двух фрагментов она равна 10–12 мм. Во всех фрагментах в тесте обязательно присутствуют включения размерами 3 × 3 × 3 мм, определенные как дробленая раковина. Наружная поверхность гладкая или шероховатая. Способ лепки, как правило, не определяется, в единичных случаях можно предположить лоскутный налеп. Обжиг, как и у ранненеолитической керамики, низкотемпературный. Орнамент в целом более рельефный и плотный, чем на керамике раннего неолита. Часто встречаются горизонтальные ряды наклонных оттисков гребенчатого (4 экз.) (рис. 7: 14), гладкого (3 экз.) или рамчатого штампа (1 экз.) (рис. 7: 16), иногда в сочетании с ямками или ямчатыми вдавлениями (5 экз.) (рис.: 7: 17). Елочка или вертикальный зигзаг из оттисков гребенчатого штампа отмечены на двух небольших фрагментах. Значительно реже встречается чисто ямчатый орнамент – горизонтальные не плотно поставленные ряды неглубоких округлых ямок (3 экз.) или двоянных отпечатков (1 экз.) (рис. 7: 13). Еще три мелких фрагмента керамики (венчик с деформированной внешней поверхностью и две стенки) без орнамента отнесены к неолиту предположительно, по характеру теста. Форма сосудов не восстанавливается.

Каменный инвентарь насчитывает 4082 экз., более 90 % (3791 экз.) составляют артефакты из кремня. Кремень в основном серый, различных оттенков,

в значительно меньшей степени коричневым. Желтый, красноватый и высококачественный сиреневый валдайский кремень встречаются редко. Изделий из сиреневого валдайского кремня насчитывается менее 40 экз., это мелкие отщепы и чешуйки, ножевидные пластинки, четыре некрупных нуклеуса и поперечный скол подправки площадки нуклеуса, единичные мелкие орудия. Использование «пятнистого» кофейного цвета кремня, возможно происходящего из Свеклинского месторождения, четко не фиксируется. Патины отмечены всего на шести мелких отщепах. Довольно много (268) артефактов из более «вязкой» окремненной породы. В основном это отщепы и осколки, часто со следами использования, значительно реже (7 экз.) встречаются более четко оформленные орудия и их заготовки. Присутствуют артефакты из опоки (15 экз.), сланца (5 экз.) кварцита (1 экз.) и прочих пород (2 экз.).

Нуклеусов и их фрагментов 46 экз. (около 1 % всего каменного инвентаря), в том числе 22 целых и 24 обломка, включая четыре скола поджигления площадки. 41 нуклеус предназначался скорее для скалывания пластинчатых заготовок (в том числе три – для микропластинок), 3 экз. – для пластинчатых отщепов, еще два – возможно, для снятия отщепов. Среди представленных в коллекции преформ нуклеусов – 3 экз., ядрищ в начальной стадии расщепления – 4 экз., истощенных – 9 экз. Шесть экземпляров были обожжены, в одном случае можно предположить преднамеренную термообработку. Принцип раскалывания как торцевой, так и призматический. Нуклеусы четких форм (конические и призматические) с негативами от снятия правильных пластинок и микропластинок единичны, преобладают ядрища для снятия заготовок неправильных очертаний. Высота нуклеусов из коллекции Зехново I от 23 до 91 мм (чаще 40 мм), судя по размерам пластинок, должны были существовать и более крупные ядрища высотой более 100 мм. Макролитические нуклеусы в коллекции отсутствуют. Нуклеусов с двумя противолежащими площадками 12 экз. (рис. 8: 2, 3, 7). Они неоднородны: с торцевым встречным скалыванием – 5 экз., с торцевым противолежащим скалыванием – 1 экз., с двусторонним противолежащим – 3 экз., круговым встречным – 2 экз. Сюда же стоит отнести уплощенный пренуклеус с боковым ребром. «Килевидных» нуклеусов с двумя смежными площадками и ребром – 2 экз. (рис. 9: 1), призматических с двумя смежными площадками – 2 экз. (рис. 8: 4, 6). Одноплощадочных (конических и близких к коническим, нередко уплощенных) нуклеусов – 2 экз. (рис. 8: 1, 5; 9: 3): с круговым скалыванием – 3 экз., с односторонним

Рис. 8. Зехново I. 1976. Нуклеусы

скалыванием – 3 экз., с вертикальным ребром и скалыванием с одного торца – 3 экз.; без ребра, со скалыванием с одного (2 экз.) и двух (1 экз.) торцов. Близки им три нуклеуса для пластинчатых отщепов: два конических с круговым скалыванием и подконический уплощенный с односторонним скалыванием. Одноплощадочных уплощенных нуклеусов с ребром в нижней части и скалыванием с двух торцов – 2 экз. (рис. 9: 2). Клиновидных (одноплощадочных с нижним и боковыми ребрами) нуклеусов – 3 экз., еще два фрагмента могли быть обломками как клиновидных ядрищ, так и нуклеусов с двумя смежными площадками и ребром.

Нуклеусы для отщепов – фрагментированный двухплощадочный с встречным скалыванием и нуклеовидный кусок с негативами разнонаправленных снятий. Негативы параллельных снятий отмечены на 31 нуклеусе и фрагменте. Встречное и противоположащее скалывание встречаются значительно реже (8 и 5 экз., соответственно), ортогональное скалывание отмечено только на двух нуклеусах. Площадки нуклеусов могут быть как горизонтальными (чаще), так и скошенными. Оформление площадки разнообразно и не связано с типом нуклеуса. Ретушированные площадки

Рис. 9. Зехново I. 1976. Нуклеусы

редки, естественные единичны, большинство из них сформированы одним сколом, иногда с подправкой по краю, много площадок, оформленных двумя или несколькими сколами. У одного переоформленного нуклеуса площадкой является часть поверхности скалывания первоначального нуклеуса с негативами параллельных пластинчатых снятий. Площадки двухплощадочных нуклеусов, часто оформлены по-разному. Преобладает подработка края мелкими сколами, иногда со скруглением кромки (возможно, абразивом). Следы подготовки зоны расщепления к скалыванию отсутствуют только на четырех нуклеусах.

Преформы ядрищ чаще неопределимы (24 экз.). Заготовками для призматических и конических нуклеусов могли служить гальки или фрагменты желвака удобной формы, часто с минимальной подработкой (3 экз.), в других случаях отдельность кремня подвергалась полной или частичной обивке, реже ретушированию. Редко заготовке придавалась форма, близкая призме, чаще уплощенной (3 экз.), или конусу (1 экз.).

Клиновидная форма пренуклеуса (с боковыми и нижним ребром и одной площадкой) фиксируется

три раза, в виде сектора (с двумя смежными и площадками, и нижним ребром) – два раза; заготовки еще пяти ядрищ (с нижним или передним ребром) были или клиновидными, или сегментовидными. У трех нуклеусов есть вертикальное ребро, но исходная форма могла быть не только клиновидной, но и близкой к конусу. Похоже, что отщепы могли скалывать с любого куска кремня.

Абсолютное большинство каменного инвентаря (3338 экз., 81,8 %) составляют отщепы и осколки. Среди них преобладают отходы: чешуйки (15 × 15 мм, 766 экз.), а также мелкие отщепы и осколки (30 × 30 мм, 1645 экз.), что составляет 72,2 % от общего числа отщепов. Отщепов средних размеров (30 × 30 мм), из которых изготовлена большая часть орудий – 859 экз., 25,7 %, крупных отщепов (60 × 60 мм) – 68 экз., 2 %. Фрагментированных отщепов больше, чем целых (2233 экз., 66,9 %). Кремневые отщепы с коркой и участками поверхности естественных трещин сравнительно немногочисленны (681 экз., 20,4 %). Это значительно меньше, чем в мастерской Свеклино I, где такие отщепы составляют почти 40 %. Можно предполагать, что первичное расщепление кремня на Зехново I не производилось. Незначительная часть отщепов (64 экз.) имеет выраженные следы использования (выщербинки, смятость, заглаженность). Отщепов и осколков кремня со следами воздействия огня 434 экз. (13 %), в основном это пережженные отщепы, термообработка единична (6 экз.).

Необработанных пластин и пластинок в коллекции 309 экз. (7,6 % от всего каменного инвентаря), в нижних горизонтах они немногочисленны (менее 50 экз. в каждом). Ножевидных пластинок 288 экз. (93,2 %) (рис. 10: 1–13, 16–18), ребристых 21 экз. (6,8 %) (рис. 10: 14, 15). В целом доля пластинчатых заготовок на Зехново I несколько ниже, чем на соседних памятниках Зехново II (9,4 %) (Шумкин, Крылова, 2022. С. 175), Зехново III (9 %) (Шумкин и др., 2020. С. 227) и на близлежащем поселении Нижние Котицы V (9,5 %) (Верещагина, 1997. С. 68). Однако она выше, чем на поселении Нижние Котицы (4,8 %) (Верещагина, 1997. С. 68). Большая часть пластинок фрагментирована, целых экземпляров около четверти (78 экз., 25,2 %). Проксимальных частей несколько больше, чем дистальных и медиальных (91 экз.; 29,4 %, 61 экз.; 19,7 % и 79 экз.; 25,6 %, соответственно). Среди медиальных частей сечений 28 экз. (9,1 %) (рис. 8: 5–7), обломков 21 экз. (6,8 %). Половина всех пластин и пластинок имеют на краях более или менее выраженные выщербинки, возможно, следы использования.

Ширина пластинчатых сколов на памятнике варьирует от 6–7 до 40 мм. Преобладают пластинки

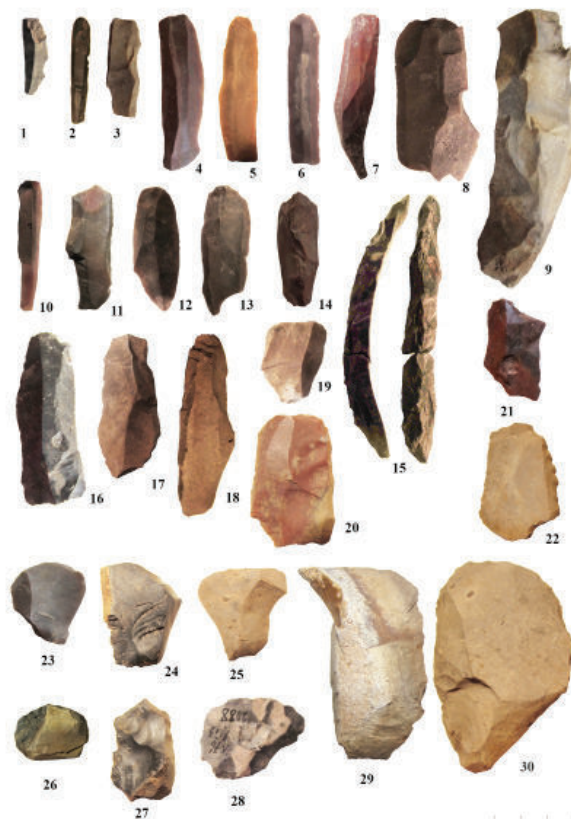

Рис. 10. Зехново I. 1976. Пластинчатые сколы: 1, 2, 10 – микропластинки; 3–7 – пластинки; 11–13 – пластины; 14–15 – ребристые пластинки; 16–18 – крупные пластины; 8–9 – очень крупные пластины; 19–30 – скребки

шириной от 9 до 16 мм, их 139 экз. (45 %) (рис. 10: 3–7, 14–15). Микропластинок (шириной от 5 до 9 мм) – 28 экз. (9,1 %) (рис. 10: 1, 2, 10), пластин (от 16 до 20 мм) – 76 экз. (24,6 %) (рис. 10: 11–13), крупных пластин (от 20 до 25 мм) – 42 экз. (13,6 %) (рис. 10: 16–18). Очень крупные (свыше 25 мм) пластины относительно многочисленны – 23 экз. (7,4 %) (рис. 10: 8, 9). Различие между пластинчатыми заготовками разных горизонтов четко не улавливается. Во всех горизонтах преобладают пластинки шириной от 9 до 16 мм, но в первом (верхнем) горизонте их доля несколько ниже (менее 40 %), чем в остальных, где они составляют около половины всех пластин и пластинок.

Длина целых пластинчатых заготовок (всего 78 экз.) колеблется от 21 до 105 мм, чаще 33–57 мм (2/3 их общего количества); пластинки длиной свыше 75 мм единичны (всего 4 экз.). Длина пластинчатых заготовок в целом соответствует размерам нуклеусов из коллекции Зехново I. У 2/3 целых пластин и пластинок длина превосходит ширину

примерно в 2–3 раза, однако примерно 1/5 часть их (17 экз.) имеет более удлиненные пропорции в пропорции 1:4. Большинство пластинчатых сколов Зехново I имеет толщину от 1–2 до 7 мм (223 экз., 72,2 %). У целых пластин она в основном составляет больше 1/10 их длины (53 экз., 67,9 %), у 19 экземпляров она меньше (до 1/16), и только у шести длина превосходит толщину примерно в 20 раз и более. Подобное соотношение толщины и длины заготовок характерно для сколов, полученных в технике удара, хотя встречается и у отжимных пластин (Гирия, 1997. С. 69; Гирия, Прут, 2015. С. 53; Лозовский, 2012. С. 77).

Абсолютное большинство целых пластинок имеет изгиб от 1 до 6 мм (69 экз., 88 %), пик приходится на изгиб от 1 до 2 мм (26 экз.). Скрученных пластинчатых заготовок около 20 % (59 экз.).

Можно сказать, что по параметрам пластинки и пластины Зехново I близки пластинчатым заготовкам с соседнего памятника Зехново III. Доля микропластинок, крупных и очень крупных пластин на них практически совпадает (соответственно 9,1 %, 13 % и 7,4 % на Зехново I и 8 %, 13,6 % и 7 % на Зехново III); доля пластинок (шириной 9–16 мм) и пластин (шириной 16–20 мм) также различается не сильно. Близки на обоих памятниках: длина целых заготовок (в основном 33–57 мм на Зехново I и 30–60 мм на Зехново III при максимальной длине свыше 100 мм), их толщина (72 % пластинок толщиной 2–7 мм на Зехново I и 76 % таких же на Зехново III), изгиб. В отличие от Зехново I и Зехново III, пластинчатые заготовки стоянки Зехново II несколько более миниатюрны (уже, короче и тоньше), а также чуть менее изогнутые. По ширине они имеют большее сходство с пластинчатыми заготовками, расположенных на левом, противоположном берегу Селижаровки поселений Нижние Котицы и Нижние Котицы V (Верещагина, 1997. С. 69).

Пластин и пластинок правильной огранки меньше (139 экз., 45 %), чем неправильных (170 экз., 55 %). Преобладают пластинки трапециевидного сечения 145 экз. (46,9 %), треугольных – 127 экз. (41,1 %), четырехгранные немногочисленны – 36 экз. (11,7 %), многогранная всего одна. Пластинок с коркой и с участками поверхности естественных трещин – 44 экз. (14,2 %), 35 экз. (11,3 %) имеют заломы на дорсальном фасе; есть пережженные (18 экз., 5,8 %), в одном случае можно предполагать термообработку.

Различия с пластинками с поселения Зехново III минимальны. На Зехново III практически такая

же доля пластинок правильной огранки (46 %), почти столько же трапециевидных в сечении пластин (49 %), многогранные единичны; однако доля пластинок с коркой и поверхностью трещин несколько выше (17 %). Различий с пластинчатыми заготовками Зехново II чуть больше. На этом памятнике несколько меньше пластин и пластинок правильной огранки (42,9 %), преобладают пластинки треугольного сечения (52,6 %); доля заготовок с коркой и поверхностью трещин почти такая же (15,4 %).

Огранка дорсальных поверхностей пластинчатых сколов на Зехново I чаще параллельная (однонаправленная) (174 экз., 56,3 %). На 52 экз. (16,8 %) негативы параллельных снятий сочетаются с участками корки и поверхностных трещин, а также снятиями подготовки нуклеусов, что вместе составляет 226 экз. (1 %). Встречное предшествующее скалывание (в различных сочетаниях) отмечено значительно реже (68 экз., 22 %). Прочие варианты огранки дорсальной поверхности пластин немногочисленны. Ребристых пластин – 21 экз. (8 %), а двусторонние ребристые единичны (2 экз.). 54 экземпляра (18,4 %) имеют огранку, свидетельствующую, что они были сняты с оформленных ретушью нуклеусов. Снятия с пренуклеусов очень немногочисленны (14 экз., 4,5 %), резко преобладают пластинки, снятые с нуклеусов (295 экз., 95,5 %), в том числе «чистые» пластины и пластинки (221 экз., 71,5 %). Угловые сколы – 60 экз. (19,4 %); сколы переоформления и/или исправления призматического рельефа поверхности скалывания – 13 экз. (4,2 %). Соотношение сколов соответствует наблюдаемому на памятниках, которые специализировались на производстве пластин, где с пренуклеуса снималось несколько первичных сколов, далее шли сколы оформления плоскости скалывания, а основную массу составляли «чистые» пластины (Лозовский, 2012. С. 77).

Целых пластинчатых сколов и дистальных концов 139 экз. Из них 108 пластинок (77,7 %) с перовидным окончанием, 12 экз. (12,2 %) с петлеобразным (заломом); с ныряющим окончанием 7 экз. (5 %). Еще у семи пластинок окончанием является узкая часть противоположающей площадки. Проксимальных концов и целых пластин 169 экз. Преобладают пластинки с гладкими ударными площадками, на которых иногда имеются выщербинки, ретушированные, естественные и двугранные площадки немногочисленны. Линейные площадки отмечены у 23 пластинок, точечные – у 11. Доля сколов с тонкими площадками глубиной 0,5–1,5 мм составляет около 20 %, что может свидетельствовать о применении мягкого каменного отбойника (Киосак, 2012. С. 113, 116).

Пластинчатые сколы без каких-либо следов подготовки зоны расщепления практически отсутствуют, на всех отмечаются следы выравнивания карниза обычно мелкими сколами (158 экз., 93,5 %); для этой цели мог применяться и абразив. На одной пластинке отмечено выравнивание карниза микропластинчатыми снятиями (шириной до 2 мм). Реже выравнивание карниза сочеталось с скруглением (затупливанием) кромки абразивом. Следы шлифовки на площадке отмечены только у одной пластинки. Не исключено, что в отдельных случаях встречаются приемы освобождения и изолирования площадки.

Артефактов с вторичной обработкой 386 экз. (9,5 %), из них 211 экз. – типологически выраженные орудия (116 экз.) и их фрагменты (95 экз.), а 175 экз. – отщепы со следами обработки в основном краевой, ретушью (170 экз.), часть которых могла быть фрагментами орудий (в том числе ножей и пил) или нуклеусов. На дорсальных фасах трех кремневых отщепов есть шлифованные участки. Видимо, некоторые отщепы были сняты с готовых орудий при их подправке или переоформлении. Один отщеп с микрорезцовым сколом, еще один, возможно, является заготовкой скребка с дугообразным лезвием: его конец скруглен и утолщен продольными сколами, похожими на резцовые. В коллекции присутствуют также три широких (8–10 мм) массивных (9–15 мм) скола от оформления/подправки резцов, в двух случаях с негативами предшествующих снятий.

Заготовками для орудий служили в основном отщепы (118 экз., 55,9 %). Из пластинчатых заготовок сделаны 53 орудия (25,1 %), из которых 45 орудий – из ножевидных пластин и пластинок, одно – из ребристой пластинки, семь орудий – из пластинчатых отщепов; из массивных заготовок (галки, конкреции, куски плиток) – 40 экз. (19 %). Два резца были оформлены на скребках или их фрагментах. Следы воздействия огня отмечены на 19 артефактах (9 %), обычно это пережженные изделия, в единичных случаях (два изделия) можно предполагать преднамеренную термообработку. Участки корки или поверхности трещины сохранились на 55 орудиях (26 %).

Наиболее многочисленные скребки – 54 экз.: шесть на ножевидных пластинках, преимущественно крупных и очень крупных (4 экз.), пять на пластинчатых отщепах такой же ширины, 43 экз. – на отщепах размерами в основном 25 × 25 мм. Скребков на отщепах меньшего размера – 3 экз., на крупных отщепах – 9 экз. Абсолютное большинство скребков (50 экз.) оформлены на дорсальном

фасе заготовки и только 4 экз. на вентральном. Для изготовления скребков в основном брали отсеченные проксимальные концы пластин и отщепов или целые отщепы (34 экз.), 4 экз. были изготовлены на дистальных концах заготовок, еще 6 экз. – возможно, на медиальных частях. В десяти случаях невозможно установить, какая часть заготовки была использована для изготовления скребка. 19 скребков были изготовлены на заготовках с коркой или участками поверхности трещины (в том числе на первичных отщепах). Следы воздействия огня отмечены на 8 экз., в одном случае можно предполагать преднамеренную термообработку.

Пять скребков из ножевидных пластинок и пластин концевые средних (2 экз.) и удлиненных (3 экз.) пропорций; у четырех лезвия выпуклые нескошенные (рис. 10: 19, 20), у одного лезвие, скорее, стрельчатое. Один скребок двойной концевой с прямыми скошенными лезвиями, его боковые стороны с мелкой краевой вентральной ретушью. Пластинчатые заготовки, из которых изготовлены эти скребки, обычно крупные, неправильной огранки. Скребки на пластинчатых отщепах близки скребкам на пластинах. Из них четыре орудия концевые с прямым (2 экз.) или выпуклым (2 экз.), чаще скошенным (2 экз.) лезвием (рис. 10: 21), пятый скребок с прямым скошенным лезвием – видимо, комбинированное орудие: одна его сторона обработана дорсальной зубчатой ретушью, вторая – неровной вентральной (рис. 10: 22).

Скребки на отщепах несколько более разнообразны. Среди них резко преобладают концевые скребки (28 экз.) (рис. 10: 23–25). Лезвия обычно выпуклые (21 экз.), реже прямые (5 экз.), в единичных случаях с выступающим «носиком» или угловым шипом (2 экз.), чаще нескошенные (18 экз.). Тыльный конец концевых скребков, как правило, без подработки (21 экз.), у двух скребков приострен ретушью, у пяти утрачен. У шести концевых скребков на боковых сторонах отмечены выраженные выщербинки или неровная ретушь (возможно, следы использования), еще у четырех более регулярная краевая полукрутая ретушь. Некоторые из этих скребков могли быть комбинированными орудиями, у других ретушь могла убирать неровности. Остальные типы скребков представлены единичными экземплярами. Округлых скребков с круговым лезвием 3 экз. (рис. 10: 26). Близкий к ним овальный скребок (низкий, с дугообразным лезвием и подработанным полукрутой вентральной ретушью тыльным концом) представлен 1 экз., боковые – 2 экз. (рис. 10: 27). Единственными экземплярами представлены подтреугольный с выпуклым лезвием

с боковыми выемками (рис. 10: 28) и аморфный скребки. Скребок со смежными лезвиями (концевых-боковых) – 3 экз., два двухлезвийных и один трехлезвийный (нечеткой формы) с тыльной частью, подработанной по сторонам ретушью. Тип одного фрагментированного скребка не определяется.

Особо стоит отметить два скребка с выпуклым лезвием, сделанные на крупных отщепках правильной овальной формы (рис. 10: 30). Такие скребки встречаются на стоянках Валдайской возвышенности с ранненеолитической керамикой (Крылова, 1997. С. 216, 217). Один скребок с прямым концевым лезвием на крупном массивном отщепе, видимо, скомбинирован с проколкой: ее жальце оформлено на остром углу отщепки отвесной дорсальной ретушью (рис. 10: 29). Скребло представлено 1 экз. на крупном отщепе с прямым боковым лезвием.

Резцов 23 экз., больше половины из них изготовлены из массивных заготовок с широкими рабочими кромкам. Преобладают резцы с одной рабочей кромкой (19 экз.), чаще со следами подправки (14 экз.). Угловых резцов на сломе заготовки 14 экз.: шесть на пластинках, преимущественно крупных и очень крупных (рис. 11: 12, 13), один на пластинчатом отщепе и семь на отщепках разных размеров, чаще мелких (рис. 11: 14). Из них три резца (один на пластинке, два на отщепках), возможно, являются комбинированными орудиями: по их боковым сторонам идет краевая ретушь. Двугранных угловых резцов – 6 экз.: пять на отщепках (рис. 11: 15, 16), один на фрагменте треугольного скребка со смежными лезвиями (рис. 11: 22). Вогнаторетушный резец (рис. 11: 23) изготовлен также на фрагменте крупного округлого скребка. У двух резцов на мелких отщепках одна рабочая кромка – на сломе заготовки, другая – двугранная угловая. Единственным экземпляром представлен резчик, рабочая кромка которого оформлена не сколом, а ретушью на сломе крупной пластины (рис. 11: 11).

Скобелей 18 экз., чаще с одной, обычно полой выемкой диаметром 7–25 мм, оформленной дорсальной или вентральной краевой ретушью (14 экз.). Как правило, выемки расположены на боковых сторонах заготовки (12 экз. на одной стороне, 4 экз. на двух), реже на конце. 16 скобелей оформлены на отщепках в основном средних размеров (рис. 11: 7, 9) и два на пластинках (рис. 11: 6). Один скобель может быть комбинированным орудием: по краю идет зубчатая ретушь.

Наконечников стрел – 8 экз., шесть из них фрагментированы, и только два, один из которых, скорее,

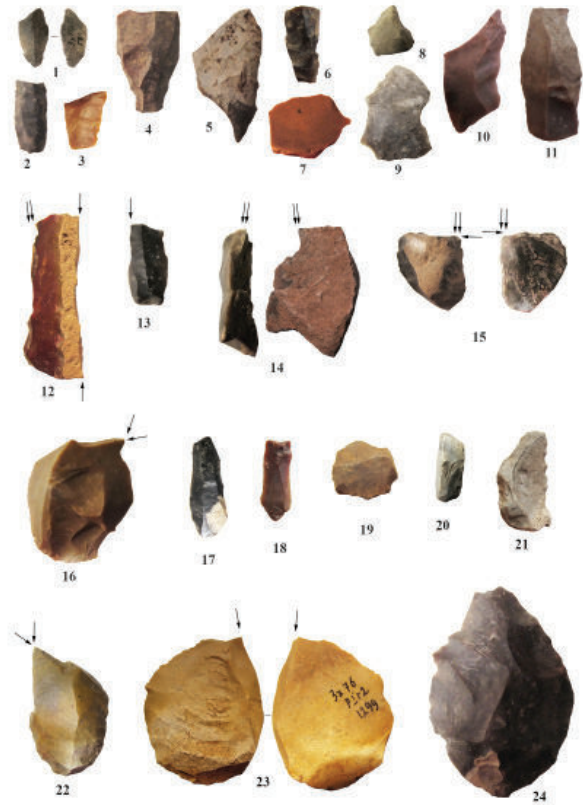

Рис. 11. Зехново I. 1976. Орудия: 1–5 – наконечники; 6, 7, 9 – скобели; 8, 10 – проколки; 11 – резчик; 12–16, 22, 23 – резцы; 17 – пластинка с косо срезанным концом; 18 – пластинка с поперечно срезанным концом; 19–21 – изделия; 24 – заготовка наконечника

является заготовкой, целые; два изделия обожжены. Четыре фрагмента наконечников и заготовку, видимо, можно отнести к развитому неолиту. Они изготовлены из отщепов (или плиток) кремня бифасиальной обработкой. Форма готовых фрагментированных наконечников точно не восстанавливается. Три из них (рис. 11: 3, 5) могли быть листовидными средних или удлиненных пропорций (ширина составляла около 1/3 или менее длины), со скругленным, прямым или приостренным насадом; выпуклые боковые стороны одного наконечника были волнистыми. Четвертый наконечник, с острым концом и прямыми сторонами, скорее, был ромбическим или треугольным. Заготовка наконечника листовидная, широкая (2/3 длины). Она изготовлена из крупного массивного отщепки с участком корки двусторонней оббивкой, покрывающей практически весь дорсальный фас и идущей по периметру вентрального (рис. 11: 24).

Еще один целый и два фрагментированных наконечника по облику, скорее, являются ранне-

неолитическими или мезолитическими. Они изготовлены из ножевидных пластин краевой ретушью. Целый наконечник, выполнен на ножевидной пластинке (ширина 9–16 мм), неправильной огранки. Краевая ретушь (от полукруглой до отвесной) на обоих фасах идет по большей части периметра изделия. Форма близка листовидной, боковые стороны выпуклые; острие асимметричное (скошенное), насад оформлен противоположающей ретушью (рис. 11: 1). Второй наконечник, представленный средней частью пера, изготовлен на ножевидной пластинке правильной огранки. Пологая дорсальная ретушь идет по большей части периметра, боковые стороны слабо выпуклые, зубчатые; можно предполагать, что форма изделия была листовидной. Вентральный фас фрагмента не обработан (рис. 11: 2). Третий фрагментированный наконечник (часть пера и насад) черешковый сделан на крупной ножевидной пластине (ширина 25 мм) правильной огранки. Краевая дорсальная полукруглая ретушь сохранилась только на черешке. Перо естественной формы, боковые стороны параллельны, черешок широкий треугольный (рис. 11: 4).

Рубящих орудий 15 экз., половина из них является заготовками. Целых изделий 7 экз., 5 экз. – обломки (обушки), три заготовки повреждены в лезвийной части. Преобладают тесла (10 экз.) и, возможно, топор (заготовка). Четыре целых орудия – треугольные острообушковые тесла удлиненных пропорций с почти прямыми или слегка выпуклыми сторонами (рис. 12: 2, 3). По мнению Н. Н. Гуриной (1973. С. 164; 1996. С. 189), это один из характерных для неолита Валдайской возвышенности тип (второй) рубящих орудий. Обработка бифасиальная: покрывающая ретушь (2 экз.), захватывающая ретушь и оббивка (1 экз.), покрывающая оббивка у заготовки. Лезвие прямое или выпуклое, оформлено одним или несколькими продольными сколами. У одного орудия оно скошенное, в двух случаях с желобком. Возможно, именно к этому типу относятся обушки еще трех готовых орудий с бифасиальной обработкой и одной заготовки с двусторонней частичной оббивкой. Размеры целых орудий колеблются от 80 × 30 мм до 165 × 70 мм. Тесла первого типа, по классификации Н. Н. Гуриной (1973. С. 164, 1996. С. 189), широкообушковые, удлиненных пропорций, с бифасиальной обработкой, представлены одним целым орудием (размерами 85 × 35 мм) и, возможно, одним обушком (рис. 12: 4). Поврежденные заготовки трех трапецевидных тесел (?) более коротких пропорций близки четвертому типу рубящих орудий Н. Н. Гуриной (1973. С. 165; 1996. С. 189): две из них мелкие, третья более крупная (100 × 62 мм).

Проколки только три (рис. 11: 8, 10), все на отщепках. Жальце четко не выделено, скорее, это подправленный крутой дорсальной ретушью трехгранный конец (2 экз.) или угол заготовки (1 экз.).

К «типологически выраженным» орудиям также можно отнести одну ребристую и 23 ножевидных пластинок и сечений с протяженной (16 экз.) или частичной (8 экз.) ретушью по одному (16 экз.) или обеим сторонам (8 экз.). Ретушь чаще мелкая, дорсальная (15 экз.), реже вентральная (7 экз.), в единичных случаях противоположащая или встречная. Преобладает полукруглая ретушь (11 экз.), реже встречается пологая (8 экз.) и крутая (4 экз.), зубчатая ретушь единична. Некоторые из этих пластинок могли быть ножами или пилами. Ножевидных пластинок с косо срезанным мелкой дорсальной ретушью концом 3 экз. (рис. 11: 17), с поперечно срезанным концом 1 экз. (рис. 11: 18).

Значительное количество артефактов с преднамеренной обработкой неопределимы или поддаются определению с трудом (42 экз.). Среди них округлые или подовальные отщепы с неровной краевой ретушью по периметру, чаще залощенные (7 экз.) (рис. 11: 19), стержнеобразные, четырехгранные в сечении изделия со смятыми ребрами и заглаженными концами (7 экз.) (рис. 11: 20), два изделия с зубчатым краем на отщепках (рис. 11: 21), крупный отщеп со скругленным концом, массивный отщеп, обработанный по периметру краевой вертикальной ретушью.

В коллекции также был обнаружен продольный скол с каменного предмета (размерами 48 × 56,5 × 17,5 мм), нижний конец которого представляет собой плоскую, выровненную поверхность, заглаженную до блеска, почти заполированную (рис. 12: 1). Возможно, это терочник. Подобные изделия на памятниках Валдайской культуры ранее не были зафиксированы.

Выводы

Подробный анализ материалов коллекции подтверждает вывод, что поселение Зехново I было обитаемо не в мезолите (Гурина, 1989. С. 63; 1997. С. 223), а в период от раннего неолита до Средневековья (Верещагина и др., 1995. С. 31), включая ранний железный век. Такая ситуация довольно характерна для Валдайской возвышенности. По-видимому, в период неолита поселение Зехново I не было стационарным: долговременные конструкции каменного века здесь не выявлены, культурный слой залегает пятнами, насыщенность его не очень велика, находки неолитической керамики немногочисленны. Несмотря на то, что нуклеусы Зехново I несколько

Рис. 12. Зехново I. 1976. Орудия: 1 – терочник; 2–4 – тесла

крупнее, доля первичных и полупервичных сколов несколько выше, а чешуек и мелких отщепов (отходов) ниже, чем на близлежащем памятнике Зехново II (Шумкин, Крылова, 2022. С. 174, 175), можно считать, что первоначальное расщепление происходило в основном за пределами стоянки, а здесь производилась вторичная обработка орудий. Скорее всего, оно являлось сезонной стоянкой неоднократного посещения. В пользу такого ее использования свидетельствует и состав инвентаря: малое количество и фрагментарность наконечников стрел.

Заключение

В целом стоянка Зехново I, как и остальные памятники на р. Селижаровке в Осташковском районе Тверской области, относится к разным стадиям каменного века (поздний мезолит, неолит) Валдайской археологической культуры. Необходимо еще раз подчеркнуть, что главная задача авторов статьи состояла во введении в научный оборот информации о коллекциях, сохранившихся в камеральных условиях со времени, когда полевое изучение археологических памятников (раскопочные работы) значительно опережало осмысление и публикацию полученных материалов.

Источники и литература

Верещагина И. В., Синицына Г. В., Тимофеев В. И., Тихомирова О. М., Шаяхметова Л. Г., Шумкин В. Я., 1995. Каменный век Верхневолжского региона. СПб. Вып. 1. Материалы к археологической карте.

Верещагина И. В., 1997. Поселения южного побережья Селижановского плеса оз. Селигер // Каменный век Верхневолжского региона. СПб. Вып. 2.

Гиря Е. Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий // Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. СПб. Ч. 2.

Гиря Е. Ю., Прут А. А., 2015. Вторичные боковые сопутствующие сколы как критерий определения отжимной техники // Методы изучения каменных артефактов: Материалы международной конференции (Санкт Петербург, 16–18 ноября 2015 г.). СПб.

Гурина Н. Н., 1958. Валдайская неолитическая культура // СА. № 3.

Гурина Н. Н., 1961. Неолитическая стоянка Щепочник: (к вопросу о происхождении валдайской культуры) // КСИА. Вып. 82.

Гурина Н. Н., 1973. Неолитические племена Валдайской возвышенности // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. Л. (МИА. № 172).

Гурина Н. Н., 1975. К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Памятники древнейшей истории Евразии. М.

Гурина Н. Н., 1976а. Отчет о работе Верхневолжской неолитической экспедиции в 1976 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 15.

Гурина Н. Н., 1976б. Полевой дневник. 1976 г. Верхневолжская экспедиция. Дневник № // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 16.

Гурина Н. Н., 1989. Мезолит верховьев р. Волги // Мезолит СССР (Археология СССР). М.

Гурина Н. Н., 1996. Валдайская культура // Неолит Северной Евразии (Археология СССР). М.

Гурина Н. Н., 1997. Относительная и абсолютная хронология памятников каменного века Волговерховья // Каменный век Верхневолжского региона. СПб. Вып. 2.

Ефименко П. П., 1916. Некоторые находки каменных орудий Тверской и Новгородской губ. и их место в системе Европейской палеоэтнологии // Русский антропологический журнал. СПб. Вып. 1–2.

Киосак Д. В., 2012. Первичное расщепление кремня на стоянке Белолесье (Юго-Западная Украина) // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб.

Крижевская Л. Я. 1950. Неолитические мастерские Верхнего Поволжья // МИА. М.; Л. № 13.

Крылова Т. Б., 1997. Классификация скребков мезолитических и неолитических памятников Валдайской возвышенности // Каменный век Верхне-волжского региона. СПб. Вып. 2.

Лозовский В. М., 2012. Культурные традиции в мезолите Волго-Окского междуречья: технологический подход // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб.

Рерих. Н. К., 1905. Каменный век на озере Пирос. СПб.

Репман А. Х., 1907. Фигурный кремь с озерных неолитических стоянок северо-восточной части Вышневолоцкого района Калининской области // ЗОРСА. СПб. Т. VII. Вып. 2.

Симпсон П. Ф., 1903. Каменный век под г. Ржевом: опыт разработки доисторической археологии России по местным находкам и изысканиям (ТУАК). Тверь.

Третьяков П. Н., 1940. К вопросу об эпипалеолитических памятниках Верхнего Поволжья // СА. № 5.

Шумкин В. Я., Сеницына Г. В., Медникова Е. Ю., Крылова Т. Б., 2020. Зехновские стоянки позднего мезолита–раннего неолита валдайской археологической культуры // Сборник научных трудов VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Самара. Т. 1.

Шумкин В. Я., Крылова Т. Б., 2022. Памятник раннего неолита Зехново II // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. Вып. 12.

Список сокращений

АВ – Археологические вести. СПб.
АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли. М.
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; Псков
АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИАМЗХТ – Государственный историко-археологический музей-заповедник Херсонес Таврический
ЕГРОКН – Единый государственный реестр объектов культурного наследия
ЗИИМК – Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. М.
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
ИРАО – Известия Русского археологического общества. М.
КСИА – Краткие сообщения института археологии. М.
ЛОО ВООПиК – Ленинградское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры
МАР – Материалы по археологии России. М.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НА ИИМК РАН. РО – Научный архив Института истории материальной культуры. Рукописный отдел
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской Империи. СПб.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М.
РА – Российская археология. М.
РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
РАО – Русское археологическое общество
РГИА – Российский государственный исторический архив
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.; Л.
СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л.
ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь
ТИМАХМ – Тихвинский историко-мемориальный и архитектурно-художественный музей
ТУАК – Тверская ученая архивная комиссия. Тверь
ЦГИА – Центральный государственный исторический архив. СПб.

Список авторов

- М. И. Бажин – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Е. С. Бердник – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. А. Боковенко – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Ст. А. Васильев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- В. В. Вахонеев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- М. Е. Глухов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- П. А. Горбунов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- К. В. Горлов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. В. Григорьева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. А. Гущин – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Е. Ю. Кононович – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- К. В. Конончук – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Т. В. Корнева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Т. Б. Крылова – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. В. Курбатов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. Р. Лада – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Е. Ю. Медникова – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- В. Г. Мизин – независимый исследователь, Россия
- Е. Р. Михайлова – Санкт-Петербургский государственный университет
- М. С. Павлова – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- В. М. Петровский – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. Ф. Покровская – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- С. А. Семенов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. М. Смирнов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- С. Л. Соловьев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Государственный Эрмитаж
- И. С. Стасюк – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. В. Субботин – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- М. А. Топоривская – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Д. С. Филимонова – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Р. В. Филиппенко – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- К. В. Хлуднев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- В. Я. Шумкин – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

Подписано в печать 18.12.2023 г.
Формат 60×90/8. Усл. печ. л. 35.
Тираж 300 экз. Заказ № 1089.
Дата выхода: 29 декабря 2023 года

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Port des Galeries

Isle de Basile

La

de l'Isle Ronde

Corps de Garde

Parschka R.

Moika R.

Courtilly

Chacha R.

